

КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ОТ НЕОЛИТА ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

**Материалы
международной научной конференции,
посвященной 120-летию А. М. Беленицкого,
95-летию В. М. Массона
и 100-летию Ю. А. Заднепровского
Санкт-Петербург, 5-8 ноября 2024 г.**

Александр Маркович
БЕЛЕНИЦКИЙ
(24.03.1904 — 15.06.1993)

Вадим Михайлович
МАССОН
(03.05.1929 — 19.02.2010)

Юрий Александрович
ЗАДНЕПРОВСКИЙ
(25.09.1924 — 23.08.1999)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

CULTURES AND CIVILIZATIONS OF CENTRAL ASIA FROM THE NEOLITHIC TO THE MIDDLE AGES

PROCEEDINGS OF AN INTERNATIONAL CONFERENCE DEDICATED
TO THE 120th ANNIVERSARY OF ALEKSANDR M. BELENITSKII,
95th ANNIVERSARY OF VADIM M. MASSON AND
100th ANNIVERSARY OF YURII A. ZADNEPROVSKII

St. Petersburg, November 5–8, 2024

Edited by

Valerii P. Nikonorov and Evgenii O. Stoianov

St. Petersburg
Institute for the History of Material Culture of RAS
2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ОТ НЕОЛИТА ДО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 120-ЛЕТИЮ А. М. БЕЛЕНИЦКОГО,
95-ЛЕТИЮ В. М. МАССОНА
И 100-ЛЕТИЮ Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОГО

Санкт-Петербург, 5–8 ноября 2024 г.

Ответственные редакторы

В. П. Никоноров и Е. О. Стоянов

Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры РАН
2024

Проект реализован при финансовой поддержке
Фонда «История Отечества»

International Institute
for Central Asian Studies (IICAS)
by the UNESCO Silk Road Programme

Сборник материалов конференции издан при финансовой поддержке
Международного института центральноазиатских исследований
(МИЦАИ) в Самарканде (Республика Узбекистан) (грант № 67/2024)

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Approved for print by the Academic Council of the Institute for the History of Material Culture of RAS

Редакционная коллегия: В. А. Алёкшин, В. П. Никоноров (отв. ред.), Е. О. Стоянов (отв. ред.), В. Б. Трубникова
Editorial Board: Vadim A. Alyokshin, Valerii P. Nikonorov (editor-in-chief), Evgenii O. Stoianov (editor-in-chief),
Varvara B. Trubnikova

Переводы: В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов, В. Б. Трубникова
Translations: Valerii P. Nikonorov, Evgenii O. Stoianov, Varvara B. Trubnikova

Рецензенты:

д-р ист. наук И. Н. Медведская (Институт восточных рукописей РАН)
канд. ист. наук С. В. Панкова (Государственный Эрмитаж)

Reviewers:

Dr. of Hist. Sci. Inna N. Medvedskaya (Institute of Oriental Manuscripts of RAS)
Cand. of Hist. Sci. Svetlana V. Pankova (State Hermitage Museum)

Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья: Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию А. М. Беленицкого, 95-летию В. М. Массона и 100-летию Ю. А. Заднепровского (Санкт-Петербург, 5–8 ноября 2024 г.) / Отв. ред. В. П. Никоноров и Е. О. Стоянов. — СПб.: ИИМК РАН, 2024. — 420 с.: ил.

Cultures and Civilizations of Central Asia from the Neolithic to the Middle Ages: Proceedings of an International conference dedicated to the 120th anniversary of Aleksandr M. Belenitskii, 95th anniversary of Vadim M. Masson and 100th anniversary of Yurii A. Zadneprovskii (St. Petersburg, November 5–8, 2024) / Ed. by Valerii P. Nikonorov and Evgenii O. Stoianov. — St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture of RAS, 2024. — 420 p.: ill.

ISBN 978-5-6050962-8-3

В сборник материалов Международной научной конференции, посвященной юбилейным датам выдающихся российских археологов — А. М. Беленицкого (1904–1993), В. М. Массона (1929–2010) и Ю. А. Заднепровского (1924–1999), — вошли новейшие исследования их коллег из России и стран ближнего и дальнего зарубежья по археологии, истории и культуре древних и средневековых народов Центральной Азии и сопредельных территорий. Особое место (раздел 1) занимают публикации о научном наследии юбиляров.

Книга предназначена как для специалистов в области исторических наук, так и для студентов и всех интересующихся далеким прошлым Центральной Евразии.

The proceedings of an International scientific conference dedicated to the jubilee dates of the outstanding Russian archaeologists — Aleksandr M. Belenitskii (1904–1993), Vadim M. Masson (1929–2010) and Yurii A. Zadneprovskii (1924–1999) — contain the most recent studies by their colleagues from Russia and near and far abroad countries on the archaeology, history and culture of the ancient and medieval peoples of Central Asia and adjacent territories. A special place (Part 1) is occupied by publications on the scientific heritage of the jubilees' celebrants are celebrated.

The book is intended not only for specialists in the field of historical sciences, but also for students and all those who are interested in the remote past of Central Eurasia.

ISBN 978-5-6050962-8-3

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3

© Институт истории материальной культуры РАН, 2024
Institute for the History of Material Culture of RAS, 2024

© Авторы материалов, 2024
Authors of the proceedings, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	13
Раздел 1. Научное наследие В. М. Массона, Ю. А. Заднепровского и А. М. Беленицкого и их вклад в изучение далекого прошлого Центральной Азии	
<i>Алёкшин В. А.</i> Влияние среднеазиатской и ленинградской научных школ на формирование археологических взглядов В. М. Массона	15
<i>Кирчо Л. Б.</i> Единственная неопубликованная книга В. М. Массона	26
<i>Азимов А. К., Кутимов Ю. Г.</i> Ошское поселение эпохи бронзы и программа «Ош-3000»	30
<i>Аюбов А. Р.</i> Древняя Фергана в исследованиях Ю. А. Заднепровского	36
<i>Заднепровская А. Ю.</i> Встреча на Памире	39
<i>Никоноров В. П.</i> О жизненном пути и научной деятельности А. М. Беленицкого	45
<i>Исамитдинов Ж. Б.</i> А. М. Беленицкий — исследователь настенной живописи Пенджикента	55
<i>Жантелиева Н. Г., Ахметова Е. Т., Сайтидинова К. С.</i> Историко-культурные традиции архитектурных памятников Кыргызстана в исследованиях А. Н. Бернштама	59
<i>Синицын А. А.</i> Хитросплетения диамата и советские археологи: не в меру строгие суждения студента ЛГУ о преподавателях Истафака 1947 г.	63
Раздел 2. Центральная Азия в эпохи камня и бронзы	
<i>Мадреймов Б. Дж.</i> Культурно-хронологические особенности палеолитического памятника Каракудук (Устюрт)	73
<i>Бабина К. А., Каспаров А. К., Юмина А., Пархомчук Е. В., Шнайдер С. В.</i> Изотопный анализ зубной эмали для реконструкции сезонности рождения мелкого рогатого скота в период раннего одомашнивания на основе материалов поселения Джейтун (Северный Копетдаг)	76
<i>Шнайдер С. В., Каспаров А. К., Филимонова Т. Г., Марковский Г. И., Баранова С. В., Чернонос А. А., Коваль В. В., Федорченко А. Ю.</i> Неолитические материалы со стоянки Ак-Таньги (Северный Таджикистан)	80
<i>Волков П. В.</i> Функциональный анализ артефактов и планиграфические реконструкции	84
<i>Алёкшин В. А.</i> Глиняные кубки южных областей Центральной Азии в бронзовом веке	87
<i>Виноградова Н. М., Филимонова Т. Г.</i> Погребения ранней Вахшской культуры на юге Таджикистана (могильник Гулбог)	94
<i>Тишкин А. А., Филимонова Т. Г.</i> Находки медных изделий периода ранней бронзы на археологическом комплексе Шахидон в Таджикистане: особенности расположения комплектов и рентгенофлюоресцентный анализ	99
<i>Дубова Н. А.</i> Могильник в северной части раскопа 12 на юго-западе Гонур-депе, Туркменистан	103
<i>Сычева О. В., Фрибус А. В., Куфтерин В. В., Дубова Н. А.</i> Состав керамических наборов из погребений Северного Гонура (раскоп 16) и сателлитного поселения Гонур-20	107
<i>Фрибус А. В., Дубова Н. А.</i> Новая находка печати-амулета на Гонур-депе: «маргианская коррида» или мифологический сюжет?	111

<i>Hut C., Dubova N. A.</i> New perspectives on the funerary architecture of the main necropolis at Gonur-Depe	115
<i>Гордеева Е. А.</i> Ранние храмы Центральной Азии: сакрализация древних культов	119
<i>Bendezu-Sarmiento J.</i> The Protohistoric period in Central Asia and the importance of research at Ulug-Depe (Turkmenistan)	122
<i>Горячев А. А., Егорова Т. А.</i> Вопросы типологии петроглифов эпохи ранней бронзы Семиречья	126
<i>Горячев А. А.</i> О погребальных традициях кульсайской культуры эпохи бронзы в Семиречье	130
<i>Кутимов Ю. Г.</i> Реконструкция жилища Ошского поселения	135
<i>Мерц И. В., Горячев А. А., Мерц В. К., Варфоломеев В. В.</i> Исследования поселения позднего бронзового века Коктас-1 (по материалам раскопа № 3)	138
<i>Резепкин А. Д.</i> Сравнительная хронология майкопской и новосвободненской культур . . .	143
<i>Ибрагимли Б. И. оглы.</i> Жилища Пловдага эпохи ранней бронзы.	146

Раздел 3. Оседло-земледельческая цивилизация Центральной Азии в раннем железном веке

<i>Матбабаев Б. Х.</i> К изучению культур лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа Центральной Азии	150
<i>Рауз Л. М., Штарк С., Мирзаахмедов С., Бехтер А. В., Рахманов Х.</i> Первые научные результаты археологических исследований Кимирек-кум-1: памятник финального бронзового/раннего железного века в древней дельте Зеравшана, Узбекистан	155
<i>Мурадова Э. А.</i> Культурные контакты в раннем железном веке: Южный Туркменистан и Северо-Восточный Иран	159
<i>Сверчков Л. М., Бороффка Н.</i> Хронология и периодизация погребальных памятников в контактной зоне между Согдом, Ферганой и Чачем	162

Раздел 4. Центральная Азия в составе великих империй античного Востока

<i>Ferrario M.</i> The Great King's steppe	168
<i>Холод М. М.</i> Дрангиана в составе державы Александра Великого	172
<i>Шелов-Коведяев Ф. В.</i> Верования и греческий язык в эллинистической Бактрии (предварительное сообщение)	176
<i>Сильнов А. В.</i> Пропилеи Александрии Оксианской: концептуальный проект реконструкции	180
<i>Балахванцев А. С.</i> Селевкидская Ниса: факты и интерпретации	184
<i>Дедюлькин А. В.</i> «Кто ты, воин?»: об интерпретации и датировке некоторых скульптур из Старой Нисы	187
<i>Farrokh K.</i> A Synopsis of the military history of the Parthian <i>spād</i> (army) in its wars with the Sakas during the 2nd century BC	193
<i>Назарова М. С.</i> Иконография Анахиты на памятниках материальной культуры парфянского периода	196
<i>Абдуллаев К.</i> Терракотовый медальон с портретным изображением из Кампыртепа (к вопросу о технологии создания терракотовой скульптуры в Бактрии)	200
<i>Puschnigg G.</i> From Yaz Depe to Gyaur Kala: past achievements and future directions in ceramic research of the early Hellenistic period	207
<i>Simpson St J.</i> Tripod-footed copper alloy cosmetic flasks: re-interpretation of an excavated find from the Bayram Ali necropolis at Merv in the light of parallels from Iran, Pakistan and Afghanistan	211
<i>Kurbanov A.</i> «Long walls» in late antique Turkmenistan	216

<i>Филанович М. И.</i> Крестовидные сооружения раннего Кангюя по данным раскопок в Ташкенте	219
<i>Подушкин А. Н.</i> Письменность и искусство в государстве Кангюй.	222
<i>Мирзаахмедов Д. К., Штарк С., Торгоев А. И., Мирзаахмедов С. Д.</i> Фортификация Бухары в античное и раннесредневековое время (по материалам раскопок Узбекско-Американской экспедиции в 2020–2024 гг.)	226
<i>Курбанов Ш. Ф., Пулотов А. Г.</i> Исследование науса позднеантичного времени на территории Фаробского оазиса Пенджикентского района (Таджикистан).	232
<i>Дубова Н. А.</i> Приложение. Предварительная экспертиза человеческих костных останков с памятника Теппаи Фароб	240
<i>Бурханов А. А.</i> Древний и средневековый Амуль-Чарджуй: прошлое, настоящее и будущее	243
<i>Суханов М. Ю.</i> «Все отправляются в Персию»: сасанидская политика и религиозный ландшафт в позднеантичной Центральной Азии.	249
<i>Виноградов Ю. А.</i> Археологическое путешествие Н. П. Кондакова 1874 г.	251

Раздел 5. Кочевой мир Центральной Евразии в древности и средневековье

<i>Грушин С. П., Мерц И. В., Мерц В. К., Фрибус А. В.</i> Археологические исследования международной экспедиции Алтайского университета и Торайгыров университета в Восточном Казахстане в 2013–2023 гг.	256
<i>Тишкин А. А., Идэрхангай Т.-О., Бондаренко С. Ю., Горбунов В. В., Эрдэнэпурэв П., Цэнд Д., Энхзул Ж.</i> Результаты исследований на памятнике Хушуун дэнж-04 (Центральная Монголия): плановые работы и сенсационные находки	260
<i>Мацумото К.</i> Техники литья для скифо-сибирских бронзовых изделий в районах Внутренней Монголии и Великой Китайской стены.	264
<i>Дашковский П. К.</i> Предварительные результаты изучения погребения воина из могильника пазырыкской культуры Ханхаринский дол (Алтай).	268
<i>Куслий М. А., Шульга П. И., Дашковский П. К., Графодатский А. С., Тишкин А. А.</i> Сравнительный анализ митохондриальных геномов лошадей из курганов каменной и пазырыкской культур Алтая: предварительные результаты	272
<i>Шауб И. Ю.</i> О некоторых боспорских параллелях находкам из некрополя Тилля-тепе	278
<i>Никоноров В. П.</i> Новейшие данные по иконографии конных дуэлей в искусстве античной эпохи.	282
<i>Горончаровский В. А.</i> К вопросу о роли аспургиан в военно-политической истории Боспорского царства на рубеже н. э.	293
<i>Килуновская М. Е., Леус П. М.</i> О связях Тувы и Средней Азии в эпоху хунну.	298
<i>Подушкин А. Н., Стамкулова Г. А.</i> Археологический комплекс катакомбы 3 могильника Тулебайтобе V как индикатор связей «восток — запад» на северной ветви Великого Шелкового пути.	303
<i>Тишкин А. А.</i> Серьги жужанского времени из некрополя Яломан-II (Центральный Алтай): рентгенофлюоресцентный анализ и круг ближайших аналогий	307
<i>Кубарев Г. В.</i> Каменные изваяния тюрков-гутю Семиречья и сопредельных регионов (к проблеме их выделения).	311
<i>Серегин Н. Н.</i> К вопросу о западном направлении контактов населения Алтая в раннем средневековье: некоторые результаты изучения нумизматических материалов	315
<i>Дьякова О. В.</i> О времени появления и трансформации тюркского компонента в погребальном обряде средневековых культур Дальнего Востока (по материалам могильника Монастырка-3)	318
<i>Аннакурбанов Р. Х.</i> Роль карлуков в политической истории Центральной Азии в раннем средневековье	320

Раздел 6. Центральная Азия в раннем и развитом средневековье

<i>Лурье П. Б.</i> К топонимике Хутталя	323
<i>Михеева А. А.</i> Кресты и крестовключенные подвески VIII–XIV вв. в Средней Азии: общий обзор и первичная типология	330
<i>Кудинова М. А., Комиссаров С. А.</i> Погребения представителей согдийских семей Ши в Гуюане (Нинся, Китай)	340
<i>Абдуллоев Д.</i> Пригородные усадьбы древнего Пенджикента	344
<i>Аминов Ф. Ш., Худоёррова Н. М.</i> Расписная керамика X — начала XI в. из Пенджикента	349
<i>Аманбаева Б. Э.</i> Средневековые города Чуйской долины в центральноазиатском контексте.	353
<i>Кольченко В. А.</i> О средневековых городищах Чуйской долины: в поисках исходных форм	358
<i>Мурадов Р. Г.</i> Мерв при Сельджуках: новый этап урбанизации	363
<i>Доспанов О. Т.</i> Вопросы градостроительства в средневековых городах и поселениях Правобережного Хорезма (к изучению городов Южного Приаралья)	368
<i>Тимохин Д. М.</i> Сообщение о миграции кочевых тюркских племен в сочинении Мухаммада ибн Наджиба Бакрана «Джахан-наме»	373
<i>Текаев Д.</i> Символы власти в государстве Хорезмшахов-Ануштегинидов.	376
<i>Джумаев А. Б.</i> К проблеме отражения этнокультурных процессов в музыкальной культуре Центральной Азии (раннее и развитое средневековье).	379
<i>Крюков А. Н.</i> Самосознание как путь к себе (Кант, Гегель и 30 смелых птиц).	383

Раздел 7. Контакты и взаимодействия народов Центральной Азии с другими регионами Евразии в древности и средневековье

<i>Папин Д. В.</i> Керамика, изготовленная на гончарном круге, как символ статуса (заметки к статье: <i>Doutani Dupuy P. N., Ligneau E., Rouse L. M.</i> «Pluralising power: ceramics and social differentiation in Bronze Age Central Eurasia»)	387
<i>Шалахов Е. Г.</i> Центральноазиатский комплекс находок типа Сейма-Турбино и его интерпретация в контексте погребальной традиции эпохи палеометалла	390
<i>Бородовский А. П.</i> Центральноазиатские компоненты в культуре эпохи палеометалла на юге Западной Сибири	393
<i>Патрушев В. С., Лавенто М. Т.</i> Культурные связи финно-угров марийского Поволжья с Центральной Азией и Южной Сибирью в начале эпохи железа.	396
<i>Нуретдинова А. Р.</i> Среднеазиатские сфероконические сосуды на территории Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды.	399
<i>Валиulina С. И.</i> Влияние ремесла Средней Азии на стеклоделие Золотой Орды	403
<i>Алексеев И. Е.</i> Новые сведения о центральноазиатских нумизматических находках из пределов Татарстана.	407
<i>Валеев Р. М., Воробьева Е. Е., Сайфутдинова Г. М., Ситдииков А. Г.</i> Волжский торговый путь как часть Великого шелкового пути	411
Список сокращений	415

CONTENTS

Preface	13
Part 1. Scientific heritage of Vadim M. Masson, Yurii A. Zadneprovskii and Aleksandr M. Belenitskii and their contributions to the study of the remote past of Central Asia	
<i>Alyokshin V. A.</i> Influence of the Central Asian and Leningrad scientific schools on the formation of Vadim M. Masson's archaeological views	15
<i>Kircho L. B.</i> The only unpublished book by Vadim M. Masson.	26
<i>Azimov K. A., Kutimov Yu. G.</i> The Osh settlement of the Bronze Age and the program «Osh-3000»	30
<i>Ayubov A. R.</i> Ancient Ferghana in the works by Yurii A. Zadneprovskii	36
<i>Zadneprovskaya A. Yu.</i> A meeting in the Pamir Mountains	39
<i>Nikonorov V. P.</i> On the journey of life and scientific activities of Aleksandr M. Belenitskii.	45
<i>Isamitdinov Zh. B.</i> Aleksandr M. Belenitskii — a researcher of the wall paintings of early medieval Panjikent	55
<i>Zhanteliyeva N. G., Akhmetova E. T., Saipidinova K. S.</i> Historical and cultural traditions of the architectural monuments of Kyrgyzstan in the studies of Aleksandr N. Bernshtam.	59
<i>Sinitsyn A. A.</i> The intricacies of dialectical materialism and Soviet archaeologists: immoderately strict judgments of a student of the Leningrad State University concerning the Historical Faculty teachers of 1947	63
Part. 2. Central Asia in the Stone and Bronze Ages	
<i>Berik J. Madreymov B. J.</i> Cultural and chronological features of the paleolithic site Karakuduk (Ustyurt)	73
<i>Babina K. A., Kasparov A. K., Yumina A. V., Parkhomchuk E. V., Schnaider S. V.</i> Isotope analysis of tooth enamel for reconstruction of the seasonality of the birth of small ruminants during the period of early domestication based on materials from the settlement of Jeitun (Northern Kopetdag)	76
<i>Schnaider S. V., Kasparov A. K., Filimonova T. G., Markovskii G. I., Baranova S. V., Chernonosov A. A., Koval' V. V., Alexander Yu. Fedorchenko A. Yu.</i> Neolithic materials from the site of Ak-Tan'gi (Northern Tajikistan)	80
<i>Volkov P. V.</i> Functional analysis of artifacts and spatial reconstructions	84
<i>Alyokshin V. A.</i> Ceramic cups of the southern regions of Central Asia in the Bronze Age.	87
<i>Vinogradova N. M., Filimonova T. G.</i> Burials of the early Vakhsh culture in the south of Tajikistan (the Gulbog burial ground).	94
<i>Tishkin A. A., Filimonova T. G.</i> Finds of copperware of the Early Bronze period at the Shahidon archaeological complex in Tajikistan: peculiarities of set arrangement and X-ray fluorescence analysis.	99
<i>Dubova N. A.</i> The graveyard in the northern part of the excavation area 12 in the south-west of Gonur-Depe, Turkmenistan	103
<i>Sycheva O. V., Fribus A. V., Kufterin V. V., Dubova N. A.</i> Ceramic assemblages from the burials of Northern Gonur (Excavation area 16) and the Gonur-20 satellite settlement	107
<i>Fribus A. V., Dubova N. A.</i> A new seal-amulet from Gonur-Depe: a «Margian bullfight» or a mythological plot?	111

<i>Hut C., Dubova N. A.</i> New perspectives on the funerary architecture of the main necropolis at Gonur-Depe	115
<i>Gordeeva E. A.</i> Early temples of Central Asia: sacralization of ancient cults	119
<i>Bendezu-Sarmiento J.</i> The Protohistoric period in Central Asia and the importance of research at Ulug-Depe (Turkmenistan)	122
<i>Goryachev A. A., Egorova T. A.</i> The petroglyphs of the Early Bronze Age of the Semirechye: issues of typology	126
<i>Goryachev A. A.</i> On the funeral traditions of the Kul'sai culture of the Bronze Age in the Semirechye	130
<i>Kutimov Yu. G.</i> Reconstruction of the dwelling of the Osh settlement.	135
<i>Merts I. V., Goryachev A. A., Merts V. K., Varfolomeev V. V.</i> Studies of the Late Bronze Age settlement Koktas-1 (based on the materials of Excavation area no. 3)	138
<i>Rezepkin A. D.</i> Comparative chronology of the Maikop and Novosvobodnenskaya cultures . . .	143
<i>Ibrahimli B. I. oglu.</i> Dwellings of Plovdag in the Early Bronze Age	146

Part 3. Sedentary agricultural civilization of Central Asia in the Early Iron Age

<i>Matbabayev B. Kh.</i> On the study of the Late Bronze Age and Early Iron Age molded painted pottery cultures of Central Asia.	150
<i>Rouse L. M., Stark S., Mirzaakhmedov S., Bechter A. V., Rakhmanov H.</i> First scientific results of archaeological research of Kimirek-kum-1: a Final Bronze Age/Early Iron Age site in the ancient Zeravshan delta, Uzbekistan.	155
<i>Muradova E. A.</i> Cultural contacts in the Early Iron Age: Southern Turkmenistan and North-Eastern Iran	159
<i>Sverchkov L. M., Boroffka N. G. O.</i> Chronology and periodization of the funeral monuments in the contact zone between Sogdiana, Ferghana and Chach	162

Part 4. Central Asia as part of the great empires of the antique East

<i>Ferrario M.</i> The Great King's Steppe.	168
<i>Kholod M. M.</i> Drangiana as part of the power of Alexander the Great	172
<i>Shelov-Kovedyaev F. V.</i> Beliefs and the Greek language in Hellenistic Bactria (a preliminary report)	176
<i>Sil'nov A. V.</i> The propylaea of Alexandria Oxiana: a conceptual project of reconstruction	180
<i>Balakhvantsev A. S.</i> Seleucid Nisa: facts and interpretations	184
<i>Dedyul'kin A. V.</i> «Who are you, soldier?»: on the interpretation and dating of some sculptures from Old Nisa	187
<i>Farrokh K.</i> A Synopsis of the military history of the Parthian <i>spād</i> (army) in its wars with the Sakas during the 2nd century BC	193
<i>Nazarova M. S.</i> The iconography of Anahita on works of material culture of the Parthian period	196
<i>Abdullaev K.</i> A terracotta medallion with a portrait image from Kampyrtepa (on the technology of producing terracotta sculpture in Bactria)	200
<i>Puschnigg G.</i> From Yaz Depe to Gyaur Kala: past achievements and future directions in ceramic research of the early Hellenistic period.	207
<i>Simpson St J.</i> Tripod-footed copper alloy cosmetic flasks: re-interpretation of an excavated find from the Bayram Ali necropolis at Merv in the light of parallels from Iran, Pakistan and Afghanistan.	211
<i>Kurbanov A.</i> «Long walls» in late antique Turkmenistan.	216
<i>Filanovich M. I.</i> Early Kangju cross-shaped structures according to the data of excavations in Tashkent	219

<i>Podushkin A. N.</i> The written language and art in the Kangju state.	222
<i>Mirzaakhmedov D. K., Stark S., Torgoev A. I., Mirzaakhmedov S. D.</i> The fortifications of Bukhara in Antique and Early Medieval Times (based on the materials of excavations of the Uzbek-American Expedition in 2021–2024)	226
<i>Kurbanov Sh. F., Pulotov A. G.</i> The study of a naus of Late Antique Times on the territory of the Farob oasis of the Panjikent district (Tajikistan)	232
<i>Dubova N. A.</i> Supplement. Preliminary expertise of the human bone remains from the Teppai Farob site.	240
<i>Burkhanov A. A.</i> Ancient and medieval Amul'-Chardjui: past, present and future	243
<i>Sukhanov M. Yu.</i> «Everyone leaves for Persia»: Sasanian politics and the religious landscape in late antique Central Asia	249
<i>Vinogradov Yu. A.</i> Nikodim P. Kondakov's archaeological journey in 1874	251

Part 5. The nomadic world of Central Eurasia in Ancient and Medieval Times

<i>Grushin S. P., Merts I. V., Merts V. K., Fribus A. V.</i> Archaeological research of the international expedition of the Altai University and the Toraigyrov University in Eastern Kazakhstan in 2013–2023.	256
<i>Tishkin A. A., Iderkhangai T.-O., Bondarenko S. Yu., Gorbunov V. V., Erdenepurev P., Tsend D., Enkhzul Zh.</i> Results of research at the site of Hushuun Denzh-04 (Central Mongolia): planned works and sensational finds	260
<i>Matsumoto K.</i> Casting techniques for Scytho-Siberian bronze artifacts in the areas of Inner Mongolia and the Great Wall of China	264
<i>Dashkovskii P. K.</i> Preliminary results of the study of a warrior's burial of the Pazyryk culture at the Khankhara Dol burial ground (in the Northwestern Altai)	268
<i>Kuslii M. A., Shul'ga P. I., Dashkovskii P. K., Grafodatskii A. S., Tishkin A. A.</i> A comparative analysis of mitochondrial genomes of horses from barrows of the Kamen' and Pazyryk cultures of the Altai: preliminary results.	272
<i>Shaub I. Yu.</i> Concerning some Bosporan parallels to the finds from the necropolis of Tillya-Tepe	278
<i>Nikonorov V. P.</i> The most recent data on the iconography of equestrian duels in the Antique-Era art	282
<i>Goroncharovskii V. A.</i> On the role of the Aspurgians in the military and political history of the Bosporan kingdom at the turn of our era	293
<i>Kilunovskaya M. E., Leus P. M.</i> On the links of Tuva and Central Asia in the Xiongnu Era	298
<i>Podushkin A. N., Stamkulova G. A.</i> The archaeological complex of Catacomb 3 of the Tulebaitobe V burial ground as an indicator of «East — West» links on the northern branch of the Silk Road.	303
<i>Tishkin A. A.</i> Earrings of Rouran times from the Yaloman-II necropolis (in the Central Altai): a X-ray fluorescence analysis and a circle of the closest analogies	307
<i>Kubarev G. V.</i> Stone sculptures of the Tugu Turks of the Semirechye and neighbouring regions (on the problem of their identification).	311
<i>Seregin N. N.</i> On the western direction of contacts of the Altai population in the Early Middle Ages: some results of the study of numismatic materials.	315
<i>D'yakova O. V.</i> On the time of the appearance and transformation of a Turkic component in the burial rites of the medieval cultures of the Far East (based on the materials from the Monastyrka-3 burial ground)	318
<i>Annakurbanov R. H.</i> The Karluks' role in the political history of Central Asia in the Early Middle Ages	320

Part 6. Central Asia in the Early and High Middle Ages

<i>Lurje P. B.</i> On the toponymy of Khuttal	323
<i>Mikheeva A. A.</i> Crosses and cross-covered pendants of the 8th — 14th centuries in Central Asia: general overview and primary typology	330
<i>Kudinova M. A., Komissarov S. A.</i> Burials of the Sogdian Shi families in Guyuan (Ningxia, China).	340
<i>Abdulloev D.</i> Suburban estates of ancient Panjikent.	344
<i>Aminov F. Sh., Khudoyorova N. M.</i> Painted pottery of the 10th — early 11th century from Panjikent	349
<i>Amanbaeva B. T.</i> Medieval cities of the Chui valley in the Central Asian context	353
<i>Kol'chenko V. A.</i> On the medieval urban sites of the Chui valley: in search of their initial forms	358
<i>Muradov R. G.</i> Merv under the Seljuks: a new stage of urbanization	363
<i>Dospanov O. T.</i> Problems of urban development in the medieval towns and settlements of Right-Bank Khorezm (on the study of the towns of the Southern Aral Sea area)	368
<i>Timokhin D. M.</i> A report on the migration of nomadic Turkic tribes in the «Jahan-name» by Muhammad ibn Najib Bakran	373
<i>Tekaew D.</i> Symbols of power in the Khorezmshah-Anushteginid state	376
<i>Djumaev A. B.</i> On the problem of reflection of ethno-cultural processes in the musical culture of Central Asia (in the Early and High Middle Ages).	379
<i>Krioukov A. N.</i> Self-consciousness as a path to the self (Kant, Hegel and 30 brave birds).	383

Part 7. Contacts and interactions of the peoples of Central Asia with other regions of Eurasia in Ancient and Medieval Times

<i>Papin D. V.</i> Pottery made on the potter's wheel as a status symbol (notes to the article: <i>Doumani Dupuy P. N., Luneau E., Rouse L. M.</i> Pluralising power: ceramics and social differentiation in Bronze Age Central Eurasia).	387
<i>Shalakhov E. G.</i> The Central Asian complex of finds of the Seyma-Turbino type and its interpretation in the context of the Palaeometallic-Era funerary tradition	390
<i>Borodovskii A. P.</i> Central Asian components in the culture of the Paleometallic era in the south of Western Siberia.	393
<i>Patrushev V. S., Lavento M. T.</i> Cultural links of the Finno-Ugrians of the Mari Volga region with Central Asia and Southern Siberia in the Early Iron Age	396
<i>Nuretdinova A. R.</i> Central Asian spherico-conical vessels on the territory of Volga Bulgaria and the Bulgarian ulus of the Golden Horde.	399
<i>Valiulina S. I.</i> The influence of Central Asian crafts on the glassmaking of the Golden Horde	403
<i>Alekseev I. E.</i> New information about Central Asian numismatic finds from the territory of Tatarstan	407
<i>Valeev R. M., Vorob'yova E. E., Saifutdinova G. M., Sitdikov A. G.</i> The Volga Trade Route as part of the Silk Road.	411
List of abbreviations	415

Предисловие

Настоящий сборник содержит материалы международной научной конференции «Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья», которая проводится с 5 по 8 ноября 2024 г. на базе Института истории материальной культуры РАН и Государственного Эрмитажа. Она приурочена к тройному юбилею крупнейших отечественных археологов, чьи труды вошли в золотой фонд советской/российской и мировой исторической науки: 120-летию Александра Марковича Беленицкого (1904–1993), 95-летию Вадима Михайловича Массона (1929–2010) и 100-летию Юрия Александровича Заднепровского (1924–1999). При всей очевидной яркой индивидуальности каждого из этих трех выдающихся ученых, проявившейся как в разрабатываемой научной проблематике, так и в привлекаемых источниках и в методике работы с ними, их объединяет исследуемый регион — Центральная Азия — и принадлежность к ленинградской/петербургской археологической и востоковедной школе, в развитие и приумножение традиций которой они внесли огромный вклад. Среди авторов этой книги немало коллег и прямых учеников юбиляров, но еще больше тех, кто приобщился к миру древностей Центральной Азии благодаря их трудам.

Содержание нашего сборника, равно как и программа конференции, отражает (и в каком-то смысле суммирует) сферы научных интересов всех трех юбиляров: здесь представлены тематические блоки, связанные с доисторическим прошлым Центральной Азии (эпохи камня, бронзы, раннего железа), а также с античным временем и периодами раннего и развитого средневековья в ее истории. Кроме того, прослеживаются сложные взаимосвязи населения оседло-земледельческих областей Центральной Азии как с ближайшими соседями, в том числе с кочевым миром центральноазиатских степей, так и с народами более отдаленных территорий Евразии.

Материалы, вошедшие в представляемый сборник, не нуждаются в каком-либо специальном предуведомлении, но один существенный момент все же стоит оговорить. Дело в том, что большинство сюжетов, затрагиваемых авторами докладов, так или иначе связаны с обширнейшим регионом, именовавшимся в дореволюционной российской науке Русским или Западным Туркестаном (в отличие от Восточного Туркестана — нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики), а затем получившим привычное многим и сегодня название «Средняя Азия», которое, согласно современному географическому определению, охватывает независимые государства в западной части Центральной Азии — Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Казахстан. В настоящее время очевидна тенденция к вытеснению (или поглощению) этого словосочетания более широким понятием «Центральная Азия» — что отразилось, в частности, в названии нашей конференции. Однако, как может заметить читатель, мы не стали унифицировать обозначение исследуемого региона, уважая индивидуальный выбор каждого автора. Поэтому термины «Средняя Азия» и «Центральная Азия» используются в сборнике как понятия тождественные и взаимозаменяемые.

Основной труд по подготовке этого научного форума взяли на себя сотрудники Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН, в стенах которого на протяжении многих лет плодотворно трудились наши юбиляры.

Необходимо подчеркнуть, что проведение конференции и выход в свет сборника ее материалов едва ли стали возможны без финансовой поддержки российского Фонда «История

Отечества» (Москва) и Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ) в Самарканде (Республика Узбекистан), которым Оргкомитет конференции выражает самую глубокую и искреннюю благодарность.

И, конечно же, мы очень признательны всем коллегам, кто откликнулся на наше приглашение принять участие в конференции и тем самым достойно почтить память А. М. Беленицкого, В. М. Массона и Ю. А. Заднепровского — замечательных исследователей и мудрых наставников нескольких поколений археологов, избравших своей специальностью изучение центральноазиатских древностей.

В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов

Раздел 1

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В. М. МАССОНА, Ю. А. ЗАДНЕПРОВСКОГО И А. М. БЕЛЕНИЦКОГО И ИХ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Влияние среднеазиатской и ленинградской научных школ на формирование археологических взглядов В. М. Массона¹

В. А. Алёкшин²

Аннотация. В. М. Массон обучался на кафедре археологии САГУ, где сформировалась среднеазиатская археологическая школа, отличительной чертой которой стал симбиоз археологии и востоковедения. Его дальнейшая научная деятельность в советский период связана с ЛОИИМК/ЛОИА, под влиянием научных традиций которого В. М. Массон воспринял марксистскую парадигму, где понятие «культура» отступило на задний план. Поэтому культурные отложения памятников Южного Туркменистана (энеолит — ранний железный век) он вначале обозначал термином «комплекс», затем отождествил с археологическими культурами, а потом вернулся к использованию прежнего понятия. Органично впитавший в себя традиции двух археологических школ В. М. Массон открыл блестящее соцветие раннеземледельческих культур Центральной Азии, оставив выдающийся след в археологии.

Ключевые слова: археологический комплекс, археологическая культура, цивилизация, энеолит, бронзовый век, ранний железный век, Центральная Азия, среднеазиатская археологическая школа, ленинградская археологическая школа

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-15-25

Творческий и жизненный путь Вадима Михайловича Массона, крупнейшего исследователя древностей Центральной Азии, уже описан в нескольких публикациях, вышедших в свет как при жизни археолога (Курбансохатов, 2000; Курчо, 2006; Алёкшин, 2007), так и после его кончины (Алёкшин, 2013; 2015; Бочкарёв, Курчо, 2014; Курчо, 2019). В настоящей работе внимание акцентировано на рассмотрении ряда факторов, повлиявших на становление В. М. Массона как специалиста, оставившего заметный след в изучении фундаментальных проблем восточной археологии.

Родившись в Самарканде, В. М. Массон провел детские и юношеские годы в Ташкенте, где и получил высшее образование, поступив в 1945 г. на кафедру археологии Исторического факультета Среднеазиатского государственного университета (САГУ, ныне Национальный университет

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Вадим Андреевич Алёкшин — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail:valyokshin@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9224-6037.

Узбекистана им. Мирзо Улугбека) (Алёкишин, 2015. С. 679). Кафедрой заведовал отец молодого студента, доктор археологии, профессор Михаил Евгеньевич Массон. Интерес к истории и археологии Туркестана возник у Михаила Евгеньевича еще в подростковом возрасте под влиянием В. Л. Вяткина, известного самаркандского краеведа, ориенталиста и археолога. Как исследователь, М. Е. Массон осуществил многочисленные археологические разведки и раскопки средневековых городищ Центральной Азии. В своих трудах он затрагивал вопросы истории горного дела, металлургии, гидрологии, исторической географии и археологической топографии средневековых городов, истории архитектуры, изобразительного и прикладного искусства, вопросов нумизматики и эпиграфики этого обширного региона. Своим главным учителем исследователь считал знаменитого русского ираниста, арабиста и тюрколога В. В. Бартольда, академика Императорской Академии наук, впоследствии сотрудника РАИМК/ГАИМК в Петрограде/Ленинграде.

Научные интересы М. Е. Массона предопределили выбор им курсов для преподавания студентам на созданной по его инициативе в 1940 г. кафедре археологии САГУ. Кроме общеобразовательных здесь читались такие дисциплины, как «Археология Средней Азии», «Нумизматика Средней Азии», «Историческая топография городов Средней Азии». Обязательным было изучение арабского или персидского языка для использования в исследованиях рукописных источников, прочтения легенд на монетах, надписей на могилах и памятниках архитектуры (Шамукарамова, 2017. С. 76–79, 80, 81, 87). Этот цикл обучения, учитывающий в той или иной степени наработки в области востоковедения, утвердился не только из-за нахождения кафедры в Ташкенте, но и вследствие малой изученности первобытных памятников Центральной Азии в предвоенное время. Археологи тогда исследовали преимущественно античные и средневековые городища и могильники, интерпретация материалов которых требовала знаний восточных и классических (древнегреческий и латынь) языков. Возникновение нового научного центра в столице Узбекистана положило начало формированию самобытной среднеазиатской/центральноазиатской археологической школы, отличительной чертой которой стал прочный симбиоз археологии и востоковедения.

Со временем М. Е. Массон задумал создать Южно-Туркменистанскую археологическую комплексную экспедицию (далее — ЮТАКЭ) для изучения древних памятников Туркменистана различных археологических эпох. Вскоре после завершения Великой Отечественной войны, в декабре 1945 г., при поддержке Сектора археологии Средней и Центральной Азии ЛОИИМК он добился учреждения ЮТАКЭ на базе Института истории, языка и литературы Туркменского филиала АН СССР, причем ЛОИИМК высказал желание оказать помощь начинаниям экспедиции в организации полевых и камеральных работ (Алёкишин, 2007. С. 47; 2013. С. 131). Такая позиция одного из ведущих археологических центров страны объясняется тем, что в ЛОИИМК, как и на кафедре археологии САГУ, сосуществовали археологические и востоковедные традиции в изучении античного и средневекового прошлого Центральной Азии, восходящие ко времени деятельности Императорской Археологической комиссии (Алёкишин, 2007. С. 11, 14). Позднее эти традиции в ЛОИИМК поддерживали такие известные исследователи, как член-корр. АН СССР, действительный член АН Таджикской ССР А. Ю. Якубовский (Алёкишин, 2016), к. и. н. А. М. Беленицкий (Алёкишин, 2014) и д. и. н. М. М. Дьяконов (Алёкишин, 2007. С. 53; 2013. С. 135).

Студент Вадим Массон участвовал в полевых исследованиях ЮТАКЭ начиная с первого сезона ее существования (1946 г.). Во время изысканий на парфянском городище Старая Ниса под Ашхабадом он освоил методику раскопок сырцовых архитектур и в дальнейшем успешно применял ее независимо от археологического возраста памятника. За время обучения он провел также археологические разведки по маршрутам Ашхабад — Кызыл-Арват и в районе Мерва. Разнообразная полевая деятельность помогла студенту накопить обширные знания в области античной и ранне-средневековой археологии Центральной Азии, особенно в сфере нумизматики, что дало ему возможность начать научно-исследовательскую работу уже в 1947 г. В 1948–1950 гг., являясь председателем Студенческого научного археологического кружка, Вадим Массон неоднократно выступал с докладами на кафедральных заседаниях и на студенческих научных конференциях (Алёкишин, 2015. С. 679).

В 1950 г. он успешно завершил университетское образование по специальности «Археология», получив диплом с отличием и рекомендацию в аспирантуру Туркменского филиала АН СССР.

Аспирантские экзамены Вадим Массон сдавал в Ленинграде, причем в соответствии с традициями, принятыми в ЛОИИМК, соискатель при поступлении в аспирантуру по археологии Центральной Азии, кроме обычных кандидатских испытаний, успешно выдержал экзамен по персидскому языку (*Там же*. С. 680). По результатам испытаний В. М. Массон был зачислен с 1 ноября 1950 г. в аспирантуру Туркменского филиала АН СССР, а 1 апреля 1952 г. молодой специалист был переведен в аспирантуру ЛОИИМК, которую окончил 1 апреля 1954 г. (*Там же*. С. 680). Научной подготовкой аспиранта руководил профессор М. М. Дьяконов, заслуженный деятель науки Таджикской ССР. Первоначально тема кандидатского исследования В. М. Массона была сформулирована следующим образом: «Древние культуры Мешеди-Мисрианского района (в связи со строительством Главного Туркменского канала)». За годы обучения в аспирантуре В. М. Массон усовершенствовал свою научную и полевую подготовку (*Там же*. С. 681).

Влияние среднеазиатской археологической школы сказывалось на протяжении всей научной карьеры В. М. Массона. Часть его работ, написанных в качестве сотрудника ЛОИИМК/ЛОИА в 1950–1960-х гг., была посвящена проблемам античной и раннесредневековой археологии Центральной Азии, причем особо ценными здесь являются его нумизматические исследования. В 1972 г. ученый организовал Бактрийскую экспедицию ЛОИА АН СССР, которая до 1986 г. изучала кушанское городище Зар-тепе (Южный Узбекистан), верхний слой которого, относящийся к концу III–IV вв., дал выразительные материалы, характеризующие культуру позднеантичного среднеазиатского города (*Алёкшин*, 2007. С. 63, 64; 2013. С. 144).

В соответствии с традициями Альма-матер В. М. Массон иногда давал своим ленинградским ученикам темы курсовых или дипломных работ, связанные с восточной нумизматикой, исторической топографией Центральной Азии или древнейшими письменными источниками по истории и культуре иранских народов (Авеста). Эти исследования невозможно было выполнить, не изучив соответствующей востоковедной литературы. В. М. Массон также рекомендовал своим студентам учить персидский язык и со временем добился, чтобы в Секторе Средней Азии и Кавказа, которым он стал руководить в 1968 г., появился специалист (к. и. н. В. П. Никоноров), владеющий классическими (древнегреческий и латынь) языками, что, несомненно, усилило «античное» направление в деятельности Сектора. Традиции востоковедного образования ярко проявились в тексте первой монографии В. М. Массона, посвященной древностям позднего бронзового и раннего железного веков в Мургабском оазисе на юге Туркменистана (*Массон*, 1959. С. 122–163).

После завершения аспирантуры В. М. Массон как перспективный исследователь был зачислен 1 апреля 1954 г. в штат ЛОИИМК на должность младшего научного сотрудника без степени в Сектор археологии Средней Азии и Кавказа. 21 апреля того же года он защитил кандидатскую диссертацию «Древняя культура Дахистана (историко-археологический очерк)». Диссертации оппонировали д. и. н. Б. Б. Пиотровский и к. и. н. А. М. Беленицкий (*Алёкшин*, 2015. С. 681).

Дальнейшие обстоятельства, однако, сложились так, что молодому сотруднику пришлось заняться раскопками памятников, исследование которых не требовало знания ни восточных языков, ни письменных источников. Речь идет о древнеземледельческих поселениях первобытной эпохи, расположенных на юге Центральной Азии в подгорной полосе Копетдага. Итоги изучения одного из них были впервые предоставлены научной общественности в начале минувшего века археологом Х. Шмидтом, участником комплексной американской экспедиции, которую возглавлял американский геолог Р. Пампелли (*Schmidt*, 1908. Р. 83–186). В советское время эти памятники обследовал археолог из Ашхабада А. А. Марущенко (1939; 1956. С. 5–8), а затем раскапывал сотрудник ЮТАКЭ Б. А. Литвинский (1952). В 1952 г. для их изучения был приглашен археолог из Тбилиси академик АН Грузинской ССР Б. А. Куфтин, который, возглавив XIV отряд ЮТАКЭ, занялся обследованием данных памятников, относящихся в основном к эпохе энеолита и бронзовому веку. В результате работ, длившихся один полевой сезон, Б. А. Куфтин создал новую периодизацию местной оседлой культуры, основанную на последовательности культурных отложений Намазга-депе, крупнейшего в Центральной Азии поселения первобытной эпохи (*Куфтин*, 1956). Толща культурных напластований этого памятника была разделена им на шесть стратиграфических слоев или пластов (Намазга I–VI). К сожалению, жизнь Б. А. Куфтина оборвалась до того, как были изданы результаты его изысканий. Учитывая тот факт, что их итоги имели принципиальное значение для первобытной

археологии Центральной Азии, руководство ЮТАКЭ приняло решение ввести в научный оборот керамические коллекции, наиболее массовую категорию находок, добытых покойным исследователем. Анализ этих артефактов и их подготовка к печати была поручена В. М. Массону, и молодой ученый успешно справился с поставленной задачей. Он не только опубликовал указанные находки, но и синхронизировал их с керамикой, обнаруженной при раскопках ряда древнеземледельческих поселений Северо-Восточного (Гиссар и Шах-тепе), Центрального (Сиалк) и Северо-Западного (Гиян) Ирана, а также наметил, исходя из имеющихся к тому времени сведений, абсолютную и относительную хронологию слоев, выделенных Б. А. Куфтиным на поселении Намазга-депе (Массон, 1956б). При написании этой большой статьи ему пришлось просмотреть основные работы по данной проблематике, принадлежащие перу зарубежных археологов. Прежде всего, он опирался на труды Д. МакКауна (*McCown*, 1957) и А. Перкинс (*Perkins*, 1957), посвященные сравнительной стратиграфии древнеземледельческих памятников Ирана и Месопотамии. Этот подход В. М. Массон использовал и в дальнейшем, анализируя результаты исследований таких поселений, как Кара-депе и Алтын-депе.

Его раскопки на поселении Яз-депе (Мургабский оазис Туркменистана) дополнили стратиграфическую колонку первобытных оседлых памятников Туркменистана периодами Яз I и Яз II (Массон, 1966. С. 184, 185). Эти изыскания способствовали окончательному выбору исследователем, получившим кандидатский диплом 4 октября 1954 г., своей археологической специализации. Таким образом, начиная с 1954 г., в Секторе Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК/ЛОИА сформировалось новое направление, связанное с изучением древнеземледельческих памятников Центральной Азии.

Начало археологической карьеры В. М. Массона пришлось на середину 1950-х гг., которая совпала с крупнейшими политическими изменениями в СССР, последовавшими за смертью И. В. Сталина в марте 1953 г. Наиболее жестокие проявления его тирании ушли в прошлое, ослаб идеологический партийный пресс, и открылись новые возможности для развития отечественной гуманитарной науки.

Благодаря этим переменам удалось отказаться от крайностей марксистской методологии, которую внедряли в науку о древностях на протяжении предыдущей четверти века. Одна из основных идей марксизма заключалась в абсолютизации экономического фактора в развитии любого общества. Поэтому археология должна была изучать формы хозяйства и реконструировать общественные отношения в древних обществах. Анализ артефактов, создание их классификаций, выявление основных тенденций развития различных категорий находок объявлялись буржуазным вещеведением, которое в лучшем случае не поощрялось, в худшем — осуждалось, иногда с тяжелыми последствиями для его сторонников. На практике подобный подход зачастую приводил к необоснованным выводам о состоянии хозяйства в традиционных обществах и к примитивным социологическим трактовкам их общественного строя, поскольку заключения, сделанные учеными, противоречили имеющимся археологическим материалам.

Как исследователь, В. М. Массон сложился на излете этого насильственного насаждения марксистской методологии. Поэтому его интерес к социологическому направлению в археологии, хотя и соответствовал традициям отечественной науки о древностях, был реализован на более качественном уровне с учетом тенденций, имевшихся в зарубежных разработках, над которыми не довели крайности марксизма в его советском варианте. На В. М. Массона повлияли социологические работы вначале британца Г. Чайлда (1956), а затем американца Л. Бинфорда (*Binford*, 1971), одного из самых ярких представителей «новой археологии». Следуя в русле социологической археологии, В. М. Массон выпускает ряд блестящих работ, в которых на центральноазиатском материале разрабатывает такие фундаментальные вопросы, как неолитическая и городская революция (*Березкин*, 2000. С. 33, 34), опираясь на исследования жилищ, общественных зданий и погребений, а также анализируя предметы, свидетельствующие о ремесле, обмене и торговле в древности (Массон, 1956а; 1960; 1964; 1971; 1982). Выход в свет монографии (Массон, 1976), в которой суммированы результаты его разработок по данной проблематике, окончательно закрепил за ним позиции лидера социологической археологии в отечественной науке.

Однако влияние Г. Чайлда никак не сказалось на взглядах В. М. Массона в отношении археологической систематики. В то время как британский ученый уже в середине 1920-х гг. разработал

новый подход к изучению древностей Старого Света, рассматривая их как доказательства существования в неолите — бронзовом веке Европы мозаики разнообразных археологических культур (*Childe*, 1925; 1950; *Чайлд*, 1952), В. М. Массон развивался как исследователь в русле научных традиций ЛОИИМК, восходящих к эпохе ГАИМК, когда на рубеже 1920–1930-х гг. археология восприняла марксистскую парадигму, в которой понятие «культура» отступило на второй, если не на третий план (*Алёкшин*, 2022. С. 113, 117, 118; 2023. С. 24, 25). Поэтому для В. М. Массона характерно было двойственное отношение к использованию этого термина.

Напомню, что свита культурных отложений, обнаруженных на памятниках Южного Туркменистана эпохи энеолита — раннего железного века, представлена девятью сменяющимися друг друга стратиграфическими пластами, толщина которых варьирует от 2 до 8 м (*Массон*, 1966. С. 184, 185; *Кирчо*, 2014. С. 437). Упомянутые стратиграфические образования имеют следующие обозначения (снизу вверх): Анау IА, Намазга I–VI, Яз I–II. Эта колонка отложений, установленная Б. А. Куфтиным и дополненная В. М. Массоном, сменила прежнюю, четырехступенчатую (Анау I–IV), предложенную американскими учеными (*Pumpelly*, 1908. Р. 37–50). Каждое из этих стратиграфических единств представляет собой значительный объем культурных отложений, которое до сих пор исследователи называют по-разному. Однако вопрос о том, как именовать вышеупомянутые стратиграфические пласты, является не только и не столько вопросом терминологии, сколько проблемой интерпретации, то есть постижением смысла, стоящего за этими стратиграфическими образованиями.

В. М. Массон долгое время обозначал их термином «комплекс», поясняя, что они были разграничены лишь на основании анализа керамики, извлеченной из шурфов, заложенных на поселении Намазга-депе, — то есть благодаря стратиграфическим наблюдениям (1956б; 1959. С. 97). С точки зрения археологической систематики, характерной особенностью комплексов является их ранжирование по степени сложности посредством включения одного комплекса в другой (*Классификация*, 2013. С. 53–56, 123). Применительно к рассматриваемым археологическим памятникам юга Центральной Азии комплекс составляют находки, обнаруженные на полах в постройке одного строительного горизонта или в погребении, относящемся к этому же горизонту; артефакты, встреченные на полах всех построек, принадлежащих одному строительному горизонту, и в синхронных им погребениях, образуют мегакомплекс; тогда как находки, выявленные на полах построек и в синхронных им погребениях, полученных из всех строительных горизонтов, которые образуют стратиграфический пласт культурных отложений, представляют комплекс мегакомплексов. Таким образом, понятие «комплекс», используемое в работах В. М. Массона, в действительности соответствует термину «комплекс мегакомплексов».

В трактовке В. М. Массона выделение комплексов (точнее, комплексов мегакомплексов) является конечным результатом археологического исследования. С таким выводом нельзя согласиться, поскольку комплекс, представляющий собой археологическую реальность, дан ученому эмпирически в ходе его полевых изысканий. Чтобы выявленная совокупность находок стала неким культурным маркером, нужны дополнительные исследования составляющих ее артефактов с целью их последующей интерпретации (*Бочкарёв*, 1975. С. 39–42) как элементов археологической культуры. Однако в центральноазиатской археологии не смогли сразу оценить научный потенциал этого понятия. Поэтому В. М. Массон неохотно употреблял его, стремясь, как он писал, избежать терминологического разнобоя, но всякий раз, используя лексему «культура», подразумевал термин «комплекс» (1959. С. 7; 1962. С. 5, 6). Более того, в конце 1960-х гг. он пришел к выводу, что исследователи могут обойтись без понятия «археологическая культура» (*Клейн и др.*, 1970. С. 299).

В начале 1970-х гг. В. М. Массон стал активным участником Методологического семинара ЛОИА, на заседаниях которого особое внимание уделялось, с одной стороны, вопросам методики и процедуры археологических исследований, а с другой — проблемам культурогенеза. Под влиянием докладов, посвященных культурным процессам в древности и отчасти восходивших к проблематике, которая разрабатывалась в секции генетики культуры ГАИМК в 1926–1929 гг. (*Алёкшин*, 2023. С. 25), в свою очередь, связанной с культурологическим подходом к археологии, сформулированным в Петрограде в 1919 г. А. А. Миллером (*Алёкшин*, 2022. С. 113), В. М. Массон несколько переосмыслил свою точку зрения на археологическую культуру. Он признал ее фундаментальным понятием

археологической систематики (Массон, 1972. С. 9; 1974. С. 17), хотя по-прежнему осмысливал ее как конкретный археологический комплекс. В сущности, оба термина имели для него одинаковое значение (Массон, 1972. С. 9).

И все же в этом тождестве исследователь в начале 1980-х гг. сместил акцент в пользу понятия «археологическая культура», сделав вывод, что раскопанные им на поселении Алтын-депе от-

1

3

2

ложения верхнего стратиграфического пласта составляют «культурный комплекс времени Намазга V», именуемый им культурой Алтын-депе или алтыновской культурой. В. М. Массон полагал, что существуют и два других локальных варианта алтыновской культуры: намазгинский на западе и келлелинский на востоке, в древней дельте Мургаба (Массон, 1981. С. 90–91, 109; 1989. С. 176).

В. М. Массон также выделил анаускую энеолитическую культуру, которая пережила в своем развитии несколько периодов (комплексы Анау IA, Намазга I–III), а в состав культуры Алтын-депе, относящейся к среднему бронзовому веку, включил еще комплексы Намазга IV (ранний бронзовый век) и Намазга VI (поздний бронзовый век) (Массон, 1982. С. 14–15; 1989. С. 143–144, 149, 157). Тезис о том, что археологическая культура является фундаментальным понятием археологической систематики, В. М. Массон отстаивал вплоть до начала 1990-х гг. (Массон, 1989. С. 17–18; 1991. С. 5–6).

Однако в своей последней монографии ученый отказался от него и вернулся к использованию термина «комплекс» (Массон, 2006б. С. 43–48, 51, 61–62, 65, 67, 70–71, 74, 80). Для него такая перемена обозначений не меняла существа дела: с его точки зрения, обе лексемы имеют одинаковое значение. Но любая отрасль науки, включая и археологию, нуждается в терминологии, которая не допускала бы возможности двойного толкования используемых ею понятий. Исходя из этого следует различать понятия «комплекс» и «археологическая культура», причем последнее из них необходимо окончательно узаконить в сфере первобытной археологии Центральной Азии как эффективный инструмент упорядочивания и систематизации археологического материала, благодаря которому можно объединять отдельные памятники (комплексы) в устойчивые территориально-хронологические группировки (культуры) (Бочкарев, 2009. С. 568; *Классификация*, 2013. С. 62, 125).

Выделенные на древнеземледельческих поселениях Центральной Азии стратиграфические пласты, которые содержат многочисленные комплексы артефактов, видимо, соответствуют статусу археологических культур, однако окончательное признание их в качестве таковых возможно лишь после тщательного анализа образующих каждое из таких стратиграфических единств комплексов и выявления в их составе постоянно встречающихся совместно типов, характерных для того или иного пласта.

Следует также сказать об использовании понятия «цивилизация» для обозначения рассматриваемых стратиграфических образований. Данный термин в последнее время широко применяют прежде всего западные археологи, изучающие древности Центральной Азии энеолита — раннего железного века. Что же касается В. М. Массона, то не только он, но и другие отечественные археологи долгое время предпочитали не употреблять эту лексему в своих разработках. Лишь однажды В. М. Массон использовал понятие «цивилизация» применительно к древним памятникам среднего бронзового века Южного Туркменистана: цивилизация Алтын-депе (слой Намазга V) (Массон, 1981. С. 129). Однако с конца 1980-х гг., видимо, под влиянием французских исследователей, этот термин можно встретить в его публикациях: протогородская цивилизация Алтын-депе (Массон, 1989. С. 174; 2006в. С. 16), цивилизации эпохи бронзы Бактрии и Маргианы (отложения, синхронные слою Намазга VI) (Массон, 2006а. С. 62–64, 67; 2006в. С. 17). Недавно Е. В. Антонова сочла возможным использовать термин «цивилизация Окса» для обозначения

Рис. 1. 1 — аспирант В. М. Массон в 1950 г., фото из его личного дела (НА ИИМК РАН. КП 6610, л. 1); 2 — В. М. Массон (сидит во втором ряду, шестой справа) с коллективом сотрудников Каракумской экспедиции ЛОИА АН СССР (раскопки Алтын-депе в 1979 г.), фото из личного архива автора; 3 — В. М. Массон в Узгене (Кыргызстан) в 1999 г., фото из личного архива Ю. Г. Кутимова

Fig. 1. 1 — postgraduate student Vadim M. Masson in 1950, photo from his personal records (Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of RAS. Reg. no. 6610, sh. 1); 2 — Vadim M. Masson (seated in the second row, sixth from right) among the team of workers of the Kara-Kum Expedition of the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the USSR (excavations at Altyn-Depe in 1979), photo from the author's private archives; 3 — Vadim M. Masson in Uzgen (Kyrgyzstan) in 1999, photo from Yurii G. Kutimov's private archives

памятников бронзового века Центральной Азии (слои Намазга V и Намазга VI), хотя и признала, что он не является археологическим (*Антонова, 2015. С. 68, 69*).

Однако нынешняя трактовка цивилизации как общества высокоразвитой культуры подразумевает наличие в нем письменности, городских центров, монументальной архитектуры, развитой социальной и имущественной дифференциации населения, ранних государственных институтов (*Якобсон, 1997. С. 15, 16, 22*). Особенно важно наличие письменности: В. А. Якобсон отмечал, что тексты составляют квинтэссенцию любой цивилизации (*Там же. С. 21*). Поэтому ее следует рассматривать как культурный феномен, который сам рассказывает о себе языком текстов, содержащих сведения об истории, общественных структурах, традициях, культуре народа или народов, создавших данный социальный организм. Несоответствие этому важнейшему критерию недвусмысленно свидетельствует о том, что сообщество еще не стало цивилизацией. Именно поэтому данный термин не пригоден для обозначения стратиграфических единств, выделенные в свое время на археологических памятниках юга Центральной Азии Б. А. Куфтиным и В. М. Массоном.

В заключение отмечу, что противоречивость или непоследовательность позиции В. М. Массона относительно трактовки стратиграфических единств Анау IA — Намазга I–VI, Яз I–IIВ не умаляет его заслуг ученого ни как полевого археолога, ни как интерпретатора раскопанных им памятников. Органично впитавший в себя традиции двух археологических школ, В. М. Массон возглавил в 1955 г. Каракумский отряд ЛОИИМК по исследованию земледельческих поселений эпохи неолита — бронзового века на юге Туркменской ССР, а позднее — Каракумскую экспедицию ЛОИА. По этой проблематике он работал вплоть до начала нынешнего столетия, что составило целую эпоху в изучении древнеземледельческих памятников региона. Она характеризуется детальным изучением стратиграфии поселений и тщательным анализом добытых при их раскопках комплексов. Благодаря такой методике раскапываемые памятники были вставлены В. М. Массоном в соответствующий культурный контекст Ближнего и Среднего Востока. Открыв блестящее соцветие древних земледельческих культур Центральной Азии, ученый оставил выдающийся след в археологии.

Алёшкин, 2007 — *Алёшкин В. А.* Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР — ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН и его предшественники в ИАК — РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР (основные вехи истории) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 10–91.

Алёшкин, 2013 — *Алёшкин В. А.* Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред.-сост. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 100–159.

Алёшкин, 2014 — *Алёшкин В. А.* Расширенное заседание Ученого Совета и Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, посвященное 110-летию со дня рождения А. М. Беленицкого (1904–1993) — крупнейшего исследователя в области средневековой археологии Центральной Азии // ЗИИМК. 2014. № 10. С. 199–202.

Алёшкин, 2015 — *Алёшкин В. А.* Вадим Михайлович Массон и его вклад в развитие первобытной археологии Средней Азии // ЗВОРАО. НС. 2015. Т. III (XXVIII). С. 649–660.

Алёшкин, 2016 — *Алёшкин В. А.* А. Ю. Якубовский — исследователь древних городов Центральной Азии // ЗИИМК. 2016. № 13. С. 151–154.

Алёшкин, 2022 — *Алёшкин В. А.* Александр Александрович Миллер (1875–1935) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку / Науч. ред.-сост. В. А. Горнчаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 100–125.

Алёшкин, 2023 — *Алёшкин В. А.* Ненаучные проблемы отечественных археологов (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) // АВ. 2023. Вып. 38. С. 17–39.

Антонова, 2015 — *Антонова Е. В.* Об обрядах создателей «цивилизации Окса» // КСИА. 2015. Вып. 238. С. 68–81.

Березкин, 2000 — *Березкин Ю. Е.* В. М. Массон и социальная антропология второй половины XX в. // ВКЦ. 2000. С. 32–45.

Бочкарёв, 1975 — *Бочкарёв В. С.* К вопросу о системе основных археологических понятий // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Материалы симпозиума

- методологического семинара ЛОИА АН СССР, апрель 1975 г. / Отв. ред. В. М. Массон и В. Н. Борзя. Л.: Наука. ЛО, 1975. С. 34–42.
- Бочкарёв*, 2009 — *Бочкарёв В. С.* Проблема культурно-исторического содержания археологической культуры // Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения. Мавродинские чтения 2008. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина / Под ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 567–571.
- Бочкарёв*, *Кирчо*, 2014 — *Бочкарёв В. С., Кирчо Л. Б.* Жизненный и научный путь В. М. Массона: радость побед и горечь разочарований // Культурогенез и культурное наследие / Ред. А. В. Бондарев. М.; СПб.: Центр гуманитарных исследований, 2014. С. 56–60.
- Кирчо*, 2006 — *Кирчо Л. Б.* В. М. Массон: первооткрыватель, исследователь, организатор науки (опыт периодизации научной деятельности) // ЗВОРАО. НС. Т. II (XXVII). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. С. 35–40.
- Кирчо*, 2014 — *Кирчо Л. Б.* Стратиграфия поселений-тепе эпохи неолита — палеометалла юго-запада Средней Азии и проблемы абсолютной хронологии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1 / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдиков. Казань: Отечество, 2014. С. 435–438.
- Кирчо*, 2019 — *Кирчо Л. Б.* В. М. Массон и ленинградская/санкт-петербургская школа изучения древностей Центральной Азии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона / Отв. ред. В. А. Алёшкин, Л. Б. Кирчо. СПб.: ИИМК РАН, 2019. С. 7–10.
- Классификация*, 2013 — *Классификация в археологии* / Отв. ред. Е. М. Колпаков. СПб.: ИИМК РАН, 2013. 251 с.
- Клейн и др.*, 1970 — *Клейн Л. С., Миняев С. С., Пиотровский Ю. Ю., Хейфец О. И.* Дискуссия о понятии «археологическая культура» в проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета // СА. 1970. № 2. С. 298–302.
- Курбансохатов*, 2000 — *Курбансохатов К.* Рыцарь науки // ВКЦ. 2000. С. 17–20.
- Куфтин*, 1956 — *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // ТЮТАКЭ. 1956. Т. VII. С. 260–290.
- Литвинский*, 1952 — *Литвинский Б. А.* Намазга-тепе по данным раскопок 1949–1950 гг. (Предварительное сообщение) // СЭ. 1952. № 4. С. 30–52.
- Марущенко*, 1939 — *Марущенко А. А.* Анау. Историческая справка // Архитектурные памятники Туркмении. Вып. 1 / Науч. ред. Н. Б. Бакаланов. М.; Ашхабад: Академия архитектуры СССР и Туркменский гос. научно-исследовательский институт истории, 1939. С. 97–101.
- Марущенко*, 1956 — *Марущенко А. А.* Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР // ТИИАЭ АН ТуркмССР. 1956. Т. II. С. 5–10.
- Массон*, 1956а — *Массон В. М.* Первобытно-общинный строй на территории Туркмении (энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа) // ТЮТАКЭ. 1956. Т. VII. С. 260–290.
- Массон*, 1956б — *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // ТЮТАКЭ. 1956. Т. VII. С. 291–373.
- Массон*, 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА. № 73). 216 с.
- Массон*, 1960 — *Массон В. М.* Кара-депе у Артыка (в свете раскопок 1953–1957 гг.) // ТЮТАКЭ. 1960. Т. X. С. 319–463.
- Массон*, 1962 — *Массон В. М.* Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. II: Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (САИ. БЗ–8). 30 с.; 20 табл.

- Массон*, 1964 — *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 468 с.
- Массон*, 1966 — *Массон В. М.* На пороге раннеклассового общества. Оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс. до н. э. // *Средняя Азия в эпоху камня и бронзы* / Отв. ред. В. М. Массон. М.; Л.: Наука. 1966. С. 179–192.
- Массон*, 1971 — *Массон В. М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л.: Наука. ЛО, 1971 (МИА. № 180). 208 с.
- Массон*, 1972 — *Массон В. М.* Понятие культуры в археологической систематике // *Каменный век Средней Азии и Казахстана: ТД совещания* / Отв. ред. У. И. Исламов. Ташкент: Фан, 1972. С. 9–11.
- Массон*, 1974 — *Массон В. М.* Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры // *ИМКУ*. 1974. Вып. 11. С. 15–21.
- Массон*, 1976 — *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука. ЛО, 1976. 192 с.
- Массон*, 1981 — *Массон В. М.* Алтын-Депе. Л.: Наука. ЛО, 1981 (ТЮТАКЭ. Т. XVIII). 176 с.
- Массон*, 1982 — *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // *Энеолит СССР* / Отв. ред. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М.: Наука, 1982 (АрхСССР). С. 10–92.
- Массон*, 1989 — *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л.: Наука. ЛО, 1989. 280 с.
- Массон*, 1991 — *Массон В. М.* Феномен культуры и культурогенез древних обществ // *Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР* / Отв. ред. В. М. Массон, В. Н. Боряз, М. В. Аникович. Л.: Ленинградское высшее военно-инженерное строительное училище, 1991 (АИ. № 1). С. 5–10.
- Массон*, 2006а — *Массон В. М.* Взаимоотношения степных обществ и древнегородских цивилизаций Бактрии и Маргианы во II тыс. до н. э. // *ЗИИМК*. 2006. № 1. С. 62–68.
- Массон*, 2006б — *Массон В. М.* Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006. 384 с.
- Массон*, 2006в — *Массон В. М.* Эпоха первых цивилизаций юга Центральной Азии // *ЗВОРАО*. НС. 2006. Т. II (XXVII). С. 14–34.
- Чайлд*, 1952 — *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 468 с.
- Чайлд*, 1956 — *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 384 с.
- Шамукарамова*, 2017 — *Шамукарамова Ф. Ш.* Михаил Евгеньевич Массон и археология Средней Азии // *Археология Узбекистана*. 2017. № 1. С. 75–92.
- Якобсон*, 1997 — *Якобсон В. А.* Предисловие к первому тому // *История Востока*. Т. I: Восток в древности / Отв. ред. В. А. Якобсон. М.: ИФВЛ, 1997. С. 14–26.
- Binford*, 1971 — *Binford L. R.* Mortuary Practices: Their Study and Their Potential // *Approaches to the Social Dimensions of Mortuary Practices* / Ed. by J. A. Brown. Washington: Society for American Archaeology. 1971 (Memoires of the Society for American Archaeology. Vol. 25). P. 6–29.
- Childe*, 1925 — *Childe V. G.* The Dawn of European Civilization. London: Kegan Paul, 1925. 328 p.
- Childe*, 1950 — *Childe V. G.* Prehistoric Migrations in Europe. Oslo: H. Aschehoug (W. Nygaard), 1950 (Instituttet for Sammenlignende Kulturforskning. Ser. A. Forelesninger XX). 249 p.
- McCown*, 1957 — *McCown D. E.* The Comparative Stratigraphy of Early Iran. 2nd Printing. Chicago: The University of Chicago Press, 1957 (SAOC. No. 23). XVI, 65 p.
- Perkins*, 1957 — *Perkins A. L.* The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. 2nd Printing. Chicago: The University of Chicago, 1957 (SAOC. No. 25). XIX, 200 p.
- Pumpelly*, 1908 — *Pumpelly R.* Ancient Anau and the Oasis-world // *Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilisations of Anau. Origins, Growth and Influence of Environment*. In two volumes | Rd. by R. Pumpelly. Vol. 1. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1908 (CIW. Publ. no. 73/1). P. 3–80.
- Schmidt*, 1908 — *Schmidt H.* The Archeological Excavations in Anau and Merv // *Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric Civilisations of Anau. Origins, Growth and Influence of Environment*. In two volumes | Rd. by R. Pumpelly. Vol. 1. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1908 (CIW. Publ. no. 73/1). P. 83–210.

Influence of the Central Asian and Leningrad scientific schools on the formation of Vadim M. Masson's archaeological views

Vadim A. Alyokshin³

Annotation. *Vadim M. Masson studied at the Department of Archaeology in the Central Asian State University, where the Central Asian archaeological school was formed. The distinctive feature of the latter was the symbiosis of archaeology and oriental studies. His further research activity in the Soviet period was connected with Leningrad Branch of the Institute for the History of Material Culture/Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR. Under its influence Masson adopted the Marxist paradigm, where the concept of «culture» receded into the background. Therefore, he originally designated the cultural layers of Southern Turkmenistan sites (Eneolithic — Early Iron Age) by the term «complex», then identified them as archaeological cultures, and then returned to the use of the former concept. Vadim M. Masson, who organically absorbed the traditions of the two archaeological schools, discovered a brilliant inflorescence of early agricultural centers of Central Asia, leaving an outstanding trace in archaeology.*

Keywords: *archaeological complex, archaeological culture, civilization, Eneolithic (Chalcolithic), Bronze Age, Early Iron Age, Central Asia, Central Asian archaeological school, Leningrad archaeological school*

³ Vadim A. Alyokshin — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail:valyokshin@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9224-6037.

Единственная неопубликованная книга В. М. Массона¹

Л. Б. Кирчо²

Аннотация. В настоящей работе дана информация о состоянии рукописи неопубликованной книги В. М. Массона — «Памятники позднего энеолита Юго-Западной Туркмении» из серии «Свод археологических источников» (Вып. БЗ–8, ч. V). Она нуждается в дополнении сведениями о раскопках и массовых материалах Кара-депе — единственного полноценно исследованного памятника позднего энеолита в подгорной полосе Копетдага. В научный оборот нужно также ввести немногочисленные материалы других поселений данного этапа развития древнеземледельческой культуры Южного Туркменистана.

Ключевые слова: Южный Туркменистан, поздний энеолит, Кара-депе у Артыка

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-26-29

Одной из наиболее ярких черт исследовательского таланта В. М. Массона было умение быстро, почти мгновенно вычлнить наиболее яркие, характерные черты как культурного, так и технологического комплекса археологического памятника. Энциклопедическая образованность и систематическая проработка большого количества литературы, включая зарубежную (спасибо Библиотеке нашего Института!), и комплексный подход к изучению археологического источника помогли формулировать концепции и проследить направления культурных связей и взаимодействий на огромных территориях и этапах развития от неолита до эпохи древних государств. Результаты практически всех проводившихся В. М. Массоном широкомасштабных полевых исследований археологических памятников юга Средней Азии от Джейтуна до Яз-депе нашли свое монографическое отражение в печати (Массон, 1959; 1962; 1981; Masson, 1988). Единственное исключение — незавершенный свод по позднему энеолиту центрального района подгорной полосы Копетдага, основу которого составляли материалы раскопок Кара-депе около поселка Артык.

Фактически в первой половине 1960-х гг. В. М. Массоном в серии САИ (Вып. БЗ–8) был подготовлен текст «Энеолит южных областей Средней Азии», ч. V — Памятники позднего энеолита Юго-Западной Туркмении». Но в работе отсутствовало систематизированное описание керамики — основного источника по микрохронологии этого этапа развития древнеземледельческой культуры, что было обусловлено двумя обстоятельствами. Первое и наиболее важное из них заключалась в том, что в это время Вадим Михайлович готовил диссертацию на соискание степени доктора исторических наук, где позднеэнеолитические материалы Кара-депе были лишь одним из многочисленных источников. При этом В. М. Массон отметил наиболее характерные черты расписной керамики «карадепинского стиля»: 1) появление монохромных геометрических мотивов, близких к мотивам расписной посуды геоксюрского стиля; 2) изображения крестовидных фигур, солярных символов, птиц, «орлов» с распростертыми крыльями и козлов — все с семантическими соответствиями на Древнем Востоке; 3) рисунки пятнистых животных («барсов»), прототипы которых представлены в памятниках Ирана (Массон, 1964. С. 156–160). Второе обстоятельство еще более прозаично — у В. М. Массона просто не хватало времени: ведь уже весной

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Любовь Борисовна Кирчо — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: L_Kirtcho@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6131-1393.

1965 г. были начаты раскопки Алтын-депе — одного из двух крупнейших для Южной Туркмении памятников эпохи энеолита и бронзы.

В обобщенном виде характеристика материалов Кара-депе, включая керамику, была представлена в томе «Энеолит СССР» (Массон, 1982. С. 35–51, табл. XIX–XXV).

В 1998–1999 гг. в рамках проекта РГНФ на основе имевшегося машинописного текста, написанного В. М. Массоном в первой половине 1960-х гг., и системы классификации форм и орнаментации расписной посуды, предложенной Л. Б. Кирчо (Кирчо, 1999), был подготовлен первый вариант книги «Памятники позднего энеолита Юго-Западной Туркмении (подгорная полоса Копетдага)», общим объемом около 9 а. л. текста, который состоит из введения, трех глав, заключения, двух приложений и 93 иллюстративных таблиц.

Во введении дана краткая история изучения позднего энеолита в юго-западной части подгорной полосы Копетдага в Туркменистане. В главе 1 «Памятники позднего энеолита подгорной полосы Копетдага» дана характеристика поселений Ак-депе, Северного холма Анау, Гара-депе, Намазга-депе и, в первую очередь, Кара-депе, где на раскопах 1–5 в широких масштабах были изучены хозяйственно-жилые комплексы, «святилища» и погребения времени Намазга III. В отдельном разделе рассмотрены памятники восточной группы (Геоксюр 1, Чонг-депе, Алтын-депе и Улуг-депе), где в позднеэнеолитических напластованиях представлено значительное количество керамических импортов из западной группы, а также глиняных и терракотовых антропоморфных изображений.

В главе 2 «Предметы материальной культуры» дана систематизированная характеристика керамики, выявлены ее локально-хронологические особенности и впервые выделен финальный этап развития комплекса типа Намазга III (рис. 1). В отдельных подразделах этой главы рассмотрены антропоморфные и зооморфные статуэтки, другие изделия из глины и описаны немногочисленные металлические изделия, орудия труда и сосуды из камня, украшения и печати-амулеты, а также редкие орудия из кости.

В главе 3 «Вопросы интерпретации» прослежена микростратиграфия памятников среднего и позднего энеолита Южного Туркменистана, предложена синхронизация их культурных напластований и абсолютная хронология. Отдельный сюжет посвящен художественной школе терракоты, где на широком фоне показано своеобразие антропоморфной пластики Южного Туркменистана, впитавшей и переработавшей ближневосточные сюжеты и иконографические типы.

В заключении дана общая характеристика хозяйства и общества Южного Туркменистана периода позднего энеолита. В приложении 1 описаны погребения, изученные на Кара-депе, а в приложении 2 приводятся трасологические определения каменных и костяных изделий Кара-депе, произведенных в Лаборатории трасологии ИИМК РАН Т. А. Шаровской.

Основная коллекция материалов из раскопок Кара-депе хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, что позволяет закончить работу по подготовке к печати этой многострадальной рукописи. Учитывая, что в последние десятилетия XX века в Юго-Западного Туркменистана была открыта и исследована самостоятельная культура периода позднего энеолита с сероглиняной керамикой (Хлопин, 1997), представляется необходимым изменить название книги на «Поздний энеолит центрального района Южного Туркменистана».

Нужно также составить максимально полную типологию керамики, изготовить иллюстративные таблицы для всех вариантов изображений на сосудах разных типов, провести статистическую обработку коллекции Кара-депе и сравнить ее с имеющимися, хотя и далеко не полными полевыми данными, а также учесть материалы новых раскопок Ак-депе, проведенных в 2000-е гг. туркменскими археологами (Гундогдыев и др., 2010).

Учитывая, что и на Кара-депе, и на Алтын-депе обнаружено несколько довольно крупных обломков сосудов с бихромной орнаментацией, не имеющих аналогов в южнотуркменской керамике (Кирчо, 2000. С. 182, рис. 3; Кирчо и др., 2008. Табл. 108Б, 1), в идеале нужно провести также рентгенофлюоресцентные анализы краски и состава глиняной массы этих фрагментов и сравнить их с данными о глине и краске расписной посуды типа Намазга III и геоксюрского типа. И, наконец, выполнить полную редакционную подготовку этой книги, публикация которой будет еще одним кирпичиком в память о нашем руководителе и учителе Вадиме Михайловиче Массоне.

Рис. 1. Развитие расписной керамики периода позднего энеолита (типа Намазга III), 3200/3100–2800/2700 гг. до н. э.): 1–5 — Гара-депе; 6–17 — Ак-депе; 18–82 — Кара-депе (1–32 — позднее Кара 1А; 33–53 — Кара 1А; 54–60, 62–64 — раннее Кара 1А; 61, 65–82 — Кара 1Б (74, 79, 80 — серая керамика)

Fig. 1. Evolution of Namazga III-type painted pottery complex (3200/3100–2800/2700 BC. 1–5 — Gara Depe; 6–17 — Ak Depe; 18–82 — Kara Depe (1–32 — late Kara 1A; 33–53 — Kara 1A; 54–60, 62–64 — early Kara 1A; 61, 65–82 — Kara 1B (74, 79, 80 — grey ware)

- Гундогдыев и др.*, 2010 — *Гундогдыев О. А., Ходжаниязов Т., Гурбанов А. Д.* Акдепе — древний археологический памятник Туркменистана. Ашхабад: Ылым, 2010. 72 с.
- Кирчо*, 1999 — *Кирчо Л. Б.* К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана (Основы классификации расписной керамики и неопубликованные материалы поселения Ак-депе). СПб.: ИИМК РАН, 1999 (АИ. Вып. 60). 120 с.
- Кирчо*, 2000 — *Кирчо Л. Б.* Микростратиграфия позднего энеолита Южного Туркменистана // Судьба ученого: К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина: Сб. материалов / Сост. и науч. ред. сб. Н. Г. Горбунова и др. СПб.: ИГЭ, 2000. С. 177–194.
- Кирчо и др.*, 2008 — *Кирчо Л. Б., Коробкова Г. Ф., Массон В. М.* Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. СПб.: Европейский дом, 2008 (ТИИМК. Т. XXVIII). 370 с.
- Массон*, 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР (МИА. № 73). 216 с.
- Массон*, 1962 — *Массон В. М.* Энеолит южных областей Средней Азии. Ч. II: Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (САИ. Вып. Б3–8). 30 с.; 20 табл.
- Массон*, 1964 — *Массон В. М.* Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.: Наука, 1964. 468 с.
- Массон*, 1981 — *Массон В. М.* Алтын-Депе. Л.: Наука. ЛО, 1981 (ТЮТАКЭ. Т. XVIII). 176 с.
- Массон*, 1982 — *Массон В. М.* Энеолит Средней Азии // Энеолит СССР / Отв. ред. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М.: Наука, 1982 (АрхСССР). С. 9–92.
- Хлопин*, 1997 — *Хлопин И. Н.* Энеолит Юго-Западного Туркменистана / Отв. ред. В. А. Завьялов. СПб.: Европейский Дом, 1997 (ТЮТАКЭ. Т. 20). 300 с.
- Masson*, 1988 — *Masson V. M.* Altyn-Depe. Philadelphia: University of Pennsylvania. Museum of Archaeology and Anthropology, 1988 (University Museum Monograph. No. 55). 150 p.; 43 pl.

The only unpublished book by Vadim M. Masson

Lyubov' B. Kircho³

Annotation. *This paper reveals the current status of the manuscript of the only unpublished book by Vadim M. Masson «Late Chalcolithic Sites of South-Western Turkmenistan» intended for the academic series «Corpus of Archaeological Sources» (Vol. Б3–8, pt. V). Nowadays it needs to be supplemented with the data on the excavations and mass materials of Kara-Depe — the only fully investigated Late Eneolithic site in the Kopet Dagh foothills. The few data from other settlements of this stage of development of the ancient agricultural culture of Southern Turkmenistan also need be introduced into scientific turnover.*

Keywords: *Southern Turkmenistan, Late Eneolithic, Kara-Depe near Artyk*

³ Lyubov' B. Kircho — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: L_Kircho@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6131-1393.

Ошское поселение эпохи бронзы и программа «Ош-3000»¹

К. А. Азимов², Ю. Г. Кутимов³

Аннотация. Работа посвящена истории изучения Ошского поселения чувстской культуры. Проведенные Ю. А. Заднепровским исследования этого памятника позднего бронзового века послужили источником реализации государственной программы празднования 3000-летия города Ош (Кыргызстан).

Ключевые слова: Ю. А. Заднепровский, Е. В. Дружинина, город Ош, полевые исследования, государственная программа «Ош-3000»

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-30-35

Одним из важнейших памятников, исследованных Ю. А. Заднепровским в Ферганской долине, является Ошское поселение чувстской культуры эпохи поздней бронзы, расположенное на южном склоне горы Сулайман-Тоо. Поселение было обнаружено Е. В. Дружининой, ученицей и соратницей Ю. А. Заднепровского, выпускницей кафедры археологии исторического факультета ЛГУ, сотрудницей Ошского музея в 1967–1987 гг. Собранный ею на склонах Сулайман-Тоо керамическая коллекция включала в себя в т. ч. и несколько тысяч фрагментов чувстской керамики. В 1976 г. при прокладке автодороги к строящемуся музейному комплексу на склоне горы были вскрыты культурные слои с керамикой чувстского типа; заложенные здесь разведочные шурфы и раскоп показали наличие поселенческого комплекса. Раскопки Ошского поселения проводились в 1978–1984 гг. под руководством Ю. А. Заднепровского Ферганской экспедицией ЛОИА совместно с Ошским музеем.

Местоположение поселения на достаточно крутом склоне горы, уклон которого в данном месте достигает 40 градусов, обуславливает его террасовидную планировку, где перепад высот между верхним и нижним уровнем террас, расположенных ступенчато, составляет более 30 м. Всего таких жилых террас было выявлено более пятнадцати. Террасы сооружены в твердом каменистом грунте, ширина их составляет от 3 до 8 м. Каменистые полы террас выровнены плотно утрамбованной глиной. Судя по расположению ям от вертикальных конструкций в полах, жилища Ошского поселения представляли собой полуземлянки с деревянными стенами и каркасно-столбовой конструкцией кровли. В полах жилищ находились очажные и хозяйственные ямы, выкопанные в твердом грунте. На полу и в ямах жилищ было найдено большое количество керамики, а также каменных орудий труда (зернотерки, песты, отбойники и пр.). Необычное местоположение Ошского поселения на крутом склоне горы, террасовидная планировка, развитые архитектурные формы деревянно-каркасных конструкций крупных по размерам жилищ-полуземлянок, а также большое количество найденной здесь расписной керамики, включая посуду с зооморфными орнаментом, дали основания Ю. А. Заднепровскому считать гору Сулайман-Тоо своего рода культовым центром племен чувстской культуры, местом обитания жрецов, служителей культа, поклоняющихся солнцу и огню. Ошское

¹ Часть работы подготовлена Ю. Г. Кутимовым в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Курбаналы Азимович Азимов — Ошское отделение Кыргызского комитета международного совета по охране памятников и исторических мест, Ош, Кыргызская Республика; e-mail: kurbanalyazimov@gmail.com.

³ Юрий Геннадьевич Кутимов — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: yuriuz@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-8267-1809.

поселение, таким образом, представляет собой первоначальный протоурбанистический центр, который сформировался вокруг священной горы Сулайман-Тоо уже в конце II тыс. до н. э. и является ядром генезиса современного города (*Заднепровский*, 1981; 1984; 1997).

Археологические исследования Ю. А. Заднепровским поселенческих памятников эпохи поздней бронзы и железного века Ферганской долины, среди которых такие крупные, как Дальверзин (25 га), Эйлатан (20 га) и Шурабашат (70 га), показали, что местная оседло-земледельческая культура уже в конце II–I тыс. до н. э. фактически достигла протоурбанистических форм общественной жизни. Уникальное Ошское поселение, расположенное на священной горе Сулайман-Тоо, является древним культурно-историческим центром города Ош.

Научные идеи о долговременности, непрерывности и преемственности развития оседло-земледельческих культур Ошского оазиса, которые Ю. А. Заднепровский развивал в 1970–80-е гг., получили фактическое признание и практическую реализацию в 1990-е, в годы становления и формирования государственной независимости Кыргызстана. В марте 1996 г. вышел указ президента Кыргызской Республики А. Акаева «О проведении празднования 3000-летия Оша», в котором особо отмечалось: «Учитывая, что Ошское поселение является одним из самых древнейших в Центральной Азии, занимает особое место в истории и культуре народа Кыргызстана, становлении его государственности, а также принимая во внимание многочисленные предложения общественности страны, постановляю: 1) объявить 2000 г. Годом всенародного празднования 3000-летия Оша; 2) Правительству Кыргызской Республики до 20 мая 1996 г. образовать Национальный организационный комитет Кыргызской Республики по празднованию 3000-летия Оша, разработать и утвердить его положение; 3) подготовительный период к юбилею максимально использовать для решения основных социально-инфраструктурных вопросов г. Оша как важного культурного, научно-образовательного и туристического центра Кыргызстана». Реализация программы «Ош-3000» осуществлялась коллективными усилиями специально созданных государственных структур и общественных фондов, куда вошли Государственная дирекция «Ош-3000», Генеральная дирекция «Ош-3000», Общественный фонд «Сулайман-Тоо — Ош-3000» и Фонд гражданского развития, а также Южное отделение Национальной академии наук Кыргызской Республики и Ошский государственный университет, при поддержке Ошской областной государственной администрации. Научные мероприятия, проводимые в рамках программы «Ош-3000», получили международную поддержку ЮНЕСКО по проекту 98KIZ103 «3000-летний юбилей города Ош и международное академическое сотрудничество», а также Международного института центральноазиатских исследований (МИЦАИ).

Государственная программа «Ош-3000», подготовленная и реализованная в 1996–2000 гг., фактически стала главным мотиватором и стимулятором экономического, социального и культурного развития города Ош и Ошской области. В рамках экономической части программы «Ош-3000» были проведены масштабные работы по строительству, ремонту и реконструкции городских объектов инфраструктуры: телерадиоцентра, филармонии, стадиона, школы, лабораторного учебного корпуса, троллейбусных линий, объектов водоснабжения и др., включая строительство нового комплекса историко-археологического музея-заповедника «Сулайман-Тоо».

Научная, научно-организационная и культурная программа «Ош-3000» включала в себя большой комплекс работ и мероприятий, направленных на изучение, сохранение и популяризацию древней и средневековой истории города Ош. В 1996 г. совместно с кыргызскими коллегами Ю. А. Заднепровский принял участие в разработке научной концепции празднования юбилея, в которой были даны идеологические, историко-археологические и этнологические, а также научно-практические обоснования программы «Ош-3000» (*Заднепровский и др.*, 1997). Программа включала в себя большой комплекс мер по сохранению культурного наследия Оша: строительство нового здания областного краеведческого музейного комплекса; археологические исследования на территории Оша и округи; музеефикация объектов Ошского поселения эпохи поздней бронзы; реконструкция, музеефикация и реставрация исторических объектов средневекового времени (бани-хаммама у восточного склона Сулайман-Тоо, мавзолея Асаф-ибн-Бурхия, мечетей Рават Абдуллахан и Мухаммед Юсуф Байходжи); благоустройство и создание туристических маршрутов на горе Сулайман-Тоо; ряд мероприятий, направленных на поддержку и развитие Узгенского историко-архитектурного комплекса и т. д.

1

2

3

4

Археологические исследования, проведенные в ходе подготовки празднования 3000-летия Оша, были осуществлены силами двух экспедиций. Ошская археологическая экспедиция Южного регионального отдела НАН Республики Кыргызстан, Государственной дирекции «Ош-3000», Ошского госуниверситета и ИИМК РАН под руководством Ю. А. Заднепровского в 1998–1999 гг. в Карасуйском районе Ошской области исследовала поселения-крепости Тотон-дебе и Ооз-дебе, памятники шурабашатской культуры второй половины I тыс. до н. э. (*Заднепровский и др.*, 1999; *Заднепровский, Малтаев*, 2000), а также проводила работы, связанные с подготовкой к музеефикации объектов на Ошском поселении (*Заднепровский и др.*, 2000). Южно-Кыргызский отряд Кыргызской археолого-этнографической экспедиции Института истории, археологии и этнологии НАН КР под руководством Б. Э. Аманбаевой при поддержке Генеральной дирекции «Ош-3000» под руководством К. А. Азимова в течение 1997–2000 гг. осуществлял комплексные работы по изучению и сохранению археологических памятников на территории Оша. В число первоочередных задач экспедиции были включены раскопки городища Ак-Буура на южной окраине Оша, открытого в 1941 г. А. Н. Бернштамом и обследованного в 1987 г. Ю. А. Заднепровским. В результате раскопок Ак-Бууринского городища были выявлены археологические комплексы, датируемые VII–VIII вв., которые позволяют локализовать здесь местоположение города доарабского времени (*Аманбаева, Абдуллоев*, 2000а; *Аманбаева, Абдуллоев*, 2000б). Проводились также раскопки средневековой бани-хамама у восточного подножья Сулайман-Тоо, в результате которых удалось уточнить ее датировку и определить два периода функционирования, первый из которых относится к караханидскому времени (XI–XII вв.), а второй — к тимуридскому (XIV–XV вв.) (*Аманбаева и др.*, 1998; *Аманбаева*, 1999). Важным объектом изучения Южно-Кыргызского отряда стали петроглифы горы Сулайман-Тоо в контексте их культового значения, изобразительных традиций и техники исполнения, по результатам исследований которых был предложен комплекс мероприятий по музеефикации наскальных изображений (*Аманбаева, Дэвлет*, 1999; 2000а; 2000б). Значительные по объему работы были выполнены в связи с задачами музеефикации объектов Ошского поселения, включая реконструкцию жилища-землянки в натуральную величину для музейного экспонирования, Ак-Бууринского городища, а также подготовки в 2000 г. музейных экспозиций по археологии Южного Кыргызстана во вновь построенном здании Ошского объединенного историко-культурного музея-заповедника, который с 2004 г. получил статус Национального историко-археологического музейного комплекса «Сулайман-Тоо».

Результаты научных исследований, проводимых в рамках программы «Ош-3000», публиковались в специальной серии «Ош-3000 и культурное наследие народа Кыргызстана», одним из организаторов и ответственным редактором которой был научный координатор программы В. М. Массон. Всего вышло пять выпусков, посвященных вопросам истории и культуры Кыргызстана: 1) «Изучение древнего и средневекового Кыргызстана» (1998); 2) «Новое о древнем и средневековом Кыргызстане» (1999); 3) «Ош и Фергана в исторической перспективе» (2000); 4) «Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез» (2000); 5) «Ош и древности Южного Кыргызстана» (2000).

Большое внимание и заинтересованность со стороны мирового научного сообщества к программе «Ош-3000» выразились в активном участии ученых из Индии, Казахстана, Китая, Кыргызстана,

Рис. 1. 1 — выступление Ю. А. Заднепровского, посвященное истории древнего поселения на территории города Ош (1998 г.); 2 — генеральная дирекция «Ош-3000»: Ю. А. Заднепровский и К. А. Азимов обсуждают ход подготовки к празднованию юбилея города (1999 г.); 3 — Ю. А. Заднепровский с государственными наградами за участие в Великой Отечественной войне (конец 1990-х гг.); 4 — памятник Ю. А. Заднепровскому в городе Ош, установленный в октябре 2004 г. (все фотографии из личного архива К. А. Азимова)

Fig. 1. 1 — Yurii A. Zadneprovskii's speech on the history of an ancient settlement on the territory of the city of Osh (1998); 2 — General Directorate «Osh-3000»: Yurii A. Zadneprovskii and Kurbanaly A. Azimov are discussing preparations for the celebration of the city jubilee (1999); 3 — Yurii A. Zadneprovskii with state awards for his participation in the Great Patriotic War (late 1990s); 4 — monument to Yurii A. Zadneprovskii in the city of Osh, erected in October 2004 (all the photos are from Kurbanaly A. Azimov's personal archives)

России, Таджикистана, Турции и Узбекистана в международных научных конференциях в Оше и Бишкеке, посвященных 3000-летию Оша. В течение 1998–2000 гг. состоялись международные конференции: «История и культура Оша и Ошской области в домонгольскую эпоху» (Ош, 1998); «Роль и место тюркских народов в мировой цивилизации» (Ош, 1999); «Ош и Фергана в исторической перспективе» (Бишкек, 1999); «История, культура и экономика юга Кыргызстана (Ош, 2000); «Ош-3000 в контексте восточного культурогенеза» (Ош, 2000). Круг научных вопросов, представленных для обсуждения на международных конференциях, имел самый широкий культурно-исторический диапазон: формирование и эволюция материальной культуры в древности и средние века, истоки и динамика культурного развития, взаимодействие культур и цивилизаций, этнополитическая история, процессы урбанизации в древнюю и средневековую эпоху, сохранение культурного наследия и многие другие.

Торжественные мероприятия, посвященные празднованию 3000-летнего юбилея города Ош, состоялись 5 октября 2000 г. при большом количестве гостей и участников из многих стран мира. С тех пор эта дата в истории Кыргызстана официально считается «Днем города Ош», который ежегодно отмечается как праздник мира, дружбы, согласия и процветания.

К сожалению, судьба распорядилась так, что Юрий Александрович Заднепровский, внесший огромный вклад в изучение древней истории Южного Кыргызстана, главный идеолог, вдохновитель, организатор и участник подготовки юбилея Оша, не успел дожить до одного из главных праздников в своей жизни: внезапная болезнь и скоропостижная кончина 23 августа 1999 г. на 76-м году жизни помешали этому. Память о большом ученом и замечательном человеке, который всю свою жизнь посвятил исследованиям древней Ферганы, навсегда сохранилась в истории города. Свидетельством этому является увековечение имени Ю. А. Заднепровского в Оше, где в настоящее время жители и гости города, ознакомившись с музейными экспозициями Ошского поселения на горе Сулайман-Тоо, могут не спеша дойти до тенистой улицы Заднепровского и почтить память Юрия Александровича у его памятника, установленного в сквере, рядом с православным храмом Архистратига Божия Михаила в центре города. Столь высоко и по достоинству оценен вклад петербургского ученого-археолога в национальную культуру Кыргызстана.

- Аманбаева, 1999* — Аманбаева Б. Э. Средневековая баня-хамам в Оше (предварительные итоги изучения) // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 1: Изучение древнего и средневекового Кыргызстана / Отв. ред. В. М. Массон. Бишкек: Мурас, 1999. С. 44–45.
- Аманбаева, Абдуллоев, 2000а* — Аманбаева Б. Э., Абдуллоев Д. А. Доарабский Ош // Ош-3000. Бишкек: Илим, 2000. С. 33–40.
- Аманбаева, Абдуллоев, 2000б* — Аманбаева Б. Э., Абдуллоев Д. А. Доарабский Ош в свете раскопок Ак-Бууринского городища // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 5: Ош и древности Южного Кыргызстана / Отв. ред. В. М. Массон. Бишкек: Мурас, 2000. С. 6–10.
- Аманбаева, Дэвлет, 1999* — Аманбаева Б. Э., Дэвлет Е. Г. Петроглифы Сулайман-Тоо // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 2: Новое о древнем и средневековом Кыргызстане / Отв. ред. В. М. Массон. Бишкек: Мурас, 1999. С. 6–14.
- Аманбаева, Дэвлет, 2000а* — Аманбаева Б. Э., Дэвлет Е. Г. О музеефикации наскальных изображений горы Сулайман-Тоо // История, культура и экономика юга Кыргызстана. Материалы международной научной конференции / Ред. В. М. Массон и др. Т. 1. Ош: б. и., 2000. С. 21–23.
- Аманбаева, Дэвлет, 2000б* — Аманбаева Б. Э., Дэвлет Е. Г. О Сулайман-горе // Ош-3000. Бишкек: Илим, 2000. С. 24–32.
- Аманбаева и др., 1998* — Аманбаева Б., Абдуллоев Д., Сулайманов Р., Грицина А., Набоков В. Работы Южно-Кыргызского археологического отряда КАЭЭ в 1998 г. // Древний Ош в среднеазиатском контексте. ТД международной конференции «История и культура Оша и Ошской области в домонгольскую эпоху» / Отв. ред. В. М. Массон. Ош: б. и., 1998. С. 45–47.
- Заднепровский, 1981* — Заднепровский Ю. А. Ошское поселение бронзового века // ИАН КиргССР. 1981. № 2. С. 92–96.
- Заднепровский, 1984* — Заднепровский Ю. А. Ошский оазис в древности // ИАН КиргССР. 1984. № 2. С. 54–59.

- Заднепровский*, 1997 — *Заднепровский Ю. А.* Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек: Мурас, 1997. 172 с.
- Заднепровский и др.*, 1997 — *Нурунбетов Б. А., Бешимов Б. Ж., Заднепровский Ю. А., Сарыков Т. К., Узбеков М. З.* Научно обоснованная концепция «Ош-3000». Бишкек: Акыл, 1997. 140 с.
- Заднепровский и др.*, 1999 — *Заднепровский Ю. А., Малтаев К. Ж., Сулайманов Э. Ж.* Ош и Ошский оазис в античную эпоху (По материалам Ооз-Дебе и Тотон-Дебе) // Роль и место тюркских народов в мировой цивилизации. Сборник материалов Международной научной конференции. Ош: б. и., 1999. С. 148–150.
- Заднепровский и др.*, 2000 — *Заднепровский Ю. А., Бушков В. И., Сулайманов Э. Ж., Насиров Т. А.* Новые исследования на Ошском поселении эпохи бронзы // Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез / Отв. ред. В. М. Массон. Бишкек: Мурас, 2000 («Ош-3000» и культурное наследие народов Кыргызстана. Вып. 4). С. 76–77.
- Заднепровский, Малтаев*, 2000 — *Заднепровский Ю. А., Малтаев К. Ж.* Работы Ошской экспедиции // АО 1998 г. 2000. С. 366–367.

The Osh settlement of the Bronze Age and the program «Osh-3000»

Kurbanaly A. Azimov⁴, Yurii G. Kutimov⁵

Annotation. *The work is devoted to the history of the Osh settlement of the Chust culture of the late Bronze Age, the results of the study of which became the cause for organizing the state program for celebrating the 3000th anniversary of the city of Osh.*

Keywords: *Yurii A. Zadneprovsky, Elena V. Druzhinina, Osh, field research, Program «Osh-3000»*

⁴ Kurbanaly A. Azimov — Osh Branch of the Kyrgyz Committee of the International Council on Monuments and Sites, Osh, Kyrgyz Republic; e-mail: kurbanalyazimov@gmail.com.

⁵ Yurii G. Kutimov — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: yuriuz@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-8267-1809.

Древняя Фергана в исследованиях Ю. А. Заднепровского

А. Р. Аюбов¹

Аннотация. В докладе раскрыт вклад Ю. А. Заднепровского в исследование проблем исторической географии, археологии и истории древней Ферганы. Подробно рассмотрены дискуссионные вопросы локализации ферганских городов по древнекитайским источникам и вероятного отождествления париканиев Геродота с населением Ферганы.

Ключевые слова: Фергана, историческая география, города, общественные отношения, чувская культура, саки, парикани

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-36-38

Юрий Александрович Заднепровский (1924–1999) много и плодотворно занимался проблемами истории древней Ферганы. Среди тем его исследований — изучение древних памятников чувской культуры эпохи поздней бронзы, этнический состав населения региона в раннем железном веке, древняя история кочевников Ферганы, локализация столичных городов Давани. Ю. А. Заднепровский исследовал крупнейший памятник эпохи поздней бронзы Ферганы — городище Дальверзин, а также вел раскопки в г. Ош.

Фергана известна со второй половины I тыс. н. э. как царство Давань (Даюань) китайских источников. Это была область развитой земледельческой культуры и процветающих ремесел. Китайские авторы отмечали здесь 70 больших и малых городов с народонаселением до нескольких сот тысяч человек. На сегодня известны города Эрши, Ю-чэн и Гуйшань. Город Эрши располагался на берегу реки. Л. А. Боровкова, проанализировав китайские источники, полагает, что «г. Эрши находился в районе или даже на месте нынешнего г. Коканда, а г. Гуйшань — восточнее его, в районе или даже на месте нынешнего г. Оша. Он оставался столицей царства и в V в., когда Давань уже называлась Полоной» (Боровкова, 2001. С. 160). Столица же Уструшаны, по мнению Боровковой, находилась на месте города Эрши (Боровкова, 1989. С. 56). Ю. А. Заднепровский, категорически не согласный с этим, писал, что «...основания для этого недостаточны, поскольку в них нет никаких конкретных сведений» (Заднепровский, 1962. С. 185).

Гуйшань в примечании к «Ши цзи» был назван столичным городом Давани (Бичурин, 1950. С. 149). Это означает, что государство Давань имело одновременно две столицы — Гуйшань и Эрши. Локализация города остается спорным вопросом. Часть исследователей отождествляют Гуйшань с городом Касаном. В. В. Бартольд считал, что этот город еще во II–I вв. до н. э. был столичным центром Давани (Бартольд, 1963. С. 176; 1965. С. 529).

В дальнейшем вопросом локализации Гуйшаня занимался также Ю. А. Заднепровский. По его мнению, «весьма вероятно, что в жарких странах Азии широко распространен был обычай использования двух сезонных столиц. Учитывая климатические условия Ферганы, можно полагать, что город Гуйшань (Касан) в северной Фергане служил местом пребывания правителя и правительства в летнее время и этим объясняются особенности топографии и небольшие его размеры, а во второй столице обитали в остальные сезоны» (Заднепровский, 2000. С. 195).

Третьим ферганским городом китайских источников был Ю-чэн. А. Н. Бернштам и Ю. А. Заднепровский локализовали его соответственно в районе городищ Узген и Шурабашат (Там же. С. 195). Позицию Заднепровского поддерживает Б. Матбабаев, утверждающий, что, «в отличие от Узгена, в Шурабашате были найдены археологические слои IV–I вв. до н. э.» (Матбабаев, 2001. С. 32). Ю-чэн был расположен

¹ Абдусалом Рауфович Аюбов — Худжандский государственный университет им. акад. Б. Гафурова, Худжанд, Республика Таджикистан; e-mail: abdulalom-1@mail.ru; ORCID: 0009-0009-3888-5207.

к востоку от Эрши, на расстоянии примерно в 50 км. После захвата Эрши китайцы послали часть своих войск в Ю-чэн. Отсюда следует, что Ю-чэн располагался в районе современного Оша.

Период VII–III вв. до н. э. в Фергане, несмотря на наличие археологических и палеоантропологических материалов, очень сложен для реконструкции. Исторические исследования последнего столетия показали, что, вероятно, часть жителей древней Ферганы составляли парикании, о которых писал в свое время Геродот (Hdt. III. 92, 94; VII. 68, 86).

Топоним «Фергана» фонетически близок этнониму «парикании». Но в китайских источниках область обозначена как «Давань» — и возникает вопрос: мог ли топоним «Фергана» восходить к названию племени? Материалы топонимики могут указывать на путь передвижения племен. По мнению Р. Фрая, «...этнические группы шли в основном на запад, и, судя поэтому, персидские названия можно было найти также в Средней Азии» (Тревер, 1950. С. 53).

Э. Херцфельд одним из первых выдвинул гипотезу о локализации париканиев в Фергане. Еще в 1910 г. он обратил внимание на список сатрапий Ахеменидов в книге Геродота. В дальнейшем опубликовал надпись ахеменидского царя Дария I в Хамадане (древние Экбатаны). Группу сакских племен «Saka para Sugdam» («засогдийские саки») Херцфельд локализовал в Ферганской долине, исходя из древней традиции, что Сырдарья протекала по сако-согдийской границе. В последующее время он, опираясь на упоминание топонима «Паркан» в «Бундахишне», отождествлял париканиев с Ферганой.

Эту гипотезу в свое время поддержали К. В. Тревер, А. Н. Бернштам и Ю. А. Заднепровский (Тревер, 1950. С. 41; Бернштам, 1951. С. 7; Заднепровский, 1956. С. 43). Бернштам писал, что в Фергане были расселены парикании, к имени которых и восходит название области (Бернштам, 1951а. С. 84). Ю. А. Заднепровский заключал, что «в античной историографии можно проследить традицию от Гекатея — Геродота, по сведениям которых трудно определить точное место нахождения париканиев, до Плиния — Помпония Мелы, которые помещают париканиев на Сырдарье» (Заднепровский, 1962. С. 197). Б. А. Литвинский, однако, в рецензии на книгу Ю. А. Заднепровского эту гипотезу отверг (Литвинский, 1965. С. 266).

Против локализации париканиев в Фергане выступали И. М. Дьяконов, В. М. Массон и Б. А. Литвинский (Дьяконов, 1956. С. 338; Массон, 1959. С. 144). По их мнению, парикании являлись жителями Гедросии и Мидии. Париканиев X сатрапии некоторые исследователи отождествляют с гирканиями. Вероятно, они опираются на слова Страбона о том, что «...племена, живущие восточнее последних [даев. — А. А.], носят названия массагетов и саков, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя. Все они в общей массе кочевники. Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли у греков Бактриану, именно асии, пасианы, тохары и сакаравлы. Из даев одни называются апарнами, другие — ксанфиями и третьи — писсурами. Апарны находятся ближе всего к Гиркании и к пограничному с ней морю; остальные простираются даже до области, лежащей против Арии» (Strabo XI. 8. 2; перевод Г. А. Стратановского). По мнению И. М. Дьяконова, «...под париканиями, по-видимому, имелись в виду те жители Маннейского царства, которые еще не полностью влились в состав мидян» (Дьяконов, 1956. С. 338).

Важно при этом обратить внимание, что ни один античный источник не дает сведений о париканиях как о жителях Ферганы. Исходя из этого, Ю. А. Заднепровский писал: «У античных авторов рубежа н. э., Плиния и Помпония Мелы, вновь упоминаются парикании и париании, очевидно, тождественные париканиям Гекатея — Геродота в перечне народов, обитавших на северо-востоке Средней Азии. По сведениям Помпония Мелы (42 г. н. э.), париане помещались на Яксарте, к северу от согдийцев и бактрийцев, и, следовательно, в Ферганской долине» (Заднепровский, 1962. С. 197).

Помпоний Мела не дает точных данных о местоположении париканиев. В своей «Хорографии» он писал: «...внутренние земли (Азии) населяет много различных племен: за скифами и скифскими пустынями — гандары, парианы, бактры, сугдианы, фармакотрофы, хомары, хоаманы, пропанисады и даги...» (Mela I. 13; цит. по: Подосинов, Скржинская, 2011. С. 45). Другой автор, Плиний Старший, в своей «Естественной истории» также упоминает о парианах (Plin. NH. VI. 48; цит. по: там же. С. 45). Из приведенных текстов двух авторов явно видно, что они не определили местоположения париканиев.

Ю. А. Заднепровский внес весомый вклад в изучение древнеземледельческой культуры Ферганы. Он опубликовал материалы, полученные им при раскопках важных памятников Ферганы II–I тыс. до н. э. Кроме того, им был дан краткий обзор материалов, происходящих с памятников, исследованных другими археологами. Наряду со систематизацией и классификацией археологических материалов,

на их основе (с привлечением довольно скудных данных письменных источников) он предложил общий очерк истории Ферганы II–I тыс. до н. э., в значительной степени сохраняющий свое научное значение и сегодня.

- Бартольд*, 1963 — Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Подг. к изд. И. П. Петрушевский. М.: Изд-во восточной литературы, 1963 (*Бартольд В. В.* Сочинения. Т. I). 760 с.
- Бартольд*, 1965 — *Бартольд В. В.* Фергана // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. III: Работы по исторической географии / Отв. ред. А. М. Беленицкий. М.: Наука ГРВЛ, 1965. С. 527–538.
- Бернштам*, 1951 — *Бернштам А. Н.* Древняя Фергана (Научно-популярный очерк). Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1951. 49 с.
- Бернштам*, 1951a — *Бернштам А. Н.* Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. 262 с.
- Бичурин*, 1950 — *Бичурин Н. Я.* Собрание сочинений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 334 с.
- Боровкова*, 1989 — *Боровкова Л. А.* Запад Центральной Азии во II в. до н. э. — VII в. н. э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М.: Наука ГРВЛ, 1989. 181 с.
- Боровкова*, 2001 — *Боровкова Л. А.* Царства «западного края» во II–I веках до н. э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М.: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001. 368 с.
- Дьяконов*, 1956 — *Дьяконов И. М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 488 с.
- Заднепровский*, 1956 — *Заднепровский Ю. А.* Об этническом составе населения древней Ферганы // КСИИМК. 1956. Вып. 61. С. 39–44.
- Заднепровский*, 1962 — *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (МИА. № 118). 330 с.
- Заднепровский*, 1989 — *Заднепровский Ю. А.* Взаимодействие кочевников и древних цивилизаций и этническая история Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Отв. ред. В. М. Массон. Алма-Ата: Наука, 1989. С. 257–265.
- Заднепровский*, 2000 — *Заднепровский Ю. А.* О столичных центрах Давани (Древней Ферганы) // ВКЦ. 2000. С. 194–197.
- Литвинский*, 1965 — *Литвинский Б. А.* Рец. на кн.: *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (МИА. № 118) // СА. 1965. № 4. С. 260–267.
- Массон*, 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА. № 73). 216 с.
- Матбабаев*, 2001 — *Матбабаев Б.* Древнеферганское государство Давань // Очерки по истории государственности Узбекистана / Отв. ред. Д. А. Алимова и Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Главная редакция издательско-полиграфической акционерной компании «Шарк», 2001. С. 25–39.
- Подосинов*, *Скржинская*, 2011 — *Подосинов А. В.*, *Скржинская М. В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М.: Индрик, 2011. 504 с.
- Тревер*, 1950 — *Тревер К. В.* Согд, Хорезм, Бактрия, Чач и Паркан (Фергана) в архаический период (VI–IV вв. до н. э.) // *Тревер К. В.*, *Якубовский А. Ю.*, *Воронец М. Э.* История народов Узбекистана. Т. 1. С древнейших времен до начала XVI века. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1950. С. 41–67.

Ancient Ferghana in the works by Yurii A. Zadneprovskii

Abdusalom R. Ayubov²

Annotation. *The paper reveals the contribution of Yurii A. Zadneprovskii to the study of historical geography, archaeology and history of ancient Ferghana. Questionable issues of localization of Ferghana cities according to ancient Chinese sources and probable identification of Herodotus' Parikanioi with the population of Ferghana are considered in detail.*

Keywords: *Ferghana, historical geography, cities, Chust culture, social relations, Saka, Parikanioi*

² Abdusalom R. Ayubov — В. Gafurov Khujand State University, Khujand, Republic of Tajikistan; e-mail: abdsalom-1@mail.ru; ORCID: 0009-0009-3888-5207.

Встреча на Памире

А. Ю. Заднепровская¹

Аннотация. *Ю. А. Заднепровский (1924–1999) принадлежал к яркому поколению советских археологов, интенсивно и успешно работавших в Средней Азии в течение полувека после окончания Второй мировой войны. По рекомендации своего друга — прославленного альпиниста, чеха по национальности, В. И. Рацека — состоялось его знакомство со знаменитыми чешскими путешественниками и журналистами Иржи Ганзелкой и Мирославом Зикмундом. В 1964 г. Юрий Александрович сопровождал их в поездке по Средней Азии, они путешествовали по Ферганской долине и горам Памира. В совместном путешествии люди обычно легче и быстрее сходятся, чем в обычной жизни. Они откровенно беседовали о многом, тем более что Мирослав прекрасно говорил по-русски. Следующая встреча с Зикмундом произошла в 1966 г. в Брно, когда Юрий Алесандрович приезжал в Чехословакию на научную конференцию.*

Ключевые слова: Ю. А. Заднепровский, В. И. Рацек, И. Ганзелка, М. Зикмунд, Памир, Ферганская долина

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-39-44

Мой отец Юрий Александрович Заднепровский (1924–1999) принадлежал к яркому поколению российских археологов, интенсивно и успешно работавших в Средней Азии в течение полувека после окончания Второй мировой войны, то есть начиная с середины 1940-х гг. вплоть до 1990-х гг. Они были преемниками ученых, которые первыми начинали работать в регионе еще с конца 1920-х гг. Так же, как и их предшественники, послевоенное поколение ученых успешно продолжило углубленное археологическое изучение этого региона. Еще одной заслугой этих ученых было то, что они во многом помогли формированию и работе национальных кадров в республиках Средней Азии.

Еще студентом первого курса Исторического факультета ЛГУ, в 1946 г., Юрий Алесандрович начал работать в экспедициях своего научного руководителя профессора А. Н. Бернштама. Там в 1947 г. он познакомился со своей будущей женой, студенткой 1 курса Татьяной Вагнер (Заднепровской). Первые поездки на Памир и в Ферганскую долину покорили его на всю жизнь. Именно тогда он открыл для себя красоту и бесконечное разнообразие природы и ландшафта Средней Азии и полюбил жителей этого обширного региона, узнал их богатую культуру и многовековую историю. Средняя Азия стала его любовью на всю жизнь.

После окончания ЛГУ Юрий Александрович был принят в аспирантуру при ЛОИА АН СССР (ныне — ИИМК РАН). С начала 1950-х гг. он сам стал начальником отряда и вел свои работы уже самостоятельно, практически ежегодно выезжая в поле. В общей сложности он провел более 50 полевых сезонов в Средней Азии. Его диплом, кандидатская (1954) и докторская (1978) диссертации были посвящены древней культуре Ферганы. В итоге он опубликовал более 350 работ, посвященных изучению культур эпохи бронзы и раннего железа.

В молодости отец был очень активным, динамичным и общительным человеком. У него появилось много интересных знакомых. В частности, он подружился с жившим в Ташкенте легендарным Владимиром Иосифовичем Рацеком (1918–1980), который был профессиональным альпинистом, военным топографом и исследователем горных районов Средней Азии, совершившим ряд знаковых восхождений на вершины Памира и Тянь-Шаня. Поскольку Рацек был чехом по национальности, именно он сыграл решающую роль в знакомстве отца со знаменитыми чешскими путешественниками и журналистами Иржи Ганзелкой (1919–2019) и Мирославом Зикмундом (1919–2003).

¹ Александра Юрьевна Заднепровская — независимый исследователь; e-mail: semenov@pdmi.ras.ru; ORCID: 0009-0009-7439-8377.

Рис. 1. Семья Заднепровских (1967 г.), слева направо:
Татьяна Николаевна, Александра Юрьевна, Михаил Юрьевич и Юрий Александрович

Fig. 1. The Zadneprovskii family (1967), from left to right:
Tatiana Nikolaevna, Aleksandra Yurievna, Mikhail Yurievich and Yurii Aleksandrovich

В 1964 г. Юрий Александрович сопровождал их в поездке по Ферганской долине и Памиру. Ехали на «Татрах», машинах чешского производства, названных в честь самого высокого горного массива Карпат. Имена этих чешских путешественников были широко известны в СССР. Книги М. Зикмунда и И. Ганзелки, рассказывающие о жизни в экзотических странах Африки, Южной Америки, странах Ближнего Востока, были переведены на русский язык и пользовались огромной популярностью. Почти в каждой интеллигентной семье на книжной полке стояли их большие и хорошо иллюстрированные книги.

В своих путешествиях они встречались с тысячами людей, сделали множество фотографий, снимали документальные фильмы, написали сотни репортажей. Необыкновенно привлекательно выглядела для почти поголовно «невыездных» свобода и возможность ехать «куда глаза глядят», встречаться с разными людьми, смотреть на мир широко открытыми глазами. Эти чешские путешественники зачастую забирались в такие глухие экзотические места, что были там первыми иностранцами, которых видели аборигены.

Ю. А. Заднепровский и его спутники принадлежали к одному поколению. М. Зикмунд и И. Ганзелка познакомились друг с другом в 1938 г., когда оба начали учиться в Пражской высшей экономической школе. Они сразу стали близкими друзьями и единомышленниками на всю жизнь. Оба с отрочества лелеяли мечты о кругосветном путешествии. Их объединил энтузиазм, интерес ко всему новому и стремление поделиться своими наблюдениями с читателями. Но тут началась Вторая мировая война, немецкая оккупация Чехословакии, серьезно повлиявшая на их жизнь и занятия. Все чешские университеты и колледжи были закрыты, молодым людям учиться было

1

2

3

Рис. 2. Во время путешествия по Памиру в 1964 г. (слева направо): 1 — М. Зикмунд, И. Ганзелка и Ю. А. Заднепровский; 2 — И. Ганзелка и Ю. А. Заднепровский; 3 — И. Ганзелка и М. Зикмунд

Fig. 2. While traveling through the Pamir Mountains in 1964 (left to right): 1 — Miroslav Zikmund, Jiří Hanzelka and Yurii A. Zadneprovskii; 2 — Jiří Hanzelka and Yurii A. Zadneprovskii; 3 — Jiří Hanzelka and Miroslav Zikmund

негде. Пришлось рано начать работать. Они не отказывались ни от какой, даже тяжелой, работы и стали мастерами на все руки. В дальнейшем им это очень пригодилось.

Не теряя времени даром, они серьезно занимались самообразованием, много читали, изучали карты, углубляли свои знания по экономике, географии и истории. Усердно учили иностранные

1

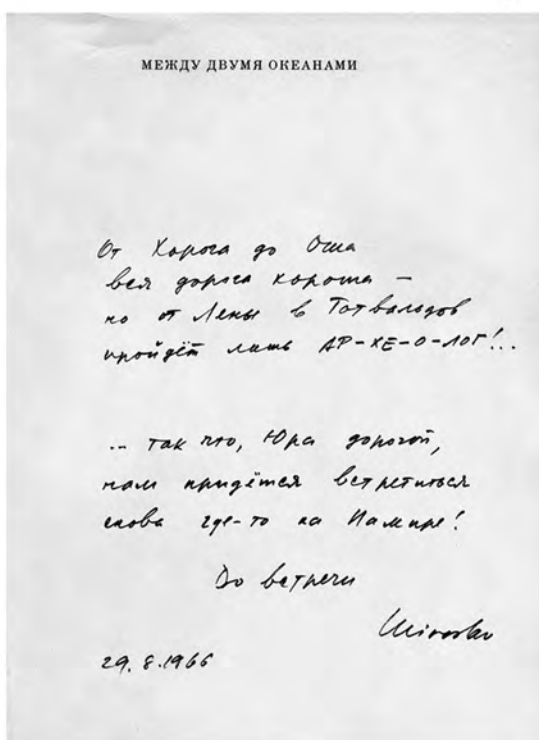
2

3

4

5

Рис. 3. 1, 2 — грузовики «Татра» И. Ганзелки и М. Зикмунда на Памире (1964); 3 — И. Ганзелка и жители Памира (1964); 4 — М. Зикмунд и Ю. А. Заднепровский в Брно (Чехословакия, 1966); 5 — дарственная надпись М. Зикмунда на экземпляре книги «Между двумя океанами» (Прага, 1960), подаренном Ю. А. Заднепровскому в 1966 г.

Fig. 3. 1, 2 — «Tatra» trucks of Jiří Hanzelka and Miroslav Zikmund in the Pamir (1964); 3 — Jiří Hanzelka and inhabitants of the Pamir (1964); 4 — Miroslav Zikmund and Yurii A. Zadneprovskii in Brno (Czechoslovakia, 1966); 5 — gift inscription by Miroslav Zikmund on a copy of the Russian-language book «Between Two Oceans» (Prague, 1960), presented to Yurii A. Zadneprovskii in 1966

языки. Зикмунд еще в гимназии учил русский, потом испанский, голландский, немецкий и арабский. Ганзелка, мечтавший о поездке в Африку, учил суахили. В дальнейшем во время путешествий это стало их колоссальным преимуществом. После окончания войны для них открылись новые возможности. Чтобы реализовать свою мечту о путешествиях, они использовали смелый ход и обратились со своими предложениями непосредственно к дирекции завода по производству машин «Татра». Они выступили с инициативой организовать длительные зарубежные путешествия для рекламы фирмы и проверки качества машин. Девиз фирмы «Татра»: «Этот автомобиль работает там, где другие не пройдут». Предложение было принято: они получили в свое распоряжение машины и финансирование.

Юрию Заднепровскому в 1964 г. было только 40 лет, за плечами у него было много тяжелого и страшного: Ленинградский фронт, тяжелые ранения, полгода лечения в госпиталях и инвалидность. Он чудом остался жив, был награжден орденом Боевым Красного Знамени. С отрочества у него была мечта стать археологом, он занимался в кружке юных археологов во Дворце пионеров в Ленинграде. В июне 1941 г. члены этого кружка проходили свою первую археологическую практику в Новгороде Великом. Там он, по его словам, заработал свои первые мозоли и начал понимать, «как лопатой делают историю». Тогда он окончательно утвердился в своем выборе.

В молодости он был очень активным и общительным человеком, легким на подъем. С юных лет он очень много читал, ему было все интересно. Думаю, что по своему духу и устремлениям он был очень симпатичен чешским путешественникам. По возрасту они были близки, и как люди одного поколения, они пристально вглядывались друг в друга. Им было интересно друг с другом, они любили откровенно и подробно беседовать. Именно потому, что они были людьми очень разного историко-культурного опыта. Особенно подружился отец с Мирославом Зикмундом, с Миро, как он пишет в своей записной книжке: «Миро в шутку отпустил бороду» (Отец это отмечает, так как сам с молодых лет носил бороду, а коллеги его звали «Борода». Было это еще задолго до появления моды на портреты Э. Хемингуэя.)

Сохранившиеся записные книжки Ю. А. (к сожалению, очень краткие из-за нехватки свободного времени) дают некоторое представление о темах их разговоров. Ю. А. практически всю жизнь вел краткие записи о событиях текущего дня, о том, что ему казалось важным и интересным. Начал он вести дневник еще во время войны.

Чехи много рассказывали о своей стране, о ее экономических проблемах, об обидной для них зависимости от советской помощи, о своем горячем желании работать на благо и процветание своей родины. Они делились своими проектами и планами на будущее. Отец пишет: «Их цель — создать мозговой центр улучшения строительства социализма». Отмечает, что на «государственную службу не хотят идти», поскольку они стремятся сохранять свою позицию независимых и непредвзятых экспертов. Пишет, что они пользуются авторитетом, с их мнением считаются, с ними «советуются правительство и руководство» их страны². Они, в частности, рассказывали ему о судьбе знаменитой чешской обувной фирмы «Батя», о ее основателе легендарном чешском предпринимателе, талантливом менеджере Т. Бате, который был сыном простого сапожника. Рассказывали и о встречах в Канаде с его сыном Томашем Батей.

В своих записях Ю. А. (видимо, с большим удивлением, если не с завистью), перечисляет все 22 страны, которые посетили к тому времени Зикмунд и Ганзелка. Отмечает он также, что жена М. Зикмунда, оперная певица, собирается вскоре ехать на музыкальный фестиваль в Шотландию в Эдинбург. Мирослав ему показывал ее фотографию в роли «Русалки» в опере чешского композитора Антона Дворжака.

Ю. А. обратил особое внимание на формы и методы работы чешских путешественников-исследователей. Его интересовали способы сбора и группировки собранных ими разнообразных материалов. Это было особенно важно, так как объем собранных данных был огромный. Обычно они вели записи на маленьких листочках бумаги. Потом проводили их тематическую классификацию.

² М. Зикмунд и И. Ганзелка не жалея себя трудились на благо своей страны. Они были активными участниками «пражской весны» (5 января — 21 августа 1968 г.) и за свою независимую и честную позицию были несправедливо и жестоко наказаны тогдашними властями Чехословакии.

Иржи Ганзелка наклеивал эти листочки особым образом по темам в альбом, а Мирослав, как пишет отец, «работает иначе — сброшюровывает их в блокнот».

Отец отметил также, что машины «Татры» во время их поездки часто ломались и их частенько приходилось ремонтировать. Конечно, свою роль в этом играли горные дороги, тяжелые и сложные.

Впоследствии наладить регулярную переписку при их общей загруженности не удалось. Но отец и Мирослав смогли встретиться еще один раз в 1966 г., когда Ю. А. ездил на научную археологическую конференцию в Чехословакию. От этой встречи у отца сохранилась совместная с Мирославом фотография, которая была сделана, когда они на машине вместе ездили на экскурсию в Брно (рис. 3, 4). Именно в 1966 г. я и получила переданные мне от Мирослава Зикмунда два (четыре по точному счету) чудесных подарка к своему 12-летию. Для обычной ленинградской девочки, носившей жесткую и неудобную обувь фабрики «Скороход», он прислал пару сказочных нарядных красных туфельек, каждая из которых была украшена черной пуговкой, и чудесные зимние суконовые полусапожки в этнографическом стиле, с нашивками из нерпичьей шкурки и цветной тесьмы. Помню их до сих пор! Теперь я, конечно, понимаю, что это был выбор его супруги. Видимо, будучи у них в гостях, отец говорил им обо мне. Своих детей в семье Зикмундов, кажется, не было.

В память об их совместном путешествии на Памир Мирослав подписал отцу свою книгу о Южной Америке, изданную на русском языке. В библиотеке отца она сохранилась (рис. 3, 5):

От Хорога до Оша
вся дорога хороша —
но от Лены в Тотвальдов
пройдёт лишь ар-хе-о-лог!..

...так что Юра, дорогой,
нам придется встретиться
снова где-то на Памире!
До встречи
Miroslav
29.8.1966

A meeting in the Pamir Mountains

Aleksandra Yu. Zadneprovskaya³

Annotation. *Yurii A. Zadneprovsky (1924–1999) belonged to a bright generation of the Soviet archaeologists who worked intensively and successfully in Central Asia for half a century after the end of the World War II. On the recommendation of his friend — the noted mountaineer, Czech by nationality, Vladimir J. Racek — he met the famous Czech travelers and journalists Jiří Hanzelka and Miroslav Zikmund. In 1964, Zadneprovskii accompanied them on a trip to Central Asia, where they traveled through the Ferghana Valley and the Pamir Mountains. When traveling jointly, people usually get together easier and quicker than in ordinary life. They talked frankly about many things, especially since Miroslav spoke excellent Russian. The next meeting with Zikmund took place in 1966 in Brno, when Zadneprovskii came to Czechoslovakia for a scientific conference.*

Keywords: *Yurii A. Zadneprovskii, Vladimir J. Racek, Jiří Hanzelka, Miroslav Zikmund, Pamir Mountains, Ferghana Valley*

³ Aleksandra Yu. Zadneprovskaya — independent researcher; e-mail: semenov@pdmi.ras.ru; ORCID: 0009-0009-7439-8377.

О жизненном пути и научной деятельности А. М. Беленицкого¹

В. П. Никоноров²

Аннотация. В докладе суммированы основные вехи жизни А. М. Беленицкого и главные результаты его научных изысканий.

Ключевые слова: А. М. Беленицкий, его жизненный путь, научные достижения, Таджикистан, Пенджикент, Бируни

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-45-54

24 марта этого года исполнилось 120 лет со дня рождения Александра Марковича Беленицкого — выдающегося отечественного востоковеда и археолога. Александр Маркович прожил долгую и непростую, но в то же время чрезвычайно богатую на события и — главное — очень достойную жизнь³. Согласно его собственноручно написанной автобиографии 1945 г., до 1920 г. он «проживал в деревне Лобино Великолуцкой области Усвяцкого района» (Беленицкий, 2019. С. 25–26)⁴ в крестьянской семье. Когда ему было всего шесть лет, умер его отец, и совсем юный Александр начал трудиться в унаследованном от отца хозяйстве, середнячком по меркам того времени. В 1920 г. в связи с пожаром вся семья Беленицких переехала в Смоленск. Здесь Александр Маркович устроился чернорабочим на лесопильном заводе и одновременно поступил учиться на вечерний рабфак при Смоленском государственном университете. Завершив обучение на рабфаке в 1923 г., он в течение четырех лет работал сельским учителем в различных областях СССР.

В 1927 г. А. М. Беленицкий поступил на Восточный факультет Среднеазиатского государственного университета (САГУ) в Ташкенте, куда его привели тяга к знаниям и особый интерес к истории средневекового Востока. Окончив САГУ в 1930 г. по специальности преподавателя таджикско-персидского языка, он до 1934 г. работал преподавателем в средних и высших учебных заведениях таджикских городов Сталинабад и Ленинабад (ныне — соответственно Душанбе и Худжанд) и одновременно вел организационно-методическую работу в органах Наркомпроса Таджикской ССР. В частности, Александр Маркович стал автором первого таджикского букваря. Эти четыре года «определили его научные интересы и навсегда связали его как ученого с Таджикистаном» (Грязнов, 1964. С. 170).

В 1934 г. А. М. Беленицкий поступил в аспирантуру при Историческом факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ), которую окончил в 1937 г. Под влиянием своего научного руководителя А. Ю. Якубовского он начал заниматься исследованиями в области социально-экономической истории народов Среднего Востока, в итоге подготовив на основе глубокого изучения

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Валерий Павлович Никоноров — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: vrnikonorov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3487-944X.

³ Подробнее о жизни и научной деятельности А. М. Беленицкого см.: ЦААТ, 2005. С. 8–54; Бируни, 2011. С. 5–21; Алёшкин, 2014; Abdulloev D. et al., 2016; Беленицкий, 2019. С. 7–29.

⁴ По данным же его личного дела, хранящегося в рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН (НА ИИМК РАН. РА. Ф. 35, Оп. 1, д. 466), он родился в деревне Лобино Велижского уезда Витебской губернии (ныне — Усвяцкий район Смоленской области) (см.: Алёшкин, 2014. С. 199).

1

2

3

4

5

6

рукописных источников кандидатскую диссертацию о движении сербедаров в Иране, которая была успешно защищена в 1938 г. Но еще будучи аспирантом, в 1936 г. Александр Маркович был принят на работу в сектор Средней Азии Института истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР (переименованный в 1959 г. в Ленинградское отделение Института археологии (ЛОИА) АН СССР, а в 1991 г. — в Институт истории материальной культуры РАН), где и проработал до конца своей жизни. В 1938–1941 гг. он продолжал свою педагогическую деятельность, читая на Филологическом факультете ЛГУ ряд курсов по истории Ирана и Средней Азии. В 1940 и 1941 гг. вышли в свет его первые статьи, продемонстрировавшие несомненный исследовательский талант их автора: «Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV–XV вв.», «Организация ремесла в Самарканде XV–XVI вв.» и «К истории феодального землевладения в Средней Азии и Иране в тимуридскую эпоху (XIV–XV вв.) (Образование института “суюргал”)».

Начало Великой Отечественной войны Александр Маркович встретил в Ленинграде. «Утром 22 июня 1941 г. вместе с С. С. Черниковым А. М. Беленицкий собирался купить кое-какие ножи для экспедиции. В 12 ч., услышав объявление о начале войны, оба пошли в институт. Записались в Народное ополчение и летом несколько месяцев занимались на курсах, но осенью Александр Маркович был направлен военкомом в институт для проведения работ по эвакуации» (записано со слов А. М. Беленицкого, см.: *Бобровская, Медведева, 2015. С. 441*). В сентябре 1941 г. вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо фашистской блокады. Первую блокадную зиму А. М. Беленицкий перенес очень тяжело, едва выжил. По его собственному признанию, до осени 1942 г. он фактически не мог заниматься научной работой из-за дистрофии. В марте — апреле 1942 г. он был переправлен сначала в Тихвин, а оттуда — на Кубань, куда ему пришел вызов из ИИМК, эвакуированного к тому времени в Ташкент.

В ташкентской эвакуации Александр Маркович пробыл с осени 1942 г. по июль 1943 г. Там он работал в местном архиве над разбором фонда документов бухарских эмиров XIX в. По результатам этой работы он выступил с двумя докладами: «Городская жизнь феодальной Бухары в XIX в.» и «Амляки и формы землевладения в Бухарском ханстве XVIII–XIX вв.» Кроме того, подготовил популярную статью «Из истории революционного движения в Средней Азии (Самаркандское восстание 1335/6 гг.)».

Затем А. М. Беленицкий был мобилизован в РККА и находился в ее рядах с июля 1943 г. по сентябрь 1945 г. В городе Ставрополе Куйбышевской области (ныне — Тольятти) он прошел курс военных переводчиков и был направлен в спецразведку. В то время советские войска уже перешли в наступление по всей линии фронта.

Вот что вспоминает Александр Маркович об одном из самых ярких эпизодов своей красноармейской службы: «На передовую линию фронта я впервые попал весной 1944 г. в составе особой разведывательной группы в качестве переводчика. Такие группы, снабженные спец. радиоаппаратурой, были тогда вновь организованы. Специальные радиоприемники позволяли ловить радиопередачи противника и определять “вектор” расположения самого передатчика. Обычно в периоды стабильности фронтовой

Рис. 1. 1 — А. М. Беленицкий на занятиях в Ташкенте (Узбекистан), 1928 (?) г.; 2 — А. М. Беленицкий (слева) и его товарищ Сулейман в день прихода из Таджикистана в Ташкент (10 августа 1929 г.); 3 — А. М. Беленицкий на фото с документа военного времени (1943 или 1944 г.); 4 — Пенджикент (Таджикистан), 1946 г., в первом ряду сидят (слева направо): А. М. Беленицкий, Е. М. Пещерева и А. Ю. Якубовский (снимок сделан В. А. Лившицем); 5 — А. М. Беленицкий за камеральной обработкой находок с городища древнего Пенджикента, 1952 г.; 6 — А. М. Беленицкий (слева) и Б. А. Литвинский в Кайрак-Кумах (Таджикистан), 1955 г. (все фотографии из личного архива Г. А. Беленицкой)

Fig. 1. 1 — Aleksandr M. Belenitskii at classes in Tashkent (Uzbekistan), 1928 (?); 2 — Aleksandr M. Belenitskii (left) and his comrade Suleiman on the day of their arrival from Tajikistan to Tashkent (August 10, 1929); 3 — Aleksandr M. Belenitskii on a photo from a wartime document (1943 or 1944); 4 — Panjikent (Tajikistan), 1946, in the front row seated (from left to right) are Aleksandr M. Belenitskii, Elena M. Peshchereva and Aleksandr Yu. Yakubovskii (photo by Vladimir A. Livshits); 5 — Aleksandr M. Belenitskii at the cameral processing of finds from the ancient site of Panjikent, 1952; 6 — Aleksandr M. Belenitskii (left) and Boris A. Litvinskii in Kayrak-Kum (Tajikistan), 1955 (all photos from Galina A. Belenitskaya's personal archives)

1

3

4

2

5

6

7

Рис. 2. 1 — А. М. Беленицкий на прогулке, Ленинград, 1950-е гг.; 2 — А. М. Беленицкий близ Мюнхена (ФРГ), 1957 г.; 3 — А. М. Беленицкий в конце 1950-х гг., Ленинград; 4 — А. М. Беленицкий в Пенджикенте, лето 1959 г.; 5 — О. И. Смирнова, А. М. Беленицкий (в центре) и С. И. Руденко во дворе Ново-Михайловского дворца, Ленинград, начало 1960-х гг.; 6 — А. М. Беленицкий за письменным столом, Ленинград, 1960-е гг.; 7 — Б. И. Маршак, В. И. Распопова и А. М. Беленицкий (в первом ряду слева налево) в знаменитом «Зале послов» на городище Афрасиаб в Самарканде (Узбекистан), 1965 г. (все фотографии из личного архива Г. А. Беленицкой)

Fig. 2. 1 — Aleksander M. Belenitskii on a walk, Leningrad, 1950s; 2 — Aleksandr M. Belenitskii near Munich (FRG), 1957; 3 — Aleksandr M. Belenitskii in the late 1950s, Leningrad; 4 — Aleksander M. Belenitskii in Panjikent, summer 1959; 5 — Olga I. Smirnova, Aleksandr M. Belenitskii (center) and Sergei I. Rudenko in the courtyard of the New Michael Palace, Leningrad, early 1960s; 6 — Aleksandr M. Belenitskii at a writing-table, Leningrad, early 1960s; 7 — Boris I. Marshak, Valentina I. Raspopova and Aleksandr M. Belenitskii (front row, left to right) in the famous «Hall of Ambassadors» at the ancient city site of Afrasiab in Samarkand (Uzbekistan), 1965 (all photos from Galina A. Belenitskaya's personal archives)

обстановки ловились шифрованные передачи со стороны противника, дешифровкой которых занималась особая служба. Непосредственное оперативное значение приобретали открытые передачи по радио со стороны противника, когда последний явно не был в состоянии шифровать свои распоряжения.

И вот именно такая возможность выпала на долю нашей группы, когда мы впервые оказались на передовой линии фронта. Это было в день, когда началась крупная операция наших войск в районе Полоцк — Витебск, приведшая к освобождению почти всей Прибалтики. Помню этот теплый весенний вечер. Группу нашу в порядке «перебазирования» на грузовике повезли «куда-то вперед», и когда уже стемнело, высадили в перелеске вблизи каких-то построек типа сараев. Небо заволочло, явно надвигался дождь. Забравшись в сарай, где были кучи сена, мы вскоре задремали. Ночью разразилась сильная гроза. И вдруг очень близко от нашего сарая началась другая «гроза». В полный голос заговорила наша артиллерия — началась артподготовка «на полном серьезе». Зрелище оказалось внушительным — точно состязались небо с землей. Верх явно брала земля.

Перед самым рассветом, когда и земная и небесная грозы замолкли, нашу группу отвели в просторную землянку, недавно оставленную немецкими солдатами. Вскоре в землянке был установлен телефон. Между тем заговорил и приемник. Послышались явно немецкие голоса. И вдруг очень четко характерным немецким приказным голосом было предложено «Матильде» немедленно перебазироваться в пункт с вполне разборчивым названием населенного пункта, известного по карте. Об услышанном было немедленно передано на КП армии по нитке телефона. В ответ было приказано следить за «Матильдой». Она весьма часто меняла свое местонахождение, что естественно становилось известным на КП.

Кажется, на завтра к нашей землянке прибыл начальник армейской разведки и передал благодарность от имени командующего армией. Позже при вручении группе орденов и медалей начальник армейской разведки особо помянул имя «Матильды».

А в 1982 г. имя «Матильды» — крупной артиллерийской части немецкой армии — встретилось в документальной повести советского писателя⁵, описавшего боевые действия Второго Прибалтийского фронта весной 1944 года» (*Там же*, 2015 С. 441–442).

Со своей воинской частью А. М. Беленицкий дошел до Курляндии (Западная Латвия), где по линии городов Тукумс — Либава (Лиепая) с сентября 1944 г. по май 1945 г. шли ожесточенные бои с остатками германской группы армий «Север» (т. н. Курляндский котел). Там он и встретил День Победы. За свои боевые заслуги он был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За участие в Отечественной войне», а 11 марта 1985 г. — орденом Отечественной войны II степени.

⁵ Имеется в виду роман В. Богомолова «В августе сорок четвертого», впервые опубликованный в журнале «Новый мир» в 1974 г. Под названием «Момент истины» он вышел в Ставрополе в 1982 г.

1

3

2

4

5

6

Демобилизовавшись в сентябре 1945 г., Александр Маркович вернулся в ИИМК АН СССР. Именно в первые послевоенные годы начинается его наиболее плодотворная научная деятельность. Он много пишет по истории и исторической географии Среднего Востока. В частности, в 1946 г. вышла из печати его фундаментальная статья по топографии афганского города Герата в XV в. (Беленицкий, 2019. С. 464–494), в 1950 г. — историко-географический очерк Хутталя (Хутталяна) — области между реками Пяндж и Вахш в Южном Таджикистане (*Там же*. С. 52–83). Обе эти публикации до сих пор сохраняют свою очень высокую научную значимость (впрочем, это касается и всех остальных работ А. М. Беленицкого).

После возвращения из армии Александр Маркович сразу же активно включается в полевые исследования в составе Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (СТАЭ), организованной А. Ю. Якубовским. С этого времени археология и история культуры Таджикистана стали основной темой его работ. С 1946 г. он возглавлял Вахшский отряд СТАЭ, работавший в Южном Таджикистане, а также участвовал в раскопках Пенджикента на севере республики.

В 1954 г., после ухода из жизни его коллег, выдающихся ученых А. Ю. Якубовского (1886–1953) и М. М. Дьяконова (1907–1954), Александр Маркович встал во главе Пенджикентской археологической экспедиции и лично руководил ее полевыми исследованиями до 1979 г. включительно. Благодаря его неутомимой деятельности всему миру открылись замечательные памятники материальной культуры этого раннесредневекового согдийского города. А. М. Беленицкий, наряду с такими крупнейшими организаторами археологической науки 1940-х и 1950-х гг., как А. Ю. Якубовский, М. М. Дьяконов, С. П. Толстов, М. Е. Массон и Б. А. Литвинский, стоял у истоков блестящей советской школы среднеазиатской археологии. Именно при нем Пенджикент превратился во всемирно известный, эталонный памятник эпохи раннего средневековья для Средней и Центральной Азии и Ирана.

В то же время Александр Маркович сохранил приверженность к исследованию письменных источников. Так, в течение многих лет параллельно с изучением материальной и духовной культуры древнего Согда он вел кропотливую и сложную работу над комментированным переводом одного из интереснейших памятников средневековой науки — «Минералогии». Этот поистине эпохальный труд был опубликован двумя изданиями с интервалом в 48 лет (*Бируни*, 1963; 2011).

На первый взгляд может показаться, что А. М. Беленицкий как историк-востоковед по своему университетскому образованию и первоначальным научным интересам стал археологом благодаря определенному стечению обстоятельств. Впрочем, нет никаких оснований всерьез сомневаться в профессиональных и организаторских качествах человека, который двадцать шесть лет (!) стоял у руля одной из лучших советских среднеазиатских археологических экспедиций и самым прямым образом повлиял на судьбы очень многих ученых, прошедших славную школу Пенджикента.

Рис. 3. 1 — А. М. Беленицкий (слева) знакомит посетителей с результатами раскопок на городище древнего Пенджикента (1970-е гг.); 2 — В. А. Лившиц (слева) и А. М. Беленицкий, Ленинград, 1973 г.; 3 — А. М. Беленицкий в конце 1970-х гг., Ленинград; 4 — среди знаменитых коллег-археологов на конференции в Пенджикенте в 1977 г., слева направо: Г. Ф. Коробкова, Н. Н. Гурина, В. М. Массон, А. М. Беленицкий и Г. А. Фёдоров-Давыдов; 5 — Чествование 80-летнего юбилея А. М. Беленицкого в 1984 г. в ленинградском Доме ученых, стоят юбиляр (справа) и М. Н. Боголюбов; 6 — А. М. Беленицкий в домашней обстановке, Ленинград, конец 1980-х гг. (все фотографии из личного архива Г. А. Беленицкой)

Fig. 3. 1 — Aleksandr M. Belenitskii (left) acquaints visitors with the results of excavations at the ancient city site of Panjikent (1970s); 2 — Vladimir A. Livshits (left) and Aleksandr M. Belenitskii, Leningrad, 1973; 3 — Aleksandr M. Belenitskii in the late 1970s, Leningrad; 4 — among the noted colleagues-archaeologists at a conference in Panjikent in 1977, from left to right: Galina F. Korobkova, Nina N. Gurina, Vadim M. Masson, Aleksandr M. Belenitskii and German A. Fyodorov-Davydov; 5 — honoring the 80th anniversary of Aleksandr M. Belenitskii in 1984 in the Leningrad House of Scientists: standing are the personality celebrating his jubilee (right) and Mikhail N. Bogolyubov; 6 — Aleksandr M. Belenitskii at home, Leningrad, late 1980s (all photos from Galina A. Belenitskaya's personal archives)

Отдавая должное высочайшему уровню академической подготовленности Александра Марковича, коллеги-востоковеды в шутку называли его «лучшим археологом среди востоковедов», а коллеги-археологи — «лучшим востоковедом среди археологов».

Всего за время своей научной деятельности Александр Маркович опубликовал более 180 научных работ (*Беленицкий*, 2019. С. 30–40), посвященных различным проблемам археологии, истории и культуры древнего и средневекового Среднего Востока, включая четыре монографии: по археологии Средней Азии в известной международной серии «*Archaeologia Mundi*», изданную на английском (*Belenitsky*, 1968), французском и немецком языках, а в 1992 г. переведенную на персидский язык, а также по искусству Пенджикента на русском языке (*Беленицкий*, 1973) и *Согда* на немецком (*Belenizki*, 1980) и — в соавторстве с И. Б. Бентович и О. Г. Большаковым — о средневековом городе Средней Азии в свете данных археологии и письменной традиции (*Беленицкий и др.*, 1973).

В 1967 г. ему была присвоена ученая степень доктора исторических наук по совокупности его публикаций, посвященных изучению древнего Пенджикента.

А. М. Беленицкий неоднократно представлял советскую науку на самом высоком международном уровне. Он был участником XXIV и XXV Международных конгрессов востоковедов, которые проходили в Мюнхене (1957) и Москве (1960), а также V Международного конгресса по археологии и искусству Ирана в Тегеране (1968) и Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху в Душанбе (1968).

Александр Маркович очень большое внимание уделял воспитанию научных кадров, руководил аспирантами и стажерами. В настоящее время его ученики успешно работают в научных учреждениях России и бывших союзных среднеазиатских республик, ныне — независимых государств. Среди них следует назвать Б. Э. Аманбаеву (Бишкек, Кыргызстан), Д. Абдуллоева (Санкт-Петербург, Россия), А. Анарбаева (Ташкент, Узбекистан) и др. Следует подчеркнуть, что особенно весомый вклад он внес в воспитание научных кадров для Таджикистана. Он неоднократно награждался почетными грамотами Президиума Верховного Совета и Президиума АН Таджикской ССР. 29 мая 1975 г. Указом Президиума Верховного Совета Таджикской ССР за заслуги в развитии исторической науки и подготовке научных кадров для республики ему было присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Таджикистана.

В знак глубокого уважения к научным заслугам Александра Марковича Беленицкого 2–5 ноября 2004 г. на базе Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН в Санкт-Петербурге, в котором Александр Маркович проработал всю свою жизнь, прошла международная научная конференция «Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура», посвященная его 100-летию. В ее работе приняли участие более пятидесяти ученых из Российской Федерации, Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Франции, Италии, Испании, США, Англии, Германии, Венгрии, Израиля и Японии.

Как человек принципиальный, честный, исключительно порядочный и безгранично добрый Александр Маркович пользовался огромным уважением и искренней любовью со стороны если не всех, то большинства своих коллег. Примеров этого множество, поэтому ограничусь только двумя. Так, сотрудники отдела Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН в течение многих лет приходили к нему в гости на день рождения (24 марта), и эта традиция продолжалась вплоть до его ухода из жизни в 1993 г. Такие визиты всегда были радостным событием для всех нас, а щедрый и гостеприимный виновник торжества, несмотря на свой почтенный возраст, выглядел в те дни как-то по-особенному — очень довольным оказанным ему большим (и заслуженным!) вниманием и потому счастливым.

А. М. Беленицкий являлся одним из тех духовных научных авторитетов, вокруг которых собирался весь цвет ленинградского/петербургского востоковедения в лице В. Г. Луконина, О. Ф. Акимушкина, С. Г. Кляшторного, В. А. Лившица, М. А. Дандамаева, И. М. Стеблин-Каменского и др. От них автор этих строк слышал только самые теплые и восторженные отзывы об Александре Марковиче. Впрочем, они в то же самое время отдавали должное его принципиальности и (во многом оправданной) строгости. Его с большим почтением называли *Муаллим* — тадж. «Учитель» (см.: *Бируни*, 2011. С. 6–13).

Помимо своих сугубо профессиональных занятий, А. М. Беленицкий живо интересовался философией, русской литературой и историей, а также внимательно следил за событиями современной ему общественно-политической жизни. Свои мысли, наблюдения, оценки и выводы он излагал на бумаге в виде коротких записок-эссе, которые по понятным причинам не могли быть опубликованы при его жизни. Они писались, что называется, «в стол», и лишь немногие из числа родственников и друзей автора эссе могли с ними ознакомиться. Только много лет спустя после смерти Александра Марковича эти заметки, благодаря стараниями его дочери, Галины Александровны Беленицкой, увидели свет и теперь доступны широкому кругу читателей, который наверняка найдет в них много поучительного и полезного (*Беленицкий*, 2019. С. 545–737).

Окруженный в последние годы жизни вниманием и заботой семьи Галины Александровны, он скончался 15 июня 1993 г. в возрасте 89 лет.

Александр Маркович Беленицкий запомнился всем нам и как великий Ученый, и как мужественный и мудрый Человек очень широкой души, всегда готовый прийти на помощь нуждающимся и, невзирая на последствия, встать на защиту несправедливо гонимых. Для тех, кому посчастливилось знать его лично, такая его характеристика — это неизмеримо большее, чем просто красивые слова, — это правда его непростой, но в целом замечательно и очень достойно прожитой жизни.

Алёшкин, 2014 — *Алёшкин В. А.* Расширенное заседание Ученого Совета и Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН, посвященное 110-летию со дня рождения А. М. Беленицкого (1904–1993) — крупнейшего исследователя в области средневековой археологии Центральной Азии // ЗИИМК. 2014. № 10. С. 199–202.

Беленицкий, 1973 — *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. М.: Искусство, 1973. 68 с.; 76 ил.

Беленицкий, 2019 — *Беленицкий А. М.* История и культура Центральной Азии в древности и средневековье. Эссеистика разных лет (общество, история, культура) / Под общ. ред. В. П. Никонорова; составители: В. П. Никоноров и Г. А. Беленицкая. СПб.: Издательство РГПУ, 2019 (ТИИМК. Т. ЛП; Труды Восточного археологического общества. Т. I). 740 с.

Беленицкий и др., 1973 — *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука. ЛО, 1973. 390 с.

Бируни, 1963 — *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого; редакция Г. Г. Леммлейна, Х. К. Баранова и А. А. Долининой; статьи и примеч. А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 519 с.

Бируни, 2011 — *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни.* Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. с араб. А. М. Беленицкого; статьи и примеч. А. М. Беленицкого и Г. Г. Леммлейна. 2-е изд., доп. и испр. / Под ред. И. М. Стеблин-Каменского и В. П. Никонорова; вступит. статьи И. М. Стеблин-Каменского, Д. Абдуллоева, В. П. Никонорова и Н. П. Юшкина. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2011. 600 с.

Бобровская, Медведева, 2015 — *Бобровская Е. В., Медведева М. В.* «Более радостного дня не было у меня...» Из воспоминаний военных лет // АВ. 2015. Вып. 21. С. 439–449.

Грязнов, 1964 — *Грязнов М. П.* К 60-летию Александра Марковича Беленицкого // СА. 1964. № 3. С. 170–171.

Abdulloev et al., 2016 — *Abdulloev D., Nikonorov V. P., Soloshcheva M.* Sogdiana of A. M. Belenitskii // St. Petersburg Annual of Asian and African Studies. 2016. Vol. IV (2015). P. 209–219.

Belenitsky, 1968 — *Belenitsky A. M.* Central Asia (Archaeologia Mundi) / Transl. from the Russian by J. Hogarth. Cleveland; New York: The World Publishing Company, 1968. 252 p.; 145 ill.

Belenizki, 1980 — *Belenizki A. M.* Mittelasiien: Kunst der Sogden. Leipzig: VEB E. A. Seemann Verlag, 1980. 240 S.; 100 Abb.

On the journey of life and scientific activities of Aleksandr M. Belenitskii

Valerii P. Nikonorov⁶

Annotation. *The paper summarises the main milestones of Aleksandr M. Belenitsky's life and the main results of his scientific research.*

Keywords: *Aleksandr M. Belenitskii, his life path, scientific achievements, Tajikistan, Panjikent, Biruni*

⁶ Valerii P. Nikonorov — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: vpnikonorov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3487-944X.

А. М. Беленицкий — исследователь настенной живописи раннесредневекового Пенджикента

Ж. Б. Исамитдинов¹

Аннотация. В докладе представлен вклад выдающегося археолога и востоковеда А. М. Беленицкого (1904–1993) в открытие и изучение настенных росписей — уникального феномена изобразительного искусства раннесредневекового согдийского городища Пенджикент.

Ключевые слова: А. М. Беленицкий, раннее средневековье, Пенджикент, настенные росписи

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-55-58

Одним из ярких феноменов истории культуры Средней Азии является раннесредневековый согдийский город Пенджикент (расположен на южной окраине современного одноименного города, центра верхней части долины Зерафшана, в 60 км восточнее Самарканда). Раскрытие этого феномена — всецело заслуга археологов. Достижения городской культуры Согда в области фортификации, жилищного строительства, ирригации, искусства, моды, бытовой культуры и т. д. на долгий период стали эталонными для обширного среднеазиатского региона. Город, как показали раскопки, возник в V или начале VI в. и прекратил свое существование в VIII в. в связи с арабским завоеванием (Беленицкий и др., 1973. С. 13).

В 1946 г. выдающимся ученым-востоковедом Александром Юрьевичем Якубовским (1886–1953) был сформирован научный коллектив Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (СТАЭ). В экспедицию им были приглашены корифеи археологии: А. И. Тереножкин, А. П. Окладников, В. Л. Воронина, О. И. Смирнова, М. М. Дьяконов, А. М. Мандельштам, А. М. Беленицкий, А. Н. Дальский, В. В. Гинзбург и др. Их исследования создали задел для дальнейшего целенаправленного археологического изучения Таджикистана (Негматов, Пулатов, 1967. С. 169).

Именно коллективом СТАЭ в 1946 г. были начаты систематические работы на городище древнего Пенджикента. Уже в 1950-х гг. А. Ю. Якубовский приступил к изучению пенджикентской живописи. В его статье «Вопросы изучения Пенджикентской живописи», как и в некоторых других его работах, была дана общая характеристика этого культурного феномена (Якубовский, 1954. С. 9–24). Живопись Пенджикента продемонстрировала богатство согдийской культуры, которая была связующим звеном между цивилизациями Запада и Востока (Беленицкий, 1959б).

А. М. Беленицкий в составе СТАЭ занимался в основном изучением религии Согда и вопросов урбанизации региона в средневековье (Каримова, 2016. С. 40). С 1954 по 1980 гг. он являлся начальником Пенджикентской археологической экспедиции (ПАЭ), где особое внимание уделял исследованию живописи Пенджикента. Именно при нем Пенджикент превратился в эталонный памятник эпохи раннего средневековья Центральной Азии и наиболее исследованным раннесредневековым городом во всей Азии (Маршак, Распопова, 2005. С. 18). Благодаря неутомимой деятельности А. М. Беленицкого мировая археологическая наука познакомилась с замечательными памятниками изобразительного искусства, архитектуры, материальной культуры согдийского города (Абдуллоев, 2005. С. 11). Как отмечал В. М. Массон, «А. М. Беленицкий

¹ Жорабек Бобобекович Исамитдинов — Худжандский государственный университет им. акад. Б. Гафурова, Худжанд, Республика Таджикистан; e-mail: isomatdinov1961@mail.ru; ORCID: 0009-0002-9204-4758.

вошел в когорту ленинградских востоковедов, которых А. Ю. Якубовский призвал к изучению согдийских древностей. Прозорливо выбранный этим крупнейшим ученым в качестве базового объекта, Пенджикент стал подлинной жемчужиной мировой археологии» (*Массон, 2005. С. 23*)

Консервация росписей производилась по методике, разработанной в Государственном Эрмитаже. Известно, что эта методика была разработана специально для консервации и реставрации среднеазиатской клеевой живописи на лессовой основе, которая в массовом количестве, начиная с конца 1940-х гг., вскрывалась при раскопках Пенджикента. В основе этого метода лежит использование синтетического материала — полимера полибутилметакрилата в различных органических растворителях, которые выбираются в зависимости от поставленных задач (*Реутова, 2016. С. 76*).

А. М. Беленицкий, будучи требовательным начальником ПАЭ, сумел собрать в ней известных археологов, востоковедов, архитекторов, положив начало планомерному изучению памятника и фактически создав Пенджикентскую археологическую базу.

Первая статья Беленицкого, связана с пенджикентскими фресками, была опубликована в 1950 г. В ней он, в частности, предполагает, что здание № 1 было храмом и что община, построившая это здание, была доминирующей в этой местности (*Беленицкий, 1950. С. 104–108*).

К открытиям Беленицкого относятся также изучение изображения осадной машины или «золотых поясов», открытие сюжетов «Рустамиады» в пенджикентской живописи. Одним из существенных выводов его докторской диссертации является следующее положение: «Живопись и деревянная скульптура обнаружены, главным образом, в частных домах пенджикентцев и отражают широкий круг культурных запросов, вкусы и интересы городского населения» (*Беленицкий, 1967. С. 20*).

Трудно переоценить художественное и культурно-историческое значение многочисленных памятников монументальной живописи и скульптуры, обнаруженных в ходе работ ПАЭ. Памятники монументального искусства представлены стенными росписями, резным деревом, глиняной скульптурой. Стенные росписи были обнаружены в более чем 50 помещениях, на стенах которых открыты остатки живописи или ее следы. Живописью по преимуществу украшались парадные комнаты — залы площадью до 80–90 м² и более. Каждое такое помещение представляло собой своеобразную картинную галерею.

Исследования А. М. Беленицкого и других археологов и искусствоведов показывают, что сюжеты настенных росписей достаточно разнообразны. Среди них явно преобладала эпическая тематика. Некоторые сцены обнаруживают бесспорную связь с поэмой «Шахнаме» Фирдоуси. Среди других сцен можно обнаружить сюжеты животного эпоса и фольклора, пляски, игру музыкантов и целых оркестров, настольные игры, охоту (*Беленицкий и др., 1973. С. 123*). В частности, в произведениях искусства Пенджикента имеется изображение божества в виде танцующего мужчины, фигура которого окрашена в синий цвет. Как отмечает А. М. Беленицкий, по всей вероятности, прообразом для иконографии этого божества послужил образ Шивы (*Там же. С. 127*).

В 1954 г. вышел сборник «Древний Пенджикент», в котором была опубликована статья А. М. Беленицкого, исследовавшего идеологию и культы Согда на основе пенджикентских росписей. Автор полагал, что росписи храмов Пенджикента связаны с деятельностью художников, принадлежавших к манихейской общине; согдийская живопись берет свое начало от Мани и его учеников (*Беленицкий, 1954. С. 64*).

Еще одна очень программная статья А. М. Беленицкого была опубликована в 1959 г. в сборнике «Скульптура и живопись древнего Пенджикента». Она была посвящена определению художественного содержания памятников, обнаруженных в большом жилом доме Пенджикента (объект VI) (*Беленицкий, 1959а. С. 53–64*).

Брошюра А. М. Беленицкого, «Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура» (*Беленицкий, 1973*), вышедшая в 1973 г., явилась результатом кропотливой работы по исследованию художественных памятников Пенджикента. В ней отдельно проведено описание росписей, использованных в архитектурном убранстве храмов и жилых зданий.

В культовых сооружениях Пенджикента (обнаружены два храма древних божеств) также изучены фрагменты настенной живописи. Так, на стене главного помещения второго храма открыт фрагмент росписи, знакомящий с местным культом. В основной его части изображена большая группа мужчин и женщин, а также божеств, оплакивающих покойника, помещенного в очень своеобразное купольное сооружение — очевидно, специально для данной церемонии построенный павильон (*Беленицкий и др.*, 1973. С. 125).

Археологами в Пенджикенте обнаружено большое количество богатых жилищ с росписями VIII в. (более 30 % раскопанных домов). Например, в сюжетах росписей дворца Деваштича представлена осада города — как предполагает А. М. Беленицкий, Самарканда (*Беленицкий, Маршак*, 1973. С. 54–58). Здесь изображены арабские воины и их осадные машины, имеются также сцены коронации царя (видимо, самого Деваштича) и его пира в короне с некими арабами (*Распопова*, 1990. С. 21).

А. М. Беленицкий внес значительный вклад в изучение и представление настенной росписи древнего Пенджикента. В результате многолетней работы его и его коллег было открыта уникальная и самобытная школа согдийской живописи, произведения которой позволяют раскрыть различные аспекты идеологии и культов, господствовавших в этом регионе.

- Абдуллоев*, 2005 — *Абдуллоев Д.* Основные вехи жизненного пути А. М. Беленицкого // ЦААТ. 2005. С. 10–12.
- Беленицкий*, 1950 — *Беленицкий А. М.* Раскопки здания № 1 на шахристане Пенджикента // ТСТАЭ-1. 1950. С. 100–105.
- Беленицкий*, 1954 — *Беленицкий А. М.* Вопросы идеологии и культов Согда (По материалам пенджикентских храмов) // ЖДП. 1954. С. 25–82.
- Беленицкий*, 1959а — *Беленицкий А. М.* Новые памятники искусства древнего Пенджикента. Опыт иконографического истолкования // СЖДП. 1959. С. 11–86.
- Беленицкий*, 1959б — *Беленицкий А. М.* Предисловие // СЖДП. 1959. С. 5–10.
- Беленицкий*, 1967 — *Беленицкий А. М.* Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии: Доклад по опубликованным работам, представленным на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л.: б. и., 1967. 31 с.
- Беленицкий*, 1973 — *Беленицкий А. М.* Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. М.: Искусство, 1973. 68 с.; 76 ил.
- Беленицкий и др.*, 1973 — *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука. ЛО, 1973. 390 с.
- Беленицкий, Маршак*, 1973 — *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 году // СГЭ. 1973. Вып. XXXVII. С. 54–58.
- Каримова*, 2016 — *Каримова Г. Р.* Основатели Пенджикентской археологической экспедиции (ПАЭ) и их последователи // МПАЭ. 2016. Вып. XX. С. 39–41.
- Маршак, Распопова*, 2005 — *Маршак Б. И., Распопова В. И.* Александр Маркович Беленицкий и Пенджикент // ЦААТ. 2005. С. 18–22.
- Массон*, 2005 — *Массон В. М.* А. М. Беленицкий — эталон творческого союза востоковедения и археологии // ЦААТ. 2005. С. 23–24.
- Негматов, Пулатов*, 1990 — *Негматов Н., Пулатов У.* Детище советской науки // Наш старший брат. Душанбе: Ирфон, 1967. С. 169.
- Распопова*, 1990 — *Распопова В. И.* Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л.: Наука, 1990. 214 с.
- Реутова*, 2016 — *Реутова М. А.* О реставрации и музеефикации настенных росписей Афрасиаба и сотрудничестве с Эрмитажем // МПАЭ. 2016. Вып. XX. С. 76–79.
- Якубовский*, 1954 — *Якубовский А. Ю.* Вопросы изучения пенджикентской живописи // ЖДП. 1954. С. 9–24.

Aleksandr M. Belenitskii — a researcher of the wall paintings of early medieval Panjikent

Zhorabek B. Isamitdinov²

Annotation. *The paper presents a contribution of the outstanding archaeologist and orientalist Aleksandr M. Belenitsky (1904–1993) to the discovery and study of the wall paintings — a unique phenomenon of fine arts of the early medieval Sogdian city of Panjikent.*

Keywords: *Aleksandr M. Belenitskii, Early Middle Ages, Panjikent, wall paintings*

² Zhorabek B. Isamitdinov — B. Gafurov Khujand State University, Khujand, Republic of Tajikistan; e-mail: isomatdinov1961@mail.ru; ORCID: 0009-0002-9204-4758.

Историко-культурные традиции архитектурных памятников Кыргызстана в исследованиях А. Н. Бернштама

Н. Г. Жантелиева¹, Е. Т. Ахметова², К. С. Сайпидинова³

Аннотация. В докладе через призму полевых и исследовательских работ А. Н. Бернштама освещаются этапы зарождения и развития самобытной архитектурной традиции на территории Кыргызстана. Подчеркивается весомый вклад А. Н. Бернштама в изучение проблемы.

Ключевые слова: А. Н. Бернштам, археология, архитектура, кыргызы

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-59-62

Научная деятельность Александра Натановича Бернштама (1910–1956) открыла новую эпоху в изучении прошлого Кыргызстана и кыргызского народа. Им были проведены археологические исследования всей территории республики, обработан и введен в научный оборот огромный фактический материал. А. Н. Бернштам также составил карту архитектурных памятников Кыргызстана, внося большой вклад в их изучение и сохранение (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 1946, д. 76, л. 2). Наконец, своими исследованиями он всеобъемлюще осветил самобытную культуру кыргызов (Там же).

Одним из знаковых направлений исследований А. Н. Бернштама стало изучение на основе археологических находок процесса становления градостроительства древних кочевников на территории Кыргызстана. При этом исследователь опровергал утверждения некоторых ученых о том, что кочевники не создавали памятников культуры и архитектуры. В подтверждение его правоты свидетельствуют письменные источники, в которых говорится, что на юге Кыргызстана в Фергане уже во II в до н. э. в рамках государства «Давань» существовало 70 больших и маленьких городов (Бернштам, 1997. С. 279). В V–VI вв. н. э. на севере Кыргызстана в Чуйской долине (а позднее — по берегам оз. Иссык-Куль) также появились оседлые поселения, а затем и города. Более ранние архитектурные традиции сформировались на юге Кыргызстана, чуть позднее — на севере. Упадок архитектурной традиции приходится XI–XII вв.

По мнению А. Н. Бернштама, уникальность региона заключалась в синкретизме его культуры. Тянь-Шань исторически был связан с разными культурными зонами: с одной стороны — иранская культура, с другой стороны — культура Синьцзяна. Именно в такой сложной среде формировалась архитектурная традиция Кыргызстана. Это смешение культур нашло отражение в инвентарном комплексе того времени. Ученый, описывая археологические артефакты, пришел к выводу, что культовые предметы зороастризма, светильники, жертвенные столы были местного производства кочевников. В Семиречье оссуарии (костехранилища) имели юртообразную форму, их стенки украшали орнаменты, характерные для кочевников. Аналогии находят в рисунках жилищ кочевников на современных ширдаках и алакизах кыргызов. Отдельные художественные элементы — декор в виде сасанидского орнаментального круга, изображение фазана и теке — демонстрируют, что

¹ Нурзада Гарибовна Жантелиева — Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика; e-mail: nuzon@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3443-5160.

² Еркежан Турдыбековна Ахметова — Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан.

³ Карлыгач Сыргабековна Сайпидинова — Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика; e-mail: kama_sa@mail.ru; ORCID: 0009-0007-7874-1705.

Тянь-Шань издавна является местом пересечения тюркской кочевой и среднеазиатской земледельческой культур (*Бернштам*, 1943. С. 1)

Исследования А. Н. Бернштама позволили реконструировать древние ремесла, развитые на территории Кыргызстана: обработка дерева, металлургия (*Бернштам*, 1997. С. 281). Ученый полагал, что древние кыргызы, занимавшиеся производством металла, частично оседали в городах. Оставаясь кочевниками, при этом постоянно контактируя с городом, кыргызы приобретали и использовали в своем быту черты городской более продвинутой культуры (*Там же*. С. 292). Свое предположение А. Н. Бернштам основывал на немногочисленных находках, имеющих аналогии в искусстве древних кыргызов Енисея и кочевников Алтая (Кочкорский клад, сбруйные накладки, предметы вооружения). Оно также подкреплялось письменными источниками X в.: Худуд-ал-алам и работой аль-Истахри «Книга путей и стран». В них находятся упоминания о существовании в Тянь-Шане «города кыргызов» (Кыргызкент) (*Там же*. С. 504).

Также А. Н. Бернштам полагал, что на сложение древней архитектуры в Кыргызстане повлияло искусство кочевников-тюрков Семиречья и ремесленников-согдийцев (*Там же*. С. 285).

Сложная историческая обстановка, в которой развивалась древняя культура и архитектура Кыргызстана, раскрыта в ряде работ А. Н. Бернштама, изданных в 1941–1943 гг. (*Бернштам*, 1941; 1943) «Памятники старины Таласской долины»; «Археологический очерк северной Киргизии»; «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала»; «Культура древнего Киргизстана» (последняя была издана на кыргызском языке). В работах в первую очередь он отмечал самобытность как среднеазиатской архитектурной традиции, так и тот вклад, который внесли в нее древние градостроители Кыргызстана (*Бернштам*, 1997. С. 278).

Первоначальной многовековой формой жилья древних кыргызов на Тянь-Шане являются кибитки или войлочные юрты, а круг являлся основным планом дома и поселения. А. Н. Бернштам считал, что и древние погребения человека являются отражением формы жилища. Бесспорно, курганы древних кочевников схожи с куполообразным верхом кибитки. Постепенно происходила трансформация юрты за счет сокращения ее производных форм и конструкций. По мнению А. Н. Бернштама, усовершенствования юрты не порождает разнообразие форм, а, наоборот, сокращало их (*Бернштам*, 1950. С. 28)

Древнейшее жилище на юге Кыргызстана представляло собой комплекс параллельно расположенных узких комнат. Строительным материалом выступал сырцовый кирпич, для крыши использовался камень, бревно с камышом и глиной. По мнению ученого, такой тип постройки вошел в быт народов всей Средней Азии, включая Кыргызстан. Для строительства домов саки и усунь использовали для стен брус из тянь-шаньской ели (дерево), укрепленный срубом (*Бернштам*, 1997. С. 281). Также древние строители использовали дерево, войлок, меньше — камни, камыш и глину.

С V в. н. э. в период согдийской колонизации архитектурный ансамбль поселений части Чуйской долины принципиально изменился. Появились небольшие компактные поселения из отдельных укрепленных домов. Дома располагались на расстоянии друг от друга и были окружены плодовыми садами. В Чуйской долине А. Н. Бернштам исследовал двухэтажный дом из сырцового кирпича в древнем городе Сарыг. Его стены были сделаны из пахсы и лесса (почва).

Укрепленные дома и планировку колонии А. Н. Бернштам считал характерным для архитектуры и топографии поселения соответствующей среднеазиатской античности. Во время раскопок древних поселений города Сарыг удалось исследовать буддийский храм, а также буддийский монастырь. Важной находкой оказалась буддийская часовня (небольшая постройка культового назначения с иконами) (*Бернштам*, 1943. С. 140; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35, оп. 1940, д. 92, л. 18)

На основе археологических находок А. Н. Бернштам сделал вывод о том, что в период господства карлукского каганата количество поселений в Кыргызстане увеличилось. К этому времени на смену рассредоточенному домостроительству согдийцев пришла более компактная планировка поселений. Комплекс зданий обносился крепостной стеной, тем самым положив начало строительству шахристана. По типу шахристана строились караван-сарай и военные поселения-рибаты. В центре шахристана у цитадели сооружались бассейны — хаузы (Харран-Джуван, с. Беловодское).

Пик градостроительства, по мнению А. Н. Бернштама, случился при караханидах. По итогам работы Семиреченской экспедиции удалось установить, что в начале в жилых домах отсутствовали

стилобаты (фундамент). В дальнейшем в городах появляется традиция возведения кладки каменного фундамента из рваного камня, для стен использовался сырцовый кирпич. Полы делались из камышовой плетенки. Дома состояли из двух-трех прямоугольных комнат. Топка располагалась под полом, и горячий воздух шел по каналам, проходящим внутри стен (схожая система до сих пор используется во многих странах). Отметим, что древние жители территории Кыргызстана открыли технологию теплого пола так рано.

В караханидский период город обрастает рабадом — торгово-промышленным предместьем. По мнению А. Н. Бернштама, архитектурный ансамбль караханидского города в Кыргызстане имел много типичных признаков, свойственных и другим среднеазиатским городам. Над массой плоских крыш жилых домов выступали порталы мечетей, купола медресе и стройные минареты. Появились понятия наружного декора стен, облицовочной резной терракоты, ее зачатки наблюдались в терракотовых плитках и резных достарханах внутри дома.

А. Н. Бернштам также установил, что для отделки стен использовался алибастр и фресковая роспись с преобладанием геометрических фигур красного, желтого и синего цвета. Изящная резная облицовочная терракота, украшавшая немногие здания, была однотонна. Исследователь при описании караханидского и средневекового городов Тянь-Шаня отметил, что они становятся менее сложными в планировке и поэтому более логичными (*Бернштам, 1950. С. 290*)

В рамках настоящего очерка также хочется отметить заслуги А. Н. Бернштама в открытии кара-китайской культуры. Старая столица тюрков город Баласагун стала столицей кара-китаев — «пришельцев» на территории Кыргызстана. В его древние города пришли уйгуры из Восточного Туркестана и северного Китая, создавшие центры буддийской пропаганды — храмы и монастыри. Кара-китайцы приносят с собой технологию изготовления плоского, тонкого и тяжелого кирпича и черепицы клинкерного обжига. Отопление жилищ осуществлялось при помощи канов, а в качестве печей использовались тандыры.

В этот период для покрытия двускатной крыши начали использовать черепицу, эта традиция находит отражение в китайской архитектуре. Конек крыши украшался вертикально поставленными козырьками. Схожие архитектурные элементы А. Н. Бернштам отмечал в раскопанном буддийском храме-монастыре у города Баласагун (сейчас является достопримечательностью нашей страны). Широкое использование фресок и каменных статуй было отмечено им как распространение китайской архитектурной традиции в Тянь-Шане, при этом он считал это явление эпизодическим. Другим свидетельством китайского влияния стало обнаружение производственных центров по изготовлению кирпичей, черепицы и коньков в безымянном древнем поселении, развалины которого находятся у современного села Александровка (Сокулукского р-на).

Следующий этап развития архитектурной традиции в Кыргызстане стал отражением строительной деятельности Тимура — великого полководца, завоевателя Ирана, Османской империи, Индии и других территорий. При нем стали строить дома из пахсы с примесью гальки и использовать глиняные валики вместо кирпича. В городах строились военные сооружения. Также характерной чертой времени стали мазары, отделываемые плитами, покрытыми голубой и белой поливой с геометрическим орнаментом (*Там же. С. 302*). В период монгольского завоевания в городском облике исчезла монументальная архитектура домов и дворцов.

Как видно из вышеизложенного, в Тянь-Шане наряду со стабилизацией юрты с середины I тыс. н. э. возникло и развивалось строительство домов согдийцев в согдийских колониях, а затем и в мусульманских городах. На территории Кыргызстана сохранились выдающиеся образцы средневековой архитектуры, как Бурана, Узгенский минарет и т. д.

Архитектура в Тянь-Шане и Чуйской долине наряду с характерными чертами среднеазиатской традиции сочетала в себе также черты культуры кочевников, которая преобладала в декоре в виде геометрических и зооморфных мотивов. Сочетание этих черт формирует индивидуальное своеобразие декора архитектурного наследия Кыргызстана.

Обобщая полученные данные, А. Н. Бернштам также составлял архитектурные карты памятников древности на территории Кыргызстана. Для более глубокого изучения и понимания он использовал неизданные материалы профессора Михаила Евгеньевича Массона (1897–1986) и других исследователей, которые хранятся в археологическом кабинете Среднеазиатского государственного университета,

в Государственном Эрмитаже и в музее национальной культуры Киргизского филиала АН СССР. Так, к примеру, А. Н. Бернштам ссылался на детальное описание башни Бурана, сделанное М. Е. Массоном, который в свою очередь активно использовал работы искусствоведа Бориса Петровича Денике (1885–1941) «Архитектурный орнамент Средней Азии». Собранные материалы предшественников и коллег, а также собственные исследования А. Н. Бернштама позволили комплексно расширить знания об архитектуре Кыргызстана. По его мнению, среднеазиатская оседлая земледельческая культура смешалась с культурой кочевников-тюрков. Появление поселений, а затем и городов, а также техника монументального строительства пришлось на период XI–XII вв. Большая часть городов была построена на базе древних поселений, согдийских колоний и военно-торговых факторий VI–VII вв. в Чуйской долине и Иссык-Куле. Некоторая часть поселений возникала и среди кочевых владений на базе военно-торговых факторий и ханских ставок (вроде городищ Атбаш, Шырдакбек и Кошой курган), Суяб (Чон-Кемин) и других городов северного Семиречья. Наряду с городами появляется сеть крепостей и каравансараев, обеспечивающих безопасность торговых путей, кормление и поение вьючных животных, ночлег и охрану караванов.

Таким образом, вклад А. Н. Бернштама в исследования Кыргызстана невозможно переоценить. Это был крупнейший специалист, одна из заслуг которого — становление комплексного изучения кыргызской архитектуры и поиски истоков ее самобытной культурной традиции.

Бернштам, 1941 — Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк. Алма-Ата: КазОГИЗ, 1941. 66 с.

Бернштам, 1943 — Бернштам А. Н. Кыргыз элинин тарыхындагы 3 адам // Советтик Кыргызстан. 1943. № 4. С. 22–30 (на кырг. яз.).

Бернштам, 1950 — Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 147 с.

Бернштам, 1997 — Бернштам А. Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана / Сост. К. И. Ташбаева, Л. М. Ведутова. Т. 1. Бишкек: Айбек, 1997. 560 с.

Historical and cultural traditions of the architectural monuments of Kyrgyzstan in the studies of Aleksandr N. Bernshtam

Nurzada G. Zhantelieva⁴, Erkezhan T. Akhmetova⁵, Karlygach S. Saipidinova⁶

Annotation. *The paper highlights the stages of origin and development of original architectural tradition in Kyrgyzstan through the prism of field and research works of Aleksandr N. Bernshtam. The significant contribution of Aleksandr N Bernshtam to the exploration of the problem is emphasized.*

Keywords: *Aleksandr N. Bernshtam, archeology, architecture, Kyrgyz people*

⁴ Nurzada G. Zhantelieva — J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic; e-mail: nuzon@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3443-5160.

⁵ Erkezhan T. Akhmetova — L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan.

⁶ Karlygach S. Saipidinova — J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic; e-mail: kama_sa@mail.ru; ORCID: 0009-0007-7874-1705.

Хитросплетения диамата и советские археологи: не в меру строгие суждения студента ЛГУ о преподавателях Истфака 1947 г.

А. А. Сеницын¹

Аннотация. Сохранился богатый эпистолярный архив известных ученых, братьев Сорокиных — Всеволода Сергеевича, Сергея Сергеевича и Виктора Сергеевича, которые вели переписку с 1941 г. по 1984 г. Здесь публикуется письмо археолога Всеволода старшему брату Виктору, физика, профессору Ивановского государственного педагогического института. В письме Всеволод Сергеевич рассказывает брату о сданных накануне экзаменах и о предстоящей поездке в Ереван на раскопки Кармир-блур. Основное внимание он уделяет своим университетским преподавателям: М. И. Артамонову, А. Н. Бернштаму, М. П. Грязнову, и Б. Б. Пиотровскому — крупнейшим фигурам в советской археологии. Всеволод Сергеевич характеризует их манеру преподавания, научные методы и взгляды.

Ключевые слова: братья Всеволод, Виктор и Сергей Сорокины, Ленинградский государственный университет, М. И. Артамонов, А. Н. Бернштам, М. П. Грязнов, Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-63-72

Настоящее сообщение представляет собой публикацию письма известного советского археолога Всеволода Сергеевича Сорокина (1911–1979). В 1939 г. Всеволод поступил на исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, но его учеба в вузе была прервана Великой Отечественной войной. После войны Всеволод продолжил обучение на Историческом факультете Ленинградского государственного университета (ЛГУ), где специализировался по кафедре археологии. Университет он окончил в 1949 г. С 1947 г. Вс. С. Сорокин неоднократно принимал участие в экспедициях на Кармир-блур, занимался раскопками и камеральной обработкой найденных материалов, выполнял работу художника и фотографа, сам сделал несколько находок, опубликовал серию статей об этом памятнике. Итогом его кармир-блурской практики и в целом урартских исследований стала диссертация на тему «Древние поселения у Кармир-блур» (1955). Позже Вс. С. Сорокин руководил экспедицией на целинные земли, являлся начальником отряда Иркутской археологической экспедиции и Западно-Казахстанской экспедиции в Актюбинской области Казахской ССР. Результаты работ последней на могильнике Тасты-Бутак 1 он опубликовал как отдельный том в серии «Материалы и исследования по археологии СССР» (Сорокин, 1962). В 1962–1976 гг. Вс. С. Сорокин был ученым секретарем Ленинградского отделения Института археологии АН СССР.

Экспедиция в июле — августе 1947 г. на Кармир-блур стала дебютом для начинающего (хотя уже и неюного) археолога Всеволода Сорокина. За несколько недель до своей первой поездки в Закавказье Всеволод написал письмо, адресованное старшему брату Виктору Сергеевичу Сорокину (1908–1994), который был физиком, профессором Ивановского государственного педагогического института. Следует отметить, что сохранился очень богатый эпистолярный архив братьев Сорокиных, которые вели переписку с 1941 по 1984 г. — год смерти младшего из братьев, Сергея Сергеевича Сорокина (1913–1984). Сергей, как и Всеволод, был археологом и почти 30 лет проработал в Государственном Эрмитаже (о нем см.: Сеницын, 2013; 2015).

¹ Александр Александрович Сеницын — Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: aa.sinizin@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9229-0217.

Письмо Вс. С. Сорокина датировано 9 июня 1947 г. Текст публикуется полностью — опущена только информация личного характера. В письме Всеволод рассказывает брату о сданных экзаменах и предстоящей поездке в Ереван для участия в археологической экспедиции. Но основное внимание автор уделяет своим университетским преподавателям. Он характеризует их манеру преподавания, научные методы и взгляды. Учитывая, что все профессора, о которых рассказывает Вс. С. Сорокин, — это не только преподаватели ЛГУ конца 1940-х гг., но видные фигуры советской археологии, историки и археологи-практики (М. И. Артамонов, М. П. Грязнов, Б. Б. Пиотровский, А. Н. Бернштам), личные впечатления студента, который слушал их лекции и общался с ними, представляют большой интерес. Правда, Всеволод порой весьма резок в оценках, говоря о старших коллегам-наставниках (он использует, например, такие характеристики: «глупость почтенного профессора», «тупые», «горе-профессор») или музейных работниках («лодыри из Ереванского музея»). Обращу внимание на то, что преподаватели, о которых пишет студент Вс. С. Сорокин, были почти его ровесниками: А. Н. Бернштам был старше его всего на один год, Б. Б. Пиотровский — на три года, а М. П. Грязнов — на девять лет. Все названные ученые, вместе с М. И. Артамоновым, составляют славу отечественной археологической науки. Несмотря на эмоциональность письма, суждения Всеволода представляются взвешенными, продуманными и логичными — *sub specie* диамата (экзамен по этой дисциплине студент 3-го курса ЛГУ Сорокин сдал накануне).

Вставки в текст писем помещены в квадратных скобках: []. Встречающиеся имена, историко-археологические и философские названия и термины сопровождаются пояснениями.

9 июня 1947, Ленинград — Иваново

Милый Вить!

Я, пожалуй, соберусь сейчас с силами и напишу тебе письмо. Вчера я и Сергей² неожиданно для себя сдавали диамат³ и получили по четверке. Теперь наша судьба в руке министра, который будет утверждать допустимый процент баллов ниже пяти. Мы оба надеемся на милость богов, ибо у нас одинаково по 35 из 36 возможных [баллов].

Т. к. я собрался писать письмо, то следует избрать предмет подлиннее. Остановимся на диамате. Вот как нам излагался известный пункт из этой почтенной науки, именно, о развитии на основе борьбы противоположностей в области общественной жизни.

Основное противоречие капитализма есть противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения. Без единства этих противоположностей нет капитализма, если отнять от него общественный характер производства, то получится мелкотоварное хозяйство; если отнять частный характер присвоения, то получится социализм. Из этого следует (и, конечно, не только из этого), что противоположные стороны, противоположность которых создает развитие явления, должны быть внутренне присущи этому явлению, быть его неотъемлемыми качествами. Ставится вопрос: справедлив ли этот закон диалектики для социализма? Дается ответ: справедлив. И, естественно, другого ответа дать и нельзя, ибо в противном случае надо признать, что правы были метафизики. Но известно, что все в мире, в том числе и противоречивые стороны любого явления, носит конкретный характер. Для капитализма общественный характер производства выражается во всемирном разделении труда, огромных промышленных предприятиях, международных экономических связях и т. д., частный характер присвоения выражается в том, что продукт производства достается предпринимателям, и уже потом, в соответствии с его интересами, реализуется на рынке, где присвоение также производится частным порядком. Все это совершенно ясно.

Перейдя к вопросу о борьбе противоположностей при социализме, лектор наш, доцент Горячева⁴ (между прочим, совершенно слепая женщина), объявила нам, что при социализме борьба противоположно-

² Родной брат Сергей Сергеевич Сорокин.

³ Диалектический материализм (сокр. диамат) — философское направление, основывающееся на учении К. Маркса и Ф. Энгельса, которые противопоставляли диалектический материализм идеалистической философии. Главные идеи диамата: первичность материального (т. е. объективного мира) и вторичность идеального, духовного (т. е. мыслимого), всякое развитие связано с преодолением неизбежных противоречий. В советский период диамат был философской дисциплиной университетского курса.

⁴ Каких-либо дополнительных сведений об этом преподавателе автору найти не удалось.

стей происходит в виде борьбы старого с новым. Не говоря уже о том, что это напоминает святочный рассказ, где добродетель борется с пороком, и вообще на чрезвычайную наивность этой декларации, следует спросить, в чем конкретно выражается это старое и новое. Мы и на это получили ответ. Оказывается, примером старого в нашей жизни является бюрократизм. Но тогда нужно признать, что бюрократизм внутренне присущ нашему строю, представляет его необходимую сторону. Если же это не так, то бюрократизм нельзя признать той противоположностью, которая в единстве и борьбе с другой противоположностью социализма и является необходимым материальным фактором его развития.

Т. к. никакого разъяснения, кроме антибюрократической проповеди, мы не получили, то и остаемся в недоумении. Вообще наши философы обнаруживают необыкновенную теоретическую слабость и трусость, начиная с того места, где Ф. Энгельс поставил точку. Причина этого прежде всего та, что марксизмом считается только то, что написано у классиков, а также в невежестве наших философов в области наук о природе. До сего дня с упорством, достойным лучшего применения, продолжают оперировать примерами из «Анти-Дюринга»⁵ и «Материализма и эмпириокритицизма»⁶, как будто наука ни на шаг не продвинулась за последние несколько десятилетий. Пресловутый ализарин, добывавшийся ранее из корней морены, а ныне из каменноугольного дегтя, приобретает прямо-таки мистический характер. Достаточно сверкнуть им в глаза противнику — и спор мгновенно разрешается, к великому посрамлению всех идеалистов и агностиков. С тем же усердием опровергают Маха⁷ и его школу, а Дюринг⁸ получил у нас известность, на какую при всем своем самомнении никак не мог рассчитывать. Бессмертие ему обеспечено. Вместо живых плодов с дерева познания добра и зла нам преподносят затхлые сухофрукты, в которых, может быть, есть добро и зло, но нет никакого познания.

Вопрос этот меня весьма волнует, т. к. история действительно есть диалектический процесс и хочется ее понять. Но сейчас вопросы теории больше декларируются, чем разрабатываются, и понятно, что можно зафиксировать попытки повернуть историческую науку вспять, к временам метафизическим.

Есть в Эрмитаже профессор М. П. Грязнов⁹. Он вел у нас семинарские занятия по теме «Методика исследования археологических памятников». Семинар был очень интересный, и действительно проф[ессор] Грязнов собаку съел в умении усматривать в скудных находках тысячелетней давности следы прошлой деятельности людей. Познания его громадны, и работа его очень нужна. Но вот что интересно. На первом занятии этот профессор, рассказывая о значении изучения вещи, углубился и в историю вопроса. Он прежде всего напомнил, что было время, когда археологи превращались в вещеведов, но что потом от них потребовали изучения диалектического материализма и тогда перегнули палку в другую сторону: стали подгонять объяснения вещей под принятую заранее социологическую схему. Теперь же, «когда мы овладели диалектическим материализмом» (он так и сказал), стали опять понимать значение изучения вещей. Тогда, на первом занятии я принял это выражение — «когда мы овладели...» — как проявление наивности, но теперь знаю, что это была ирония.

Недавно проф[ессор] Грязнов делал где-то в ученом кругу сообщение о скифских удилах. Эти удила он расположил в типологический ряд и убедительно показал, как постепенно изменялась их форма

⁵ «Анти-Дюринг» — книга Ф. Энгельса (1820–1895), опубликованная в 1870-е гг., которая считается основополагающим произведением диалектического материализма и марксизма как системы.

⁶ «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии» — книга В. И. Ленина (1870–1924), опубликованная в 1909 г., которая считается главной его работой по философии; посвящена критике субъективно-идеалистической философии эмпириокритицизма и обоснованию положений диалектического и исторического материализма.

⁷ Эрнст Мах (1838–1916) — австрийский физик и философ-позитивист. Взгляды Маха оказали влияние на философию неопозитивизма (эмпириокритицизм или махизм). В работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» представлена критика субъективно-идеалистических идей Маха.

⁸ Евгений Дюринг (1833–1921) — немецкий философ, занимался вопросами политэкономии и права. Ф. Энгельс в работе «Анти-Дюринг» критиковал взгляды Е. Дюринга с позиции марксизма.

⁹ Михаил Петрович Грязнов (1902–1984) — советский историк, археолог, сотрудник Государственного Эрмитажа и заведующий сектором Средней Азии и Кавказа Института истории материальной культуры АН СССР. В 1945 г. защитил кандидатскую и докторскую диссертации.

1

2

3

Рис. 1. 1 — Вс. С. Сорокин, Ленинград, 1930-е гг.; 2 — Вс. С. Сорокин в археологической экспедиции на Кармир-Блуре (близ Еревана, Армения), август 1947 г.; 3 — преподаватели и выпускники кафедры археологии Исторического факультета ЛГУ (1949 г.): сидят А. А. Иессен (второй слева), Б. Б. Пиотровский и Г. Г. Бабанская, стоят (слева направо) И. Д. Федюшина (Васильева), Э. Е. Фрадкин, А. А. Вайман и Вс. С. Сорокин (все фотографии из личного архива Вс. С. Сорокина)

Fig. 1. 1 — Vsevolod S. Sorokin, Leningrad, 1930s; 2 — Vsevolod S. Sorokin in the archaeological expedition at Karmir Blur (near Yerevan, Armenia), August 1947; 3 — lecturers and graduates of the Department of Archaeology, Faculty of History, Leningrad State University (1949): seated are Aleksandr A. Iessen (the second from left), Boris B. Piotrovskii and Galina G. Babanskaya, standing (left to right) are Irina D. Fediushina (Vasilieva), Emil' E. Fradkin, Aizik A. Vaiman and Vsevolod S. Sorokin (all photos from Vsevolod S. Sorokin's personal archives)

от примитивных до более сложных и целесообразных. И свое сообщение он закончил словами, что таким образом им доказано, что развитие идет постепенно и никаких скачкообразных перемен не происходит.

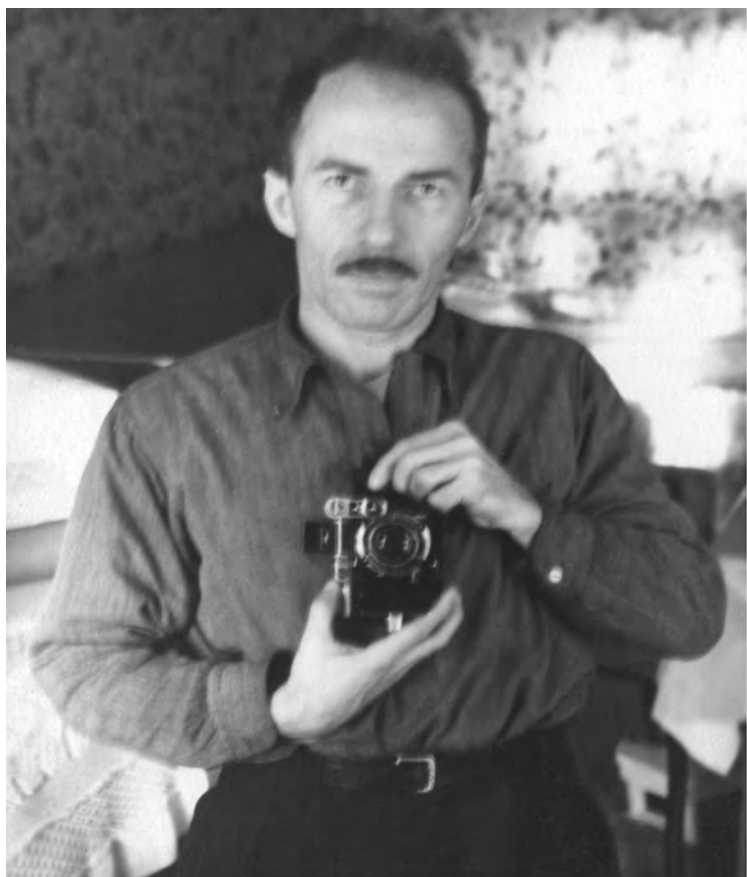
Кроме комизма самой картины — проф[ессор] Грязнов на основании изучения конских удил опровергает диалектический материализм — следует отметить просто глупость почтенного профессора. О том, как он «овладел» диалектикой, говорить не приходится, но можно считать, что он до сих пор (середина двадцатого века) не сообразил, что развиваются не удила и даже не лошади, которые грызли эти удила, а люди, которые, занимаясь разными делами, ездили между прочим и на лошадях. Кажется, горе-профессора критиковали присутствующие мужи и жены науки (я не знаю, как), но я бы его спросил: а первые-то удила из чего развились?

Этот Грязнов — наиболее заметный представитель ископаемой науки и, как видно, он даже агрессивно настроен. Но есть и другие, менее агрессивные, но такие же тупые. Некий, тоже профессор и доктор исторических наук, М. И. Артамонов¹⁰ читал у нас целый год курс археологии эпохи бронзы и раннего железа. Т. е. этот курс так назывался, а фактически речь шла о появлении и развитии обществ с производящим (земледелие и скотоводство) варварским хозяйством на территории Европы. Курс очень интересный, и ты поймешь его значение, если вспомнишь, что до сих пор история Европы после палеолита сразу перескакивала (с заходом на Древний Восток) к рабовладельческим обществам [Древней] Греции и Рима. Получалось так, что огромная территория вне пределов как бы пустовала несколько тысяч лет, а потом извергла из своих недр варваров, сокрушивших Рим. В действительности Европа была населена племенами, от которых остались многочисленные материальные памятники, в огромном числе уже исследованные. Задача курса, стало быть, состояла в анализе этих памятников и попытке реконструкции населения Европы от палеолита до писаной истории. Такая попытка была профессором Артамоновым сделана. Но вот что интересно, в ряде случаев, обрисовывая тот или иной круг памятников, профессор Артамонов произносил фразу, которая выдавала его с головой: «Происхождение этой культуры остается неизвестным». Постепенно выяснилось, что Артамонов считает неизвестным происхождение всякой культуры, материальные памятники которой не развиваются на манер скифских удил из предшествующей культуры. Сам он может найти и раскопать такой памятник, где удила, т. е., виноват, культуры, расположенные (по его любимому выражению) в бесспорной стратиграфии, наглядно демонстрировали бы развитие шельского¹¹ ручного рубила в современный металлообрабатывающий автомат. Для меня совершенно ясно, что такого памятника он не найдет, ибо его не существует в природе.

По-моему, перед исторической наукой стоит вопрос, который многими теоретически признается, но решение, которого еще не может пробиться сквозь косность человеческого мышления. Я говорю вот о чем. Известно, что человечество с момента своего возникновения и до наших дней прошло

¹⁰ Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972) — советский историк, археолог, музейный работник, педагог; специалист по истории хазар, скифов и славян; доктор исторических наук (1941). В 1937–1943 гг. был директором Института истории материальной культуры АН СССР, в 1951–1964 гг. — директором Государственного Эрмитажа.

¹¹ Шельская (древнеашельская, аббевильская) — археологическая культура древнего палеолита в Европе, Африке и Южной Азии (700–400 тыс. лет назад). Шельская культура относится к начальному периоду первобытности, для нее характерны примитивные орудия труда.

1

2

3

4

Рис. 2. 1–3 — Вс. С. Сорокин, Ленинград, конец 1940-х гг., май 1955 г. и 19 октября 1956 г. соответственно; 4 — участники экспедиции на могильнике Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане (вторая половина 1950-х гг.), второй слева — начальник экспедиции Вс. С. Сорокин (все фотографии из личного архива Вс. С. Сорокина)

Fig. 2. 1–3 — Vsevolod S. Sorokin, Leningrad, late 1940s, May 1955 and October 19, 1956 respectively; 4 — participants of the expedition at the burial site of Tasty-Butak 1 in Western Kazakhstan (second half of the 1950s), second left is the expedition director Vsevolod S. Sorokin (all photos from Vsevolod S. Sorokin's personal archives)

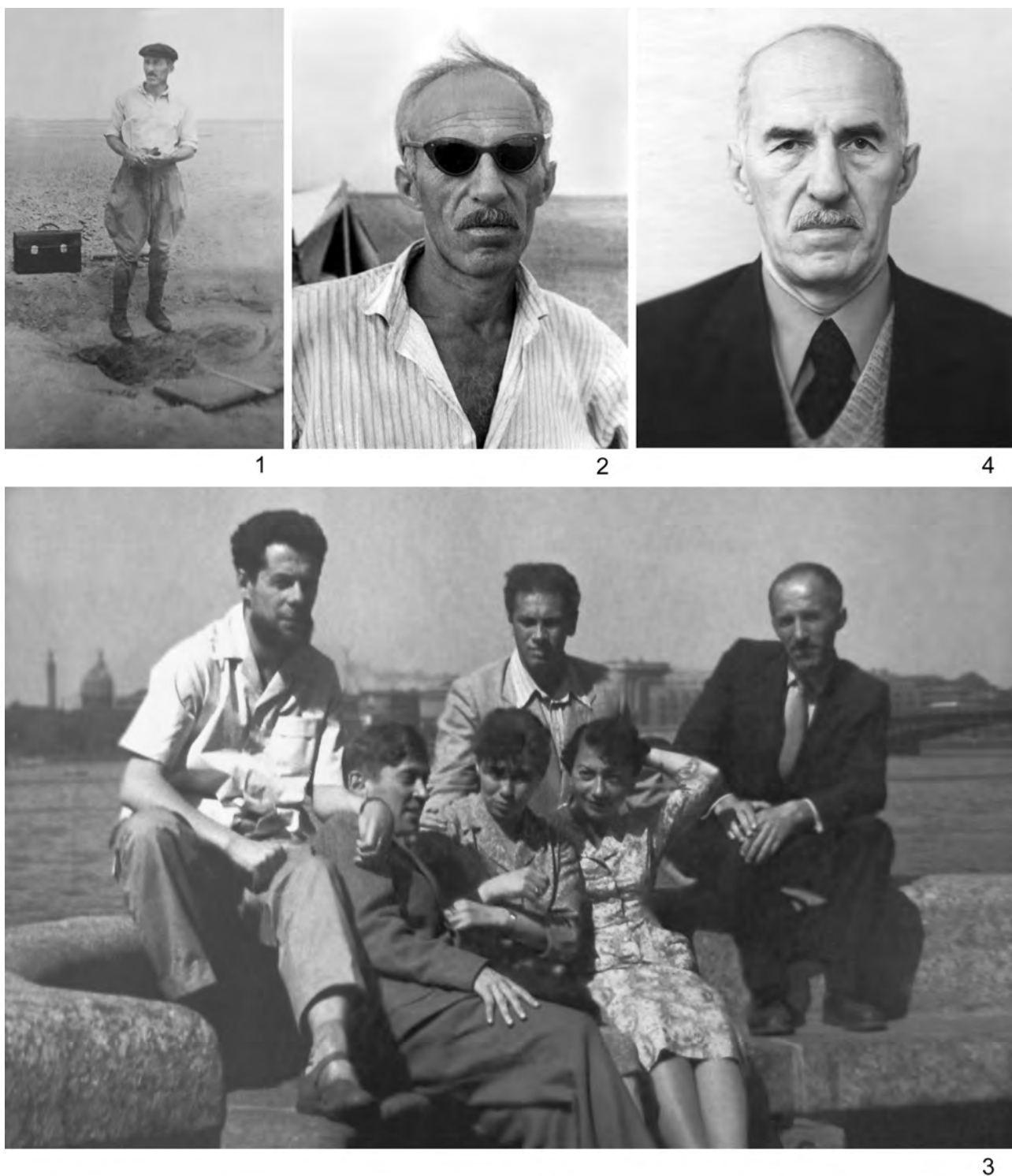

Рис. 3. 1, 2 — Вс. С. Сорокин на Тасты-Бутак 1, июнь 1957 г. и начало 1960-х гг. соответственно; 3 — фото с коллегами на Дворцовой набережной напротив Ново-Михайловского дворца, Ленинград, первая половина 1960-х гг., слева направо: верхний ряд — Ю. А. Заднепровский, Г. А. Максименков и Вс. С. Сорокин, нижний ряд — В. А. Ранов, И. Б. Бентович и К. Х. Кушнарёва; 4 — Вс. С. Сорокин, Ленинград, середина 1970-х гг. (все фотографии из личного архива Вс. С. Сорокина)

Fig. 3. 1, 2 — Vsevolod S. Sorokin at Tasty-Butak 1, June 1957 and early 1960s respectively; 3 — photo with colleagues on the Palace Embankment in front of the New Michael Palace, Leningrad, first half of the 1960s, from left to right: upper row — Yurii A. Zadneprovskii, Gleb A. Maksimenkov and Vsevolod S. Sorokin, lower row — Vadim A. Ranov, Iona B. Bentovich and Karine Kh. Kushnaryova; 4 — Vsevolod S. Sorokin, Leningrad, mid-1970s (all photos from Vsevolod S. Sorokin's personal archives)

большой и сложный путь и на этом пути претерпело ряд существенных и резких изменений, которые до нас дошли (если говорить о дописьменных временах) в виде весьма различных по своему характеру и составу комплексных материальных памятников древности. Признавая объективную диалектику исторического процесса, мы не научились ее объяснять на основании изучения материальных следов человеческой деятельности. Мне не приходит в голову хороший пример, но я имею в виду вот что: как, например, из развития техники обработки кремневых орудий появились лук и стрелы, т. е. как узнавать тот момент, когда постепенное развитие одного приводит к появлению совсем другого.

Должен тебе сказать, что уже существуют историки, которые подходят к этому. Например, Б. Б. Пиотровский¹², анализируя какие-нибудь раскопки, находит возможность говорить, что хотя в данном месте добытый материал не содержит изделий из металла, но по составу всего комплекса исследуемый памятник относится к медному веку. Есть, кроме Б. Б. Пиотровского, и ряд других, понимающих суть дела, но их не так уж много, и они весьма часто вынуждены помалкивать, поскольку их мнение часто расходится со схемой, изложенной в «Происхождении семьи»¹³, схемой идеальной, но только схемой, во многом к тому же устаревшей.

Чтобы покончить с археологией в этом письме, которое становится чересчур длинным, я сообщу тебе о своих археологических делах.

С начала минувшего учебного года я предполагал заниматься первобытностью и начал вести переговоры с учеными мужами, дабы примазаться к той или иной экспедиции, занимающейся раскопками памятников именно этого времени. Но я натолкнулся на совершенное равнодушие к своим интересам. Большинство говорило мне так: ввиду того, что Вы едете копать первый раз, Вам безразлично, с кем и на что ехать; Вам важно практиковаться в методике раскопок и поэтому безразлично, к какому времени будет относиться Ваш объект. Из таких ответов мне сразу стало ясно, что безразлично не мне, а тем, кто это говорит, но практически это означало невозможность для меня специализироваться с первых шагов. Вдруг мне повезло.

Сергеев наставник Бернштам¹⁴, человек дела, и поэтому заинтересованный в подборе людей, способных к делу, предложил мне ехать с ним. У него в Средней Азии, именно в Северной Фергане, имеются весьма древние пещеры, и он предложил мне произвести в них разведывательные раскопки самостоятельно, на предмет поисков там следов человека времени исключительного пользования камнем. Стоит ли говорить, что я согласился немедленно. Но некоторое время спустя выяснился давно известный факт, что Бог создал слишком мало денег и что Киргизский филиал АН¹⁵, не имея возможности превзойти предел, поставленный Богом, не дает на эту затею денег. Тогда я кинулся искать кого-нибудь, чтобы ехать куда-нибудь, безразлично куда, лишь бы ехать. Согласных взять меня было довольно много, но самое хорошее предложение было ехать в Бурят-Монголию и копать там неолитические памятники. К сожалению, оказалось, что я не успеваю разделаться с экзаменами

¹² Борис Борисович Пиотровский (1908–1990) — советский историк, археолог, востоковед, музейный работник, специалист по истории и культуре урартов; академик АН СССР (1970), Герой Социалистического Труда (1983). В 1964–1990 гг. был директором Государственного Эрмитажа.

¹³ «Происхождении семьи, частной собственности и государства» — произведение Ф. Энгельса (*Engels F. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats. Im Anschluss an Lewis H. Morgan's Forschungen. Göttingen; Zürich: Schweizerische Genossenschaftsbuchdruckerei, 1884. 146 S.; русск. пер.: Энгельс, 1982*), в котором рассматривается начальная история человечества, развитие брачных отношений, разложение родовой организации и становление частной собственности, классов, государства и права. По сути, эта монография является расширенной рецензией на книгу Л. Г. Моргана о древнем обществе (*Morgan L. H. Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization. New York: H. Holt and Company, 1877. XVI, 560 p.; русск. пер.: Морган, 1935*), однако в мировой исторической науке (в том числе и в западной) она оценивается очень высоко и считается классической.

¹⁴ Александр Натанович Бернштам (1910–1956) — советский историк, археолог, востоковед, педагог, специалист по истории и культуре киргизов, исследовал памятники Памира, Тянь-Шаня, Ферганы и др.; доктор исторических наук (1942), профессор ЛГУ. «Сергеев наставник Бернштам» — С. С. Сорокин специализировался у А. Н. Бернштама еще до войны, с 1940 г. С 1946 г. Сергей Сорокин принимал участие в нескольких археологических экспедициях, которыми руководил профессор А. Н. Бернштам.

¹⁵ Киргизский филиал Академии наук СССР был учрежден в начале 1943 г.; на его основе в 1954 г. создана Академия наук Киргизской ССР, которая в 1993 г. преобразована в Национальную академию наук Кыргызской Республики (НАН КР).

к моменту отъезда, и пришлось отказаться. Тогда меня завербовал помянутый уже Б. Б. Пиотровский, который уже несколько лет копает около Еревана урартскую Крепость, разгромленную в VII веке до н. э. скифами¹⁶. Урарты меня вообще не интересуют, тем более, что я вообще терпеть не могу Древний Восток, кроме разве Египта, за хамский облик его культуры. Но условия мне предлагаются сносные, и Б. Б. [Пиотровский] очень хороший историк и превосходный человек. Мне препоручается возглавить камеральную обработку добытых материалов, которые по причине лодырей из Ереванского музея вот уже два года как почти не обрабатываются¹⁷. Для этого я, вероятно, с завтрашнего дня приступаю к практическому изучению в мастерских Эрмитажа способов подачи скорой помощи археологическим находкам и приемам первичного их восстановления. Это дело продлится числа до 15–16го [июня], после чего я приступаю к добыванию билета в Ереван, куда и поеду, когда билет этот будет у меня в руках. Думаю, что произойдет это не ранее 21–22–23 сего месяца¹⁸. Ехать мне не хочется, т. е. именно ехать, т. к. езда у нас каторжное дело, но оставить на некоторое время холодные и мокрые сии края очень желательно. Кроме того, я никогда не был в Закавказье.

Твои наблюдения над успехами в нашей экономике представителей частной инициативы очень интересны, и я хочу сообщить тебе дополнительные данные. Тут все увлекаются так наз[ываемыми] индивидуальными огородами. По радио с торжеством сообщили, что ленинградцам государство нарезало 700 000 парцел, каковые и должны породить изобилие плодов земных. Но есть некоторые косвенные данные, что началась уже концентрация земельных участков в руках неистребимых представителей частной инициативы с применением наемной рабочей силы. Иные делают это под видом получения участков на каждого члена семьи в отдельности, иные просто приобретают землю у тех, кто не хочет ее обрабатывать, но соглашается ее продать, благо она предоставляется бесплатно. Таким образом возникают латифундии, размером, говорят, до 60 сотых гектара, для обработки которых приобретается рабочая сила, оплачиваемая натурально и денежно, в зависимости от договоренности. Некоторые просто занимаются земельной спекуляцией. Таким образом возрождается капитализм во всех присущих ему формах. Опасности для социалистического государства здесь нет, поскольку отобрать землю можно так же легко, как и предоставить. Но известная часть рабочей силы выпадает из социалистического производства. Интересен и сам факт.

<...>

Возможно, что на обратном пути из теплых поместий я заеду к тебе¹⁹. Если напишешь мне сразу, как только получишь это письмо, то я еще успею получить твою эпистолию. Твое письмо шло сюда всего три дня²⁰. Целую.

Мы оба, Серж и я, завершили три курса [университета] и перешли на четвертый²¹. А всего курсов пять. К сему письму прилагаю свою старую морду, исполненную для пачпорта.

¹⁶ С 1939 г. на территории Армянской ССР велись плановые раскопки на Кармир-блуре (армян. «Красный холм») — уникальном археологическом памятнике в западной части Еревана, где были обнаружены остатки урартского города Тейшебаини (VII–VI вв. до н. э.). От Государственного Эрмитажа археологической экспедицией руководил Б. Б. Пиотровский. Археологические работы на Кармир-блуре продолжались более 40 лет.

¹⁷ Говоря про обработку материалов, добытых за последние два года, Вс. С. Сорокин имеет в виду археологические сезоны 1945 и 1946 гг. Раскопки на Кармир-блуре были прерваны с началом Великой Отечественной войны в 1941 г. и возобновлены в победном 1945-ом.

¹⁸ В письме брату Виктору от 17 июня 1947 г. Всеволод Сорокин говорит, что в археологическую экспедицию в Армянскую ССР он уезжает в начале июля. В письме из Армении, которое Всеволод писал с 22 июля по 2 августа, он сообщает, что приехал в Ереван 8 июля.

¹⁹ Вс. С. Сорокин предполагал, что возвращаясь из археологической экспедиции в Ленинград, он сможет заехать в Иваново, чтобы навестить брата Виктора. Как известно из последующей переписки, этого не случилось.

²⁰ Т. е. из Иваново — в Ленинград.

²¹ Младший из братьев Сорокиных, Сергей, поступил на исторический факультет ЛГУ в 1939 г. Но, проучившись два года, с началом войны он ушел на фронт; в конце 1941 г. попал в плен и вернулся в Ленинград только в начале 1946 г. После войны С. С. Сорокин восстановился на историческом факультете, и они с Всеволодом оказались однокурсниками.

- Морган*, 1935 — *Морган Л. Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Пер. с англ. под ред. М. О. Косвена. Со статьей Фр. Энгельса «К доистории семьи (Бахофен, Мак Леннан, Морган)». Предисл. Я. П. Алькора. Прилож.: Предисловие Л. Г. Моргана к книге Л. Файсона и А. Хауитта «Камиларои и курнаи». Изд. 2-е. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1935 (Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Материалы по этнографии. Т. I). XVI, 350 с.
- Синицын*, 2013 — *Синицын А. А.* Судьба археолога: Штрихи к биографии Сергея Сергеевича Сорокина (по материалам воспоминаний о нем родственников и коллег) // История и историческая память. 2013. Вып. 7–8. С. 208–228.
- Синицын*, 2015 — *Синицын А. А.* О начале археологического пути Сергея Григорьевича Кляшторного // ЗВОРАО. НС. 2015. Т. III (XXVIII). С. 840–879.
- Сорокин*, 1962 — *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. (МИА. № 120). 207 с.
- Энгельс*, 1982 — *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.: Изд-во политической литературы, 1982. 240 с.

The intricacies of dialectical materialism and Soviet archaeologists: immoderately strict judgments of a student of the Leningrad State University concerning the Historical Faculty teachers of 1947

Aleksandr A. Sinitsyn²²

Annotation. *Rich epistolary archives of the famous scientists, the Sorokin brothers — Vsevolod Sergeevich, Sergei Sergeevich and Viktor Sergeevich, who corresponded with each other from 1941 to 1984, have been preserved. Here published is a letter from the archaeologist Vsevolod to his elder brother Victor, the physicist and professor at the Ivanovo State Pedagogical Institute. In the letter Vsevolod Sergeevich tells his brother about the exams passed the day before and about his upcoming trip to Yerevan for excavations at Karmir Blur. He focuses on his university professors: Mikhail I. Artamonov, Aleksandr N. Bernshtam, Mikhail P. Gryaznov and Boris B. Piotrovskii — major figures in Soviet archaeology. Vsevolod Sergeevich characterizes their teaching style, scientific methods and views.*

Keywords: *Sorokin brothers — Vsevolod, Viktor and Sergei, Leningrad State University, Mikhail I. Artamonov, Aleksandr N. Bernshtam, Mikhail P. Gryaznov, Boris B. Piotrovskii, Karmir Blur*

²² Aleksandr A. Sinitsyn — F. M. Dostoevsky Russian Christian Academy for the Humanities, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: aa.sinizyn@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9229-0217.

Раздел 2

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ЭПОХИ КАМНЯ И БРОНЗЫ

Культурно-хронологические особенности палеолитического памятника Каракудук (Устюрт)

Б. Дж. Мадреймов¹

Аннотация. Кремнеобрабатывающая мастерская Каракудук расположена в восточной части плато Устюрт на северных склонах впадины Барса-Кельмес (Республика Каракалпакстан). Находки поверхностного залегания были рассеяны на площади 200×100 м². Коллекция включает более 900 каменных находок. Часть из них составляют плитки из кремнистого известняка, другая часть содержит сколы, полученные с них. На памятнике также была выявлена серия бифасиально обработанных орудий. Особого внимания заслуживает «каракудукский феномен»: на памятнике отмечено переиспользование в среднем и позднем палеолите каменных изделий, оставленных людьми раннего палеолита.

Ключевые слова: Устюрт, мастерская, Каракудук, Барса-Кельмес, бифас

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-73-75

Местонахождение Каракудук расположено на северных склонах впадины Барса-Кельмес, в 1,5–2 км к северу от одноименного колодца и в 60 км к северу от стоянки-мастерской Есен-2. Мастерская была найдена Е. Б. Бижановым в 1978 году (Бижанов, 1979. С. 71). Половина собранных здесь находок представляет собой окремненные известняковые плитки с негативами снятий, другая половина состоит из сколов, полученных из этих плиток. Плитки небольшого размера, их длина редко превышает 10 см (чаще 5–10 см), толщина в среднем составляет 1,5–2 см. Длина большей части сколов 2–3 см, некоторые экземпляры достигают 5 см. В мастерской также была найдена серия бифасиальных орудий. Было отмечено, что поверхность предметов, собранных в Каракудуке, неоднородна (Там же. С. 68).

Считалось, что индустрия Каракудука представлена двумя разновидностями находок — бифасиально обработанными по краям плитками и сколотыми с них отщепами, некоторые с небольшими участками ретуши (Там же. С. 71). По характеру техники обработки рабочего края каменная индустрия памятника также была разделена на три группы: в первую группу входят орудия с бифасиальной обработкой по всему периметру. Некоторые из них типологически подразделяются на небольшие ручные рубила яйцевидной и миндалевидной формы. Вторая группа включает изделия, обработанные по одному или двум краям, но не по всему периметру. Их края формируются с использованием грубых и широких сколов с прямым и выпуклым лезвиями. Типологически эти изделия относят к скреблам. Как и в первой группе, они были изготовлены на плитках небольшого размера. Третья группа в целом аналогична второй, однако одна или две поперечные стороны изделий и части, противоположные их рабочим кромкам, представляют собой вертикальный слом или естественную торцевую сторону плитки (Там же. С. 71).

¹ Берик Джалгасбаевич Мадреймов — Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, Нукус, Республика Узбекистан; e-mail: bmadreymov@inbox.ru; ORCID: 0000-0001-5725-6363.

Каракудук — несомненно, мастерская. Мнение, что сырье сюда было доставлено из Есена-2 (Там же. С. 68), ошибочно (Вишняцкий, 1996. С. 78). Несмотря на то, что степень сохранности поверхности каменных предметов, найденных на памятнике, различна, Е. Б. Бижанов датировал их все ашельским периодом (Бижанов, 1979. С. 71), объединяя стоянки Каракудук, Есен-1 и 2 в единую культуру. По мнению же Л. Б. Вишняцкого, Каракудук, видимо, объединяет в себе материалы различных периодов, начиная со среднего палеолита (Вишняцкий, 1996. С. 78). Исследования автора данной статьи показали, что здесь также представлен комплекс находок, характеризующий эпоху раннего палеолита (Каракудук 1). Последний комплекс мастерской (Каракудук 3) может быть отнесен к эпохе позднего палеолита. Таким образом, кремнеобрабатывающая мастерская Каракудук является эталонным памятником, представляющим все этапы развития палеолита.

Местонахождение Каракудук первоначально осваивали хомо эректусы в раннем палеолите (Каракудук 1). В это время находящиеся на берегах впадины Барса-Кельмес скалы, сложенные окремненным известняком, были полностью разрушены в результате природных воздействий и представляли собой скопления небольших плиток. В большинстве случаев возможность их обработки была ограничена. Из-за отсутствия в окрестностях других пригодных каменных пород древние обитатели Устюрта были вынуждены приспосабливаться к особенностям местного сырья (Madreymov, 2023. P. 51–53). В эпоху раннего палеолита местонахождение Каракудук было обычной мастерской. Сюда хомо эректусы приходили не за нуклеусами, так как состояние сырья не позволяло получать обычные ядрища, а за сколами-заготовками, которые уносили на стоянки для изготовления каменных орудий. Сырье Каракудука позволяло получить от плитки всего 2–3 отщепа средних размеров, к тому же нельзя было ретушировать края плиток, имеющих толщину 2–3 см. При отсутствии возможностей расщепления и ретуширования заготовок обычным способом хомо эректусы, посещавшие Каракудук, нашли свое решение проблемы: края плиток стали заострять с помощью мелких снятий. Но люди раннего палеолита еще не владели обработкой бифасов, поэтому в коллекции комплекса Каракудук 1 орудия оформлены унифасиальными сколами. В это время из плиток изготавливали скребла, зубчато-выемчатые, рубящие и другие орудия. Итак, в раннем палеолите хомо эректусы приходили на территорию мастерской в постоянных поисках крупных массивных плиток окремненного известняка, поскольку только из них можно было изготавливать орудия.

Спустя многие тысячелетия окрестности Каракудука стали обживать люди совершенно иного физического типа, возможно, неандертальцы. К этому времени плитки-заготовки на местонахождении стали еще более мелкими и находка подходящего обломка для обработки сделалась тяжелой задачей. Поэтому первобытные люди, вторично освоившие мастерскую, вынуждены были перерабатывать и «оживлять» старые изделия, брошенные их предшественниками — хомо эректусами. Это получило название «каракудукский феномен»: действительно, переиспользование в среднем и позднем палеолите каменных изделий, оставленных людьми раннего палеолита, является уникальным явлением в палеолитоведении.

Создатели комплекса Каракудук 2 имели преимущества в технологии обработки камня. Они владели бифасиальной технологией, позволявшей снимать с плиток сколы толщиной 2–3 см, что открывало большие возможности при изготовлении орудий.

Среднепалеолитический комплекс Каракудук 2 является специализированной мастерской для обработки бифасов. Первобытные люди посещали ее для производства бифасов и их транспортировки на стоянки. В комплексе выявлено 59 таких изделий на разных стадиях обработки, кроме того, обнаружены их фрагменты, а также три кливера. Ординарные орудия тоже обрабатывали с помощью бифасиальных снятий. Индустрия среднепалеолитического комплекса Каракудук имеют близкие аналогии с материалами Янгаджа-Каратенгир на Красноводском полуострове (Вишняцкий, Хамракулиев, 1986. С. 47).

В научной литературе высказана точка зрения о том, что специализация появляется в неолите и она связана с межплеменным обменом (Касымов, Крижевская, 1969). Однако любая специализация могла проходить эволюционный путь развития от производства лишних изделий до товарооборота. В этом отношении истоки специализации нужно искать среди культур палеолита — это подтверждается и материалами комплекса Каракудук 2.

Комплекс Каракудук 3 может быть датирован эпохой позднего палеолита. В это время продолжали использовать бифасиальную технологию, хотя рабочие края орудий, выявленных в комплексе, могли обрабатывать и унифасиальными сколами.

Следует отметить, что раннепалеолитического материалы Каракудука отличаются сильно дефилрованной поверхностью артефактов, среднепалеолитические — пустынным загаром, а позднепалеолитические — свежей, яркой и глубокой патинизированностью. Для всех трех комплексов Каракудука характерен дефицит сырья, обусловленный особенностями его состояния.

Первобытные общины, посещавшие мастерскую Каракудук, были охотниками-собираателями. Они жили в постоянном поиске пригодного сырья для изготовления каменных охотничьих орудий, инструментов для снятия шкур с убитых животных и разделки их туш. Окрестности впадины Барса-Кельмес, отличающиеся богатыми выходами окремненного известняка, изобилием фауны и флоры, запасами пресной воды, привлекали древних людей со времени раннего палеолита.

Новые исследования мастерской Каракудук, являющейся эталонным памятником палеолита, открывают неизвестные страницы далекого прошлого Узбекистана, удревняя историю его северо-западных районов вплоть до раннепалеолитической эпохи.

Бижанов, 1979 — Бижанов Е. Б. Находки памятников палеолита на юго-восточном Устюрте // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. 1979. № 3. С. 48–71.

Вишняцкий, 1996 — Вишняцкий Л. Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб.: Европейский Дом, 1996. 213 с.

Вишняцкий, Хамракулиев, 1986 — Вишняцкий Л. Б., Хамракулиев С. Мастерские каменного века в районе Янгаджи // ИАН ТуркмССР. СОН. 1986. № 2. С. 27–33.

Касымов, Крижевская, 1969 — Касымов М. Р., Крижевская Л. Я. О классификации кремнеобрабатывающих мастерских // СА. 1969. № 1. С. 265–268.

Madreymov, 2023 — Madreymov B. J. Karakuduk stone workshop in Usturt is under new research // Eurasian Journal of History, Geography and Economics. 2023. Vol. 22. P. 50–53.

Cultural and chronological features of the paleolithic site Karakuduk (Ustyurt)

Berik J. Madreymov²

Annotation. *The flint workshop Karakuduk is located in the eastern part of the Ustyurt Plateau on the northern slopes of the Barsa-Kelmes depression (Republic of Karakalpakstan). Surface finds were scattered over an area of 200×100 sq. m. The collection includes more than 900 stone finds. Some of them are siliceous limestone tiles, while the other part contains flakes obtained from them. A series of bifacially worked tools was also identified at the site. The “Karakuduk phenomenon” deserves special attention: the re-use of stone artifacts left by early Paleolithic people in the Middle and Late Paleolithic was noted at the site.*

Keywords: *Ustyurt, workshop, Karakuduk, Barsa-Kelmes, biface*

² Berik J. Madreymov — Berdaq Karakalpak State University, Nukus, Republic of Uzbekistan; e-mail: bmadreymov@inbox.ru; ORCID 0000-0001-5725-6363.

Изотопный анализ зубной эмали мелкого рогатого скота с целью реконструкции сезонности его рождения в период раннего одомашнивания на основе материалов поселения Джейтун (Северный Копетдаг)³

К. А. Бабина⁴, А. К. Каспаров⁵, А. В. Юмина⁶,
Е. В. Пархомчук⁷, С. В. Шнайдер⁸

Аннотация. В докладе применяется метод определения сезонности рождения мелкого рогатого скота по изотопному составу кислорода в зубной эмали. Описывается метод подготовки образцов для изотопного анализа фосфатов, из которых в основном состоит зубная эмаль млекопитающих. Выяснено, что особи мелкого рогатого скота на поселении Джейтун рождались как ранней весной, так и поздней осенью. Появление потомства дважды в год является одним из самых достоверных признаков контроля человека над стадом.

Ключевые слова: Средняя Азия, Туркменистан, Джейтун, неолит, сезонность, изотопный анализ, мелкий рогатый скот, рождение потомства

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-76-79

Поселение Джейтун является комплексно изученным памятником периода раннего неолита на территории Центральной Азии. Здесь были определены зерна одомашненной пшеницы (полба и однозернянка), а также лущеный ячмень. В раннем хронологическом контексте обнаружены останки домашних овец и коз (Массон, 1971; Каспаров, 2006). Ранее большая работа с палеофаунистической коллекцией поселения проведена А. К. Каспаровым, в результате чего были получены данные по сезонности и возрасту убоя мелкого рогатого скота (далее МРС), процентному содержанию в стадах овец и коз (Каспаров, 2006).

На новом этапе исследований разработан метод определения сезонности рождения МРС по циклическим вариациям изотопного состава кислорода в зубной эмали вдоль линии роста

³ Исследование выполнено при поддержке проекта РНФ № 23-28-01126 «Изотопный анализ зубной эмали для реконструкции сезонности рождения мелкого рогатого скота в период раннего одомашнивания на основе материалов поселения Джейтун (Северный Копетдаг)». Кроме того, часть работы подготовлена А. К. Каспаровым в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

⁴ Ксения Александровна Бабина — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: k.babina@g.nsu.ru; ORCID: 0000-0001-6612-678X.

⁵ Алексей Каспарович Каспаров — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: alexkas@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-7761-9301.

⁶ Анна Владиславовна Юмина — Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: a.yumina@g.nsu.ru; ORCID: 0009-0004-8240-0522.

⁷ Екатерина Васильевна Пархомчук — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: evparkhom@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2200-884X.

⁸ Светлана Владимировна Шнайдер — Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAn, IRL 2013, Национальный центр научных исследований — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: sveta.shnayder@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2230-4286.

зуба. Зубная эмаль на 96 % состоит из гидроксиапатита $\text{Ca}_{10}(\text{PO}_4)_6(\text{OH})_2$, в котором гидроксильные группы и фосфат-ионы частично замещены на карбонат-ионы (Ressler *et al.*, 2021. P. 100). Во всех немногочисленных исследованиях с применением изотопного анализа последовательно отобранных проб зубной эмали мелкого рогатого скота (МРС) анализируются карбонаты, составляющие всего 4 % гидроксиапатита по массе (Hermes *et al.*, 2019; Ventresca Miller *et al.*, 2020).

В рамках данной работы использованы методы пробоподготовки зубной эмали и изотопного анализа фосфатов. Для определения сезонности рождения использовали вторые моляры, формирующиеся в первый год жизни животного. Отбор образцов эмали производился с лингвальной стороны зуба вдоль линии роста с шагом от 2 до 4 мм, глубина пропила составляла ≈ 1 мм. Образцы эмали обрабатывали 30 % раствором H_2O_2 для удаления гуминовых веществ, затем растворяли образцы в 2 М HF , отделяли жидкую фракцию с помощью центрифугирования, доводили растворы до pH 5–7, добавляя по каплям 20 % раствор аммиака. Для выделения фосфата серебра к растворам прикапывали 2 М AgNO_3 . Полученные образцы Ag_3PO_4 отмывали деионизованной водой последовательным центрифугированием/редиспергированием.

В предлагаемом методе изотопного анализа кислород из образца Ag_3PO_4 , выделенного из зубной эмали, переводится в газообразный CO в результате взаимодействия образца с углеродом в токе гелия при температуре 1300°C . Данный метод позволяет получать надежные результаты по $\delta^{18}\text{O}$ в зубной эмали образцов разного возраста и сохранности, поскольку: 1) эмаль почти на 90 % состоит из фосфатов; 2) кислород в фосфатных группах более устойчив к процессам диагенеза в сравнении с кислородом в карбонатах.

В результате проведенных работ получены первые результаты по изотопному составу фосфатов зубной эмали моляров М2 МРС из поселения Джейтун, пример приведен на **рис. 1**.

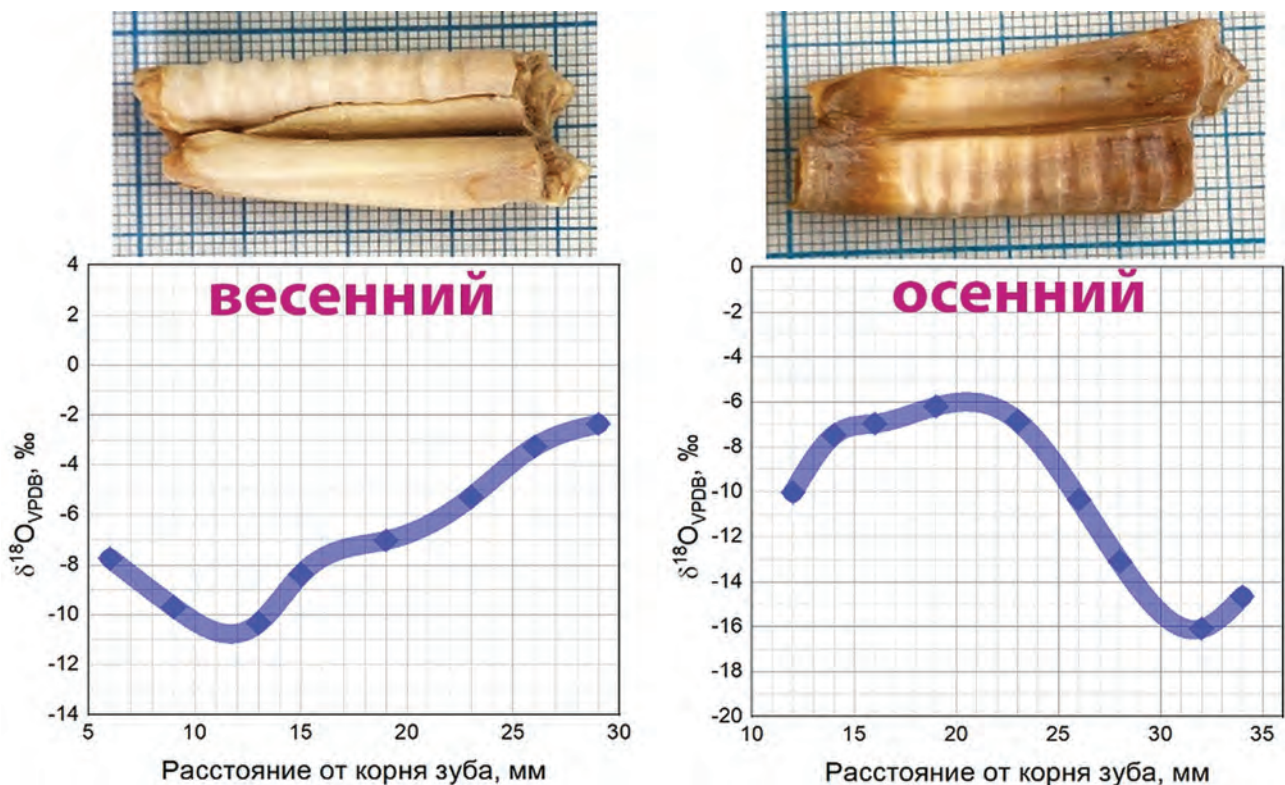

Рис. 1. Зависимости $\delta^{18}\text{O}_{\text{VPDB}}$ в фосфатах, выделенных из эмали М2 ovicaprine с памятника Джейтун от расстояния от корня зуба

Fig. 1. Dependencies of $\delta^{18}\text{O}_{\text{VPDB}}$ in phosphates isolated from M2 ovicaprine enamel from the settlement site of Jeitun on the distance from the tooth root

Для определения сезонности рождения Ovicaprine по изотопному составу кислорода в эмали традиционно используют моляр М2, формирующийся в первый год жизни животных. Также возможно использовать моляр М3, однако вследствие широкого диапазона времени прорезывания данного зуба точность определения сезона рождения МРС низкая. У *Ovis aries* моляр М2 начинает закладываться на втором месяце жизни, однако процесс созревания эмали длится около 4 месяцев (Zazzo *et al.*, 2010), поэтому для определения сезона рождения по циклическим вариациям $\delta^{18}\text{O}$ вдоль линии роста М2 необходимо учитывать суммарный сдвиг около 5 месяцев (Balasse *et al.*, 2012. P. 349). Для образцов зубов из памятника Джейтун встречаются циклические зависимости $\delta^{18}\text{O}$ в эмали вдоль линии роста зуба с расположением как минимумов (зима), так и максимумов (лето) на кончиках моляров. Относительные величины $\delta^{18}\text{O}$ в эмали на кончиках зубов с учетом времени созревания эмали позволяют сделать вывод о том, что особи МРС из поселения Джейтун рождались как ранней весной, так и поздней осенью. Окот мелкого рогатого скота дважды в год является одним из самых достоверных признаков контроля человека над стадом.

- Kasparov, 2006 — Kasparov A. K. Скотоводство и охота эпохи неолита — палеометалла в Южном Туркменистане (развитие стратегии использования животных ресурсов). СПб.: Европейский Дом, 2006. 166 с.
- Массон, 1971 — Массон В. М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л.: Наука. ЛО, 1971 (МИА. № 180). 208 с.
- Balasse *et al.*, 2012 — Balasse M., Obein G., Ughetto-Monfrin J., Mainland I. Investigating seasonality and season of birth in past herds: a reference set of sheep enamel stable oxygen isotope ratios // *Archaeometry*. 2012. Vol. 54/2. P. 349–368.
- Hermes *et al.*, 2019 — Hermes T. R., Franchetti M. D., Doumani Dupuy P. N., Mar'yashev A., Nebel A., Makarewicz C. A. Early integration of pastoralism and millet cultivation in Bronze Age Eurasia // *PRSB*. 2019. Vol. 286/1910: 20191273 (<https://doi.org/10.1098/rspb.2019.1273>).
- Ressler *et al.*, 2021 — Ressler A., Žužić A., Ivanišević I., Kamboj N., Ivanković H. Ionic substituted hydroxyapatite for bone regeneration applications: A review // *Open Ceramics*. 2021. Vol. 6. P. 100–122.
- Ventresca Miller *et al.*, 2020 — Ventresca Miller A. R., Haruda A., Varfolomeev V., Goryachev A., Makarewicz C. A. Close management of sheep in ancient Central Asia: evidence for foddering, transhumance, and extended lambing seasons during the Bronze and Iron Ages // *Science and Technology of Archaeological Research*. 2020. Vol. 6/1. P. 41–60.
- Zazzo *et al.*, 2010 — Zazzo A., Balasse M., Passey B. H., Moloney A. P., Monahan F. J., Schmidt O. The isotope record of short- and long-term dietary changes in sheep tooth enamel: Implications for quantitative // *Geochimica et Cosmochimica Acta*. 2010. Vol. 74/12. P. 3571–3586.

Isotope analysis of tooth enamel for reconstruction of the seasonality of the birth of small ruminants during the period of early domestication based on materials from the settlement site of Jeitun (Northern Kopetdag)

Kseniya A. Babina⁹, Aleksei K. Kasparov¹⁰, Anna V. Yumina¹¹,
Ekaterina V. Parkhomchuk¹², Svetlana V. Schnaider¹³

Annotation. *The report uses a method for determining the seasonality of the birth of caprines by the isotopic composition of oxygen in the tooth enamel. A method for preparing samples for the isotopic analysis of phosphates, of which mammalian tooth enamel mainly consists, is described. It was found that small ruminants at the settlement site of Jeitun were born both in early spring and late autumn. The appearance of offspring twice a year is one of the most reliable signs of human control over the herd.*

Keywords: *Central Asia, Turkmenistan, Jeitun, Neolithic, seasonality, isotope analysis, small cattle, birth of offspring*

⁹ Kseniya A. Babina — Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: k.babina@g.nsu.ru; ORCID: 0000-0001-6612-678X.

¹⁰ Aleksei K. Kasparov — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: alexkas@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-7761-9301.

¹¹ Anna V. Yumina — Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: a.yumina@g.nsu.ru; ORCID: 0009-0004-8240-0522.

¹² Ekaterina V. Parkhomchuk — Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: evparkhom@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2200-884X.

¹³ Svetlana V. Schnaider — International Research Laboratory «Archaeozoology in Siberia and Central Asia» ZooSCAN, IRL 2013, CNRS — Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: sveta.shnayder@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2230-4286.

Неолитические материалы со стоянки Ак-Таньги (Северный Таджикистан)¹

С. В. Шнайдер², А. К. Каспаров³, Т. Г. Филимонова⁴, Г. И. Марковский⁵,
С. В. Баранова⁶, А. А. Черноносков⁷, В. В. Коваль⁸, А. Ю. Федорченко⁹

Аннотация. Исследование посвящено пересмотру культурной атрибуции неолитических комплексов Гиссар I–VI стоянки Ак-Таньги, полевое изучение которой проводилось в середине XX в. На момент своего открытия в горной части Центральной Азии была изучена только гиссарская неолитическая культура, к которой и были отнесены материалы Ак-Таньги. На новом этапе исследований был проведен комплексный анализ архивных материалов и сохранившейся коллекции, которая включает палеофаунистические материалы, каменные и костяные артефакты, реализованы радиоуглеродное датирование и ZooMS-анализ для части костяных артефактов.

Ключевые слова: Памиро-Алай, Ак-Таньги, неолит, каменная индустрия, костяные орудия

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-80-83

Исследование неолитических памятников горной части Центральной Азии насчитывает свыше полувека истории. За эти годы открыто более сотни археологических объектов и предложена их культурно-хронологическая интерпретация. Одним из важнейших результатов археологических изысканий в этом регионе стало обнаружение серии выразительных комплексов раннеголоценового возраста, представленных материалами центральноферганских стоянок, памятниками Обиширской группы, маркансуйской и гиссарской культур (Исламов, 1980; Исламов, Тимофеев, 1986).

В результате исследований 1950–1960-х гг. было предложено рассматривать материалы Афгано-Таджикской депрессии, низко- и среднегорий Гиссаро-Алая в рамках единой культурной общно-

¹ Часть работы подготовлена А. К. Каспаровым в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Светлана Владимировна Шнайдер — Международная лаборатория «Археозоология в Сибири и Центральной Азии» ZooSCAN, IRL 2013, Национальный центр научных исследований — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: sveta.shnayder@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2230-4286.

³ Алексей Каспарович Каспаров — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: alexkas@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-7761-9301.

⁴ Татьяна Германовна Филимонова — Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Душанбе, Республика Таджикистан; e-mail: tatjanafilimonova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7126-8325.

⁵ Григорий Иванович Марковский — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: markovsky@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2698-707X.

⁶ Светлана Владимировна Баранова — Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: swb@niboch.nsc.ru; ORCID: 0000-0001-9228-3025.

⁷ Александр Анатольевич Черноносков — Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: alexander.chernonosov@niboch.nsc.ru; ORCID: 0000-0001-8362-2443.

⁸ Владимир Васильевич Коваль — Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: koval@niboch.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-2577-2184.

⁹ Александр Юрьевич Федорченко — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: winteralex2008@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7812-8037.

сти — гиссарской культуры (IX–IV тыс. кал. л. н.). Первичное расщепление этой культуры характеризовалось сочетанием галечного расщепления, направленного на производство крупных отщепов и объемного призматического скалывания для получения пластинчатых сколов. Орудийный набор характеризуется скреблами на крупных отщепах, концевыми скребками, геометрическими микролитами (симметричные трапеции и треугольники), выемчатыми изделиями, единичными шлифованными орудиями и зернотерками. Небольшую серию образуют костяные шилья и украшения из камня и кости (Ранов, 1985; Коробкова, 1996; Ранов, Каримова, 2005). На территории Восточного Памира была выделена маркансуйская культура (IX–VI тыс. кал. л. н.), каменная индустрия которой также характеризуется сочетанием галечного и микропластинчатого расщепления, орудийный набор — скреблами, концевыми скребками, пластинками с ретушью и единичными бифасиальными наконечниками стрел (Ранов, 1962). К эпохе мезолита были отнесены материалы стоянок Обишир-1 и Обишир-5. Обиширская культура получила свое продолжение в комплексах Центральной Ферганы, которые характеризуются объемными и торцовыми микронуклеусами. Орудийный набор включает микропластины с ретушью, концевые скребки, проколки, долотовидные изделия и единичные трапеции (Исламов, 1980; Исламов, Тимофеев, 1986).

В последнее десятилетие были активизированы комплексные исследования раннеголоценовых объектов Центральной Азии. Накопленные материалы позволяют ответить на множество вопросов, связанных с культурно-хронологическим членением археологических комплексов. В частности, была пересмотрена атрибуция материалов стоянок Обишир-5 и Обишир-1 (Taylor et al., 2021; Brancaloni et al., 2022), обнаружены новые памятники неолита Сурунгур и Кайнар-Камар (Шнайдер и др., 2021; Nishiaki et al., 2022). Благодаря применению новых аналитических методик установлено раннее появление скотоводства в регионе (Taylor et al., 2021; Nishiaki et al., 2022). Для настоящего этапа исследований по-прежнему актуальным остается уточнение культурно-хронологической позиции ключевых неолитических памятников региона.

Одним из таких объектов является грот Ак-Танги, располагающийся на севере Таджикистана (Туркестанский хребет), на высоте 2 300 м над уровнем моря (рис. 1, 1, 2). Памятник был открыт в 1959 г. и исследовался на протяжении пяти полевых сезонов в 1959, 1960, 1961, 1963 и 1966 гг. (Литвинский, Ранов, 1961; 1964; Литвинский, 1973). В результате проведенных раскопок было изучено 166 м² площади стоянки, выделены слои средневековья и античного времени, бронзового века (слои Бронза I и II), энеолита (слой Бронза III), неолита (слои Гиссар I–VI) и мезолита (Гиссар VII и VIII). В контексте выявления вопросов культурно-хронологической вариабельности неолитических комплексов Центральной Азии наибольший интерес представляют материалы нижних культурных горизонтов грота Ак-Танги — слоев Гиссар I–VI. Указанные подразделения изучались на различных участках площадью от 35 до 70 м². Здесь встречены отдельные углистые пятна кострищ и каменные выкладки очагов.

На момент открытия и изучения памятника Ак-Танги в 1960-е гг. в горной части Центральной Азии была выделена единственная неолитическая культура — гиссарская (Окладников, 1959; Ранов, 1985), к которой и были отнесены слои Гиссар I–VI. На долгое время указанная атрибуция закрепились в историографии. В перечне памятников гиссарской культуры Ак-Танги является единственным гротом. Все иные археологические объекты представлены стоянками открытого типа, расположенными на территории Афгано-Таджикской депрессии, низко- и среднегорий Гиссаро-Алая.

Нашим исследовательским коллективом проведено повторное изучение сохранившейся коллекции, которая включает палеофаунистические материалы, каменные и костяные артефакты. Также было проведено радиоуглеродное датирование и ZooMS-анализ для части костяных артефактов. Дополнительно в ходе изучения архивных материалов были обнаружены две ранее не опубликованные датировки для неолитических слоев памятника. Результаты нового изучения Ак-Танги указывают на то, что неолитические слои сформировались в период X–VI тыс. кал. л. н. Среди палеофаунистических коллекций доминируют кости диких овец и коз, при этом выделяется коллекция костей, которая, согласно морфометрическим характеристикам, может относиться к domesticiрованным овцам и козам. Более того, в данных материалах обнаружены единичные костные останки кулана и джейрана, которые к настоящему времени не представлены

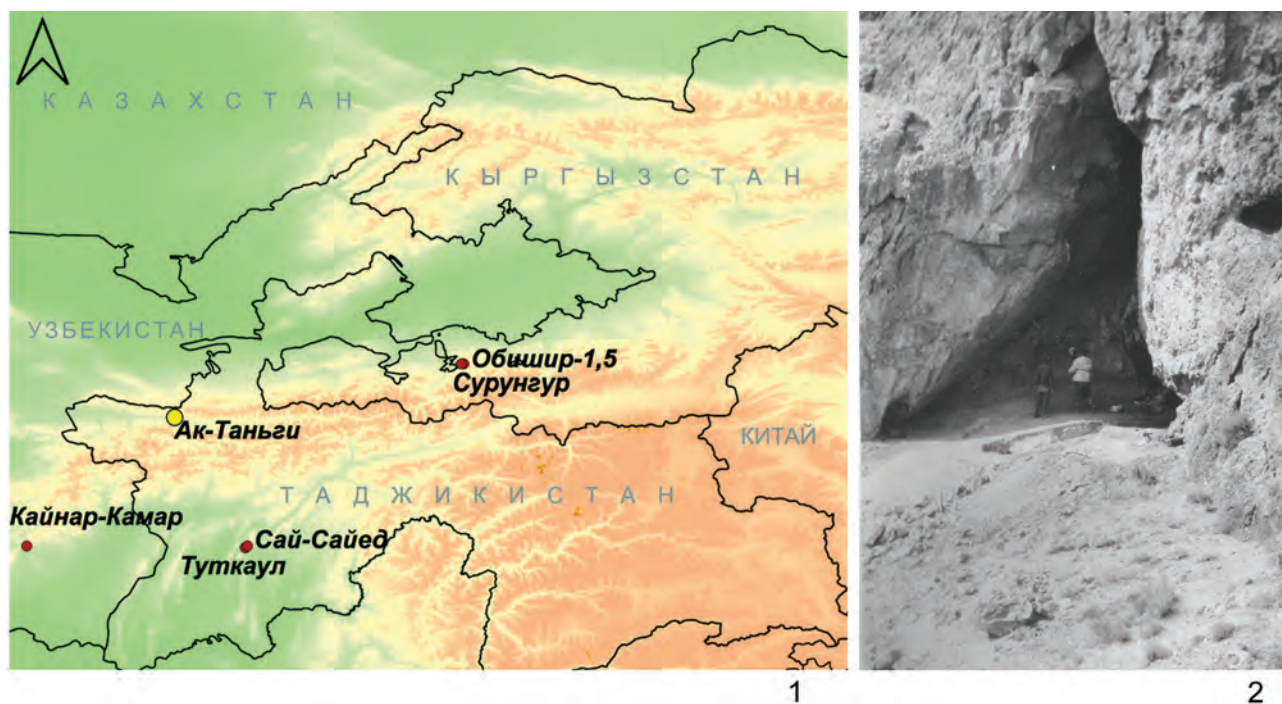

Рис. 1. Стоянка Ак-Танги: 1 — карта расположения памятников, упоминаемых в работе; 2 — навес Ак-Танги (фото из архива В. А. Ранова, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ)

Fig. 1. Ak-Tangi site: 1 — map of the location of the sites mentioned in the work; 2 — Ak-Tangi shelter (photo from the archives of Vadim A. Ranov, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnology of NAST)

в изучаемом микрорегионе. Анализ археологической коллекции указал на сходство материалов Ак-Танги с материалами стоянок Обишир-1 и Обишир-5. Эти памятники, демонстрируя схожий орудийный набор, являются хронологически синхронными, а также располагаются в сходной географической зоне — среднегорном поясе Туркестанского и Алайского хребтов, окаймляющих Ферганскую долину с юга. Таким образом, ставится вопрос о пересмотре культурной атрибуции неолитических материалов стоянки Ак-Танги.

Исламов, 1980 — Исламов У. И. Обиширская культура. Ташкент: Фан, 1980. 147 с.

Исламов, Тимофеев, 1986 — Исламов У. И., Тимофеев В. И. Культура каменного века Центральной Ферганы. Ташкент: Фан, 1986. 304 с.

Коробкова, 1996 — Коробкова Г. Ф. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М.: Наука, 1996 (АрхСССР). С. 87–135.

Литвинский, 1973 — Литвинский Б. А. Археологические работы в Таджикистане в 1962–1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы) // АРТ. 1973. Вып. X. С. 5–41.

Литвинский, Ранов, 1961 — Литвинский Б. А., Ранов В. А. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. // АРТ. 1961. Вып. VII. С. 30–49.

Литвинский, Ранов, 1964 — Литвинский Б. А., Ранов В. А. Раскопки навеса Ак-Танги в 1961 г. // АРТ. 1964. Вып. IX. С. 3–24.

Окладников, 1959 — Окладников А. П. О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г. (в Гиссарской и Дангаринской долинах) // АРТ. 1959. Вып. V. С. 5–20.

Ранов, 1962 — Ранов В. А. Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире // АРТ. 1962. Вып. VIII. С. 6–26.

Ранов, 1985 — Ранов В. А. Гиссарская культура — неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии / Отв. ред. Е. В. Ларичев. Новосибирск: Наука. СО, 1985. С. 10–35.

- Ранов, Каримова, 2005 — Ранов В. А., Каримова Г. Р. Каменный век афгано-таджикской депрессии. Душанбе: Деваштич, 2005. 252 с.
- Шнайдер и др., 2021 — Шнайдер С. В., Жилич С. В., Федорченко А. Ю., Рендю В., Пархомчук Е. В., Алишер кызы С., Оленченко В. В., Цибизов Л. В., Сердюк Н. В., Зеленков Н. В., Чаргынов Т. Т., Кривошапкин А. И. Сурунгур — новый памятник раннего голоцена в Ферганской долине // SP. 2021. № 2. С. 319–337.
- Brancaleoni et al., 2022 — Brancaleoni G., Shnaider S., Osipova E., Danukalova G., Kurbanov R., Deput E., Alisher kyzy S., Abdykanova A., Krajcarz M. T. Depositional history of a talus cone in an arid intermontane basin in Central Asia: An interdisciplinary study at the Late Pleistocene — Late Holocene Obishir-I site, Kyrgyzstan // Geoarchaeology: An International Journal. New York, 2022. Vol. 37. P. 350–373.
- Nishiaki et al., 2022 — Nishiaki Y., Aripdjanov O., Arai S., Akashi C., Nakata H., Sayfullayev B., Ergashev O., Suleimanov R. Neolithization during the 6th millennium BCE in western Central Asia: New evidence from Kaynar Kamar Rockshelter, Hissar Mountains, Southeast Uzbekistan // Archaeological Research in Asia. Amsterdam, 2022. Vol. 30: 100352 (<https://doi.org/10.1016/j.ara.2022.100352>).
- Taylor et al., 2021 — Taylor W. T. T., Pruvost M., Posth C., Shnaider S. Evidence for early dispersal of domestic sheep into Central Asia // Nature Human Behaviour. London, 2021. Vol. 5. P. 1169–1179.

Neolithic materials from the site of Ak-Tan'gi (Northern Tajikistan)

Svetlana V. Shnaider¹⁰, Aleksei K. Kasparov¹¹, Tatiana G. Filimonova¹²,
Grigorii I. Markovskii¹³, Svetlana V. Baranova¹⁴, Aleksandr A. Chernonosov¹⁵,
Vladimir V. Koval'¹⁶, Aleksandr Yu. Fedorchenko¹⁷

Annotation. *The study is devoted to the revision of the Hissar I–VI Neolithic complexes of the Ak-Tanga site, the field study of which was carried out in the mid-20th century. At the time of its discovery, only the Hissar Neolithic culture had been studied in the mountainous part of Central Asia, to which the Ak-Tanga materials were attributed. At the new stage of research a complex analysis of archival materials and the preserved collection, which includes paleofaunistic materials, lithic and bone artefacts, radiocarbon dating and ZooMS-analysis for a part of bone artefacts was carried out.*

Keywords: Pamir-Alai, Ak-Tan'gi, Neolithic, stone industry, bone tools

¹⁰ Svetlana V. Shnaider — International Research Laboratory «Archaeozoology in Siberia and Central Asia» ZooSCAN, IRL 2013, CNRS — Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: sveta.shnayder@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2230-4286.

¹¹ Aleksei K. Kasparov — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: alexkas@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-7761-9301.

¹² Tatiana G. Filimonova — A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of NAST, Dushanbe, Republic of Tadjikistan; e-mail: tatjanafilimonova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7126-8325.

¹³ Grigorii I. Markovskii — Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: markovskyyu@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2698-707X.

¹⁴ Svetlana V. Baranova — Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: swb@niboch.nsc.ru; ORCID: 0000-0001-9228-3025.

¹⁵ Aleksandr A. Chernonosov — Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: alexander.chernonosov@niboch.nsc.ru; ORCID: 0000-0001-8362-2443.

¹⁶ Vladimir V. Koval' — Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: koval@niboch.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-2577-2184.

¹⁷ Aleksandr Yu. Fedorchenko — Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: winteralex2008@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7812-8037.

Функциональный анализ артефактов и планиграфические реконструкции¹

П. В. Волков²

Аннотация. Фиксация и интерпретации признаков проявления личностных и этнических черт в бытовой и производственной деятельности человека, изучение вариантов проявления стереотипов в движениях, действиях или поведении людей позволяет методами планиграфического анализа произвести реконструкцию среды их обитания. Предлагаемое направление функционально-планиграфических реконструкций представляется перспективным исследованием для изучения функциональной планиграфии жилищ обитателей Севера Азии в период от неолита до нового времени.

Ключевые слова: неолит, жилое пространство, функционально-планиграфический анализ

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-84-86

Исследования в психологии свидетельствуют, что многим поступкам человека свойственны моторность, автоматизм, под которым понимаются действия, реализуемые без непосредственного участия сознания. Человек часто использует *навыки*, т. е. действия, характеризующиеся *отсутствием поэлементной сознательной регуляции и контроля над процессом* решения задачи. «Удобство» вопреки рациональности обычно проявляется в достаточно простых повседневных поступках человека. Стандартность действий людей достаточно часто определяется стандартностью их мышления. Под понятием «стандартность» здесь подразумевается некий стереотип в активности человека, когда вместо предварительных проб и размышлений о возможных вариантах решения проблемы человек, не задумываясь, начинает действовать по привычному для него шаблону. Это своего рода штампы, регулярно повторяющиеся формы, образцы поведения, принятые в той или иной культуре.

Поиск и фиксация искомых данных такого рода в археологических материалах не представляются простыми. Но возможности трасологических и технологических методов исследования артефактов, современная методика сбора планиграфических данных позволяют с оптимизмом смотреть на перспективу намечаемых исследований. Археологу-экспериментатору важно, чтобы различие отмечаемых автоматизированных действий человека *могло быть зафиксировано* в археологических материалах. Такой подход определяет, следовательно, и новые цели технологического, трасологического и планиграфического анализа в археологии. Данные такого рода, характерные для представителей *только определенных* этнических или расовых групп, могут быть зафиксированы, классифицированы и представляют собой весьма ценный материал при определении культурной или этнической принадлежности *индивидуумов*, входивших в изучаемые древние сообщества. Для исследований такого рода требуется использование особых этнографических данных, при которых важно отчетливое понимание цели наблюдений, ориентации на поиск стереотипности поведения представителей различных этнических групп в организации мест ночлега, стоянки, охотничьего бивака или в активности у очагов. Стандарты поведения человека наиболее отчетливо выявляются

¹ Исследование выполнено по проекту «Комплексные исследования древних культур Сибири и сопредельных территорий: хронология, технологии, адаптация и культурные связи» (FWZG-2022-0006).

² Павел Владимирович Волков — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: volkov100@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9303-31-700.

и при *планиграфических исследованиях «ограниченных пространств»*, например, таких, как замкнутое стенами жилище.

Как правило, археологи в ходе полевых исследований обнаруженных жилых конструкций сосредоточены только на фиксации местоположения потерянных древними обитателями предметов, определении площади и конфигурация сооружений: на этом планиграфическое изучение объектов заканчивается. Однако базирующиеся на эксперименте трасологические исследования каменных артефактов могут предоставить весьма интересные данные для более детального анализа древних жилищ человека, итогом которого могут стать выделение рабочих площадок (места различного рода производственной деятельности), мест отдыха обитателей жилища, расположение, определение типа и назначения очагов и прочих планиграфических особенностей анализируемых сооружений.

Признаками существовавшей рабочей зоны может быть обнаружение компактных скоплений сырья, отходов производства, полуфабрикатов изделий, готовой продукции и инструментов, использовавшихся в производстве.

Зона отдыха часто определяется по наличию комфортных участков площади жилища относительно огня, входа, вне мест интенсивной работы или деятельности, требующей специально освобожденного пространства.

Площадки перед входом, если они не фиксировались еще в ходе раскопок работ, или же в тех случаях, когда вход в жилище предполагался через крышу, могут быть определены «по остаточному принципу», когда «предвходовой площадкой» можно будет именовать место, относительно удаленное от центральных очагов, малопригодное для отдыха и свободное от зафиксированной при планиграфическом анализе признаков какой-либо производственной или бытовой активности.

Изучение планиграфии неолитических жилищ малышей культуры на Амурском острове Сучу позволило определить весьма характерное разделение жилого пространства на своеобразные «гендерные зоны». Справа от входа в жилища были выделены места активности мужской части обитателей (следы работы по производству орудий из камня, обработка кожи и т. п. работы). Слева от входа — «женская зона» (приготовление пищевых продуктов для тепловой обработки на очаге в центре жилища, работа с керамическими изделиями). Дальняя часть жилища, пространство за очагом — «зона отдыха» (спальные места обитателей). На протяжении времени существования малышей культуры отмечаются некоторые изменения жилых конструкций (заметно сокращается их размер), однако гендерное деление обитаемого пространства остается неизменным.

Сравнение планиграфии округлых жилищ малышей культуры с конструкциями постнеолитического времени позволяет отметить, что в ранних, сравнительно больших по площади округлых жилищах кострища почти всегда расположены в центре сооружения (для прогрева больших объемов помещения разместить очаг иначе было бы нерационально). В более позднее время следы огня фиксируются уже необязательно в геометрическом центре жилого пространства. Наблюдается не только «смещение» очагов по осевой линии жилищных сооружений, но и размещение их на «входных» площадках или даже вне конструкции — перед входом в жилище. Места работы и отдыха обитателей таких жилищ уже не так близко «привязаны» к огню. Есть основания полагать, что на сравнительно позднем этапе рассматриваемого хронологического периода люди использовали очаги достаточно сложных, функционально-разнообразных и не столь пожароопасных конструкций, как это было в неолитическое время.

Для ранних жилищ о. Сучу свойственно эпизодическое «совмещение труда и отдыха» в зонах оптимальных и для сна. В более поздних сооружениях в местах отдыха, как правило, следов каких-либо хозяйственных работ не обнаруживается. Если на раннем этапе изучаемого периода практически все производственные операции осуществлялись внутри относительно большого по площади жилища, то в более позднее время некоторые рабочие площадки выносятся наружу, во «внешнее пространство».

Особо следует отметить наблюдаемую тенденцию к изменению в организации гендерного деления пространства обитания. Специализация жилого пространства на мужскую и женскую «стоны» в эпоху раннего железного времени (талаканская культура) в исследуемом регионе Дальнего Востока РФ исчезает.

Конечно, в архитектуре сооружений многое определялось климатом, сезоном строительства, особенностями хозяйственной деятельности людей. Жилища о. Сучу, в отличие от «талаканских», находятся в несколько ином природно-климатическом регионе. Основой палеоэкономики носителей малышевской культуры, вероятно, было рыболовство, а не охота, как у обитателей берегов Буреи (талаканская культура). Иные хозяйство и образ жизни стали следствием сооружения другого жилища. Занятие охотой не предполагает обязательности участия в процессе большого коллектива. Охота предполагает небольшую динамичную группу. Малому коллективу охотников уже не было нужды в больших жилых сооружениях. Небольшую конструкцию легче адаптировать к конкретным потребностям обитателей, задачам промысла, к местности, специфике микроклимата и определенному сезону. Динамичность — главная черта адаптационных успехов населения региона. Именно это, вероятно, определило тенденции в эволюции жилых построек в эпоху голоцена: на смену большим жилищам малышевского времени пришли трансформируемые под меняющийся климат жилые конструкции эпохи раннего металла.

Мотив и удивительное единство в организации округлых жилищ кочевых народов более позднего времени (чумов, юрт и т. п.), при которых схема гендерного разделения жилого пространства радикально отличается от неолитических прототипов оседлых поселенцев, — тема для дальнейших весьма интересных исследований.

В настоящее время на территориях Севера Азии изучено огромное количество жилищных сооружений периода от эпохи неолита до раннего железа, но реальных, полномасштабных функционально-планиграфических исследований пока сделано не было. Перспектива продолжения начатых работ, как видим, очевидна.

Functional analysis of artifacts and spatial reconstructions

Pavel V. Volkov³

Annotation. *Recording and interpreting signs of the manifestation of personal and ethnic traits in a person's everyday and industrial activities, studying the options for the manifestation of stereotypes in the movements, actions or behavior of people allows, using the methods of spatial analysis, to reconstruct their habitat. The proposed direction of functional-spatial reconstructions seems to be a promising study for studying the functional zones of the dwellings of the inhabitants of North Asia in the period from the Neolithic to modern times.*

Keywords: *Neolithic, living space, functional and spatial analysis*

³ Pavel V. Volkov — Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: volkov100@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9303-31-700.

Глиняные кубки южных областей Центральной Азии в бронзовом веке¹

В. А. Алёшкин²

Аннотация. Глиняные кубки на ножке появляются на юге Центральной Азии (подгорная полоса Копетдага и Мургабский оазис) на завершающей стадии среднего бронзового века, в самом конце III тыс. до н. э. В первой половине позднего бронзового века эти сосуды, форма которых была модифицирована, широко распространены в Мургабском оазисе, Юго-Западном Узбекистане и в примыкающем к ним с юга Северо-Западном Афганистане. В других областях Центральной Азии традиция изготовления данных кубков не сложилась. Производство анализируемых артефактов стало, видимо, результатом культурного воздействия Юго-Восточного Ирана (Шахри-Сохте, Конар Санда) на центральноазиатский регион, население которого в начале II тыс. до н. э. стало оказывать культурное воздействие на быт обитателей соседних областей. Об этом свидетельствует экспорт изготавливавшихся на юге Центральной Азии кубков на ножке в Северо-Восточный и Юго-Восточный Иран, Юго-Западный Пакистан и далее на юг, вплоть до островов Персидского залива.

Ключевые слова: глиняный кубок на ножке, Алтын-депе, Гонур-депе, Тепе Гиссар, Шахри-Сохте, Конар Санда, Мургабский оазис, подгорная полоса Копетдага, Юго-Западный Узбекистан, Северо-Восточный Иран, Северо-Западный Афганистан, Юго-Восточный Иран, бронзовый век

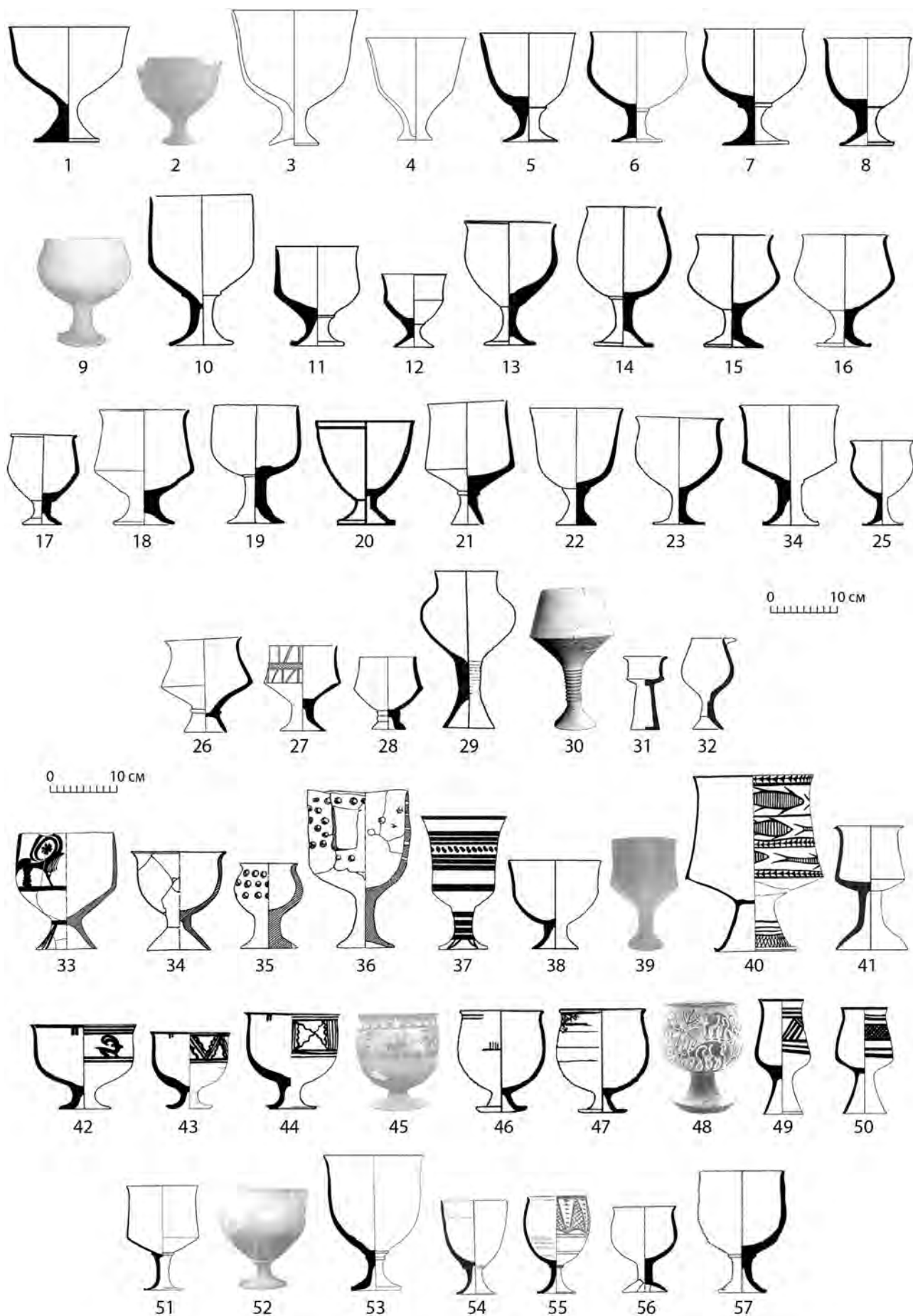
DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-87-93

В самом позднем культурном отложении Алтын-депе (горизонт 0₂), одного из крупнейших городищ эпохи энеолита и бронзового века Центральной Азии (Туркменистан, восточная часть подгорной полосы Копетдага), найден светлоглиняный кубок на ножке с расширяющимися кверху стенками массивного резервуара (рис. 1, 1). Долгое время этот сосуд, относящийся к финальному периоду среднего бронзового века (далее — СБВ), считался уникальным. Однако благодаря раскопкам могильника городища Гонур-депе (Туркменистан, Мургабский оазис) выявлено несколько сходных по форме и пропорциям артефактов (рис. 1, 2–4), также относящихся к позднейшей части СБВ. И горизонт Алтын 0₂, и упомянутые захоронения Гонура одновременны как отложениям слоя ШВ поселения Гиссар в Северо-Восточном Иране, так и слою V городища Намазга-депе (далее — НМЗД), лежащего западнее Алтын-депе, в центральной части подгорной полосы (Salvatori, 1994; Сарияниди и др., 2014; Алёшкин, 2019).

Поиски аналогий упомянутым находкам показали, что время от времени древние гончары Южного Туркменистана изготавливали сосуды на ножках с цилиндрическим или биконическим резервуаром. Находки такого рода зафиксированы на западе, востоке и в центре подгорной полосы Копетдага. Одни из них, выявленные на поселении Ак-депе (рис. 1, 28) и в могильнике Пархай II, период ЮЗТ–IV (рис. 1, 27), одновременны напластованиям слоя IV на городище НМЗД (ранний бронзовый век, далее — РБВ), другие, происходящие из поздних отложений слоя V на поселении НМЗД (рис. 1, 29–30), из горизонтов 2 и 1 городища Алтын-депе (рис. 1, 31–32), а также из могильника Пархай II, период ЮЗТ–III (рис. 1, 26), датируются СБВ. Судя по форме и пропорциям всех

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Вадим Андреевич Алёшкин — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: valyokshin@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9224-6037.

привлеченных аналогий, ни один из этих артефактов, производство которых, видимо, было ограничено, не мог стать прототипом кубков, представленных выше (рис. 1, 1–4).

Сосуды на ножке не могли появиться на юге Центральной Азии и как результат культурного влияния Северо-Восточного Ирана, где, как показывают материалы поселения Тепе Гиссар, такого рода посуда известна уже в эпоху энеолита. Здесь она зафиксирована в слоях I и II (рис. 1, 33–34), относящихся к IV — началу III тыс. до н. э. Гиссарские изделия отличаются от экземпляров из Центральной Азии более массивной ножкой и зачастую меньшими размерами. Использование таких артефактов, но в гораздо меньших масштабах продолжалось в Гиссаре и в РБВ, которому соответствует слой IIIA (вторая четверть — середина III тыс. до н. э.), причем меняется функциональное назначение части рассматриваемых изделий, о чем свидетельствует проделывание отверстий

Рис. 1. Кубки бронзового века на ножке из различных областей Центральной Азии и Среднего Востока: 1, 31–32 — Алтын-депе (по: Ганялин, 1967. Рис. 7, 10; Кирчо, 2005. Рис. 10, 4; 14, 10); 2–4, 9, 11 — Северный Гонур (по: Саруаниди и др., 2014. Рис. 4, 7; Salvatori, 1994. Fig. 7, 1; 1995. Fig. 20, 5; Дубова и др., 2021. Рис. 12, второй справа; Саруаниди, 1990. Табл. VII Б, 1); 5, 7, 12 — Тоголок 21 (по: Там же. Табл. ХСІХ, 28, 25; ХСVIII, 8); 6 — Аучин-депе (по: Там же. Табл. I, 1); 8 — Южный Гонур (по: Sarianidi, 1993. ...*третий ряд сверху, крайний справа*); 10 — одно из поселений Мургабского оазиса, расположенное к югу от Келлелинского оазиса (по: Масимов, 1979. Рис. 5, 26); 13 — Сапаллитепа (по: Аскарлов, 1973. Табл. 16, 12); 14 — Джаркутан (по: Аскарлов, Абдуллаев, 1983. Табл. XXVII, 11); 15 — Бустон VI (по: Аванесова, 2013. Табл. 18, 8); 16 — Сазаган (по: Аванесова, 2010. Рис. 1, II, 3); 17 — Гелот (по: Виноградова, Кутимов, 2018. Рис. 26, 2); 18 — Кругсай (по: Kaniuth et al., 2006. Abb. 13, 3); 19 — Шабалинский комплекс (по: Щетенко, 1979. Рис. 30, 6); 20 — Янги-кала (по: Ганялин, 1956. Рис. 4, *средний ряд, второй справа*); 21, 26, 27 — Пархай II (по: Хлопин, 2002. Табл. 51, 10; 103, 11; 75, 6.); 22–24 — Дашлы 3 (по: Саруаниди, 1976. Рис. 33, 2; 34, 23; 40, 13); 25 — Дашлы 1 (по: Там же. Рис. 21, 23); 28 — Ак-депе (по: Кирчо, 2014. Рис. 5, 2); 29–30 — Намазга-депе (по: Масимов, 1974. Рис. 1, 1; Masson, Sarianidi, 1972. Pl. 39); 33–36, 56 — Гиссар (по: Schmidt, 1937. Pl. XXV, H 4767, XXXVI, H 5215; XLIII, H 3304; 1933. Pl. CXVII, H 1636); 37–38 — Сялк (по: Ghirshman, 1938. Pl. LXXI, S. 1771; XC, S. 244); 39 — Коли Дервиш (по: Alizadeh et al., 2013. Fig. 13, 3); 40–41, 52–53 — Мергар (по: Jarrige et al., 1995. Fig. 2. 21, b; 1. 15, e; 5. 19, b, слева; 7. 27, b); 42–44, 49–50 — Шахри-Сохте (по: Sajjadi et al., 2003. Fig. 20, 1615/51, 1400/14, 1400/31; Piperno, Salvatori, 2007. Fig. 624, 8012; 675, 8059); 45 — Конар Сандал Южный (по: Madjidzadeh, Pittman, 2008. Fig. 22, *нижний ряд, слева*); 46–47 — Махутабад (Vidale et al., 2021. Fig. 9, 10, 11); 48 — Джирофт (по: Perrot, Madjidzadeh, 2005. Pl. I, e); 51 — Хураб (по: Stein, 1937. Pl. XXXII, 19); 54 — Саар, Бахрейн (по: Lombard, 2021. Fig. 22. 16, 1); 55 — Аали, Бахрейн (Ibid. Fig. 22. 17, 7); 57 — Челоу (по: Vahdati et al., 2019. Fig. 10, d). 9, 30 — без масштаба. 1–47, 49–57 — керамика; 48 — хлорит

Fig. 1. Cups on the stem from the Bronze Age Central Asia and Middle East: 1, 31–32 — Altyndepe (after Ганялин, 1967. Рис. 7, 10; Кирчо, 2005. Рис. 10, 4; 14, 10); 2–4, 9, 11 — Gonur North (after Саруаниди и др., 2014. Рис. 4, 7; Salvatori, 1994. Fig. 7, 1; 1995. Fig. 20, 5; Дубова и др., 2021. Рис. 12, *second from right*; Саруаниди, 1990. Табл. VII Б, 1); 5, 7, 12 — Togolok 21 (after Там же. Табл. ХСІХ, 28, 25; ХСVIII, 8); 6 — Auchindepe (after Там же. Табл. I, 1); 8 — Gonur South (after Sarianidi, 1993. ...*3rd row from top, rightmost*); 10 — one of the Murghab oasis settlements located south of Kelelli oasis (after Масимов, 1979. Рис. 5, 26); 13 — Sapallitepa (after Аскарлов, 1973. Табл. 16, 12); 14 — Djarkutan (after Аскарлов, Абдуллаев, 1983. Табл. XXVII, 11); 15 — Buston VI (after Аванесова, 2013. Табл. 18, 8); 16 — Sazagan (after Аванесова, 2010. Рис. 1, II, 3); 17 — Gelot (after Виноградова, Кутимов, 2018. Рис. 26, 2); 18 — Krugsai (after Kaniuth et al., 2006. Abb. 13, 3); 19 — Shabali complex (after Щетенко, 1979. Рис. 30, 6); 20 — Yangi-kala (after Ганялин, 1956. Рис. 4, *the middle row, 2nd from the right*); 21, 26, 27 — Parkhai II (after Хлопин, 2002. Табл. 51, 10; 103, 11; 75, 6.); 22–24 — Dashly 3 (after Саруаниди, 1976. Рис. 33, 2; 34, 23; 40, 13); 25 — Dashly 1 (after Там же. Рис. 21, 23); 28 — Akdepe (after Кирчо, 2014. Рис. 5, 2); 29–30 — Namazgadepe (after Масимов, 1974. Рис. 1, 1; Masson, Sarianidi, 1972. Pl. 39); 33–36, 56 — Hissar (after Schmidt, 1937. Pl. XXV, H 4767, XXXVI, H 5215; XLIII, H 3304; 1933. Pl. CXVII, H 1636); 37–38 — Sialk (after Ghirshman, 1938. Pl. LXXI, S. 1771; XC, S. 244); 39 — Qoli Darvish (after Alizadeh et al., 2013. Fig. 13, 3); 40–41, 52–53 — Merhgarh (after Jarrige et al., 1995. Fig. 2. 21, b; 1. 15, e; 5. 19, b, *from the left*; 7. 27, b); 42–44, 49–50 — Shahr-i Sokhta (after Sajjadi et al., 2003. Fig. 20, 1615/51, 1400/14, 1400/31; Piperno, Salvatori, 2007. Fig. 624, 8012; 675, 8059); 45 — Konar Sandal South (after Madjidzadeh, Pittman, 2008. Fig. 22, *the left in the bottom row*); 46–47 — Mahtutabad (after Vidale et al., 2021. Fig. 9, 10, 11); 48 — Jiroft (after Perrot, Madjidzadeh, 2005. Pl. I, e); 51 — Khurab (after Stein, 1937. Pl. XXXII, 19); 54 — Saar, Bahrain (after Lombard, 2021. Fig. 22. 16, 1); 55 — A'ali, Bahrain (after Ibid. Fig. 22. 17, 7); 57 — Chelow (after Vahdati et al., 2019. Fig. 10, d). 9, 30 — not to scale. 1–47, 49–57 — ceramics; 48 — clinkstone

в стенках их резервуара (рис. 1, 35). К началу СБВ (слой ШВ) традиция использования в быту кубков на ножке угасла. В напластованиях позднего бронзового века (далее — ПБВ) Гиссара (слой ШС, рубеж III и II тыс. до н. э.) известны лишь единичные находки сосудов с отверстиями в стенках резервуара (рис. 1, 36).

Совершенно другая картина складывается при рассмотрении керамических комплексов ряда памятников Юго-Восточного Ирана. Представительная серия кубков на ножке, типологически близких артефактам из Алтын-депе (рис. 1, 1) и Гонур-депе (рис. 1, 2–4), зафиксирована на городище Шахри-Сохте, в отложениях периодов III (рис. 1, 42–43) и IV (рис. 1, 44), которые соответственно датируются 2500–2200 и 2200–2000 гг. до н. э. На других памятниках Юго-Восточного Ирана, например, в Южном Конар Сандале (рис. 1, 45) и Матутабаде (рис. 1, 46–47), такие изделия относятся примерно к середине III тыс. до н. э. Сходство этих центральноазиатских и иранских сосудов просматривается в массивности резервуара и невысокой, тщательно моделированной ножке, поэтому последние вполне могли стать прототипами первых. Из категории возможных прототипов нужно исключить уникальный кубок из Юго-Западного Пакистана (Мергар VI), датирующийся концом IV — началом III тыс. до н. э., так как эта форма (рис. 1, 40) не встречается в более поздних отложениях данного памятника.

С началом ПБВ кубки Центральной Азии эволюционировали в изящные поделки, которым свойственно гармоничное сочетание пропорций ножки и резервуара. Для первого этапа ПБВ кроме изделий с расширяющимися стенками туловища, как, например, находка из поселения Тоголок 21 (рис. 1, 5), характерна также посуда с тюльпановидной формой резервуара, которая встречена при исследовании поселений Аучин-депе (рис. 1, 6), Тоголок 21 (рис. 1, 7), теменоса Гонура (рис. 1, 8), и ряда захоронений основного могильника Гонура (рис. 1, 9). В ранних напластованиях ПБВ представлены и сосуды с биконическим резервуаром. Они выявлены на одном из памятников, лежащих к югу от Келлелинского оазиса (рис. 1, 10), на Гонуре (рис. 1, 11) и на поселении Тоголок 21 (рис. 1, 12). На тех памятниках Мургабского оазиса, которые, как, например, поселение Тахирбай 3, образованы отложениями, синхронными позднему этапу ПБВ, рассматриваемые артефакты отсутствуют.

Анализируемые кубки характерны также для ранних этапов культуры Сапалли, распространенной к востоку от Мургабского оазиса на юго-западе Узбекистана. Эти изделия (рис. 1, 13–14) одновременно ранним отложениям слоя VI городища НМЗД. Сосуды сапаллинской культуры характеризуются исключительно тюльпановидной формой резервуара. В материалах поздних этапов упомянутой культуры, относящихся ко второй половине ПБВ, кубки не представлены, за исключением единственного экземпляра из могильника Бустон VI (рис. 1, 15).

Вне ареала сапаллинской культуры известны лишь единичные находки рассматриваемых изделий. Речь идет о кубках, обнаруженных на восточной окраине села Сазаган (рис. 1, 16), лежащего в 26 км к юго-западу от Самарканда, к северу от области распространения сапаллинских памятников, а также в могильниках Гелот (рис. 1, 17) и Кругсай (рис. 1, 18) в Юго-Западном Таджикистане. Эти сосуды, имеющие тюльпановидный и биконический резервуар, датируются началом ПБВ.

Находки кубков на ножке редки и в центральной части подгорной полосе Копетдага. Здесь известны три экземпляра таких сосудов. Два из них, снабженные тюльпановидным резервуаром (рис. 1, 19), выявлены при раскопках т. н. Шабалинского комплекса, обнаруженного в окрестностях поселения Теккем-депе. Третье изделие с расширяющимся кверху резервуаром происходит из Янгикалинского могильника (рис. 1, 20). Еще один кубок, имеющий биконический резервуар (рис. 1, 21), был найден в западной части подгорной полосы Копетдага при раскопках могильника Пархай II, период ЮЗТ–II. Вся эта керамика соотносится с ранними напластованиями слоя VI городища НМЗД. Итак, территориальное распределение кубков на ножке показывает, что традиция использования в быту такого рода посуды не была усвоена населением ряда южных областей Центральной Азии. Время существования этих сосудов на юге Центральной Азии охватывает временной интервал от конца III тыс. до н. э. до начала второй трети II тыс. до н. э., т. е. примерно 2100–1700 гг. до н. э.

За пределами Центральной Азии лишь в Северо-Западном Афганистане, в погребениях, обнаруженных на руинах поселения Дашлы 3 (рис. 1, 22–24), представлены кубки со всеми вариантами резервуаров. В погребениях поселения Дашлы 1 (рис. 1, 25), как и в сапаллинской культуре, выявлены лишь сосуды с тюльпановидным резервуаром.

Рассмотрение вопроса о прототипах центральноазиатских кубков ПБВ (рис. 1, 5–21), показывает, что сходные с ними формы были зафиксированы в Центральном Иране, в позднеэнеолитическом горизонте Ш₇ Сиалка (рис. 1, 37) и протоэламских отложениях Сиалка (слой IV, рис. 1, 38) и Коли Дервиша (фаза П₁, рис. 1, 39). Однако между иранскими и центральноазиатскими изделиями существует хронологический разрыв протяженностью не менее 800 лет. Из числа претендентов на прототип следует исключить и сосуд из Мергара, относящийся к датируемому первой половиной III тыс. до н. э. периоду VII этого памятника (рис. 1, 41), а также кубки с массивной ножкой из Шахри Сохте. Последние, встреченные в отложениях периода IV (рис. 1, 49–50), который синхронен концу III тыс. до н. э., отличаются своими пропорциями от центральноазиатских. Форма последних очень близка хлоритовым сосудам (рис. 1, 48) из грабительских раскопок в районе Джирофта, которые датируются примерно этим же временем. Однако ни одно из упомянутых хлоритовых изделий не было найдено в Центральной Азии, где кубки, синхронные ПБВ (рис. 1, 5–21), скорее всего, являются результатом эволюции сосудов на ножке с массивным резервуаром (рис. 1, 1–4), которые одновременны финалу СБВ.

Появление новой формы кубка в ПБВ Центральной Азии совпало с периодом очередного и, к сожалению, кратковременного, расцвета местных земледельческих оазисов в начале II тыс. до н. э., когда влияние их обитателей на быт населения ряда соседних областей стало очевидным. Именно об этом свидетельствует экспорт кубков на ножке в Северо-Восточный (Гиссар ШС, Челоу; рис. 1, 56–57) и Юго-Восточный (Хураб, рис. 1, 51) Иран, причем с последним регионом Центральная Азия была традиционно связана начиная с эпохи позднего энеолита. Впрочем, теперь эти связи протянулись и до Юго-Западного Пакистана (Мергар VIII, рис. 1, 52–53) и до островов Персидского залива (Бахрейн, рис. 1, 54–55). Таким образом, территориальное и хронологическое распределение глиняных кубков на ножке свидетельствует о разнообразии культурных связей различных групп древнеземледельческого населения Центральной Азии и Среднего Востока в бронзовом веке.

Аванесова, 2010 — Аванесова Н. А. Зеравшанская культурная провинция бактрийско-маргианской цивилизации // ТМАЭ. 2010. Т. 3. С. 334–364.

Аванесова, 2013 — Аванесова Н. А. Бустон VI — некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: МИЦАИ, 2013. 640 с.

Алёкшин, 2019 — Алёкшин В. А. Дата заупустения древнеземледельческого центра Алтын-депе на юго-востоке Туркменистана // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Массона / Отв. ред. В. А. Алёкшин, Л. Б. Кирчо. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. С. 32–35.

Аскарлов, 1973 — Аскарлов А. А. Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1973. 172 с.

Аскарлов, Абдуллоев, 1983 — Аскарлов А. А., Абдуллоев Б. Н. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент: Фан, 1983. 120 с.

Виноградова, Кутимов, 2018 — Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). М.: ИВ РАН, 2018. 276 с.

Ганялин, 1956 — Ганялин А. Ф. Погребения эпохи бронзы у селения Янги-Кала // ТЮТАКЭ. 1956. Т. VII. С. 374–384.

Ганялин, 1967 — Ганялин А. Ф. Раскопки в 1959–1961 гг. на Алтын-депе // СА. 1967. № 4. С. 207–219.

Дубова и др., 2021 — Дубова Н. А., Мамедов М. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018–2019 гг. // ТМАЭ. 2021. Т. 8. С. 89–130.

Кирчо, 2005 — Кирчо Л. Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: Нестор-История, 2005 (ТИИМК. Т. XVI). С. 347–421.

- Кирчо*, 2014 — *Кирчо Л. Б.* Стратиграфия и относительная хронология поселения эпохи энеолита — бронзы Ак-депе в Ашхабаде (по материалам раскопок А. А. Марущенко и наблюдений и разработок А. А. Ляпина) // ЗИИМК. 2014. № 10. С. 132–146.
- Масимов*, 1974 — *Масимов И. С.* Комплекс керамики из раскопа А-1 поселения Намазга-депе // МКТ. 1974. Вып. 2. С. 39–55.
- Масимов*, 1979 — *Масимов И. С.* Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. 1979. № 1. С. 111–131.
- Сарианиди*, 1976 — *Сарианиди В. И.* Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. / Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1976. С. 21–86.
- Сарианиди*, 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. 316 с.
- Сарианиди и др.*, 2014 — *Сарианиди В. И., Бороффка Н. Г. О., Дубова Н. А.* Культурные контакты Маргианы (Туркменистан) в III тыс. до н. э. Новые данные по Гонур-депе (погребение № 4150) // ТМАЭ. 2014. Т. 5. С. 127–137.
- Хлопин*, 2002 — *Хлопин И. Н.* Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана / Отв. ред. В. А. Завьялов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002 (ТЮТАКЭ. Т. 21). 336 с.
- Щетенко*, 1979 — *Щетенко А. Я.* Шабалинский комплекс эпохи бронзы // УСА. 1979. Вып. 4. С. 84–85, 124.
- Alizadeh et al.*, 2013 — *Alizadeh A., Sarlak K., Aghili S.* Highland-Lowland interaction in the late 4th and early 3rd millennium BCE: the evidence from Qoli Darvis, Iranian Central Plateau // AMIT. 2013. Bd. 45. S. 149–168.
- Ghirshman*, 1938 — *Ghirshman R.* Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934, 1937. Vol. I. Paris: Paul Geuthner, 1938 (Musée de Louvre. Département des Antiquités orientales. Série archéologique. T. IV). 152 p.
- Jarrige et al.*, 1995 — *Jarrige C., Jarrige J. F., Meadow R. H., Quivron G.* Mehrgarh. Field Reports of Eleven Seasons of Excavations in Kachi District, Balochistan by the French Archaeological Mission to Pakistan. Published by the Department of Culture and Tourism, Government of Sindh, Pakistan in Collaboration with the French Ministry of Foreign Affairs. Karachi: Golden Graphics Limited, 1995. 688 p.
- Kaniuth et al.*, 2006 — *Kaniuth K., Teufer M., Vinogradova N. M.* Neue bronzezeitliche Funde aus Südwest-Tadžikistan // AMIT. 2006. Bd. 38. S. 81–102.
- Lombard*, 2021 — *Lombard P.* The Oxus Civilization/BMAC and its Interaction with the Arabian Gulf. A Review of the Evidence // The World of the Oxus Civilization / Ed. by B. Lyonnet and N. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 607–634.
- Madjidzadeh, Pittman*, 2008 — *Madjidzadeh You., Pittman H.* Excavations at Konar Sandal in the Region of Jiroft in the Halil Basin: First Preliminary Report (2002–2008) // Iran. 2008. Vol. XLVI. P. 69–103.
- Masson, Sarianidi*, 1972 — *Masson V. M., Sarianidi V. I.* Central Asia. Turkmenia before the Achaemenids. London: Thames and Hudson, 1972 (Ancient Peoples and Places. No. 79). 219 p.
- Perrot, Madjidzadeh*, 2005 — *Perrot J., Madjidzadeh You.* L'Iconographie des vases et objets en chlorite de Jiroft (Iran) // Paléorient. 2005. Vol. 31/2. P. 123–152.
- Piperno, Salvatori*, 2007 — *Piperno M., Salvatori S.* The Shahr-i-Sokhta graveyard (Sistan, Iran). Excavation Campaigns 1972–1978. Roma: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. 390 p. (Reports and Memoirs, New Series. Vol. VI).
- Sajjadi et al.*, 2003 — *Sajjadi S. M. S. with contributions by Foruzanfar F., Shirazi R., Baghestani S.* Excavations at Shahr-i Sokhta. First preliminary report on the excavations of the graveyard, 1997–2000 // Iran. 2003. Vol. XLI. P. 21–97.
- Salvatori*, 1994 — *Salvatori S.* Excavations at the Namazga V late graveyard of Gonur 1 (Murghab delta, Turkmenistan). Preliminary report on the 1993 field season // RdA. 1994. An. XVIII. P. 14–39.
- Salvatori*, 1995 — *Salvatori S.* Gonur-Depe I (Margiana, Turkmenistan): The middle Bronze Age graveyard. Preliminary report on the 1994 excavation campaign // RdA. 1995. An. XIX. P. 5–37.
- Sarianidi*, 1993 — *Sarianidi V.* Excavations at Southern Gonur // Iran. 1993. Vol. XXXI. P. 25–37.
- Schmidt*, 1933 — *Schmidt E. F.* Tepe Hissar: Excavations 1931 // Museum Journal. Philadelphia, 1933. Vol. XXIII/4. P. 323–483.
- Schmidt*, 1937 — *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan with an additional chapter on the Sasanian Building at Tepe Hissar by F. Kimball. Philadelphia: published for the University Museum by the University of Pennsylvania Press, 1937. 478 p.

- Stein, 1937 — *Stein A.* Archaeological Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London: Macmillan and Co., 1937. 267 p.
- Vahdati et al., 2019 — *Vahdati A. A., Biscione R., La Farina L., Mashkour M., Tengberg M., Fatni H., Mohaseb A.* Preliminary report on the first season of excavations at Tepe Chalow. New GKC (BMAC) finds in the plain of Jajarm, NE Iran // *The Iranian Plateau during the Bronze Age. Development of urbanisation, production and trade* / Ed. by J.-W. Meyer et al. Lyon: Maison de l'Orient et de la Méditerranée Éditions, 2019. P. 179–200.
- Vidale et al., 2021 — *Vidale M., Dessert F., Caldana I.* The Ceramic Context of a «Jiroft» Style Chlorite Vessel from a Damaged Grave Mahtoutabad (Konar Sandal South, Kerman, Iran) // *Paléorient*. 2021. Vol. 47/2. P. 1–22.

Ceramic cups of the southern regions of Central Asia in the Bronze Age

Vadim A. Alyokshin³

Annotation. *Ceramic cups with stem appeared in the south of Central Asia (Kopetdag foothills and the Murghab oasis) at the final stage of the Middle Bronze Age, at the very end of the 3rd millennium BC. In the first half of the Late Bronze Age, these vessels, the shape of which was modified, were widespread in the Murghab oasis, South-Western Uzbekistan and in North-Western Afghanistan. In other regions of Central Asia the tradition of making these cups has not developed. The production of the analyzed items was probably the result of the cultural influence of South-Eastern Iran (Shahr-i Sokhta, Konar Sandal) on the Central Asian region, whose population in the early 2nd millennium BC began to exert a cultural influence on the inhabitants of the neighboring regions. This is evidenced by the export of stemmed cups made in southern Central Asia to North-Eastern and South-Eastern Iran, South-Western Pakistan and as far south as the Persian Gulf islands.*

Keywords: *ceramic cup with a stem, Altyndepe, Gonur, Tepe Hissar, Shahr-i Sokhta, Konar Sandal, Murgab oasis, Kopetdag foothills, South-Western Uzbekistan, North-Eastern Iran, North-Western Afghanistan, South-Eastern Iran, Bronze Age*

³ Vadim A. Alyokshin — Institute for the History of Material Culture of the RAS, 18 Palace emb., St. Petersburg, 191181, Russian Federation; e-mail: valyokshin@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9224-6037.

Погребения ранней вахшской культуры на юге Таджикистана (могильник Гулбог)

Н. М. Виноградова¹, Т. Г. Филимонова²

Аннотация. В 2020–2021 гг. в кишлаке Гулбог, примыкающем к городу Куляб, был открыт могильник раннего — начала среднего бронзового века, в котором исследовано три погребения, одно из которых было совершено в катакомбе, а два — в подбоях. В первой могиле, где скелет лежал в скорченном положении, обнаружен богатый инвентарь, включающий два сосуда, нож, две бусины и большую гальку со следами охры. Во втором захоронении расчищены разрозненные кости человека и сосуд. Для лепной посуды этих двух погребений характерен елочный орнамент, выполненный техникой лощения по внешней поверхности сосуда. Третья могила с двумя сосудами была открыта при строительных работах. Сравнительный анализ инвентаря из найденных захоронений позволяет отнести могильник Гулбог к ранним памятникам вахшской культуры и датировать его второй половиной III тыс. до н. э.

Ключевые слова: Южный Таджикистан, бронзовый век, могильник, вахшская культура, керамика

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-94-98

Могильник Гулбог был открыт при строительных работах в кишлаке Гулбог (современное название — джамоат Мирзо Турсунзаде), находящемся на северной окраине города Куляб, на нижней гряде холмов хребта Хозрати Шох, которые окаймляют первую террасу левого берега р. Яхсу, имеющую высоту 5–7 м. Для строительства забора в домовладении С. Ходжаева на склоне одного из холмов была обустроена лессовая площадка, на которой обнаружили бронзовый нож. Осенью 2020 г. Т. Г. Филимонова, обследуя место его нахождения, выявила и раскопала овальную погребальную камеру (2,7×1,3 м) глубиной 0,2 м (**рис. 1А, слева внизу**). В ее юго-западной части расчищен скелет, лежавший в скорченном положении на правом боку и ориентированный черепом на северо-восток. Около черепа найдены кости барана (две лопатки). Рядом с ними лежал небольшой лепной красноангобированный кубок с елочным орнаментом, выполненным в технике лощения (**рис. 1А, 3**). Возле сосуда расчищена цилиндрическая сердоликовая бусина (**рис. 1А, 4**). В районе таза найдена другая сердоликовая бусина шаровидной формы (**рис. 1А, 5**). В северной части могилы открыта большая галька (15×20 см) со следами охры. Рядом с ней и был положен обнаруженный при установке забора листовидный нож с плоским черенком (**рис. 1А, 1**)³. В погребении находились останки мужчины средиземноморского типа в возрасте 25–35 лет (антропологические определения выполнены сотрудником Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН Таджикистана М. Назвруковым).

Весной 2021 г. работы на могильнике Гулбог были продолжены (Виноградова, Филимонова, 2023). Для выяснения границ найденного в 2020 г. погребения, обозначенного как № 1 (**рис. 1А**), севернее забора, разделявшего захоронение на две половины, был заложен *раскоп 1* (2×4 м), в котором удалось выявить контуры входной ямы (2,7×1,3 м), имевшей округло-овальную форму (**рис. 1А, слева сверху**). Ее сохранившаяся глубина достигала 0,2 м. На дне восточной части дромоса были расчищены кости молодого барана (ребра, ножки, лопатки), причем одна кость окрашена охрой.

¹ Наталия Матвеевна Виноградова — Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: vinogradova.nataliya@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1628-7037.

² Татьяна Германовна Филимонова — Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Душанбе, Республика Таджикистан; e-mail: tatjanafilimonova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7126-8325.

³ Нумерация погребального инвентаря на рисунках соответствует арабским цифрам на планах захоронений.

В северо-западной части входной ямы стоял большой лепной кухонный круглодонный горшок (рис. 1А, б). Рядом с ним найден фрагмент красноглиняной керамики. Благодаря произведенным работам удалось понять конструкцию могилы. Вначале здесь была выкопана большая входная яма, а затем в ее стенке, обращенной в сторону повышающегося склона террасы, выбран подбой, ставший погребальной камерой (Там же. С. 487, рис. 6).

Для поиска других могил на лессовой площадке был заложен раскоп 2 (2×4 м) и несколько шурфов, но захоронений в них не обнаружено.

В 100 м к юго-востоку от раскопа 1 вверх по склону был разбит раскоп 3 (4×6 м) (Там же. С. 485, рис. 4), где выявлено катакомбное погребение № 2 (рис. 1Б, слева). Его дромос имел глубину 1,4 м, а высота свода погребальной камеры (2×1,5 м) составляла около 0,4–0,5 м. Вход в нее закрыт закладом из пахсы (Там же. С. 488, рис. 7). Общая глубина погребальной ямы от дневной поверхности холма достигает 2,8–3 м. В верхней части камеры найден фрагмент венчика гончарной миски с красным ангобом и елочным лощением (рис. 1Б, 1). На дне северо-западной части могилы обнаружено несколько разрозненных костей — зубы, фрагменты длинных костей верхних конечностей и плечевая кость человека 20–25 лет. У стенки погребальной ямы стоял небольшой красноангобированный лепной кубок с елочным лощением на кольцевом поддоне (рис. 1Б, 2).

В 2021 г. археологические исследования проводились также на участке домовладения А. Гаюрова, находящемся в 5 м по склону от раскопа 3. Здесь в 2020 г. при обустройстве туалета в лессовом холме на глубине на 2,8 м от дневной поверхности нашли три сосуда, причем два из них, лепные круглодонные изделия, выполненные из хорошего теста, обнаруживают следы подправки на круге (рис. 1В, 1, 2). Третий сосуд не сохранился. На месте нахождения этих артефактов в лессовой стенке был заложен небольшой шурф и расчищено разрушенное захоронение № 3. В шурфе обнаружен лишь пахсовый заклад входа в погребальную камеру. Скорее всего, захоронение было совершено в подбое. Костей в камере не найдено. Можно предположить, что здесь был сооружен кенотаф.

Рассмотрим находки из погребений в Гулбоге. Глиняные сосуды и бронзовый нож являются датирующими вещами для всех трех захоронений. Посуда представлена фрагментом гончарной миски с елочным орнаментом и несколькими лепными столовыми сосудами хорошего обжига, в тесте которых прослежена примесь шамота.

Для лепной керамики характерны следующие формы и типы столовой керамики:

1. Покрытые снаружи красным ангобом кубки с выполненным в технике лощения елочным орнаментом: а) тюльпановидный кубок на кольцевом поддоне (рис. 1А, 3); б) шаровидный кубок с выделенным прямым венчиком и низким кольцевым поддоном (рис. 1Б, 2).

2. Круглодонные шаровидные сосуды, покрытые внутри и снаружи светло-коричневым ангобом (рис. 1В, 1, 2).

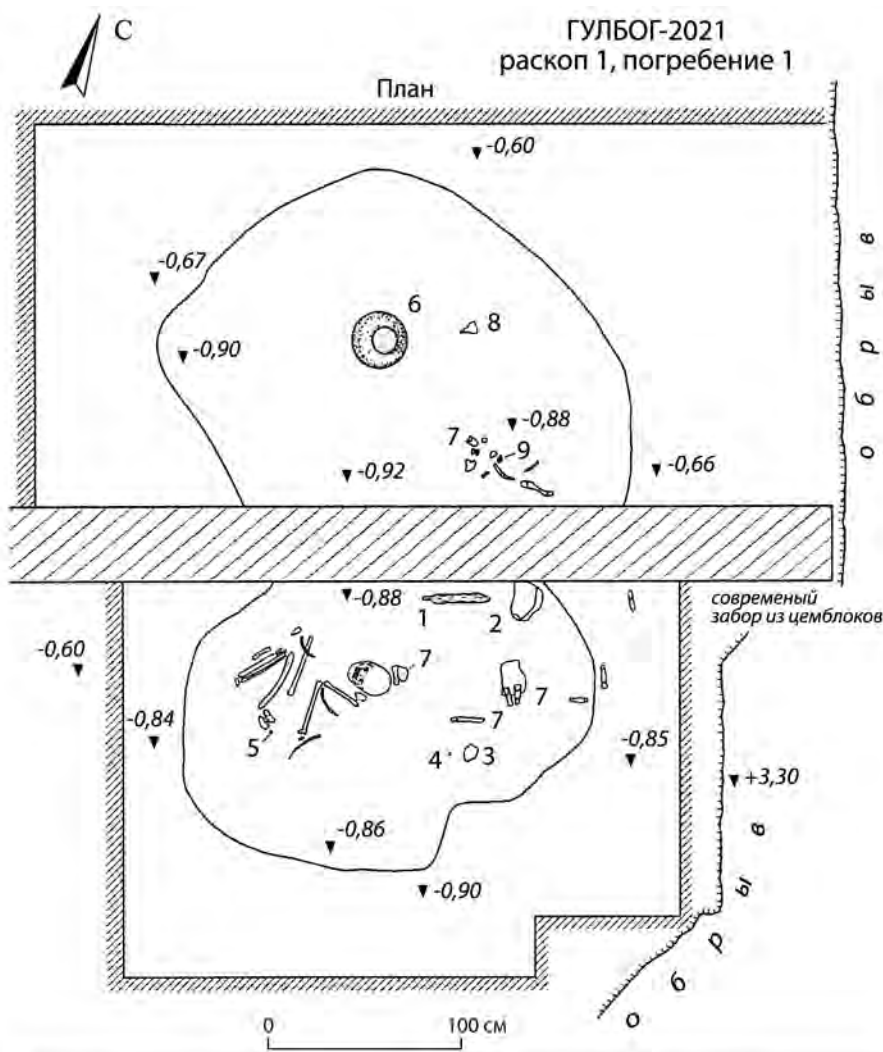
К кухонной посуде относится плохо обожженный круглодонный толстостенный сосуд шаровидной формы (рис. 1А, б), в тесте которого выявлена примесь шамота и ракушки.

Близкие аналогии тюльпановидному кубку с елочным орнаментом (тип 1а) имеются в керамике вахшской культуры в могильниках Гелот и Дарнайчи (Виноградова, Кутимов, 2018. С. 136, рис. 29, 4; С. 176, рис. 69, 2). Кубок шаровидной формы (тип 1б) также обнаруживает близкое сходство с вахшской керамикой могильника Гелот (Там же. С. 160, рис. 53, 4). Отличие заключается только в том, что венчик сосуда из Гулбога более отогнут.

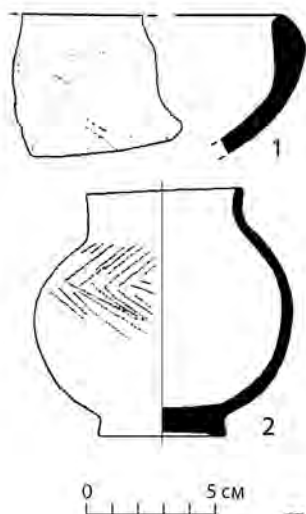
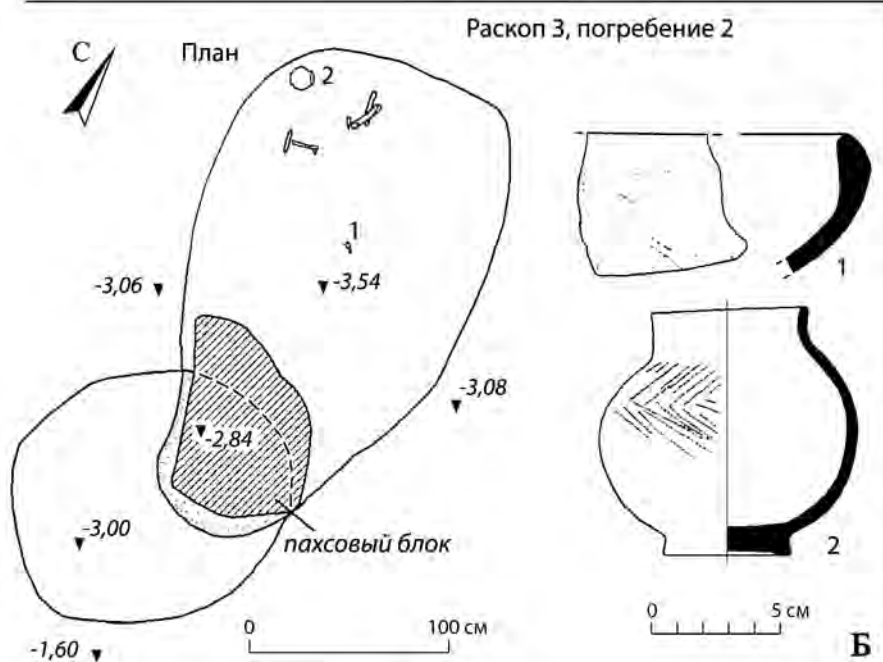
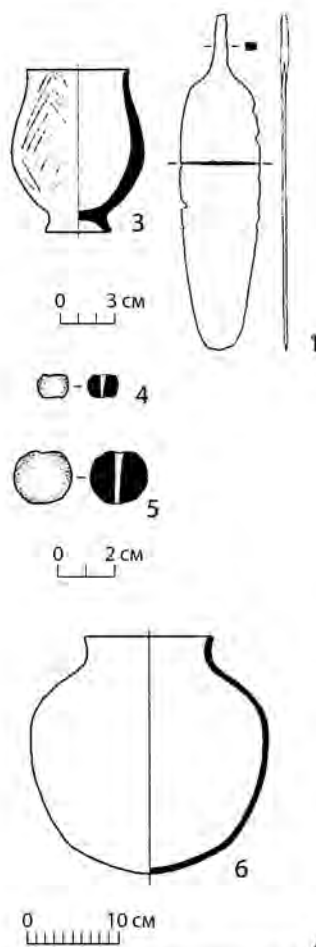
Круглодонные сосуды шаровидной формы (тип 2) можно сравнить с керамикой вахшской культуры могильника Дарнайчи (Там же. С. 184, рис. 77, 1, 2, 5). Разница проявляется только в том, что сосуды из Гулбога имеют более вытянутую форму, их дно слегка заострено и на этой посуде отсутствует елочный орнамент. Некоторые аналогии можно провести и с лепной посудой из погребения № 2 могильника Фархор (Виноградова, Бобомуллов, 2020. С. 120, рис. 7, 3).

Кухонный круглодонный сосуд находит близкие аналогии в кухонной посуде вахшской культуры в могильнике Гелот (Виноградова, Кутимов, 2018. С. 161, рис. 54, 2, 3).

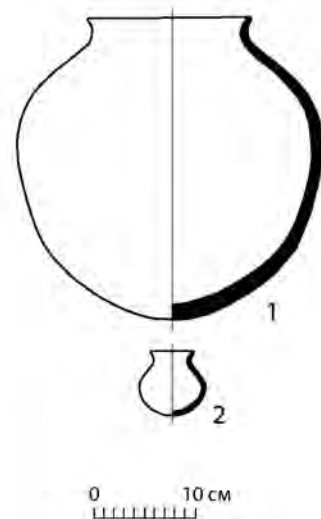
В погребении № 1 был найден бронзовый двулезвийный нож без ребра с линзовидным поперечным сечением клинка и с прямым черенком, прямоугольным в сечении. Рабочая часть изделия с опущенными плечиками имеет листовидную удлиненную форму при длине 15 см и ширине 4,2 см. Плоский черенок длиной 3,5 см и шириной 0,5–0,9 см плавно сужается к концу.

Погребальный инвентарь:

погребение 3

№ лаб	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co
50845	OCH	—	0,12	0,14	0,02	0,05	0,06	1,39	0,07	0,05	—

Табл. 1

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа этого изделия, выполненные в лаборатории ИА РАН С. В. Кузьминых (за что авторы приносят ему свою благодарность), показали, что артефакт изготовлен из низкомышьяковистой меди или бронзы (табл. 1).

Бронзовый двулезвийный нож с черенком прямоугольной формы находит многочисленные аналогии на земледельческих памятниках Центральной Азии и Ирана и датируется в хронологическом диапазоне от позднего энеолита до позднего бронзового века (Намазга III–VI). Нож из Гулбога типологически очень близок ножу из погребения № 32 могильника Фархор (*Виноградова, Бобомуллоев, 2020. С. 32, 154, рис. 31, б*). Сходное изделие встречено также в отложениях периода IV в Саразме (*Исаков, 2020. С. 231, рис. 10, б*). Другая линия параллелей может быть проведена с земледельческими памятниками Ирана. На могильнике Шахри-Сохте в погребениях № 712 (*Piperno, Salvatori, 2007. P. 254, fig. 581, N 7642*) и № 754 (*Ibid. P. 325, fig. 775, N 8589*) найдены ножи, типологически очень сходные с ножом из Гулбога. Последний, основываясь на вышеприведенных параллелях, можно датировать концом раннего — началом среднего бронзового века.

Сравнительный анализ находок из погребений позволяет, опираясь на керамические материалы, отнести могильник Гулбог к ранним памятникам вахшской культуры. Близкие аналогии найденным в Гулбоге сосудам представлены на памятниках Пархаро-Кулябской равнины (могильники Гелот и Дарнайчи). Для лепной посуды этих кладбищ характерен елочный орнамент, выполненной техникой лощения внешней поверхности сосуда. Самые ранние керамические формы с таким орнаментом встречаются в погребальном инвентаре могильника Фархор (*Виноградова, Бобомуллоев, 2020. С. 120, рис. 7А, 3; 121, рис. 8Б, 2, 3*). Подобный елочный орнамент характерен для керамики земледельческих памятников астрабадского бронзового века на северо-востоке Ирана: Тюренг Тепе III, Шах Тепе II и Гиссар III (*Станкевич, 1978. С. 24*) и Дашлы 1 в Северном Афганистане (*Сарианиди, 1976. С. 37, рис. 24*).

Могильник Гулбог в настоящее время не имеет радиоуглеродных дат, которые, однако, выявлены для хронологически близких памятников в Пархаро-Кулябском регионе. В могильнике Фархор представлены захоронения нескольких культурно-хронологических групп, датирующихся от раннего бронзового века до начала среднего бронзового века. Эти погребения относятся в соответствии с радиоуглеродными датировками к 2800/2700–2300 гг. до н. э. (*Виноградова, Бобомуллоев, 2020. С. 87–89*). Погребальные комплексы Гелота и Дарнайчи датируются более поздним временем, а именно концом III тыс. до н. э. (*Виноградова, Кутимов, 2018. С. 87–88*).

Основываясь на этих датировках и типологических параллелях вышеописанному ножу в памятниках раннего бронзового века, могильник Гулбог следует относить к раннему периоду вахшской культуры и синхронизировать его со второй половиной III тыс. до н. э.

Рис. 1. Могильник Гулбог. А: раскоп 1, погребение № 1, слева план погребения, справа погребальный инвентарь: 1 — нож; 2 — галька; 3 — кубок; 4, 5 — бусины; 6 — сосуд круглодонный; 7 — кости животных; 8 — фрагмент керамики; 9 — охра. Б: раскоп 3, погребение № 2, слева план погребения, справа погребальный инвентарь: 1 — фрагмент венчика гончарной миски; 2 — лепной кубок. В: 1, 2 — сосуды из погребения № 3

Fig. 1. Gulbog burial ground. A: excavation area 1, burial No. 1, to the left burial plan, to the right funeral equipment: 1 — knife; 2 — pebbles; 3 — cup; 4, 5 — beads; 6 — round-bottomed vessel; 7 — animal bones; 8 — ceramic fragment; 9 — ochre. B: excavation area 3, burial No. 2, to the left burial plan, to the right funeral equipment: 1 — fragment of the bowl's rim (potter's wheel); 2 — handmade cup. B: 1, 2 — vessels from burial no. 3

- Виноградова, Бобомуллоев, 2020* — Виноградова Н. М., Бобомуллоев С. Могильник Фархор — памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. М.: ИВ РАН, 2020. 284 с.
- Виноградова, Кутимов, 2018* — Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). М.: ИВ РАН, 2018. 276 с.
- Виноградова, Филимонова, 2023* — Виноградова Н. М., Филимонова Т. Г. Археологические исследования могильника эпохи ранней бронзы Гулбог в бассейне р. Кызылсу на юге Таджикистана // Прочнее меди. Сборник статей к 80-летию В. А. Дергачева / Сост. и отв. ред. Л. В. Дергачева. Кишинэу: SP, 2023. С. 481–493.
- Исаков, 2020* — Исаков А. И. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины). Душанбе: Дониш, 2020. 315 с.
- Сарианиди, 1976* — Сарианиди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. / Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: ГРВЛ, 1976. С. 21–86.
- Станкевич, 1978* — Станкевич И. Л. Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Древность и средневековье народов Средней Азии (История и культура) / Отв. ред. Б. Г. Гафуров, Б. А. Литвинский. М.: ГРВЛ, 1978. С. 17–31.
- Piperno, Salvatori, 2007* — Piperno M, Salvatori S. The Shahr-i-Sokhta Graveyard (Sistan, Iran). Excavation Campaigns 1972–1978. Roma: Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, 2007 (Reports and Memoirs, New Series. Vol. VI). 390 p.

Burials of the early Vakhsh culture in the south of Tajikistan (the Gulbog burial ground)

Natalia M. Vinogradova⁴, Tatiana G. Filimonova⁵

Annotation. *In 2020 and 2021, a burial ground of the Early and Middle Bronze Ages was discovered and investigated near Kulob in Gulbog village. In total, three catacomb and niche burials have been discovered. In the first grave, the skeleton lay in a crouched position with a rich inventory: two vessels, a knife, two beads and a large pebble with traces of ochre. In the second burial, scattered human bones and a vessel were cleared. The molded ware of these burials is characterized by a herringbone ornament made by the technique of polishing the outer surface of the vessel. The third burial with two vessels was discovered during construction work. A comparative analysis of the finds from the burials allows us to attribute the Gulbog burial ground to the early sites of the Vakhsh culture and date it to the second half of the 3rd millennium BC.*

Keywords: *Southern Tajikistan, Bronze Age, burial ground, Vakhsh culture, ceramics*

⁴ Natalia M. Vinogradova — Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russian Federation; e-mail: vinogradova.nataliya@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1628-7037.

⁵ Tatiana G. Filimonova — A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of NAST, Dushanbe, Republic of Tajikistan; e-mail: tatjanafilimonova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7126-8325.

Находки металлических изделий периода ранней бронзы на археологическом комплексе Шахидон в Таджикистане: особенности расположения комплектов и рентгенофлюоресцентный анализ¹

А. А. Тишкин², Т. Г. Филимонова³

Аннотация. Комплексное изучение памятников раннего бронзового века в Таджикистане имеет хорошие перспективы. Об этом свидетельствуют ранее полученные материалы, уже введенные в научный оборот, а также новые находки и исследования. В данной публикации представлены некоторые результаты раскопок на уже известном археологическом объекте Шахидон, расположенном в Бальджуанском районе Хатлонской области. Там в 2023 г. в разных местах были обнаружены три комплекта металлических изделий. Они включали в себя косметические палочки, зеркала и нож, аналоги которым широко известны. Рентгенофлюоресцентный анализ этих артефактов показал, что они изготовлены из меди.

Ключевые слова: Таджикистан, Шахидон, период ранней бронзы, металлические изделия, рентгенофлюоресцентный анализ

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-99-102

В августе 2023 г. таджикско-российский археологический отряд проводил раскопки на известном памятнике Шахидон (Шохидон), который находится на территории с. Сари-Хосор в Бальджуанском районе Хатлонской области Республики Таджикистан (Филимонова и др., 2024). Эти плановые исследования выполнялись в рамках реализации договора о сотрудничестве между Институтом истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН Таджикистана и Алтайским государственным университетом. Указанный археологический объект, расположенный на лессовом останце, известен как своеобразный могильник периода раннего средневековья (Филимонова, 2019; Тишкин, 2020; Dubova et al., 2022). Однако в 2013 г. почти на поверхности склона была обнаружена медная косметическая палочка. Эта находка позволила высказать предположение о наличии более древнего памятника (Тишкин, Филимонова, 2021. С. 93–94). Через 10 лет в ходе исследований на площади около 70 м² нам удалось зафиксировать три скопления находок, относящихся к эпохе бронзы (Тишкин, Филимонова, 2024). Согласно принятой нумерации они обозначены как № 35, 37 и 39 (рис. 1, 1–3).

Объект № 35 выявлен случайно при исследовании одного из участков раскопа. Сначала были обнаружены фрагменты керамической емкости в виде небольшой коробочки с перегородкой (Тишкин и др., 2024. С. 53, рис. 1, 1). Затем лопата повредила лежащую рядом со шкатулкой косметическую палочку, что изменило форму и первоначальное расположение последней. При дальнейшей зачистке найдено зеркало, лежащее ниже предыдущего изделия (рис. 1, 1).

С помощью рентгенофлюоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000) одним из авторов статьи получены следующие сведения о химическом

¹ Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

² Алексей Алексеевич Тишкин — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

³ Татьяна Германовна Филимонова — Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Душанбе, Республика Таджикистан; e-mail: tatjanafilimonova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7126-8325.

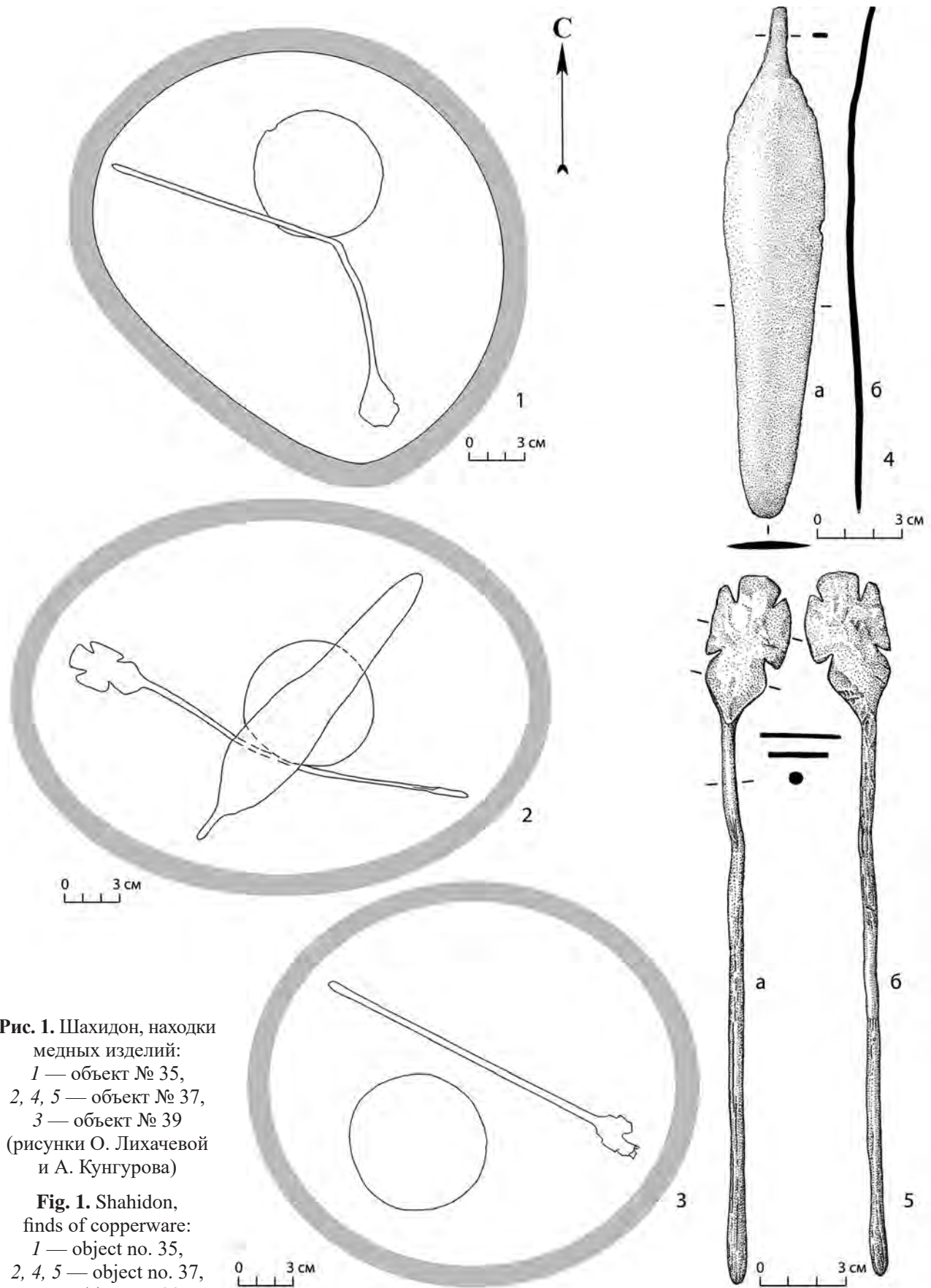

Рис. 1. Шахидон, находки медных изделий:
 1 — объект № 35,
 2, 4, 5 — объект № 37,
 3 — объект № 39
 (рисунки О. Лихачевой и А. Кунгурова)

Fig. 1. Shahidon, finds of copperware:
 1 — object no. 35,
 2, 4, 5 — object no. 37,
 3 — object no. 39
 (drawings by O. Likhacheva and A. Kungurov)

составе металлических предметов (здесь и далее во всех данных приводятся результаты тестирования образца, освобожденного от поверхностных окислов): зеркало: Cu (медь) — 99,52 %; Pb (свинец) — 0,39 %; Fe (железо) — 0,09 %; косметическая палочка: Cu — 99,76 %; Pb — 0,24 %.

Объект № 37 никак не был выражен на фоне зачищенной поверхности лессовой толщи склона. Обнаружение предыдущих находок показало необходимость более внимательной работы в раскопе на всех ее этапах. В результате удалось найти еще один комплект металлических изделий, которые лежали в следующем порядке: вверху располагался нож, под ним — косметическая палочка, а ниже через прослойку грунта — зеркало (рис. 1, 2). Нож имеет черенок, а также обоюдоострый клинок без выраженного острия (рис. 1, 4а). Представленные разрезы демонстрируют форму сечений предмета. На одном из них видно, что под тяжестью земли изделие согнулось (рис. 1, 4б). Косметическая палочка с фигурным навершием оказалась слегка деформирована при ее обнаружении (рис. 1, 5а, б). Получены следующие результаты рентгенофлюоресцентного анализа перечисленных находок: нож: Cu — 99,86 %; Pb — 0,14 %; косметическая палочка: Cu — 100 %; зеркало: Cu — 99,58 %; Pb — 0,42 %.

Объект № 39 был обнаружен также случайно неподалеку от предыдущего скопления. Он состоял из двух лежащих рядом на одном уровне металлических предметов (зеркало и косметическая палочка) (рис. 1, 3). Тестирование указанным прибором выявило у них следующий сплав: зеркало: Cu — 99,9 %; Pb — 0,1 %; косметическая палочка: Cu — 99,47 %; Pb — 0,53 %.

Результаты рентгенофлюоресцентного анализа свидетельствуют, что все найденные металлические изделия отлиты из меди со следами рудной примеси в виде свинца. Они имеют аналогии среди археологических материалов из могильника раннего и среднего бронзового века Фархор в Юго-Западном Таджикистане (Виноградова, Бобомуллоев, 2020). Кроме этого, подобные находки происходят из других археологических памятников Таджикистана, Афганистана, Узбекистана, Туркменистана и Южного Казахстана. Они датируются в основном второй половиной III — началом II тыс. до н. э. (Виноградова, Кутимов, 2018; Виноградова, Бобомуллоев, 2020; Тишкин, Филимонова, 2021).

Сделанное ранее предположение подтвердилось: обнаружен еще один археологический комплекс, который можно отнести к обозначенной пянджско-фархорской культуре (или общности). По всей видимости, найдены своего рода клады-подношения, хотя не стоит исключать, что такие наборы изделий маркировали кенотафы (Тишкин, Филимонова, 2024. С. 56).

Все перечисленные археологические материалы, выявленные на объектах № 35, 37 и 39 в настоящее время хранятся в краеведческом музее Бальджуанского района. Необходимо проведение дальнейших исследований на памятнике Шахидон, который находится в аварийном состоянии.

Виноградова, Бобомуллоев, 2020 — Виноградова Н. М., Бобомуллоев С. Могильник Фархор — памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. М.: ИВ РАН, 2020. 284 с.

Виноградова, Кутимов, 2018 — Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). М.: ИВ РАН, 2018. 276 с.

Тишкин, 2020 — Тишкин А. А. Результаты культурного взаимодействия кочевого и земледельческого населения (по материалам изучения погребального обряда раннесредневекового памятника Шохидон в Таджикистане) // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения / Под ред. М. А. Широковой, А. В. Иванова. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2020. С. 34–38.

Тишкин, Филимонова, 2021 — Тишкин А. А., Филимонова Т. Г. Рентгенофлюоресцентный анализ одного древнего металлического изделия, обнаруженного на памятнике Шохидон в Таджикистане // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2021. С. 90–94.

Тишкин, Филимонова, 2024 — Тишкин А. А., Филимонова Т. Г. Находки эпохи бронзы на памятнике Шахидон в Таджикистане // Комплексные результаты археологических исследований в Таджикистане / Отв. ред. А. А. Тишкин. Душанбе; Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2024. С. 55–56.

Тишкин и др., 2024 — Тишкин А. А., Бондаренко С. Ю., Филимонова Т. Г. Применение фотограмметрии при документировании результатов раскопок погребений и детальной визуализации находок (по материалам исследования памятника Шахидон в Таджикистане) // Комплексные результаты археологических исследований в Таджикистане / Отв. ред. А. А. Тишкин. Душанбе; Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2024. С. 53–54.

- Филимонова, 2019 — Филимонова Т. Г. Бальджуанская археологическая экспедиция: раскопки и разведки 2013–2014 гг. // АРТ. 2019. Вып. XL. С. 252–258.
- Филимонова и др., 2024 — Филимонова Т. Г., Тишкин А. А., Горбунов В. В., Лихачева О. С., Бондаренко С. Ю., Шарипов А. Ф., Караев А. Ч. Продолжение археологических раскопок на памятнике Шахидон в долине Сурхоба // Комплексные результаты археологических исследований в Таджикистане / Отв. ред. А. А. Тишкин. Душанбе; Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2024. С. 59–61.
- Dubova et al., 2022 — Dubova N. A., Filimonova T. G., Sataev R. M., Sataeva L. V., Kufterin V. V., Yamskov A. N. Several Results of Bioarchaeological and Ethnoecological Investigations in Tajikistan // Theory and Practice of Archaeological Research. Barnaul, 2022. Vol. 34/3. P. 148–163.

Finds of copperware of the Early Bronze Period at the Shahidon archaeological complex in Tajikistan: peculiarities of set arrangement and X-ray fluorescence analysis

Aleksei A. Tishkin⁴, Tatiana G. Filimonova⁵

Annotation. *The complex study of Early Bronze Age sites in Tajikistan has good prospects. This is evidenced by the previously obtained materials, which have been introduced into the scientific turnover, as well as by new findings and research. This publication presents some results of excavations at the already known archaeological site Shahidon in the Baljuvon district of the Khotlon region. There, three sets of metal items were discovered at different locations in 2023. They included cosmetic sticks, mirrors and a knife, the analogies of which are widely known. X-ray fluorescence analysis showed that the items were made from copper.*

Keywords: *Tajikistan, Shahidon, Early Bronze Age, metal objects, X-ray fluorescence analysis*

⁴ Aleksei A. Tishkin — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

⁵ Tatiana G. Filimonova — A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of NAST, Dushanbe, Republic of Tajikistan; e-mail: tatjanafilimonova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7126-8325.

Могильник в северной части раскопа 12 на юго-западе Гонур-депе, Туркменистан¹

Н. А. Дубова²

Аннотация. В северной части раскопа 12 юго-западе Гонур-депе обнаружено 418 объектов, среди которых погребения человека (55 %) и животных (1,25 %) составляют немногим более половины. Остальные объекты представляют собой либо пустые ямы (16,25 %), либо небольшие ямы, содержащие наборы керамических изделий (25 %), либо ямы, заполненные грунтом, смешанным с золой, фрагментами керамики и костями животных (2,5 %), причем в некоторых из последних фрагменты керамики и кости животных лежат в определенном порядке. Следовательно, их интерпретация в качестве обычных мусорных ям вряд ли логична. Скорее комплексы такого рода можно связать с какими-то ритуалами, имеющими отношение к поминовению.

Ключевые слова: эпоха бронзы, погребальные традиции, БМАК (Цивилизация Окса), типы могил

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-103-106

Погребения на Гонур-депе (2500–1500 гг. до н. э.), памятнике Бактрийско-Маргианского археологического комплекса/культуры (далее — БМАК), расположенном на территории нынешнего Туркменистана, группируются на нескольких относительно самостоятельных могильниках. Один из них находится к юго-западу от центрального дворцово-храмового комплекса в пределах раскопа 12 (Дубова и др., 2018б; 2021. С. 103–118). Работы на этой территории проводятся с 2012 г. Как показали магнитометрические исследования, осуществленные в 2014–2015 гг. коллегами из компании «GGH-Solutions GmbH в землеведении» из Фрайбурга (Германия) (Winkelmann, 2014; Winkelmann-Witkowsky, 2015; Дубова и др., 2018а), в северо-восточной части раскопа 12 можно было ожидать обнаружения значительного числа погребений. В 2019 и 2023 гг. здесь зачистили более 2000 м².

На изученной территории, кроме ранее описанных помещений, вскрыто 418 объектов (табл. 1). Большую их часть составляют обычные захоронения людей. Как и на других могильниках, имеются погребения животных, кенотафы, два варианта ям с обожженными стенками (ВР и Фр), различия между которыми заключаются в их размерах, а также в том, что в нескольких ВР (Большой некрополь Гонура) имеются захоронения людей или животных (Сарианиди, 2001. С. 18–22; Sarianidi, 2007. Р. 36–41). Специально выделены так называемые «поминальники», грунтовые ямы небольших размеров, в которых находились лишь наборы керамических изделий. Такие объекты были обнаружены на раскопе 16 (Дубова, 2008) и на раскопе 2 Гонура 20 (Дубова и др., 2021. С. 121–122, рис. 94).

Для северной части раскопа 12 характерно наличие еще двух типов объектов: совершенно пустых ям и ям, на первый взгляд, заполненных мусором (С2). Последние выделены в особый вариант в связи с тем, что, кроме обычных для их заполнения фрагментов керамики и золы, на их дне находились предметы, уложенные в определенном порядке. Как на всем раскопе 12, так и в его северной части выявлены такие же типы погребений, какие свойственны Гонуру (табл. 2). Но цисты

¹ Работа выполнена в рамках Госзадания Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН по теме № 5 «Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты». Исследования в Туркменистане проводятся на основании соглашения о сотрудничестве между Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Министерством культуры Туркменистана.

² Надежда Анатольевна Дубова — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

и камерные могилы в северной части раскопа 12 не были выявлены, хотя на других участках раскопа 12 они представлены. Стоит обратить внимание на высокий процент ямных могил на северном могильнике относительно основной части этого раскопа.

Объекты	P12 в целом		Северный могильник (P12N)		P12, другие территории	
	Число	%	Число	%	Число	%
Могилы людей	315	75,4	44	55	271	80,2
Могилы животных (мелкий рогатый скот)	6	1,4	1	1,25	5	1,5
Пустые ямы	55	13,2	13	16,25	36	10,5
«Поминальники» С1	8	1,9	2	2,5	6	1,8
«Поминальники» С2	22	5,3	20	25	2	0,6
Кенотафы	8	1,9	0	0	8	2,4
Обожженные ямы ВР	1	0,2	0	0	1	0,3
Гр	2	0,5	0	0	2	0,6
Алтарик	1	0,2	0	0	1	0,3
Всего	418		80		338	

Табл. 1. Объекты на разных участках раскопа 12 (P12)
Table 1. Objects at the different parts of Excavation area 12 (P12)

Типы могил	P12 в целом		Северный могильник (P12N)		P12, другие территории	
	Число	%	Число	%	Число	%
Подбойные (Sh)	135	42,1	20	44,4	115	41,7
Ямные (P)	135	42,1	22	48,9	113	40,9
Цисты (Cist)	23	7,2	0	0	23	10,1
Камерные (Chamber)	2	0,6	0	0	2	0,7
В хуме (Hum)	5	1,6	1	2,2	4	1,4
«Котлован» (LP?)	1	0,3	0	0	1	0,4
Обожженные ямы (BP)	1	0,3	0	0	1	0,4
Двойной очаг (Doublehearth)	1	0,3	0	0	1	0,4
?	18	5,6	2	4,4	16	5,8
Всего	321		45		276	

Табл. 2. Типы могил на разных участках раскопа 12 (P12)
Table 2. Types of tombs in different parts of Excavation area 12 (P12)

Особенностью северного могильника является наличие значительного числа грунтовых ям, расположенных как группами, так и одиночно, причем иногда они располагались около погребений человека. Так, если на всем раскопе пустые ямы вместе с С1 и С2 составляют 20,4 % от всех выявленных объектов, то на северном могильнике — 43,75 %, а на других территориях — 12,2 %.

Все не связанные с погребениями грунтовые ямы содержат в заполнении множество фрагментов разных керамических изделий, небольшое число костей животных, иногда камни и куски обожженных кирпичей (по всей видимости, из печей). На дне ямы № 4619 (нумерация погребений и подобных объектов на всем памятнике, включая Большой некрополь, единая) фрагменты керамики и отдельные кости животных лежали тремя разными скоплениями: на севере, юге и востоке. С запада в стенке ямы находилась только ножка керамического сосуда. Размеры ям значительно варьируют в диаметре (от 0,7 до 1,5 м) и по глубине (от 0,5 до 1,7 м). Эти объекты сооружены практически рядом с подбойными погребениями, значительная часть которых была ограблена в древности. Поэтому при обнаружении контуров таких ям на поверхности их первоначально обозначали как «грабительский

лаз». Но грабительские лазы, как правило, содержат грунт, аналогичный заполнению могилы. В случае же с ямами на этом могильнике в заполнении как непо потревоженных, так и ограбленных могил почти полностью отсутствуют фрагменты керамики и кости животных. Трудно предположить, что грабители, разрушившие в древности могилу, унесли из нее кости, оставшиеся от жертвенного мяса. В тех случаях, когда могила не ограблена, яма, так же, как и в случаях ограбления, прорезает один из краев могилы. Предположение о том, что данные объекты могут быть обычными мусорными ямами, также маловероятно, так как они систематически находятся в непосредственной близости от могилы. Добавим, что небольшие ямы не имеют прямых стенок. Размеры входа в такую яму и параметры ее дна обычно намного меньше ее внутреннего диаметра. Особенно наглядно это проявляется на объекте № 4622, где на краю объекта обозначен даже «венчик». Боковые стенки ямы во всех случаях не обмазаны, но аккуратно заглажены.

Обращает на себя внимание и тот факт, что доля погребений взрослых индивидов на других участках раскопа 12 значительно больше, чем на северном могильнике, а доля детских могил — почти в два раза больше (табл. 3). Нельзя также не отметить, что именно на одном из участков северного могильника находился интересный объект (5,5×4,5 м) из очень твердого материала типа печного шлака, который имел вид растекшейся густой жидкости. Он получил рабочее название «пятно», а затем Объект № 1 (Дубова и др., 2021. С. 103–105). Его происхождение связано с какой-то производственной деятельностью (минералогический и химический анализы проводятся). По всей видимости, данный факт является подтверждением того, что эта территория является на могильнике периферийной. Надо сказать, что упомянутый выше результат магнитометрии свидетельствует о плотном расположении могил разных размеров и далее к северу, но с некоторым смещением в восточном направлении, в отличие от локализации могил на уже раскопанной части. Выявленные группы своеобразных грунтовых ям, находящихся в непосредственной близости от погребений, также показывают, что поминальные обряды у жителей страны Маргуш были не менее разнообразны, чем прочие их традиции.

	P12 в целом		Северный могильник (P12N)		P12, другие территории	
	Число	%	Число	%	Число	%
<i>Взрослые</i>						
Мужчины	50	24,3	5	17,9	45	25,3
Женщины	111	53,9	10	35,7	101	56,7
Пол не определен (?)	45	21,8	13	46,4	32	18,0
Всего взрослых	206	66,2	28	62,2	178	81,3
<i>Дети</i>						
От 0 до 14 лет (inf I, Inf II)	79	74,5	10	66,7	19	46,3
15–22 года (juvenis)	22	20,7	5	33,3	17	41,5
Возраст не определен	5	4,7	0	0,0	5	12,2
Всего детей	106	34,0	15	34,9	41	18,7
ИТОГО	312		43		219	

Табл. 3. Половой и возрастной состав погребенных на разных территориях раскопа 12 (P12)

Table 3. Sex and ages of the buried in different parts of area 12 (P12)

Дубова, 2008 — Дубова Н. А. Компактные скопления керамических изделий // ТМАЭ. 2008. Т. 2. С. 61–64.

Дубова и др., 2018а — Дубова Н. А., Винкельман-Витковска С., Новак М., Солее А., Мейер Д., Хюбнер Х. Краткая информация о совместных исследованиях ИЭА РАН и Отдела археологии Бернского университета (Швейцария) на Гонур-депе в 2014–2015 гг. // ТМАЭ. 2018. Т. 7. С. 87–92.

Дубова и др., 2018б — Дубова Н. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П., Куфтерин В. В. Могильник на юго-западе Гонур-депе (раскоп 12). Сообщение 1 // ТМАЭ. 2018. Т. 7. С. 29–79.

- Дубова и др., 2021 — Дубова Н. А., Мамедов М. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018–2019 годах // ТМАЭ. 2021. Т. 8. С. 89–130.
- Сарианиди, 2001 — Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 246 с.
- Sarianidi, 2007 — Sarianidi V. I. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007. 340 p.
- Winkelmann, 2014 — Winkelmann S. Gonur Depe, Turkmenistan. Bericht über die 1. russisch-schweizerische Kampagne 2014 // SLSA Jahresbericht. 2014. S. 135–166.
- Winkelmann-Witkowski, 2015 — Winkelmann-Witkowski S. Bericht über die Ausgrabungen der Berner Archäologen 2015 in Gonur Depe, Turkmenistan // SLSA Jahresbericht. 2015. S. 179–210.

The graveyard in the northern part of the excavation area 12 in the south-west of Gonur-Depe, Turkmenistan

Nadezhda A. Dubova³

Annotation. *In the northern part of area 12 in the south-west of Gonur Depe, 418 objects were excavated, of which human (55 %) and animal (1.25 %) burials account for slightly more than half of them. The rest are small pits containing only pottery sets (25 %), completely empty pits (16.25 %) and pits filled with soil with ash containing sherds and animal bones (2.5 %). It is noted that sherds and animal bones lie at the bottom of several ground pits in a certain order. This suggests that their interpretation as ordinary garbage pits is hardly logical. Rather, they can be associated with some rituals associated with remembrance.*

Keywords: *Bronze Age, funeral traditions, Bactria-Margiana Archaeological Complex (the Oxus Civilization), tomb types*

³ Nadezhda A. Dubova — N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russian Federation; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

Состав керамических наборов из погребений Северного Гонура (Раскоп 16) и сателлитного поселения Гонур-20¹

О. В. Сычева², А. В. Фрибус³, В. В. Куфтерин⁴, Н. А. Дубова⁵

Аннотация. В работе анализируется состав керамических наборов из погребений Северного Гонура (Раскоп 16) и Гонур-20, а также проводится сравнительный анализ этих двух могильников. Его результаты показали, что, несмотря на большое разнообразие типов керамики, существовало ядро комплекта глиняной посуды, помещаемой в погребения. Речь идет о конусовидных сосудах-чашах, вазах на ножке, горшковидных сосудах с широким горлом, сосудах типа хумчи, сосудах с носиком и сливом.

Ключевые слова: керамика, погребения, эпоха бронзы, БМАК (Цивилизация Окса), Туркменистан

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-107-110

Гонур-депе — протогородской центр Бактрийско-Маргианского археологического комплекса/культуры (далее — БМАК), датирующийся рубежом III–II тыс. до н. э., располагается в Юго-Восточном Туркменистане, в пустыне Каракумы. Памятник был открыт в 1972 г. В. И. Сарияниди и на протяжении многих лет изучался экспедицией под его руководством. В настоящее время исследования Гонур-депе осуществляются Российско-Туркменской Маргианской археологической экспедицией, которую возглавляет Н. А. Дубова.

Керамическая коллекция из раскопок Гонур-депе насчитывает десятки тысяч фрагментов и порядка 2000 целых форм сосудов (*Sarianidi*, 2007. Р. 53). Этот огромный объем находок никогда не становился предметом специального рассмотрения. В литературе существует ряд работ, посвященных общему анализу керамических изделий (*Сарияниди*, 2001. С. 45–48; *Sarianidi*, 2007. Р. 53–67), а также классификации глиняной посуды (*Удеумурадов*, 1993; *Udeumuradov*, 2002; *Сарияниди*, 2001. С. 46; *Sarianidi*, 2007. Р. 58–61) и технологии керамического производства БМАК (*Кожин*, 2008; *Гутков*, 2021). Необходимо отметить, что работы Б. Н. Удеумурадова посвящены археологическим комплексам эпохи развитой бронзы Юго-Восточного Туркменистана (Алтын-депе, Келлели, Тахтабазарский могильник). Исследование П. М. Кожина, по его собственному выражению, носит «предварительный постановочный характер» (*Кожин*, 2008. С. 191). В статье А. И. Гуткова рассмотрена керамика Южного Гонура (Теменос).

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01720, <https://rscf.ru/project/23-28-01720/>. Раскопки в Туркменистане проводятся на основании соглашения о сотрудничестве между Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Министерством культуры Туркменистана. Кроме того, часть работы подготовлена О. В. Сычевой и А. В. Фрибусом в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Ольга Владимировна Сычева — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: olysycheva@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0867-4969.

³ Алексей Викторович Фрибус — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: fribus@list.ru; ORCID: 0000-0003-3208-0319.

⁴ Владимир Владимирович Куфтерин — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: vladimirkufterin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7171-8998.

⁵ Надежда Анатольевна Дубова — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

Целью данной работы является анализ состава керамических комплексов в погребениях Гонура для установления тех или иных закономерностей (или их отсутствия) в составе групп погребальных сосудов.

Источниковой базой исследования послужили материалы двух локальных некрополей. Один из них (Раскоп 16) расположен на юго-западе Северного Гонура, на территории между дворцово-храмовым комплексом, Большим некрополем и Теменосом. Второй могильник находится на селлитном поселении Гонур-20, лежащем в 2,6 км к югу от основного комплекса.

Для анализа наборов сосудов использовалась типологическая схема Б. Н. Удеумурادова, как наиболее общая для классификации типов керамики развитой и поздней бронзы Южного Туркменистана (*Udeumuradov*, 2002. Р. 134–141). В его классификации все сосуды поделены на 24 группы, внутри которых установлены варианты.

Для анализа керамических наборов погребений было отобрано 45 погребений, в которых количество сосудов превышало пять экземпляров, и их принадлежность к той или иной группе по классификации Удеумурадова не вызывала сомнений. Выборка включает 26 погребений из Раскопа 16 (238 сосудов) и 19 захоронений из Гонура-20 (228 сосудов). Все рассматриваемые экземпляры изготовлены на гончарном круге.

Керамика из погребений Раскопа 16 представлена следующими группами: 1–6, 8–12, 16, 18–20, 22–24. К тем же группам относится керамика из Гонура-20, исключая группы 12, 18 и 20, которые здесь отсутствуют.

Группа 1 включает конические чаши или миски, группа 2 — чаши с округлой полусферической емкостью, группа 3 — довольно высокие сосуды на низких или средних монолитных ножках, группа 4 — вазы на высоких монолитных ножках, группа 5 — конические сосуды-чаши, группа 6 — высокие (глубокие), конические сосуды, тулово которых переходит в полую ножку, группа 8 — большие хозяйственные сосуды типа хумчи, группа 9 — горшки с т. н. реповидным туловом, группа 10 — сосуды с трубчатыми носиками и носиком-сливом, группа 11 — высокие сосуды с низкой шейей и округлым в верхней части туловом, группа 12 — высокие цилиндрические сосуды с отогнутым венчиком, группа 16 — сосуды с тонким горлом и округлым в нижней части туловом, группа 19 — подцилиндрические миниатюрные сосуды, группа 21 — биконические сосуды, группа 23 — горшки с округлым туловом и коротким широким горлом, группа 24 — горшковидные сосуды с округлым туловом и невысоким широким горлом.

Количественный анализ керамики из Раскопа 16 показал, что здесь в погребениях часто встречаются сосуды таких групп, как 5 (49 экземпляров), 24 (25), 4 (25), 8 (21), 23 (16) и 10 (14). Сравнительно небольшое количество посуды представлено группами 6 (13 экземпляров), 9 (12), 3 (10), 2 (10) и 1 (9) и в единичном количестве встречаются сосуды групп 19 (2 экземпляра), 21 (4), 12 (1) и 16 (1) (**рис. 1, 1**).

Схожая картина наблюдается и в захоронениях Гонура-20, где часто встречаются сосуды групп 6 (58 экземпляров), 5 (30), 24 (32), 8 (20), 4 (21), 10 (19). Реже представлены сосуды группы 2 (13 экземпляров), в небольшом количестве встречаются сосуды групп 1 (4), 9 (1), 11 (6), 16 (4), 19 (8) и 23 (7) (**рис. 1, 2**).

Для выявления устойчивых сочетаний групп сосудов в погребениях были составлены схемы совместной встречаемости этих изделий для каждого могильника, где линиями обозначена частота встречаемости групп. Чем толще линия, тем большее количество раз сосуды тех или иных групп оставляли совместно в захоронении. Оказалось, что большая часть сосудов разных групп встречается друг с другом по меньшей мере один раз — за редким исключением (**рис. 1, 3–4**).

Тем не менее, можно выделить некое ядро погребального керамического набора. На Раскопе 16 в таких наборах чаще всего встречаются сосуды 3–6, 8, 10, 23 и 24 групп. Схожая ситуация наблюдается и на Гонуре-20, где чаще совместно встречаются сосуды групп 4–6, 8, 10 и 24.

Функциональное назначение каждого из представленных типов керамики определить затруднительно. Можно предположить, что посуда группы 10 (т. н. чайники и сосуды со сливом) использовалась для хранения и потребления различных жидкостей. Сосуды групп 3–6 имеют открытую форму, когда наибольший диаметр приходится на венчик или находится под венчиком сосуда. Исходя из этого, можно предположить, что данные формы употребляли для хранения

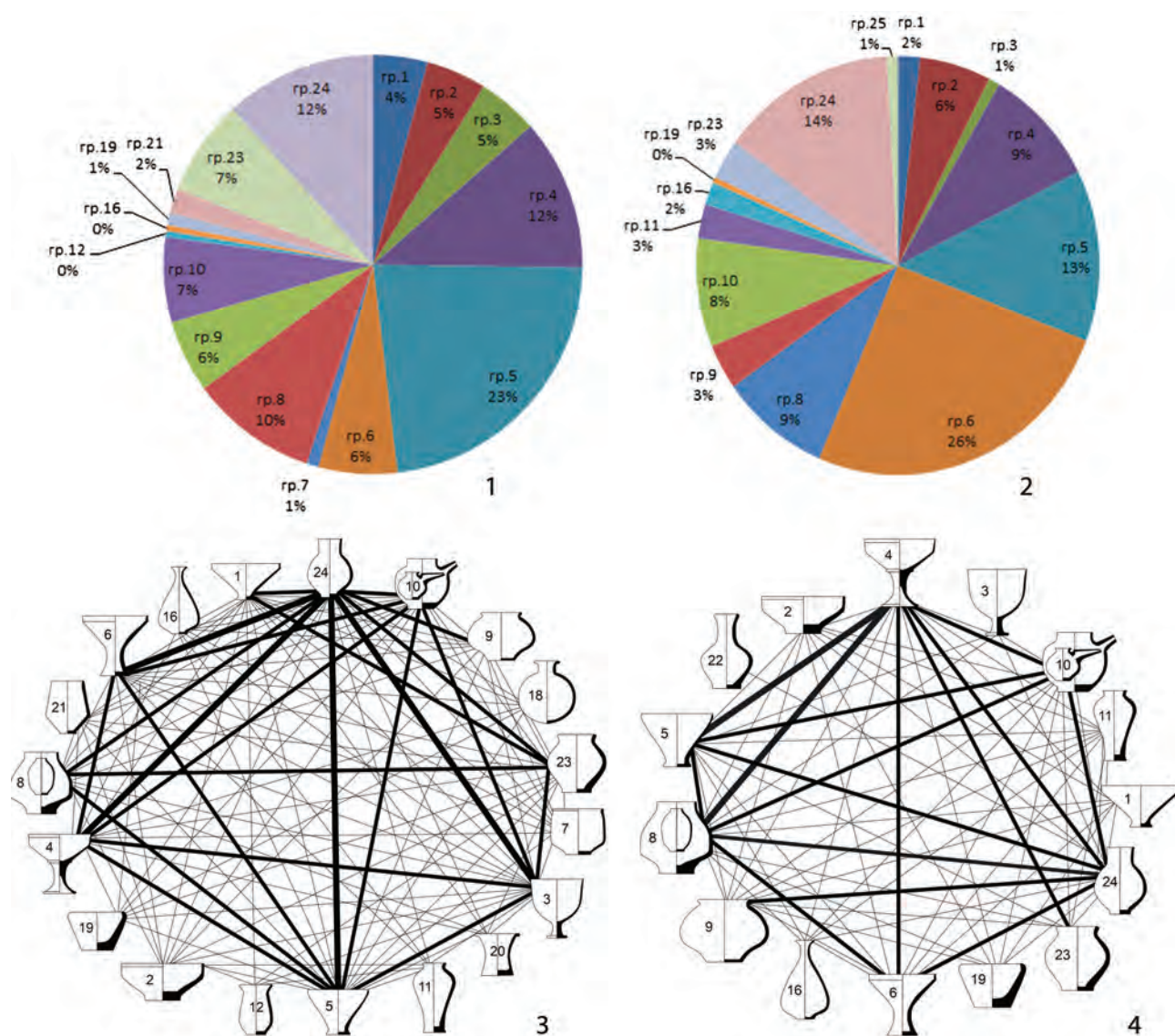

Рис. 1. Количественный анализ и схемы совместной встречаемости сосудов Гонур-депе: 1 — количественный анализ керамики из раскопа 16; 2 — количественный анализ керамики из поселения Гонур-20; 3 — схема совместной встречаемости сосудов из раскопа 16; 4 — схема совместной встречаемости сосудов из поселения Гонур-20

Fig. 1. Quantitative analysis and co-occurrence patterns of vessels from Gonur-Depe: 1 — quantitative analysis of ceramics from Excavation area 16; 2 — quantitative analysis of ceramics from the settlement of Gonur-20; 3 — scheme of co-occurrence of vessels from Excavation area 16; 4 — scheme of co-occurrence of vessels from the settlement of Gonur-20

и употребления различной пищи. Сосуды группы 8, 23 и 24, преимущественно средние по высоте, имеют закрытую форму, сужающуюся кверху. Возможно, их также использовали для хранения или питья различных жидкостей. Стоит отметить сосуды, которые по морфологическим признакам относятся к группам 6 и 24, однако отличаются меньшими размерами. В большом количестве такие сосуды были зафиксированы на Гонуре-20, в погребениях 16, 86 и 93. Возможно, они являлись индивидуальной посудой.

Нужно также подчеркнуть, что типы погребальных сооружений никак не соотносятся с тем, какое количество сосудов помещали в могилу. В погребениях Раскопа 16 и в захоронениях Гонура-20 большие наборы сосудов встречаются в цистах, подбоях, ямах и камерах. По всей вероятности, в погребальном обряде такие наборы глиняной посуды сами по себе представляли ценность.

Керамический комплекс Гонур-депе отличается большим разнообразием. Исходя из представленных схем встречаемости типов сосудов, можно предположить, что все представленные группы посуды сосуществовали приблизительно в одно время. Однако, несмотря на большое разнообразие, удалось выявить ядро керамических комплектов, помещаемых в погребения. Речь идет о конусовидных сосудах-чашах, вазах на ножках, горшковидных сосудах с широким горлом, сосудах типа хумчи и сосудах с носиком и сливом. При этом керамические наборы рассматриваемых локальных некрополей схожи. Небольшие отличия проявляются в отсутствии типов 12, 18, 20 на Гонуре-20.

Полученные результаты, учитывая ограниченность выборки, следует считать предварительными. Дальнейший анализ погребальных керамических наборов позволит прояснить характер установленных отличий (локальный, хронологический) и перейти к их интерпретации. Включение тех или иных типов посуды в состав «погребального сервиза» может отражать не только своеобразную «моду», но и изменения представлений о «ритуальном пире» в загробном мире

Гутков, 2021 — Гутков А. И. Особенности изготовления гончарной керамики Южного Гонура (Теменоса) // ТМАЭ. 2021. Т. 8. С. 143–179.

Кожин, 2008 — Кожин П. М. Происхождение и развитие керамического производства и расписной орнамента глиняной посуды // ТМАЭ. 2008. Т. 5. С. 112–126.

Сарианиди, 2001 — Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 246 с.

Удеумурадов, 2003 — Удеумурадов Б. Н. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашгабат: Ылым, 1993. 148 с.

Sarianidi, 2007 — Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens: Kapon Editions, 2007. 340 p.

Udeumuradov, 2002 — Udeumuradov B. Ceramic material from Gonur-depe Necropolis // Margiana. Gonur-depe Necropolis. 10 years of excavations by Ligabue Study and Research Centre. Padova: Il Punto, 2002. P. 132–143.

Ceramic assemblages from the burials of Northern Gonur (Excavation area 16) and the Gonur-20 satellite settlement

Ol'ga V. Sycheva⁶, Aleksei V. Fribus⁷, Vladimir V. Kufterin⁸, Nadezhda A. Dubova⁹

Annotation. *Ceramic assemblages from the burials of Northern Gonur (Area 16) and the Gonur 20 satellite settlement are analyzed and compared with each other. The obtained results show that despite the great variety of ceramic types, it was possible to identify a core set of ceramic items that were consistently placed in the burials. These include conical bowls, bowls on trumpet-shaped stands, wide-necked squat jars, large jars with a conical molded base, pots with spouts, and bowls with open spouts.*

Keywords: *ceramics, burials, Bronze Age, Bactria-Margiana Archaeological Complex (Oxus Civilization), Turkmenistan*

⁶ Ol'ga V. Sycheva — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: olsysycheva@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0867-4969.

⁷ Aleksei V. Fribus — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: fribus@list.ru; ORCID: 0000-0003-3208-0319.

⁸ Vladimir V. Kufterin — N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russian Federation; e-mail: vladimirkufterin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7171-8998.

⁹ Nadezhda A. Dubova — N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russian Federation; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

Новая печать-амулет из Гонур-депе: «маргианская коррида» или мифологический сюжет?¹

А. В. Фрибус², Н. А. Дубова³

Аннотация. Работа посвящена предварительной публикации и анализу каменной печати-амулета, обнаруженной в 2023 г. на сателлитном поселении Гонур-20. Несмотря на некоторое внешнее сходство, композиция, изображенная на печати, не связана с традициями тавромахии. Учитывая общую структуру композиции и особенности иконографии, можно предположить, что вряд ли перед нами иллюстрация каких-то ритуальных действий — скорее речь идет об изложенном с помощью изобразительных формул мифологическом сюжете, который не находит прямых аналогий в мифологии и эпосе, зафиксированных в письменной традиции Ближнего Востока. По всей видимости, здесь мы сталкиваемся с местной бактрийско-маргианской традицией, обладающей абсолютной самобытностью.

Ключевые слова: глиптика, Древней Ближний Восток, Центральная Азия, эпоха бронзы, БМАК (Цивилизация Окса), Туркменистан

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-111-114

Весной 2023 г. при разборке верхних слоев могильника на поселении Гонур-20 была обнаружена печать-амулет с уникальным изобразительным сюжетом. Гонур-20 является сателлитным памятником, расположенным в 2,6 км к югу от центрального дворцово-храмового комплекса Гонур-депе. Ранее здесь были выявлены, по всей видимости, гончарные печи, жилая застройка и два участка, занятые погребениями (Сарианиди, Дубова, 2012. С. 40–43; Дубова и др., 2021. С. 119–126). Анализ планиграфии показывает, что функционирование жилых зон и обустройство мест погребений были синхронны друг другу. По крайней мере, здесь редки случаи устройства могил на заброшенных участках, внутри строений, печей и т. д., что широко практиковалось на основном комплексе Гонура. Таким образом, найденная печать не имеет определенного контекста, но это не умаляет ее ценности.

Форма и размеры предмета типичны для печатей «мургабского стиля». Артефакт из талькохлорита представляет собой сглаженный эллипс с отверстием по длинной оси (размеры 48×45×18 мм). Изображение в полной мере сохранилось только на одной стороне (рис. 1, 1). Центральное место в композиции занимает фигура быка, который показан в профиль (рога анфас), с характерным изображением глаз в виде концентрических кружков. Под корпусом быка хорошо читается изображение змеи или змеино-го дракона с открытой пастью. На крупе животного располагается фигура, характер которой, в немалой степени по причине повреждения предмета, остается не вполне ясным.

¹ Часть работы подготовлена А. В. Фрибусом в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014) (А. В. Фрибус), другая часть — Н. А. Дубовой в рамках выполнения госзадания Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН по теме № 5 «Ультрасоциальность человека: биосоциальные и кросскультурные аспекты» (Н. А. Дубова). Раскопки в Туркменистане проводятся на основании соглашения о сотрудничестве между Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Министерством культуры Туркменистана.

² Алексей Викторович Фрибус — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: fribus@list.ru; ORCID: 0000-0003-3208-0319.

³ Надежда Анатольевна Дубова — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

На печати представлен антропо-орнитоморфный персонаж, «попирающий» быка. Синкретичность первого образа не вызывает сомнений: с одной стороны, он очевидно антропоморфен, с другой — орнитоморфен. Над головой быка изображено «растение». Этот элемент типичен и встречается на других печатях такого рода. Неясно назначение волнистой линии, которая отходит от крупа быка вверх. Возможно, так показан хвост быка или еще одна змея.

Относительно печатей-амулетов «мургабского стиля» необходимо отметить два обстоятельства. Первое заключается в том, что ни одна из них не была найдена в закрытом комплексе, второе — в том, что все они индивидуальны, несмотря на наличие определенных иконографических «штампов». За исключением находок, сделанных после 1998 г., наиболее полный свод печатей-амулетов представлен в публикациях В. И. Сарияниди (*Сарияниди*, 1976; *Sarianidi*, 1998). По стилю и построению композиции наиболее близкой аналогией рассматриваемому предмету можно, вероятно, считать случайную находку на территории Бактрии, хранящуюся в коллекции Лувра. На одной стороне этого амулета изображен орел, которого фланкируют два змеинных дракона, на другой — крылатый хищник и змеинный дракон, обращенные в одну сторону (*Sarianidi*, 1998. Р. 176–177, 983, 1–3).

Иконография изображений. Бык. Изображения быков часто встречаются на каменных амулетах БМАК. При этом на печатях, обнаруженных в Бактрии, обычно показаны горбатые быки (зебу?). В нашем случае из-за скола говорить о наличии или отсутствии этого элемента не приходится, однако, интересная деталь, напоминающая гриву зебу, отчетливо читается на груди быка (**рис. 1, 3**). Похожий элемент присутствует, например, на амулете с Кабульского базара (*Sarianidi*, 1998. Р. 183, 964, 2). Моделировка головы (общий абрис в профиль, глаза в виде двух концентрических кругов, широко расставленные и слегка загнутые рога, показанные в профиль) (**рис. 1, 2**) практически полностью повторяет изображение на амулете, обнаруженном на Северном Гонуре (*Сарияниди*, 1976. С. 46–47, рис. 2, а–з). Из-за повреждения положение передних ног фигуры остается неясным. Возможно, одна из них занесена для шага. Своеобразно исполнен стилизованный хвост — в виде извилистой линии, уходящей вверх.

Змея/змеинный дракон. Эти персонажи играют важную роль в искусстве и глиптике БМАК. Различия между ними порой едва уловимы. В нашем случае, опираясь на детали иконографии (раскрытая пасть, глаз в виде кружка, вертикальные полосы на туловище), вероятно, более корректно говорить о «змеином драконе». Хвост фигуры одновременно моделирует заднюю ногу быка.

Антропо-орнитоморфный персонаж. Изображения, сочетающие черты человека и птицы, занимают одно из центральных мест в искусстве БМАК, причем для них характерна антропоморфная фигура (коленипреклоненная или стоящая, корпус анфас, ноги, как правило, в профиль) с головой птицы (чаще всего орла) в профиль. Иконография этого образа, представленная на рассматриваемой печати над крупом быка, своеобразна. В данном случае корпус показан анфас, голова в профиль (ее точная интерпретация вряд ли возможна, так как изображение пересекается с «хвостом-змеей») (**рис. 1, 4**), «руки» подобны человеческим, а «ноги» скорее напоминают хвост птицы.

«Растение». Полное соответствие иконографии обнаруживается на целом ряде каменных печатей, происходящих из Бактрии (например: *Sarianidi*, 1998. Р. 171, 904, 4; 175, 922, 1; 189, 1000, 1).

Характеризуя композицию в целом, необходимо отметить две особенности. Во-первых, для нее свойственна высокая детализация изображений, во-вторых, просматривается своеобразный подход мастера к передаче реалий. Складывается впечатление, что отдельные элементы изображений заведомо выполняют двойные функции: «хвост быка — змея»; «хвост змеиного дракона — задняя нога быка» и т. д. В результате отдельные изображения по периметру амулета «перетекают» друг в друга, образуя своеобразный замкнутый контур.

Возможности интерпретации композиции. Композиция, в центре которой антропоморфная фигура, «стоящая» на крупе быка, вызывает вполне обоснованные ассоциации с известными сценами тавромахии, состязания человека с быком. Глубокая древность подобных ритуалов не вызывает сомнений (*Шер*, 1992), однако в рассматриваемом здесь контексте такие сюжеты имеют вполне определенную географическую и культурную локализацию. В Маргиане печать с изображением сцены «тавромахии» известна в материалах из Тоголок 21. Это «нетипичная печать мургабского стиля» (по терминологии С. Винкельман) в форме двугорбого верблюда, на обороте которой изображен бегущий бык, падающий (?) с него человек и три орла. Нижний регистр,

Рис. 1. Печать-амулет с Гонура-20, общий вид и детали (без масштаба): 1 — общий вид; 2 — голова быка; 3 — изображение на груди быка; 4 — голова антропо-орнитоморфного персонажа

Fig. 1. Seal-amulet from Gonur-20, general view and details (not to scale): 1 — general view; 2 — bull's head; 3 — image on the chest of a bull; 4 — head of an anthropomorphic-ornithomorphic character

в котором помещена еще одна лежащая (?) человеческая фигура, отделен стилизованным «змеиным» орнаментом (Сарианиди, 1999. С. 58, рис. 10; Winkelmann, 2021, P. 269, fig. 8.7b). Классической сценой такого рода считается известная фреска из Кносского дворца. В. И. Сарианиди считал, что появление подобных изображений в глиптике БМАК связано с влиянием критского мира (Сарианиди, 1999. С. 59).

Представляется, что, несмотря на некоторое внешнее сходство, композиция на печати из Гонура-20 не связана с традициями тавромахии. Учитывая общую структуру композиции и особенности иконографии, можно предположить, что вряд ли перед нами иллюстрация каких-то ритуальных действий. Скорее речь идет об изложенном с помощью изобразительных формул мифологическом сюжете, фабула которого была хорошо понятна адресатам. Этот сюжет очевидно не находит прямых аналогий в мифологии и эпосе, которые зафиксированы письменной традицией Ближнего Востока. По всей видимости, здесь мы сталкиваемся с местным, бактрийско-маргианским сюжетом, обладающим абсолютной самобытностью.

- Дубова и др., 2021 — Дубова Н. А., Мамедов М. А., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П. Работы Маргианской археологической экспедиции в 2018–2019 годах // ТМАЭ. 2021. Т. 8. С. 89–130.
 Сарианиди, 1976 — Сарианиди В. И. Печати-амулеты мургабского стиля // СА. 1976. № 1. С. 42–68.
 Сарианиди, 1999 — Сарианиди В. И. Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики // ВДИ. 1999. № 1. С. 53–73.

- Сарианиди, Дубова*, 2012 — *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Археологические работы Маргианской археологической экспедиции в 2008–2011 гг. // ТМАЭ. 2012. Т. 4. С. 29–55.
- Шер*, 1992 — *Шер Я. А.* К происхождению корриды // Северная Азия от древности до средневековья: Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова / Отв. ред. В. М. Массон. СПб., 1992 (АИ. Вып. 2). С. 35–37.
- Sarianidi*, 1998 — *Sarianidi V.* Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. Moscow: Pentagraphic, 1998. 336 p.
- Winkelmann*, 2021 — *Winkelmann S.* BMAC glyptics: typology, context, function and background // The World of the Oxus Civilization / Ed. by B. Lyonnet and N. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 215–292.

A new seal-amulet from Gonur-Depe: a «Margian bullfight» or a mythological plot?

Aleksi V. Fribus⁴, Nadezhda A. Dubova⁵

Annotation. *The research is devoted to the preliminary publication and analysis of a stone seal-amulet discovered in 2023 at the satellite settlement of Gonur-20. Despite some external similarities, the composition on the seal from Gonur-20 is not associated with the traditions of taumachy. According the general structure of the composition and iconography, we can assume that this is unlikely to be an illustration of any rituals. It is rather a mythological plot presented using pictorial formulas. This plot does not find direct analogies in Near Eastern mythology and epic. Apparently, it is a local, original Bactria-Margiana plot.*

Keywords: *glyptics, Ancient Near East, Central Asia, Bronze Age, Bactria-Margiana Archaeological Complex (Oxus Civilization), Turkmenistan*

⁴ Aleksi V. Fribus — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: fribus@list.ru; ORCID: 0000-0003-3208-0319.

⁵ Nadezhda A. Dubova — N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russian Federation; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

New perspectives on the funerary architecture of the main necropolis at Gonur-Depe¹

Camille Hut², Nadezhda A. Dubova³

Annotation. *Methodological developments in funerary archaeology since the 1990s have provided tools for re-evaluating the significant discoveries of the 2831 graves and structures excavated by the Margiana Archaeological Expedition in the main necropolis of Gonur-Depe (2350–1500 BC), leading to new perspectives on funerary architecture. Although earlier work laid the typological foundations for the main types of structure observed in the funerary space, a reassessment of the material according to the principle of the chaîne opératoire highlights the diversity of technical choices and materials, depending on the use of the grave. The wide variety of forms taken by these structures is unique for the funerary architecture of the BMAC/Oxus Civilization.*

Keywords: *Bactria-Margiana Archaeological Complex (Oxus Civilization), Bronze Age, burials, funerary architecture, Gonur-Depe, Turkmenistan*

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-115-118

Considered as the capital of the Bactria-Margiana Archaeological Complex (Oxus Civilization), Gonur-Depe is both a characteristic and singular site for the study of funerary practices for the period of the Middle Bronze Age (2300–1800/1750 BC). The singularity of Gonur lies in the large number of burials uncovered on the site (over 5,000), located in various burial grounds (Royal Necropolis, Main Necropolis, local cemeteries, burials on the periphery of occupied spaces, and in abandoned areas of the settlement), which demonstrate a wide diversity in terms of funerary architecture. The discovery of the Main Necropolis in 1992 (Salvatori, 1993), during the construction of a modern irrigation canal to the west of the Palace of Gonur North, was followed by ten years of excavations uncovering a 10-hectare burial ground consisting of over 2,900 structures and graves. The results of this archaeological research, and more specifically the 2831 structures and burials excavated from 1996 onwards by the Margiana Archaeological Expedition, are the basis of the typology of funerary architecture established by Viktor I. Sarianidi (Sarianidi, 2001; 2007), which has since served as a reference for the classification of the graves excavated according to four main types of structure: pit graves, shaft graves, cist graves and chamber graves (Sarianidi, Dubova, 2014).

A review of data from the excavation of the necropolis has revealed a wide variety of forms within each group of structures, including the identification of new types and subtypes of graves. These appear to be linked to technical choices, or the deposition type of the body of the deceased, to the deposit of offerings, as well as to the use of the grave and funerary practices. To understand the different devices used to define the sepulchral space, it is important to establish new typological criteria (Blaisot, 2008) derived from an approach of the architecture according to the *chaîne opératoire* of technical and formal choices (Valentin *et al.*, 2014). The funerary sequence restituted concerns different stages of the funeral practices regarding the construction of the grave and its layouts, the funerary ceremony, as well as the management of memory.

¹ All works in Turkmenistan are provided in the frame of the Agreement between the N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of RAS and the Ministry of Culture of Turkmenistan.

² Camille Hut — Université Paris 1 Panthéon-Sorbonne, Institut d'Art et d'Archéologie, Paris, République Française; e-mail: camille.hut@gmail.com; ORCID: 0009-0007-0995-7158.

³ Nadezhda A. Dubova — N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russian Federation; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

Field archive data primarily support the hypothesis that funerary structures were prepared prior to burial. Suggested by the architectural complexity of some types of funerary construction (chamber, cist), this is supported by the evidence of empty shaft graves undisturbed by ancient looting, in which no burials were performed for reasons beyond our scope of interpretation. The structures feature different types of sepulchral pits, either an ordinary pit (pit graves, chamber, and cist), or a pit with a side niche in the wall called «shaft». Although it cannot be verified, the presence of structures built directly on the ancient surface (cist) has previously been suggested. Most of the sepulchral pits were used on a single occasion, while others featured entrance steps or access ramps (chambers) from the ancient surface, ensuring that they could be used over time for successive burials. The absence of such access, though, does not prevent some pits from being reopened, as demonstrated by the discovery of shaft graves with double side niches dug in two distinct walls of the pit, and whose burials do not appear to be synchronous (**fig. 1, I**).

The type of deposition of the body, and those of the funerary offerings, might condition the presence of arrangements using mud-bricks or clay materials in the grave. The lining of the pits walls using clay and mud-bricks, or the construction of walls forming a quadrangular structure to define the burial space (**fig. 1, 5, 6**), is already well known for graves associated with high-ranking individuals or a social elites (chamber, cist). The evidence of lining or «coffering» (коробочка) in side niches and pit graves (**fig. 1, 2**), puts into perspective the connection between the use of mud-brick and the status of the deceased. These offerings are funerary devices that define the burial space within the pit, materialized by the presence of 3 to 4 walls of 2 to 4 rows of mud-bricks, adjoining one or several of the pit walls. This combination of sepulchral pit and mud-brick devices, has also been observed in the settlement areas (*Fribus et al.*, 2021).

Internal arrangements for depositing funerary offerings, well documented in earlier work for sumptuary graves, also appear to be more widespread than expected. Mainly documented in the case of shaft graves, earthen small platforms (грунтовая подушка), as well as small niches, are built into the side niche to receive all or part of the offerings. These arrangements introduce a distinction between the space for the body and that for the offerings, which can also be formalized by the construction of a partition wall made of mud-bricks or clay and mud-bricks. Analysis of the data shows the presence of these internal partitions in pit and cist graves of 1 to 4 rows of mud-bricks, whose formal observation tends to suggest a division more symbolic than functional, in contrast to the chambers where most of these walls of up to 8–10 rows most often serve to define the number of spaces, up to three chambers. Facilities for the deposition of offerings are not only internal to the structure but can also be found outside it, as in the case of cists, where the presence of protruding bricks seems to mark an external space for funerary practices during or after burial (**fig. 1, 5**).

Following inhumation, the pit can be filled in with sediments (pit graves and shafts) or the side niche can be closed (shaft graves; **fig. 1, 3**) or the structure covered (cists, and chambers) with a device made of mud-bricks and sometimes clay. Examination of side niche sealings reveals new elements, as some do not appear to be fully functional, merely delimiting the space of the burial with a few mud-bricks or a row of mud-bricks. Regarding the covering of the chambers and cists, it had been suggested that the structure was overlapped by a mud-brick vault, based on observations of grave no. 1337 (*Sarianidi*, 2007. P. 41; *Orazov*, 2016). However, it is possible to discuss this hypothesis, since the absence of preserved or collapsed elements in the filling in most of these structures may lead us to suggest the possible existence of a cover made of perishable materials, as identified in the case of one (no. 3621–3623, 3597) of the settlement's chambers (*Dubova*, 2008). The filling or the cover of the grave would probably have made it possible to discern these structures from the ancient surface or to identify their location by surface markers, even if there is almost no evidence to support this suggestion. It was therefore very surprising to recognize a funerary enclosure associated with a pit grave, rectangular and composed of one row of mud-bricks on the surface level (no. 730), previously known only from the Royal Necropolis (no. 3220) (*Sarianidi*, 2008. P. 150–155). This supports the hypothesis of a marking system, also reinforced by the very low degree of overlap between the structures.

The combination of the type of sepulchral pit, the presence of mud brick devices, and internal partition walls, forms the basis of a new typology of funerary architecture for the Main Necropolis. Within this typology, we have distinguished three variations of pit graves (simple or ordinary, with a brick coffering (**fig. 1, 4**), with a brick partition); four variations of shaft graves — with a step between the shaft and the side niche, without a step, with a brick coffering, with double side niches (**fig. 1, I**); 3 variations of cists graves

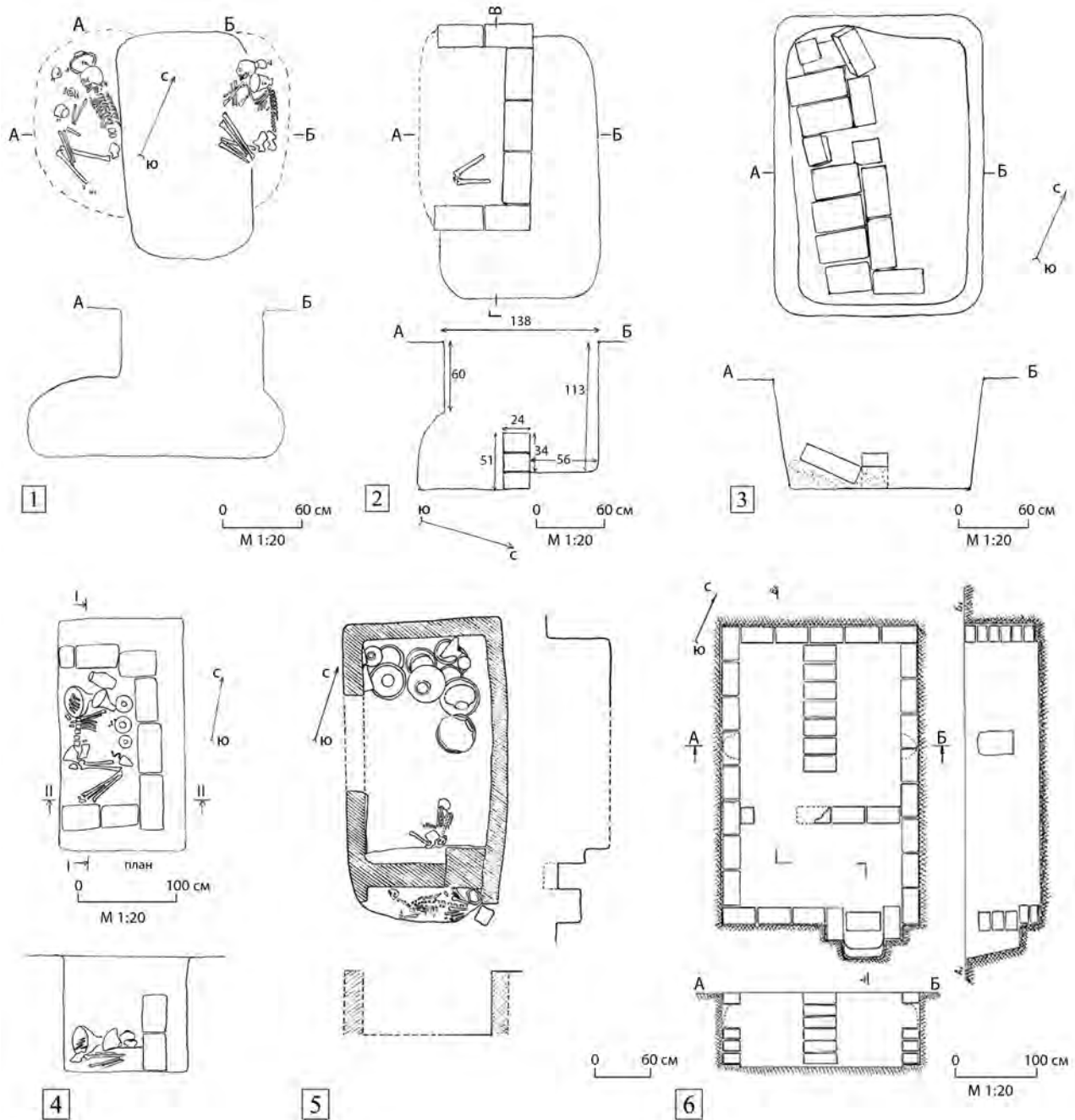

Fig. 1. Features and layouts in ordinary pits and shafts: 1 — shaft grave no. 257 with double side niches; 2 — shaft grave no. 1345 with a lining of the side niche; 3 — shaft grave no. 1265 with a closing device on top of a side niche; 4 — coffering in the pit grave no. 120; 5 — lining with protruding mud-bricks in the cist grave no. 1315; 6 — lining and inner partition walls in the chamber grave no. 2244 (from the archives of the Margiana Archaeological Expedition)

Рис. 1. Особенности и планировка рядовых погребений в ямах и шахтах: 1 — шахтовая могила № 257 с двусторонней боковой нишей; 2 — шахтовая могила № 1345 с облицовкой боковой ниши; 3 — шахтовая могила № 1265 с перекрытием боковой ниши; 4 — кессон в ямной могиле № 120; 5 — выкладка с выступающими сырцовыми кирпичами в погребении с цистой № 1315; 6 — выкладка и внутренние перегородки в камерной могиле № 2244 (из архива Маргианской археологической экспедиции)

(simple or ordinary, with bricks protruding outwards (**fig. 1, 5**), with a brick partition); and finally 8 variations of chambers graves subdivided into two main groups without or with brick lining (single chamber, double chamber transversely or longitudinally oriented, triple chamber (**fig. 1, 6**). Interestingly, singular types of structures — burial made in oven (no. 192) and burial made in jar (no. 278) — have been identified, usually related

to funerary practices encountered in the settlement. These structures are most likely indicative of a late occupation of the necropolis during the Namazga (NMG) VI period (1800/1750–1500 BC), supported by late material in other burials, which are spatially distributed in the same areas to the southern and eastern edges of the necropolis. Outside the necropolis, the new variations observed are similar to those found in the other territories of Gonur, confirming the existence of singular funerary structures used to a lesser extent, deviating from the architectural norms represented by the overwhelming use of specific subtypes (*Fribus et al.*, 2023).

Blaizot, 2008 — *Blaizot F.* Réflexions sur la typologie des tombes à inhumation: restitution des dispositifs et interprétations chrono-culturelles // *Archéologie Médiévale*. 2008. Vol. 38. P. 11–40.

Dubova, 2008 — *Дубова Н. А.* Ритуальное захоронение животных на Гонур Деде // *ТМАЭ*. 2008. Т. 2. С. 50–60.

Fribus et al., 2021 — *Фрибус А. В., Грушин С. П., Дубова Н. А.* Нетипичные погребальные конструкции из раскопок Гонур-деде (Туркменистан) в 2018–2019 гг. // *Культуры Азиатской части Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности проф. Ноны Армаи-совны Аванесовой* / Отв. ред. Н. А. Аванесова. Самарканд: Самаркандский государственный университет, 2021. С. 158–163.

Fribus et al., 2023 — *Фрибус А. В., Дубова Н. А., Ю К., Куфтерин В. В., Сычева О. В.* Редкие типы погребальных конструкций Гонур-деде: исключение из правил или развитие традиции? // *Современные решения актуальных проблем евразийской археологии* / Отв. ред. А. А. Тишкин. Вып. 3. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2023. С. 139–144.

Orazov, 2016 — *Оразов А. Т.* Эпоха бронзы в Маргиане: строительные материалы и конструкции // *ТМАЭ*. 2016. Т. 6. С. 224–231.

Salvatori, 1993 — *Salvatori S.* The Discovery of the Graveyard of Gonur-depe 1 (Murghab delta, Turkmenistan): 1992 Campaign Preliminary Report // *RdA*. 1993. Vol. XVII. P. 5–16.

Sarianidi, 2001 — *Сарианиди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001. 246 с.

Sarianidi, 2007 — *Sarianidi V. I.* Necropolis of Gonur Depe. Athens: Kapon Editions, 2007. 340 p.

Sarianidi, 2008 — *Sarianidi V. I.* Margush. Secret and Truth of the Great Culture. Ashgabat: Turkmendöwlethabarlary, 2008. 342 p.

Sarianidi, Dubova, 2014 — *Sarianidi V. I., Dubova N. A.* Types of Graves at Gonur Depe Bronze Age Site in Turkmenistan // *Proceedings of the 9th International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 615–626.

Valentin et al., 2014 — *Valentin F., Rivoal I., Thevenet C., Sellier P.* La chaîne opératoire funéraire. *Ethnologie et archéologie de la mort*. Paris: Editions de Boccard, 2014. 47 p.

Погребальная архитектура главного некрополя Гонур-деде: новые перспективы

К. Ю⁴, Н. А. Дубова⁵

Аннотация. Развитие методов погребальной археологии с 1990-х гг. дало инструментарий для переоценки находок 2831 погребения и сопутствующих сооружений, раскопанных Маргианской археологической экспедицией в главном некрополе Гонур-деде (2350–1500 гг. до н. э.), и позволило по-новому взглянуть на погребальную архитектуру. Хотя предыдущие исследования заложили основы типологии погребальных сооружений, повторная оценка материала в соответствии с принципом операционной цепочки подчеркивает разнообразие технических решений и материалов в зависимости от использования могилы. Широкое разнообразие форм этих сооружений уникально для погребальной архитектуры БМАК (Цивилизации Окса).

Ключевые слова: БМАК, бронзовый век, погребения, погребальные сооружения, Гонур-деде, Туркменистан

⁴ Камилла Ю — Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Институт искусств и археологии, Париж, Французская Республика; e-mail: camille.hut@gmail.com; ORCID: 0009-0007-0995-7158.

⁵ Надежда Анатольевна Дубова — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

Ранние храмы Центральной Азии: сакрализация древних культов

Е. А. Гордеева¹

Аннотация. В Центральной Азии в эпоху бронзы начинают возводить храмы протозороастрийского типа (Тоголок 21, Джаркутан). В них поклонялись огню, воде (Джаркутан) и хаоме (Тоголок 21). Ритуал возлияния хаомы соотносится с культом Митры, который, по предположению автора, проникает в Бактрию из Маргианы, так как в этот период в Маргиане преобладали ритуалы, связанные с культом хаомы, а в Бактрии — с культом огня.

Ключевые слова: ранние храмы, Центральная Азия, эпоха бронзы, культ хаомы, Митра, Авеста, культ огня и солнца

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-119-121

Археологические памятники позволяют судить о религиозных культах Маргианы, одной из древнейших исторических областей Центральной Азии. Исследованное городище Тоголок 21 является центральным протозороастрийским храмом Маргианы, в котором поклонялись огню и хаоме (Сариниди, 2010. С. 97); в это время культ огня в Маргиане играл второстепенную роль. Однако А.-П. Франкфор имеет иную точку зрения относительно назначения этого храма: он отрицает, что Тоголок 21 был «кафедральным святилищем», посвященным возлиянию сока хаомы и культу огня, и утверждает, что россыпь семян эфедры, найденных в помещениях Тоголок 21, попала в них случайно, будучи занесенной в здание ветром, так как в пустынях Центральной Азии плодов этого кустарника предостаточно (Франкфор, 2014. С. 120). Данная гипотеза допустима, однако такие археологические артефакты как каменные терки, пестики, зернотерки, цедилки, использующиеся для приготовления галлюциногенных напитков (Абдуллаев, 2009. С. 26), указывают на существование культа хаомы в Маргиане.

Еще одним уникальным культовым комплексом юга среднеазиатского Междуречья является храм Джаркутан (XV–XIV вв. до н. э.) в Северной Бактрии (Аскарлов, Ширинов, 1993. С. 115), который посвящен культу огня и воды (Аскарлов, Ширинов, 1991. С. 54). Это сооружение представляет собой прямоугольник, обнесенный обводной стеной. Планировка здания позволяет отметить его некоторое сходство с храмами древнего Шумера (Аскарлов, Ширинов, 1993. С. 155). Эта постройка находится в восточной части Джаркутана. Она являлась центром управления рассматриваемого города-государства (Шайдуллаев, 2009. Б. 23). Здесь выявлены алтари квадратной и круглой форм. У многих народов мира круг имел сакральное значение и рассматривался как символ солнца. Алтарь, по представлениям индоевропейских народов, отраженным в Ригведе и Авесте, есть огненная космология в виде солярного культа. По канонам зороастризма, символом Верховного бога Ахура Мазды является огонь, а его обиталищем — само солнце (Ширинов, 1990. С. 71–75). Форма квадрата в монументальных сооружениях отождествляется с четырьмя сторонами света. Квадрат символизировал основные элементы мира: «огонь — вода — земля — воздух», благодаря которым, достигается идеально устойчивая структура, целостность, интегрируются основные параметры космоса (Там же. С. 74–75). Храмы Бактрии и Маргианы возглавляла иерархия жрецов, которые в некоторых случаях обладали и светской властью.

Храмы Тоголока 21 и Джаркутана обнаруживают полное сходство благодаря культу хаомы. Это позволяет предположить, что в Северной Бактрии имела традиция, восходящая к культу Митры и основанная на проведении ритуалов возлияния хаомы (Сулейманов, 2000. С. 235; Шайдуллаев, 2018. С. 31). В Ригведе Митре посвящены два гимна. Митра является хранителем строгого Порядка во всех

¹ Елена Анатольевна Гордеева — Национальный центр археологии АН Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан; e-mail: helena-gordeeva@inbox.ru; ORCID: 0009-0008-5093-254X.

его проявлениях, он владеет «правом» и «законом». Все, кого примирил Митра, согласно договору, должны были принести ему в жертву белое животное. Жертвоприношение — это своего рода обращение к богу, показывающее, что принадлежит последнему, затем он создает для человека «гармонию» (*Дюмезиль*, 1986. С. 43–56). Митра также был «связан с подземным царством, где выступал судьей душ умерших» (*Филанович*, 2011. С. 12–20). В классическом митраизме Митра отображает солярное начало и связан с золотом. Несмотря на появление зороастризма, Митра считался божеством языческой архаики (в этой ипостаси он был воплощен на Тилля-тепе и в кургане Иссык). Для архаического митраизма, наполненного элементами шаманизма (*Лелеков*, 1987. С. 26–27), характерна культовая обрядность, включавшая такие элементы, как ритуальные пляски, символическое переодевание, употребление опьяняющих напитков, что подтверждается ритуально-магическими сценами петроглифов. В Авесте Митра назван богом не солнца, а «света рассвета» (*Авеста*, 1990. С. 54–94), при этом он тесно связан с солнцем, так как вместе с ним путешествует по небосклону. В Ригведе Митра также связан с солнцем (*Ригведа*, 1995. С. 70). Культ Митры был внедрен в религию Северо-Западной Индии, где центральноазиатский (бактрийский, сакский, парфянский) культ солнца Митры смешивается с индийскими солнечными культами (*Литвинский*, 1972. С. 154). Для культа Митры была характерна идея кровавого жертвоприношения быка, который, по поверью, должен был «обеспечить массовое плодородие животного и растительного мира» (*Сулейманов*, 2000. С. 233). Митра выступает в единении первоначально с быком, а затем с оленем. Последний в древних представлениях индоевропейцев связан с солярным божеством (*Вайнберг*, 2004. С. 216). Из всего сказанного можно предположить, что культ Митры проник на территорию Бактрии из Маргианы, так как жители Сапаллитепа, расположенного в Северной Бактрии, были выходцами из Маргианы (*Аскарров*, 2018. С. 146). В пользу этой точки зрения свидетельствует и монументальная архитектура построенного в честь солнечного божества (возможно, Митры) храма Джаркутан в Северной Бактрии (*Шайдуллаев*, 2018. С. 31), архитектура которого аналогична архитектуре храма Тоголок 21 в Маргиане (*Сарианиди*, 1990. С. 152). Необходимо отметить, что ритуалы, связанные с возлиянием хаомы, преобладали в Маргиане, а в Бактрии большее внимание уделялось обрядам с огнем (*Сулейманов*, 2000. С. 229–230).

В Джаркутане отмечена сакрализация животных. Например, образ птицы считался символом божества неба, солнца, грома, ветра, плодородия, души. Согласно хеттской мифологии, космос состоит из неба, земли, надземного мира, с которым ассоциируются орел, пчела, змея (*Ардзинба*, 1977. С. 126). В иранской традиции птицы отождествляются с высшей мудростью — огнем и солнцем. Гусь, часто упоминаемый в Ригведе, является символом солнца (*Иванов, Топоров*, 1980). В Ригведе рассказывается миф о спасении напитка «бессмертия» «быстролетной птицей» (*Бонгард-Левин, Грантовский*, 1983. С. 122–129). Согласно мнению исследователей, «образ птицы из храма Джаркутана, видимо, связан с производством и питьем культовых напитков типа хаомы, который позднее стал каноническим атрибутом зороастрийского вероучения» (*Аскарров, Ширинов*, 1991. С. 38). В древнехеттском обществе питье из ритуальных сосудов жидкостей, «символизирующих кровь», приравнивали к ритуалу жертвоприношения соответствующего животного (*Антонова*, 1986. С. 49). Появление в Северной Бактрии такого храма, как Джаркутан, свидетельствует о сложении нового мировоззрения на юге среднеазиатского Междуречья, резко отличающегося от первобытных религиозных верований (*Ширинов*, 1993. С. 42).

Вероятно, в этот период складывается культ Митры — предположительно в Маргиане — и распространяется в Бактрию, а также продолжается сакрализация астральных культов и в храмовых традициях.

Абдуллаев, 2009 — *Абдуллаев К.* Культ хаомы в древней Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2009. 120 с.

Авеста, 1990 — *Авеста.* Избранные гимны / Пер. с авест. и комм. И. М. Стеблин-Каменского; предисл.

В. А. Лившица. Душанбе: Идиб, 1990. 176 с.

Антонова, 1986 — *Антонова Е. В.* К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев // *Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока* / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: ГРВЛ, 1986. С. 35–65.

Ардзинба, 1977 — *Ардзинба В. Г.* Заметки к текстам хеттских ритуалов // *ВДИ.* 1977. № 3. С. 118–132.

- Аскарлов, 2018 — Аскарлов А. История происхождения узбекского народа. Ташкент: Узбекистан, 2018. 664 с.
- Аскарлов, Ширинов, 1991 — Аскарлов А. А., Ширинов Т. О некоторых группах культовой керамики Джаркутана // ИМКУ. 1991. Вып. 25. С. 33–56.
- Аскарлов, Ширинов, 1993 — Аскарлов А. А., Ширинов Т. Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд: Фан, 1993. 245 с.
- Бонгард-Левин, Грантовский, 1983 — Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Мысль, 1983. 208 с.
- Вайнберг, 2004 — Вайнберг Б. И. Реконструкция верований древних хорезмийцев по археологическим материалам // Вайнберг Б. И., Болелов С. Б., Лившиц В. А. и др. Калалы-гыр 2: Культовый центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: ИФВЛ, 2004. С. 213–236.
- Дюмезиль, 1986 — Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М.: ГРВЛ, 1986. 234 с.
- Иванов, Топоров, 1980 — Иванов В. В., Топоров В. Н. Птицы // Мифы народов мира / Под ред. С. А. Токарева. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 346–349.
- Лелеков, 1987 — Лелеков Л. А. О символизме погребальных облачений («золотые люди» скифо-сакского мира) // Скифо-сибирский мир (Искусство и идеология) / Отв. ред. А. И. Мартынов, В. И. Молодин. Новосибирск: Наука. СО, 1987. С. 25–31.
- Литвинский, 1972 — Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: ГРВЛ, 1972. 272 с.
- Ригведа, 1995 — Ригведа. Мандалы V–VIII / Отв. ред. П. А. Гринцер; пер., ст. и комм. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1995. 743 с.
- Сарианиди, 1990 — Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ёлым, 1990. 316 с.
- Сарианиди, 2010 — Сарианиди В. И. Задолго до Заратуштры (археологические доказательства прото-зороастризма в Бактрии и Маргиане). М.: Старый сад, 2010. 200 с.
- Сулейманов, 2000 — Сулейманов Р. Х. Древний Нахшаб (проблемы цивилизации Узбекистана, VII в. до н. э. — VII в. н. э.). Самарканд; Ташкент: Фан, 2000. 343 с.
- Филанович, 2011 — Филанович М. И. Древние культы и религии среднеазиатского Междуречья // Ўзбекистон ҳалқнинг дини, маданияти ва урф-одатлари: тарих ва ҳозирги ҳолат. Ташкент: Тошкент ислом университети, 2011. С. 12–20.
- Франкфор, 2014 — Франкфор А.-П. Цивилизации Окса и проблема индоариев в Центральной Азии // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых / Науч. ред. А.-П. Франкфор; пер. М. И. Филанович. Т. I. Самарканд: МИЦАИ, 2014. С. 85–161.
- Шайдуллаев, 2018 — Шайдуллаев А. Ш. Глиптика и сфрагистика культуры Сапалли. Автореф. дис. ... докт. философии (PhD) по ист. наукам. Ташкент: б. и., 2018. 42 с.
- Шайдуллаев, 2009 — Шайдуллаев Ш. Б. Ўзбекистон худудида давлатчиликнинг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари (Бактрия мисолида). Тарих фанлар докт. дисс. автореф. Самарканд: ЎзФА Археология институти, 2009. 23 б. (на узб. яз.).
- Ширинов, 1990 — Ширинов Т. Алтари огня из храма Джаркутана — памятника эпохи развитой бронзы юга Узбекистана // ИМКУ. 1990. Вып. 23. С. 69–79.
- Ширинов, 1993 — Ширинов Т. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии (по материалам городища Джаркутан). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1993. 49 с.

Early temples of Central Asia: sacralization of ancient cults

Elena A. Gordeeva²

Annotation. *In Central Asia, during the Bronze Age, temples of the proto-Zoroastrian type began to shape (Togolok 21, Djarkutan). They were erected to worship the cults of fire and water (Djarkutan), haoma (Togolok 21). In the author's opinion, the ritual of haoma libation correlated with the cult of Mithra, which penetrated into Bactria from Margiana, since during this period rituals connected with the cult of haoma prevailed in Margiana, and in Bactria with the cult of fire.*

Keywords: *early temples, Central Asia, Bronze Age, cult of haoma, Mithra, Avesta, cult of fire and sun*

² Elena A. Gordeeva — National Center of Archaeology of ASU, Tashkent, Republic of Uzbekistan; e-mail: helena-gordeeva@inbox.ru; ORCID: 0009-0008-5093-254X.

The Protohistoric period in Central Asia and the importance of research at Ulug-Depe (Turkmenistan)

Julio Bendezu-Sarmiento¹

Annotation. *The Franco-Turkmen Archaeological Mission (MAFTUR) has been working on Ulug-Depe, 170 km east of Ashgabat, since 2001. Ulug-Depe covers an area of about 17 ha and has more than 30 m high. It is the site with the deepest stratigraphy Central Asia: from the Late Chalcolithic to the Parthian time. The author summarizes the preliminary results of the archaeological investigation of the site and traces the dynamics of its development in the historical periods named above.*

Keywords: *Central Asia, Bronze Age, Ulug-Depe*

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-122-125

From the earliest times, southern Turkmenistan has played a key role in the development of sedentary cultures. Here, we can distinguish two main cultural complexes. Firstly, the Bactriana-Margiana Archaeological Complex (BMAC) or Oxus Civilization, which extended over the Margiana, the delta region of the Murghab river in Turkmenistan, and over ancient Bactria (mainly between the north of present-day Afghanistan and the south of Uzbekistan). This complex, dated to around 2200–1700 BC, represents the apogee of an urban culture distributed in «oases» around a key site, Gonur Depe.

The second Turkmen ensemble concerns Namazga Culture, which occupies the central and eastern foothills of the Kopet Dagh plain and where it is possible to trace an uninterrupted cultural dynamic from at least the Neolithic period (6th millennium) right up to the historical period.

During the Bronze Age (late 3rd — mid 2nd millennium BC), these two closely-linked complexes were characterised by the presence of large settlements in which specialised crafts (ceramic production, metallurgy, stonework, etc.) reached a high technological level. The presence of public monuments (palaces, the high terraces used for worship at Ulug-Depe and Altyn Depe), major collective works (irrigation) and evidence of long-distance trade relations complete the picture of these proto-urban societies.

This brilliant period was followed, around 1700–1500 BC, by what is known as the “urbanisation crisis”, which at the beginning of the 2nd millennium BC saw considerable changes in the economy, settlement patterns, architecture and material culture of these regions. Exogenous elements appear in the cultural assemblages of the Final Bronze Age. The arrival of the Iron Age in this region of Central Asia is then discernible with the Yaz I culture (around 1500 BC) in Margiane and the Kopet Dagh foothills, but also throughout southern Central Asia. This period reflects an ideological upheaval, which is reflected in the almost total disappearance of burials (Sine Sepulchro culture). They were rapidly replaced by the practice of disinterring bodies in the open air, in secondary burials. Several individuals bearing witness to these practices have been discovered in the Early and Middle Iron Age (Yaz I–II) layers at Ulug-Depe. A connection is sometimes established between these new practices and the emergence of beliefs and prescriptions linked to the spread of Mazdeism, supposedly influenced by the precepts of Zoroaster.

It is in the context of these intercultural and interregional relations that the Franco-Turkmen Archaeological Mission (Mission archéologique franco-turkmène — MAFTUR) has been working since 2001 on the site of Ulug-Depe located in the south-west of the country, 170 km east of the capital Ashgabat.

¹ Julio Bendezu-Sarmiento — Centre national de la recherche scientifique (CNRS): UMR 7206 Eco-Anthropologie MNHN/Musée de l’Homme, Paris, the French Republic; e-mail: julio.bendezu-sarmiento@mnhn.fr; ORCID: 0000-0002-0831-3955.

The work on this site is part of a dynamic of research into regional cultural characterisation, the issues of which were defined by Turkmen and Soviet archaeologists on the basis of the neighbouring sites of Jeitun, Ilghynli-Depe, Namazga-Depe and Altyn-Depe, from the Neolithic to the Final Bronze Age. In the current scientific context, Ulug-Depe is a major site in Central Asia, due to its very long stratigraphy (the longest in Central Asia), its surface area of around 17 ha and its height of over 30 m. It is also the only site in Central Asia where all the periods mentioned above can be documented.

Excavation of the older levels of the site has enabled us to carry out a complete re-examination and excavation of domestic dwellings from the Chalcolithic (Namazga III) and Early and Middle Bronze Age of the Namazga IV and V types. The oldest level we reached dates from the Late Chalcolithic (4000–3500 BC). The architecture is characterised by a number of successive construction phases, as well as by the cramped nature of the rooms uncovered, combined with features (toadstools, fireplaces, jars, burials) and floors covered with high-quality ceramics painted with geometric motifs, typical of this period.

Strangely enough, the Early Bronze Age (Namazga IV) is much less well known in southern Central Asia than the Chalcolithic, mainly because, on large sites, its remains are covered by those of later periods. However, wherever they are attested, they represent the most powerful layers, as at Ulug-Depe, where they are over 7.5 m thick. The ceramics are characterised by their finesse, the precision of their geometric decoration and the richness of their colours, continuing the tradition of the preceding Chalcolithic period.

The Middle Bronze Age (Namazga V) was the proto-urban phase of the Oxus Civilisation, a proto-state society comparable to those of the Mesopotamian and Elamite worlds, but without the use of writing. At Ulug-Depe, this period was observed mainly in the northern part of the site. Excavation of a residential area on the north-western edge of the site showed that the houses had been built on the plumb line of the walls — some of which had been ruined — from the previous period. In fact, this district was limited to the north by the town's perimeter wall and could not be extended in any way, as the narrow streets and modest dwellings retained the previous north-east/south-west axis. This superposition, with no change in plan or orientation, is one of the key features of Ulug depé during the Namazga IV and V phases of the Bronze Age. In addition, a poorly preserved massive structure was discovered on the north-eastern slope of the site. This was a horizontal terrace built of compact adobe blocks, 10 m long, 9 m wide and at least 4 m high. These high terraces, interpreted as «cultic», are still dated to the 3rd millennium and associated with rich burials. The site at Ulug-Depe does not seem to have been exempt from this rule, since on the northern part of the terrace an extremely disturbed burial site was discovered, caused not only by water running down the slope but also by one or more ancient plunderers. Inside, the very poorly preserved remains of two adults were discovered. One female was wearing a belt of small white limestone beads. In the looted pit, a connected hand belonging to the second individual was associated with limestone beads that probably formed a bracelet. Other gold, lapis lazuli, carnelian and agate beads were scattered around. There were also 15 ceramic vases, one of them painted and probably from Baluchistan, and 8 alabaster vases, exceptional objects of great prestige. Some of the material in this tomb was imported from the Iranian plateau and the Indus. It was at the height of the Oxus civilisation that trade with neighbouring regions (the Indian subcontinent, the entire Iranian plateau, Mesopotamia and the Gulf regions) reached its greatest amplitude. The high terrace, but above all the tomb of Ulug-Depe, helps to shed light on these international exchanges.

The material culture of this period testifies to perfect mastery in ceramic production, which became more standardised and was marked by the disappearance of painted decoration, the processing of alloys of several metals (gold, silver, copper, lead or tin) and the working of soft and semi-precious stones (lapis lazuli, carnelian, steatite, alabaster).

During the Final Bronze Age, around 1700–1500 BC, the BMAC disappeared socio-politically and culturally, for a variety of reasons that are not yet fully understood. It was in this deep current of change that the cultures of the Early Iron Age emerged around 1500 BC. Why and how are still the subject of lively debate among specialists, but what seems certain is that the disappearance of the proto-urban Oxus civilisation can be traced back to a combination of socio-economic, migratory and perhaps climatic phenomena. This period is well documented in the north-eastern part of the depé, where several domestic installations have been excavated, including some very fine examples of modelled and painted ceramics with monochrome geometric decoration.

Fig 1. The citadel of Ulug-Depe (photo: MAFTUR)
Рис. 1. Цитадель Улуг-депе (фото: MAFTUR)

Finally, at the summit of the site, our exploration focused on the excavation of the early Middle Iron Age citadel (pre-Achaemenid period, Yaz II, c. 1100–1000 to 600 BC), about which very little is known in this region of Central Asia. This fortified settlement, like the lower town that it dominates to the east, has not been occupied since the Middle Iron Age. The cultural characteristics of the pre-Achaemenid period and the political organisation of the indigenous rulers in this region and beyond therefore need to be precisely defined. Thanks to a geophysical survey of around 10 ha of the site, it has been possible to reconstruct the buried structures, including several monumental and domestic buildings, as well as sections of the surrounding wall and a road network associated with the ancient gates. All of these structures, dating from the Middle Iron Age (Yaz II), have since been excavated, revealing very poorly-preserved monuments that were often later reoccupied by a Helleno-Parthian population, as evidenced by the ceramic material discovered during our work.

The citadel (**fig. 1**), built in part on a powerful platform, is a building measuring 40 m on each side with a facade decorated with redans and defensive arches. Inside, several corridors, the outermost of which was paved with pebbles, linked the rooms on the lower level. These were oblong storage areas with benches on which medium-sized ceramic containers had been placed. Other, larger storage jars had been buried in the centre of these rooms.

A staircase faced the main access door to the south-west of the citadel and led directly to a second level, of which only traces of the walls, which had fallen after a very destructive fire, and of the solid wood roof were uncovered during our work.

During our field excavation campaign in autumn 2019, two large buildings, one of which has the same architecture and dimensions as the citadel, were discovered to the north-east of the site. These discoveries support our idea of the regional political and economic importance that Ulug-Depe may have played, as evidenced by its size and geographical position.

Протоисторический период в Центральной Азии и значение исследований на Улуг-депе

Х. Бендесу-Сармьенто²

Аннотация. Франко-туркменская археологическая миссия (MAFTUR) с 2001 г. ведет работы на Улуг-депе в 170 км к востоку от Ашхабада. Улуг-депе занимает площадь около 17 га и представляет собой искусственный холм более 30 м высотой. Это памятник с самой протяженной в Центральной Азии стратиграфической колонкой: от позднего энеолита до парфянского времени. Автор суммирует предварительные итоги археологического изучения памятника и прослеживает динамику его развития в указанный исторический промежуток.

Ключевые слова: Центральная Азия, бронзовый век, Улуг-депе

² Хулио Бендесу-Сармьенто — Национальный центр научных исследований (НЦНИ), Музей человека, Париж, Французская Республика; e-mail: julio.bendezu-sarmiento@mnhn.fr; ORCID: 0000-0002-0831-3955.

Вопросы типологии петроглифов эпохи ранней бронзы Семиречья¹

А. А. Горячев², Т. А. Егорова³

Аннотация. Исследования петроглифов Семиречья на современном уровне позволяют выделить типологические признаки рисунков раннего бронзового века. Анализируя их по степени патинизации, стилистическим и иконографическим особенностям, а также по реалиям сюжетов, удалось установить признаки художественных традиций этого этапа в регионе. Отмечена манера исполнения большинства данных изображений в геометрическом стиле с характерными региональными вариантами, присущими Чулийским горам и западным отрогам Джунгарского Алатау.

Ключевые слова: Семиречье, петроглифы, хронология, иконография, типология, ранняя бронза

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-126-129

Длительное время петроглифам как археологическому источнику на территории Семиречья не уделялось должного внимания. Систематическое изучение наскальных изображений южноказахстанского ареала началось после открытия в 1957 году А. Г. Максимовой рисунков в урочище Тамгалы (Максимова, 1958). В ходе археологических исследований в 1970–1990 гг. выяснилось, что на многослойных композициях (палимпсесты) известных памятников наскального искусства Семиречья самые древние изображения относятся к эпохе бронзы. Данные рисунки технико-стилистически отличаются друг от друга, что позволило говорить о существовании своеобразных художественных (тамгалинская и ешкиольмеская) традиций, которые, имея иконографические особенности, относятся к разным хронологическим периодам средней и поздней бронзы (Марьяшев, Горячев, 2002. С. 35–36; Рогожинский, 2011. С. 181–196). Определение хронологии и типологии наскальных рисунков Семиречья по степени патинизации, стилистическим особенностям образов и сюжетов рассматривались А. Н. Марьяшевым (Кадырбаев, Марьяшев, 1977. С. 153; Марьяшев, Горячев, 2002. С. 25–36). Эти вопросы разрабатывались также З. С. Самашевым посредством новых технологий, свойственных естественно-научным дисциплинам (Самашев, 2012. С. 46–66).

Основным методом датировки и типологии наскальных рисунков стало определение стилистических особенностей, служащих «основными индикаторами этнокультурных и хронологических привязок» (Окладников, Мартынов, 1972. С. 176, 185; Шер, 1980. С. 11). Для этого использовался метод анализа иконографии образов во взаимосвязанности планов стилистического выражения и семантического содержания (Шер, 1980. С. 42; Ковтун, 2005. С. 143). На современном этапе ставится вопрос о соотношении «искусствоведческого» и «археологического» подходов к интерпретации изобразительного искусства (Франкфор, Якобсон, 2004; Черемисин, 2006; Советова, 2007).

После открытия петроглифов в урочище Аккайнар (Анрахай) и в горах Кулжабасы появились исследования, в которых были выделены рисунки раннебронзового («архаического») этапа (Сала, 2004. С. 68–69; Марьяшев, Железняков, 2013. С. 18–19). Новые петроглифические комплексы в западных отрогах Джунгарского Алатау, исследуемые в настоящее время, позволили выработать

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта от Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан № BR20280993 «Казахстан в древности и средневековье: систематизация и анализ археологических источников».

² Александр Анатольевич Горячев — Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Республика Казахстан; e-mail: aga.2805@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6952-5567.

³ Татьяна Александровна Егорова — Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Республика Казахстан; e-mail: ega.0108@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8914-0936.

критерии типологии наскальных изображений эпохи ранней бронзы (Горячев и др., 2023. С. 59–64). Основным направлением при их атрибуции стал комплексный метод, включающий в себя анализ степени патинизации, стилистических особенностей, иконографии, содержания сюжетов и реалий: различных предметов, включая детали одежды и оружие, а также видовые характеристики животных.

К изображениям периода раннего бронзового века в Семиречье отнесены сюжеты и образы, выполненные в геометрическом стиле (битреугольный и прямоугольный). Группы таких рисунков имеются в каждом крупном скоплении петроглифов региона. Битреугольные фигуры в основном высекали, изображая козлов и лошадей (рис. 1, 1–6). Животные с прямоугольным корпусом в этот период широко представлены в видовом отношении, но превалирует образ быка (рис. 1, 7–12). Такие фигуры преимущественно представлены с очень короткими ногами. Среди них встречаются миниатюрные рисунки, что является особенностью петроглифов эпохи бронзы в районе Джунгарского Алатау (Марьяшев, Горячев, 2002. С. 20). Изображенные на скалах отдельные фигуры животных крупных размеров характеризуются необычайно тонкими и удлинненными конечностями. Основываясь на аналогиях с Переднего Востока и из святилища Саймалы-Таш (Шер, 1980. С. 206–208), данные традиции неолитического происхождения следует датировать в Семиречье ранним бронзовым веком на основании наличия здесь поселений со слоями этого времени и отсутствия более ранних.

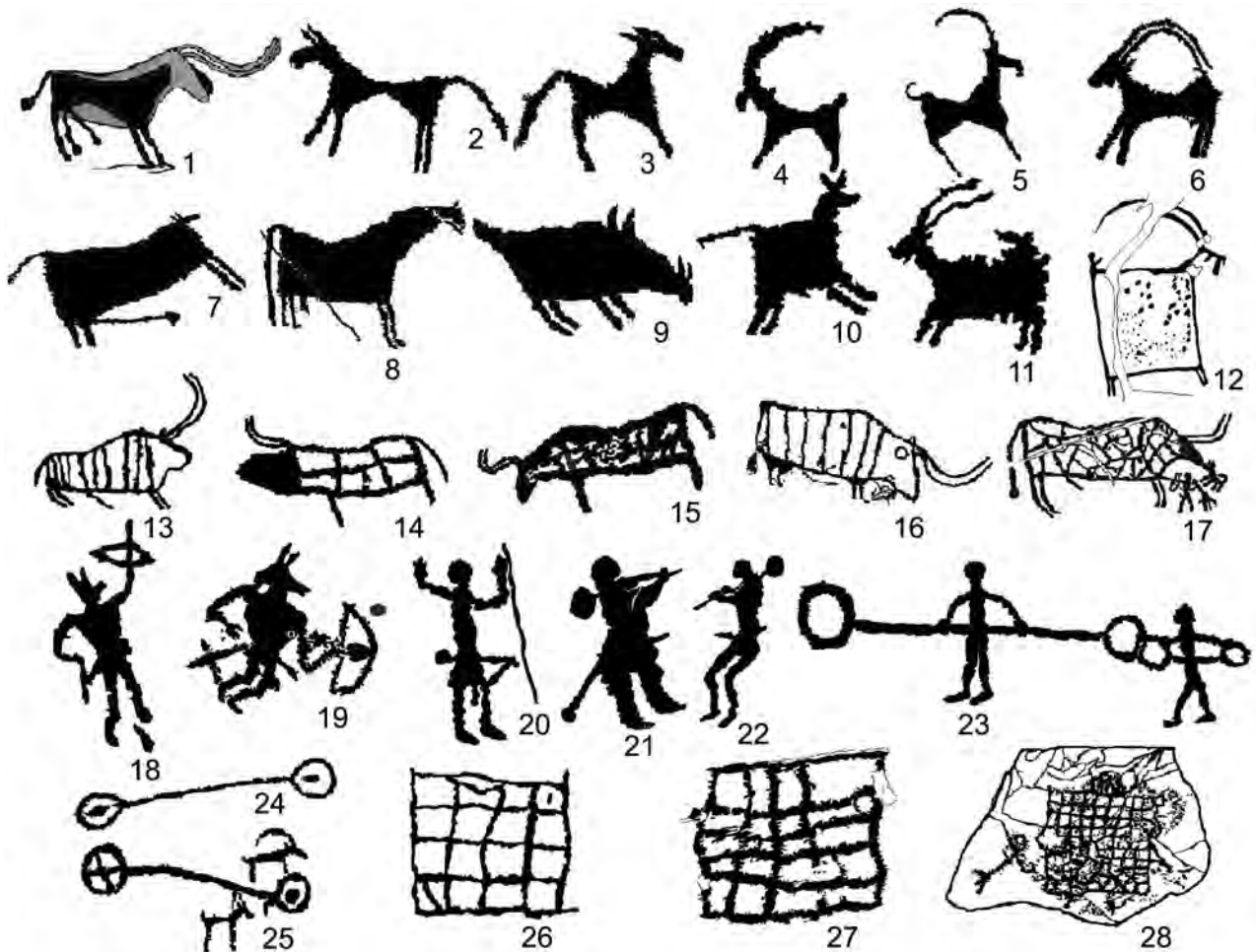

Рис. 1. Петроглифы раннего бронзового века в Семиречье: 1, 17, 21, 22 — Тамгалы; 2, 3, 5, 6, 10, 11, 20, 28 — Архарлы; 4 — Киндыктас; 7, 12 — Ешкиольмес; 8 — Баян-Журек; 9, 23 — Ордакуль; 13–16, 18, 19, 27 — Кулжабасы (по: Марьяшев, Железняков, 2013. С. 136–138, 142, 148, рис. 2, 3, 6, 9, 24, 48); 24–26 — Сарыбулак

Fig. 1. Petroglyphs of the Early Bronze Age in the territory of Semirechye: 1, 17, 21, 22 — Tamgaly; 2, 3, 5, 6, 10, 11, 20, 28 — Arkharly; 4 — Kindyktas; 7, 12 — Eshkiolmes; 8 — Bayan-Zhurek; 9, 23 — Ordakul; 13–16, 18, 19, 27 — Kulzhabasy (after Марьяшев, Железняков, 2013. С. 136–138, 142, 148, рис. 2, 3, 6, 9, 24, 48); 24–26 — Sarybulak

К «архаическому» этапу в Семиречье относится круг зооморфных персонажей, выполненных в определенной манере. При нанесении на скалы рисунков этого периода использовали разные приемы. Контуры фигуры животного или вся ее поверхность исполнены мелкоточечной выбивкой, но чаще сочетали два приема: выбивали силуэты головы, грудины с надлопаточным горбом, туловища, заполняя их значимыми элементами (рис. 1, 13–17). К примеру, изображения быков с массивным корпусом (иногда рисунки достигали размера 1–3 м), выполненные, как правило, контурно, иногда орнаментированы внутри зигзагообразными линиями, сеткой, пятнами. У таких фигур гипертрофированные рога вытянуты вперед или закручены вверх, часто с утолщениями на концах. Морда имеет скругленную форму, ноги и шея показаны укороченными, хвост — свисающим с утолщением на конце. Данные элементы могут быть присущи изображениям и других видов животных: лошадям, буйволам, турам, козлам и т. д.

Сюжеты с подобными фигурами животных иногда дополнены антропоморфными персонажами в «волчьих» масках или с поднятыми вверх руками — «адоранты», у воинов на поясе или в руках показано оружие: палица, простой лук со стрелами (рис. 1, 18–22). Однако ряд этих образов и атрибутов («адоранты», палицы, луки) являются сквозными для всей эпохи и могут быть отнесены к ранней группе только на основании сюжета, где представлены характерные зооморфные образы.

Среди петроглифов раннего бронзового века Семиречья отмечены изображения «очковидных» знаков, которые интерпретируют как солярные символы (рис. 1, 23–25). Самые ранние их варианты представлены двумя концентрическими кругами, соединенными прямой длинной линией, внутри кругов выбиты знаковые символы — пятна, кресты. В комплексе Ордакуль такие знаки показаны в руках антропоморфов. К числу раннебронзовых изображений относятся знаки «решетки» (рис. 1, 26–28), аналоги которым известны в ранних петроглифах Центральной и Средней Азии (Савинов, 2011).

В наскальных рисунках раннебронзового века прослеживаются черты древнейшего искусства с изображениями в геометрическом стиле, но в Семиречье они отличаются иконографическими признаками, присущими в основном данному этапу. Эти традиции имеют региональные варианты, в Чуилийских горах они представлены в петроглифах Кулжабасы и Аккайнар, в Джунгарском Алатау — в комплексах Архарлы, Ордакуль и Ешкиольмес.

- Горячев и др., 2023 — Горячев А. А., Казизов Е. С., Егорова Т. А., Гумирова О. Н. Петроглифы гор Архарлы. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2023 (Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. XV). 392 с.
- Кадырбаев, Марьяшев, 1977 — Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1977. 232 с.
- Ковтун, 2005 — Ковтун И. В. Инвариантный анализ изобразительных стилей // АЭАЕ. 2005. № 1. С. 139–149.
- Макимова, 1958 — Максимова А. Г. Наскальные изображения урочища Тамгалы // ВАН АН КазССР. 1958. № 9. С. 108–110.
- Марьяшев, Горячев, 2002 — Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Наскальные изображения Семиречья. Изд. 2-е. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. 264 с.
- Марьяшев, Железняков, 2013 — Марьяшев А. Н., Железняков Б. А. Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. 150 с.
- Окладников, Мартынов, 1972 — Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища Томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 255 с.
- Рогожинский, 2011 — Рогожинский А. Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы: Signet Print, 2011. 346 с.
- Савинов, 2011 — Савинов Д. Г. «Женщина-Дом» (Интерпретация одного из петроглифических сюжетов Калбак-Таша, Горный Алтай) // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург ; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 80–89.
- Сала, 2004 — Сала Р. Памятники Казахстана: Кулжабасы // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация / Отв. ред. А. Е. Рогожинский. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2004. С. 60–74.

- Самашев, 2012 — Самашев З. Наскальные изображения Жетысу. Баянжурек. Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астана, 2012. 240 с.
- Советова, 2007 — Советова О. С. К вопросу об «искусствоведческом» и «археологическом» подходах к интерпретации изобразительных памятников // АЭАЕ. 2007. № 3. С. 103–104.
- Франкфор, Якобсон, 2004 — Франкфор А.-П., Якобсон Э. Подходы к изучению петроглифов Северной, Центральной и Средней Азии // АЭАЕ. 2004. № 2. С. 53–78.
- Черемисин, 2006 — Черемисин Д.В. К дискуссии об информативности петроглифов и методах их изучения // АЭАЕ. 2006. № 3. С. 89–100.
- Шер, 1980 — Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 236 с.

The petroglyphs of the Early Bronze Age of the Semirechye: issues of typology

Aleksandr A. Goryachev⁴, Tatiana A. Egorova⁵

Annotation. *Up-to-date studies of petroglyphs from Semirechye allow to single out typological features of Early Bronze Age drawings. Based on their analysis on the degree of patination, stylistic, iconographic peculiarities and depicted realities, the signs of artistic traditions of this stage in the region were singled out. The manner of deawing of the majority of these images in the geometric style with characteristic regional variants inherent in the Chu-Ili Mountains and western branch of the Dzungarian Alatau was noted.*

Keywords: *Semirechye, petroglyphs, chronology, iconography, typology, Early Bronze Age*

⁴ Aleksandr A. Goryachev — A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: aga.2805@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6952-5567.

⁵ Tatiana A. Egorova — A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: ega.0108@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8914-0936.

О погребальных традициях кульсайской культуры эпохи бронзы в Семиречье¹

А. А. Горячев²

Аннотация. Исследования горной зоны Семиречья позволили выделить могильники кульсайской культуры эпохи бронзы, датируемые XIX–XIV/XIII вв. до н. э. По надмогильным сооружениям (каменные ограды), погребальным камерам (деревянные рамы), обрядам захоронения (кремация и ингумация) и вещевому материалу установлено формирование подобной традиции во взаимосвязи с федоровской культурой андроновской культурно-исторической общности (АКИО). Локальные особенности географических условий региона предопределили отличия кульсайских погребальных традиций от других материалов андроновской общности.

Ключевые слова: Семиречье, Северный Тянь-Шань, эпоха бронзы, могильник, кульсайская культура, погребальный обряд

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-130-134

Исследования А. Н. Марьяшева и автора в 1990-х гг. позволили открыть новую группу памятников в горной зоне Семиречья у северных склонов Заилийского и Кунгей Алатау — могильники Кульсай-I, Узынбулак-I, Кызылбулак-I и II (Maryashev, Goryachev, 1998). Погребальные комплексы отличались географической зоной расположения, особенностями устройств каменных оград, характером могильных конструкций и обрядом захоронения. Подобные памятники, открытые в 1960-е и 1980-е гг. в результате полевых изысканий Семиреченской археологической экспедиции, не привлекли тогда внимания специалистов. Исследования могильников эпохи бронзы в горной зоне Заилийского и Кунгей Алатау в 1990-е гг. позволили выделить на этих материалах кульсайскую традицию эпохи бронзы Семиречья, ошибочно датированную XII–IX вв. до н. э. (Марьяшев, Горячев, 1999). Появление упомянутых памятников связывалось с инфильтрацией андроновского населения Южной Сибири и Алтая на территорию Северного и Центрального Тянь-Шаня по аналогии с памятниками, исследованными А. Н. Бернштамом и А. К. Абетековым (Бернштам, 1952. С. 19–22; Абетеков, 1963).

При решении задач по датировке кульсайских памятников данные погребального ритуала и инвентаря позволили установить взаимосвязь рассматриваемой традиции с федоровской культурой андроновской культурно-исторической общности, хотя характер взаимодействия этих двух групп памятников пока остается дискуссионным (Gass, 2016. S. 51–62; Гасс, Горячев, 2016. С. 85–123). Абсолютная хронология кульсайской культуры укладывается в интервал XIX–XIV/XIII вв. до н. э. (Гасс, Горячев, 2016. С. 112–113, табл. 1, 2; Gass, 2016. S. 61).

Могильники кульсайской культуры расположены на территории предгорной и горной зон хребтов Северного Тянь-Шаня (22 памятника). Отдельные захоронения известны в более поздних могильниках, в районе крупных водных источников (р. Или и оз. Алаколь). Тополандшафтной особенностью могильников в горной зоне является их устройство на вершинах невысоких увалов, ровных площадках по берегам рек, либо небольших возвышенностях внутри замкнутых или полукрытых долин (рис. 1, I).

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта от Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан № BR21882346 «Древность и средневековые Алматы: исследование и сохранение археологического наследия».

² Александр Анатольевич Горячев — Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Республика Казахстан; e-mail: aga.2805@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6952-5567.

Надмогильные конструкции в данных некрополях представлены цепочками каменных оград (10–13,5×4,5–6 м) прямоугольной или квадратной форм, конструкциями из одной-двух оград с пристройками по периметру (от 4×3 м до 8×5 м) и округлыми курганами-оградами диаметром около 4–6 м. Последние часто перекрывают или нарушают целостность предыдущих сооружений, что дает возможность считать их более поздними (рис. 1, 1). В некоторых случаях (могильники Кульсай-I и Кызылбулак-II) по углам оград установлены крупные стелообразные камни. Ориентация цепочек

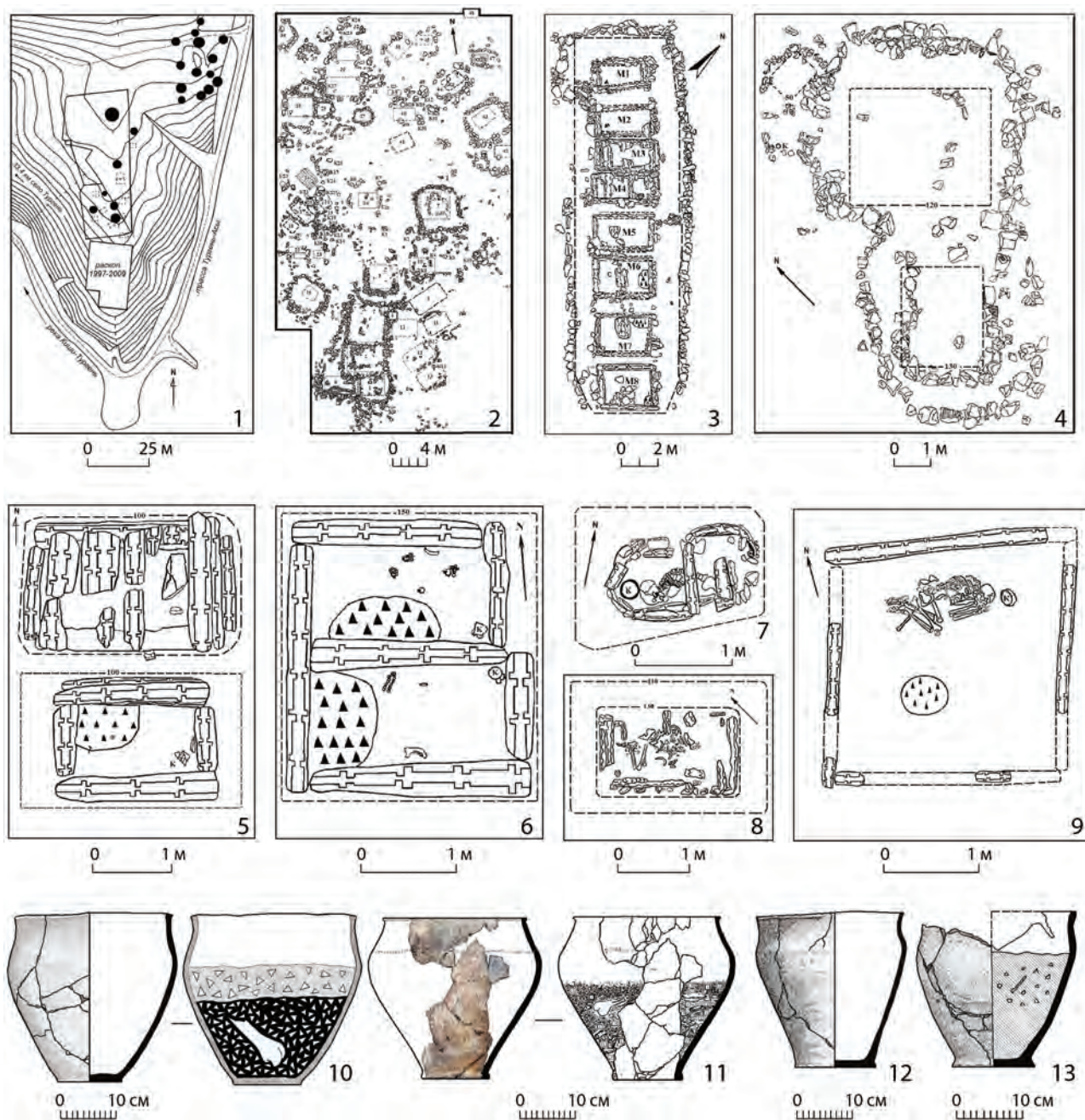

Рис. 1. Материалы погребальных памятников кульсайской культуры на территории Семиречья: 1 — топографический план могильника Кызылбулак-I; 2–4 — планы раскопок погребальных конструкций (2 — Кызылбулак-I; 3 — Узынбулак-I; Кызылбулак-II); 5–9 — погребальные камеры могильников кульсайского типа; 10–13 — керамические урны с кремированными останками

Fig. 1. Materials of funerary sites of the Kul'sai culture in the territory of Semirechye: 1 — topographic plan of the Kyzylbulak-I burial ground; 2–4 — excavation plans of funerary structures (2 — Kyzylbulak-I; 3 — Uzynbulak-I; Kyzylbulak-II); 5–9 — burial chambers of the Kul'sai type burial grounds; 10–13 — ceramic urns with cremated remains

каменных оград и отдельных прямоугольных конструкций различна: С–Ю, СЗ–ЮВ, реже СВ–ЮЗ. Внутри устроены одна-две могильные ямы или одна яма для коллективного захоронения (рис. 1, 3, 4). Цепочки оград с погребениями детей располагались в юго-западной части некрополя Кызылбулак-I (рис. 1, 2). Иногда (Кызылбулак-II) могильные ямы оконтурены прямоугольными оградами, по периметру которых сооружены каменные конструкции овальной формы (Горячев, 2020. С. 118–121).

Погребения в виде грунтовых ям располагались в центре оград в случае одиночных захоронений (от 2×1,2 м до 2,7×2,3 м) или по всему периметру оград в случае парных (до 5,6×4 м) и коллективных (9×7,5 м и 12,5×4 м) погребений. Их глубина варьирует от 0,5 до 0,8 м в детских захоронениях, до 1 м в курганах-оградах и 2,5 м в более ранних конструкциях каменных оград. Среди ориентации могил преобладает направление З–В (36 %) и СВ–ЮЗ (29 %), остальные распределены по оси СЗ–ЮВ (14 %) и С–Ю (19 %). Грунтовые ямы были заполнены забутовкой из щебня, скрепленного глиной и песком. Могилы закрывали слоем толщиной 20–30 см, состоящим из рыхлой почвы с гумусом или из речного песка. Погребальные камеры в виде деревянных рам сложены из четырех бревен, обложенных по периметру камнями-подпорками (рис. 1, 5–9). Бревна из тяньшанской ели плотно подогнаны друг к другу. У бревен, составлявших продольные стенки камер, по краям вырубались пазы, в которые вставлялись поперечины. Сверху рамы перекрывались плахами-горбылями поперек (74 %) или вдоль камеры (15 %). Ориентировка погребальных камер, имеющих размеры от 0,9×0,5 м до 2,5×1,2 м, соответствует ориентировке могильных ям во всех случаях, кроме коллективных захоронений (рис. 1, 3).

В ямах фиксируются одиночные (68,3 % — 60 могил), парные или коллективные (13,6 % — 12 оград) погребения. Выделяются три керамических урны и парное захоронение в грунтовой яме (4,5 %), посуду в которых отличают крупные размеры и способ изготовления. Сосуды высушивали на солнце и для придания им прочности засыпали остывающей золой (рис. 1, 10–13). Ведущим погребальным обрядом являлась кремация. Известно 27 оград (40 могил), в которых зафиксированы останки примерно 50 человек (50 %). Захоронения по обряду ингумации обнаружены в 24 конструкциях (32 могилы), из которых 27 исследованы в верховьях ущелья Тургень (36 %). Отмечено 12 кенотафов (14 %), где найдена только керамическая посуда.

Кремированный прах, положенный в погребальной камере у ее западной или восточной (реже северной) стенки, часто сохранял форму перевернутого сосуда (рис. 1, 5, 6). Бронзовые изделия встречены между останками умерших и посудой в противоположной части могил или среди кальцинированных костей. В храмовом комплексе Тургень-II обнаружена кремационная камера и прослежен маршрут к могильнику (Там же. С. 29–30).

По обряду ингумации умерших хоронили в скорченном виде головой на В (С–В), в двух случаях — на З (Ю–З), отмечены погребения детей головой на С или Ю. Посуда и инвентарь в этих могилах фиксируется в костных останках и в изголовье (рис. 1, 7, 8). Имеются ограды с обоими вариантами погребальных традиций (рис. 1, 9). К поминальным действиям относится устройство жертвенников к северу или западу от оград в виде округлых каменных кладок диаметром до 1 м с керамической посудой внутри. В верхней части заполнения грунтовых ям или на стенках могил фиксируются сосуды, фрагменты керамики и костей мелкого или крупного рогатого скота.

Вещевой материал из погребений составляют керамика, бронзовые, каменные и костяные изделия. Керамика представлена неорнаментированной посудой горшковидной и баночной форм с плавно профилированным туловом или уступчиком по плечу (рис. 2, 1–8). Только на сосудах из жертвенников отмечены горшки, орнаментированные по всей поверхности изделия геометрическим штампом, а также украшенные формованным валиком, насечками и резным узором по шейке (рис. 2, 9–16). Каменные и костяные предметы представляют собой амулеты, асыки (игральные кости) и украшения из речных раковин (рис. 2, 35–38).

Основной набор бронзовых изделий представлен инструментами, деталями костюма и украшениями: иглы, проколки, серьги с раструбом и браслеты со спиралевидными окончаниями, нашивные бляшки, подвески, обоймы, нитки бронзовых и пастовых бус (рис. 2, 17–34). Культурно-типологическая составляющая вещевого и керамического комплекса погребальных памятников в большей степени соотносится с федоровскими традициями. Алакульский компонент присутствует только среди отдельных видов украшений или способов формовки сосудов, составляющих меньшинство среди материалов (Зданович, 1988. С. 169–170; Аванесова, 1991. С. 49–58).

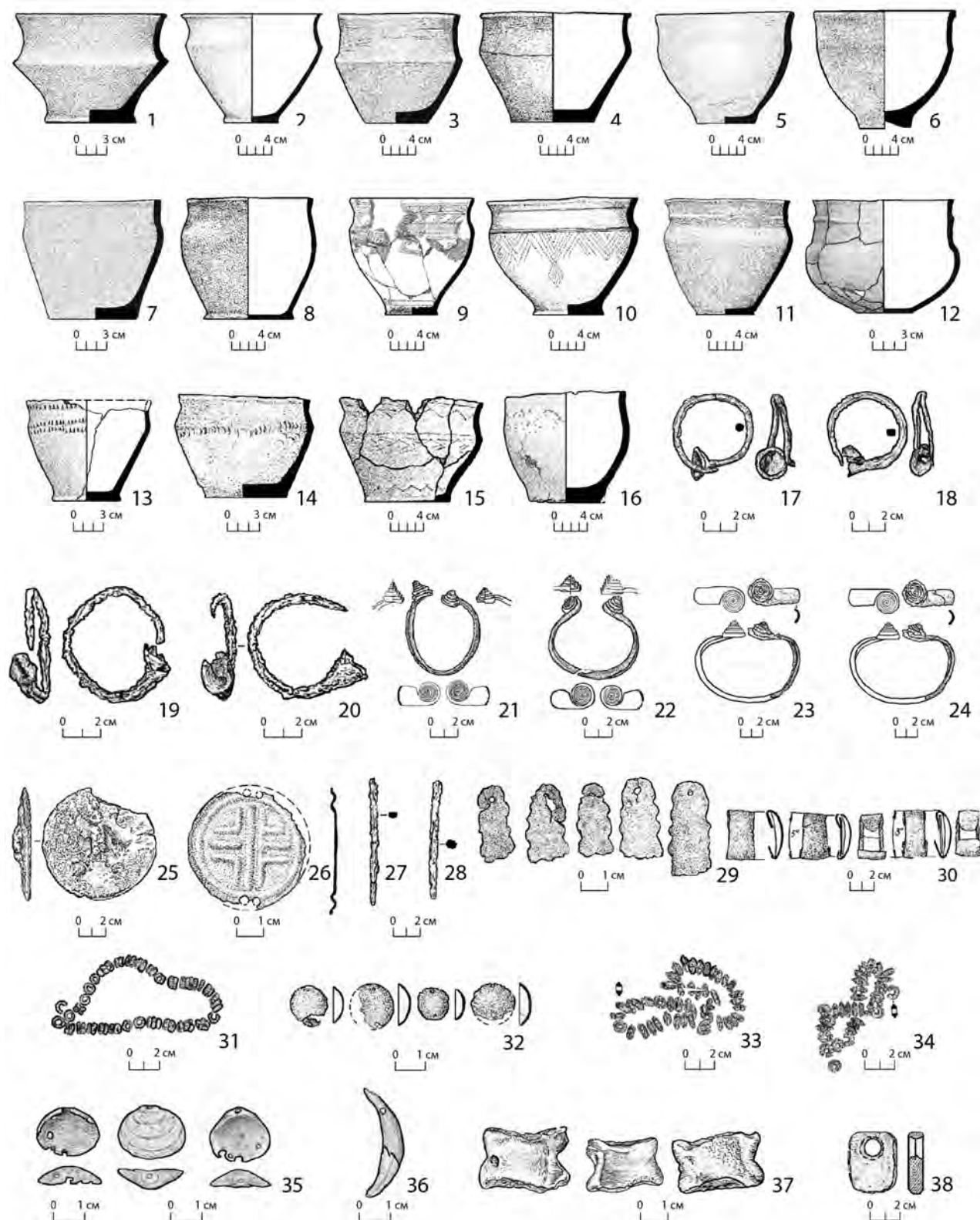

Рис. 2. Вещевой инвентарь из погребальных памятников кулсайской культуры на территории Семиречья: 1–16 — керамическая посуда из погребений и жертвенников; 17–34 — бронзовые изделия и украшения; 35 — речные раковины (*bavilvia*); 36 — амулет из клыка хищника семейства псовых; 37 — асыки (игральные кости); 38 — каменная подвеска-амулет

Fig. 2. Inventory from funerary sites of the Kul'sai culture in the Semirechye: 1–16 — pottery from burials and altars; 17–34 — bronze articles and decorations; 35 — river shells (*bavilvia*); 36 — amulet from the tusk of a predator of the *canidae*; 37 — *asyks* (dice rolls); 38 — stone pendant-amulet

Данные могильников согласуются с материалами выявленных в регионе поселений андроновского и финального этапов эпохи бронзы. Устройство погребальных камер отчасти повторяет технологии домостроительства в горной зоне Семиречья (глинистая обмазка дна, сочленение углов камеры «в лапу»). В западной части Заилийского Алатау (между ущельями Каскелен и Узын-Каргалы) характер погребальных конструкций и традиции захоронения кардинально меняются на более распространенный в Семиречье смешанный алакульско-федоровский вариант андроновской общности (Марьяшев, Горячев, 1993. С. 5–11). Таким образом, погребальные традиции племен горной зоны восточной части Северного Тянь-Шаня как индикатор памятников кульсайской культуры позволяют подчеркнуть ее своеобразие среди других материалов андроновской общности.

- Аванесова, 1991 — Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Фан, 1991. 202 с.
- Абетеков, 1963 — Абетеков А. К. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-сай // КСИА. 1963. Вып. 93. С. 93–95.
- Бернитам, 1952 — Бернитам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА. № 26). 346 с.
- Гасс, Горячев, 2016 — Гасс А., Горячев А. А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // ВНГУ. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15. № 5: Археология и этнография. С. 85–123.
- Горячев, 2020 — Горячев А. А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. 260 с.
- Зданович, 1988 — Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1988. 184 с.
- Марьяшев, Горячев, 1993 — Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Вопросы типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. 1993. С. 5–19.
- Марьяшев, Горячев, 1999 — Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Памятники кульсайского типа в горной зоне Семиречья // История и археология Семиречья / Отв. ред. А. Н. Марьяшев. Алматы: ТОО «XXI век», 1999. С. 44–56.
- Gass, 2016 — Gass A. Das Siebenstromland zwischen Bronze- und Früheisenzeit. Berlin: De Gruyter, 2016. XII, 546 S.
- Maryashev, Goryachev, 1998 — Maryashev A. N., Goryachev A. A. Nouveaux sites du Bronze recent au Semirech'e (Kazakhstan) // Paléorient. 1998. Vol. 24/1. P. 71–80.

On the funeral traditions of the Kul'sai culture of the Bronze Age in the Semirechye

Aleksandr A. Goryachev³

Annotation. *Studies of the mountain zone of Semirechye allow to identify burial grounds of the Kul'sai culture of the Bronze Age, dating back to the 19th — 14/13th centuries BC. The formation of such a tradition in interrelation with the Fedorovo culture of the Andronovo circle has been evidenced by gravestones (stone fences), burial chambers (wooden frames), burial rites (cremation and inhumation) and material inventory. Local peculiarities of the region's geographical conditions predetermined the differences of Kul'sai funerary traditions from other materials of the Andronovo community.*

Keywords: *Semirechye, Northern Tien Shan, Bronze Age, burial ground, Kul'sai culture, funeral rites*

³ Aleksandr A. Goryachev — A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: aga.2805@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6952-5567.

Реконструкция жилища Ошского поселения¹

Ю. Г. Кутимов²

Аннотация. На основе материалов раскопок Ошского поселения, исследованного в 1978–1984 гг. Ю. А. Заднепровским, представлены результаты натурной реконструкции жилого комплекса чустской культуры позднего бронзового века Ферганской долины.

Ключевые слова: бронзовый век, чустская культура, Ошское поселение, жилые комплексы, архитектура

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-135-137

Ошское поселение чустской культуры бронзового века на горе Сулайман-Тоо было открыто в 1976 г. Археологические работы на Ошском поселении проводились под руководством Ю. А. Заднепровского в 1978–1984 гг. Ферганской экспедицией ЛОИА РАН совместно с Ошским областным историко-краеведческим музеем. За все время археологических работ была раскопана площадь более 2000 м² (Заднепровский, 1997).

Из всех памятников чустской культуры Ошское поселение выделяется уникальной террасовидной планировкой на склоне горы, а также большим количеством обнаруженной здесь расписной керамики. Это позволило Ю. А. Заднепровскому сделать предположение, что Ошское поселение представляет собой нетипичный жилищный комплекс. Появление на горе Сулайман-Тоо поселения может быть функционально связано с религиозным культом и обрядовой деятельностью. Некоторые данные (очаги в центре жилищ, наличие солярных и зооморфных изображений на керамической посуде) свидетельствуют, что одним из главных объектов поклонения в духовной жизни местных жителей было солнце, а также огонь как один из солярных символов. Большое количество наскальных рисунков, обнаруженных на склонах Сулайман-Тоо, среди которых немало солярных изображений, подтверждают, что гора с древнейших времен являлась местом религиозного поклонения силам природы. По всей видимости, Ошское поселение могло входить в обрядовую систему, связанную с сакрализацией горы, служить местом обитания служителей культа — жрецов, проводивших ритуальные церемонии.

Ошское поселение расположено на южном склоне Сулайман-Тоо, полукругом охватывая ее третью центральную вершину. Величина уклона поверхности горы в данном месте достигает 40°. Поселение имеет террасовидную планировку, жилища расположены ступенчато, одна терраса возвышается над другой. Всего таких террас насчитывается более пятнадцати. Точные границы поселения остаются неизвестными, южная его часть была разрушена при прокладке дороги, ведущей к музейному комплексу. Общая площадь поселения не превышала 2 га.

Основным типом жилища на Ошском поселении являлась заглубленная в землю полуземлянка с каркасной деревянной кровлей и стенами, сложенными из тонких жердей. Полы имели глиняную обмазку. В полах жилищ были вырыты очаги для обогрева и приготовления пищи, а также хозяйственные ямы для хранения продовольственных запасов и топлива для очагов. Среди обнаруженных при раскопках жилищ материалов присутствовало большое количество красноангобированной

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Юрий Геннадьевич Кутимов — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: yuriuz@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-8267-1809.

расписной посуды столового использования, хозяйственная керамическая посуда (котлы, хумы), а также орудия труда и предметы быта — зернотерки, песты, серпы, мотыги и пр. По характеру использования землянки делятся на две группы: а) жилые, предназначенные для обитания; б) хозяйственные, используемые в повседневной хозяйственной деятельности. Одна из землянок имеет площадь около 100 м², вероятно, она могла играть роль общинного дома — места, где проходили общие собрания жителей. Всего при раскопках Ошского поселения были открыты остатки тринадцати землянок.

В октябре 2000 г. в Кыргызстане торжественно отмечалось 3000-летие Оша. В рамках подготовки государственной программы празднования юбилея города в 1997–2000 гг. были проведены комплексные археологические работы по исследованию и музеефикации памятников различных исторических периодов. В числе задач по реконструкции исторических памятников был реализован проект временной экспозиции жилища чувствской культуры в натуральную величину под открытым небом.

Источником для реконструкции стали планиграфические материалы раскопок жилых комплексов Ошского поселения и их детальное описание, составленное в 1984 г. Согласно данным раскопок и архитектурным обмерным работам, землянка XI может быть реконструирована как «четырёхколонный зал с центральным световым проемом». По периметру от центрального очага землянки XI находятся ямы от центральных опорных столбов, расположенных на расстоянии 2,7 м друг от друга. К северу от очага, вдоль террасированного склона горы, находятся ямы от периметральных опорных столбов землянки, расположенных на расстоянии 1,85–2 м от центральных столбов. В южной части землянки ямы от столбов не сохранились. Центральные и периметральные столбы образуют каркас деревянного перекрытия крыши и стен помещения. Размеры жилища примерно 6,5×6 м, площадь около 40 м² (Гуревич, 1997).

При реконструкции жилища в качестве строительного материала для сооружения каркаса постройки, состоящего из центральных и периметральных столбов и стоек, а также центральных, периметральных и связующих балок, использовалось дерево хвойных пород, для стен и кровли — тополиные жерди. Двуслойная кровля была перекрыта камышом с красноглиняной обмазкой. Стены с внутренней стороны и полы постройки были обмазаны глиняным саманным раствором. В центральной части постройки, под световым отверстием в кровле, был сделан очаг круглой формы. Вокруг очага расположены несколько хозяйственных ям. На стенах и полу выложены выделанные овечьи шкуры. Для воссоздания интерьера были изготовлены несколько керамических горшков, стилизованных по форме и росписи под посуду чувствской культуры, а также некоторое количество каменного инвентаря (зернотерки, отбойники, песты), которые были расположены рядом с хозяйственными ямами.

По заключению Ю. А. Заднепровского, подобное четырёхколонное архитектурно-планировочное решение жилища на Ошском поселении имеет аналогии в ранних слоях поселения Дальверзин, где в 1974 г. была раскопана четырехугольная в плане, заглубленная в землю на глубину 1 м полуземлянка-святилище площадью около 60 м², со стенами, облицованными сырцовым кирпичом. В центральной части помещения находился большой культовый очаг, вокруг которого располагались четыре ямы от столбовых опорных конструкций (Заднепровский, 1997. С. 37–38).

Домостроительство племен чувствской культуры позднего бронзового века Ферганской долины включало в себя различные типы жилищ: глинобитные с использованием сырцовых кирпичей, наземные каркасные постройки, а также заглубленные в землю полуземлянки, при сооружении которых использовались деревянные конструкции в сочетании с кирпичными обкладками и глиняными обмазками.

Гуревич, 1997 — Гуревич Л. Л. Архитектурные исследования в Оше в 1984 г. // Заднепровский Ю. А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек: Мурас, 1997. С. 114–116.

Заднепровский, 1997 — Заднепровский Ю. А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек: Мурас, 1997. 172 с.

Reconstruction of the dwelling of the Osh settlement

Yurii G. Kutimov³

Annotation. *Based on the materials of the excavations of the Osh settlement investigated in 1978–1984 by Yurii A. Zadneprovsky, the results of the full-scale reconstruction of the dwelling complex of the Chust culture of the Late Bronze Age of the Ferghana Valley are presented.*

Keywords: *Bronze Age, Chust culture, Osh settlement, dwelling complexes, architecture*

³ Yurii G. Kutimov — Institute for the History of Material Culture of the RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: yuriuz@rambler.ru; ORCID: 0000-0001-8267-1809.

Исследования поселения позднего бронзового века Коктас-1 (по материалам раскопа № 3)¹

И. В. Мерц², А. А. Горячев³, В. К. Мерц⁴, В. В. Варфоломеев⁵

Аннотация. На поселении Коктас-1 в пределах раскопа № 3 исследован комплекс полуземлянок подквадратной формы, соединенных между собой коридорообразными переходами. Все конструкции сооружены из тщательно подогнанных друг к другу каменных плит. Сопровождающий археологический материал позволяет отнести исследованные объекты к саргаринско-алексеевской культуре Центрального Казахстана. Анализ полученных артефактов и радиоуглеродные данные позволяют предварительно датировать памятник рубежом XVI/XV — первой половиной XV в. до н. э.

Ключевые слова: Казахский мелкосопочник, поздний бронзовый век, горное дело, жилища, керамика, металлургия

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-138-142

На северо-восточной границе Казахского мелкосопочника находится медное месторождение Коктас, где, кроме горных выработок эпохи бронзы XIX в., советского времени и наших дней, выявлены также могильники и поселения различных периодов. Памятники были открыты в 2011 г. В. К. Мерцем. С 2019 г. проводятся их стационарные исследования (Мерц и др., 2022. С. 314). Поселение Коктас-1 находится в центральной части рудного поля и повреждено современными геологоразведочными траншеями.

Раскоп № 3 площадью 400 м² примыкает к одной из таких траншей около древней выработки № 5. В нем расчищено несколько помещений, соединенных между собой коридорами. Центральным сооружением служила жилая полуземлянка подквадратной формы, размером 8 (7,6)×7,5 м, ориентированная углами по сторонам света. Внешний вход, находящийся в юго-западном углу полуземлянки, представлял собой четыре глинобитные ступеньки. В восточном и северном углах находились коридоры, ведущие в соседние помещения. Стены построены из крупных каменных плит, установленных вертикально, до уровня древней поверхности (0,5–0,6 м). Сверху плашмя укладывались каменные плитки в четыре–пять слоев на высоту до 0,4 м, общая высота сохранившихся стен достигала 1 м от уровня дна. Таким же способом устроены стенки коридорообразных конструкций. Пол жилого помещения представляет собой уплотненный суглинок. Вдоль стен на расстоянии 1,7–2,5 м друг от друга прослеживаются ямки под столбовые конструкции диаметром 0,2–0,35 м и глубиной до 0,3 м.

В центре, на глинобитном «подиуме» подквадратной формы размером 2,5×1,8 м и высотой 0,25–0,3 м, находился очаг в виде грунтовой ямы подовальной формы (1,2×1 м). По периметру

¹ Работа выполнена при частичной финансовой поддержке Грантового финансирования научно-исследовательских работ 2024-2026, проект № AP23488815.

² Илья Викторович Мерц — Алтайский госуниверситет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: barnaulkz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9066-9629.

³ Александр Анатольевич Горячев — Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Республика Казахстан; e-mail: aga.2805@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6952-5567.

⁴ Виктор Карлович Мерц — Торайгыров университет, Павлодар, Республика Казахстан; e-mail: v_merz@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3163-1609.

⁵ Виктор Васильевич Варфоломеев — Карагандинский университет им. Е. А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан; e-mail: vicvarfolomeev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3598-2345.

«подиума» выкопаны четыре столбовые ямки диаметром 0,3–0,4 см. С его северной и северо-западной сторон прослеживается небольшая воздухопроводная канава, перекрытая сверху забутовкой из мелких камней и глины. С южной стороны от «подиума» отмечен еще один небольшой очажок (0,4×0,35 м), заложенный мелкими окатанными камнями. Вдоль стенок обнаружены, помимо кухонных остатков и битой посуды, костяные изделия и инструменты (серповидное трепало, тупик, совки, ложила из ребер крупного рогатого скота, костяной штамп, бронзовая проколка и пробойник, лезвие ножичка, скопление азурита весом 20 кг, а также два вкопанных керамических горшка (рис. 1, 1, 10).

Жилища, зафиксированные на Коктасе-1, известны также на территории Центрального Казахстана (Кент). Такая конструкция (многокомнатные сооружения, соединенные коридорами) характерна именно для производственных помещений (Атасу) (Маргулан и др., 1966. С. 205, 208; Варфоломеев и др., 2017. С. 23).

Керамическая коллекция из раскопа № 3 насчитывает 2500 фрагментов. По венчикам и целым формам выделено 127 сосудов, составляющих 100 % выборки. Эти изделия представлены тремя культурно-типологическими типами.

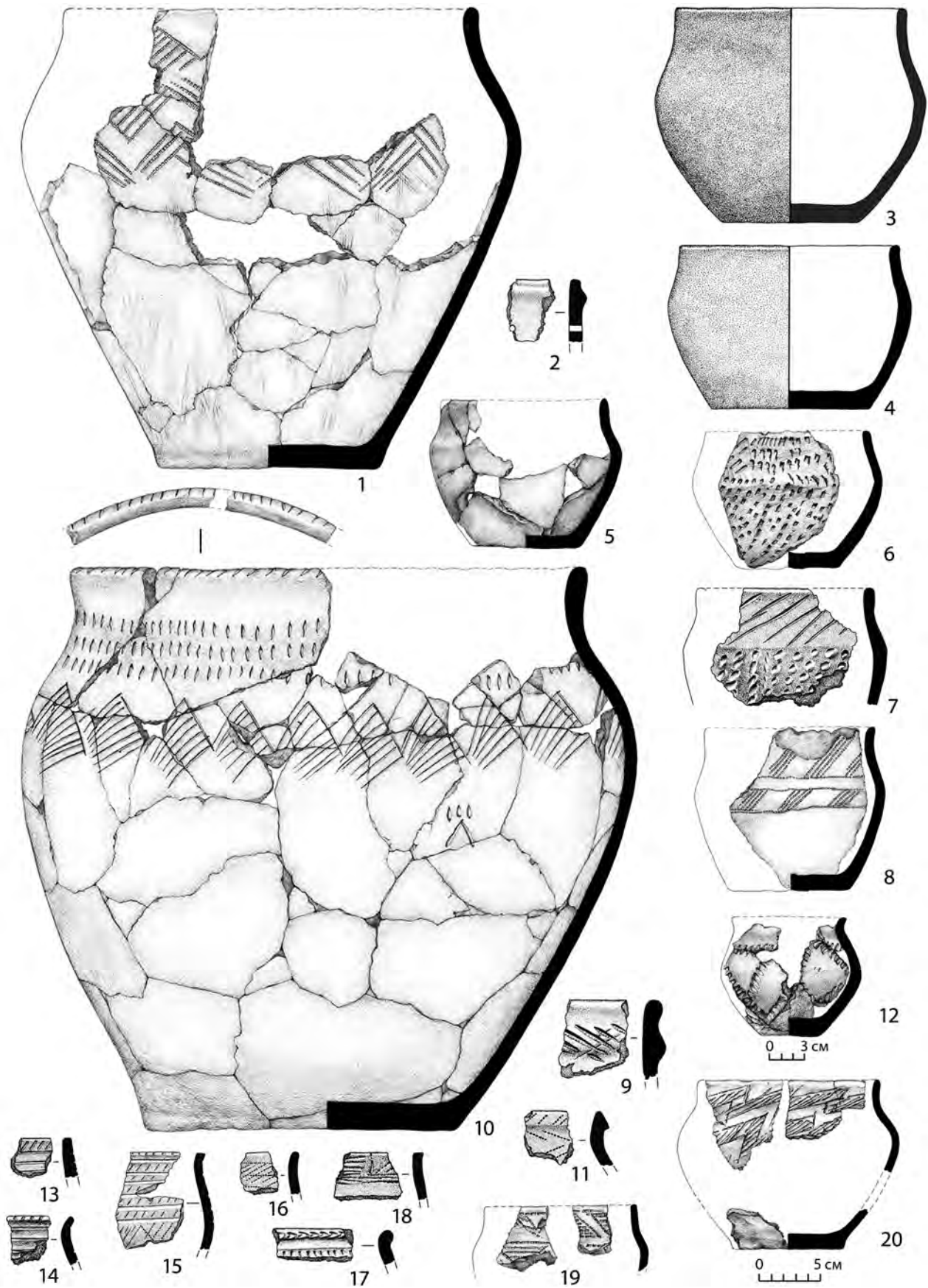
I группа — саргаринско-алексеевская (рис. 1, 2–II), включает 104 горшка, банку и обломок тигля (84,3 %). Вся посуда этого типа лепная, сравнительно толстостенная, с небрежно обработанной поверхностью, которая заглаживалась щепками, пучками травы, редко шпателем. Лепной или формованный валик имеется у 16 (12,6 %) сосудов (рис. 1, 2, 9). В 11 случаях рассеченный валик украшен наклонными отрезками линий и перекрещивающимися отрезками, на шести сосудах представлен гладкий валик. Узкий «воротничок» отмечен на шести сосудах (4,7 %), он иногда украшен оттисками ногтя или косой «сеткой» (рис. 1, II). В целом декорировано менее половины сосудов (40 шт. — 31,5 %). Среди элементов орнамента присутствуют наклонные отрезки, вдавления, оттиски ногтя, ногтевые вдавления, защипы пальца. Для орнаментации использовались способы «штампования» и «накалывания», выполненные крупным и мелким гребенчатым и гладким инструментами, а также палочкой.

Керамика этой группы хорошо известна на памятниках валиковой общности Казахстана (Оразбаев, 1958. С. 194, табл. XII; Черников, 1960. С. 246–251; Маргулан и др., 1966. С. 204–257; Варфоломеев и др., 2017. С. 297–301; Горячев, 2020. Рис. 43, 47). Аналогии формам и орнаментальным мотивам посуды поселения Коктас-1 прослеживаются в материалах поздней бронзы Южного Зауралья и Западной Сибири (Зданович, 1988. С. 171; Матвеев, 1993. С. 165). Наиболее близкие параллели наблюдаются среди материалов Барабы и степных районов Алтая (Молодин, 1985. С. 96–101, 120; Ситников, 2015. С. 78–81).

II группа образует серию из 19 лепных тонкостенных горшков (15 %) (рис. 1, 1, 12–20) с хорошо заглаженной поверхностью. На некоторых сосудах отмечено слабое лощение (рис. 1, 15–20). Орнамент покрывает всю поверхность посуды и выполнен в основном в технике гребенчатого штампа, реже — резным способом. Элементы орнамента представлены в виде меандров, треугольников, заштрихованных полосами, зигзагов, каннелюр и угловых вдавлений. Аналогии сосудам II группы наблюдаются среди посуды андроновидной общности и межовско-ирменского историко-культурного пласта (Корочкова, 2010; Косарев, 1981; Молодин и др., 2017).

III группа керамики включает четыре фрагмента стенок от четырех сосудов (3,1 %), изготовленных на гончарном круге. Орнамент на них полностью отсутствует.

Такой разнокультурный набор посуды, обнаруженный на объектах раскопа № 3 Коктаса-1, соответствует составу керамики на всех крупных поселениях валиковой общности, в т. ч. и на поселении рудокопов Бозшаколь (Варфоломеев и др., 2017. С. 61–63; Воякин, Усманова, 2023. С. 67), но на Коктасе-1 высока доля керамического импорта — 18,1 %. В раскопе № 3 поселения Коктас-1 обнаружено значительное количество суперстратной керамики. Последняя в целом характеризуется южным (станковая посуда и все проявления этой технологии при изготовлении местной лепной посуды) и сибирским компонентом (андроновидная посуда, а также ее проявления на местной саргаринской керамике). Множественность суперстратной посуды, видимо, связана с территориальной близостью Западной Сибири. В целом, находки керамических импортов позволяют предполагать

полиэтнический состав населения крупных протогородских и производственных центров эпохи поздней бронзы.

На основании типологии полученного археологического материала и данных радиоуглеродного анализа памятник можно датировать в пределах рубежа XVI–XV — первой половиной XV в. до н. э. Зафиксированные в полуземлянке материалы позволяют предположить, что ее жители занимались добычей и первичной обработкой медной руды. Обнаруженный набор бытовых инструментов, характерных для кожевенного производства и ткачества, указывают на занятие населения пастушеским скотоводством и переработкой сырья, получаемого от данного вида хозяйственной деятельности. Керамический комплекс свидетельствует о достаточно устойчивых связях населения данного микрорайона с жителями сопредельных территорий Центрального и Восточного Казахстана, Алтая и Западной Сибири на протяжении разных исторических этапов.

- Варфоломеев и др.*, 2017 — *Варфоломеев В. В., Ломан В. Г., Евдокимов В. В.* Кент — город бронзового века в центре казахских степей. Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2017. 338 с.
- Воякин, Усманова*, 2023 — *Воякин Д. А., Усманова Э. Р.* Горно-металлургический комплекс Бозшаколь 1. Алматы: МИЦАИ, 2023. 282 с.
- Горячев*, 2020 — *Горячев А. А.* Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. 260 с.
- Зданович*, 1988 — *Зданович Г. Б.* Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1988. 184 с.
- Корочкова*, 2010 — *Корочкова О. Н.* Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. 104 с.
- Косарев*, 1981 — *Косарев М. Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 280 с.
- Маргулан и др.*, 1966 — *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1966. 436 с.
- Матвеев*, 1993 — *Матвеев А. В.* Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: НГУ, 1993. 181 с.
- Мерц и др.*, 2022 — *Мерц В. К., Мерц И. В., Демидкова Е. Д.* Работы Центра археологических исследований Торайгыров университета в 2021 году в Павлодарской области // Археологические исследования в Казахстане — 2021 / Отв. ред. А. Касеналин. Астана: Национальный музей Республики Казахстан, 2022. С. 311–315.
- Молодин*, 1985 — *Молодин В. И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука. СО, 1985. 200 с.
- Молодин и др.*, 2017 — *Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Селин Д. В., Нескоров А. В.* Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. 180 с.
- Оразбаев*, 1958 — *Оразбаев А. М.* Северный Казахстан в эпоху бронзы // ТИИАЭ АН КазССР. 1958. Т. 5. С. 216–294.
- Ситников*, 2015 — *Ситников С. М.* Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул: АлтГПУ, 2015. 254 с.
- Черников*, 1960 — *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. (МИА. № 88). 285 с.

Рис. 1. Керамика из раскопа № 3 поселения Коктас-1: 2–11 — I группа; 1, 12–20 — II группа

Fig. 1. Ceramics from Excavation area no. 3 of the Koktas-1 settlement: 2–11 — group I; 1, 12–20 — group II

Studies of the Late Bronze Age settlement Koktas-1 (based on the materials of Excavation area no. 3)

Ilya V. Merts⁶, Aleksandr A. Goryachev⁷, Viktor K. Merts⁸, Viktor V. Varfolomeev⁹

Annotation. *A complex of sub-rectangular semi-dugouts connected between each other by corridor-like passages has been investigated within Excavation area no. 3 of the Koktas-1 settlement. All structures were built using carefully fitted slab stones. The associated archaeological material makes it possible to reliably attribute these objects to the Sargary-Alekseyevka culture of Central Kazakhstan. The analysis of the artifacts and radiocarbon data suggest the tentative attribution of the site to the period between the turn of the 16th/15th and the first half of the 15th centuries BC.*

Keywords: *Kazakh Uplands, Late Bronze Age, mining, dwellings, ceramics, metallurgy*

⁶ Ilya V. Merts — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: barnaulkz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9066-9629.

⁷ Aleksandr A. Goryachev — A. Kh. Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Republic of Kazakhstan; e-mail: aga.2805@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6952-5567.

⁸ Viktor K. Merts — Toraighyrov University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan; e-mail: v_merz@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3163-1609.

⁹ Viktor V. Varfolomeev — E. A. Buketov University Karaganda, Karaganda, Republic of Kazakhstan; e-mail: vicvarfolomeev@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3598-2345.

Сравнительная хронология майкопской и новосвободненской культур¹

А. Д. Резепкин²

Аннотация. В докладе представлен сравнительный анализ периодов развития археологических культур Балкан, Северного Кавказа, халколита Анатолии, относительная и абсолютная хронология которых представлена в сводной таблице.

Ключевые слова: культуры, периоды развития, абсолютная и относительная хронология, Балканы, Анатолия, Северный Кавказ

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-143-145

В настоящее время установлено, что передневозвосточный импульс, сформировавший основные параметры майкопской культуры, исходил из Восточной Анатолии и Северной Месопотамии, во время, синхронное периоду F в Амуке и фазам XI–X на Тепе Гавра, что по Х. Парцингеру соответствует 8–9 этапам развития энеолита в Восточной Анатолии (*Parzinger*, 1993. S. 278). Однако он отмечает, что соотношение позднего Урука и верхней границы периода F Амука зафиксированы не очень точно (*Ibid.*), и поэтому исследователь все же соотносит Амука F с периодом 9 (*Ibid.* S. 279). К этому же горизонту Х. Парцингер относит и Арслан-тепе VI A исходя из наличия там поздней урукской керамики и характерной для Амука F керамики с примесью рубленой соломы (*Ibid.* S. 280). Сейчас можно уточнить, что Арслан-тепе VI A все же синхронен периоду 9 b и анатолийскому халколиту периода IV, что, как представляется, по балканской хронологии соответствует Триполью C I–II. В данное время выяснено, что происхождение и развитие усть-джегутинского варианта майкопской культуры связано с восточноанатолийским халколитом периодов II–III. Время формирования псекупского варианта этой культуры относится к периодам III–IV. Как уже отмечалось, на сосудах из Арслан-тепе VI A имеется специфический пролощенный орнамент, на который, сопоставляя передневозвосточную и майкопскую керамику, первым обратил внимание Р. М. Мунчаев (*Мунчаев*, 1994. С. 217). Этот тип орнамента также встречен и на раннедолинских сосудах. В могильнике «Клады» пролощенный орнамент на сосудах встречался трижды (курган 11, погр. 9, 20, 49), причем все эти захоронения впущены в первую насыпь, сооруженную над основными погребениями с кубками.

Непростым является вопрос о времени прекращения существования майкопской и новосвободненской культур. В западном ареале в степной зоне псекупский вариант майкопской культуры сменяют новотиторовская и ямная культуры в конце второго, общеямного (по Н. Я. Мерперту) периода развития. Последний характеризуется положением умерших в ямах скорченно, на спине, головой на восток (захоронения ямной культуры) и положением умерших в ямах со слабой и средней степенью скорченности при отклонении туловища на спину, на ранних этапах со значительной долей восточной и северо-восточной ориентировок (погребения новотиторовской культуры) (*Гей*, 2000. С. 198). Завершение второго общеямного горизонта частично синхронно второму слою поселения Михайловка II в Украине (*Трифонов*, 1991. С. 118). В этом слое найдены фрагменты

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Алексей Дмитриевич Резепкин — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: rezepkin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3379-40368.

поздней трипольской керамики, имеющие аналогии в таких поселениях, как Сандраки, Печоры, где была обнаружена керамика городско-касперовского типа (верхний слой) и Стены (*Лагодовська и др.*, 1962. С. 96, рис. 32, 4–6; С. 97). Эти памятники относятся к финальному этапу Триполья С–II (Археология..., 1985. С. 237–242). Таким образом, мы приходим к наиболее вероятному выводу, что в соответствии с северной степной культурно-хронологической шкалой псекупский вариант майкопской культуры и новокорсунский вариант новосвободненской культуры прекращают свое существование примерно в одно время с финалом развития усатовской группы памятников Чернавода III и Фолтешть I и с началом новотитаровской культуры. Известно не менее 17 курганов, в которых новотитаровские погребения были впускными при более ранних — новосвободненских (*Гей*, 2000. С. 196). По шкале относительной хронологии Х. Парцингера, это совпадает с концом этапа 10 (*Parzinger*, 1993. S. 267–268).

Стратиграфия курганов в центральной и восточной части Северного Кавказа свидетельствует о том, что новосвободненские захоронения в курганах перекрыты погребальными комплексами с вислообушными топорами и сосудами на ножках типа тех, что открыты в Северной Осетии в курганном могильнике у села Дзаурикау (*Николаева, Сафронов*, 1980) и Чеченской Республике у села Бамут (*Мунчаев*, 1986). Хронология всех упомянутых культур представлена на **табл. 1**.

Трипольская культура	Майкопская культура	Новосвободненская культура	Урук (северный)	Анатолийский халколит	Ступени (по Парцингеру)	Даты
Чернавода II		Конец долинского варианта	Джемд-Наср	Ранняя бронза	11	2950–3100
Чернавода III С–II	Псекупский вариант	Долинский вариант	Поздний этап	V	10	3100–3300
С–I — С–II	Псекупский вариант Конец Усть-Джег. варианта	Долинский вариант Новокорсунский вариант	Начало позднего этапа	IV	9b	3300–3500
С–I	Начало псекупского варианта Начало Усть-Джег. варианта	Новокорсунский. вариант начало	Конец среднего этапа Конец раннего — средний этапы	IV–III III	9a	3500–3600 3700

Табл. 1. Относительная и абсолютная хронология археологических культур Балкан, Северного Кавказа и Анатолии в IV — начале III тыс. до н. э.

Table 1. Relative and absolute chronology of archaeological cultures of the Balkans, North Caucasus and Anatolia in the 4th — early 3rd millennia BC.

Археология..., 1985 — Археология Украинской ССР / Гл. ред. И. И. Артеменко. Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985. 564 с.

Лагодовська и др., 1962 — *Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л.* Михайлівське поселення. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1962. 247 с.

Мунчаев, 1986 — *Мунчаев Р. М.* Погребальные комплексы с сосудами на ножках из бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: Наука, 1986. С. 27–39.

Мунчаев, 1994 — *Мунчаев Р. М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / Отв. ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994 (АрхССР). С. 158–225.

- Гей, 2000 — Гей А. Н. Новотитаровская культура. М.: Старый Сад, 2000. 224 с.
- Трифонов, 1991 — Трифонов В. А. Степное Прикубанье в эпоху энеолита — средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья (по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края) / Отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука. ЛО, 1991. С. 92–166.
- Николаева, Сафронов, 1980 — Николаева Н. А, Сафронов В. А. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзаурикау // Проблемы археологии Северной Осетии / Отв. ред. М. М. Блиев. Орджоникидзе: Северо-Осетинский государственный университет, 1980. С. 18–80.
- Parzinger, 1993 — Parzinger H. Studien zur Chronologie und Kulturgeschichte der Jungstein-, Kupfer- und Frühbronzezeit zwischen Karpaten und Mittlerem Taurus. T. 1. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 1993 (Römisch-Germanische Forschungen. Bd. 52). 365 S.

Comparative chronology of the Maikop and Novosvobodnenskaya cultures

Aleksei D. Rezepkin³

Annotation. *The paper presents a comparative analysis of the periods of development of archaeological cultures of the Balkans, North Caucasus Chalcolithic Anatolia, the relative and absolute chronology of which is presented in the summary table.*

Keywords: *cultures, periods of development, absolute and relative chronology, Balkans, Anatolia, Northern Caucasus*

³ Aleksei D. Rezepkin — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: rezeppin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3379-4068.

Жилища Пловдага эпохи ранней бронзы

Бахлул Имран оглы Ибрагимли¹

Аннотация. Археологический комплекс Пловдаг локализуется на склонах одноименной горы и включает в себя два поселения, три некрополя и три культовые постройки. На поселениях обнаружены круглые в плане дома и полуземлянки, построенные из местного плиточного камня. Расположение домов и их конструкция свидетельствуют о том, что они сооружены по задуманному плану, учитывающему рельеф местности.

Ключевые слова: Нахичевань, Аракс, Пловдаг, эпоха ранней бронзы, жилые дома

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-146-149

Пловдагский археологический комплекс находится на территории Нахичеванской АР (Азербайджан), у реки Гиланчай, недалеко от ее впадения в Аракс. В этом районе зафиксировано множество памятников различных эпох. Археологические исследования памятников Пловдага были начаты еще в 1986 г. на южных склонах горы. К раскопкам некрополя Пловдаг II приступили в 2004 г. За прошедшее время изучены некрополи Пловдаг I (IV–II тыс. до н. э.), Пловдаг II (III–II тыс. до н. э.), Пловдаг III (II–I тыс. до н. э.), Халы Кешан (XII–VIII вв. до н. э.), Мардангёлу (IX–VIII вв. до н. э.), Далма (IX–VII вв. до н. э.) и Мунджуклутепе (VIII–VI вв. до н. э.), а также частично исследованы поселения Пловдаг I (III–II тыс. до н. э.) и Пловдаг II (IV–III тыс. до н. э.).

В докладе рассматриваются некоторые вопросы планировки архитектуры на поселении Пловдаг II, включая конструкции домов и детали их интерьера.

Поселение Пловдаг II (**рис. 1, 1**) является многослойным памятником, который перекрыт курганами ходжалы-гедабекской культуры позднего бронзового века. При их сооружении культурные слои поселения подверглись сильному разрушению. В самом нижнем культурном отложении выявлены жилые дома раннего бронзового века.

Полуземляные круглые в плане жилые дома Пловдага II построены из плиточного камня (туфит). Их стены сохранились на высоту 0,5–0,8 м, а их толщина достигает 1,2–1,5 м. Внутренние ряды кладки стен сложены из более или менее прямоугольных толстых камней на глине, а другие ряды состоят из камней разных размеров. Эти жилища представлены двумя группами построек. К первой из них относятся патриархальные (родовые) жилища, а ко второй — индивидуальные дома.

В 2008 г. при раскопках кургана № 25 была обнаружена часть стены большой круглой постройки диаметром 25–30 м. Стена сложена из довольно крупных камней. Внутри сооружения находились круглые строения диаметром 1,2–1,5 м, относящиеся к трем строительным периодам. Остатки жилищ обнаружены на глубине 1,4–1,5 м. Керамика нижних слоев отличалась от керамики из курганов позднего бронзового века. Рядом с посудой были найдены мобильные очаги с прямыми стенками без орнамента (*Ибрагимли, Гадирзаде, 2008. С. 55–57*).

Индивидуальный дом № 1 (**рис. 1, 3**) расположен в центральной части северного склона Пловдага, в 15 м от патриархального жилища. Восточная стена почти круглого в плане дома № 1 (4,2×3,9 м) находилась под курганом № 16 позднего бронзового века. Дом и насыпь кургана разделял стерильный слой толщиной 0,28–0,3 м. От дома сохранились фундамент и несколько рядов

¹ Бахлул Имран оглы Ибрагимли — Институт археологии и антропологии НАН Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика; e-mail: ibrahimlib@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8585-0917.

камней, находящихся над полом. К западной стене пристроены очаги диаметром 0,4–0,5 м, внутри которых находился пепел толщиной 3–5 см. Вокруг очагов обнаружена поздняя энеолитическая керамика с кремевым ангобом. Комплекс имеет радиоуглеродную дату 3506–3427 до н. э., полученную в США (The University of Georgia, Center for Applied Isotope Studies).

Внутри жилища по периметру стены сооружена каменная кладка высотой 0,38–0,4 м и толщиной 0,48–0,5 м. Судя по интерьеру жилых домов позднего бронзового века, на ней хранились глиняные сосуды и другие кухонные принадлежности. Самой интересной находкой в интерьере дома № 1 является мини-тандыр (рис. 1, 2), который расположен в центре помещения. Его диаметр составляет 0,13–0,14 м, венчик имеет такой же размер. Глубина отверстия в центре тандыра достигает 0,18–0,2 м. С южной стороны эту печь-жаровню обрамляет рельефная фигура в виде круга с двумя расходящимися лучами, символизирующая солнце.

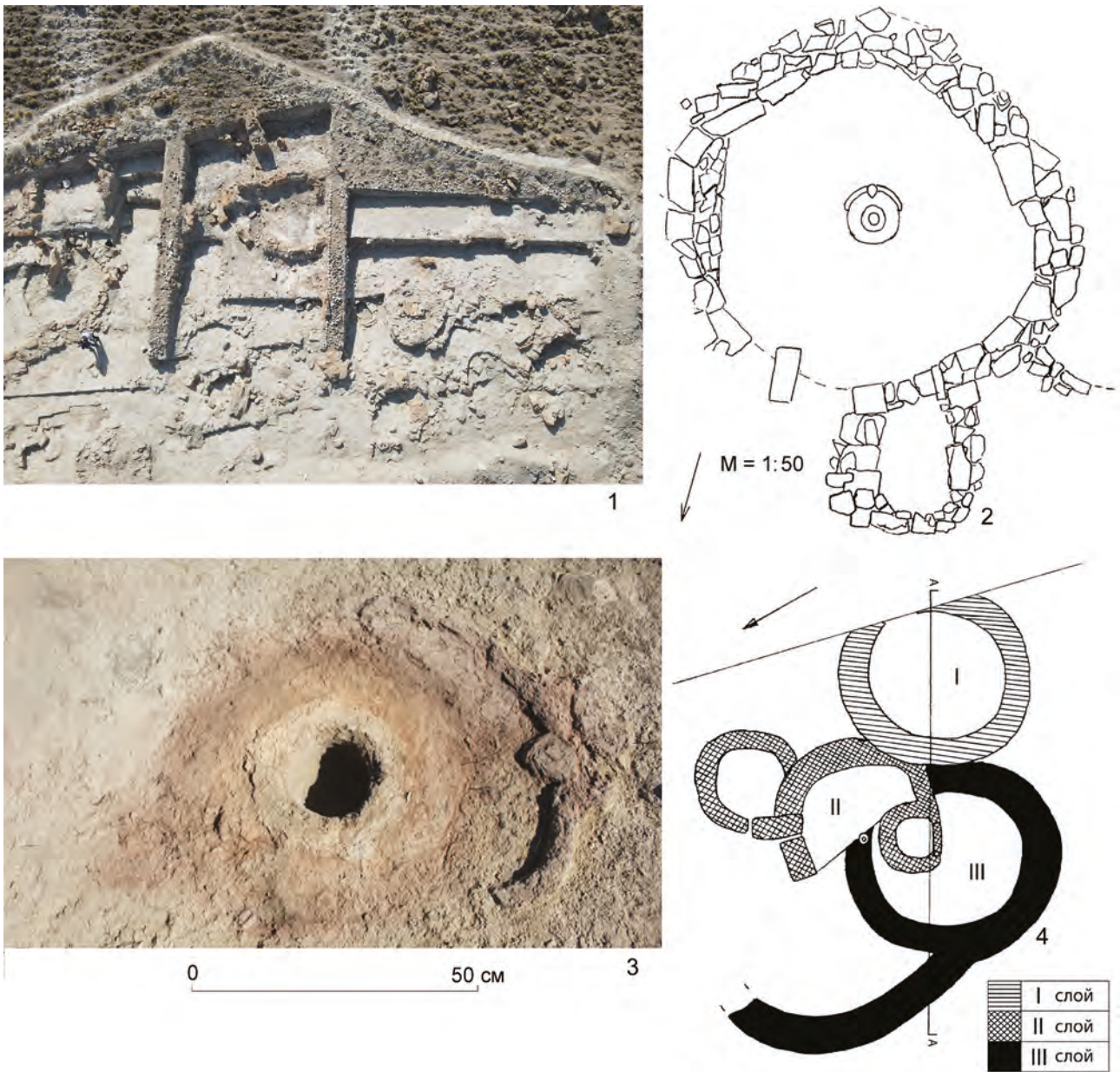

Рис. 1. 1 — Пловдаг II, западная часть раскопа; 2 — индивидуальный дом № 1; 3 — очаг в индивидуальном доме № 1; 4 — индивидуальный дом № 2 3-го слоя

Fig. 1. 1 — Plovdag II, western part of the excavation area; 2 — individual house no. 1; 3 — fireplace in the individual house no. 1; 4 — individual house no. 2 of the 3rd layer

Дом состоит из жилого и пристроенного к дому с севера подсобного помещения (зернохранилище), размеры которого составляют 1,25×1,0 м. Вход в подсобное помещение находился внутри жилой комнаты (*Ибрагимли и др.*, 2015. С. 168).

Круглые и четырехугольные в плане зернохранилища встречаются в домах античного периода городища Сумбатан-диза. Аналогичные по назначению и форме постройки существовали до середины XX в. и назывались «кянди». Они представлены двумя типами. В относительно узких цилиндрических «кянди» хранили муку, а в широких, сужающихся кверху, — пшеницу.

В 10 м к юго-западу от индивидуального дома № 1 на этом же уровне находится круглое индивидуальное жилище № 2 (**рис. 1, 4**). Его стены толщиной 1,0–1,2 м сложены из каменных плит разного размера. Внутренние ряды камней относительно крупные. Изнутри диаметр дома составляет 4,8 м, стена у южной половины сохранилась на высоте 0,5–0,6 м. Пол жилища покрыт слоем золы толщиной 8–12 см. Состав золы включает уголь от мелкой древесины и серый пепел — видимо, от сгорания навоза. С восточной стороны к дому № 2 пристроено большое помещение. Центр и юго-восточная часть этого жилища находится под домом среднего бронзового века. Упомянутые постройки разделены стерильным слоем толщиной 0,28–0,3 м.

Важной составной частью жилищ раннего бронзового века являются зернохранилища. В конце IV — начале III тыс. до н. э. их пристраивали к домам с севера, с середины III до начала II тыс. до н. э. зернохранилища размещали внутри жилищ.

Следует отметить, что индивидуальные дома раннего бронзового века Пловдага расположены на расстоянии 8–10 м друг от друга. Видимо, каждый дом имел небольшой собственный двор.

Наличие разнотипных погребений, двух поселений и культовых сооружений, планировка и распределение домов по территории поселения дает основание высказать мнение о том, что Пловдаг уже в конце раннего бронзового века являлся протогородом (*Ибрагимли, Гадирзаде*, 2010. С. 125). Урбанизационные процессы в регионе начались именно в Пловдаге.

Культурный слой Пловдага II не везде имеет одинаковую толщину: ближе к вершине горы, где он сохранился лучше, — 4,0–4,2 м, а на склонах — 1,3–1,5 м (*Там же*. С. 121).

Поскольку основания каменных стен домов находятся на одном уровне, можно заключить, что фундаменты жилищ покоились на глине, а верхнюю часть дома возводили из легких материалов (дерево, камыш, глина).

До сих пор не решен вопрос о конструкции перекрытия домов раннего бронзового века. Исследователи, учитывая форму построек и наличие в помещениях плоского камня, а также ямы для опорного столба, считали, что перекрытия круглых помещений были легкими коническими. Поскольку в прямоугольных постройках следов опоры не обнаружено, полагали, что эти жилища имели плоскую крышу (*Абибуллаев*, 1982. С. 102–103). В отличие от поселений Кюльтепе 1 и Махта 1 (*Ашуров и др.*, 2020. С. 12–14), в раннебронзовом культурном слое Пловдаг II прямоугольные жилища не обнаружены — они появляются здесь со II тыс. до н. э. Среднее течение Аракса, в частности территория Нахичеванской АР, является зоной контакта двух традиций строительства жилищ: круглых и прямоугольных (*Керимов*, 2013. С. 168). Культура раннего бронзового века Пловдага во многом синкретична.

Интересно, что на поселениях Пловдага не была распространена сырцовая архитектура, широко представленная на древнейших поселениях равнинных регионов Южного Кавказа (*Нариманов*, 1987. С. 87). Видимо, в Пловдаге предпочитали использовать для строительства домов каменные плиты, в изобилии встречающиеся здесь.

Абибуллаев, 1982 — *Абибуллаев О. А.* Энеолит и бронза на территории Нахичеванской АССР. Баку: Элм, 1982. 315 с.

Ашуров и др., 2020 — *Ашуров С., Гусейнова С., Алиева Ф.* Махта I — памятник эпохи ранней бронзы. Баку: Apostrof A, 2020. 147 с.

Ибрагимли, Гадирзаде, 2008 — *Ибрагимли Б., Гадирзаде Г.* Археологические раскопки на Пловдаге // АИАз: 2008. 2008. С. 55–60.

Ибрагимли, Гадирзаде, 2010 — *Ибрагимли Б., Гадирзаде Т.* Археологические раскопки на Пловдаге // АИАз: 2009. 2010. С. 120–125.

- Ибрагимли и др.*, 2015 — *Ибрагимли Б., Гадирзаде Г., Алиев Г., Халилов Т., Ахмедова Л.* Археологические раскопки на некрополе Пловдаг III // АИАЗ: 2013–2014. 2015. С. 153–159.
- Керимов*, 2013 — *Керимов В.* Древние жилища Азербайджана. Баку: Шарг-Гарб, 2013. 320 с.
- Нариманов*, 1987 — *Нариманов И.* Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI–IV тыс. до н. э.). Баку: Элм, 1987. 260 с.

Dwellings of Plovdag in the Early Bronze Age

Bahlul I. oglu Ibrahimli²

Annotation. *The Plovdag archaeological complex is located on the slopes of the mountain of the same name and includes two settlements, three necropolises and three cult buildings. The settlements had round-plan houses and semi-dugouts built of local tile stone. The arrangement of the houses and their construction indicate that they were constructed according to a conceived plan, taking into account the terrain.*

Keywords: *Nakhchivan, Araxes, Plovdag, Early Bronze Age, dwelling houses*

² Bahlul I. oglu Ibrahimli — Institute of Archaeology and Anthropology, National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Republic of Azerbaijan; e-mail: ibrahimlib@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8585-0917.

Раздел 3

ОСЕДЛО-ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

К изучению культур лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа Центральной Азии

Б. Х. Матбабаев¹

Аннотация. Доклад посвящен изучению археологических памятников лепной расписной керамики Центральной Азии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. В настоящее время выявлены десять центров данной культуры в разных частях Среднеазиатского Междуречья, объединяемых археологами в этнокультурную общность поздней лепной расписной керамики. Культуры близкие, но не идентичные чустской культуре Ферганы, известны в основном в зонах длительного развития земледелия. Не исключено, что чустская культура возникает на базе более древних местных, но пока неизвестных земледельческих культур, о которых у нас пока недостаточно сведений.

Ключевые слова: лепная расписная керамика, Яз-депе, Тарим, Чуст, Бактрия, Ферганская долина

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-150-154

Больше ста лет продолжается изучение памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа Центральной Азии — т. н. культуры поздней лепной расписной керамики или памятников типа Яз I (середина II — начало I тыс. до н. э.). С тех пор длится дискуссия о происхождении данного комплекса. В настоящее время выявлено более 10 центров культур расписной керамики в основных земледельческих оазисах Среднеазиатского Междуречья. В Восточном Туркестане французскими археологами также выявлен новый аналогичный центр с 40 памятниками (*Debaine-Francfort*, 1989). Обширный ареал распространения этих культур дал возможность выделить этнокультурную общность племен лепной расписной керамики в Центральной Азии. Это язовская этнокультурная общность (ЯЭКО), по В. Н. Пилипко, или бактрийская этнокультурная общность (БЭКО), по О. Н. Лушпенко (*Матбабаев*, 1999. С. 94–96). Таким образом, «...перечисленные очаги земледельческой культуры поздней расписной керамики близки хронологически и географически, а также в известной мере и по облику хозяйства и культуры. Следовательно, уже на современном уровне изучения в порядке постановки вопроса можно рассматривать их как совокупность близких и родственных культур, составляющих в целом единую общность. Эту общность, по наиболее изученной чустской культуре Ферганы, называем чустской этнокультурной общностью» (*Заднепровский*, 1988. С. 130). Учитывая новые материалы французских археологов, сюда можно включить и памятники Таримской долины в Синьцзяне (*Сверчков, Бороффка*, 2009. С. 34).

¹ Бокижон Хошимович Матбабаев — Самаркандский археологический институт Агентства культурного наследия Республики Узбекистан, Самарканд, Республика Узбекистан; e-mail; bokijon@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8797-979X.

Для этих комплексов характерно существование общих элементов культуры: относительная географическая и хронологическая близость, наличие лепной и иногда лепной расписной керамики, бронзовых или каменных серпов, а также других категорий находок (*Сагдуллаев*, 1989. С. 49–65). Датировка памятников остается дискуссионной, варьируя в пределах XV–VII вв. до н. э. Существуют как минимум четыре гипотезы происхождения этих культур (*Заднепровский*, 1986. С. 27–29; *Заднепровский*, *Марков*, 1989. С. 66–69).

Обширный ареал и сходство материальной культуры нам дает возможность, вслед за отдельными археологами (*Заднепровский*, 1988. С. 120–133), высказать мнение, что единого центра происхождения культур лепной расписной керамики не существовало (*Заднепровский*, 1986. С. 27). Учитывая датировку и ареал распространения рассматриваемых комплексов, можно говорить о двух группах культур. Первая условно названа северной (Чуст, Бургулюк, Тарим), а вторая — южной (Яз-депе, Анау, Этек, Кучуктепа, Майдатепе, Кызылтепа, Коктепа, Тиллятепа и др.). Для северной группы, вероятно, трансформация культуры сопровождала переход местных племен к земледелию (*Там же*. С. 23–29), тогда как на юге распространение лепной расписной керамики ознаменовало новый этап в развитии древнеземледельческих культур.

Важно подчеркнуть, что памятники чустской культуры являются наиболее ранними среди памятников типа Яз I, что отмечено рядом исследователей (Ю. Ф. Буряков, С. Р. Баратов, Б. Х. Матбабаев, Л. М. Сверчков). Для второго (или позднего) этапа чустской культуры характерно наличие каменных серпов с прямым лезвием.

В последнее время в литературе часто обсуждается согдийский очаг лепной (в т. ч. расписной) керамики (Чиракчи, Турткултапа и др.) с центром, видимо, в Коктепе. Однако нижнюю дату этого уникального памятника еще предстоит определить: его ранние слои датируются в интервале XI–VII вв. до н. э. Так как дококтепинские комплексы пока не обнаружены, прямая преемственность с Саразмом не наблюдается. Отметим, что пока в Согде неизвестны ярко выраженные комплексы лепной, а тем более лепной расписной керамики — поэтому по ряду признаков эти памятники могут быть сопоставлены с ранним Эйлатаном. Таким образом, земледельческий очаг с лепным расписным орнаментом в Ферганской долине древнее согдийского центра.

В изучении этих культур необходимо учитывать и аналогичные синьцзянские комплексы. К. Дебэн-Франкфор отмечает в Синьцзяне 9 групп памятников эпохи бронзы (*Debaine-Francfort*, 1988. P. 14–26). Очень интересны обнаруженные позднее материалы из Кермуки, Гумугоу, Агершенга, Синталы (*Заднепровский*, 1993. С. 99–103). В настоящее время здесь можно выделить следующие комплексы, относящиеся к двум хозяйственно-культурным традициям: первая — степная, известная в Средней Азии по памятникам андроновской и кайраккумской культур; вторая — земледельческая, известна по памятникам поздней лепной расписной керамики. Аналогичная картина зафиксирована в соседней с Синьцзяном Ферганской долине (*Бернштам*, 1952. С. 186).

Материалы степного круга в Синьцзяне представлены отдельными керамическими сосудами и бронзовыми предметами вышеуказанных культур, т. е. афанасьевской, андроновской (анализ Агершенгского клада из Тогуз-Торо см.: *Кузьмина*, 2000. С. 3–5), карасукской. К ним относятся фрагменты керамики и целые круглодонные сосуды со штампованным орнаментом, бронзовый вислообушный топор и др. В отделе археологии музея Урумчи представлены интересные сосуды из могильников Ямбулак (Хами, раскопки 1986 г.), Жилинтай (Нилета, раскопки 2003 г.), Ксибанди (Ташкуртан, раскопки 2003 г.), Загунлик (раскопки 1985 г.), которые датированы XI–V вв. до н. э. Они важны для сравнительного изучения истории лепной расписной керамики Средней Азии и, в первую очередь, Ферганской долины.

Хронологически они относятся к двум периодам. Среди более ранней керамики — двуручный кувшин, под венчиком — крупные треугольники вершинами вниз, на плечике с коричневой краской схематично изображена фигура козла; роспись нанесена на светлый или белый фон коричневой и фиолетовой красками. На другом кувшине, окрашенном красной краской, изображен двугорбый верблюд в лежачем положении. Эти сосуды по фактурно-технологическим и морфологическим признакам очень близки к чустской керамике (лепная, хорошая облицовка с лощением, на красном фоне разных оттенков роспись черной — также с оттенками — краской, в мотиве орнаментации преобладают геометрические узоры) (ср. *Debaine-Francfort*, 1988. P. 25–26, fig. 12, 14). Но между

ними имеются и некоторые отличительные черты: в керамике чувстской культуры роспись нанесена преимущественно на верхнюю часть сосуда, набор узоров орнаментации ограничен, антропо- / зооморфные и усложненные мотивы встречаются очень редко. А в синьцзянских комплексах вся поверхность сосуда покрыта расписным орнаментом, часто использующим волнообразные, криволинейные, круглые, зооморфные мотивы; китайское влияние доминирует в отдельных формах сосудов (преобладают сосуды с ручкой и со сливом). Идентичные керамические материалы известны из Сидаогоу (Мулэй) и Банжигоу (Цитай) (*Ibid.* P. 25–26). К этому периоду относят также каменные ножевидные серпы из Акэталы (Шуфу, раскопки 1972 г.). Они изготовлены из песчаника, по размеру больше чувстских на 5–7 см, лезвие прямое (в чувстских памятниках зафиксированы также изогнутые).

К следующему, раннежелезному веку относится керамика, которая по форме (расписные кувшины, вазообразные сосуды на поддонах, кружки с ручкой) и сюжету росписей напоминают эйлатано-шурабашатские сосуды Ферганы (*Заднепровский*, 1962. С. 130–133; табл. XLV, XLVII). Действительно, отдельные формы и сюжеты росписи ферганских гончарных изделий раннежелезного века находят прямые аналогии синьцзянским материалам (*Заднепровский*, 1959. С. 156). Некоторые мотивы росписи шурабашатской культуры (усложненные мотивы, розетки разных форм, изображения круга, кольца и др.) раньше не были зафиксированы в Фергане (см.: *Заднепровский*, 1962. Табл. LIV, 2, 5; LVI, 2, 19; LVII, 8).

Видимо, эти мотивы появляются под влиянием синьцзянских комплексов и указывают на тесные восточные связи Ферганы, существовавшие еще до миссии Чжан Цяня в конце II в. до н. э. Вероятно, в античный период, когда существовало древнеферганское царство Давань, шурабашатский комплекс был распространен не только в Ферганской долине, но и доходил до районов Кашгара, Яркенда и Аксу, о чем свидетельствуют образцы расписной керамики эйлатано-шурабашатского облика из этих районов, датированные китайскими археологами VII–III вв. до н. э. (*Турон*, 2006). Многие из этих образцов по форме, орнаменту и цветовой гамме росписи можно считать если не ферганскими, то, по крайней мере, созданными под определенным влиянием Ферганы.

Все это позволяет заключить, что в Фергане имеются наиболее ранние слои лепной, в т. ч. расписной, керамики типа Яз I, где наблюдается преемственность между чувстскими и эйлатанскими комплексами. Это подтверждается открытием нового довольно большого поселения (20 га) на территории старгородской части Андижана. Видимо, правы отдельные исследователи (С. Р. Баратов, Г. П. Иванов и др.), датировавшие эйлатанскую культуру VII–IV вв. до н. э. Если учесть продолжение чувстских традиций в керамическом производстве и присутствие ряда их признаков в материальной культуре эйлатанских племен Ферганы, то сопоставление согдийских и бактрийских памятников со вторым этапом чувстской культуры или ранним эйлатаном вполне приемлемо.

Вышеизложенное мнение как будто подтверждает наличие отдельных чувско-эйлатанских элементов в материальной культуре Согда, Синьцзяна и наоборот — отсутствие следов влияния последних среди ферганских комплексов. В пользу гипотезы свидетельствует и ограниченное распространение расписной керамики в этих районах. На сегодня в Фергане зафиксировано более 80 памятников чувстской культуры, около 40 памятников эйлатанской и более 40 памятников шурабашатской культуры. Отметим, что Ферганская долина — единственный регион, где пока не выявлены материалы ахеменидского облика.

Кроме того, в Восточном Туркестане отсутствуют долговременные земледельческие поселения эпохи бронзы и раннего железа, пока не обнаружены и памятники, сопоставимые с раннеземледельческими комплексами типа Намазга I–III. Однако уже имеются сообщения об обнаружении на территории Синьцзяна памятников афанасьевской культуры (или ее локальных вариантов). В частности, Ю. А. Заднепровский в своей статье приводит материалы могильника Кермуки на южных склонах Алтая. Погребения осуществлены в каменных ящиках и грунтовых могилах. Яйцевидные, бомбовидные, баночные сосуды, курильницы на поддоне, кремневые наконечники стрел сходны с материалами афанасьевской культуры Сибири. Отметим погребение литейщика с двумя литейными формами и другими инструментами (*Заднепровский*, 1992. С. 115–127; 1993. С. 99). Несомненно, эти материалы будут умножаться по мере расширения археологических работ на территории Синьцзяна. Исходя из вышесказанного, вполне реально взаимовлияние соседних регионов в возникно-

вании земледельческой культуры в западной части Китая. Нам видится приемлемым предположение о значительной роли чувстских племен в сложении древнеземледельческой культуры Синьцзяна в эпоху поздней бронзы — что не исключает юго-западных связей. Не отрицаем мы при этом и роль китайских культур (яншао, машань) в формировании лепной расписной керамики Ферганы и Восточного Туркестана.

Следует добавить, что культуры близкие, но не идентичные чувстской, известны в основном в зонах длительного развития земледелия (*Заднепровский*, 1988. С. 120–133; *Горбунова*, 1995. С. 13–30). Не исключено, что чувстская культура возникает на базе более древних местных земледельческих культур, о которых у нас имеются лишь незначительные сведения. Это, прежде всего, находки отдельных предметов (Сохские и Ошские гири, Хакский клад), небольшое каменное изваяние человека, фрагмент сосуда из стеатита (Дальверзин), а также материалы недавно обнаруженного могильника Шагим в восточной части Ферганской долины (*Аманбаева и др.*, 2006). Комплексы южной группы сложились на основе синтеза местных и пришлых племен, но не без участия населения одной из северных групп памятников (может быть, чувстской культуры). В обоих случаях нельзя сбрасывать со счетов степные скотоводческие племена (андроновские) (*Заднепровский*, 1986. С. 28), которые Ю. А. Заднепровский называл объединяющим началом в данном процессе интеграции культур.

- Аманбаева и др.*, 2006 — *Аманбаева Б. Э., Рогожинский А. Е., Мэрфи Д.* Могильник Шагим — новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы (Кыргызстан) // АИУ. 2006. Вып. 5: 2004–2005 гг. С. 256–265.
- Бернштам*, 1952 — *Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952 (МИА. № 26). 349 с.
- Горбунова*, 1995 — *Горбунова Н. Г.* О культуре степной бронзы Ферганы // АСГЭ. 1995. Вып. 32. С. 13–30.
- Заднепровский*, 1959 — *Заднепровский Ю. А.* Земледельческие поселения Ферганы и Южной Киргизии (периода поздней бронзы и железа) // Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии. 29 октября — 4 октября 1956 г., Сталинабад / Ред. коллегия: С. П. Толстов и др. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 150–157.
- Заднепровский*, 1962 — *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (МИА. № 118). 328 с.
- Заднепровский*, 1986 — *Заднепровский Ю. А.* Проблема происхождения культуры раннежелезного века юга Туркменистана // ИАН ТуркмССР. СОН. 1986. № 5. С. 23–29.
- Заднепровский*, 1988 — *Заднепровский Ю. А.* Основные земледельческие области в Средней Азии в эпоху бронзы — раннего железа // Природа и человек. 1988. С. 120–133.
- Заднепровский, Марков*, 1989 — *Заднепровский Ю. А., Марков Ю. Н.* Хронология Чувстской культуры Ферганы в свете новейших радиоуглеродных данных // ИАНКиргССР. ОН. 1989. № 2. С. 65–69.
- Заднепровский*, 1992 — *Заднепровский Ю. А.* Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности: Труды, издаваемые Российским Археологическим Обществом. 1992. Вып. 3. С. 115–127.
- Заднепровский*, 1993 — *Заднепровский Ю. А.* Культурные связи населения эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири и Синьцзяна // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Материалы конференции. Ч. II: Археология и изучение культурных процессов и явлений / Отв. ред. В. М. Массон. СПб.: б. и., 1993 (АИ. Вып. 11). С. 99–103.
- Кузьмина*, 2000 — *Кузьмина Е. Е.* Культурные и торговые связи г. Ош и Ферганы с Северо-Западным Китаем во II тыс. до н. э. (Предыстория Великого Шелкового пути) // Ош и Фергана в исторической перспективе. Вып. 3 / Отв. ред. В. М. Массон. Бишкек: Мурас, 2000. С. 3–5.
- Матбабаев*, 1999 — *Матбабаев Б. Х.* Ўрта Осиёда сўнгги бронза ва илк темир даври деҳқон жамоалари маданиятининг хусусиятлари (Қадимги Чуст ва Чирокчи маданиятлари мисолида) // Древний Карши, история культуры и градостроительства Средней Азии. ТД. Карши: б. и., 1999. С. 94–96 (на узб. яз).
- Сагдуллаев*, 1989 — *Сагдуллаев А. С.* Некоторые аспекты проблемы происхождения среднеазиатских комплексов типа Яз I // СА. 1989. № 2. С. 49–65.

Сверчков, Бороффа, 2009 — *Сверчков Л. М., Бороффа Н.* О некоторых проблемах археологического исследования культур расписной керамики эпохи поздней бронзы — раннего железа // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет: Материалы Международной научной конференции, посвященной 2200-летию юбилею города Ташкента / Отв. ред. Д. А. Алимова, Ш. Р. Пидаев. Ташкент: Фан, 2009. С. 33–39.

Турон, 2006 — *Одил Мухаммад Турон.* Шинжон маданияти жавохирлари. Урумчи, 2006 (на уйгур. яз.).
Debaine-Francfort, 1988 — *Debaine-Francfort C.* Archéologie du Xinjiang des origines aux Han. Ière pt. // Paléorient. 1988. Vol. 14/1. P. 5–29.

Debaine-Francfort, 1989 — *Debaine-Francfort C.* Archéologie du Xinjiang des origines aux Han. IIème pt. // Paléorient. 1989. Vol. 15/1. P. 183–213.

On the study of the Late Bronze Age and Early Iron Age moulded painted pottery cultures of Central Asia

Bokizhon H. Matbabayev²

Annotation. *The paper is dedicated to the study of the Central Asian sites with molded painted ceramics of the Late Bronze Age and Early Iron Age. At present, 10 centres of this culture have been identified in different parts of the Central Asian Interfluve. Archaeologists unite them into an ethno-cultural community of late moulded painted ceramics. The cultures close, but not identical to the Chust culture of Fergana, are known mainly in the zones of long development of agriculture. It is not excluded that the Chust culture arises on the basis of more ancient, local but still unknown agricultural cultures, which are still largely unknown.*

Keywords: *molded painted ceramics, Yaz-depe, Tarim, Chust, Bactria, Fergana valley*

² Bokizhon H. Matbabayev — Samarkand Archaeological Institute, Cultural Heritage Agency of the Republic of Uzbekistan, Samarkand, Republic of Uzbekistan; e-mail; bokijon@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8797-979X.

Первые научные результаты археологических исследований Кимирек-кум-1: памятник финального бронзового/раннего железного века в древней дельте Зеравшана, Узбекистан

Л. М. Рауз¹, С. Штарк², С. Д. Мирзаахмедов³, А. В. Бехтер⁴, Х. Рахманов⁵

Аннотация. В докладе подводятся итоги первых научных исследований Кимирек-кум-1, памятника эпохи финальной бронзы/раннего железного века, расположенного на бывшей аллювиальной равнине Зеравшана, за западной окраиной современного Бухарского оазиса. Кимирек-кум-1 занимает площадь не менее 32 га и определенно демонстрирует различные зоны для обживания и другой деятельности, а также крупные земляные сооружения с низким рельефом. Ошеломляющий набор металлических и каменных предметов, огромная керамическая коллекция и стратегическое географическое положение Кимирек-кум-1 обеспечат новую информацию и лучшее понимание этого важнейшего, но все еще малоизученного периода.

Ключевые слова: металлургия, керамика, обработанный камень, дальний обмен, культура лепной расписной керамики, культуры степной бронзы

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-155-158

Вклад В. М. Массона в археологическое исследование до- и протоисторической южной Центральной Азии невозможно переоценить. Его плодотворный труд заложил основу современного понимания хронологического развития и культурных связей этого обширного региона. Новаторский научный подход В. М. Массона к изучению, в частности, аллювиальных равнин Геоксюрского оазиса, дельты Мургаба и Мисрианской равнины до сих пор говорит нам о значении взаимоотношений людей и изменчивых речных систем, а также о том, как попытки контролировать водные ресурсы и торговые пути через эти территории определяли историю социально-политического и экономического развития от энеолита до железного века. Здесь мы отдаем лишь малую дань уважения выдающимся открытиям В. М. Массона в области культурных и экономических изменений, сопровождавших длительный переход от бронзового к железному веку в Центральной Азии, — и представляем археологический комплекс Кимирек-кум-1 (далее — КК1) в качестве примера межрегионального обмена, контактов и взаимодействий в этот период.

Здесь мы хотели бы представить краткое резюме первых научных исследований КК1, памятника финального бронзового/раннего железного века, расположенного в Центральном Узбекистане (см.: *Штарк и др.*, 2023; *Stark et al.*, 2024; *Rouse et al.*, in press). Первые радиоуглеродные даты

¹ Линн М. Рауз — Германский археологический институт, Берлин, Федеративная Республика Германия; e-mail: lynne.rouse@dainst.de; ORCID: 0000-0002-2354-0099.

² Сёрен Штарк — Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки; e-mail: ss5951@nyu.edu; ORCID: 0009-0009-3737-4990.

³ Сирожиддин Джамалиддинович Мирзаахмедов — Самаркандский археологический институт Агентства культурного наследия Республики Узбекистан, Самарканд, Республика Узбекистан; e-mail: smrocker@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4379-6988.

⁴ Александр Викторович Бехтер — Государственный музей искусств Республики Каракалпакстан им. И. В. Савицкого, Нукус, Каракалпакстан, Республика Узбекистан; e-mail: al.bechter@gmail.com; ORCID: 0000-0002-5794-5844.

⁵ Хусниддин Рахманов — Самаркандский археологический институт Агентства культурного наследия Республики Узбекистан, Самарканд, Республика Узбекистан; e-mail: rahmonovhu@gmail.com.

Кимирек-кум-1 позволяют отнести его первичное заселение к последней четверти II тыс. до н. э., а географическое положение и материальная культура помещают его между степными культурами финального бронзового века на севере и раннего железного века на юге. Продолжающиеся исследования на КК1 позволят осветить вопросы натурального хозяйства, палеоэкологии и технологий производства с помощью конкретных данных. Тем не менее, информация, уже полученная из раскопанных комплексов и объектов памятника, а также типологические и хронологические соответствия керамике и металлическим предметам, собранным на объекте, дразняще намекают на устойчивые межрегиональные обменные сети и квалифицированное ремесленное производство в сложный период экономических, культурных, политических и экологических изменений в Центральной Азии.

КК1 расположен в 55 км к северо-западу от Бухары и в 23 км от современной западной границы оазиса, образованного дельтой реки Зеравшан. КК1 не является «тепа» (холмом, сложенным из стратифицированных поселенческих слоев), а состоит из округлой земляной ограды, охватывающей площадь в 11 га, и еще многих гектаров густых россыпей керамики, каменных изделий и металлических артефактов. Интенсивные разведки вокруг КК1 пока показали распространение подъемного материала на площади 32 га, и эти исследования еще продолжаются. Судя по первоначальным раскопкам с западной и восточной стороны, центральная ограда представляет собой конструкцию, сочетающую земляные стены и рвы. Она расположена между двумя крупными речными рукавами, которые когда-то текли на запад из основной части Бухарского оазиса.

В течение 2022–2023 гг. на КК1 были проведены три сезона полевых археологических работ. После интригующего однодневного визита летом 2021 г., осенью 2022 г. мы вернулись на КК1 для проведения пилотного сезона, который объединил археологические раскопки и бурение геологических скважин на объекте с обширным металлодетекторным обследованием и топографической съемкой местности. Эти исследования позволили нам получить первоначальное представление об огромных масштабах памятника, разнообразии археологических объектов и остатков материальной культуры, а также о его геолого-гидрологической структуре. Весной 2023 г. магнитометрические исследования охватили почти все пространство внутри ограды КК1, а также участки к северо-востоку от нее, где наши предыдущие раскопки намекали на наличие поселенческих отложений. В то же время металлодетекторное обследование продолжало подтверждать масштабы памятника и огромное разнообразие его артефактов (не только металлических, но и каменных). Осенью 2023 г. мы расширили раскопки к северо-востоку от ограды и заложили новые траншеи внутри нее. Мы также начали серьезно изучать гидрологическую историю КК1, перерезав траншеями два древних водотока на памятнике и заложив шесть траншей в рукавах реки к северу (в них были взяты образцы для OSL-датирования). Благодаря гидрологическим исследованиям за пределами памятника в сочетании с широкой аэрофотосъемкой мы начали понимать, какой ландшафт окружал КК1. Мы систематически собирали органические остатки (кости животных, обугленные семена и части растений, древесный уголь, фитолиты и пыльцу) во всех раскопах и гидрологических траншеях, что в конечном счете позволит получить полное представление об окружающей среде КК1 в период его заселения.

Исследования в 13 археологических раскопах на КК1 позволили обнаружить зону обживания к северо-востоку от ограды, вдоль древнего берега северного рукава реки, несколько участков бытовой деятельности внутри ограды, а также свидетельства того, что сама ограда состоит как из стены, так и изова (Stark et al., 2024; Rouse et al., in press). В поселенческой зоне мы обнаружили обширную поверхность обживания, окруженную столбовыми ямами относительно стандартного размера и глубины. Внутри нее находилась линия более крупных ям и несколько небольших углубленных очагов. Непосредственно рядом с поверхностью обживания к северу от нее находилось несколько ям-хранилищ, в одной из которых были отмечены семена обугленного ячменя. Недалеко (на расстоянии около 30 м), ближе к древнему берегу реки, мы исследовали серию мусорных ям глубиной 40–130 см с отчетливыми эпизодами сброса, видимыми в стратиграфии. Эти ямы были насыщены обгоревшими органическими остатками (кости животных, семена, древесный уголь) и кусками турлука (обожженная на солнце глина с отпечатками тростника на одной стороне). Эти остатки строительного материала, вместе с ямами вокруг жилой поверхности, позволяют предпо-

ложить наличие временных жилищ, возможно, слегка заглубленных, с наземными конструкциями из обмазанного глиной каркаса, построенных из материалов, добытых в непосредственной близости от КК1. При раскопках мусорных ям выяснилось, что первоначально они использовались для добычи чистой желтой глины, залегавшей вдоль древнего берега реки, а затем были заполнены бытовыми отходами. В пределах ограды мы обнаружили и другие случаи сброса небытового мусора; в центре участка это, по-видимому, были производственные отходы от какой-то теплотехнической деятельности (не исключено, что связанной с металлообработкой); их исследования продолжатся в следующем полевом сезоне. Подавляющее большинство найденных фрагментов керамики демонстрирует сильное сходство с так называемой культурой лепной расписной керамики, характерной для раннего железного века юга Центральной Азии (см. резюме: *Rouse et al.*, in press). В частности, некоторые элементы относятся к керамическим подкомплексам Яз I, Бургулюк и Чуст (*Lhuillier*, 2013. Pp. 71, 81–82). Кроме того, в керамической коллекции КК1 есть несколько менее частых, но повторяющихся элементов, которые также известны в культурах финального бронзового века Евразийской степи (*Kuz'mina*, 2007).

На КК1 обнаружено в общей сложности более 500 металлических предметов: в большинстве своем из медных сплавов, но также многочисленные изделия из свинца (или свинцового сплава) и золота. Почти все эти предметы найдены на поверхности или в подповерхностном слое без стратиграфического контекста, но их пространственное распределение может быть исследовано благодаря GPS-картографированию. Из предварительного анализа распределения, основанного на обобщенных категориях и морфологии изделий (бусины, булавки, серпы, наконечники копий, стрел, «ложки» и т. д.), ясно, что не прослеживаются выраженные концентрации предметов, а есть широкий разброс по территории ограды КК1 и за ее пределами. В настоящее время проводится анализ химического состава и технических аспектов изготовления, который, несомненно, поможет уточнить анализ распределения. Не менее важны и типологические аналогии металлическим предметам с КК1, которые указывают на тесные связи с культурами позднего бронзового века евразийской степи и / или другими памятниками Центральной Азии (см. более подробно: *Stark et al.*, 2024). К ним относятся золотые кольца в 1,5 оборота и треугольная золотая серьга, фрагменты серпов из медного сплава, а также целые наконечники стрел из медного сплава, кельт и прорезной наконечник копья длиной 17 см. Разнообразие типов металлических изделий на КК1, а также широта внутри- и межрегиональных связей, которые прослеживаются через подтвержденную археологическую типологию, поистине поразительны. Более того, оно указывает на значимость КК1 как узла широкой сети обмена в поворотный, переходный период долгой истории Центральной Азии.

Как отмечал В. М. Массон (Массон, 1989), переход от бронзового века к железному был длительным периодом социокультурных, политических, экономических и экологических изменений во всей Центральной Азии. Многочисленные археологические исследования показали, что эти изменения не были ни внезапными, ни хронологически едиными в пределах второй половины II тыс. до н. э. Напротив: они археологически прослеживаются в различных географических масштабах и через различные типы материальной культуры и виды технологий, а также взаимосвязаны с процессами, происходившими в евразийской степи. Если говорить только о первых результатах полевых работ и предварительном типологическом анализе керамики и металла КК1, то уже сейчас ясно, что этот памятник демонстрирует взаимодействие древних народов Центральной Азии с другими регионами Евразии и поможет соотнесению культур финала бронзового века евразийской степи с культурами раннего железного века юга Центральной Азии.

Массон, 1989 — *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л.: Наука. ЛО, 1989. 276 с.

Штарк и др., 2023 — *Штарк С., Рауз Л. Мирзаахмедов Д., Мирзаахмедов С., Сильвия З., Хантер С., Рахманов Х., Бехтер А.* Кимирек-кум 1: новый производственный центр эпохи финальной бронзы/ раннего железа в дельте древнего Зарафшана // АИУ. 2023. Вып. 15 (2022 г.). С. 301–316.

Kuz'mina, 2007 — *Kuz'mina E. E.* The Origin of the Indo-Iranians. Leiden; Boston: Brill, 2007 (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Vol. 3). XVIII, 762 p.

Lhuillier, 2013 — Lhuillier J. Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale méridionale: dynamiques socio-culturelles à l'âge du fer ancien (1500–1000 av. n. è.). Paris : De Boccard, 2013 (Mémoires de la Mission archéologique française en Asie centrale. T. XIII). 379 p.

Rouse et al., in press — Rouse L. M., Stark S., Mirzaakhmedov J. K., Mirzaakhmedov S. J., Bayani N., Luneau E., Mueller D., Pourmomeni S. Occupation and Local Resource Exploitation at Kimirek-kum 1 (Uzbekistan): Archaeological and Geo-hydrological Investigations in Autumn 2023 (Second Preliminary Fieldwork Report) // *Studia Hercynia*.

Stark et al., 2024 — Stark S., Rouse L. M., Mirzaakhmedov S. J., Silvia Z., Hunter S. A., Bek T., Rakhmanov H., Bayani N. The Final Bronze/Early Iron Age in the Old Zeravshan Delta, Uzbekistan: Pilot Investigations at Kimirek-kum-1 // *Journal of Field Archaeology*. Boston; Philadelphia, 2024. Vol. 49/4. P. 243–263.

First scientific results of archaeological research of Kimirek-kum-1: a Final Bronze Age/Early Iron Age site in the ancient Zeravshan delta, Uzbekistan

Lynne M. Rouse⁶, Sören Stark⁷, Sirojiddin D. Mirzaakhmedov⁸,
Aleksandr V. Bechter⁹, Husniddin Rakhmanov¹⁰

Annotation. *The paper summarizes the results of the first scientific studies of Kimirek-kum-1, a site of the Final Bronze Age/Early Iron Age, located on the former alluvial plain of the Zeravshan, beyond the western edge of the modern Bukhara oasis. Kimirek-kum-1 covers an area of at least 32 ha and definitely demonstrates various areas for habitation and other activities, as well as large low-relief earthworks. The stunning array of metal and stone objects, the huge ceramic collection and the strategic geographical location of Kimirek-kum-1 will provide new information and a better understanding of this crucial but still understudied period.*

Keywords: *metallurgy, ceramics, worked stone, long-distance exchange, molded painted pottery culture, Bronze Age steppe cultures*

⁶ Lynne M. Rouse — Deutsches Archäologisches Institut, Bundesrepublik Deutschland; e-mail: lynne.rouse@dainst.de; ORCID: 0000-0002-2354-0099.

⁷ Sören Stark — New York University, New York, United States of America; e-mail: ss5951@nyu.edu; ORCID: 0009-0009-3737-4990.

⁸ Sirojiddin D. Mirzaakhmedov — Samarkand Archeological Institute, Cultural Heritage Agency of the Republic of Uzbekistan, Samarkand, Republic of Uzbekistan; e-mail: smrocker@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4379-6988.

⁹ Aleksandr V. Bechter — I. V. Savitsky State Museum of Arts of the Karakalpak Republic, Nukus, Karakalpakstan, Republic of Uzbekistan; e-mail: al.bechter@gmail.com; ORCID: 000-0002-5794-5844.

¹⁰ Husniddin Rakhmanov — Samarkand Archeological Institute, Cultural Heritage Agency of the Republic of Uzbekistan, Samarkand, Republic of Uzbekistan; e-mail: rahmonovhu@gmail.com.

Культурные контакты в раннем железном веке: Южный Туркменистан и Северо-Восточный Иран

Э. А. Мурадова¹

Аннотация. *Контакты двух культур раннего железного века — культуры Яз и культуры архаического Дахистана — прослеживаются на памятниках как Туркменистана, так и Ирана, входивших в тот период в единую историко-культурную область.*

Ключевые слова: *подгорная полоса Копетдага, ранний железный век, Мургаб, Сумбар, Чендыр, Атрек, Мисриан, культура Яз, культура архаического Дахистана*

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-159-161

В первой трети I тыс. до н. э. земледельческие культуры юга Центральной Азии претерпевают коренные изменения, характеризующие устойчивую линию развития исторического процесса в раннежелезном веке. В это время создаются значительные объединения, способствовавшие формированию достаточно прочных политических структур.

В Туркменистане памятники раннего железного века географически охватывают древнюю дельту Мургаба, подгорную полосу Копетдага, долины рек Сумбара (Хлопин, 1989; Хлопина, 1981), Чендыра (Мурадова, 2016), Атрека и Мисрианскую равнину (Массон, 1956; Мурадова, 1991). Культура Яз представлена памятниками Мургабского оазиса (Массон, 1959; Масимов, 1982; Масимов, Удеумурадов, 1984) и подгорной полосы Копетдага (Марущенко, 1956; Гутлыев, Заднепровский, 1985; Пилипко, 2015). Она входит в круг культур расписной керамики, составляющих, по мнению исследователей, единую культурную и даже этнокультурную общность. Маршрутными рекогносцировочными обследованиями всей подгорной полосы Копетдага, а также стратиграфическими исследованиями и стационарными раскопками на памятниках этой территории получены археологические материалы, характеризующие динамику историко-культурного развития культуры Яз (Пилипко, 2015. С. 11–12, 329).

В эпоху поздней бронзы и раннего железного века территория Юго-Западного Туркменистана, известная в письменной традиции (начиная с Авесты) как страна Гиркания, была заселена представителями единой этнической общности, которой археологически соответствует культура архаического Дахистана. В. М. Массон на основании письменных и археологических источников аргументирует распространение этой культуры почти до Тегерана, указывая на резкое ее отличие от синхронных культур Ахала и Этека. В середине I тыс. до н.э. происходит становление Парфии и Гиркании как самостоятельных культурно-исторических провинций (Массон, 1956. С. 451).

Исследователями накоплено достаточно свидетельств культурных контактов этих двух археологических ареалов раннего железного века. Так, в 1953 г. в подгорной полосе северо-западного Копетдага на поселении Эрк-депе у селения Беурме А. Ф. Ганялин исследовал слои с керамикой как культуры типа Анау IV, так и культуры архаического Дахистана (Марущенко, 1956. С. 6; Массон, 1956. С. 423). В 1958 г. на Чингиз-депе (селение Парав) А. А. Марущенко, исследовав стратиграфию культурных слоев мощностью около 6 м, выделил 12 строительных горизонтов (Бердыев, 1971. С. 11). Найденные на поселении фрагменты керамики архаического Дахистана, в том числе и триподов, свидетельствуют как о культурных контактах, так и о проникновении или частичной миграции

¹ Эджегуль Атаевна Мурадова — Институт истории и археологии АН Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан; e-mail: bezegli2017@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4715-3317.

населения из долин Чендыра и Сумбара (Массон, 1956. С. 423, Мурадова, 1991; 2016). В 1986 г. на Чиледепе, находящемся на западной окраине станции Бами, были проведены стратиграфические исследования, свидетельствующие о культурных контактах культуры Яз и культуры архаического Дахистана (Вдовин, Мурадова, 1993. С. 29–47).

Что касается раннежелезного века на территории Ирана, то сегодня мы также можем уверенно констатировать контакты культуры типа Яз с культурой архаического Дахистана. Интересны, в частности, археологические исследования Али Акбара Вахдати на ряде малоизученных памятников, результаты которых будут приведены далее.

Верхнее и среднее течение Атрека были интенсивно освоены в раннем железном веке. Археологической разведкой там выявлены 64 памятника (типа Яз I и культуры архаического Дахистана): 9 в верховьях Атрека (между шахрестанами Кучан и Ширван), и 55 — в его среднем течении, а также в транзитной зоне между этими двумя долинами (Vahdati, 2018. P. 54). Все 9 памятников верхнего Атрека принадлежат культуре типа Яз I (Ibid. P. 55), а в среднем течении реки зарегистрировано 35 памятников с характерными сероглиняными сосудами архаического Дахистана (Ibid. P. 58). Все эти поселения расположены на естественных возвышениях.

В среднем течении Атрека, в центре долины Самалкана расположен стратифицированный памятник Тепе Риви площадью 150 га, окруженный серией небольших отдельных холмов. Этот тип поселения с выделенным центральным укреплением аналогичен крупным памятникам Мадаудепе и Изат-кули, расположенным в низовьях Атрека (Ibid. P. 58).

Два других памятника этого периода раскопаны также в долине Самалкана недалеко от современного города Ашхане — Тепе Боруски и Тепе Беш-Дарре. Они расположены на естественных возвышениях и содержат типичную для архаического Дахистана керамику (Ibid. P. 58). Сероглиняная посуда архаического Дахистана преобладает по всей долине Атрека, но на некоторых памятниках, расположенных в восточной части долины Самалкана, встречается также керамика типа Яз I (Ibid. P. 58).

Менее изученной долгое время оставалась область бассейна реки Кале-е Шур (юг Эльбурса). Иранскими археологами проведены разведки и раскопки, которые дали возможность проследить культурную последовательность ее исторического развития (Ibid. P. 60). Отмечается плотная заселенность долины в раннем железном веке. В шахрестанах Джаджарм и Эсферайен вдоль южных склонов Эльбурса располагаются памятники с керамикой этого периода (1500–1000 гг. до н. э. для Яз I и 1300–600/500 гг. до н. э. для культуры архаического Дахистана): 19 памятников на равнине Эсферайен-Сафиябад (Vahdati, 2015. P. 268, 271, fig. 9) и 8 на равнине Джаджарм, 5 в долине Шоган-Арматлу и 10 в долине Дашт-Калпуш по соседству с Гурганской равниной (Vahdati, 2018. P. 60). Подавляющее большинство памятников имеет небольшие размеры и разбросаны неравномерно по всей области. Самым большим памятником северной группы и всей равнины является Джейран Тепе, площадь которого составляет около 2 га и который состоит из двух холмов (высота холма № 1 — 8 м, холма № 2 — 4 м) (Ibid. P. 61). Археологические раскопки в северной части Джейран-депе выявили монументальное здание, построенное на искусственной платформе (Vahdati, 2016. P. 93, fig. 3). На Джейран Тепе, в траншее 1 и 3 доминирует расписная керамика культуры типа Яз I, которая составляет 85 % (Ibid. P. 95, fig. 4), остальная керамика представлена типичными сероглиняными сосудами культуры архаического Дахистана (Ibid. P. 96, fig. 5).

Приведенные выше материалы убедительно свидетельствуют о культурных взаимодействиях Восточного Хорасана как с Гурганской равниной, так и с предгорной зоной Копетдага (Vahdati, 2018. P. 65).

Бердыев, 1971 — Бердыев О. Некоторые результаты археологических работ Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР (1959–1966 гг.) // МКТ. 1971. Вып. 1. С. 7–22.

Вдовин, Мурадова, 1993 — Вдовин В. Ю., Мурадова Э. А. Стратиграфические исследования на Чиледепе // Türkmenistanyň Ylymlar akademiýasynyň habarlary. Gumanitar ylymlary. 1993. № 3. S. 29–47.

Гутлыев, Заднепровский, 1985 — Гутлыев Г., Заднепровский Ю. А. Яшилдепе — эталонный памятник раннежелезного века на территории Северной Парфии // ИАН ТуркмССР. СОН. 1985. № 4. С. 44–50.

- Марущенко, 1956 — Марущенко А. А. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР // ТИИАЭ АН ТуркмССР. 1956. Т. II. С. 5–10.
- Масимов, 1982 — Масимов И. С. Новые памятники раннежелезного века Мургабского оазиса // Новые археологические открытия в Туркменистане / Под ред. В. М. Массона. Ашхабад: Ылым, 1982. С. 20–33.
- Масимов, Удеумурадов, 1984 — Масимов И. С., Удеумурадов Б. Н. Новые материалы по раннежелезному веку низовий Мургаба // Туркменистан в эпоху раннежелезного века / Отв. ред. В. М. Массон, Е. Атагарриев. Ашхабад: Ылым, 1984. С. 12–27.
- Массон, 1956 — Массон В. М. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении // ТЮТАКЭ. 1956. Т. VII. С. 385–458.
- Массон, 1959 — Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА. № 73). 216 с.
- Мурадова, 1991 — Мурадова Э. А. Поселения архаического Дахистана. Ашхабад: Ылым, 1991. 147 с.
- Мурадова, 2016 — Мурадова Э. А. К изучению памятников раннежелезного века Туркменистана // ТМАЭ. 2016. Т. 6. С. 529–533.
- Пилипко, 2015 — Пилипко В. Н. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. СПб.: АИК, 2015. 419 с.
- Хлопин, 1989 — Хлопин И. Н. Открытие Гиркании // Природа. 1989. № 4. С. 50–59.
- Хлопина, 1981 — Хлопина Л. И. Стратиграфия поселения раннего железного века Южной Туркмении Пархай-тепе // ИАН ТуркмССР. СОН. 1981. № 2. С. 75–82.
- Vahdati, 2015 — Vahdati A. A. Preliminary report on the Archaeological Survey in Esfarāyen county, North-eastern, Iran // AMIT. 2015. Bd. 47. P. 261–287.
- Vahdati, 2016 — Vahdati A. A. A Preliminary Report on the First Season of Excavation at Jayran Tepe in the Plain of Esfarayen, Northeastern Iran, 2012 // IA. 2016. Vol. 52. P. 85–101.
- Vahdati, 2018 — Vahdati A. A. The Early Iron Age in Northern Khorāsān // A Millennium of History: The Iron Age of southern Central Asia (2nd and 1st Millennia BC). Proceedings of the conference held in Berlin (June 23–25, 2014). Dedicated to the memory of Viktor Ivanovich Sarianidi / Ed. by J. Lhuillier, N. Boroffka. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2018 (AIT. Bd. 17; MDFAFA. Vol. XXXV). P. 51–66.

Cultural contacts in the Early Iron Age: Southern Turkmenistan and North-Eastern Iran

Ejegul' A. Muradova²

Annotation. *Contacts between two cultures of the Early Iron Age — the Yaz culture and the culture of Archaic Dakhistan — can be traced at the sites of both Turkmenistan and Iran, which were parts of the same historical and cultural area during that period.*

Keywords: *Kopet Dagh piedmont, Early Iron Age, Marghab, Sumbar, Chandyr, Atrek, Mishrian, Yaz culture, Archaic Dehistan culture*

² Ejegul' A. Muradova — Institute of History and Archaeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan; e-mail: bezegli2017@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4715-3317.

Хронология и периодизация погребальных памятников в контактной зоне между Согдом, Ферганой и Чачем¹

Л. М. Сверчков², Н. Г. О. Бороффка³

Аннотация. *Через Зааминский район издревле пролегли миграционные, а позже торговые пути, ограниченные с юга горами, с севера — пустыней. По раскопкам могильников в этом широтном «коридоре» выделяется четыре периода, представленные четырьмя археологическими культурами. Период 1 (поздняя бронза — раннее железо) представлен погребениями кайраккумской культуры, период 2 (середина I тыс. до н.э.) — памятниками эйлатано-актамской культуры, период 3 — курганами с катакомбами культуры Каунчи последних веков до н. э. — первых веков н. э.; период 4 относится к середине I тыс. н. э. и представлен курумами и мугхона.*

Ключевые слова: *Заамин, кайраккумская культура, эйлатанская культура, каунчинская культура, погребальные сооружения*

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-162-167

Где-то с конца VI до начала XIII в. в центре «треугольника» Согд — Чач — Фергана располагалось государство Уструшана, ядром которого, ее географическим и политико-экономическим центром являлись Шахристанская предгорная котловина и особенно долина реки Зааминсу. С древнейших времен через Заамин пролегли миграционные пути, позже приведшие к сложению постоянных транспортных артерий. Следы неоднократных перемещений народов запечатлены в виде многочисленных курганных могильников в «коридоре», ограниченном с юга горами, с севера — пустынной Голодной степью. Чаще всего курганы представляют собой круглые в плане грунтовые насыпи диаметром от 3 до 30 м и высотой от 30–40 см до 2–2,5 м. Еще южнее, ближе к горам, встречаются захоронения в виде скоплений камней круглой или овальной в плане формы; иногда можно видеть прямоугольные конструкции из больших вертикально поставленных камней. Еще 50 лет назад погребальных памятников разного типа насчитывалось, по самым приблизительным оценкам, около 2000, сейчас намного меньше — не более 20 % прежнего числа.

Относительно недавно на территории Зааминского района, возле кишлаков Гульба, Шурча и Пшагар планомерно исследовалась группа курганов. Всего здесь обнаружено 24 кургана, два из которых вскрыты. Захоронения катакомбные, сарматского типа (могильная яма расположена перпендикулярно дромосу), предварительно датируемые в широком диапазоне: II в. до н. э. — II в. н. э. (*Ташибаев и др.*, 2008. С. 184–189). Кроме того, были выявлены иные, более древние погребения, которые, хоть и уступая в количественном отношении курганам с катакомбами, позволяют расширить наши представления о передвижениях скотоводческих племен в образованном самой природой «коридоре» с середины II тыс. до н.э. до середины I тыс. н. э.

Период 1 представлен могильником Аччи, расположенным южнее одноименного селения, на нижней надпойменной террасе Аччисая. Он относится к эпохе поздней бронзы — раннего железа и является пока наиболее древним в Зааминском районе, хотя уже была известна единичная

¹ Краткий итог работы Узбекско-Германской археологической экспедиции в Зааминском районе Джизакской области Узбекистана в 2018–2023 гг.

² Леонид Михайлович Сверчков — Институт искусствоведения АН Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан; e-mail: lsverchikov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6013-8824.

³ Николаус Г. О. Бороффка — Германский археологический институт, Цойтен, Федеративная Республика Германия; e-mail: nboroffka@t-online.de; ORCID: 0000-0002-3437-1569.

находка бронзового кельта-тесла в 20 км к югу от г. Заамин (Сверчков, 2013. С. 13, рис. 9). Могильник состоит из небольших курганов-курумов овальной или круглой в плане формы, расположенных цепочкой вдоль реки по линии С–Ю. Они представляют собой скопления камней, имеющие диаметр 2–3 м и высоту до 1 м, под которыми обнаружены прямоугольные наземные или слегка утопленные вглубь на 50–80 см ящики размером от 90×40 см до 1,5×1 м, ориентированные по линии СВ–ЮЗ и сложенные из поставленных на ребро камней. По крайней мере, на двух курганах были установлены погребальные каменные стелы. Вполне вероятно, что вокруг ящика имелась оградка из камней. В редких случаях внутри попадают только мелкие фрагменты человеческих костей. Лишь в одном ящике удалось выявить костяк женщины 25–40 лет в сильно скорченном положении на левом боку, головой на юг, лицом на запад⁴. Сопроводительный инвентарь отсутствует.

Центральным и самым крупным в могильнике Аччи является захоронение № 158 размером 3,7×2,6 м (снаружи) и 2,3×1 м (внутри), обставленное вертикальными, слегка наклоненными внутрь каменными плитами. В конструкции, строго по центру южной стены, имеется каменная выкладка (80×70 см), предположительно, для установки стелы. Дно погребения углублено на 54 см, на нем были рассеяны обожженные при температуре 600–700°C мелкие фрагменты человеческих костей, зола и обломки керамического сосуда, который, вероятнее всего, служил погребальной урной. Сосуд в верхней половине орнаментирован двумя рядами зигзагов, разделенных горизонтальными поясками, нанесенными гребенчатым штампом (рис. 1). Радиоуглеродный анализ костей датирует погребение 1507–1448 гг. до н. э. (вероятность 68,3 %), 1533–1427 гг. до н. э. (вероятность 95,4 %).

За исключением кургана № 158 с кремацией, захоронения в каменных ящиках, наземных или слегка утопленных в землю, находят прямые аналогии в кайракумской культуре Ферганской долины, особенно могильнике Дахана (см.: Литвинский и др., 1962. С. 161, рис. 39; Иванов, 1999. С. 6–7). Присутствуют таковые и в могильнике Ямбулакэ первого этапа в Синьцзяне (Шульга, 2010. С. 198, рис. 51, I-1).

Период 2 представлен невысокими, в отличие от катакомбных, грунтовыми курганами диаметром от 5 до 10 м, высотой от 40 см до 1,5 м могильника Мугол. Датируются серединой I тыс. до н. э. В основном такие погребальные конструкции концентрируются на территории и в окрестностях селения Мугол, хотя встречаются и дальше на запад. Под насыпью расположены одна или две грунтовые прямоугольные могильные ямы, опущенные на глубину 1–1,3 м от уровня древней дневной поверхности. Ориентированы строго по линии В–З. Иногда ямы имели боковую нишу или ступени. В двух курганах были вскрыты квадратные в плане наземные сырцовые склепы размером 4,4×4,5 м и 3,5×3,5 м, сложенные из комков глины (гуваля) и пахсы. Под каждым из них находилась такая же, как и под курганной насыпью, могила. Никаких признаков костных останков или сопроводительного инвентаря не обнаружено, все погребения были вскрыты еще в древности и абсолютно стерильны.

Тем не менее, по общим особенностям погребальных конструкций и ориентации могильных ям аналогии указанному способу захоронения обнаруживаются среди памятников эйлатано-актамской культуры Ферганской долины. В частности, в Кунгайском могильнике наряду с захоронениями в грунтовых ямах имеется значительное количество погребений в наземных каменных склепах, построенных на древней дневной поверхности (Гамбург, Горбунова, 1957; Заднепровский, 1962. С. 175; 1985; Gorbunova, 1986).

Аналогии эйлатано-актамской культуре и мугольскому могильнику обнаруживаются на крайнем востоке Синьцзяна, среди памятников предгорий Восточного Тянь-Шаня к северу от Дуньхуана. Сочетание в одном могильнике обычных грунтовых могил, ориентированных по линии В–З, и наземных сырцовых склепов является типичным для второго этапа культуры Ямбулакэ (Mei Jianjun, 2016. P. 12). Радиоуглеродная хронология погребений Ямбулакэ охватывает период от 1300–1200 до 550–500 гг. до н. э. (Шульга, 2010. С. 17–18).

Ввиду отсутствия какого-либо датирующего материала прояснить вопросы хронологии кургана позволил радиоуглеродный анализ костей животных из очажного пятна — явного следа некоего погребального или поминального ритуала поверх склепа № 147. Со степенью вероятности 66,6 %

⁴ Все определения костных останков выполнены антропологом М. Константинеску.

погребение состоялось в промежутке времени 481–394 гг. до н. э., с вероятностью 91,9 % — в интервале 545–386 гг. до н. э.

В какой-то мере подтверждением указанной даты может послужить радиоуглеродный анализ фрагментов костей из насыпи позднего, катакомбного кургана № 131, отстоящего от кургана № 147 всего на 700 м. Мелкие обломки костей, принадлежавших ребенку возрастом от 1 года до 7 лет, обнаружены в одном из грабительских лазов, куда, вероятнее всего, попали случайно. Сами кости с вероятностью 70,2 % датируются 409–353 гг. до н. э.

Период 3 представлен самыми многочисленными в Зааминском «коридоре» подкурганскими катакомбными погребениями так называемого кенкольского типа. Даже с учетом широчайшего освоения земель от Сырдарьи до г. Джизака количество их исчисляется сотнями. Время их соору-

Рис. 1. Погребальная урна из кайраккумского могильника Аччи (прорисовка Р. Бороффи)

Fig. 1. Funeral urn from a Kairakkum burial at Achchi (drawing by R. Boroffka)

жения обычно относят к периоду III в. до н. э. — III в. н. э. Подобные захоронения широко известны в археологии присырдарьинских областей, в ареале распространения родственных сарматоидных каунчинской и отраро-каратауской культур и датируются в широком диапазоне от конца I тыс. до н. э. до первой половины I тыс. н. э. (см.: *Левина*, 1971). В Южном Казахстане время существования аналогичных погребальных памятников, образующих арысскую культуру, определяют с I в. до н. э. по III в. н. э. (*Подушкин*, 2015).

Кроме упомянутого выше могильника Гульба возле с. Пшагар, таковые имеются и южнее, в Бошпшагаре, и западнее — в Равате, и восточнее — в Аччи и Муголе (*Сверчков, Бороффка*, 2022. С. 135). В последнем особенно выделяется курган № 131 диаметром около 25 м и высотой более 2 м. Дромос шириной 65 см расположен по центру западной стены погребальной камеры. Могила находится на глубине 5 м, имеет в плане прямоугольно-овальную форму и размер 2,4×1,6 м. Костяк ориентирован по линии С–Ю с небольшим отклонением на ЮЗ, лежал в деревянном гробу головой на юг.

Результаты радиоуглеродного анализа материала из кургана № 131: кости — 199–46 гг. до н. э. (вероятность 92,7 %); дерево — 229–92 гг. до н. э. (вероятность 63,1 %).

Период 4 представлен наземными каменными склепами — курумами и мугхона IV–V вв. н. э., расположенными в предгорьях и горах Зааминского района на высоте от 900 до 2600 м над уровнем моря. Памятники этого типа подробно представлены в специальной работе Б. А. Литвинского (*Литвинский*, 1972); можно лишь добавить, что за последние 50 лет география таких конструкций существенно расширилась. Проще назвать области, в которых нет мугхона, нежели те, где они есть. Проблема исследования наземных склепов состоит в том, что от большинства из них на поверхности остались только груды камней, благодаря чему они и получили свое название — курумы. В такой ситуации обнаружить костные останки и сопроводительный инвентарь можно только в труднодоступных местах, как правило, в высокогорье.

В с. Бошпшагар относительно неплохо сохранился образец мугхона № 49 размером 9,5×5 м. По центру расположена прямоугольная циста размером 2×1 м (ЮЮВ–ССЗ) с коротким продольным входом-дромосом, закрытым крупным камнем. Снаружи местами прослеживаются два концентрических кольца из камней, промежуток между которыми заполнен камнями помельче. Дно погребальной камеры выстлано камнем, остатков костей нет. Имеется только восемь мелких фрагментов керамики, один из которых — стенка т. н. «псевдоарретинской» красноощенной чаши (*terra sigillata*).

Обращаясь к вопросу о генезисе курумов и мугхона, нам не остается ничего иного, как повторить сказанное более 60 лет назад Б. А. Литвинским, обозначившим их происхождение от погребальных камер Даханинского могильника кайраккумской культуры с Кунгайским могильником эйлатанской культуры в качестве промежуточного этапа (*Литвинский и др.*, 1962. С. 168). Генетическая преемственность кайраккумской и эйлатано-актамской культур подчеркивалась неоднократно, в том числе и в формах сосудов (*Там же*. С. 256), и в погребальном обряде (*Иванов*, 1999. С. 17), и в скотоводческом типе хозяйства (*Абдуллаев*, 2023. С. 23, 33).

Аналогичная ситуация характерна и для памятников предгорий Восточного Тянь-Шаня на крайнем востоке Синьцзяна, в частности, Янбулакэ, однако около 500 г. до н. э. эта культура то ли исчезает, то ли трансформируется, и ее территорию занимает скотоводческая баркольская культура. Последняя известна примерно с 1200–1000 г. до н. э. и, возможно, родственна Янбулакэ, но в то же время имеет сходство с культурами юга и центра Внутренней Монголии. Погребальные памятники баркольской культуры внешне выглядят как каменные насыпи диаметром от 2 до 10 м, которые изначально были наземными склепами, сложенными из камней и щебня (т. е. курумами). Могильные ямы глубиной от 50 до 150 см есть только под большими по размеру насыпями, в маленьких — обычное труположение на уровне древней дневной поверхности (*Ma Jian*, 2014. Р. 31–32). Баркольская культура доживает до II в. до н. э., когда прекращает свое существование под натиском хунну, что вполне подтверждается археологическими материалами Баркола. Сопоставив данные раскопок и сведения письменных источников, китайские археологи обоснованно отождествляют носителей баркольской культуры с большими юечжи (*Wei Lanhai et al.*, 2015. Р. 282–283, fig. 1). На это время в Зааминском «коридоре» приходится массовое

нашествие каунчинских племен с катакомбным погребальным обрядом, но к середине I тыс. н. э. генетическая линия кайракумской — эйлатанской культуры возродилась в виде могильников с курумами и мугхона.

Таким образом, если в отношении восточных пределов кайракумской культуры все более или менее ясно, то после открытия в Заамине могильника Аччи приходится возвращаться к вопросу о ее западных границах. Новые материалы свидетельствуют в пользу точки зрения Б. А. Литвинского о том, что ареал этой культуры охватывал всю восточную часть Средней Азии, за исключением Семиречья. При этом подчеркиваются ее тесные контакты с андроновской (тазабагыбской) культурой, особенно на западных границах Бухарского оазиса (*Литвинский и др.*, 1962. С. 288–290). Для нас это повод задуматься о культурной принадлежности тех или иных отдельных находок или погребений, зачастую автоматически причисляемых к позднеандроновской бегазы-дандыбаевской культуре, особенно в Самаркандской и Бухарской областях. Часто под определение «степная бронза» попадают далеко не андроновские материалы, хотя монополии какой-либо одной культуры в Среднеазиатском междуречье не было никогда.

- Абдуллаев*, 2023 — *Абдуллаев Б. М.* К проблеме эйлатанской культуры древней Ферганы // ВМИЦАИ. 2023. Вып. 35. 2023. С. 19–35.
- Гамбург*, *Горбунова*, 1957 — *Гамбург Б. З.*, *Горбунова Н. Г.* Ак-Тамский могильник // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 78–90.
- Заднепровский*, 1962 — *Заднепровский Ю. А.* Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962 (МИА. № 118). 328 с.
- Заднепровский*, 1985 — *Заднепровский Ю. А.* Фергана. Эйлатанская культура // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.: Наука, 1985 (АрхСССР). С. 195–198.
- Иванов*, 1999 — *Иванов Г. П.* Археологические культуры Ферганы (периодизация и синхронизация): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1999. 27 с.
- Левина*, 1971 — *Левина Л. М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1971 (ТХАЭЭ. Т. VII). 252 с.
- Литвинский и др.*, 1962 — *Литвинский Б. А.*, *Окладников А. П.*, *Ранов В. А.* Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе: Изд-во АН Таджикской ССР, 1962. 408 с. (ТИИ АН ТаджССР. Т. XXXIII).
- Литвинский*, 1972 — *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). М.: ГРВЛ, 1972 (Могильники Западной Ферганы. I). 258 с.
- Подушкин*, 2015 — *Подушкин А. Н.* Сарматская атрибутика в археологических комплексах катакомбных погребений арысской культуры Южного Казахстана (I в. до н. э. — III в. н. э.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. Волгоград, 2015. № 5. С. 67–78.
- Сверчков*, 2013 — *Сверчков Л. М.* Археологические памятники горного Заамина. Ташкент: б. и., 2013. 48 с.
- Сверчков*, *Бороффка*, 2022 — *Сверчков Л. М.*, *Бороффка Н.* Краткий обзор археологических и геофизических работ в Зааминском районе // АИУ. 2022. Вып. 14 (2021 г.). С. 132–137.
- Ташбаев и др.*, 2008 — *Ташбаев Ф.*, *Пардаев М. Х.*, *Грицина А. А.* Изучение Гульбинского могильника (предварительное сообщение) // Культура кочевников Центральной Азии. Материалы международной конференции. Самарканд, 22–24 ноября 2007 г. / Под ред. Ш. Р. Пидаева. Самарканд: МИЦАИ, 2008. С. 184–189.
- Шульга*, 2010 — *Шульга П. И.* Синьцзян в VIII–III вв. до н. э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова, 2010. 238 с.
- Gorbunova*, 1986 — *Gorbunova N. G.* The Culture of Ancient Ferghana, VI century B.C. — VI century A.D. Oxford: B.A.R., 1986 (BARIS. 281). 365 p.
- Ma Jian*, 2014 — *Ma Jian.* The Rise of Nomads on the Barkol Steppe and their Cultural Interflow with the Altai Region during the 1st Millennium BCE // Eurasian Studies. II / Ed. by Yu Taishan and Li Jinxiu. Beijing: Asia Publishing Nexus, 2014. P. 29–42.

Mei Jianjun, 2016 — *Mei Jianjun*. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang: Its cultural context and relationship with neighbouring regions. Oxford: BAR Publishing, 2016 (BARIS. 865). XII, 187 p.

Wei Lanhai et al., 2015 — *Wei Lanhai, Li Hui and Xu Wenkan*. The separate origins of the Tocharians and the Yuezhi: Results from recent advances in archaeology and genetics // Tocharian texts in context. International conference on Tocharian manuscripts and Silk Road culture held June 26–28, 2013 in Vienna / Ed. by M. Malzahn, M. Peyrot, H. Fellner and Th.-S. Illés. Bremen: Hempen Verlag, 2015. P. 277–299.

Chronology and periodization of the funeral monuments in the contact zone between Sogdiana, Ferghana and Chach

Leonid M. Sverchkov⁵, Nikolaus G. O. Boroffka⁶

Annotation. *Migration and later trade routes, determined by nature itself and bounded by mountains from the south and desert from the north, ran through the Zaamin district from ancient times. According to the excavations of burial grounds in this latitudinal «corridor», four periods can be distinguished, represented by four archaeological cultures. Period 1 (the Late Bronze Age — Early Iron Age) is represented by burials of the Kairakkum culture, period 2 (the middle of the 1st millennium BC) — by burials of the Eilatan-Aktam culture, period 3 — by mounds with catacombs of the Kaunchi culture of the last centuries BC — the first centuries AD. Period 4 belongs to the middle of the 1st millennium AD and is represented by kurums and mughona.*

Keywords: *Zaamin, Kairakkum culture, Eilatan culture, Kaunchi culture, burial constructions*

⁵ Leonid M. Sverchkov — Fine Arts Institute of ASU, Tashkent, Republic of Uzbekistan; e-mail: lsverchkov@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6013-8824.

⁶ Nikolaus G. O. Boroffka — Deutsches Archäologisches Institut, Zeuthen, Bundesrepublik Deutschland; e-mail: nboroffka@t-online.de; ORCID: 0000-0002-3437-1569.

Раздел 4

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СОСТАВЕ ВЕЛИКИХ ИМПЕРИЙ АНТИЧНОГО ВОСТОКА

The Great King's steppe

Marco Ferrario¹

Annotation. *The socio-economic history of pre-Islamic Central Asia is dramatically changing. Indigenous actors' agency is gaining focus with respect to imperial agents. Inter-, intra-local, and transregional developments are given prominence against stories of vaguely defined long-distance trade. However, the impact of the Achaemenid Empire is underappreciated or neglected. The present paper demonstrates the role of the Persian encroachment in Central Asia in triggering local institutions, production, consumption, and circulation dynamics whose footprint would last centuries beyond the Empire itself.*

Keywords: *Achaemenid Empire, Bactria, Central Asia, Eurasian Steppe, merchants, mobile pastoralists*

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-168-171

Historians are forced to impose plausible and simplifying fictions on a complex and largely irrecoverable past.
(Hopkins, 1978. P. 215)

1. The Persian Bāzār. Writing a socioeconomic history of pre-Islamic Central Asia is challenging. Histories of Central Asia have been prone to Eurocentric approaches focused on the deeds of great men or Silk-Road-style narratives (Abbott, 2022). Evidence reappraisals allow questions of production and consumption across geographical and socioeconomic scales. Hence a shift away from long-distance luxury trade (Morris, 2019b). Furthermore, engagement with post-colonial and globalization theories brought further interpretative nuance (Hoo, 2023) (fig. 1).

This paper advocates for a social and economic history of Empire-embedded Central Asia to begin with Persian, from the Empire's inception in the late 6th century BC.

The establishment of imperial power under Cyrus is presented here with two issues in mind. First, how and thanks to which technologies of power did the Empire succeed as the most influential and attractive sociopolitical economic actor across Northeastern Central Asia (Rollinger, 2023). Second, how and with what consequences did local landscape affordances, economic strategies, consumption habits, and power dynamics shape the development of (and impose limits on) Persian overlordship?

2. Cyropolis to China. Next to nothing is known about Cyrus' foray(s) into Eastern Īrān and Central Asia. The main source available is Herodotus. While certainly aware of the strategic importance of Central Asia's conquest for the rising Persian power, he focused only on the conqueror's ignominious death at the hand of the Massagetai.

¹ Marco Ferrario — Università degli Studi di Trento, Trento, Repubblica Italiana; e-mail: marco.ferrario@unitn.it; ORCID: 0000-0003-2280-7289.

This evidence betrays surplus wealth among a broader spectrum of the population (*Morris*, 2023. P. 211–224). It suggests that sophisticated consumption habits were in place before the Persians: these sustained resource extraction regimes and production networks.

How such developments relate to Persian imperial formation in Central Asia is made evident by a phenomenon whose importance has yet to gain appreciation: the spread and acceptance of an artistic pattern known as the quatrefoil in Spring and Autumn Period China. Given the lack of local antecedents and the parallels known from Persian imperial art, the explanation for such a development in a conservative field such as fashion relates to Cyrus' conquests across the whole of Northeastern Central Asia (*Kim*, 2021).

In such a scenario, however, the agency of local and transregional actors gets lost. Research on the political economies of mobile societies has pointed out the «diverse and assertive nature of local expressions of prestige» (*Brosseder, Miller*, 2023. P. 286) across the steppes as well as the role of *politics* in shaping goods circulation and redistribution. Mercantile activities ought to be understood as elite provisioning by a differentiated host of actors who were engaged in power politics and the pursuit of social and economic influence for themselves and/or their reference group(s) (*Morris*, 2023. P. 238–239).

The parallel of the Sogdian Ancient Letters is instructive because it provides a useful model through which to imagine how (and why) the pattern might have moved so far from the sphere of Persian political control at such a pace (*Ibid.* P. 243–250). Affluent and well-connected families, such as those behind the Chorasmian forts or Köktêpe, were best placed to engage in elite consumption. Furthermore, they possessed the means and the interest to organize the circulation of prestige-bearing goods *beyond* the area where they were sourced, further enhancing their standing as gatekeepers to the wealth of Persian-ruled Central Asia.

These networks were flexible enough to navigate the risks of dealing with different markets across cultural and political divides (*Ibid.* P. 249). They provided a compelling interlocutor for imperial representatives eager to establish themselves as political authorities in the region, at the bequest of the King *and* on their own rights.

At the dawn of the Empire in Central Asia, power relationships were more contested than what first meets the eye. The emergence of Cyropolis might say as much concerning the scope of Teispid infrastructural power as it hints at the means and skills of indigenous societies in adapting to changing political circumstances while shaping the strategies of enemies and partners alike.

3. People and Empires. «It is in localities that increasing connectivities are negotiated, articulated, and capitalized upon in diverse ways and for various economic goals» (*Hoo*, 2023. P. 61).

In Central Asia, such a dialectic was already at least 300 years old when Diodotos I started minting his gold coins, ushering Bactria and its surroundings in what has evocatively — but misleadingly — been called the *first* imperial era of its history (*Morris*, 2019a. P. 88).

Трудновская, 1979 — *Трудновская С. А.* Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Туз-гыр // *Кочевники на границах Хорезма* / Отв. ред. М. А. Итина. М: Наука, 1979 (ТХАЭЭ. Т. XI). С. 101–111.

Abbott, 2022 — *Abbott B.* Elephants, Greeks, and Gold: The Silk Road in the Age of Hellenistic Empires // *The World of the Ancient Silk Road* / Ed. by Xinru Liu, with the assistance of P. Brancaccio. Abingdon; New York: Routledge, 2022. P. 429–441.

Brosseder, Miller, 2023 — *Brosseder U., Miller B.* The Eurasian Steppe: Local Agents and their Participation in Global Networks // *HAnCAEE-3*. 2023. P. 270–292.

Hoo, 2023 — *Hoo M.* Global history and the study of Frontier-Zones in Ancient Afro-Eurasia: a Post-Colonial Endeavor // *HAnCAEE-3*. 2023. P. 43–69.

Hopkins, 1978 — *Hopkins K.* *Conquerors and Slaves*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1978 (Sociological Studies in Roman History. Vol. 1). XIV, 268 p.

Kim, 2021 — *Kim M.* The Pinnacle Ornament of Flowers: Quatrefoils of Early China and Their Achaemenid Parallels // *Occult Arts, Art History, and Cultural Exchange in Early China* / Ed. by G. Lai. Hangzhou: Hangzhou University Press, 2021. P. 185–246.

Luneau, 2020 — *Luneau E.* The End of the Oxus Civilization // *The World of the Oxus Civilization* / Ed. by B. Lyonnet and N. Dubova. Abingdon; New York: Routledge, 2020. P. 496–524.

- Minardi, 2023* — *Minardi M.* The Northeastern Regions of the Persian Empire: Bactriana, Sogdiana, Margiana, Chorasmia, Aria, Parthia, the Sakas, and the Dahae // OHANE-5. 2023. P. 784–836.
- Morris, 2019a* — *Morris L.* Central Asian Empires // HAnAEE-1. 2019. P. 53–94.
- Morris, 2019b* — *Morris L.* Evidence for Central Asia // HAnAEE-1. 2019. P. 381–423.
- Morris, 2023* — *Morris L.* Merchants and Nomads: Political and Economic Organization in Sogdiana and the Middle Syr Darya under the Kangju Confederacy // HAnAEE-3. 2023. P. 145–270.
- Potts, 2023* — *Potts D. T.* The Persian Empire under the Achaemenid Dynasty, from Darius I to Darius III // OHANE-5. 2023. P. 417–520.
- Rollinger, 2023* — *Rollinger R.* The Persian Empire in Contact with the World // OHANE-5. 2023. P. 887–948.
- Waters, 2022* — *Waters M.* King of the World: The Life of Cyrus the Great. Oxford: Oxford University Press, 2022. XVI, 255 p.

Степь Великого царя

М. Феррарио²

Аннотация. *Картина социально-экономической истории доисламской Центральной Азии кардинально меняется на наших глазах: все больший акцент в ней переносится с мероприятий имперской власти на жизнь и деятельность местного населения. Внутри- и межрегиональные процессы и взаимодействия получают преимущественное освещение — вместо широкой панорамы дальней торговли на большие расстояния. Однако влияние Ахеменидской империи при этом недооценивается или вовсе игнорируется. В настоящей работе показана роль персидского вторжения в Центральную Азию в формировании местных институтов, систем производства, потребления и обмена, наследие которых на века пережило саму империю.*

Ключевые слова: *империя Ахеменидов, Бактрия, Центральная Азия, Евразийская степь, торговцы, мобильные скотоводы*

² Марко Феррарио — Университет Тренто, Тренто, Итальянская Республика; e-mail: marco.ferrario@unitn.it; ORCID: 0000-0003-2280-7289.

Дрангиана в составе державы Александра Великого¹

М. М. Холод²

Аннотация. Автор приводит доводы в пользу того, что присоединение Дрангианы к сатрапии Ария имело место не раньше зимы 328/7 г. до н. э., когда Александр, находившийся тогда в Наутаке, передал ее в управление Стасанору из Сол; до тех же пор, с конца 330 г., она, будучи отторгнутой македонским царем от провинции Арахосия, являлась самостоятельной сатрапией, главой которой стоял некий перс по имени Арсам.

Ключевые слова: Александр Великий, Дрангиана, Ария, Арахосия, держава, сатрапия, сатрап

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-172-175

Известно, что накануне македонского завоевания Дрангиана образовывала вместе с Арахосией единую сатрапию (Arr. *Anab.* III, 8, 4; 21, 1; 25, 8; Curt. VI, 36, 6), а потом была присоединена Александром к Арии (Arr. *Anab.* VI, 27, 3; Diod. XVIII, 3, 3; к этому также см.: Dexipp. [FGrHist.] 100 F 8, 6; Iust. XIII, 4, 22). Остается, однако, неясным, когда именно такое присоединение произошло.

Ключевым для решения данного вопроса является пассаж из рассказа Курция об изменениях административного характера, произведенных македонским царем зимой 328/7 г. до н. э. (все даты — до н. э.) в Наутаке. В этом пассаже говорится: «На место Арсама, префекта дрангов, был назначен Стасанор...» (Curt. VIII, 3, 17: *Arsami, Drangarum praefecto, substitutus est Stasanor...*)³. О назначении тогда Стасанора главой Дрангианы сообщает и Арриан, который при этом, правда, не упоминает Арсама (либо кого-то другого, кого Стасанор должен был здесь заместить): «Стасанора же он послал к дрангам сатрапом...» (Arr. *Anab.* IV, 18, 3: *Στασάνορα δὲ ἐς Δράγγας σατράπην ἐκτέμλει...*). Поскольку Стасанор на тот момент уже являлся сатрапом Арии (с лета 329 г.) (Arr. *Anab.* III, 29, 5)⁴, казалось бы, получается, что Дрангиана была присоединена к ней только сейчас, а до того существовала как отдельная сатрапия (логично считать, что со времени ее перехода под власть македонского царя, т. е. с конца 330 г.), во главе которой стоял перс Арсам⁵. Следует заметить, что возможность ее нахождения в ту пору все еще в составе Арахосии следует исключить: помимо того, что на это ничего не указывает, показательны упоминания в наших источниках данной сатрапии после ее завоевания Александром, в том числе и до зимы 328/7 г., только лишь как Арахосии/арахосиев.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 20-18-00374-П, выполняемый на базе Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

² Максим Михайлович Холод — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: mmkholod@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6834-2010.

³ Присутствие здесь слова «префект» не должно смущать, поскольку Курций время от времени использует и это слово для обозначения того или иного сатрапа (см., к примеру: Curt. V, 8, 5; IX, 10, 20; X, 1, 20).

⁴ О нем в общем: *Berve*, 1926. II. S. 361–362 (Nr. 719); *Heckel*, 2006. P. 255.

⁵ К этому также см.: Curt. VII, 3, 1 — с исправлением сильно испорченного здесь текста, предложенным Э. Хедике в его издании сочинения Курция: ... *Arsame Drangarum satrape constituto...* Необходимо, однако, учитывать, что подобная конъектура далеко не бесспорна, а потому существенной ценности для восстановления реальной картины событий не представляет.

С такой трактовкой свидетельств Курция и Арриана о Дрангиане, правда, возникает некоторая трудность. Дело в том, что у Курция сразу же вслед за сообщением о назначении македонским царем Стасанора на место Арсама говорится (ошибочно) об отправке им в Мидию Арсака, чтобы он сменил там сатрапа Оксидата (Curt. VIII, 3, 17), тогда как у Арриана в данной связи фигурирует (и это свидетельство соответствует действительности) не Арсак, а Атропат (Arr. *Anab.* III, 29, 5). Отсюда можно сделать вывод, что текст Курция в приведенном выше пассаже, где упоминается Арсам, испорчен и требует исправления: Курцию следовало здесь назвать Арсака, но он, допустив по какой-то причине путаницу, вначале неточно передал его имя, а дальше привел его — на этот раз в корректной форме — вместо Атропата. И если так, то у Курция в этом пассаже речь должна идти о назначении Стасанора на место именно Арсака, причем в качестве сатрапа Арии и Дрангианы, уже объединенных вместе (со времени покорения македонянами последней) в одну провинцию⁶.

Позволим себе не согласиться с этой точкой зрения. Думается, что исправлять имя «Арсам» на «Арсак» в данном месте текста Курция нет никакой необходимости (в отличие от следующей его фразы, где под Арсаком нужно подразумевать Атропата), как и нет необходимости считать, что в сатрапию, вверенную теперь в управление Стасанору, Дрангиана уже входила⁷.

Во-первых, не видится ничего подозрительного в одновременном нахождении во главе двух соседних провинций людей со сходными именами (Арсака в Арии и Арсама в Дрангиане). В самом деле, помимо того, что имена «Арсак» и «Арсам» — разные (хотя и однокоренные), оба они вовсе не редкие, причем их носители встречаются в том числе и в истории Александра⁸. К тому же к случаю с Арсаком и Арсамом имеется и параллель в решениях о распределении сатрапий в Трипарадесе, когда две провинции, находившиеся поблизости друг от друга, были переданы под власть лиц с похожими именами — Стасанора (Бактрия и Согдиана) и Стасандра (Ария и Дрангиана) (Diod. XVIII, 39, 6; Arr. *Succ.* 1, 36).

Во-вторых, обращает на себя внимание, что у Арриана, как и у Курция, в соответствующем пассаже речь идет о назначении Стасанора главой именно Дрангианы. И это представляется совсем не случайным, учитывая, что ранее как Арсак, так и Стасанор назывались Аррианом исключительно сатрапами Арии (без упоминания Дрангианы: Arr. *Anab.* III, 25, 7; 29, 5; IV, 18, 1; ср.: IV, 7, 1), а после того Стасанор именуется им уже сатрапом Арии и Дрангианы (*Ibid.* VI, 27, 3). Конечно, и от Арриана, и от Курция отнюдь не всегда стоит ожидать точности в обозначении сатрапий, состоящих из двух основных областей. Но, думается, не в этом случае. Если еще у Курция здесь в принципе позволительно допустить приведение анахроничной информации о замещении Арсака Стасанором, ибо прежде об этом он ничего не сообщал, то никак не у Арриана. Действительно, он до того уже не только четко засвидетельствовал назначение Стасанора на место Арсака (*Ibid.* III, 29, 5), но и вдобавок сообщил об аресте и приводе им последнего к Александру то ли еще в Бактры (зима 329/8 г.) (*Ibid.* IV, 7, 1), то ли теперь в Наутаку (зима 328/7 г.) (*Ibid.* IV. 18. 1, 3). Очевидно, что указывать повторно факт передачи Стасанору в управление сатрапии Арсака (и тем самым как бы перечеркивать

⁶ См., в частности: *Jacobs*, 1994. S. 75; *Heckel*, 2006. P. 53; *Shayegan*, 2012. P. 100–101; *Nawotka*, 2010. P. 268; *Wheatley, Heckel*, 2011. P. 113. Непонятной при этом остается точка зрения Г. Берве: отрицая историчность Арсама как сатрапа Дрангианы, он вместе с тем считает, что эта область была присоединена к Арии только лишь при Стасаноре, сразу после замещения им Арсака (*Berve*, 1926. I. S. 266; II. S. 81, Anm. 1 [Nr. 146]; 361–362 [Nr. 719]). Получается ли тогда, что, по мысли Берве, Дрангиана до тех пор оставалась по-прежнему объединенной в одну сатрапию с Арахосией? Но, если так, с этим явно нельзя согласиться (см. выше).

⁷ Подчеркнем, что до нас сходной позиции придерживался уже Б. Босуорт (*Bosworth*, 1980. P. 367; 1981. P. 22–23; 1988. P. 237; 1995. P. 123). Кроме того, см.: *Heckel*, 2018. P. 104, 107, где ученый отходит от своего прежнего суждения на этот счет (см. пред. прим). Между тем ту аргументацию, которая была приведена Босуортом в данной связи, на наш взгляд, нельзя назвать достаточно полной. Поэтому ниже она будет нами расширена (и отчасти скорректирована).

⁸ Об этих именах см. теперь: *Mayrhofer*, 1979. S. 12; *Schmitt*, 2011. S. 94–95. Для времени Александра: *Berve*, 1926. II. S. 80–81 (Nr. 146–149); *Heckel*, 2006. P. 53–54; *Shayegan*, 2012. P. 100–101.

сказанное им в данной связи ранее) было бы для Арриана совершенно бессмысленно. Правда, можно предположить, что в источнике Арриана, который он использовал для описания административных распоряжений Александра, сделанных в Наутаке, говорилось все же как раз о таком назначении Стасанора (судя по сходности этого описания с тем, которое представлено в данной связи у Курция, у них здесь, кажется, был общий источник). И если так, то выходит, что Арриан, чтобы данная информация не противоречила его прежним сообщениям о Стасаноре, взятым им из другого источника, несколько ее изменил, опустив у себя имя Арсака, а Курций допустил неаккуратность, назвав его Арсамом. Впрочем, надо признать, что подобное предположение — чисто умозрительное, к тому же допускающее неточную передачу текста одного источника сразу и Аррианом, и Курцием. Кроме того, оно ослабляется и следующим обстоятельством: оба наши автора говорят здесь о назначении Стасанора сатрапом Дрангианы, а не Арии, т. е. главной в административно-политическом отношении области провинции, что не совсем обычно даже при допущении усеченного в данном случае ее описания.

Таким образом, на наш взгляд, есть все основания считать, что присоединение Дрангианы к Арии имело место не раньше зимы 328/7 г., когда Александр в Наутаке передал ее в управление Стасанору, а до тех пор, с конца 330 г., она, отторгнутая македонским царем от провинции Арахосия, являлась самостоятельной сатрапией, главой которой был некий перс Арсам.

- Berve*, 1926 — *Berve H.* Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. Bd. I–II. München: C. H. Beck, 1926. XVI, 357; VII, 446 S.
- Bosworth*, 1980 — *Bosworth A. B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1980. XVI, 396 p.
- Bosworth*, 1981 — *Bosworth A. B.* A Missing Year in the History of Alexander the Great // *JHS*. 1981. Vol. 101. P. 17–39.
- Bosworth*, 1988 — *Bosworth A. B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge: University Press, 1988. XV, 330 p.
- Bosworth*, 1995 — *Bosworth A. B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. II. Oxford: Clarendon Press, 1995. XVIII, 382 p.
- Heckel*, 2006 — *Heckel W.* Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire. Oxford: Blackwell, 2006. XXV, 389 p.
- Heckel*, 2018 — *Heckel W.* Artabazos in the Lands Beyond the Caspian // *Anabasis*. 2018. Vol. 9. P. 93–109.
- Jacobs*, 1994 — *Jacobs B.* Die Satrapienverwaltung im Perserreich zur Zeit Darius' III. Wiesbaden: Reichert, 1994 (Beihefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B [Geisteswissenschaften]. Nr. 87). IX, 320 S.
- Mayrhofer*, 1979 — *Mayrhofer M.* Die Altiranischen Namen. Wien: ÖAW, 1979 (ÖAW. Philosophisch-historische Klasse. Sonderpublikation der Iranischen Kommission; Iranisches Personennamenbuch. Bd. I. Fasz. 1–3). 182 S.
- Nawotka*, 2010 — *Nawotka K.* Alexander the Great. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2010. XIV, 440 p.
- Schmitt*, 2011 — *Schmitt R.* Iranische Personennamen in der Griechischen Literatur vor Alexander d. Gr. Wien: ÖAW, 2011 (ÖAW. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. Bd. 823; Iranische Onomastik. Nr. 9; Iranisches Personennamenbuch. Bd. V. Fasz. 5a). 431 S.
- Shayegan*, 2012 — *Shayegan M. R.* Prosopographical Notes: The Iranian Nobility During and After the Macedonian Conquest // *BAI*. NS. 2012. Vol. 21 (2007). P. 97–126.
- Wheatley, Heckel*, 2011 — *Wheatley P., Heckel W.* Justin. Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus. Vol. II. Books 13–15: The Successors to Alexander the Great. Oxford: University Press, 2011. XXX, 343 p.

Drangiana as part of the power of Alexander the Great

Maxim M. Kholod⁹

Annotation. *The author argues in favour of that the addition of Drangiana to the satrapy of Areia did not take place until the winter of 328/7 BC, when Alexander, who was then in Nautaca, handed it over to Stasanor of Soloi for administration; earlier, from the end of 330, it, having been detached by the Macedonian king from the province of Arachosia, was an independent satrapy with a certain Persian, Arsames by name, at the head of it.*

Keywords: *Alexander the Great, Drangiana, Areia, Arachosia, empire, satrapy, satrap*

⁹ Maxim M. Kholod — St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: mmkholod@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6834-2010.

Верования и греческий язык в эллинистической Бактрии (предварительное сообщение)

Ф. В. Шелов-Коведяев¹

Аннотация. Надпись на керамической форме для отливки бронзового котла из Тахти-Сангина гласит: «Во славу Окса по знамениям посвятил Иромоис Немисков, из семьи Молро, котел вместимостью семь талантов». Вотив чаши с теменоса Тахти-Сангина открывается обозначением ее собственника — бога Окса. Дипинто из мавзолея в Чурик-рабате адресовано дарителем брату.

Ключевые слова: надпись, вотив, дипинто, бог, Окс

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-176-179

Надпись «ΕΙΣΘΕΟΝΚΑΤΑΦΡΑΖΥΜΕΝΑΑΝΕΘΕΣΕΙΡΩΜΟΙΣ ΝΕΜΙΣΚΟΥΧΑΛΚΙΟΝΕΓΤΑΛΑΝΤΩΝΕΠΤΑ» (рис. 1, а) на венце формы для отливки бронзового котла из раскопок производственного участка теменоса храма Окса в Тахти-Сангине 2007 года (*Drujinina*, 2008. S. 128–132, Abb. 10, 11; *Вексина*, 2010. С. 226–240; *Иванчик*, 2011. С. 110–117, рис. 3; *Ivantchik*, 2013. S. 125–130, Abb. 3; *Rougemont*, 2012. P. 274–275, No. 96 bis) видна вполне ясно. Но ресурс осмысления заключенной в ней информации не исчерпан — особенно учитывая попытку (*Балахванцев*, 2014. С. 89–96) значительного омоложения датировки ее шрифта.

Открывающий запись предлог εἰς допускает его целевое назначение (*Schwyzler*, 1977. S. 434), специально в вотивном контексте — «в честь» и т. п. (*Ibid.* S. 460 — “zu Ehren”). Следовательно, εἰς Ὅξον значит — «во славу Окса».

В словоформе φραζύμενα нет нужды исправлять υ на ο, ибо известны, во-первых, чередование ο/υ и обратно на эллинистическом Востоке (*Thumb*, 1901. S. 26, 63, 193) и, во-вторых, произношение там же υ как [u] (*Ibid.* S. 85, 150, 193, 194). Т. е. [frazümena/frazumena] отражает специфику греческого диалекта Бактрии. Поскольку же причастие фигурирует в среднем залоге *praesens*, то наиболее удачным — ср. перипетии различных интерпретаций в (*Rougemont*, 2012. P. 274) — переводом κατὰ φραζύμενα будет (LSJ s. v. Π 3) «по внушениям, настояниям» (здесь — свыше), т. е. «по знамениям». *Pluralis* показывает, что проявления воли божества посещали дедиканта не раз.

Посвящение приносит ранний пример ἀνέθεσε — 3 л. ед. ч. распространенного в более поздний период сигматического аориста глагола ἀνατίθημι (*Schwyzler*, 1977. S. 189, 742, 753, 755, 764). Личное имя Ἰρωμοῖς манит версией расширенного слоговым *ro* имени, родственного антропониму «Иеремия» (иврит. ירמיהו [yirmyahū]). Но разумнее ограничиться иранскими параллелями: к примеру, Irem (*Justi*, 1895. S. 142, s. v.) и Rma, *Rma-asa (в элам. передаче Irmašša) (*Tavernier*, 2007. P. 479, No. 5.3.2.68). Варианты понимания Νεμίσκου см.: *Вексина*, 2010. С. 231; *Иванчик*, 2011. С. 116; *Rougemont*, 2012. P. 274, 275.

Что касается трактовки Μολρπαλρης, А. И. Иванчик (*Иванчик*, 2011. С. 116; *Ivantchik*, 2013. S. 130) видит в Μολρ- форму бактрийского топонима Μαλρο (с чередованием α/ο): ср. совр. Madr в Афганистане. Тогда совокупность этих десяти знаков надо членить на Μολρ(ο) и παλ(α)-ρ-ης (об abbreviated writing при *ro* и лямбде см.: *Wachter*, 1991. P. 61, 64–66), — где ρ-ης суть греческие / грецизированные суффикс и окончание (ауслат ~ης вполне тут обычен: см. *Hansen, Nielsen*, 2004. Index, passim), а παλ(α)- (*Sims-Williams*, 2010. No. 516) — указание на семью наследственных

¹ Федор Вадимович Шелов-Коведяев — Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация; e-mail: shel-kov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6846-2856.

правителей (?) Молро (ср. названия местностей в европейских аристократических фамилиях), к которой принадлежал Иромоис.

Керамические матрицы для литья котлов на теменосе храма Окса впечатляют своими размерами (см. *Drujinina*, 2008. Abb. 6, 8). Но вряд ли на одно изделие пошло бы 7 талантов (в эпоху эллинизма 183 кг) бронзы. Затруднительно также думать, что речь идет о сумме в золоте или серебре, затраченной на изготовление предмета.

Очевидно, ἐγ (ἐκ) здесь, на периферии ойкумены, употреблено в классическом переносном смысле (LSJ s. v. III ἔς): к емкости чана в ее весовом выражении. Отлично от нормы лишь звонкое ([g]) звучание [k] в Бактрии перед глухим звуком.

Выходит, надпись гласит: εἰς Ὁξον κατὰ φραζόμενα ἀνέθεσε Ἴρωμοῖς Νεμίσκου Μολρ(ο)παλ(α)ρης χαλκίον ἐγ ταλάντων ἑπτὰ («Во славу Окса по знамениям посвятил Иромоис Немисков, из семьи Молро, котел вместимостью 7 талантов»).

Из Тахти-Сангина же происходит и фрагмент лутерия (?) 1999 года находки, по борту которого дважды читается (рис. 1, в, г) теоним «Окс» (*Drujinina*, 2008. S. 263, Abb. 5–6; *Hansen et al.*, 2009. S. 366, Kat. Nr. 264; *Иванчик*, 2011. С. 126–128, рис. 10, 11; *Ivantchik*, 2013. S. 137 ff., Abb. 10, 11; *Rougemont*, 2012. P. 198–199; ср.: *Canali de Rossi*, 2004. P. 199, No. 312). В первом упоминании божества литеры перед Ὁξον явно (особенно заметно по *инсилону* и *эпсилону* и разнице интервалов между буквами) нанесены другой рукой (ср. *Rougemont*, 2012. P. 199; ср. *Иванчик*, 2011. С. 126, прим. 62: устное мнение Ж. Ружмона). Начальные знаки здесь сильно затерты, но позволяют (ср. *Grenet*, 2005. P. 377), прочесть θεοῦ (курсивом я отмечаю нечетко видимые буквы). Получаем в результате θεοῦ Ὁξον: с обычными — *эпсилоном* (слегка склоненным влево) и *тетой* с перекладиной. От второго имени (теоним? Личное имя?) сохранился лишь компонент ΟΞ.

Дипинто на алабастре (рис. 1, б) из монументального мавзолея городища Чирик-рабат (*Лурье*, *Иванчик*, 2013. С. 291–292) состоит из *альфы*, отбитой двойной прямой чертой от расположенных ниже нее литер ΚΑΣΙ (*сигма* лунарная). Тут бы можно было видеть эпиклезу Зевса Касия. Однако, голый эпитет главы эллинского пантеона без самогó теонима лишает такую гипотезу основательности.

Реалистичнее выглядит чтение κάσι (датель от ὁ κάσις, ~ιος «брат»), предполагающее, что принесенный неизвестным своему покойному брату флакон содержал ароматическую жидкость (для коей сосудик и предназначался).

Объем сосуда до его верхнего обреза высчитывается, благодаря расположенной на фото рядом с объектом линейке, по простой формуле $\pi r^2 \times h$. Кубатура же, помноженная на 0,4 (плотность эфирных продуктов), дает подходящие случаю 277 мл.

Альфа на плечике может значить либо одну котилу (270 г), либо, если рассматривать двойную линию как идеограмму (метафору Стикса, Леты и т. п.), — аббревиатуру имени того, оставаясь на земле, поднес алабастр с его контентом брату для загробной жизни оногo за подземной рекой в царстве Аида.

Балахванцев, 2014 — *Балахванцев А. С.* Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма // РА. 2014. № 4. С. 89–96.

Вексина, 2010 — *Вексина М.* Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 226–240.

Иванчик, 2011 — *Иванчик А. И.* Новые греческие надписи Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 110–131.

Лурье, *Иванчик*, 2013 — *Лурье П. Б.*, *Иванчик А. И.* Две надписи из Чирик-рабата // *Commentationes Iranicae*. Сборник статей к 90-летию Владимира Ароновича Лившица / Под ред. С. Р. Тохтасьева и П. Б. Лурье. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 286–294.

Canali de Rossi, 2004 — *Canali De Rossi F.* Iscrizioni dello Estremo Oriente greco. Un repertorio. Bonn: Rudolf Habelt, 2004 (*Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien*. Bd. 65). XVI, 410 p.

Drujinina, 2008 — *Drujinina A.* Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // АМТ. Bd. 40. С. 121–135.

Рис. 1. Надписи Тахти-Сангина и Чирик-рабата: *а* — надпись на керамической форме для отливки бронзового котла из комплекса теменоса, Тахти-Сангин (по: *Иванчик*, 2011. С. 113, рис. 3); *б* — дипинто на алабастре, комплекс мавзолея на городище Чирик-рабат (по: *Лурье и др.*, 2013. С. 292, илл. 3); *в* — вотив на известняковой чаше из комплекса теменоса, Тахти-Сангин (фрагмент по: *Иванчик*, 2011. С. 127, рис. 11); *г* — вотив на известняковой чаше из комплекса теменоса, Тахти-Сангин (общий вид по: *Там же*. С. 127, рис. 10)

Fig. 1. Inscriptions from Takht-i Sangin and Chirik-rabat: *a* — an inscription on a ceramic mold for casting a bronze cauldron from the Temenos complex, Takht-i Sangin (after *Иванчик*, 2011. С. 113, рис. 3); *b* — dipinto on alabaster, the mausoleum complex at the Chirik-rabat settlement (after *Лурье и др.*, 2013. С. 292, илл. 3); *v* — votive on a limestone bowl from the Temenos complex, Takht-i Sangin (fragment after *Иванчик*, 2011. С. 127, рис. 11); *g* — votive on a limestone bowl from the Temenos complex, Takht-i Sangin (general view after *Там же*. С. 127, рис. 10)

- Grenet*, 2005 — *Grenet F.* The Cult of the Oxus: A Reconsideration // ЦААТ. 2005. С. 377–378.
- Hansen, Nielsen*, 2004 — An Inventory of Archaic and Classical Poleis / Ed. by M. H. Hansen and T. H. Nielsen. Oxford: Oxford University Press, 2004. XV, 1396 p.
- Hansen et al.*, 2009 — Alexander der Große und die Öffnung der Welt — Asiens Kulturen im Wandel. Begleitband zur Sonderausstellung «Alexander der Große und die Öffnung der Welt — Asiens Kulturen im Wandel» in den Reiss-Engelhorn-Museen Mannheim / Hrsg. von S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach. Regensburg: Verlag Schnell und Steiner GmbH, 2009 (Publikationen der Reiss-Engelhorn-Museen. Bd. 36). 447 S.
- Justi*, 1895 — *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg: N. G. Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1895. XXVIII, 526 S.
- Ivantchik*, 2013 — *Ivantchik A. I.* Neue griechischen Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der Baktrischen Schriftlichkeit // Zwischen Ost und West: Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Wissenschaftliches Kolloquium 30. 9. — 2. 10. 2009 in Mannheim / Hrsg. von G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek et al. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2013 (AIT. Bd. 14). S. 125–142.
- Rougemont*, 2012 — *Rougemont G.* Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale / Avec des contributions de P. Bernard. London: The School of Oriental and African Studies, 2012 (CII; Part II. Inscriptions of the Seleucid and the Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I. Inscriptions in Non-Iranian Languages). 326 p.
- Schwyzler*, 1977 — *Schwyzler E.* Griechische Grammatik. Bd. I. 5., unveränd. Aufl. München: C. H. Beck, 1977. XLVII, 817 S.
- Sims-Williams*, 2010 — *Sims-Williams N.* Bactrian Personal Names. Wien: ÖAW, 2010 (ÖAW. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. Bd. 806; Iranische Onomastik. Nr. 7; Iranisches Personennamenbuch. Bd. II. Fasz. 7). 199 p.
- Tavernier*, 2007 — *Tavernier J.* Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B.C.): Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords, Attested in Non-Iranian Texts. Leuven; Paris; Dudley, MA: Peeters Publishers, 2007 (Orientalia Lovaniensia Analecta. 158). LXIV, 850 p.
- Thumb*, 1901 — *Thumb A.* Die Griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus. Strassburg: Karl J. Trübner, 1901. VIII, 275 S.
- Wachter*, 1991 — *Wachter R.* Abbreviated Writing // Kadmos. Berlin; New York, 1991. Bd. XXX. P. 49–80.

Beliefs and the Greek language in Hellenistic Bactria (a preliminary report)

Fyodor V. Shelov-Kovedyaev²

Annotation. *The inscription on the ceramic mould for casting a bronze cauldron from Takhti-Sangin reads: «Iromois Nemiskov, of the Molro family, dedicated a cauldron with a capacity of seven talents to the glory of Oxus according to omens». The votive of the bowl from the temenos of Takhti-Sangin reveals with the designation of its owner — the god Oxus. The dipinto from the mausoleum in Chirik-Rabat is addressed by the donor to his brother.*

Keywords: *inscription, votive, dipinto, god, Oxus*

² Fyodor V. Shelov-Kovedyaev — National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation; e-mail: shel-kov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-6846-2856.

Пропилеи Александрии Оксианской: концептуальный проект реконструкции

А. В. Сильнов¹

Аннотация. Доклад посвящен архитектуре эллинистического городища Ай-Ханум, отождествляемого (согласно одной из точек зрения, разделяемой автором) с известной по письменным источникам Александрией Оксианской. Предметом рассмотрения является один из основных архитектурных памятников города — пропилеи главной улицы, их объемно-планировочные и архитектурные особенности. Автор предлагает свой вариант архитектурной реконструкции этих пропилеев в Ай-Ханум на основе исследований французской археологической экспедиции в 1965–1978 гг.

Ключевые слова: эллинистический город, Александрия Оксианская, Ай-Ханум, пропилеи главной улицы, архитектурная реконструкция

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-180-183

В Северо-Восточном Афганистане (древняя Юго-Восточная Бактрия) расположено знаменитое городище Ай-Ханум, названное так по небольшому современному поселению, лежащему у подножия прежнего акрополя. На этом месте находился греческий город эллинистического времени — вероятно, Александрия Оксианская (Ἀλεξάνδρεια Ὀξειανή) Клавдия Птолемея (Ptol. *Geogr.* VI, 12, 6). Градостроительная ситуация здесь достаточно типична для эллинистических военных поселений: оно расположено в долине при слиянии двух рек — Пянджа и Кокчи; крутой берег реки — до 20 м высотой — обеспечивает естественную защиту. Долина, в которой находится Нижний город, представляющий собой треугольное плато, длинный катет которого длиной до 1800 м обращен в сторону Пянджа, а короткий — длиной в 1400 м — в сторону Кокчи. Над долиной города возвышается еще одно плато с акрополем — высотой до 60 м. Весь город окружен системой фортификационных сооружений, включая куртины с башнями и собственно укрепления акрополя. Массивные стены из сырцового кирпича до 7 м толщиной усилены квадратными башнями или прямоугольными бастионами. Такого рода укрепления тянутся вдоль всех берегов города. По выражению П. Лериша, «сложная оборонительная система нашла свое завершение в южной части, где расположилась цитадель “орлиного” типа, которая визуальнo контролировала течение Кокчи» (Leriche, 2007. P. 141).

На генеральном плане города (Lecuyot, 2007. P. 157) видно, что одним из главных акцентов левой, нижней его части, был грандиозный дворец с церемониальным внутренним двором и пропилеями. Другие пропилеи предваряли торжественный вход в священный участок (*героон*) Кинейя-основателя с центральной улицы, являющейся главной композиционной осью города. Удивительно то, что в отличие от Дура-Европос, Селевкии на Тигре и других восточных эллинистических городов, Александрия Оксианская не проектировалась согласно регулярной «гипподамовой» планировке. Только небольшой «аристократический» квартал в южной зоне города размером 30×60 м разделен на ортогональные участки. Как отмечает по этому поводу П. Лериш, «остальные здания расположены с учетом главенствующей позиции дворца и главной композиционной оси города, представляющей собой длинную главную улицу, отделяющую Нижний город от Верхнего» (Leriche, 2007. P. 141).

¹ Александр Васильевич Сильнов — Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: alexsilnovarchitect@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-5039-9561.

В настоящее время на городище Ай-Ханум выявлены следующие памятники архитектуры и градостроительства:

Крепостной вал периметром 3,2 км, охватывающий весь город.

Акрополь в центре города, на вершине холма высотой до 60 м; с крепостным валом и мощными прямоугольными башнями 20×11 м в основании, высотой до 10 м.

Театр диаметром 84 м, с 35 рядами посадочных мест вместимостью от четырех до шести тысяч зрителей, с тремя отдельными ложами для высокопоставленных посетителей. Планировка театра выполнена по классическим греческим образцам, его размеры больше, чем аналогичный театр в Вавилоне, но меньше, чем знаменитый театр в Эпидавре.

Дворцовый комплекс, занимающий значительную территорию, по своей планировке и объему представляет интересный вариант синтеза греческой и персидской дворцовой архитектуры.

Гимнасий размером 100×100 м — одно из самых больших сооружений подобного рода, сохранившихся до нашего времени. В основании одной из колонн были найдены посвященные надписи в честь Геракла и Гермеса, авторы которых — некие Трибалл и Стратон, сын (возможно, и тот, и другой — сыновья) Стратона (*Кузищин, 2000. С. 361*).

В городской черте и за ее пределами обнаружены несколько храмов различных типов. Самый большой из них, по-видимому, был посвящен Зевсу, однако особенности его планировки свидетельствуют о ее местных, бактрийских корнях (*Пичикян, 1991. С. 239–242*).

Но обратимся к пропилеям главной улицы Александрии Оксианской. Известные нам аналоги пропилеев Ай-Ханум — пропилеи в Афинах и Эпидавре. Для любого греческого полиса пропилеи

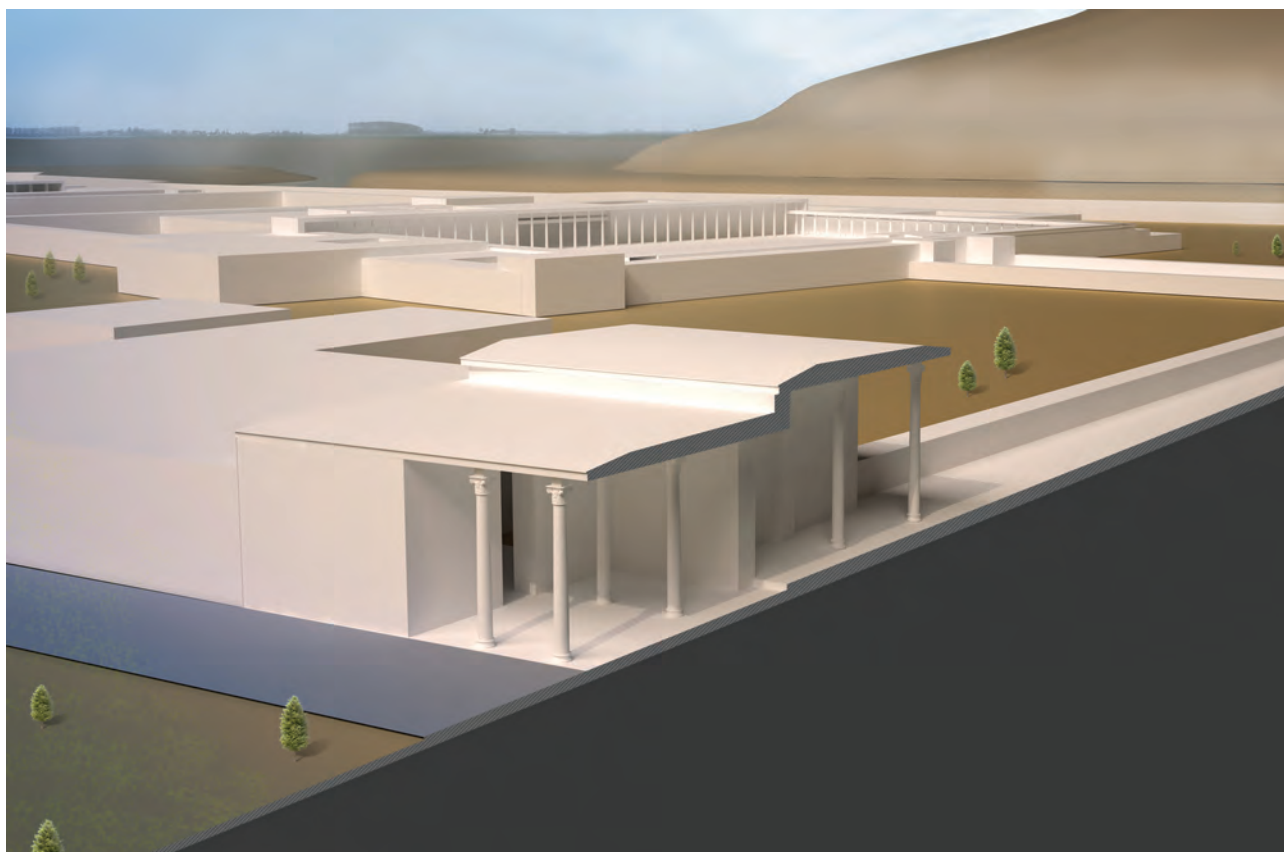

Рис. 1. Компьютерная реконструкция перспективного вида Александрии Оксианской с пропилеями главной улицы города на переднем плане; исследовательский проект и визуализация А. В. Сильнова и О. А. Романовой (по: *Сильнов, 2016*)

Fig. 1. Computer reconstruction of a perspective view of Alexandria Oxiana with the main street propylaea of the city in the foreground; the research project and visualization by Aleksandr V. Sil'nov and Ol'ga A. Romanova (after *Сильнов, 2016*)

являлись своеобразным «предисловием» к архитектурному образу города или комплекса и воспринимались зрителем как символ мощи и гармонии. Пропилеи главной улицы функционально служат парадным входом в центральный административный квартал города. Интересной особенностью градостроительной ситуации Александрии Оксианской является наличие двух пропилеев: во-первых, это пропилеи главной улицы, через которые можно было пройти к *героону* Кинея, а затем повернуть налево и по роскошной эспланаде спуститься непосредственно к дворцу, ко вторым пропилеям. Таким образом, первые — главные пропилеи — соединяли основную улицу города не только с дворцом, но и со священными участками *героона* Кинея, святилища и мавзолея.

О. Гийом, автор монографической публикации, специально посвященной пропилеям главной улицы в Ай-Ханум, подробно описывает объемно-пространственные характеристики объекта, делает чертеж продольного разреза, позволяя тем самым предложить возможный вариант реконструкции (*Guillaume*, 1983. P. 6–16, pl. 5). Планировочно здание представляет собой прямоугольный параллелограмм размерами 31,2×24,25 м. Пропилеи главной улицы состояли из внешнего четырехколонного портика, обращенного в сторону главной улицы, и внутреннего, также четырехколонного, ведущего через лестницу на нижнюю террасу (*Пичикян*, 1991. С. 208).

Так, при общей ширине главной улицы, равной 18 м, ширина главного курдонера пропилеев (парадного входа с улицы, ограниченного боковыми флигелями и украшенного четырьмя колоннами коринфского ордера) равна 20 м. Общая длина продольного разреза пропилеев равна 23 м, расстояние между осями колонн — около 5 м, высота колонн — около 9 м, нижний диаметр базы колонны — 106 см, нижний диаметр ствола колонны — 80 см, верхний диаметр коринфской капители — 94,4 см. Таким образом, пропорциональные отношения нижнего диаметра колонны к верхнему (до основания капители) равны 1:9, что выглядит довольно экстравагантно (с точки зрения рекомендаций Витрувия и Виньоли).

Данные О. Гийома и его коллег позволяют предложить одну из возможных версий реконструкции архитектурного облика пропилеев главной улицы городища Ай-Ханум (**рис. 1**). Выполненные в рамках студенческого исследовательского гранта на кафедре истории и теории архитектуры в Санкт-Петербургском государственном архитектурно-строительном университете, эти графические листы в технике акварельной полихромии, так же как и компьютерные визуализации, дают возможность представить, как могла выглядеть древняя Александрия Оксианская в цвете и объеме (см.: *Сильнов*, 2016; *Silnov*, 2019).

Кузицин, 2000 — Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / Под ред. В. И. Кузицина. СПб.: Алетейя, 2000. 608 с.

Пичикян, 1991 — *Пичикян И. Р.* Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический период. М.: ГРВЛ, 1991. 344 с.

Сильнов, 2016 — *Сильнов А. В.* Александрия на краю Ойкумены: новые варианты архитектурной реконструкции Ай-Ханум // Современные проблемы истории и теории архитектуры: Сборник докладов научно-практической конференции / Отв. ред. М. В. Золотарёва. СПб.: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2016. С. 111–118.

Guillaume, 1983 — *Guillaume O.* Fouilles d' Ai Khanoum. II. Les propylées de la rue principale. Paris: Boccard, 1983 (MDAFA. T. XXVI). XII, 45 p.; 24 pl.

Lecuyot, 2007 — *Lecuyot G.* Ai Khanum reconstructed // AACAI. 2007. P. 155–162.

Leriche, 2007 — *Leriche P.* Bactria, Land of a Thousand Cities // AACAI. 2007. P. 121–153.

Silnov, 2019 — *Silnov A. V.* Greek City: War, Art and 3D-Visualization // Acta Archaeologica Lodziensia. 2019. Nr. 65 P. 125–130.

The propylaea of Alexandria Oxiana: a conceptual project of reconstruction

Aleksandr V. Silnov²

Annotation. *The paper deals with the architecture of the Hellenistic city site of Ai-Khanoum, which is identified (according to a viewpoint supported by the author) with the Hellenistic city of Alexandria Oxiana. The subject is one of the basic architectural monuments of the city — the propylaea of the main street, their volume-planning and architectural features. The author offers his variant of architectural reconstruction of these propylaea in Ai-Khanoum on the basis of the investigations of the French archaeological expedition in 1965–1978.*

Keywords: *Hellenistic city, Alexandria Oxiana, Ai-Khanoum, main street propylaea, architectural reconstruction*

² Aleksandr V. Silnov — St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: alexsilnovarchitect@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-5039-9561.

Селевкидская Ниса: факты и интерпретация

А. С. Балахванцев¹

Аннотация. Доклад посвящен новой интерпретации терракотовых плит с изображением боевого слона, обнаруженных на Новой Нисе. По мнению автора, находки относятся не к аршакидскому, а к селевкидскому периоду.

Ключевые слова: Новая Ниса, боевые слоны, Аршакиды, Селевкиды

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-184-186

В 1949 г. в ходе раскопок Новой Нисы в засыпке т. н. башни III был найден фрагмент терракотовой плиты с рельефным погрудным изображением двух воинов, ниже которых располагался какой-то прямоугольник (Вязьмитина, 2018. С. 206, рис. 1). Сопоставление находки с другими фрагментами терракотовых плит, обнаруженными в 1936 и 1948 гг. (Там же. С. 208, рис. 2), позволило М. И. Вязьмитиной прийти к выводу, что терракотовые плиты были изготовлены по одному шаблону и несли на себе изображение управляемого погонщиком боевого слона с башенкой, в которой находились два воина (Там же. С. 209–211, рис. 4). Она без колебаний отнесла находку к памятникам парфянского изобразительного искусства (Там же. С. 215).

В 2013–2014 гг. исследование башни III, оказавшейся погребальной постройкой парфянского времени, продолжил В. Н. Пилипко, которому удалось обнаружить три новых фрагмента от такой же терракотовой плиты и предложить достоверную реконструкцию всей сцены (Пилипко, 2021а. С. 241, 245, 248–251, рис. 3, 4, 6, 7). По его мнению, рельеф является парфянским, изготовленным между серединой II и серединой I в. до н.э., что служит еще одним доказательством использования Аршакидами боевых слонов (Пилипко, 2021б. С. 125, 126, 133).

Но можно ли согласиться с этими выводами? Начнем с вопроса о наличии элѳантерии в парфянской армии. Авторы, дающие на него утвердительный ответ, основываются, прежде всего, на фактах изображения слонов на аршакидских монетах, трактуя их как доказательство наличия у парфян соответствующих боевых подразделений (Вязьмитина, 2018. С. 215; Пилипко, 2021б. С. 131). Однако такой подход страдает излишней прямолинейностью. В самом деле, в селевкидской монетной практике изображение слона, в отличие от аршакидской, использовалось не только на бронзовых, но и на золотых и серебряных монетах (Houghton, Lorber, 2002. P. 207–213, 216; Houghton et al., 2008. P. 450, 452, 454–458, 462). Но можно ли выводить из одного этого обстоятельства заключение о том, что у Селевкидов элѳантерия играла более важную роль, чем у Аршакидов? Разумеется, нет. Само по себе наличие (Дмитриев, 2013. С. 160) или отсутствие изображения слонов на монете еще ничего не говорит об их боевой роли. Так, на монетах Сасанидов, в армии которых широко применялась элѳантерия, слон не появляется ни разу.

Что же касается Аршакидов, то нумизматический материал из классической работы Д. Селвуда, а также размещенный на сайте: <http://www.parthia.com> (дата обращения: 28.04.2024), свидетельствует об использовании изображения слона или его головы на реверсе бронзовых монет Митридата I: тип 8. 3, 3 вариант; 11. 7; 12. 8, 16, 20–22, Фраата II: тип 15. 7; 16. 26, 26 вариант, 29; 17. 5, Митридата II: тип 27. 25, Неизвестного царя (II): тип 30. 32, Дария (?): тип 35. 18, 18 вариант, Митридата III: тип 40. 18; 41. 20, 20 вариант, 21, Орода II: тип 45 вариант; 47. 43 и Фраата IV: тип 51 вари-

¹ Арчил Савелич Балахванцев — Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: balakhvantsev@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3028-0109.

ант (Sellwood, 1980. P. 31, 37, 39–41, 48, 51, 53, 80, 99, 113, 126, 130, 151). При этом необходимо иметь в виду, что выпуск бронзы осуществлялся хоть и от имени царя, но самими городами; право же выбора типа изображения лежало не на царских чиновниках, а на ответственных за чеканку медной монеты городских магистратах (Балахванцев, 2017. С. 94). Поэтому для определения значения элфантирии у Аршакидов наблюдения за иконографией их бронзового чекана оказываются совершенно бесполезными.

Теперь обратимся к письменным источникам. Ни в одном из них нет ни слова об использовании парфянами боевых слонов. Причина этого заключается в том, что Парфия была отделена от Индии — единственного поставщика слонов для государств Передней и Центральной Азии — полосой независимых и враждебных ей держав: Греко-Бактрией, владениями индо-скифских и индо-парфянских династий, империей Великих Кушан (Дмитриев, 2013. С. 155–157). Но как же тогда объяснить единственный зафиксированный античными авторами факт использования парфянским царем слона? Речь идет о переправе Вологеза I через реку Арсаний (Арацани) на слоне после капитуляции римской армии при Рандее в 62 г. н. э. (Тас. *Ann.* XV, 15, 3; Dio Cass. LXII, 21, 4). Скорее всего, оказавшийся в распоряжении Вологеза слон был частью добычи, захваченной парфянами в результате успешного похода к берегам Инда (Синда), осуществленного царем Варданом I в 44–45 гг. н. э. (Балахванцев, 1998. С. 159). Но ни раньше, ни позже подобных походов парфяне не предпринимали.

Исходя из всего сказанного выше, следует согласиться с теми авторами, которые отрицают применение парфянами боевых слонов (Дмитриев, 2013. С. 168; ср. *Daryaei*, 2016. P. 39). Это делает парфянскую атрибуцию терракотовой плиты из Новой Нисы практически безосновательной.

К сожалению, М. И. Вязьмитина и В. Н. Пилипко не уделили никакого внимания другой возможной интерпретации нисийской находки: плита с боевым слонем относится к селевкидскому периоду. Это объясняется тем, что со времени А. А. Марущенко Старую и Новую Нису воспринимают только в качестве парфянских памятников. Однако эта точка зрения весьма уязвима для критики. Начнем с предположения о возникновении Новой Нисы при Аршакидах, в III–II вв. до н.э. (Пилипко, 2018. С. 196). Закономерно задать вопрос: как абсолютно незнакомые с городской жизнью кочевники-парны могли сразу после своего прихода в Иран основывать города? К тому же Новая и Старая Ниса, как и вся область Несайя, попали в руки Аршакидов довольно поздно, около 160 г. до н. э. (Балахванцев, 2017. С. 105). А к этому времени Новая Ниса, судя по находке там (Пилипко, 2015. С. 210) острака с упоминанием Митридата I (Аршака царя, сына внука Аршака), уже существовала (Балахванцев, 2017. С. 68).

О том, кому до этого времени принадлежали Несайя, а также династический культовый центр на Старой Нисе, можно с уверенностью судить по сделанным там находкам. Селевкидский якорь на стенах Здания с Квадратным залом и Башенного сооружения, глиняные статуи мужчин и женщин в греческих одеяниях, представлявшие, по всей видимости, богов и богинь олимпийского пантеона, а также членов правящей династии — все это подводит к определению Старой Нисы как династического культового центра Селевкидов (Там же. С. 95). Поэтому я не могу согласиться с мнением, что на Старой Нисе не существует археологических материалов, которые можно было бы с уверенность отнести к селевкидскому периоду. Такие материалы есть, надо лишь суметь их увидеть (Там же. С. 94, прим. 325).

Сказанное в полной мере относится и к терракотовым плитам с изображением боевого слона с экипажем. Эллинистический шлем и круглые македонские щиты, а также то обстоятельство, что элфантирия была важной составной частью селевкидской армии, являются наглядными свидетельствами изготовления плит из Новой Нисы в селевкидское время.

Балахванцев, 1998 — Балахванцев А. С. Дахи и арии у Тацита // ВДИ. 1998. № 2. С. 152–160.

Балахванцев, 2017 — Балахванцев А. С. Политическая история ранней Парфии. М.: ИВ РАН, 2017. 192 с.

Вязьмитина, 2018 — Вязьмитина М. И. Фрагмент терракотовой плиты с изображением парфянских воинов // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 206–218.

Дмитриев, 2013 — Дмитриев В. А. «Персы получают их из Индии», или Почему парфяне не использовали боевых слонов? // Метаморфозы истории. 2013. Вып. 4. С. 153–172.

- Пилипко, 2015 — Пилипко В. Н. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. СПб.: АИК, 2015. 420 с.
- Пилипко, 2018 — Пилипко В. Н. Предыстория находки на городище Новая Ниса фрагментов терракотовых плит с изображением слона // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 195–205.
- Пилипко, 2021а — Пилипко В. Н. Новый вариант реконструкции терракотового рельефа с изображением боевого слона из Нисы-Михрдаткирта // КСИА. 2021а. Вып. 264. С. 240–254.
- Пилипко, 2021б — Пилипко В. Н. Новонисийский рельеф. Некоторые вопросы интерпретации // КСИА. 2021б. Вып. 265. С. 125–138.
- Daryaee, 2016 — Daryaee T. From Terror to Tactical Usage: Elephants in the Partho-Sasanian Period // The Parthian and Early Sasanian Empires: Adaptation and Expansion / Ed. by V. S. Curtis, E. J. Pendleton, M. Alram, T. Daryaee. Oxford: Oxbow Books, 2016. P. 36–41.
- Houghton, Lorber, 2002 — Houghton A., Lorber C. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Pt. 1. Vol. 2. New York; London: American Numismatic Society, 2002. 301 p.
- Houghton et al., 2008 — Houghton A., Lorber C., Hoover O. Seleucid Coins: A Comprehensive Catalogue. Pt. 2. Vol. 2. New York; London: American Numismatic Society, 2008. 536 p.
- Sellwood, 1980 — Sellwood D. G. An Introduction in the Coinage of Parthia. London: Spink, 1980. 322 p.

Seleucid Nisa: facts and interpretations

Archil S. Balakhvantsev²

Annotation. *The paper deals with a new interpretation of the terracotta slabs depicting a war elephant, which were discovered in New Nisa. According to the author, the finds belong not to the Arsacid, but to the Seleucid period.*

Keywords: *New Nisa, war elephants, Arsacids, Seleucids*

² Archil S. Balakhvantsev — Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russian Federation; e-mail: balakhvantsev@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3028-0109.

«Кто ты, воин?»: об интерпретации и датировке некоторых скульптур из Старой Нисы

А. В. Дедюлькин¹

Аннотация. В докладе рассматриваются фрагменты глиняных скульптур т. н. воинов из центрального комплекса Старой Нисы. Эти бородатые воины не могут изображать ни кого-то из божеств олимпийского пантеона, ни Диоскуров. Спокойные лица и позы не позволяют интерпретировать их как гигантов. Особенности трактовки их шлемов и панцирей указывают на дату статуй в пределах первой половины II в. до н. э. Эти фигуры, возможно, были частью каких-то скульптурных групп, отображающих исторические сюжеты.

Ключевые слова: эллинизм, Парфия, Старая Ниса, Аршакиды, Селевкиды, доспехи

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-187-192

Глиняная скульптура Старой Нисы неоднократно привлекали к себе внимание исследователей (Пилипко, 2001. С. 255–263), (Балахванцев, 2017. С. 89–91). Относительно времени создания и предназначения основных сооружений центрального комплекса, ЗКЗ² и СКЗ были высказаны различные точки зрения: царская усыпальница, дворец, храм огня, героон³ (см. Балахванцев, 2005. С. 172; Grenet, 2015). Нет единства мнений и о времени возведения памятника. Большинство исследователей датируют основание Старой Нисы второй половиной III в. до н. э. — первой половиной II в. до н. э. и связывают строительство комплекса с Аршакидами (Пилипко, 2001. С. 339; Пилипко, 2015. С. 219; Lippolis, 2014. Р. 225–226). По мнению А. С. Балахванцева, Старая Ниса первоначально являлась династическим культовым центром Селевкидов, возникшим не позднее середины III в. до н. э. (Балахванцев, 2017. С. 87–95). Исследователь привел доводы в пользу того, что изображения селевкидского якоря в декоре ЗКС вряд ли появились бы во II в. до н. э., при Аршакидах. Г. М. Бонгард-Левин и Г. А. Кошеленко осторожно отметили, что памятник датируется раннеаршакидским или селевкидским периодом (Бонгард-Левин, Кошеленко, 2005. С. 142–144).

Интерпретация статуй Старой Нисы обычно дается суммарно⁴ и обусловлена представлениями того или иного исследователя о принадлежности памятника. По В. Н. Пилипко, статуи изображают представителей династии Аршакидов, их предков и богов-покровителей (Пилипко, 2015. С. 248), по А. С. Балахванцеву — богов и богинь олимпийского пантеона, а также членов правящей династии Селевкидов (Балахванцев, 2015. С. 107). Обе интерпретации потенциально не исключают и разнообразных персонажей второго плана — военачальников, стражников, слуг и т. д. (рис. 2, 13–16). Недавно прозвучала оригинальная (но никак не аргументированная) версия, что воин в шлеме — это «парфянский воин в шлеме эллинистического стиля» (Taylor, 2021. Р. 12). Хроно-

¹ Антон Владимирович Дедюлькин — Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: donrumata@inbox.ru; ORCID: 0000-0003-0100-8007.

² В докладе для обозначения построек Старой Нисы используются традиционно принятые в русскоязычных публикациях названия и аббревиатуры (Пилипко, 2001. С. 9), ЗКЗ — Здание с Квадратным залом, СКЗ — Сооружение с Круглым залом.

³ Например, ЗКЗ — храм огня, а СКЗ — мавзолей или героон одного из парфянских царей (Кошеленко, 1977. С. 55–56, 64).

⁴ Кроме бородатой головы парфянского царя и фрагмента коринфского шлема статуи Афины. Упомянутый в письме А.А. Марущенко фрагмент, изображающий «шапочку с ... диадемой», «имитирующую(?)» бараньи рога (Ремпель, 1949. С. 372), к сожалению, нигде не проиллюстрирован.

логические интервалы⁵, предлагаемые для центрального комплекса, частично пересекаются. Греческий облик⁶ многих скульптур Нисы обычно интерпретируется в контексте филэллинства старших Аршакидов (*Крашенинникова, Пугаченкова, 1964. С. 134*).

Можно сделать ряд наблюдений относительно вооружения и облика «воинов». Они не могут представлять Диоскуров, юных, безбородых, обычно изображаемых в пилосах (**рис. 2, 8–9**). Среди богов олимпийского пантеона в кирасе и шлеме изображался только Арес. Но в ЗКЗ было не менее трех⁷ статуй «греческих офицеров» (*Пилипко, 2001. С. 261*). Очевидно, что это не боги. Спокойные лица и позы не позволяют интерпретировать их как гигантов⁸. Цари из династии Селевкидов представлены обширной серией монетных портретов. Безусловно, эти образы могли не передавать в точности облик эмитента и даже необязательно изображать именно его (*Смирнов, 2020. С. 262*), но они вполне репрезентативны как отражение эстетического идеала своей эпохи. Очевидно, что бородатые «воины» не могут быть ни кем-то из царей, ни представителями дома Селевкидов. Практически нет бородатых персонажей в многофигурных композициях раннего эллинизма (**рис. 2, 13, 15**). На всех рельефах знаменитого «Саркофага Александра» из Сидона среди множества фигур македонян и греков есть только один бородатый воин (**рис. 2, 1**). Нельзя допустить, что головы в шлемах принадлежат оруженосцам, поскольку они обычно изображаются юными и не носят панцирей (**рис. 2, 13, 14**), в отличие от статуй Нисы.

А. С. Балахванцев подверг сомнению предложенное В. Н. Пилипко сопоставление шлемов нисийских «воинов» со шлемом гиганта Ота (*Балахванцев, 2005. С. 176–179*) (**рис. 1, 1, 5**). Отсутствие нащечников на шлеме Ота (**рис. 1, 5**) является художественной условностью. Нет их и на шлеме фигурки воина из Лефкадии (**рис. 1, 6**), хотя это составной шлем аттического типа, все они снабжались нащечниками. Подобный прием использовался начиная с эпохи архаики, чтобы открыть лицо персонажа. С этой же целью в батальных сценах нащечники могут быть подняты в небоевое положение, а коринфские шлемы сдвинуты вверх. Говорить о «максимальном сходстве» со шлемами группы Мелос не совсем корректно, поскольку голова из Нисы принадлежит крупной статуе и хорошо детализирована. Там нет признаков составной конструкции, не показаны шляпки заклепок (**рис. 1, 3, 4**). Это цельнокованый шлем (за исключением вкладыша внутри козырька), с рельефными валиками, имитирующими составную конструкцию. У него нет развитого назатыльника, как у шлемов группы Мелос, вместо него — небольшой сегмент (**рис. 1, 1**), подобный назатыльникам некоторых боевых наголовий-коносов. Поэтому шлем Ота является вполне допустимой аналогией. Он отличается лишь отсутствием гребня, что для цельнокованого шлема не принципиально. Вкладыши козырька есть и на шлемах II в. до н. э., в том числе на шлеме из мавзолея Неаполя Скифского (*Дедюлькин, 2017. С. 14–15*).

Таким образом, шлем статуи из Старой Нисы скорее относится к концу III — II в. до н. э., чем к более раннему времени. К этому же времени относятся наплечные *птериги*, изображенные на фрагментах рук, относящихся к торсам в кирасах (**рис. 1, 8–9**). На ранних изображениях ряды *птериг* есть только по нижнему краю кирас (**рис. 2, 2–4**), но в конце III–II вв. до н. э. этот защитный элемент добавляется и на плечи (**рис. 2, 5–7**). По мнению А. С. Балахванцева, глиняная скульптура Старой Нисы явно предназначалась для правителей-эллинов. Статуи для заказчиков-парфян были бы изготовлены сообразно их вкусам, подобно скульптуре из Шами (*Балахванцев, 2017. С. 95*). Но «воины» вполне могут быть греческими или македонскими подданными парфянских правителей.

⁵ Версия Л. И. Ремпеля о датировке скульптур Нисы II в. до н. э. (*Ремпель, 1949. С. 361–362*) в настоящее время представляет лишь историографический интерес.

⁶ Г. А. Пугаченкова в 1960-х гг., располагая достаточно фрагментарными материалами, сопоставляла статуи из ЗКЗ с фигурами на нисийских ритонах (*Крашенинникова, Пугаченкова, 1964. С. 134*). Независимо от того, где были изготовлены ритоны (а были высказаны предположения, что они могли иметь греко-бактрийское или селевкидское происхождение, см.: *Ghirshman, 1962. P. 30; Bernard, 1985. P. 89–91*), эллинистическое вооружение на них изображено более условно (**рис. 2, 10**), что косвенно указывает на их более позднюю, относительно статуй, датировку (о ритонах из Старой Нисы см.: *Массон, Пугаченкова, 1956; 1959; Masson, Pugačenkova, 1982*).

⁷ Подсчет выполнен по фрагментам рук с *птеригами* (**рис. 1, 7**), зафиксированы не менее двух торсов в кирасах (**рис. 1, 10–12**) и две головы в шлемах (**рис. 1, 1–2**). Кроме того, есть много мелких фрагментов *птериг* (**рис. 1, 7**).

⁸ Гигантомахия была бы представлена сплошным фризом, для которого в ЗКЗ слишком мало фигур.

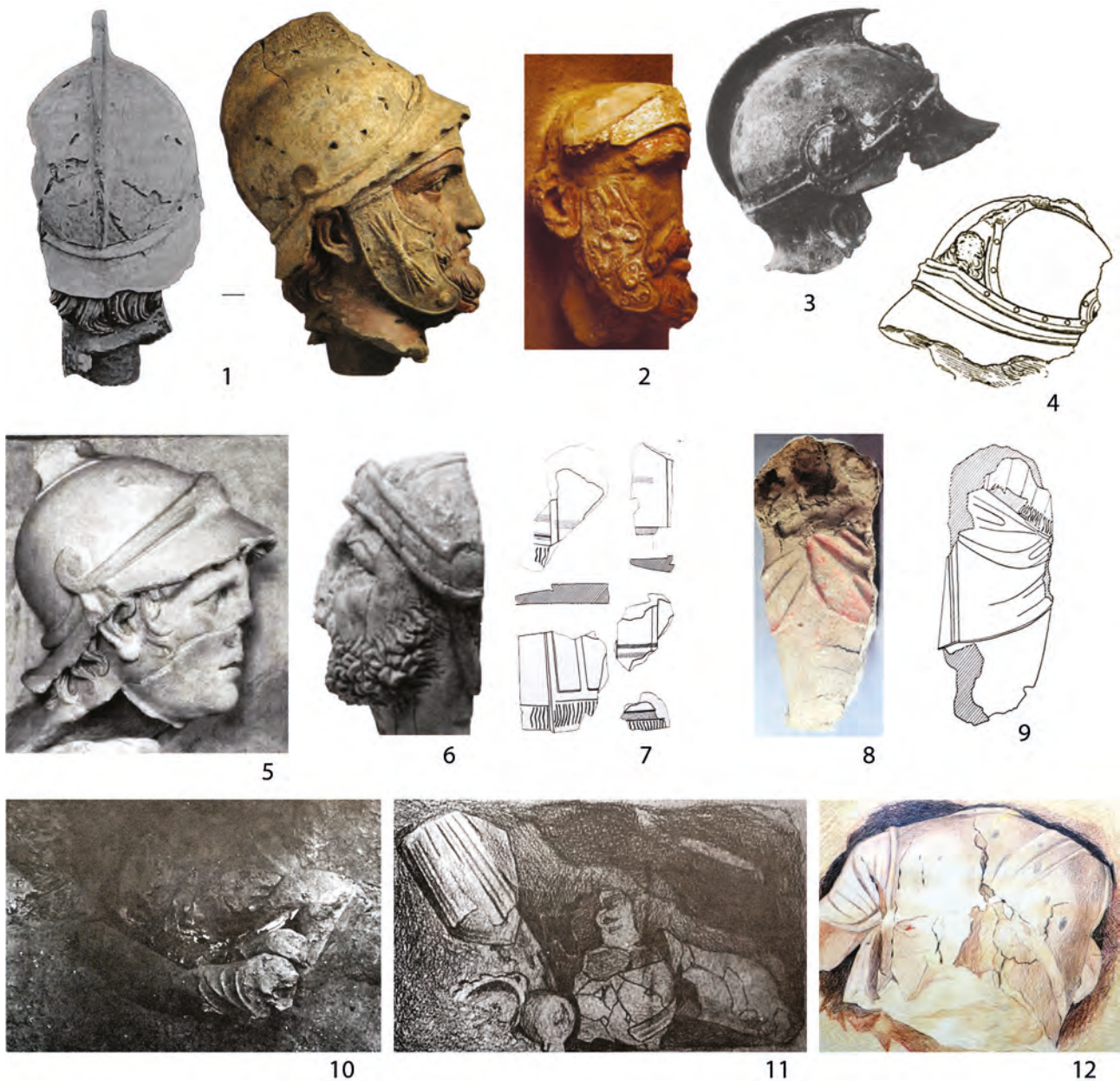

Рис. 1. 1, 2, 7–9; 10–12 — фрагменты глиняных скульптур (10–11 — in situ) из Старой Нисы (по: Пилипко, 1996; 2001); 3 — шлем с острова Мелос, Лувр (по: Waurick, 1988. Abb. 47); 4 — шлем гиганта с фриза Большого алтаря в Пергаме (по: Winnefeld, 1910. Abb. 18); 5 — шлем гиганта Ота с фриза Большого алтаря в Пергаме (по: Winnefeld, 1910. Taf. XXVIII); 6 — шлем фигурки воина из Гробницы пальметт (по: Rhoimiopoulou, Schmidt-Dounas, 2010. Taf. 22, 1)

Fig. 1. 1, 2, 7–9; 10–12 — clay sculpture fragments (10–11 — in situ) from Old Nisa (after Пилипко, 1996; 2001); 3 — helmet from Melos, Louvre (after Waurick, 1988. Abb. 47); 4 — Giant's helmet from the Great Pergamon altar frieze (after Winnefeld, 1910. Abb. 18); 5 — helmet of Giant Otos from the Great Pergamon altar frieze (after Winnefeld, 1910. Taf. XXVIII); 6 — helmet of a warrior's figurine from the Tomb of Palmettes (after Rhoimiopoulou, Schmidt-Dounas, 2010. Taf. 22, 1)

Их спокойные лица и позы позволяют исключить варианты, что это фигуры из батальной сцены или поверженные враги (рис. 2, 11–12). В то же время они вполне могут изображать неких лояльных Аршакидам персонажей второго плана в скульптурной группе⁹.

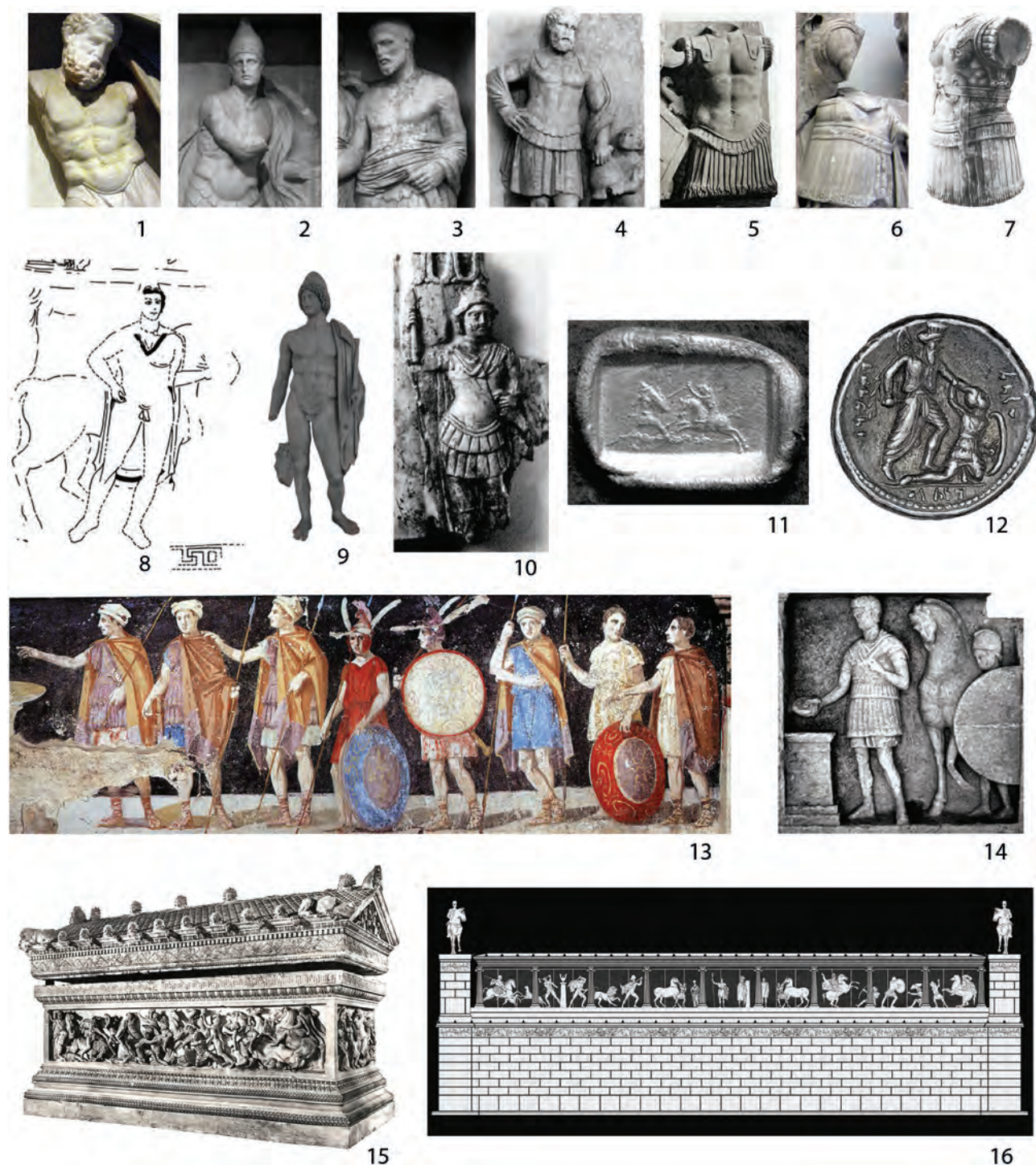
⁹ В. Н. Пилипко сам признает умозрительный характер предположения о расстановке статуй поодиночке (Пилипко, 2001. С. 262–263).

Балахванцев, 2005 — Балахванцев А. С. Старая Ниса: хронология и интерпретация // Центральная Азия: источники, история, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию доктора исторических наук Е. А. Давидович и действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, доктора исторических наук Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.) / Отв. ред. Е. А. Антонова, Т. К. Мкртычев. М.: ИФВЛ, 2005. С. 172–190.

Балахванцев, 2015 — Балахванцев А. С. Еще раз о Старой Нисе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. Вып. 7: Археология и этнография. С. 102–112.

Балахванцев, 2017 — Балахванцев А. С. Политическая история ранней Парфии. М.: ИВ РАН, 2017. 192 с.

Бонгард-Левин, Кошеленко, 2005 — Бонгард-Левин Г. М., Кошеленко Г. А. Происхождение парфянского искусства (основные проблемы) // Antiquitas Aeterna: Поволжский антиковедческий журнал. 2005. Вып. 1. С. 131–154.

- Дедюлькин, 2017 — Дедюлькин А. В. Шлемы группы Мелос // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным новейших археологических исследований / Гл. ред. Ю. П. Зайцев. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 7–18.
- Кошеленко, 1977 — Кошеленко Г. А. Родина парфян. М.: Советский художник, 1977. 176 с.
- Крашенинникова, Пугаченкова, 1964 — Крашенинникова Н. И., Пугаченкова Г. А. Круглый храм парфянской Нисы (Археологическое исследование и вопросы реконструкции) // СА. 1964. № 4. С. 119–135.
- Массон, Пугаченкова, 1956 — Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы. Из культурного наследия туркменского народа. Альбом иллюстраций. М.: ИзАН СССР, 1956 (ТЮТАКЭ). [8], 16 с.; 120 табл.
- Массон, Пугаченкова, 1959 — Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы. Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1959 (ТЮТАКЭ. Т. IV). 269 с.
- Пилипко, 1989 — Пилипко В. Н. Голова в шлеме из Старой Нисы // ВДИ. 1989. № 3. С. 167–177.
- Пилипко, 1996 — Пилипко В. Н. Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М.: ИФВЛ, 1996. 160 с.
- Пилипко, 2001 — Пилипко В. Н. Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М.: Наука, 2001. 432 с.
- Пилипко, 2015 — Пилипко В. Н. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркменистана. СПб.: АИК, 2015. 420 с.
- Ремпель, 1949 — Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // ТЮТАКЭ. 1949. Т. I. С. 332–372.
- Смирнов, 2020 — Смирнов С. В. «Говорящие головы»: модусы нарративности царского монетного портрета эпохи эллинизма // ПРАΞΕΜΑ: Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 2. С. 251–266.
- Bernard, 1985 — Bernard P. Les rhytons de Nisa. 1: Poétesses grecques // Journal des Savants. 1985 (Janvier — Septembre). P. 25–118.
- Bessios, Athanassiadou, 2019 — Bessios M., Athanassiadou A. Discovering the Monument of Pydna: royal or royal *hetairoi* tombs? // Griechische Nekropolen: Neue Forschungen und Funde / Hrsg. H. Frielinghaus, Ju. Stroszeck, P. Valavanis. Möhnesee: Bibliopolis, 2019 (Beiträge zur Archäologie Griechenlands. 5). P. 235–243.
- Bohn, 1885 — Bohn R. Das Heiligtum der Athena Polias Nikephoros / Mit einem Beitrage von H. Droysen. Berlin: Verlag von W. Spemann, 1885 (Altertümer von Pergamon. Bd. II). 143 S.; 50 Taf.
- Ghirshman, 1962 — Ghirshman R. Persian Art: The Parthian and Sassanian Dynasties, 249 B.C. — A.D. 651 / Transl. by S. Gilbert and J. Emmons. New York: Golden Press, 1962 (The Arts of Mankind. Vol. 3). [10], 401 p.

Рис. 2. 1 — фигура воина с «Саркофага Александра» (по: *Wikimedia Commons*); 2 — надгробие Аристонавта, Афины, ок. 330–320 гг. до н. э. (по: *Wikimedia Commons*) 3 — надгробие воина, Афины, третья четверть IV в. до н. э. (по: *Wikimedia Commons*); 4 — надгробие воина, третья четверть IV в. до н. э. (по: *Kaltsas*, 2002. P. 190, cat. 377); 5 — кираса на рельефе фриза храма Афины Nikeфоры в Пергаме (по: *Bohn*, 1885. Taf. XLVII, 2); 6 — кираса на рельефе фриза Телефа Большого алтаря в Пергаме (фото Н. А. Налимовой); 7 — панцирь мраморной статуи из Пергама (по: *Laube*, 2006. Taf. 24, 5); 8 — изображение Диоскура, Дильберджин (по: *Invernizzi*, 2013. Fig. 29); 9 — статуя Диоскура, Национальный археологический музей, Неаполь (по: *Wikimedia Commons*); 10 — изображение Ареса на ритоне из Старой Нисы (по: *Masson, Pugačenkova*, 1982. Pl. 32, 3); 11 — отпечаток печати из Старой Нисы (по: *Пилипко*, 2015. Рис. 184); 12 — драхма фратаракы Вахбарза (по: *Wikimedia Commons*); 13 — фреска из гробницы в Айос Афанасиос (по: *Τσιμπίδου-Αυλωνίτη*, 2005. Πιν. 31); 14 — стела из Амфиополя (по: *Hatzopoulos*, 2001. Pl. IIIa); 15 — «Саркофаг Александра» (по: *Wikimedia Commons*); 16 — гипотетическая реконструкция монумента из некрополя Пидны (по: *Bessios, Athanassiadou*, 2019. Taf. 66)

Fig. 2. 1 — warrior's figure from the «Alexander Sarcophagus» (after *Wikimedia Commons*); 2 — funerary gravestone of Aristonautes, Athens, ca. 330–320 BC (after *Wikimedia Commons*) 3 — warrior's gravestone, Athens, 3rd quarter of the 4th century BC (after *Wikimedia Commons*); 4 — warrior's gravestone, Athens, 3rd quarter of the 4th century BC (after *Wikimedia Commons*); 5 — cuirass on the relief of the Athena Nikephoros temple frieze in Pergamon (after *Bohn*, 1885. Taf. XLVII, 2); 6 — cuirass on Telephus' frieze relief of the Pergamon altar (photo by N. A. Nalimova); 7 — cuirass of a marble statue from Pergamon (after *Laube*, 2006. Taf. 24, 5); 8 — statue of Dioscurus, National Archaeological Museum, Naples (after *Wikimedia Commons*); 9 — statue of Dioscurus from Old Nisa (after *Masson, Pugačenkova*, 1982. Pl. 32, 3); 10 — depiction of Ares on a rhyton from Old Nisa (after *Masson, Pugačenkova*, 1982. Pl. 32, 3); 11 — seal stamp from Old Nisa (after *Пилипко*, 2015. Рис. 184); 12 — drachm of the *frataraka* Wahbarz (after *Wikimedia Commons*); 13 — fresco from the tomb in Agios Athanasios (after *Τσιμπίδου-Αυλωνίτη*, 2005. Πιν. 31); 14 — stele from Amphipolis (after *Hatzopoulos*, 2001. Pl. IIIa); 15 — «Alexander Sarcophagus» (after *Wikimedia Commons*); 16 — hypothetical reconstruction of the monument from the necropolis of Pydna (after *Bessios, Athanassiadou*, 2019. Taf. 66)

- Grenet*, 2015 — *Grenet F.* 37 ans après «Rodina Parfjan»: quelques reflexions sur la fonction des monuments de Vieille Nisa // ПИФК. 2015. № 1. P. 20–32.
- Hatzopoulos*, 2001 — *Hatzopoulos M. B.* L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides: problèmes anciens et documents nouveaux. Athènes: Centre de recherche de l'antiquité grecque et romaine; Fondation nationale de la recherche scientifique, 2001 (Meletēmata: Kentron Hellēnikēs kai Rōmaikēs Archaioētētos. 30). 196 p.
- Invernizzi*, 2013 — *Invernizzi A.* Remarks on the intercultural encounters in the Hellenized Orient // Parthica. 2013. Vol. 14 (2012). P. 89–108.
- Kaltsas*, 2002 — *Kaltsas N.* Sculpture in the National Archaeological Museum, Athens. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2002. 375 p.
- Laube*, 2006 — *Laube I.* Thorakophoroi. Gestalt und Semantik des Brustpanzers in der Darstellung des 4. bis 1. Jhs. v. Chr. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH, 2006 (Tübinger Archäologische Forschungen. Bd. 1). XV, 258 S.
- Lippolis*, 2014 — *Lippolis C.* Parthian Nisa. Art and Architecture in the Homeland of the Arsacids // Art et civilisations de l'Orient hellénisé: rencontres et échanges culturels d'Alexandre aux Sassanides. Hommage à Daniel Schlumberger / Sous la direction de P. Leriche. Paris: Picard, 2014. P. 223–230.
- Masson*, *Pugačenkova*, 1982 — *Masson M. E., Pugačenkova G. A.* The Parthian Rhytons of Nisa / Traduz. dal russo di C. M. Breton Bruce; revis. di A. Invernizzi. Firenze: Le Lettere — Licosa, 1982 (Monografie di Mesopotamia. 1). 149 p.; 124 pl.
- Rhomiopoulou*, *Schmidt-Dounas*, 2010 — *Rhomiopoulou K., Schmidt-Dounas B.* Das Palmettengrab in Lefkadia / Mit einem Beitrag von H. Brecoulaki. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2010 (Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Athenische Abteilung. Beiht. 21). VIII, 166 S.
- Taylor*, 2021 — *Taylor L. W. H.* Sophytes' Helmet: Origin, Symbolism, and Apotheosis // KOINON: The International Journal of Classical Numismatic Studies. Oxford, 2021. Vol. IV. P. 3–29.
- Τσιμπίδου-Αυλωνίτη*, 2005 — *Τσιμπίδου-Αυλωνίτη Μ.* Μακεδονικοί τάφοι στον Φοίνικα και στον Άγιο Αθανάσιο Θεσσαλονίκης: Συμβολή στη μελέτη της εικονογραφίας των ταφικών μνημείων της Μακεδονίας. Αθηνά: Έκδοση του Ταμείου Αρχαιολογικών Πορων και Απαλλοτριώσεων, 2005 (Δημοσιεύματα του Αρχαιολογικού Δελτίου. Απ. 91). 228 σελ.; 49 πιν.
- Waurick*, 1988 — *Waurick G.* Helme der hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer // *Bottini A. et al.* Antike Helme: Sammlung Lipperheide und andere Bestände des Antikenmuseums Berlin. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 1988 (Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Bd 14). S. 151–180.
- Winnefeld*, 1910 — *Winnefeld H.* Die Friese des Grossen Altars. Berlin: Verlag von Georg Reimer, 1910 (Altertümer von Pergamon. Bd III/2). 250 S.; 7 Beilag., 36 Taf.

«Who are you, soldier?»: on the interpretation and dating of some sculptures from Old Nisa

Anton V. Dedyul'kin¹⁰

Annotation. *The paper deals with fragments of clay sculptures of the so-called warriors from the central complex of Old Nisa. These bearded warriors can depict neither any of deities of the Olympic pantheon nor the Dioscuri. Their calm faces and poses do not permit to interpret them as the giants. The peculiarities of treating their helmets and armour point at the statues' date within the former half of the 2nd century BC. Possibly, these figures were part of some sculptural groups that reflect historical subjects.*

Keywords: *Hellenism, Parthia, Old Nisa, Arsacids, Seleucids, armour*

¹⁰ Anton V. Dedyul'kin — Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russian Federation; e-mail: donrumata@inbox.ru; ORCID: 0000-0003-0100-8007.

A synopsis of the military history of the Parthian *spād* (army) in its wars with the Sakas during the 2nd century BC

Kaveh Farrokh¹

Annotation. *This article provides an examination of the military factors and history of the Parthian *spād* (army) in the 2nd century BC during the successive reigns of Phraates II, Artabanus (Ardavan) I and Mithradates (Mehrdad) II. The first phase of the *spād*'s battles with the Saka resulted in military defeats in 129 and 123 BC, during the reigns of Phraates II and Artabanus I respectively. The second phase is characterized by Parthian military recovery during the reign of Mithradates II who defeated the Sakas and settled them in the region of Drangiana-Arachosia that became since then known as Sakastan. The Suren clan of the Sakas henceforth played a prominent role in the political and military history of Arsacid and Sasanian Iran.*

Keywords: Parthia, Arsacids, Sakas, Parthian military history

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-193-195

The Parthian *spād* (army) faced considerable military challenges along the Arsacid empire's marches facing Central Asia, notably from 129 to 123 BC. Large numbers of Sakas had attacked the northeastern marches of the Parthian empire by ca. 129–130 BC, which led to the occupation of Merv in contemporary Turkmenistan (Farrokh, 2007. P. 123), a large segment of modern-day Afghanistan (Callieri, 2016), and northeastern Iran where Hecatompylos was sacked. The deteriorating military crisis at their northeast necessitated the Parthians at organizing a powerful counterattack against the Sakas. Phraates (Farhad) II (132–127 BC) who was battling against a major Seleucid invasion led by Antiochus VII Sidetes (138–129 BC) in 130 BC, opted for a diplomatic solution at first by attempting to recruit the Sakas into the Parthian *spād* against the Seleucids. Prior to the Saka contingents' arrival to join the Parthians however, Phraates II scored a decisive victory in Western Iran over the Seleucids in 129 BC (the Battle of Ecbatana) and expelled the last elements of Hellenic authority from Iran (Iust. XXXVIII, 10, 8–9; Oros. V, 10; see also: Ioseph. *AJ.* XIII, 253). Having arrived after the Parthian triumph over the Seleucids, the Sakas demanded they be either compensated or recruited into the *spād* for other wars. Phraates II spurned the Saka requests (Bivar, 1983. P. 38), with latter retaliating by attacking deeper inside Iran, with elements possibly having advanced further west towards Mesopotamia. Phraates II mobilized against the invasion (Farrokh, 2007. P. 123), to confront the Saka forces in 127 BC with disastrous results: the Parthians were defeated with Phraates II killed in battle (Borjjan, 2015. P. 161). A major factor in the defeat had been the defection of Greco-Macedonian infantry (captured by Phraates II after the Seleucid defeat at Ecbatana in 129 BC) to the Sakas (Overtoom, 2020. P. 238–239). Artabanus (Ardavan) I (127–123 BC) who succeeded Phraates II led a major military campaign Parthian against the Saka in 123 BC (Borjjan, 2015. P. 161), with the battle resulting in another defeat for the Parthians (Ellerbrock, 2021. P. 33). The Sakas successes allowed them to militarily impose themselves in the northeastern marches of the Parthian empire, posing serious challenges to Arsacid authority.

The Parthian military revived its fortunes in Central Asia during the 2nd century BC under the leadership of Mithradates (Mehrdad) II (ca. 123/124–88/87 or 91 BC). Saka dominance was to prove ephemeral, as the Parthians recovered from their military defeats and soon re-established Arsacid authority. Mithradates II led the *spād* in an effective military operation against the Sakas (Olbrycht, 2015. P. 334) by defeating them in several battles, resulting in the Parthian reconquest of territories in Bactria and Afghanistan (Olbrycht,

¹ Kaveh Farrokh — Langara College, Vancouver, Canada; e-mail: manuvera@aol.com; ORCID: 0000-0001-5732-2447.

2010. P. 151)². The Arsacid king's victories placed the Parthians in an adaptive position for repelling potential invasions from Soghdia aimed towards Afghanistan and northeast Iran. Parthians military successes in Central Asia may have been the outcome of three general improvements that had been introduced into their cavalry corps (*Borjian*, 2015. P. 160). The first may have been the Parthian adoption of Yueh-Chih and Saka military improvements for their armoured cavalry (*Ibid.* P. 160) such as battle axes with sharp blades for piercing armour, doubled-edged swords with longer length (at approx. 80+ cm) for slash and thrust during close quarters combat (*Nikonorov*, 1997a. P. 52, 53), enhanced arm protection by the use of tube-like armguards (metallic vambraces) (not unlike those of the Parthian Asbārān lancers of the 1st century BC to early 3rd century CE), torso protection by the use of corselets of metallic plates (*Nikonorov*, 1997b. Pl. 4C), and trappers of armour for steed protection (see reconstruction: *Wilcox*, 1999. Pl. A1, A2, C1, D2), not unlike the examples discovered at Dura Europos. The Yueh-Chih were also possibly equipped with more powerful composite bows alongside an array of iron arrowheads capable of improved armour piercing capabilities (*Nikonorov*, 1997a. P. 53). However, it is also possible that the Parthians had (a) improved upon these adoptions and/or (b) introduced their own possible innovations in equestrian gear and combat equipment. The second possible domain of Parthian ascendancy may have been in introducing newer and more effective tactics that (a) improved horse archer and armoured cataphract coordination and (b) were more specifically adapted towards neutralizing and/or minimizing Saka cavalry tactics, possibly as result of military lessons drawn from previous defeats in 127 and 123 BC. A third domain of Parthian ascendancy may have been the advantages of their Nisean steed over the Sakas' Central Asian Akhal-Teke horse. The Nisean horse was superior with respect to power, size, speed, and agility in comparison to its Akhal-Teke counterpart. The Nisean would have most likely have proven decisive, notably as the Saka and Parthians were most likely broadly equivalent in terms of their martial skills in horse archery and armoured cavalry combat. The Nisean steed's platform of superior speed, agility and suppleness could be crucial against the highly skilled Saka horse archers riding the lesser capable Akhal-Teke horse. The Nisean charger's superior speed and mass would have afforded the Parthian armoured lancer greater momentum during the lance charge against his Saka opponent (at time of impact), mounted upon the smaller and less powerful Akhal-Teke.

Mithradates II's strategy was military and political: to first defeat the Sakas followed by building constructive and cooperative relations with them. This was an adaptive policy as the Sakas, though defeated by Mithradates II, had not been eliminated, which could pose potential future threats against the Parthians. Mithradates II's policy was to forge diplomatic ties and partnerships with the Saka clans. The success of this policy was to be manifested with the formidable Suren clan of the Sakas being made as partners of the empire in two fundamental domains: (a) a member of the Suren was to be placed in a position of high military command and (b) the Suren clan was to be privileged with the crowning of newly enthroned Arsacid kings. Mithradates II's policies were in line with Parthian policies at the recruitment of their Central Asian Saka kin towards bolstering the military and political strength of their empire (*Olbrycht*, 2003. P. 76).

Mithradates II's policies with the Sakas soon translated into strategic and military benefits for the empire, with the Sakas soon settled by Mithradates II in Drangiana and Arachosia (*Borjian*, 2015. P. 161), territories already populated by Sakas during their earlier incursions into these regions. As this latter population remained defiant of the Arsacids, Mithradates II appointed a general of the Suren clan to lead a military force into Drangiana-Arachosia in ca. 124–115 BC to impose Parthian authority over all Sakas in these territories. With the successful conclusion of these military operations, the region of Drangiana-Arachosia were to subsequently be identified as «Sakastan» (Seistan in later Islamic times)³. With the Suren having become the nominal vassals of the Arsacids⁴, Mithradates II also granted them considerable lands in Sakastan, in recognition for their military successes, resulting in the Suren becoming one of Parthian Iran's most influential and powerful clans, a status they retained into the ensuing Sasanian era. The

² Numismatic evidence of Mithradates II's authority as far as eastern Turkestan and further north at Alexandria on the Oxus (*Olbrycht*, 2010. P. 151–152).

³ This territory was to encompass a large land mass including modern-day Iran's Seistan-Baluchistan province as well as southern Afghanistan's Kandahar, Helmand and Nimruz.

⁴ *Nikonorov*, 1997a. P. 9. Sakastan was to strike Parthian coins at least up to the first half of the 1st century CE (*Olbrycht*, 2010. P. 152) or until the reign of Gotarzes II (40–51 AD).

Suren also greatly contributed to the Parthian *spād* as seen by their provision of 1000 (*Wilcox*, 1999. P. 20) armoured Asbārān lancers and 9,000–10,000 (cf. *Sampson*, 2015. P. 119; *Wilcox*, 1999. P. 22) horse archers who scored a major military victory over the Romans at the battle of Carrhae (53 BC).

- Bivar*, 1983 — *Bivar A. D. H.* The Political History of Iran under the Arsacids // CHIr-3 (1). 1993. P. 21–99.
- Borjian*, 2015 — *Borjian H.* A Persian View of the Steppe Iranians // *Anabasis*. 2014. Vol. 5 (2014). P. 155–173.
- Callieri*, 2016 — *Callieri P.* Sakas: in Afghanistan // *EIr* [online edition, 2016, available at <http://www.iranica-online.org/articles/sakas-in-afghanistan> (accessed March 8, 2022)].
- Ellerbrock*, 2021 — *Ellerbrock U.* The Parthians: The Forgotten Empire. Abingdon; New York: Routledge, 2021. XXVIII, 331 p.
- Farrokh*, 2007 — *Farrokh K.* Shadows in the Desert: Ancient Persia at War. London: Osprey Publishing, 2007. 320 p.
- Nikonorov*, 1997 — *Nikonorov V. P.* The Armies of Bactria, 700 B.C. — 450 A.D. Vol. 1–2. Stockport: Montvert Publications, 1997. 143 p.
- Olbrycht*, 2003 — *Olbrycht M. J.* Parthia and Nomads of Central Asia. Elements of Steppe Origin in the Social and Military Developments of Arsacid Iran // *Orientalwissenschaftliche Hefte*. 2003. Ht. 12. P. 69–109.
- Olbrycht*, 2010 — *Olbrycht M. J.* The Early Reign of Mithradates II the Great in Parthia // *Anabasis*. 2010. Vol. 1. P. 144–158.
- Olbrycht*, 2015 — *Olbrycht M. J.* Arsacid Iran and the Nomads of Central Asia — Ways of Cultural Transfer // Complexity of Interaction along the Eurasian steppe Zone in the First Millennium CE / Ed. by J. Bemmann, M. Schmaud. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie, Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2015 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 7). P. 333–390.
- Overtoom*, 2020 — *Overtoom N. L.* Reign of Arrows: The Rise of the Parthian Empire in the Hellenistic Middle East. New York: Oxford University Press, 2020. XLV, 346 p.
- Sampson*, 2015 — *Sampson G. C.* The Defeat of Rome: Crassus, Carrhae and the Invasion of the East. Barnsley: Pen and Sword, 2015. XVI, 224 p.
- Wilcox*, 1999 — *Wilcox P.* Rome's Enemies (3): The Parthians and the Sasanid Persians. Oxford: Osprey Publishing, 1999 (Osprey Military Men-at-Arms Series. 175). 48 p.

Обзор военной истории парфянского войска (*spād*) в его войнах с саками во II в. до н. э.

К. Фаррох⁵

Аннотация. В докладе рассматриваются военные факторы и история парфянской армии (*spād*) во II в. до н. э. в период правления Фраата II, Артабана I и Митрадата II. Первый этап военного противостояния парфян с саками завершился поражениями в 129 и 123 гг. до н. э. при Фраате II и Артабане I. Второй этап характеризуется восстановлением парфянских вооруженных сил под властью Митрадата II, который разбил саков и поселил их в Дрангиане-Арахозии — области, ставшей с тех пор известной как Сакастан. Клан Суренов сакского происхождения отныне играл заметную роль в политической и военной истории аршакидского и сасанидского Ирана.

Ключевые слова: Парфия, Аршакиды, саки, военная история Парфии

⁵ Каве Фаррох — Лангара Колледж, Ванкувер, Канада; e-mail: manuvera@aol.com; ORCID: 0000-0001-5732-2447.

Иконография Анахиты на памятниках материальной культуры парфянского периода

М. С. Назарова¹

Аннотация. В докладе рассматриваются варианты изображения богини Анахиты, происходящие с территории Парфянского царства. Также для сравнительного анализа с целью выявления устойчивых иконографических решений привлекаются некоторые произведения искусства, найденные на сопредельных территориях и относящиеся ко времени от Ахеменидов до Сасанидов.

Ключевые слова: материальная культура, искусство, религия, Анахита, Парфянское царство

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-196-199

С территорий Парфянского царства происходит множество скульптурных изображений женских божеств. Многие из подобных археологических находок были интерпретированы в качестве Анахиты. Однако такая атрибуция часто носит условный характер и далеко не всегда является окончательной. Качество исполнения этих произведений крайне неоднородно. Встречаются как достаточно грубые примеры массового материала, например терракоты, так и созданные с большим мастерством произведения официального изобразительного искусства, например рельефы реверсов монет, отчеканенных в Селевкии-на-Тигре (*Sellwood*, 1971. P. 54).

Греческие и римские авторы свидетельствовали о достаточно широком распространении культа Анахиты (Анаит) в Парфянском царстве и на сопредельных территориях (см.: *Windischmann*, 1856), причем часто она ассоциировалась с античными богинями — Артемидой, Афиной, Афродитой, Тюхе.

Широкое почитание Анахиты в Иране началось еще в ахеменидский период (*De Jong*, 1997. P. 105). Ее иконография формировалась в несколько этапов. В V в. до н. э. в персидско-малоазийской традиции сложился образ верховной богини, которая являлась божеством водной стихии и покровительствовала земледельческим культам (*Обухов*, 2023. С. 133). За Анахитой закрепился статус богини воды и плодородия (*Boyse*, 1979. P. 61). Одним из примеров ранней иконографии Анахиты могут считаться контррельефы на двух золотых перстнях-печатках V–IV вв. до н. э. из Амударьинского клада, хранящихся в Британском Музее. На обоих украшениях богиня изображена в профиль, сидящей на троне, в длиннополом одеянии с множеством складок и длинными рукавами, браслетами на запястьях и цветком в руке. Между этими композициями есть незначительные различия: повороты фигур (правый и левый), атрибуты в руке (венки и птица), формы короны (с пятью отдельными зубцами и ступенчатая — близкая к *corona muralis*) и др. (*Curtis*, 2012. P. 39).

В официальном искусстве Парфянского царства Анахита присутствует в сценах инвеституры на монетах Фраата II, Артабана I/II, Митридата II, Вологеза I, Артабана III, Пакора II и др. (*Ellerbrock, Winkelmann*, 2015. S. 201, 285, 289). В силу влияния эллинистической художественной традиции на аршакидскую нумизматику на рельефах монет II в. до н. э. — I в. н. э. Анахита выступает в облике греческой богини Тюхе. Так, среди ее атрибутов появились рог изобилия, малая крылатая богиня (Ника), диадема с лентами и пальмовая ветвь в руке, а также одежды на греческий манер — хитон и гиматий. На некоторых монетах восседающая богиня вручает символы власти представи-

¹ Мария Сергеевна Назарова — Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: fantomascha@gmail.com; ORCID 0000-0001-6547-5988.

Рис. 1. Тетрадрахма Фраата IV (37–2 гг. до н. э.), чеканенная в Селевкии-на-Тигре
Fig. 1. Tetradrachm of Phraates IV (37–2 BC), minted in Seleucia on the Tigris

телю династии Аршакидов, а в иных вариантах сама предстоит перед царем, сидящим на троне или на коне. Обе версии композиции представлены в нумизматике Артабана III.

В нумизматике Парфянского царства нет единообразия в иконографии головного убора богини. Чеканы с Тюхе-Анахитой, выпущенные в царствование одного правителя, могли различаться именно этой деталью. Без головного убора богиня появляется на монетах Митридата II, Артабана III и Вардана III. В эмиссиях Фраата II, Фраата IV (рис. 1), Артабана III и Вологеза V она изображена в высоком уборе, напоминающем калаф. На других чеканах Вологеза V богиня носит зубчатую корону (*corona muralis*), которая уже встречалась ранее на аршакидских монетах I–III вв. (Sellwood, 1971. P. 285, 230). В некоторых вариантах, как, например, на чеканах Вардана I, Тюхе-Анахита представлена в короне с отдельными коническими зубцами. К сожалению, исследования иконографии женского божества в сценах инвеституры на парфянских монетах I–III вв. осложняются из-за плохого качества рельефов на них.

Аршакидским периодом датированы и связываемые с Анахитой два рельефа — один каменный с изображенными всадником и женским божеством из Дамасского национального музея (Sartre-Fauriat, 2012. P. 190, fig. 6) и другой терракотовый — с мужской фигурой в «парфянских» одеждах, предстоящей перед богиней, из Иранского музея в Гамбурге (Ellerbrock, Winkelmann, 2015. S. 307). Прически и одежда мужских фигур (штаны и облачение верхней части корпуса с дугообразными складками) близки к парфянским образцам II в. до н. э. — III в. н. э. Таким образом, допустимо предположить, что божеством, к которому «обращаются» мужские персонажи, является именно Анахита. Однако эта версия не может быть полностью принята, так как на каждом из названных рельефов представлены лишь отдельные атрибуты иранской богини, не складывающиеся в цельный иконографический канон.

На памятниках искусства сасанидского Ирана гораздо отчетливее выделяются образы Анахиты. Именно к сасанидскому времени складывается иконографический канон, согласно которому атрибутами богини являются: *corona muralis*, ниспадающее на плечи покрывало, длиннополые одежды со складками, ожерелье, браслеты, инвеститурный веночек или кольцо с лентами (Никоноров, 2024. С. 38).

Письменным свидетельством существования культа Анахиты в Восточном Средиземноморье и Средней Азии еще во времена Ахеменидов служит сообщение III в. до н. э. вавилонянина Беросса

о возведении при Артаксерксе II (404–359) статуй Афродиты Анаитиды (Анахиты) не только у персов, в Сузах и Экбатане, т. е. в собственно иранских землях, но и в Вавилоне (Месопотамия), Сардах (Лидия), Дамаске (Сирия) и Бактрии (Veross. Frg. 12, см.: *Verbrugge, Wickersham, 1996. P. 62*). Эта информация важна еще и тем, что фиксирует факт появления первых официальных изображений богини не позднее конца V — первой половины IV в. до н. э.

Из Бактрии происходят два фрагмента женской серебряной статуэтки, найденных во время раскопок в Тахти-Сангине. Драгоценный материал, место находки — Храм Окса и сопутствующий контекст (заклад № 4) позволили интерпретировать этот образ как культовый (*Узянов, 1987. С. 291*). Сохранилась верхняя половина фигурки, облаченной в драпирующиеся одежды наподобие греческих хитона и гиматия. От головного убора остался небольшой фрагмент, допускающий предположение, что изображенная женщина носила калаф. Ее правая рука согнута, прижата к груди и держит атрибут — предположительно, это плод граната. Высокий головной убор-калаф, длинные одеяния и гранат в руке можно связать с Анахитой, тем более что в Храме Окса почитались стихии огня и воды. Первоначально это произведение было датировано не позднее II в. до н. э. (*Узянов, 1987. С. 294*), однако Б. А. Литвинский отнес его ко II–I вв. до н. э. (*Литвинский, 2010. С. 278*), что соотносится с периодом усиления влияния Парфянского царства на соседние территории, включая Бактрию.

Среди археологических находок, происходящих из Средней Азии, часто встречаются терракотовые женские изображения в высоких головных уборах и длиннополых одеяниях на персидский или греческий манер. В руках они держат чаши, цветки или плод граната. Эти детали традиционно рассматривают в качестве атрибутов, указывающих на божественный статус изображенной. Г. А. Пугаченкова отмечала, что в подобных случаях проведение прямых аналогий с Анахитой не всегда уместно ввиду того, что почитание огня, воды, земли (плодородия) и домашнего очага было характерно для многих народов Ближнего и Среднего Востока (*Пугаченкова, 1989. С. 119*). К таким выводам исследовательница пришла, анализируя женские фигурки на очажных подставках из Булакбаши с широкой датировкой II в. до н. э. — II в. н. э. Она допускала, что такие изображения могли быть связаны с влиянием зороастрийского культа и соответственно могли иметь отношение к локальным вариантам образа Анахиты. Эти очажные подставки исполнены достаточно грубо, их детали обобщены и не имеют атрибутов, подобных описанным выше, которые бы достаточно точно указывали на Анахиту.

В совместной монографии Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпель упоминаются терракоты из Средней Азии (хорезмийские, бактрийские и согдийские), изображающие как обнаженную богиню и датируемые III–II вв. до н. э., так и пришедшие им на смену во II в. до н. э. — I в. н. э. женские образы в длинных одеяниях (*Пугаченкова, Ремпель, 1982. С. 43, 46*). Эти произведения искусства отличает синтез иконографических приемов, унаследованных от контактов с древнеиранским и эллинистическим миром, который сочетается с местными этническими чертами во внешности божества. Статуэтки нагой богини близки по композиции к бронзовой фигурке I–III вв. из собрания Государственных музеев Берлина, происходящей с территории Ирана (*Colledge, 1977. Pl. 11, b*). Пояса, браслеты и ожерелья, рука, согнутая в локте и прижатая к груди нагих фигурок, — примеры сохранения древневосточных канонов в среднеазиатских терракотах. В то же время струящиеся драпировки одеяний, напоминающих туники, хитоны и гиматии, на терракотах второй хронологической группы относятся уже к влиянию эллинистической культуры, тогда как высокие головные уборы, подобные калафам, могут быть рассмотрены в русле обеих традиций. Впрочем, невозможно с уверенностью сказать, являются ли рассматриваемые среднеазиатские фигурки изображениями именно Анахиты, а не местных богинь, культ которых уходит своими корнями в глубокую древность.

Литвинский, 2010 — *Литвинский Б. А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: ИФВЛ, 2010. 664 с.

Никоноров, 2024 — *Никоноров В. П.* К иконографии иранской богини Анахиты // Комплексные результаты археологических исследований в Таджикистане: ТД. Душанбе, 18–20 марта 2024 г. / Отв. ред. А. А. Тишкин. Душанбе; Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2024. С. 38–40.

- Обухов, 2023 — *Обухов С. В.* Пантеон и царский культ в Коммагене. Эпоха Митридата I Каллиника и Антиоха I Теоса: историко-археологическое исследование. М.: Издат. группа «Альма Матер»; Изд-во «Альма Матер», 2023. 356 с.
- Пугаченкова, 1989а — *Пугаченкова Г. А.* Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан, 1989. 204 с.
- Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М.: Искусство, 1982. 288 с.
- Узянов С. А. О серебряной статуэтке, найденной на Тахти-Сангине // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. Сборник статей / Отв. ред. Б. Б. Пиотровский и Г. М. Бонгард-Левин. М.: ГРВЛ, 1987. С. 290–296, 366.
- Boyce, 1979 — *Boyce M.* Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Practices. London; Boston; Henley: Routledge and Kegan Paul, 1979. 252 p.
- Colledge, 1977 — *Colledge M. A. R.* Parthian Art. Ithaca: Cornell University Press, 1977. XVI, 200 p.; 49 pl.
- Curtis, 2012 — *Curtis J.* The Oxus Treasure. London: The British Museum Press, 2012. 64 p.
- Jong, 1997 — *Jong A. de.* Traditions of the Magi: Zoroastrianism in Greek and Latin Literature. Leiden; New York; Köln: Brill, 1997 (Religions in the Graeco-Roman World. Vol. 133) XII, 496 p.
- Ellerbrock, Winkelmann, 2015 — *Ellerbrock U., Winkelmann S.* Die Parther: Die vergessene Großmacht. 2. komplett überarbeitete Aufl. Darmstadt: PhvZ, 2015. 367 S.
- Sartre-Fauriat, 2012 — *Sartre-Fauriat A.* Une stèle au cavalier au musée des Beaux-Arts de Lyon // Syria: Archéologie, Art et Histoire. Beyrouth, 2012. T. 89. P. 185–194.
- Sellwood, 1971 — *Sellwood D.* An Introduction to the Coinage of Parthia. London: Spink and Son, 1971. 315 p.
- Verbrugge, Wickersham, 1996 — *Verbrugge G. P., Wickersham J. M.* Berossos and Manetho introduced and translated: Native Traditions in Ancient Mesopotamia and Egypt. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1996. X, 239 p.
- Windischmann, 1856 — *Windischmann F.* Die persische Anahita oder Anaïtis: ein Beitrag zur Mythengeschichte des Orients // Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. 1856. Bd. 8/2. S. 87–128.

The iconography of Anahita on works of material culture of the Parthian period

Mariya S. Nazarova²

Annotation. *The paper examines variants of the image of the goddess Anahita originating from the territory of the Parthian kingdom. Besides, for comparative analysis to identify stable iconographic solutions, some works of art discovered in neighbouring territories and belonging to times from the Achaemenids to the Sasanians are involved.*

Keywords: *material culture, art, religion, Anahita, Parthian kingdom*

² Mariya S. Nazarova — State University of Technology and Design, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: maria.nz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6547-5988.

Терракотовый медальон с портретным изображением из Кампыртепа (к вопросу о технологии создания терракотовой скульптуры в Бактрии)

К. Абдуллаев¹

Аннотация. Автор, сопоставляя керамический диск с мужским бюстом и терракотовую статуэтку с такой же головой, обнаруженные при раскопках городища Кампыртепа, пытается реконструировать некоторые особенности технологии скульптурного производства позднеантичной Бактрии. По его мнению, терракотовый диск-медальон принадлежал к категории изделий, служивших затем моделями для создания новых произведений.

Ключевые слова: Бактрия, Кампыртепа, скульптура, терракота, технология

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-200-206

Одной из примечательных находок на городище Кампыртепа, расположенном к северо-западу от Термеза на старом берегу Окса-Амударьи, является керамический диск с оттиснутым в технике горельефа мужским бюстом (**рис. 1, 1**). Эта, безусловно редкая, находка была опубликована в статье Э. В. Ртвеладзе (*Ртвеладзе*, 2020), уделившего большое внимание явно парфянскому облику скульптуры и вновь поднявшего в связи с этим проблему взаимоотношений Парфии и Бактрии (см. ранее: *Rtveladze*, 1995. P. 181–190; *Ртвеладзе*, 2000. С. 86–90).

Наша же задача — раскрыть одну из особенностей производства терракотовой скульптуры в античной Бактрии и проследить процесс создания «нового» пластического образа с последующей доработкой деталей. Этому, в частности, способствует находка отдельной статуэтки, голова которой идентична горельефу на терракотовом диске (**рис. 1, 2**).

Особую ценность данному артефакту придает тот факт, что он был найден в археологическом комплексе, включающем и нумизматические находки — подражания монетам Гелиокла (конец II — начало I в. до н. э.). Здесь же был обнаружен трехперый черешковый наконечник, а также керамический материал, характерный для этого периода, включая фрагменты подражаний мегарским чашам (*Ртвеладзе*, 2020. С. 205).

Диск дошел до нас во фрагментированном виде (чуть более трети), тем не менее, голова персонажа сохранилась полностью. Не имея возможности анализа *de visu*, нам приходится делать наблюдения на основе фотографии, к сожалению, не лучшего качества. Поверхность диска имеет рыхловатую нечеткую фактуру, возможно, вследствие разрушительного воздействия солевой среды. Белесые солевые отложения хорошо прослеживаются на головном уборе и бороде персонажа.

Оттиск осуществлен по сырой глине на дисковидной заготовке диаметром 15 см. Судя по изображению, терракота плотной структуры светлых желтовато-оранжевых оттенков, местами переходящих в красновато-коричневые тона (ангоб?). На диске в его верхней левой части сохранились две параллельные, плотно примыкающие друг к другу линии, продолжающиеся за головой персонажа, но уже менее отчетливо; не возникает сомнения, что они очерчивают окружность, по центру которой возвышается рельеф изображения. Этот важный, на мой взгляд, элемент может свидетель-

¹ Казим Абдуллаев — Стамбульский университет, Стамбул, Турецкая Республика; e-mail: kabdullaev@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-1840-6709.

ствовать о том, что оттиск мог быть осуществлен металлическим, или, что менее вероятно, каменным предметом (диском-медальоном).

Головной убор имеет коническую форму, его основание выделено рельефным валиком, который, по мнению Э. В. Ртвеладзе, «совмещен с диадемой» (Ртвеладзе, 2020. С. 205). Однако наличие диадемы вызывает сомнения: во-первых, ее концы никак не обозначены; во-вторых, для диадемы нехарактерна форма валика, чрезмерно выпуклого и почти круглого в сечении (о парфянских диадемах см., например: Gall, 1969–1970. S. 299–318). Диадема, как правило, изображается в виде «уплощенной» полоски, которая как бы вдавливает массу волос, разделяя ее на две части: верхнюю невысокую и нижнюю более пышной формы. (Тем не менее, на некоторых монетах с фронтальным портретом прическа имеет трехчастную форму с пышными копнами по бокам и на темени — как, например, на драхмах парфянского царя Вологеза V (191–208 гг. н. э.). Такая манера прически характерна и для ранней сасанидской иконографии.) Изображается диадема в таком случае несколькими параллельными линиями. Следует отметить, что на ранних портретах парфянских царей, начиная с Митридата I (171–138 гг. до н. э.), диадема свободно лежит поверх прически, сближаясь тем самым с традициями селевкидского портретного искусства (Invernizzi, 2017. P. 269–302; Трейстер, 2001. P. 195–206). На профильных портретах завязки диадемы показаны в виде двух свисающих за затылком или развевающихся концов лент. На относительно редких экземплярах, когда бюст царя изображается анфас, диадема изображена симметрично в виде петли с выступающими или развевающимися в стороны концами.

В этом отношении выразителен портрет на драхмах Фраата III (70–57 гг. до н. э.), чеканенных в Экбатане и Митридатокерте. Диадема повязана у основания волос, концы ее развеваются за спиной. (Забегая вперед, отметим, что митридатокертские экземпляры демонстрируют и тот же стиль наплечной одежды, что на фигурке из Кампыртепа: аналогичную форму куртки с запахом слева направо и оторочкой декоративной каймой по конструктивным линиям.) Чаще всего диадема располагается над лбом, по границе роста волос.

В изображении головы на терракотовом диске наиболее информативна прическа персонажа. Челка волос над лбом ровно подстрижена, между тем как по бокам длинные завивающиеся на концах локоны закрывают уши. Такая форма прически известна по многим произведениям изобразительного искусства Средней Азии эллинистического времени вплоть до первых веков н. э. К примеру, аналогичную ровную челку можно видеть в терракотовой скульптуре Еркургана. Таков, например, парный бюст на керамической плитке (фриз?) с бородатыми персонажами, головы которых увенчаны диадемой сложной конфигурации (Сулейманов, 2000. Рис. 86). Такая же прическа у бородатого персонажа с терракоты, датированной автором публикации I–II вв. н. э. (Там же. Рис. 146, 2).

Можно попытаться реконструировать процесс создания этого произведения пластического искусства — схема, разумеется, приблизительная и содержит некоторое количество догадок и предположений.

Первый этап. Посредством диска-медальона из металла (скорее всего, серебра) осуществляется отпечаток по сырой глиняной заготовке, чтобы получить негативное изображение для создания матрицы. На терракотовом диске, как мы отмечали, сохранились следы медальона в виде параллельных линий, образующих как бы округлую рамку вокруг центра изображения. Эти линии получились вогнутыми (углубленными) — соответственно, на медальоне они были рельефными.

Второй этап. Получив негативное изображение, которое по сути являлось матрицей, мастер (керамист), пока оно не просохло, по сырой и пластичной глине мог внести какие-либо изменения. Заготовка матрицы высушивалась, обжигалась и становилась пригодной для тиражирования.

Третий этап. Казалось бы, после создания матрицы для производства терракотовых дисков-медальонов процесс должен был завершиться. Тем не менее, горельефное изображение головы персонажа на терракотовом диске-медальоне могло служить для создания матрицы с целью тиражирования изображения этой головы. Терракотовая фигурка из Кампыртепа создавалась комбинированным способом: голова была оттиснута в матрице, а корпус вылеплен вручную. При этом

голова персонажа могла быть отдельно оттиснута с оригинала, т. е. металлического диска-медальона, после чего была создана матрица для репродуцирования головы. Впрочем, такой вариант непрактичен, хотя и теоретически возможен.

Уже упомянутая терракотовая фигурка (рис. 1, 2) была найдена на цитадели Кампыртепа в 1980 г. в слое, датированном I в. до н. э. (Ртвеладзе, 2020. С. 205). Она изготовлена из тонкоотмученной глины, цвет терракоты — светлых, желтовато-бежеватых оттенков. Фигурка сохранилась до уровня пояса. Как правило, тыльная сторона после оттиска подрезалась инструментом или разглаживалась пальцем.

Что касается самого портретного изображения, то даже при беглом взгляде видно резкое отличие тщательной пластической трактовки головы от грубой ручной лепки корпуса. Персонаж имеет довольно широкий лоб, обрамленный короткой аккуратно остриженной челкой. Спереди концы волос, закругляясь, образуют крупный локон. Волосы закрывают уши и доходят по длине до мочек ушей. Форма лица скорее округлая, нежели овальная. У изображенного широкий разлет дугообразных бровей, короткий нос, широко поставленные глаза; последние имеют широкий разрез, тщательно проработанные верхние и нижние веки и зрачки, обозначенные неглубокими отверстиями. Маленький рот имеет пухлые губы, верхняя прикрыта небольшими усами. Плавно зауженная книзу борода показана тонкими волнистыми линиями.

Как уже отмечалось, терракотовая фигурка выполнена в комбинированной технике, что подтверждает относительно грубая трактовка тела и костюма персонажа. Границу стыковки головы с корпусом передает четкая вдавленная, шершавой фактуры полоса на груди. Однако здесь следует оговориться, что после соединения верхней и нижней частей скульптуры могла быть создана матрица для тиражирования уже целой фигуры.

Пропорции предплечий деформированы, плечи несимметричны. На месте соединенных на животе кистей рук рельеф непонятных очертаний. Эта часть фигурки явно расплющена. Предположение Э. В. Ртвеладзе, что это «нагрудная бляха» (Там же. С. 205), представляется маловероятным, если к тому же учесть форму куртки (куртак) с запахом справа налево. Скорее всего, персонаж держит какой-либо предмет, который из-за деформации не поддается определению.

Костюм представляет отдельный интерес. Несмотря на нечеткость деталей, изображение раскрывает характерные особенности верхней одежды кочевнического типа: декоративное оформление в виде рельефных полосок, передающих оторочку бортов, а также узорчатую кайму по линии плеч, поперечных планок характерно для парфянского костюмного комплекса. Нельзя исключить, что одежда подобного вида была свойственна и кочевникам Центральной Азии — например, сакам. Большое значение имеет запах куртки справа налево, также присущий сако-парфянскому кругу. Такая форма наплечной одежды предполагает пояс, но говорить о нем затруднительно, хотя рельефный кружочек (бляшка?) под правым предплечьем может означать именно его.

В целом персонаж, запечатленный на терракоте, как правильно отметил Э. В. Ртвеладзе, передает образ представителя парфянской знати, несущий, возможно, некоторые портретные черты. Как ближайшую аналогию (в т. ч. костюму персонажа) можно упомянуть фигурку бородатого мужчины парфянского облика в серебряном окладе из цитадели Кампыртепа (помещение 74) в слоях первых веков н. э. (*Древности...*, 1991. № 166). Сопоставление этого изображения с каким-то конкретным парфянским царем чревато бесконечными дебатами, хотя хронологические рамки могут очертить примерную галерею портретов от Митридата I, чьи завоевания начались еще в правление бактрийского царя Евкратиды, уступившего противникам, по словам Страбона (*Strabo* XI. 11. 2), часть территорий Бактрии.

Мне уже доводилось писать, насколько популярными были рельефные композиции, в особенности бюсты-портреты реальных исторических фигур или образы мифических персонажей (*Abdullaev*, 2022. Р. 907–934). Драгоценные и полудрагоценные диски-медальоны с композициями чаще всего служили как вставка (зеркало) в дно чаш, но могли представлять и вполне законченное произведение художественного металла. Иногда их переиспользовали в качестве фаларов (скорее всего, использовались медальоны, изготовленные в технике барельефа — горельеф был бы непрактичен). Об этом свидетельствует находка в одном из курганов Ноин-Ула в северной Монголии

Рис. 1. 1 — терракотовый медальон из Кампыртепа (по: *Ртвеладзе*, 2020); 2 — терракотовая фигурка из Кампыртепа (по: *Древности...*, 1991, доработка автора); 3 — серебряный медальон из Приобья (по: *Wikimedia Commons*); 4 — терракотовый медальон с изображением бюста Афины, происхождение неизвестно (по: *Wikimedia Commons*)

Fig. 1. 1 — terracotta medallion from Кампыртепа (after *Ртвеладзе*, 2020); 2 — terracotta figurine from Кампыртепа (after *Древности...*, 1991, with the author's additions); 3 — silver medallion from the Ob region (after *Wikimedia Commons*); 4 — terracotta medallion with the depiction of Athena's bust, the provenance is unknown (after *Wikimedia Commons*)

(*Полосьмак и др.*, 2011). Эти диски получили немалую популярность в греко-римскую эпоху, особенно в римское время. Не менее популярен этот вид искусства был и в парфянской художественной культуре. Как показывают находки произведений торевтики парфянского типа, они были сделаны далеко за пределами границ соприкосновения Римской империи с Парфянской державой. Показателен в этом отношении серебряный диск из Государственного Эрмитажа с изображением знатного парфянина, исполненный в лучших традициях художественного металла. Изначально он хранился в музее Ханты-Мансийска, в настоящий момент находится в фондах Государственного Эрмитажа (диаметр диска 15,8 см, высота рельефа 3,3 см: *Сокровища...*, 1996. С. 45–47; совершенно аналогичный медальон хранится в фондах Колпашевского краеведческого музея).

Речь идет о серебряном медальоне с погрудным портретом в фас, исполненном в технике литья с последующей доработкой резцом (**рис. 1, 3**). Портрет, заключенный в декоративную рамку из плетенки-елочки, выполнен в технике высокого рельефа. Тонкая моделировка и тщательная проработка мелких деталей ставит это произведение в ряд наиболее высокохудожественных творений парфянских мастеров. Первый публикатор на основе иконографического анализа определил изображение как портрет парфянского царя Готарза (92–80 гг. до н. э.) (*Кинжалов*, 1959. С. 197–204). Е. В. Зеймаль считал, что, судя по иконографическим признакам и деталям костюма, изображение на эрмитажном экземпляре сопоставимо с портретами не только Готарза I и Митридата III (по определению К. В. Тревер), но и Фраата III (около 70–57 гг. до н. э.) и Орода II (57–38 гг. до н. э.): *Сокровища...*, 1996. С. 37).

Хотелось бы привести еще один образец диска-медальона, но уже керамического, из бывшей частной коллекции (Лондон) с изображением бюста Афины-Минервы, обрамленного рельефной линией и крупными перлами (**рис. 1, 4**; происхождение, характеристики и место хранения неизвестны). Несмотря на античный образ, стилистические признаки и пластическая трактовка изображения явно указывают на восточное, скорее всего парфянское, влияние. Керамический медальон можно датировать первыми веками н. э.

Говоря о серебряных и терракотовых дисках-медальонах как о категории художественных изделий, служивших, в частности, моделями для создания новых произведений, хочется вкратце остановиться на гипсовых слепках с рельефными композициями на античные темы. Показательна здесь коллекция многочисленных слепков медальонов из дворцового комплекса городища Беграм (Афганистан), демонстрирующая как технику барельефа, так и образцы высокого рельефа.

Первые публикаторы относили слепки Беграма к александрийской школе. Такая гипотеза жизнеспособна и актуальна, если акцентировать внимание на скульптуре малых форм из металла (фигурка Гарпократа, художественное стекло и т. д.) явно александрийского происхождения (*Hamelin*, 1952. Р. 11–25). Сюда же можно добавить находку аналогичных гипсовых слепков, открытых в Египте в 1907 г. (коллекция опубликована в образцовом труде: *Rubensohn*, 1911). Однако мнение Р. Гиришмана о том, что медальоны Беграма могли быть изделиями греко-бактрийских мастерских, представляется более убедительным (*Ghirshman*, 1943–45. Р. 59–71; *Гиришман*, 1946. С. 10–11).

Беграмские находки позволили выдвинуть тезис о бактрийском центре и школе торевтики. Некоторые вопросы функционального назначения этих изделий остаются не совсем ясными: они, несомненно, входили в инструментарий мастеров художественных ателье, но применялись ли они непосредственно при создании форм для отливки или матриц для последующих оттисков (Гизела Рихтер вскользь упоминает об этом: *Richter*, 1958. Р. 369–377)? Не исключая такую возможность, следует отметить, что среди гипсовых слепков имелись и такие экземпляры, которые утратили изначальную «свежесть». Четкость очертаний, не говоря о мелких деталях, была утрачена, очевидно, в силу интенсивной эксплуатации. Такие гипсовые слепки едва ли можно было использовать как модель для создания матриц или форм. Зачем же они сохранялись древним мастером? Первое, что приходит в голову, — что «отработанные» образцы могли служить в качестве памятки мастеру для построения композиции, т. е. составляли нечто, напоминающее архив или базу данных.

Терракотовые диски-медальоны и гипсовые слепки-медальоны — по сути, близкие художественные формы пластического искусства — могли служить средствами сохранения традиций старшего поколения мастеров, художественных образов и мифологического наследия. И неудивительно, что в культурных слоях примерно одной эпохи обнаруживаются и портрет знатного парфянина (Кампыртепа), и полная динамики сцена гигантомахии на диске с городища Старого Термеза, сродни знаменитым рельефам Пергама (*Pontbriand, Leriche, 2012. P. 14–23*).

- Гиришман, 1946* — *Гиришман Р.* Раскопки французской делегации в Беграме (Афганистан) // КСИИМК. 1946. Вып. XIII. С. 10–16.
- Древности..., 1991* — *Древности Южного Узбекистана.* Каталог. Токио: Университет Сока, 1991. 333 с.
- Кинжалов, 1959* — *Кинжалов Р. В.* Серебряная пластина с изображением парфянского царя // СА. 1959. № 2. С. 197–204.
- Полосьмак и др., 2011* — *Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Цэвээндорж Д.* Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.
- Ртвеладзе, 2000* — *Ртвеладзе Э. В.* Парфия и Юэчжийская Бактрия // ИМКУ. 2000. Вып. 31. С. 86–90.
- Ртвеладзе, 2020* — *Ртвеладзе Э. В.* Кампыртепа — Александрия Оксианская — Пандохейон: новые данные о присутствии парфян в долине Окса // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 204–206.
- Сокровища..., 1996* — *Сокровища Приобья.* Каталог выставки / Под ред. Б. И. Маршака, М. Г. Крамаровского. СПб.: Формика, 1996. 228 с.
- Сулейманов, 2000* — *Сулейманов Р. Х.* Древний Нахшаб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н. э. — VII в. н. э. Самарканд; Ташкент: Фан, 2000. 340 с.
- Трейстер, 2001* — *Трейстер М. Ю.* Портрет парфянского царя из сарматского погребения в Приазовье // ВДИ. 2001. № 1. С. 195–206.
- Abdullaev, 2022* — *Abdullaev K.* Revisiting a Phalera from Mound 20 in Noin Ula in Northern Mongolia: Some Iconographic Aspects in Bactrian Art // *Connecting Ancient West and East. Studies Presented to Prof. Gocha R. Tsetskhladze. Vol. I.* Leuven; Paris; Bristol: Peeters, 2022. P. 907–934.
- Gall, 1969–1970* — *Gall H. von.* Beobachtungen zum arsakidischen Diadem und zur parthischen Bildkunst // *Istanbuler Mitteilungen. Tübingen, 1969–1970. Bd. 19/20. S. 299–318.*
- Ghirshman, 1943–1945* — *Ghirshman R.* Fouilles de Bégram (Afghanistan) // JA. 1943–1945. Vol. CCXXXIV. P. 59–71.
- Hamelin, 1952* — *Hamelin P.* Sur quelques verreries de Bégram // *Cahiers de Byrsa. Paris, 1952. Vol. 2. P. 11–25*
- Invernizzi, 2017* — *Invernizzi A.* Le portrait chez les Parthes // *Bilder der Macht. Das griechische Porträt und seine Verwendung in der antiken Welt / Hrsg. von D. Boschung und F. Queyrel.* Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 2017 (Morphomata. Bd. 34). S. 269–302.
- Pontbriand, Leriche, 2012* — *Pontbriand S. de, Leriche P.* Un bâtiment d'artisanat kouchan à l'Ancienne Termez // ПИФК. 2012. № 4. С. 14–23.
- Richter, 1958* — *Richter G. M. A.* Ancient Plaster Casts of Greek Metalware // AJA. 1958. Vol. 62/4. P. 369–377.
- Rtveladze, 1995* — *Rtveladze E. V.* Parthia and Bactria // *In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity / Ed. by A. Invernizzi.* Firenze: Casa Editrice le Lettere, 1995 (Monografie di Mesopotamia. V). P. 181–190.
- Rubensohn, 1911* — *Rubensohn O.* Hellenistisches Silbergerät in antiken Gipsabgüssen. Berlin: Curtius, 1911. 89 S.

A terracotta medallion with a portrait image from Kampyrtepa (on the technology of producing terracotta sculpture in Bactria)

Kazim Abdullaev²

Annotation. *The author, by comparing a ceramic disk with a male bust and a terracotta statuette with the same head found during the excavations of the settlement Kampyrtepa, tries to reconstruct some features of the technology of sculptural production in late antique Bactria. In his opinion, the terracotta disk-medallion belonged to the category of artifacts that served as models for the creation of new works.*

Keywords: *Bactria, Kampyrtepa, sculpture, terracotta, technology*

² Kazim Abdullaev — Istanbul University, Istanbul, Turkish Republic; e-mail: kabdullaev@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-1840-6709.

From Yaz Depe to Gyaur Kala: past achievements and future directions in ceramic research of the early Hellenistic period

Gabriele Puschnigg¹

Annotation. *The paper deals with the Yaz Depe pottery sequence, specifically the late Yaz Depe material and its overlap with the early Hellenistic period. Starting from Vadim M. Masson's first publication, recent scholarly contributions and discussions are considered and remaining problems identified. While comparisons over large geographical areas are problematic in view of new evidence for regional variations, similar patterns of change and the heterogeneous composition of ceramic repertoires are observable across contemporaneous levels at different sites.*

Keywords: *Yaz Depe, Murghab delta, Margiana, Merv, pottery, Hellenistic period*

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-207-210

Among the many achievements of Vadim M. Masson, his study of ceramics from the site of Yaz Depe (Массон, 1959) in the Murghab oasis, Turkmenistan, certainly represents one of his major bench marks. The original publication is characteristically informed by the predominant aim at the time to provide a general periodization of pottery across larger geographical spaces, but is nonetheless remarkable for its comprehensive approach to the material and its accuracy in detail. Based on his excavations at Yaz Depe Masson distinguished three major phases Yaz I to Yaz III on grounds of typological characterisations and manufacturing techniques including also observations on clay fabrics (Там же. С. 34–41). Furthermore, his analysis already included quantitative assessments, the proportional comparison of individual pottery groups by assemblage, though the underlying stratigraphic units were then, as elsewhere, artificial spits, and quantities were given in sherd counts and percentage values thereof only (Там же. С. 35, таб. 1). While ceramics of the Yaz I phase appeared to be substantially distinct from the subsequent Yaz II and Yaz III phases, the latter showed considerable overlap in both technology and vessel forms (Там же. С. 39, 41).

Masson's sequence set the standard for archaeological interpretations during the following decades, in particular the explorations of original occupation levels at the city sites of ancient Merv, Erk- and Gyaur Kala (Усманова, 1969. С. 22; Филанович, 1974. С. 24–36).

With the steady progress of our discipline and increased analytical precision regarding both radio-carbon (¹⁴C) dating as well as ceramic technology, Masson's original sequence continues to be subject to further amendments and rectifications. Two points among recent discussions are of particular relevance for the current topic.

Firstly, the shift in absolute dates of the Yaz Depe sequence, whose beginning, Yaz I, equivalent to the Iron Age I phase is now being assigned to the 2nd half of the 2nd millennium BC based on a number of recent series of radio-carbon dates from various sites (Lhuillier, 2013). Consequently, this had repercussions for the dating of the subsequent Yaz II to Yaz III phases, which now span the period from the early 1st millennium to the 4th to 3rd centuries BC (Lhuillier et al., 2013. P. 13; Lhuillier, Bendezu-Sarmiento, 2018. P. 334–335; Wright, 2008. P. 48, Table 4, 1).

Secondly, the detailed examination of Yaz II to III assemblages at sites in the Kopet Dagh foot hills but also in Bactria has not only led to a reappraisal of defining characteristics of Yaz II pottery types, but

¹ Gabriele Puschnigg — Institut für Iranistik, Österreichische Akademie der Wissenschaften, Vienna, Austrian Republic; e-mail: Gabriele.puschnigg@oeaw.ac.at; ORCID: 0000-0001-6822-376X.

also to their regional peculiarities (*Lhuillier et al.*, 2013). In her dedicated analysis of middle Iron Age pottery, Johanna Lhuillier examined morphological and technological differences between the later Yaz Depe shapes based on recent excavations at Ulug Depe. She distinguished two phases within the Yaz II material at Ulug Depe, but also highlighted the problems of cross-site comparisons, as some regional differences emerge from recent studies across Central Asia (*Ibid.* P. 22–24).

Concerning the sequence of ceramics from Margiana and the city sites of ancient Merv, this leaves us with two issues. The first relates to the local development of the later Yaz II and Yaz III pottery types that are still problematic to distinguish (*Cattani, Genito*, 1998. P. 75). The other concerns the end of the Yaz III phase and the development of subsequent ceramic repertoires, which remain somewhat obscure today (*Puschnigg*, 2021. P. 341–343; *Cattani, Genito*, 1998. P. 75).

One of the problems regarding the distinction of Yaz Depe II and III ceramics are the quantitative differences in available material. In the Murghab oasis, and specifically at ancient Merv, the assemblages relating to these periods are limited and not always clearly defined in archaeological terms. Within the oasis, many assemblages derive from surface surveys and are consequently defined by their morphological appearance only. Sites with excavated assemblages on the other hand, often show multi-period occupation with the relevant stratigraphic levels covered by substantial later occupation layers. This severely limits the volume of archaeological deposits retrieved and as a consequence also that of the available ceramic material. As a result, our understanding of the late Yaz II to late Yaz III, sometimes labelled Yaz IV (*Cattani, Genito*, 1998. P. 75), repertoires for the Murghab oasis and ancient Merv are truncated and biased. The known assemblages mostly show an erratic selection of shapes and rarely include all different parts of what would constitute a life assemblage, such as storage vessels, cooking- and table ware. We simply lack the evidence to reconstruct the contemporaneity of vessel forms. The basic distinction between shaping techniques for the later 1st millennium BC assemblages is not an unambiguous criterion for chronological differentiation, as various techniques are used for different parts of the pottery repertoires at various times (*Puschnigg*, 2022), and a viable examination of shaping methods requires microscopic analysis, which is not always possible in the field.

This continued fuzziness of the archaeological evidence is particularly regrettable, since the ceramic phases in question are thought to overlap with major historical developments in the oasis including the Achaemenid and early Hellenistic administrations. Considering the transitional phase from the late Achaemenid to early Hellenistic period, several scholars have over the past decades come to the conclusion that the Yaz III pottery extends into the late 4th and early 3rd centuries AD (*Гаубов*, 2004; *Callieri*, 2014; *Puschnigg*, 2021. P. 341–343), the time that from a historical viewpoint includes Alexander's appearance in Central Asia as well as the Seleucid dominance in the Murghab delta and the development of Gyaur Kala as urban settlement (*Rapin*, 2017; *Puschnigg*, 2021. P. 335–336).

Recently, Lhuillier and Bendezu-Sarmiento have published material from the late 1st millennium contexts at Ulug Depe that according to their description 'almost non-mixed' deposits (*Lhuillier, Bendezu-Sarmiento*, 2018. P. 336) that produced ceramic assemblages whose composition indicates an eclectic style combining shapes of various pottery traditions, including Achaemenid and Hellenistic elements as well as features more characteristic of Sogdiana or Chach (*Ibid.* P. 336–350). Again, these assemblages are limited in size, and, as the authors discuss, individual body sherds cannot be identified with certainty, since clay fabrics are similar over extended periods and nuances in firing conditions are subtle, while individual elements of the pottery repertoire including hand-shaped cooking pots display long-term stability in manufacturing technique and appearance (*Ibid.* P. 336–338).

Let us finally summarize the main issues regarding the transitional Yaz III and Hellenistic ceramic assemblages and provide an outlook for future research. The evidence for the Yaz III, late Yaz III and early Hellenistic pottery repertoires remains scant. Much of the available material from the Murghab oasis and Merv derives either from surface surveys or excavations of limited size, be it for reasons of stratigraphic depth of the relevant layers or of the restrictions of test trenches as part of a larger survey project.

Two observations should be added in this regard. As Lhuillier and Bendezu-Sarmiento have again demonstrated (*Ibid.* P. 336–338), single elements of pottery repertoires are subject to variously paced changes. I encountered a similar situation regarding the coarse- and cooking wares at Merv (*Puschnigg*,

2016. P. 461–462). To a lesser extent, this may also apply to other parts of the repertoire. In general, changes in material culture do not coincide with historical political events but emerge somewhat later within historically defined periods (*Puschnigg*, 2021. P. 344). In this regard the continuation of Yaz III material into the Hellenistic period can be regarded as consistent with this general pattern. Furthermore, the composite character of pottery assemblages comprising elements of previous phases, local traditions and new types was also observed at sites in north-east Iran (*Puschnigg et al.*, 2019). Again, this corresponds to the previously mentioned observations at Ulug Depe (*Lhuillier, Bendezu-Sarmiento*, 2018).

In view of the observed regional specificities, the immediate and large-scale comparison with other geographical spaces or cross-dating of certain vessel types seems of limited value and unreliable. The onus to solve the current problems and complete a valid ceramic sequence for the Murghab oasis and ancient Merv remains with the local archaeology, the current and future projects working in the oasis and at Merv. Still, there is already a substantial amount of material, which should regularly be re-evaluated in the light of new evidence or knowledge on ceramic technology. Detailed documentation and publication of the available evidence is paramount for this objective, something for which Masson's publication already set an enduring example.

- Гаубов*, 2004 — *Гаубов В. А.* Раннеэллинистическая керамика Маргианы // ПИФК. 2004. № 14. С. 600–608.
- Массон*, 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА. № 73). 216 с.
- Усманова*, 1969 — *Усманова З. И.* Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы // ТЮТАКЭ. 1969. Т. XIV. С. 13–55.
- Филанович*, 1974 — *Филанович М. И.* 1974. Гяур-кала // ТЮТАКЭ. 1974. Т. XV. С. 15–139.
- Callieri*, 2014 — *Callieri P.* Margiana in the Hellenistic Period: Again Problems of Archaeological Interpretation // *My Life is like the Summer Rose. Maurizio Tosi e l'Archeologia come modo di vivere: Papers in Honour of Maurizio Tosi for his 70th Birthday* / Ed. by C. Lambergh-Karlavsky, B. Genito and B. Cerasetti. Oxford: BAR Publishing, 2014 (BARIS. 2690). P. 59–62.
- Cattani, Genito*, 1998 — *Cattani M., Genito B.* The Pottery Chronological Seriation of the Murghab Delta from the End of the Bronze Age to the Achaemenid Period: A Preliminary Note // AMMD — The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95. Text and Figures / Ed. by A. Gubaev, G. Koshelenko and M. Tosi. Roma: Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente, 1998 (Istituto Italiano per l'Africa e l'Oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche in Asia. Reports and Memoirs. Ser. Minor. Vol. III). P. 75–88.
- Lhuillier*, 2013 — *Lhuillier J.* Les cultures à céramique modelée peinte en Asie centrale méridionale: dynamiques socio-culturelles à l'âge du Fer ancien (1500–1000 av. n. è.). Paris: De Boccard, 2013 (Mémoires de la Mission archéologique française en Asie Centrale. T. XIII). 379 p. ; 99 pl.
- Lhuillier, Bendezu-Sarmiento*, 2018 — *Lhuillier J. Bendezu-Sarmiento J.* Central Asia and the Interaction between the Iranian Plateau and the Steppes in Late First Millennium BC: Case Study from Ulug-Depe in Turkmenistan // ACSS. 2018. Vol. 24/1–2. P. 331–353.
- Lhuillier et al.*, 2013 — *Lhuillier J., Dupont-Delaleuf A., Lecomte O., Bendezu-Sarmiento J.* The Middle Iron Age in Ulug depe: A Preliminary Typo-Chronological and Technological Study of the Yaz II Ceramic Complex // *Pottery and Chronology of the Early Iron Age in Central Asia* / Ed. by M. Wagner. Warszawa: S. I., 2013. P. 9–27.
- Puschnigg*, 2016 — *Puschnigg G.* Continuity or Innovation in Coarse Wares at Early Hellenistic Merv? // Traditions and Innovations: Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Proceedings of the 1st Conference of IARPotHP Berlin, November 2013, 7th–10th / Ed. by S. Japp and P. Kögler. Wien: Phoibos Verlag, 2016. P. 455–464.
- Puschnigg*, 2021 — *Puschnigg G.* Merv and Margiana // *The Graeco-Bactrian and Indo-Greek World* / Ed. by R. Mairs. Abingdon; New York: Routledge, 2021. P. 335–356.
- Puschnigg*, 2022 — *Puschnigg G.* Ceramics of the Merv Oasis — The Other Side // *Archaeological Research in Asia* [31 (September). 100387. <https://doi.org/10.1016/j.ara.2022.100387>].

- Puschnigg et al.*, 2019 — *Puschnigg G., Daghmehchi M., Nokandeh J.* Correlated Change: Comparing Modifications to Ceramic Assemblages from Qizlar Qal'eh, Iran, and Ancient Merv, Turkmenistan, during the Seleucid and Parthian Periods // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 2019. No. 381. P. 21–40.
- Rapin*, 2017 — *Rapin Cl.* Alexandre le Grand en Asie Centrale. Géographie et Stratégie de la Conquête dès Portes Caspiennes à l'Inde // *With Alexander in India and Central Asia: Moving East and Back to West* / Ed. by Cl. Antonetti and P. Biagi. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books, 2017. P. 37–116.
- Usmanova*, 1992 — *Usmanova Z. I.* New Material on Ancient Merv // *Iran*. 1992. Vol. XXX. P. 55–63.
- Wright*, 2008 — *Wright J.* Non-Graphic Information Systems and Diachronic Transformations in Margiana // *The Bronze Age and Early Iron Age in the Margiana Lowlands. Facts and Methodological Proposals for a Redefinition of the Research Strategies* / Ed. by S. Salvatori and M. Tosi. Oxford: Archaeopress, 2008 (The Archaeological Map of the Murghab Delta: Studies and Reports. Vol. II; BARIS. 1806). P. 47–56.

От Яз-депе до Гяур-калы: достижения прошлого и задачи будущего в исследовании керамики раннеэллинистического периода

Г. Пушнигг²

Аннотация. В докладе прослеживается эволюция керамики Яз-депе, в частности, позднего этапа, переходящего в раннеэллинистический период. Рассмотрена история изучения вопроса — от основополагающей работы В. М. Массона до дискуссий последних лет, обозначены остающиеся проблемы. Региональные различия, подтверждаемые новейшими раскопками, осложняют сопоставление материала на большом пространстве, однако сходные модели изменений и неоднородный состав керамического репертуара наблюдаются в синхронных слоях разных памятников язовского типа и их региональных групп.

Ключевые слова: Яз-депе, дельта Мургаба, Маргиана, Мерв, керамика, эллинистический период

² Габриель Пушнигг — Институт иранистики Австрийской Академии наук, Вена, Австрийская Республика; e-mail: Gabriele.puschnigg@oeaw.ac.at; ORCID: 0000-0001-6822-376X.

Tripod-footed copper alloy cosmetic flasks: re-interpretation of an excavated find from the Bayram Ali necropolis at Merv in the light of parallels from Iran, Pakistan and Afghanistan

St John Simpson¹

Annotation. *This paper draws attention to a small copper alloy cosmetic flask excavated by S. A. Ershov in the Bayram Ali necropolis at Merv. This object has close excavated parallels from south-west Iran, Baluchistan and northern Pakistan, as well as a large number from the art market which have been said to be from Afghanistan and been incorrectly attributed to the Bronze Age. When combined, these parallels suggest that the object found at Merv is an import, most likely brought as a personal possession from one of those regions, but in turn it provides new insights into the dating of the group as a whole. This is the first occasion that this class has been discussed in detail.*

Keywords: *Bayram Ali necropolis, Merv, Masjid-i Suleiman, Taxila, Moghul-Ghundai, Herat, cosmetic flask*

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-211-215

I never had the fortune to meet Aleksandr M. Belenitskii but have fond memories of Professor Yurii A. Zadneprovskii when we were part of the UNESCO «Steppe Route» expedition through Central Asia in spring 1991, and it was thanks to an invitation from Professor Vadim M. Masson that I was part of that group and then spent the following decade excavating at Merv. Those years changed my life and made me more aware of the potential of tracing interconnections between Central Asia and the Middle East through the identification of anomalous items of material culture. It is in honour of these three great archaeologists that I turn here to a class of object which has received little attention in the archaeological literature.

This is a small tripod-footed copper alloy container found in excavations directed by S. A. Ershov between 1954 and 1956 on mound 1 of a funerary complex in the Bayram Ali necropolis at Merv, located some 4 km west of Gyaur-Kala (Old Merv) (**fig. 1, I**). The latest remains were poorly preserved but a large complex was excavated below. In each of two phases it consisted of an almost square building with long rooms arranged a central courtyard, with human remains belonging to over a thousand individuals in almost every room, some in a complete state placed in cylindrical fired clay coffins or in fired brick cists, and others represented by disarticulated bones placed in ossuaries. These were found everywhere, sometimes resting against the bodies or blocking doorways. The excavator attributed the first phase to the 3rd — 5th centuries through comparison of the pottery with that known from Merv itself, and the second to the end of the 5th and 6th centuries on the basis of coins of Kavad I and Khusrau I. A revised date of the 6th century for the latter phase was subsequently proposed by S. D. Loginov as many more coins of these rulers were found than initially identified, and a compressed dating for the first phase is likely, implying that the whole complex should probably be dated to the 4th/5th — 6th centuries, with the poorly preserved remains above dating to the 7th century.

The primary burials were often accompanied by personal items, and these were sometimes also found inside or next to ossuary burials. They include small pottery vessels and lamps, necklaces, bone pins, cowrie shells, miniature copper alloy statuettes of a lion and dog, copper alloy and occasionally iron bangles, small metal bells, bone and mother-of-pearl pendants, finger rings, rider figurines, a small mirror and an earring with an elongated drop. A total of 20 Sasanian stamp seals were also found, mostly with burials of the second phase.

¹ St John Simpson — The British Museum, London, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland; e-mail: ssimpson@britishmuseum.org; ORCID: 0000-0001-9884-7637.

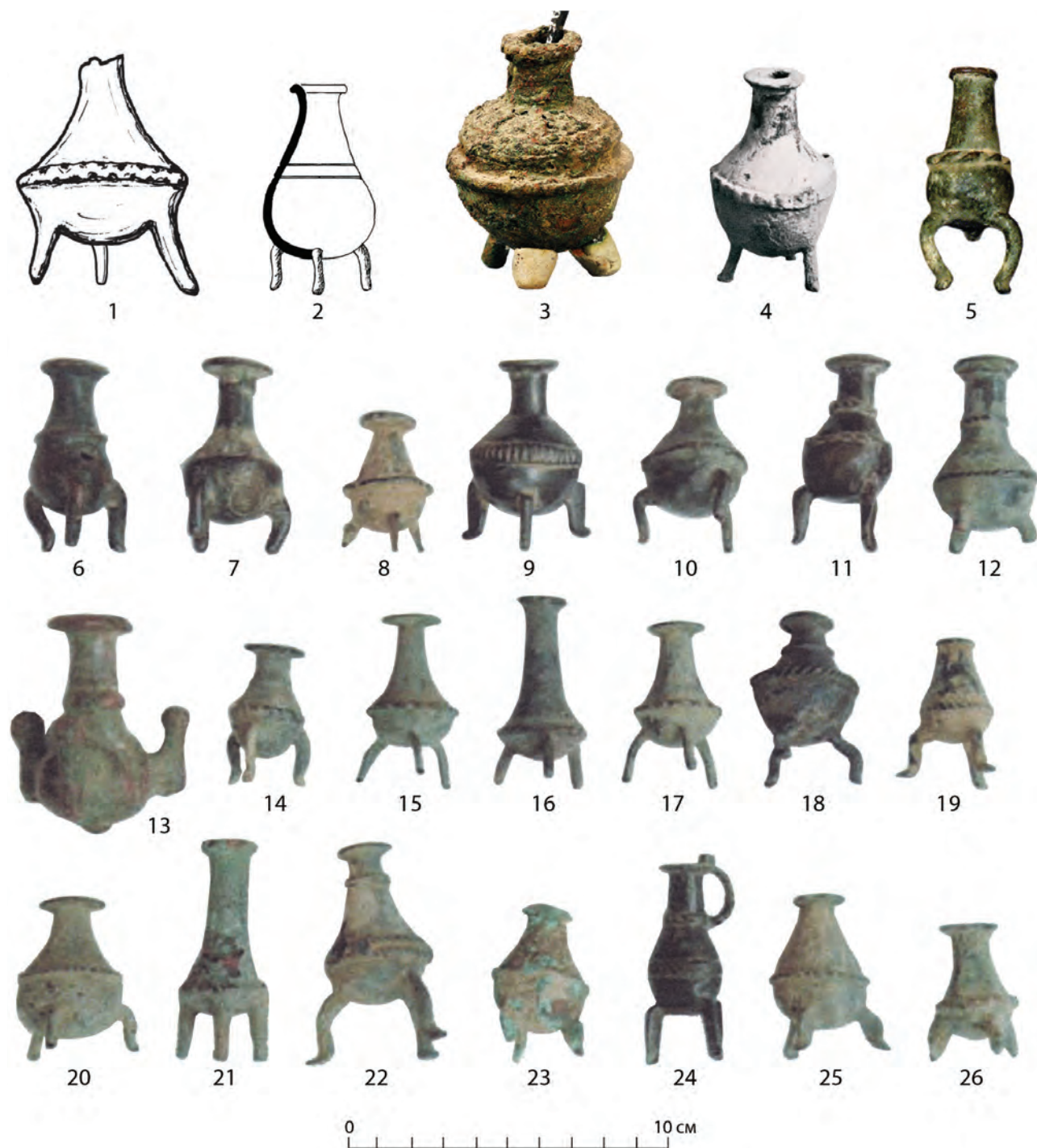

Fig. 1. Tripod-footed copper alloy cosmetic flasks: 1 — the Bayram Ali necropolis at Merv, H c. 7 cm (after *Ершов*, 1959); 2 — Masjid-i Sulaiman, H 6.6 cm (after *Ghirshman et al.*, 1976); 3 — Taxila, H 8 cm (after *Luczanits ed.*, 2008); 4 — Moghul-Ghundai, H c. 6 cm (after *Stein*, 1929); 5 — Herat National Museum, H 7.3 cm (after *Franke, Müller-Wiener*, 2016); 6–26 — National Museum of Afghanistan, Kabul (photo by the author)

Рис. 1. Треногие косметические сосуды из медного сплава: 1 — некрополь Байрам Али в Мерве, высота около 7 см (по: *Ершов*, 1959); 2 — Масджид-и Сулейман, высота 6,6 см (по: *Ghirshman et al.*, 1976); 3 — Таксила, высота 8 см (по: *Luczanits ed.*, 2008); 4 — Могул-Гундай, высота ок. 6 см (по: *Stein*, 1929); 5 — Национальный музей Герата, высота 7,3 см (по: *Franke, Müller-Wiener*, 2016); 6–26 — Национальный музей Афганистана, Кабул (фото автора)

The container in question was interpreted by the excavator as a perfume bottle but without further discussion, analogies or description as to which phase it was found in, and it has since escaped further scrutiny (*Епуос*, 1959. С. 179, рис. 9). This belongs to a type of cosmetic flask known from Iran and Pakistan, and large numbers appearing on the international art market in the past two decades are said to come from Afghanistan. These distinctive vessels have not hitherto been discussed in detail. They are characterised by a small pear-shaped body with a thickened everted rim, a horizontal rib or moulding around the shoulder / neck junction which sometimes bears diagonal notching, and a set of three curving or sometimes rather spindly legs (**fig. 1, 6–26**). Examination of several shows that they still contain traces of dark residue: although this has not been scientifically analysed, it clearly indicates these to be cosmetic flasks, rather than perfume bottles or lamps as suggested in some literature discussed below.

One very similar example was excavated in 1969 at Masjid-i Sulaiman in south-west Iran (**fig. 1, 2**). It was found with other small items in the latest phase of use of the north-west corridor of the ‘Great Temple’. The complex was founded in the Seleucid period but coins of Ardashir I, Shapur I, Narseh, Hormizd II and Shapur II show it continued to be used throughout the 3rd and 4th centuries AD (*Curiel*, 1979). The object was described in the report as a ‘une lampe tripode en bronze’, assigned to the Parthian period (*Ghirshman et al.*, 1976. Vol. I. P. 116; Vol. II. Pl. CV, 4; fig. 40, GMIS 251), and is currently exhibited in the Louvre where it is labelled as dating between the 2nd century BC and 3rd centuries AD (Musée du Louvre Sb.9029²).

Two others were excavated at Taxila in northern Pakistan, both from Stratum II at the Sirkap mound (**fig. 1, 3**). The exact findspot of the first is not given in the report but the second was part of a collection of metal tools, utensils and beads excavated in a small property in square 110.52 of Block G which post-dates the reconstruction of the large house there (1G) following an earthquake in circa AD 30 (*Marshall*, 1951. Vol. I. P. 168, 205; Vol. II. P. 584, no. 207; Vol. III. Pl. 171, *t*; cf. also *Luczanits ed.*, 2008. P. 348, cat. 276). Marshall believed the site to have been abandoned after the Kushan invasion in AD 60, but further excavations in 1944–1945 indicated the latest occupation to date to the 2nd century, with the latest finds now thought to point to a late 2nd or early 3rd century date (*Ghosh*, 1947–1948. P. 45).

A fourth example was excavated in February 1927 in a cairn-field on the hills above the site of Moghul-Ghundai, in the Zhob district of northern Baluchistan (*Stein*, 1929. P. 46–48, pl. X, XII) (**fig. 1, 4**). This is one of many such cemeteries linking this region with southern Iran: as these are often situated on hills above valleys and along migration routes, they have been interpreted as the burials of transhumant pastoralists (*Stein*, 1937; *Lamberg-Karlovsky, Humphries*, 1968; *Boucharlat*, 1989; *Yamauchi, Nishiyama*, 2008. P. 177–83). The late V. I. Sarianidi drew attention to Stein’s find in a general and comparative discussion of cosmetic flasks found in Bactria, but did not recognise its late date as he believed it to be «of Sialk type», thus citing it as evidence for a possible alternative southern route for «the dissemination of cosmetic flacons from Luristan, via Sialk to Khorassan, Bactria and the Indus River valley» (*Sarianidi*, 1979. P. 647).

Over the past two decades others have been reported from illicit excavations in Afghanistan. Their alleged origin has led to a mistaken assumption in the literature that they are Bronze Age and were illustrated as such on the ICOM Red List of Antiquities at Risk from Afghanistan (*ICOM*, 2006). It was on this basis that one confiscated in the Herat region (**fig. 1, 5**) was tentatively assigned the same date, although it was admitted that the «bent legs are unusual for this period, thus, considering their long duration, the date of Pr23a is tentative and could also be much later» (*Franke*, 2008. P. 33, pl. 56; *Franke, Müller-Wiener*, 2016. P. 27, 39, cat. Pr23a). The excavated finds clearly indicate this assumption to be wrong. It is significant that this type was not recognised from northern Afghanistan in the 1970s when several archaeologists began recording the large numbers of antiquities on open sale in towns such as Mazar-i Sharif. This implies that the main distribution of this class lay outside Bactria, and therefore closer to the region where Stein excavated one in Baluchistan.

The humble cosmetic flask from the Bayram Ali necropolis therefore connects Merv with Pakistan and south-west Iran in a completely unexpected manner. The funerary complex at Merv was dated by the excavator to between the 3rd and 6th centuries, although probably more closely datable to the 4th/5th —

² <https://collections.louvre.fr/en/ark:/53355/cl010181789> (accessed 25.05.2024).

6th centuries; the sites where there are close parallels have been independently attributed dates between the 1st and 4th centuries. This discrepancy either suggests that this type had a very long period of use, or the item found at Merv was a valued heirloom. A closer re-examination of the dating of each site is therefore required but, in any case, this flask was clearly an import and most likely brought as a personally valued possession by a person coming from or travelling to one of those distant regions where they have been found in urban, rural funerary and temple contexts.

These are the successors of a long local tradition of making small cosmetic flasks and beginning in the late 3rd millennium BC and centred on the region extending from Bactria to south-east Iran (*Simpson, 2021*). Those were also mainly cast from copper, but others were carved from chlorite, calcite and limestone, occasionally imitating organic materials such as horn (*Симпсон, 2020*). In other periods there is a noticeable absence of such containers, probably reflecting a switch to perishable materials which do not survive, rather than reflecting changes in styles of personal grooming. How such items moved outside their core zones remains a key question, but in most cases highly personal items such as cosmetic containers, mirrors, hair combs and perhaps certain types of necklaces are more likely to be the possessions of individuals who move, rather through organised trade networks (*Симпсон, 2021*).

- Ершов, 1959* — *Ершов С. А.* Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954–1956 гг.) // ТИИАЭ АН ТуркмССР. 1959. Т. V. С. 160–204.
- Симпсон, 2020* — *Симпсон С.-Дж.* Новая идентификация каменного конического сосуда из раскопок И. Н. Хлопина в Пархае II (погребение 19) // ДСК. 2020. С. 103–105.
- Симпсон, 2021* — *Симпсон С. Дж.* Шкатулки бронзового века: экзотические импорты, подражания-скевоморфы и локальное производство от Центральной Азии до Шумера // АВ. 2021. Вып. 32. С. 119–132.
- Boucharlat, 1989* — *Boucharlat R.* Cairns et pseudo-cairns du Fars: L'utilisation des tombes de surface au 1er millenaire de notre ère // *Archaeologia Iranica et Orientalis: Miscellanea in Honorem Louis Vanden Berghe* / Ed. by L. De Meyer and E. Haerinck. Vol. II. Gent: Peeters, 1989. P. 675–712.
- Curjel, 1979* — *Curjel R.* Monnaies sassanides // *Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Sulaiman. Les trouvailles monétaires* / Ed. par C. Augé, R. Curjel and G. Le Rider. Paris: Paul Geuthner, 1979 (MDAFI. T. XLIV. Mission de Susiane). P. 163–84.
- Franke, 2008* — National Museum Herat — *Areia Antiqua through Time* / Ed. by U. Franke. Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, 2008. 131 p.
- Franke, Müller-Wiener, 2016* — *Ancient Herat. Vol. 3. Herat through Time. The Collections of the Herat Museum and Archive* / Ed. by U. Franke and M. Müller-Wiener. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin — Preußischer Kulturbesitz/Ancient Herat Project, 2016. 736 p.
- Ghirshman et al., 1976* — *Ghirshman R., Ghirshman T., Gasche H., Harmatta J.* Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. L'Iran du Sud-Ouest du VIII-e s. av. n. ère au V-e s. de n. ère. Vol. I–II. Paris: Paul Geuthner, 1976. 376 p. (MDAI. T. XLV. Mission de Susiane).
- Ghosh, 1947–1948* — *Ghosh A.* Taxila (Sirkap), 1944–5 // *Ancient India*. New Delhi, 1947–1948. No. 4. P. 41–83.
- ICOM, 2006* — *ICOM Red List of Afghanistan Antiquities at Risk*. Paris: UNESCO, 2006. 8 p.
- Kambakhsh-e Fard, 1998* — *Kambakhsh-e Fard S.* Gurkhomrehha-ye shkani/Parthian Pithos-Burials at Germi (Azarbaijan). Tehran: Iran University Press, 1998. 106 p.
- Lamberg-Karlovsky, Humphries, 1968* — *Lamberg-Karlovsky C. C., Humphries J. H.* The Cairn Burials of Southeastern Iran // *EW*. 1968. Vol. 18/3–4. P. 269–76.
- Luczanits ed., 2008* — *Gandhara. The Buddhist Heritage of Pakistan. Legends, Monasteries, and Paradise* / Ed. by C. Luczanits. Mainz: von Zabern, 2008. 304 p.
- Marshall, 1951* — *Marshall J.* Taxila: An Illustrated Account of Archaeological Excavations carried out at Taxila under the Orders of the Government of India between the Years 1913 and 1934. Vol. I–III. Cambridge: At the University Press, 1951. LVI, 895 p.; 246 pl.
- Sarianidi, 1979* — *Sarianidi V. I.* New Finds in Bactria and Indo-Iranian Connections // *South Asian archaeology 1977: Papers from the Fourth International Conference of the Association of South Asian Archaeo-*

- logists in Western Europe, held in the Istituto universitario orientale, Naples. Vol. 2 / Ed. by M. Taddei. Naples: Istituto universitario orientale, 1979. P. 643–659.
- Simpson*, 2021 — *Simpson St J*. Heavy metal and the beauty industry: an unexpected connection from ancient Afghanistan // *Academia Letters*. Article 352 [<https://doi.org/10.20935/AL352>].
- Stein*, 1929 — *Stein A*. An Archaeological Tour in Waziristān and Northern Balūchistān. Calcutta: Government of India, 1929. III, 97 p.
- Stein*, 1937 — *Stein A*. Archaeological reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London: Macmillan, 1937. XX, 267 p.
- Yamauchi, Nishiyama*, 2008 — *Yamauchi K., Nishiyama S*. Archaeological Survey in the Bolaghi Valley and Its Vicinity // *Tang-e Bolaghi. The Iran-Japan Archaeological Project for the Sivand Dam Salvage Area* / Ed. by A. Tsuneki and M. Zeidi. Tsukuba: University of Tsukuba/Iranian Center for Archaeological Research, 2008. P. 167–252.

Треногие косметические сосуды из медного сплава: новая интерпретация находки из некрополя Байрам-Али в Мерве в свете параллелей из Ирана, Пакистана и Афганистана

С.-Дж. Симпсон³

Аннотация. Автор обращает внимание на небольшой косметический сосуд из медного сплава, раскопанный С. А. Ершовым в мервском некрополе Байрам-Али. Этот предмет обнаруживает близкие аналогии в юго-западном Иране, Белуджистане и северном Пакистане, а также среди большого количества предметов с художественного рынка, которые, якобы происходящих из Афганистана ошибочно отнесенных к бронзовому веку. В совокупности эти параллели позволяют предположить, что мервская находка является импортом — скорее всего, привезенным в качестве личного имущества откуда-то из этих регионов; кроме того, это позволяет по-новому датировать группу в целом. Данная публикация — первый случай подробного рассмотрения этого класса артефактов.

Ключевые слова: некрополь Байрам-Али, Мерв, Масджид-и-Сулейман, Таксила, Могул-Гундай, Герат, косметический сосуд

³ Сент-Джон Симпсон — Британский музей, Лондон, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии; e-mail: ssimpson@britishmuseum.org; ORCID: 0000-0001-9884-7637.

«Long walls» in late antique Turkmenistan

Aydogdy Kurbanov¹

Annotation. *The Sasanian Empire (224/226–651) was one of the most extensive and powerful pre-Islamic empires in Eurasia extending from Bactria to North-east Arabia. The empire had multiple regional identities and centres and was divided into four principal regions. One of these was called Khorasan, which incorporated North-East Iran, North-West Afghanistan and South Turkmenistan. The constant wars against the Chionites, the Kidarites, and the Hephthalites which the Sasanians conducted on the north-eastern borders of their empire in the 5th–6th centuries AD forced them to raise a line of fortresses and other defensive buildings, including in Khorasan, notably in Gorgan, in the foothills of the Kopet Dagh and in the Merv Oasis.*

Keywords: Turkmenistan, Merv, Abiverd, Dehistan, Late Antiquity, Sasanians

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-216-218

During the reign of the Sasanians (mostly as part of the shahinshah Kavad's reforms), the provinces were grouped and divided into four principal regions (*kusts*) governed by chiefs of the army (*spakhbeds*). One of these was called *kust-ī xwarāsān* or Khorasan, which incorporated north-eastern Iran, north-western Afghanistan, and southern Turkmenistan (Gyselen, 2019). The *spakhbed* of Khorasan governed from the city of Merv, located in the present-day Mary province of Turkmenistan.

The Merv oasis formed the eastern boundary of Khorasan and was densely inhabited in Sasanian times as an intensively cultivated area producing food for a large urban population. In the Sasanian period, sub-urban areas developed around pre-existing small fortresses, while structural changes took place within interior settlement spaces, so that some Sasanian castles (*kōshk*) and the villages surrounding them developed into fully-fledged small towns (Bader *et al.*, 1998b).

The districts to the east (starting from Ashgabat up to the modern town of Kaahka, nowadays Akhal province of Turkmenistan) were part of the third province — Abiverd (Логинов, 1985. С. 63–69; Кошеленко *u òp.*, 1999. С. 16). The other area on the Caspian Sea shore was Dehistan (nowadays the Balkan province of Turkmenistan) — probably the westernmost part of the province of Khorasan. The Misrian plain was the northern part of the region beyond the Gorgan plain and both plains together consisted in antiquity of a single cultural and sometimes administrative entity (Lecomte, 2007).

The constant wars against the Chionites, the Kidarites, and the Hephthalites which the Sasanians conducted on the north-eastern borders of their empire in the 5th — 6th centuries AD forced them to raise a line of fortresses and other defensive buildings. One such defensive building is a wall, built from burnt brick, known as *Sadd-i Iskandar* (the «Barrier of Alexander the Great») or the Great Gorgan wall, but the local Turkmen population names this as *Gyzyl yylan* — «Red snake». The wall lies to the north of the river Gorgan, and it is well traced over a length of 195 km with some 33 forts, and a ditch on the northern side. The wall seems to have been intended to protect Sasanian territory from an attack from the steppes to the north, and clearly separates this steppe land from the fertile farmlands to the south. According to Sauer and others the walls were constructed in the 5th century in addition to their neighbouring large, fortified settlement complexes and canal systems, which may have spanned the reign of more than one Sasanian king, likely Yazdegerd II (439–457) and/or Peroz (459–484) (Sauer *et al.*, 2013). The «Red snake» is the longest and most elaborate Sasanian defensive wall, but it has several smaller counterparts such as the contemporary Tammishe wall, approximately 11 km long, which runs from Tammishe, the southeast

¹ Aydogdy Kurbanov — University of Oxford, Oxford, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland; e-mail: aydogdy.kurbanov@ames.ox.ac.uk; ORCID: 0000-0002-1032-7213.

shore of the Caspian Sea into the Alborz Mountains (*Ibid.*). Whether they both terminated in the coastal waters of the Caspian Sea or might have been part of the same wall is unknown.

It is thought that traces of the Great Gorgan wall should be sought in the region of the north-west spurs of the Kopet Dag Mountains, since the borders of the Sasanian Empire in that period stretched along the northern crests of the Kopet Dag Mountains on the border of the Karakum desert and further south-east in the direction of Nisa (South Turkmenistan). Probably, it was continued by the ancient rampart *merz* in Abiverd region in South Turkmenistan. The *merz* is also dated to this period and its extents around 200 km from the small town Babadurmaz to the village Meana in South Turkmenistan. After the small town Dushak, the rampart turns to the south and goes in the direction to Sarakhs. In the visible places the rampart still has a height of 1.5–2 m and a width of 2.5 m. The rampart had defensive importance like the above-mentioned walls and separated the land of the Sasanians from that of north-eastern neighbours (*Губаев, 1965. С. 76–78; Массон, 1971. С. 13; 1974. С. 141–142.*

There is another explanation regarding the *merz* as intended for irrigation. It is suggested that the rampart had a leman character and was used in an ancient irrigation network around guard fortresses to supply water in the foothills to certain strategic points. Perhaps in the fight against floods on the foothill plain of the eastern Kopet Dag Mountains, it was necessary to resort to the construction of enclosing dams, the remains of which form the rampart *merz* (*Bader et al., 1998a. P. 159.*

Another example of early structures of this type is the co-called the «Antiochus wall» named after Antiochus I Soter (281–261 BC, earlier — the father's co-ruler and the governor of the «upper satrapies», which included this region), around the Merv oasis, which might be continuation of the Great Gorgan wall and the *merz*. According to the ancient Greek geographer Strabo (64/63 BCE — c. 24 CE), the wall had a length of 1,500 stadia². According to Vyazigin (*Вязигин, 1949. С. 260–261*), it was around 250 km and made so well that even in the 10th century, the Arab historian al-Istakhri wrote that the wall called ar-Ray enclosed not only the city of Merv itself, but also all settlements in the oasis. In 1946 and in 1960 the STACE³ teams (*Массон, 1971. С. 15–16*) checked the wall and mentioned that it was made from pakhsa blocks surviving in the Merv oasis for 8 km and in the north-western part for around 22 km with a height of 1 to 3 m (*Вязигин, 1949. С. 260–275; Мережин, 1978. С. 11–15*). Unfortunately, neither the firm evidence for the wall's dating was given nor was a map published. In 1991–1994 research carried out by the Turkmen-Italian archaeological mission in the Merv oasis showed that this wall, which passed exactly where the mainland ended during the Sasanian period, was erected in the 5th — 6th centuries (*Bader et al., 1995. P. 39–50; 1998a. P. 162; 1998b. P. 191–192; Koshelenko et al., 1996. P. 312–313*). Currently, the «Antiochus wall» can be seen on the territory of the north of Mary province in the form of a series of hillocks with a length of 10–15 m and a height of 1.5–3 m.

The STACE studied another wall in the Merv oasis as well. It carries the name Gilyakin Chilburdzh and is situated in the north of Sultan-kala (Merv in Islamic times). This wall has been dated to the Parthian period and has nowadays almost disappeared (*Bader et al., 1998a. P. 162, 168*). It is supposed that the above-mentioned description of the wall in Margiana by Strabo, related to the Gilyakin Chilburdzh (*Ibid. P. 162*). According to Al'khamova (*Альхамова, 1951 (1953). С. 405–408*) the Gilyakin Chilburdzh wall which had in the 1940s a width of 20 m and a height of 3 m, can be attributed to the Parthian period. It is likely, that the remains of the Gilyakin Chilburdzh wall (the Antiochus wall) mark the northern border of irrigated lands in Hellenistic times, and the so-called «Antiochus wall» of the 5th — 6th centuries the border of irrigated lands that moved further north in the late Sasanian period (*Bader et al., 1995*).

*Альхамова, 1951 (1953) — Альхамова З. А. Полевой отчет VIII отряда ЮТАКЭ по изучению рабада го-
родища Старого Мерва в 1947 г. // ТЮТАКЭ. 1951 (1953). Т. II. С. 404–412.*

² Strabo wrote: «Margiana is similar to this country, although its plain is surrounded by deserts. Admiring its fertility, Antiochus Soter enclosed a circuit of fifteen hundred stadia with a wall and founded a city Antiocheia. The soil of the country is well suited to the vine; at any rate, they say that a stock of the vine is often found which would require two men to girth it, and that the bunches of grapes are two cubits» (Strabo. XI. 10. 2; quoted after *Strabo, 1961. P. 278–279*).

³ The Southern Turkmenistan Archaeological Complex Expedition (in Russian abbreviated as ЮТАКЭ) was established by Mikhail E. Masson in 1946 with its main aim being the periodization of the history of Turkmenistan.

- Вязигин, 1949 — Вязигин С. А. Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы // ТЮТАКЭ. 1949. Т. I. С. 260–275.
- Губаев, 1965 — Губаев А. Вал Мерз // ИАН ТуркмССР. СОН. 1965. № 2. С. 76–78.
- Кошеленко и др., 1999 — Кошеленко Г. А., Гаиров В. А., Губаев А. Г. Северный Хорасан // Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье / Под ред. Г. А. Брыкиной. М.: Наука, 1999 (Археология). С. 16–29.
- Логинов, 1985 — Логинов С. Д. Проблема локализации Апаварктикены и ее центра Апаварктики // ИАН ТуркмССР. СОН. 1985. № 5. С. 63–69.
- Массон, 1971 — Массон М. Е. Маргианская стена Антиоха // ПТ. 1971. № 2. С. 13–16.
- Массон, 1974 — Массон М. Е. Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов (224–651 гг.) на территории советских республик Средней Азии // ТЮТАКЭ. 1974. Т. XV. С. 140–154.
- Мережжин, 1978 — Мережжин Л. Н. Обследование районной стены III в. до н. э. вокруг Маргианы (полевого отчет IV отряда ЮТАКЭ) // ТЮТАКЭ. 1978. Т. XVI. С. 11–15.
- Bader et al., 1995 — Bader A., Gaibov V., Koshelenko G. Walls of Margiana // ILG. 1995. P. 39–50.
- Bader et al., 1998a — Bader A., Callieri P., Khodzhaniyazov T. with an appendix by D. Angelucci and M. Cremaschi. Survey of the «Antiochus' Wall». Preliminary Report on the 1993–1994 Campaigns // AMMD. 1998. P. 159–186.
- Bader et al., 1998b — Bader A., Gaibov V., Gubaev A., Koshelenko G. The Sasanian period // AMMD. 1998. P. 191–192.
- Gyselen, 2019 — Gyselen R. La géographie administrative de l'empire sassanide. Les témoignages épigraphiques en moyen-perse. Bures-sur-Yvette: Groupe pour l'étude de la civilisation du Moyen-Orient, 2019 (ROr. Vol. XXV). XXXVIII, 462 p.
- Koshelenko et al., 1996 — Koshelenko G., Gaibov V., Bader A. Evolution of the Settlement Patterns in the Merv Oasis (Turkmenistan) from Alexander the Great to Arab Conquest // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1996 (Atti dei Convegni Lincei. 127). P. 305–317.
- Lecomte, 2007 — Lecomte O. Gorgân and Dehistan: The North-East Frontier of the Iranian Empire // AACAI. 2007. P. 295–312.
- Sauer et al., 2013 — Sauer E. W., Omrani Rekavandi H., Wilkinson T. J., Nokandeh J., Hopper K., Ali Abbasi Gh., Ainslie R., Roustaei K., MacDonald E., Safari Tamak E., Ratcliffe J., Mahmoudi M., Oatley Chr., Ershadi M., Usher-Wilson L. St., Nazifi A., Griffiths S., Shabani B., Parker D., Mousavi M., Galiatsatos N., Tolouei H. et al. Persia's Imperial Power in Late Antiquity: The Great Wall of Gorgân and Frontier Landscapes of Sasanian Iran. Oxford: Oxbow Books, 2013. XVI, 711 p.
- Strabo, 1961 — The Geography of Strabo in eight volumes / Transl. by H. L. Jones. Vol. V [Books X–XII]. London: W. Heinemann; Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1961. (Loeb Classical Library). 542 p.

«Длинные стены» в позднеантичном Туркменистане

А. Курбанов⁴

Аннотация. Сасанидская империя (224/226–651) была одним из самых обширных и могущественных доисламских государств Евразии, простираясь от Бактрии до Северо-Восточной Аравии. Она имела несколько региональных центров и делилась на четыре основные части. Одна из них — Хорасан — включала в себя земли Северо-Восточного Ирана, Северо-Западного Афганистана и Южного Туркменистана. Постоянные войны с хионитами, кидаритами и эфталитами, которые в V–VI вв. Сасаниды вели на северо-восточных окраинах своей державы, заставили их возвести пограничную линию крепостей и других оборонительных сооружений в Хорасане — в частности, в Горгане, предгорьях Копетдага и Мервском оазисе.

Ключевые слова: Туркменистан, Мерв, Абиверд, Дехистан, поздняя античность, Сасаниды

⁴ Айдогды Курбанов — Оксфордский университет, Оксфорд, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии; e-mail: aydogdy.gurbanov@ames.ox.ac.uk; ORCID: 0000-0002-1032-7213.

Крестовидные сооружения раннего Кангюя по данным раскопок в Ташкенте

М. И. Филанович¹

Аннотация. В докладе анализируются два архитектурно-археологических объекта, раскопанных на городищах Шаштепа и Мингурик, расположенных внутри современной застройки Ташкента. Они входят в ареал сложения памятников солярной планировки, возникавших по течению Сырдарьи и ее притоков во II в. до н. э. — IV в. н. э., т. е. в период формирования и существования крупного государства Кангюй, упомянутого в иранских и китайских письменных источниках того времени. Оно занимало и контролировало регионы современного Узбекистана (кроме Ферганы и Северной Бактрии) и южных областей Казахстана.

Ключевые слова: Шаштепа, Мингурик, «крестовина», айядана, Сырдарья, Кангюй, эпоха раннего железа, античность

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-219-221

Среди археологических памятников (около 20), зафиксированных в пределах города Ташкента и изучаемых Ташкентской археологической экспедицией, выделяются два городища, раскопанные в большем масштабе, чем другие, так как они представляют особый историко-культурный интерес: в глубинах их слоев обнаружены сооружения повторяющейся крестовидной планировки, отражающие, видимо, существовавшую космогоническую концепцию. Это городища Шаштепа и Мингурик. Первое находится среди современной городской застройки и расположено по обоим берегам речного протока Джун, второе базируется на водной системе протока Салар. Городища привлекли внимание исследователей-краеведов еще в конце XIX в., в XX в. там были проведены небольшие работы. Основные же раскопки на обоих памятниках осуществлены Ташкентской археологической экспедицией в 1978–1982, 2000–2002 и 2007–2008 гг. (Филанович, 1983; 2010)².

На городище Шаштепа (рис. 1, 1) выявлена стратиграфическая последовательность накопления 12-метровых культурных наслоений. Выдающимся открытием стало выявление и изучение в третьем горизонте свиты слоев первого в регионе архитектурного сооружения из пахсы и сырцового кирпича — оригинальной постройки крестообразной планировки (квадрат с пристроенными с каждой из четырех сторон прямоугольными башнями), заключенной в двойное кольцо стены диаметром 44,5 м. Постройка включает девять внутренних помещений. Стены здания местами сохранились на высоту до 4 м. Использован кирпич размерами 60–58×30–28×10–9 см, 50×35×10 см, 40–41×10–9 см с вариантами, из которого возведены и арки, и своды. В некоторых стенах обнаружены стреловидные бойницы. Полы некоторых помещений были вымощены булыжными камнями.

Ощутимо былое присутствие огня во всех помещениях. В помещении одной из башен стены окрашены в красный цвет, как и в окружающем коридоре. На полу обнаружены комочки красной охры, к боковой стене пристроен небольшой алтарик из кирпичей. В помещении № 6 обнаружен человеческий череп и отдельные фрагменты лучевых костей и фаланги пальцев. Это преднамеренное захоронение сопровождалось перевернутым лепным сосудом с закопченными стенками. Здесь же обнаружена кучка коровьих и птичьих костей (очевидно, остатки заупокойной пищи). Некоторые помещения имеют следы каких-то ритуальных действий с использованием напитка — возможно, они имели

¹ Маргарита Ивановна Филанович — Национальный центр археологии Академии наук Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан; e-mail: rfilanovich@mail.ru; ORCID: 0009-0003-2904-1025.

² В этих работах участвовали, помимо автора настоящего доклада, В. И. Спришевский, А. А. Грицина, Х. Дуке, С. Р. Ильясова, О. А. Папахристу, Д. Г. Зильпер, Г. И. Богомолов, Ш. Адылов, Л. С. Баратова и др.

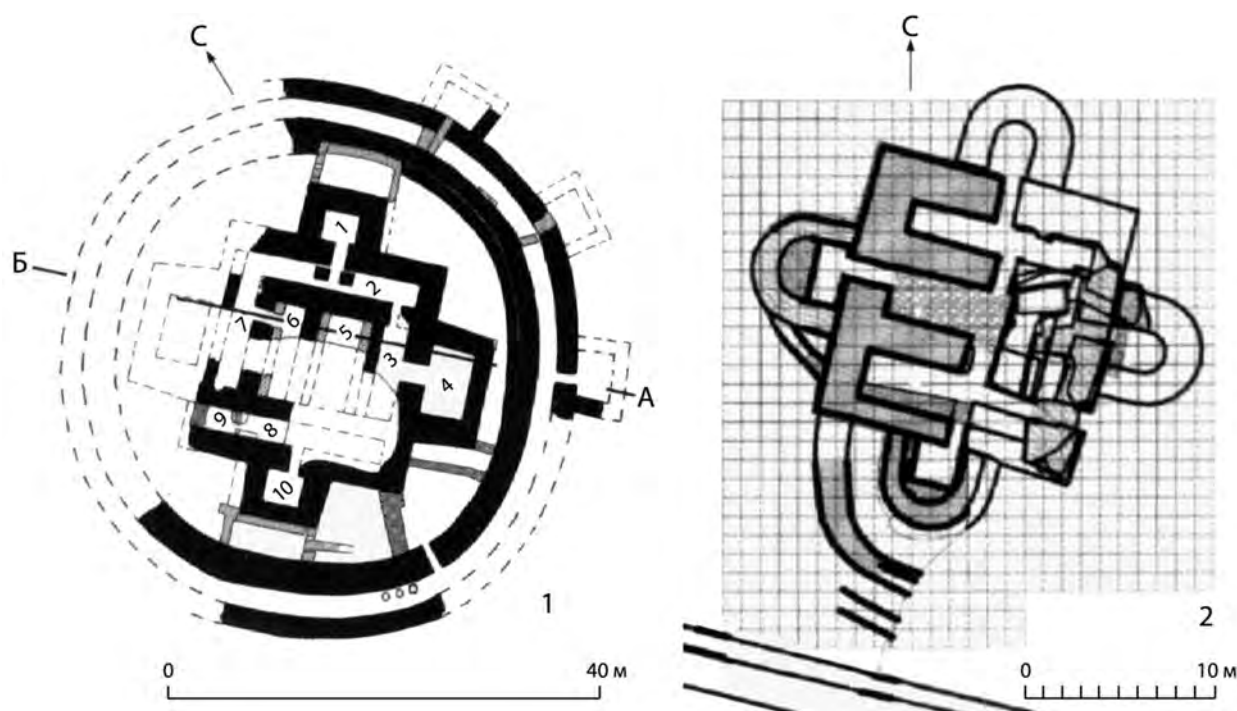

Рис. 1. 1 — Шаштепа, план крестообразного здания II в. до н. э. (по: *Филанович*, 2010. Рис. 8, Б);
2 — Мингурик, план храма I–III вв. н. э. (по: *Там же*. Рис. 15, А)

Fig. 1. 1 — Shashtepa, plan of the cross-shaped building of the 2nd century BC (after *Филанович*, 2010. Рис. 8, Б);
2 — Mingurik, plan of the temple of the 1st — 3rd centuries AD (after *Ibid.* Рис. 15, А)

отношение к погребенной голове. В помещении № 8 возжигался очень сильный, длительный огонь, расплавивший в итоге штукатурку. На покрытом золой полу найдены обгорелые косточки персика и обуглившиеся зерна мака (возможно, остатки сгоревших жертвоприношений). Керамика из слоев указанного горизонта полностью вписывается в комплекс Каунчи II. В коридоре обнаружено несколько раздавленных хумов, стоявших там, с процарапанными на их стенках знаками креста и свастики. Судя по стратиграфии и находкам, «крестовидное» сооружение Шаштепа, которое, видимо, строилось, как культовое, с захоронением отсеченной человеческой головы и следов поминальных мероприятий превратилось в культово-мемориальное. В этом состоянии оно сохранялось до некоторого запустения, когда помещения заполнились строительным завалом разрушенных сводов, т. е. здание стало использоваться иным образом. Над ним выравниваются и сменяют друг друга несколько уровней террас со следами некой культовой деятельности в виде кострищ алтарей. При визуальном осмотре среза, образовавшегося в результате обрушения части «крестовины» и зачисток этого среза, выявляется картина чередования нескольких горизонтальных террас (не менее 9 уровней), поверхность которых отмечается золой и угольками. Зола с самого кострища ссыпалась в помещение № 5 «крестовины». Там образовалось скопление золы, перемеженное с прослойками лесса, т. е. хранилище священной золы толщиной около 1 м. На поверхности нижней террасы обнаружены кострища-алтари; диаметр прогоревшей поверхности там составляет около 80 см, а толщина ее в центре достигает 25 см. В центре кострища выкапывались одна или две ямки около 12 см диаметром, куда выливали некую жидкость, застывшую беловатой корочкой. Террасы, нижняя из которых имела протяженность 20 м, а последующие сверху вплоть до верхушки бугра — до 25 м, упирались либо в верхушки стен «крестовины», либо были ограждены специальной сырцово-кирпичной стеной. Таким образом, возникшая новая форма представляла собой террасу под открытым небом, огражденную стеной. Подобное описание мы находим в «Авесте» для *айяданы*, что означает «место культа». Видимо, в этих площадках заложен тот же смысл, что в священных культовых террасах ряда археологических памятников Хорезма, Бактрии и Согда начиная с эпохи раннего железа.

Переходя к Мингурику (**рис. 1, 2**), надо отметить, что сооружение здесь в основе имеет также квадрат, разделенный на коридорообразные помещения. С каждой стороны квадрата пристроены

башни, но они полуовального очертания, стены и арки здесь сложены из кирпича 40×40×10 см. Вход в здание — также с востока. Постройка прошла несколько этапов функционирования. В одной из башен обнаружено захоронение отсеченной человеческой головы, как и на Шаштепа. Наибольшие изменения связаны со вторым этапом перестроек, когда один из коридоров был забутован и в нем устроили пандус, ведущий на верхнюю площадку (возможно, на террасу-*айядану*, полная поверхность которой на Мингурике не сохранилась), также вымощенный булыжными камнями. В каждом помещении видны следы огня, а полы в некоторых вымощены булыжными камнями. В одном обнаружено скопление древесного топлива в виде трухи. Раскопками также выявлены следы периодического возжигания огня в виде слоев золы, чередующихся с прослойками лессовой засыпки. Таким образом, в целом повторяется картина, выявленная на Шаштепа. Под пандусом обнаружен колодец глубиной до 15 м.

Следует подчеркнуть, что ташкентские «крестовины» входят в ареал сложения памятников соляной планировки, возникавших по течению Сырдарьи и ее притоков во II в. до н. э. — IV в. н. э., т. е. в период формирования и существования крупного государства, упомянутого в ираноязычных источниках как Канка, в китайских же — как Кангюй. Оно занимало и контролировало регионы современного Узбекистана (кроме Ферганы и Северной Бактрии, т. е. современной Сурхандарьинской области) и южных областей Казахстана. Примеры существования крестообразных сооружений на этой территории продолжают умножаться. Уже выделено несколько их вариантов. Самый ранний из них, где выражены культовые функции объекта, представлен на городище Шаштепа, который мы датировем II в. до н. э. — концом III/IV в. н. э. Исходная идея этого типа планировки заключена в мавзолеях Северного Тагискена, обнаруживающих временами сходную планировку: квадрат в круге и «крестовина»; в этом же ряду — комплекс материальной культуры и здания гробниц чирикрабатской культуры, т. н. «дворец» городища Чордара II, «крестовина» цитадели городища Культобе (Ясы), Кызыл-Кайнартобе, Чолтобе на Таласе, Биловуртепа в Фергане, а также в более позднее время (V–VI вв.) — Сеталак I на севере Бухарского оазиса. Все объекты в этом ряду объединяет соляная планировка, хотя функционально, как считают некоторые исследователи, они могли быть разными: либо крепостного, либо культово-мемориального характера. Но большинство относят их к культовым сооружениям, и вполне вероятно, что мы имеем дело с той частью государства, которая была идеологическим центром «высокой, священной Кангхи», как она именуется в «Авесте».

Филанович, 1983 — Филанович М. И. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент: Фан, 1983. 199 с.

Филанович, 2010 — Филанович М. И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент: Узбекистан, 2010. 312 с.

Early Kangju cross-shaped structures according to the data of excavations in Tashkent

Margarita I. Filanovich³

Annotation. *The paper analyzes two architectural and archaeological objects excavated at the ancient sites of Shashtepa and Mingurik, which are located within the modern building up of Tashkent. They are included in the area of solar-planned monuments arising along the course of the Syr Darya and its tributaries from the 2nd century BC — 4 century AD, i. e. during the period of formation and existence of the large state of Kangju, mentioned in Iranian and Chinese written sources of those times. It occupied and controlled the regions of modern Uzbekistan (except for Ferghana and Northern Bactria) and the southern regions of Kazakhstan.*

Keywords: *Shashtepa, Mingurik, «crosspiece», ayadana, Syr Darya, Kangju, Early Iron Age, Antiquity*

³ Margarita I. Filanovich — National Center for Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan; e-mail: rfilanovich@mail.ru; ORCID 0009-0003-2904-1025.

Письменность и искусство в государстве Кангюй

А. Н. Подушкин¹

Аннотация. Доклад посвящен памятникам письменной культуры и искусства государства Кангюй (II в. до н. э. — IV в. н. э.), чья история ввиду ограниченного количества письменных источников исследуется преимущественно на основе археологических материалов. Данные, полученные в ходе раскопок памятников в Южном Казахстане, позволили по-новому взглянуть на использование кангюйцами уникального культобинского (протосогдийского, кангюйского) письма на керамических кирпичих-таблицах, а также высветить вопросы идеологического порядка и развития искусства в этом государстве.

Ключевые слова: Южный Казахстан, Кангюй, археология, эпиграфические артефакты, искусство

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-222-225

История государства Кангюй (II в. до н. э. — IV в. н. э.), освещенная крайне ограниченным количеством письменных источников, в течение уже нескольких десятилетий исследуется преимущественно на основе археологических материалов. Такую приоритетность впервые обозначил Б. А. Литвинский, и этот тезис поныне остается актуальным (Литвинский, 1967. С. 37). Исследования археологических памятников в Южном Казахстане (средняя Сырдарья, бассейн р. Арысь, горы Каратау и Каржантау) позволили получить материалы по всему спектру проблематики, связанной с Кангюем: археологическое районирование и картография объектов, материальная и духовная культура, жилая и культовая архитектура, фортификация, насыщенные артефактные комплексы. Все это стало основанием для выделения арысской археологической культуры Южного Казахстана — культуры государства Кангюй (Подушкин, 2000. С. 140–161).

Выдающимся открытием можно считать обнаружение на арысском городище Культобе уникальных образцов эпиграфики в виде керамических кирпичей-таблиц с древними письменами, аналоги которым на территории Центральной Евразии пока неизвестны. Сейчас в распоряжении ученых, помимо одного абсолютно законченного текста, имеется 6 почти полных текстов и 24 фрагмента с 1057 полностью и частично прорисованными знаками, которые оформлены в 108 «строк». Письмо найдено вместе с кангюйским археологическим комплексом, датируемым артефактами из городища и погребальных катакомбных сооружений I в. до н.э. — III в. н. э. (рис. 1, 25). Установлено, что культобинское письмо — самое раннее из пока известных науке текстов, написанных арамейской эпиграфикой на архаическом согдийском (протосогдийском) языке в Центральной Азии. Письмо определено как алфавитное, но включающее также и идеограммы. Оно маркирует один из восточных региональных диалектов древнего иранского языка, который можно рассматривать как кангюйский.

Культобинские тексты включают важную информацию политического, социального и историко-культурного характера, касающуюся Центральной Азии и Казахстана первых веков нашей эры. В них фигурируют названия древних государств, крупных городских центров Центральной Азии (Нахшаб, Самарканд, Кеш, Чач, Бухара), личные имена, титулы древних правителей. Присутствует социально-политическая терминология («люди шатров» — номады, «драгоценности» — казна, «общественные работы» — основание и строительство города), термины династической преемственности и родства («сын»). Надписи фиксируют исторические события регионального масштаба, действия

¹ Александр Николаевич Подушкин — Центр археологии Южно-Казахстанского государственного педагогического университета, Шымкент, Республика Казахстан; e-mail: p_a_n_alex@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1603-1373.

местных правителей — и многое другое (*Sims-Williams, Grenet, 2006. P. 95–111*). Судя по приведенной информации, в Кангюе практиковалась письменность на государственном уровне среди высшего сословия.

До недавнего времени наука не располагала данными о кангюйском искусстве, и только раскопки новых памятников в Южном Казахстане позволили ликвидировать этот серьезный пробел. На сегодня зафиксированы следующие виды кангюйского искусства: мелкая пластика (антропоморфные и зооморфные объемные фигурки из глины, алебаstra; аналогичные изображения в рельефно-выпуклом варианте на стенках сосудов: **рис. 1, 1–5**); изобразительное искусство, в т. ч. ритуально-религиозного характера (лепка, прочерчивание и прорисовка ангобной краской изображений людей, животных на керамике: **рис. 1, 6–9**); торовтика: изготовление посредством литья из бронзы и меди различных амулетов, перстней и оберегов в виде птиц (фазан, утка, лягушка), зверей (благородный олень), антропоморфных фигур (авестийское божество Фарн), рук («фига», «кулак»: **рис. 1, 10–12, 14–16**), а также некоторых украшений (перстни: **рис. 1, 13, 20**); ювелирное искусство: изделия из золота, серебра в полихромном стиле (серьги, кольца, кулоны: **рис. 1, 17–19, 21–23**). Особенно отметим искусство резьбы по рогу в виде уникальных сюжетов на накладных пластинах рукояти сложносоставного лука, повествующих о ритуальной охоте знатного кангюйца и мифического «медведе-льва» на архаров (**рис. 1, 24**). Эти артефакты по художественной композиции, социальному наполнению и высочайшей технике исполнения являются подлинными шедеврами изобразительного искусства древней Центральной Азии и Казахстана (*Подушкин, 2022. С. 191–195*).

Таким образом, новые археологические данные, полученные в ходе исследований на основных территориях государства Кангюй, демонстрируют его значительные достижения в сфере экономики, материальной, духовной культуры, искусства и письменности как атрибута государственности и развитой цивилизации.

Литвинский, 1967 — Литвинский Б. А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. 1967. № 2. С. 29–37.

Подушкин, 2000 — Подушкин А. Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. — VI в. н. э. Туркестан: МКТУ, 2000. 203 с.

Подушкин, 2022 — Подушкин А. Н. Знатный кангюец на охоте // SP. 2022. № 4. С. 183–208.

Sims-Williams, Grenet, 2006 — Sims-Williams N., Grenet F. The Sogdian Inscription of Kultobe // Shygyz: Научный журнал. Алматы, 2006. No. 1. P. 95–111.

The written language and art in the Kangju state

Aleksandr N. Podushkin²

Annotation. *The paper is dedicated to the written monuments and art of the Kangju state (2nd century BC — 4th century AD), whose history, due to the limited number of written sources, is studied on the basis of archaeological materials. New data obtained during excavations of sites in Southern Kazakhstan allowed us to take a fresh look at the use of the unique Kultobe (proto-Sogdian, Kangju) writing on ceramic brick tables by the Kangju population, as well as to highlight issues of ideological order and the development of art in this state.*

Keywords: *Southern Kazakhstan, Kangju, archeology, epigraphic artifacts, art*

² Aleksander N. Podushkin — Center for Archeology of the Southern Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Republic of Kazakhstan; e-mail: p_a_n_alex@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1603-1373.

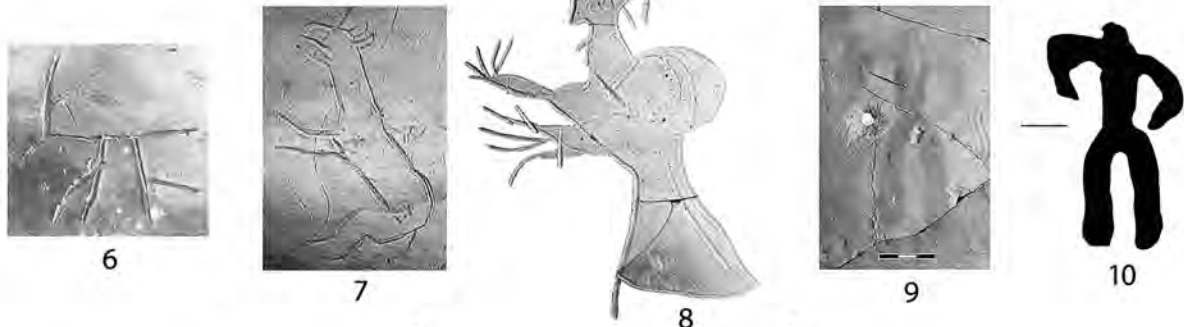

Рис. 1. 1 — алебастровая фигурка женщины-богини, поселение Актобе Чайанское (I–IV вв. н. э.); 2 — округлая печатка благородного оленя на венчике хума, городище Тулебайтобе, (I–IV вв. н. э.); 3 — керамическая голова архара, олицетворяющая божество Фарн, городище Караултобе (II в. до н. э. — IV в. н. э.); 4 — объемное воспроизведение змеи на ручке сосуда, городище Ушбастобе (II–IV в. н. э.); 5 — рельефно-выпуклая фигура человека с нимбом над головой на стенке хума, поселение Алтынтобе (I–VI вв. н. э.); 6 — прочерченное по сырой глине на стенке хумчи изображение горной козули, городище Ушбастобе (II–IV в. н. э.); 7 — прочерченное по сырой глине на стенке кружки изображение кулана, вставшего на дыбы, могильник Алтынтобе (I–VI вв. н. э.); 8 — прочерченное по сырой глине на кувшине изображение полиморфного человекоподобного божества Фарн с головой фазана, городище Ушбастобе (I–V вв. н. э.); 9 — прорисованное на стенке кувшина ангобной краской изображение человеческой фигуры, олицетворение божества Фарн, городище Ушбастобе (II–IV вв. н. э.); 10 — подвеска в виде бронзовой фигурки фазана, Могильник Каратобе, катакомба 3 (I в. до н. э. — III в. н. э.); 11 — подвеска в виде бронзовой фигурки благородного оленя (*марал*), могильник Кызылколь 1, западная группа насыпей, склеп 7 (I–IV вв. н. э.); 12 — антропоморфная подвеска-амулет из бронзы, городище Культобе арыское (I–IV вв. н. э.); 13 — печатка бронзового перстня с изображением лягушки, поселение Сильбелитобе, (III–V вв. н. э.); 14 — антропоморфная подвеска-амулет из бронзы, могильник Кызылколь 1, западная группа насыпей, склеп 6 (I–IV вв. н. э.); 15 — бронзовая подвеска-амулет в виде утки, могильник Культобе, восточная группа насыпей, катакомба 5 (I в. до н. э. — III в. н. э.); 16 — амулет из бронзы в виде руки, сжатой в кулак, могильник Культобе, восточная группа насыпей, катакомба 5 (I в. до н. э. — III в. н. э.); 17–19, 21–23 — изделия и украшения из золота, могильники Кылышжар, Культобе, Кызылколь 1 (I в. до н. э. — IV в. н. э.); 20 — печатка бронзового перстня со знаком-тамгой, могильник Культобе (I–IV вв. н. э.); 24 — часть роговой пластины на рукоять лука со сценой охоты знатного кангюйца на архаров, могильник Кылышжар, западная группа насыпей, катакомба 14 (I в. до н. э. — III в. н. э.); 25 — полный текст протосогдийского (кангюйского) письма, городище Культобе арыское (I–IV вв. н. э.)

Fig. 1. 1 — alabaster figurine of a woman-goddess, Aktobe Chayanskoye settlement (1st — 4th cent. AD); 2 — rounded seal of a royal stag on the mouth of a khum, Tulebaytobe settlement (1st — 4th cent. AD); 3 — ceramic head of argali, personifying the deity Khvarenah, Karaultobe settlement (2nd cent. BC — 4th cent. AD); 4 — volumetric image of a snake on the handle of a vessel, Ushbastobe settlement (2nd — 4th cent. AD); 5 — relief figure of a man with a halo above his head on the side of a khum, Altyntobe settlement (1st — 6th cent. AD); 6 — image of a mountain roe deer drawn on raw clay on the side of a khumcha, Ushbastobe settlement (2nd — 4th cent. AD); 7 — image of a kulan standing on a pike drawn on raw clay on the side of a mug, Altyntobe burial ground (1st — 6th cent. AD); 8 — image of a polymorphic humanoid deity Khvarenah with a pheasant's head drawn on raw clay on a jug, Ushbastobe settlement (1st — 6th cent. AD); 9 — image of a human figure, personification of the deity Khvarenah, Ushbastobe settlement (2nd — 4th cent. AD); 10 — pendant in the form of a bronze figure of a pheasant, Karatobe burial ground, catacomb 3 (1st cent. BC — 3rd cent. AD); 11 — pendant in the form of a bronze figure of a red deer (*maral*), Kyzylkol burial site 1, western group of mounds, crypt 7 (1st — 4th cent. AD); 12 — anthropomorphic pendant-amulet made of bronze, Kultobe Arys settlement (1st — 4th cent. AD); 13 — seal of a bronze ring depicting a frog, Silbelitobe settlement, (3rd — 5th cent. AD); 14 — anthropomorphic pendant-amulet from bronze, Kyzylkol burial site 1, western group of mounds, crypt 6 (1st — 4th cent. AD); 15 — bronze pendant-amulet in the form of a duck, Kultobe burial site, eastern group of mounds, catacomb 5 (1st cent. BC — 3rd cent. AD); 16 — bronze amulet in the form of a hand clenched in a fist, Kultobe burial site, eastern group of mounds, catacomb 5 (1st cent. BC — 3rd cent. AD); 17–19, 21–23 — articles and jewelry made of gold, Kylyshzhar, Kultobe, Kyzylkol 1 burial grounds (1st cent. BC — 4th cent. AD); 20 — seal of a bronze ring with a signet-tamga, Kultobe burial ground (1st — 4th cent. AD); 24 — part of a horn plate for a bow hilt with a scene of a noble Kangju man hunting for argali, Kylyshzhar burial ground, western group of mounds, catacomb 14 (1st cent. BC — 3rd cent. AD); 25 — full text of Proto-Sogdian (Kangju) writing, Kultobe Arys settlement (1st — 4th cent. AD)

Фортификация Бухары в античное и раннесредневековое время (по материалам раскопок Узбекско-Американской экспедиции в 2020–2024 гг.)

Д. К. Мирзаахмедов¹, С. Штарк², А. И. Торгоев³, С. Д. Мирзаахмедов⁴

Аннотация. В докладе отражены основные результаты работ Узбекско-Американской археологической экспедиции в Бухаре в 2020–2024 гг. В результате исследований был открыт юго-западный угол древней крепости, усиленный прямоугольной угловой башней. Эта крепость была возведена ранее второй половины II в. до н. э. Весьма вероятно, что она появилась здесь во время правления Селевкидов в Западном Согде (ок. 305–230 гг. до н. э.). Не ранее II–III вв. н. э. к западу от открытой стены с угловой башней возникают отдельные укрепленные здания, в разной степени затронутые раскопками. В первой половине V в. возводят стены собственно раннего (первого) шахристана Бухары. Эта стена открыта раскопками на длину 24 м и, по всей вероятности, существовала вплоть до второй половины — конца VII в. Наконец, остатки еще одной оборонительной стены зафиксировали раскопками в 64 м западнее первой западной стены шахристана, что указывает на рост городской территории. Не исключено, что этот рост связан со строительной программой бухархудата Бидуна/Нидуна на Арке до 680 г.

Ключевые слова: Бухара, фортификация, крепостная стена, городская стена, древность, раннее средневековье

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-226-231

В 2017–2018 гг. в историческом центре Бухары были снесены современные ювелирный и ковровый базары, и возникла необходимость археологических исследований освободившейся территории. Участок, где стало возможным произвести археологические раскопки, находится напротив восточных стен Арка (цитадели) города. В плане он имеет L-образную форму, с западной и южной сторон вплотную примыкает к подножию возвышенной части т. н. Старого Шахристана Бухары. Габариты площадки 96 м с севера на юг и 143 м с запада на восток; при этом ширина западной части 85 м, а южной — 26 м.

Участок, на котором закладывались раскопы, ограничен прилегающими уличными магистралями. С севера это улица Тагбандбафан, где, по сведениям ан-Наршахи и арабских географов, реконструируются ворота Шахристана, называемые «Кухандиз». С юга участок отделяет улица Хужа Нурубод (бывш. Коммунаров), с противоположной стороны которой располагается соборная мечеть Калян. Западная граница площадки проходит вдоль улицы Хужа Усмон, отделяющей Шахристан от Арка, расстояние между которыми составляет около 120 м.

Первые работы на участке, получившем условное обозначение «Шахристан», были начаты Бухарской экспедицией Национального центра археологии Академии наук Республики Узбекистан в конце 2018 г. по инициативе хокимиата г. Бухара и при его финансовой поддержке. Эти работы

¹ Джамалиддин Камаладинович Мирзаахмедов — Самаркандский археологический институт Агентства культурного наследия Республики Узбекистан, Самарканд, Республика Узбекистан; e-mail: wesarex@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1990-2453.

² Сёрен Штарк — Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки; e-mail: ss5951@nyu.edu; ORCID: 0009-0009-3737-4990.

³ Асан Исакбекович Торгоев — Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: torgoevasan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6403-8046.

⁴ Сирожиддин Джамалиддинович Мирзаахмедов — Самаркандский археологический институт Агентства культурного наследия Республики Узбекистан, Самарканд, Республика Узбекистан; e-mail: smrocket@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4379-6988.

продолжились в 2019 г., тогда же к работам на шахристане присоединилась Узбекско-Французская экспедиция, заложившая один из шурфов (*Мирзаахмедов и др.*, 2020а; 2020б), а также специалисты Государственного Эрмитажа. С 2020 г. Узбекско-Американская экспедиция продолжила раскопки объектов, начатых Бухарской экспедицией Национального центра археологии.

Фортификационные сооружения, открытые на объекте «Шахристан», относятся к поселениям двух эпох: древней крепости с округой и собственно раннесредневековому городу (**рис. 1**).

В площадь раскопа 1 попал юго-западный угол древней крепости, усиленный мощной башней. Южная оборонительная стена крепости поставлена на естественный склон холма, лежащего в основании возвышенности квартала Тагбандбафан. Под ней проходил проток, питавший крепость водой. Это было параллельное Шахруду русло, расположенное к северу от него.

Сохранились только самая нижняя часть крепостных стен и их фундамент, вследствие чего бойниц и конструктивных полов внутри крепостных помещений обнаружено не было. В строительстве оборонительных стен был использован преимущественно квадратный кирпич размером $38 \times 38 \times 10$ см, $40-43 \times 40-43 \times 10-12$ см.

Прямоугольная угловая башня размером 10×6 м сложена в перевязку со стеной I строительного периода (**рис. 1**). В ее кладке использован квадратный песчанистый сырцовый кирпич преимущественно размером $50-53 \times 50-53 \times 10-12$ см. Между рядами кирпичей в разрезе прослеживаются нетолстые (до 20 см) ленты заливок глиной. Но на внешний фасад выходит целиком кирпичная кладка. Паховое основание стены имеет наклон в 54° . Кирпичный верх также имеет наклонный фасад, угол которого составляет $79-80^\circ$. Башня стоит на естественном склоне холма, сложенного из серого песка с включениями комков ила. Уклон поверхности холма, прослеженной в стратиграфии трех бадрабных ям, составляет около 20° . В северной стене башни имеется скользящий (вдоль западной стены) проход (?), идущий с улицы. В самой башне могло находиться небольшое внутреннее помещение, из которого можно было попасть на ее верхнюю площадку. Под западным фасадом башни был расчищен ровный, залитый глиной пандусный подъем, ведущий от реки к калитке башни. Защищенный же участок ската холма у восточного фасада башни — наоборот, неровен и имеет ломаный ступенчатый профиль.

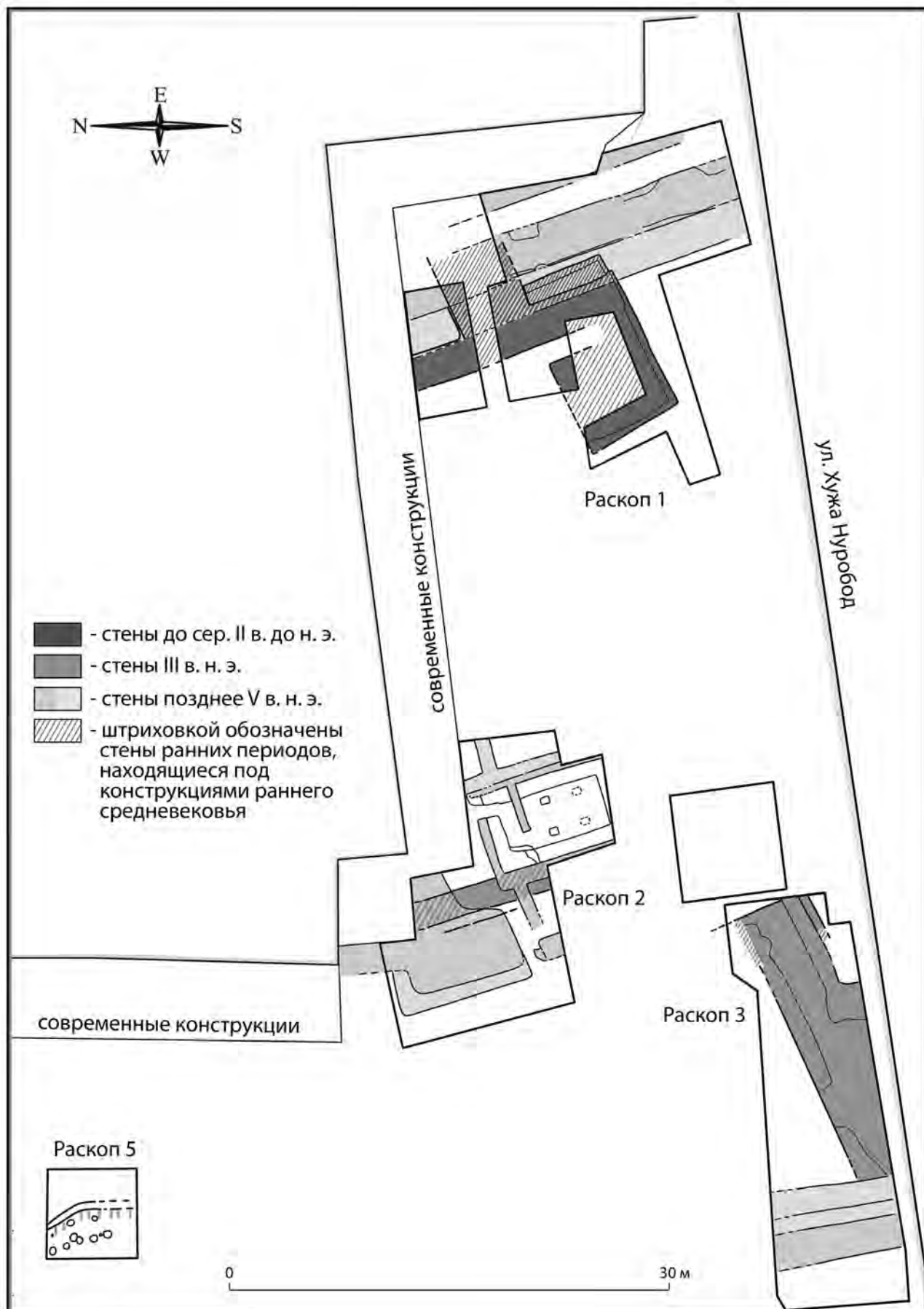
К восточной стене башни примыкает ремонтная «рубашка», сложенная из разноформатных сырцовых кирпичей ($52 \times 48 \times 12$ см и $54 \times 39-41 \times 14-15$ см). Толщина «рубашки» II периода составляет 1,4 м, она прослежена на высоту 1,7 м. «Рубашка» стоит на выступающей вперед берме, зафиксированной только с восточной стороны башни.

Внутри юго-западного угла крепости была расчищена полуземлянка, углубленная в нижнюю часть подрубленной крепостной стены. Керамический материал, полученный с ее пола, бесспорно относится ко второй половине II в. до н. э. Эта дата четко согласуется с радиоуглеродной датой, полученной по образцу угля, взятому с этого же пола.

Горизонт полуземлянки был покрыт толстым слоем отходов, датируемых второй половиной I в. до н. э. и I в. н. э. Восточная стена башни оказалась покрыта ямами с керамикой не позже I в. н. э. Таким образом, нет сомнения о том, что сама крепость была построена еще до середины II в. до н. э. Ввиду того, что оборонительные стены были подрублены уже во II в. до н. э., высока вероятность того, что укрепленное поселение на этом месте возникло раньше, т. е. в III в. до н. э.

На стратиграфическом раскопе 5 (**рис. 1**), находящемся за пределами древней крепости в западной части площадки объекта «Шахристан», в нижних слоях (от глубины $-8,40$ до $-9,15$ м от репера, вплоть до появления грунтовых вод), обильных керамическим материалом, были обнаружены фрагмент настоящего «рыбного блюда», пирамидальный грузик ткацкого станка, а также фрагмент стеатитового блюда — возможно, в III в. до н. э. здесь мог находиться греческий гарнизон.

Учитывая мощь архитектуры, а также данные письменных источников по истории Согды в эллинистический период, можно полагать, что строительная активность, связанная с постройкой крепости, может быть связана с правлением Селевкидов в Западном Согде около 305–230 гг. до н. э. (*Stark*, 2021. P. 83–84). Вполне вероятно, что гарнизон и крепость существовали только в течение короткого промежутка времени, поскольку стена этой крепости очень мало ремонтировалась.

Очевидно, что к III в. н. э. к западу от бывшей крепости возникают отдельные постройки с внешними стенами, явно имевшими оборонительное значение. Здесь частично исследовано два здания.

Одно из них, открытое в раскопе 3 (**рис. 1**) и условно обозначенное как постройка 1, находится в 33 м от угловой башни к западу. От нее была исследована часть массивной оборонительной стены, сложенной из разноформатного сырцового кирпича размером преимущественно 56×41–42×14–15 см. Также в кладке встречается кирпич размером 56×50–52×14–15 см и 40–42×40–42×10 см. В настоящий момент эта стена расчищена на длину 19 м. Внешний фасад ее открыт на высоту 2,8 м, стена имеет наклон 65°. В настоящий момент толщина стены по основанию составляет 4,6 м, но, видимо, она окажется несколько толще, так как ее основание с внутренней стороны еще не достигнуто.

Нижний ряд кирпича установлен на пахсовое основание — небольшую берму, выступающую на 0,5 м от линии кирпичной кладки. Выше бермы уложены четыре ряда кирпича, переложенные слоем пахсы толщиной 0,5 м, а выше, до верха сохранности, прослежено девять рядов кирпичной кладки.

На востоке эта стена обрывается прямым торцом. Пока точно не ясно, является ли этот торец поворотом стены или же он образовался в результате многочисленных врезок в эту стену в IV–V вв., когда темпы урбанизации в Бухарском оазисе сильно выросли по сравнению с более ранним временем. В 7 м от торца стены по внешнему фасаду открыт поворот стены на юг, но далее стена уходит под поверхность современной улицы и в этом месте сильно разрушена средневековыми бадрабами.

Линия фасада южной стены постройки 1 совпадает по направлению с линией южного фасада башни эллинистического периода в раскопе 1. Последнее указывает на то, что к моменту строительства этой постройки, протока под бывшей крепостью еще существовала.

От другой постройки, условно обозначенной как постройка 2, которая открыта в раскопе 2 (**рис. 1**), между торцом стены постройки 1 и стеной башни расчищена пока только западная стена толщиной 1,7 м. Она сложена из сырцового кирпича размером 46–49×37–39×9–10 см и пахсы. В настоящий момент стена исследована на длину 9,5 м. Судя по толщине стены, постройка 2 вполне могла быть укрепленной усадьбой, типа известного поселения Кызылкыр I в северной части Бухарского оазиса.

Кардинальные перемены в фортификации поселения произошли в V в. К тому моменту у внешнего фасада стены эллинистической крепости уже скопились мощные наслоения золотого песка, и сама стена была перекрыта постройками IV в.

В первой половине V в. возводятся стены шахристана. Одним из главных результатов работ экспедиции следует считать обнаружение западной стены первого объединившего весь город шахристана (**рис. 1**). Она была исследована на длину 24 м и стоит на срубленных постройках IV в.

Городская стена имеет внутренний коридор шириной 2,2 м. Внешняя стена коридора — точнее, ее основание — имеет толщину 2,9–3,0 м, толщина внутренней стены составляет 1,4 м. Внешняя стена сложена преимущественно из кирпича размером 42–44×24–25×9–12 см, в ее теле уложены обломки кирпичей того же формата. С внешней стороны к этой стене приставлена «рубашка» II-го строительного периода, также сложенная из сырцового кирпича. На северном участке «рубашка» была сильно подрублена, и удалось зафиксировать только четыре нижних ее ряда. Два верхних ряда сложены из кирпича 30–32×22–28×8–10 см, ниже идут два ряда кирпича 42–44×25–28×9–12 см. На южном участке кладка «рубашки» была сделана практически целиком из кирпича 40×24–25×8–10 см. Наличие кирпича разных форматов может свидетельствовать только о том, что для строительства «рубашки» применялся кирпич из разобранных зданий.

Строительству стен шахристана предшествовали большие планировочные работы. В частности, была засыпана старая протока и на ее месте образовалась улица — основная широтная магистраль

Рис. 1. Бухара, объект «Шахристан», план расположения части построек и фортификационных сооружений (по материалам исследований Узбекско-Американской экспедиции в 2020–2024 гг.; сост. А. В. Кулиш)

Fig. 1. Bukhara, site «Shakhristan», location plan of part of the buildings and fortifications (based on research materials of the Uzbek-American Expedition in 2020–2024; compiled by Aleksei V. Kulish)

города, действующая и ныне (ул. Хужа Нуробод / быв. Коммунаров). По реконструкции плана Бухары, предложенной О. Г. Большаковым, на этой улице должны были находиться ворота Бану Асад (*Беленицкий и др.*, 1973. С. 238–239, рис. 94).

На открытом участке стены башни не фиксировались. Стены с короткими куртинами между башнями характерны для согдийской фортификации, но совершенно необязательны. Так, в Пайкенде стена площадки перед цитаделью, поставленная в V в., башен не имеет, тогда как на чуть более поздней по времени южной стене шахристана I монолитные башни с мощным основанием полукруглой формы были расположены в среднем через 14 м.

На раскопе 2, западнее городской стены, открыты остатки жилых домов ближнего рабада и, видимо, остатки небольшого форта перед стеной раннего шахристана, поставленные также не ранее V в. (**рис. 1**). От этого форта было открыто основание монолитной, сделанной в основном из пахсы, прямоугольной в плане угловой башни размером 7,8×4,2 м. С северной и западной сторон башня имела «рубашку» толщиной 1,0–1,2 м. Башня форта перекрывает западную стену постройки 2 и все врезанные в нее конструкции IV в.

В 2024 г. в 64 м западнее раннесредневековой стены, пока на участке шириной 8 м, расчищены нижние части трех стен, приставленных друг к другу (**рис. 1**). Общая их толщина составляет 5,3 м. Причем самой ранней является самая восточная из этих стен толщиной 1,7 м, сложенная из кирпича 40×24×8–9 см. К ней позже были приставлены две «рубашки». Одна из них (средняя) сделана из пахсы и имеет толщину 1,4 м, а вторая, толщиной 2,2 м, сложена из сырцового кирпича того же формата, что и первая стена. Описанные стены перекрывают монументальную южную стену постройки № 1 и ориентированы перпендикулярно ей. Ни одна из них не имеет коридора. Датировать эти стены пока не удалось, так как не было достигнуто оснований ни одной из них. Эти стены сильно разрушены строительными ямами XII в. и могилами кладбища. Вполне возможно, что это были стены города VII–IX вв.

Появление новых оборонительных стен очень заманчиво связать с данными письменных источников. Кубави сообщает о том, что бухархудат Бидун (или Нидун) «прислал человека, который возобновил хисар и тот дворец, который [там] был, он сделал благоустроенным» (цит. по: *Наршахи*, 2011. С. 35). Об этой строительной программе говорила сохранявшаяся еще во времена Кубави надпись на железной плите у ворот дворца на Арке. Не исключено, что именно тогда и возвели новые стены шахристана в 64 м к западу от старой стены и, следовательно, ближе к цитадели. Это позволило устроить знаменитый виадук длиной в 60 шагов, которой связывал крепостные стены шахристана с Арком. Согласно этому сценарию, можно воспринимать строительство новой стены шахристана не только как результат роста Бухары, но и как часть более крупной программы укрепления города и цитадели во время первых арабских походов в Мавераннахр.

Во второй половине VII в. западная стена начального шахристана окончательно теряет оборонительную функцию. Ее коридор превращается в улицу, а саму стену разбирают на кирпич и постепенно застраивают. По источникам же известно, что Бухара имела городские стены в VIII в. Более того, по сведениям Наршахи, около ворот Кухандиз, располагавшихся в западной стене шахристана, находился квартал Фагасадра, населенный преимущественно арабами (*Сухарева*, 1954. С. 38–39).

Разрастание города на рубеже VII–VIII вв. демонстрируют насыщенные археологическим материалом слои и остатки строений этого периода, исследованные над фортом V в. в раскопе 2 (*Мирзаахмедов и др.*, 2020а. С. 188–201). Весьма вероятно, что остатки построек VII–VIII вв. могли находиться на южной окраине квартала Фагасадра. В IX–XI вв. территория между западной стеной начального шахристана и оборонительными стенами западнее, исследование которых только началось, использовалось очень широко. Об этом свидетельствует большое количество ям ташнау и бадрабов на всей площади проведенных раскопок. К сожалению, постройки эпохи Саманидов и Караханидов были практически полностью сnivelированы уже к началу XX в. Очевидно, что в площадь раскопок (раскоп 5) попал какой-то водоем (менее вероятно — ров стены начального шахристана), находящийся внутри городских стен. В XII в. этот водоем был засыпан, и на его месте сформировалось городское кладбище, занявшее территорию прежнего квартала Фагасадра (*Сухарева*, 1954. С. 39).

- Беленицкий и др.*, 1973 — *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука ЛО, 1973. 394 с.
- Мирзаахмедов и др.*, 2020а — *Мирзаахмедов Дж.К., Ранте Р., Торгоев А. И., Адылов Ш. Т.* Археологические исследования у юго-западного угла Старого Шахристана Бухары в 2019 году // АИУ. 2020. Вып. 12 (2018–2019 гг.). С. 184–202.
- Мирзаахмедов и др.*, 2020б — *Мирзаахмедов Дж. К., Холов Д. О., Мирзаахмедов С. Д., Султанова М. Н.* Археологические исследования на восточном и северном участках раскопа Старого Шахристана Бухары в 2019 году // АИУ. 2020. Вып. 12 (2018–2019 гг.). С. 203–218.
- Наршахи*, 2011 — *Абу Бакр Мухаммад ибн Джа ‘фар ан-Наршахи.* Та’рих-и Бухара. История Бухары / Пер., коммент. и примеч. Ш. С. Камолиддина; археолого-топогр. комм Е. Г. Некрасовой. Ташкент: SMIA-SIA, 2011. 600 с.
- Сухарева*, 1954 — *Сухарева О. А.* К вопросу об исторической топографии Бухары X–XII вв. (Городские стены и ворота) // ТИИ АН ТаджССР. 1954. Т. XXVII. С. 25–40.
- Stark*, 2021 — *Stark S.* Central Asia and the Steppe // *The Graeco-Bactrian and Indo-Greek World* / Ed. by R. Mairs. Abingdon; New York: Routledge, 2021. P. 78–105.

The fortifications of Bukhara in Antique and Early Medieval Times (based on the materials of excavations of the Uzbek-American Expedition in 2021–2024)

Djamaliddin K. Mirzaakhmedov⁵, Sören Stark⁶, Asan I. Torgoev⁷,
Sirojiddin D. Mirzaakhmedov⁸

Annotation. *This paper reflects the main results of the works of the Uzbek-American Archaeological Expedition in Bukhara in 2020–2024. As a result of the research, the south-western corner of the ancient fortress, reinforced by a rectangular corner tower, was discovered. This fortress was erected earlier than the second half of the 2nd century BC. It is very likely that it appeared here during the Seleucid rule in Western Sogdiana (c. 305–230 BC). Not earlier than the 2nd — 3rd centuries AD to the west of the open wall with the corner tower the separate fortified buildings appeared, which were excavated in varying degrees. In the first half of the 5th century AD the walls of the early (first) Shahristan of Bukhara proper were erected. This wall was opened by excavations to a length of 24 m and, in all probability, existed until the second half — the end of the 7th century. Finally, the remains of another defensive wall were recorded by excavations 64 m west of the first western wall of the shahristan, which indicates the growth of the city territory. It is not excluded that this growth is connected with the construction program of Bukhar Khudat Bidun/Nidun at the Ark until 680.*

Keywords: *Bukhara, fortifications, fortress wall, city wall, Antiquity, Early Middle Ages*

⁵ Djamaliddin K. Mirzaakhmedov — Samarkand Archeological Institute, Cultural Heritage Agency of the Republic of Uzbekistan, Samarkand, Republic of Uzbekistan; e-mail: wesarex@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1990-2453.

⁶ Sören Stark — New York University, New York, United States of America; e-mail: ss5951@nyu.edu; ORCID: 0009-0009-3737-4990.

⁷ Asan I. Torgoev — State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: torgoevasan@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6403-8046.

⁸ Sirojiddin D. Mirzaakhmedov — Samarkand Archeological Institute, Cultural Heritage Agency of the Republic of Uzbekistan, Samarkand, Republic of Uzbekistan; e-mail: smrocker@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4379-6988.

Исследование науса позднеантичного времени на территории Фаробского оазиса Пенджикентского района (Таджикистан)

Ш. Ф. Курбанов¹, А. Г. Пулотов²

Аннотация. Речь в докладе идет о новом памятнике зороастрийской погребальной обрядности — наусе, случайно обнаруженном в 2023 г. на Теппаи Фароб в Северном Таджикистане. Наличие двух необычных факторов — размещение науса в толще земли и наличие черного материала на костях — позволяет предположить о существовании нового типа погребений, впервые открытого в горной части Согда. Судя по находкам из шурфа и подъемному материалу, можно предположить, что исследуемый наус относится к позднеантичному периоду. Дальнейшие исследования этого памятника должны дать дополнительные материалы к пониманию особенностей зороастрийской погребальной обрядности позднеантичного времени в согдийском регионе.

Ключевые слова: Горный Согд, Фаробский оазис, Теппаи Фароб, зороастризм, погребальный обряд, наус, оссуарии, поздняя античность

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-232-239

В начале июня 2023 года жители кишлаков Олимобод и Фароб *джамоата* (сельской общины) Фароб Пенджикентского района сообщили об обнаружении небольшой и ранее неизвестной пещеры у подножия памятника Ошхона (далее — Теппаи Фароб). По всей видимости, эта пещера образовалась в результате оползня. Так удалось найти часть сводчатого помещения под поверхностью Теппаи Фароб. Внутри помещения местные жители обнаружили ниши, в которых стояли странные сосуды с человеческими костями. Они сразу же сообщили об увиденном авторам статьи, которые передали информацию руководству Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, которое направило авторов этого сообщения в селение Фароб для подробных исследований. Выяснилось, что в результате оползня открылся зороастрийский наус, вырубленный в лессовом массиве памятника. В этом сообщении представлены предварительные результаты его исследования.

Территория Фаробского оазиса представляет собой холмистое плато высотой 1500–2100 м над уровнем моря, где расположены верховья реки Кашкадарья. Здесь ее главный приток образуется слиянием ручьев Оби Хунди и Ходжа Мансур, стекающих со склонов хребтов. Административным центром *джамоата* Фароба является одноименное селение, расстояние от которого до районного центра Пенджикента составляет 80 км, если ехать по дороге (*Эшонкулов*, 2007. Рис. 80) (**рис. 1, А**).

Памятник Теппаи Фароб находится на левобережье Верхней Кашкадарья. Его координаты: 39°14'50.29»СШ, 67°25'25.54»ВД (**рис. 1, Б**). Выявленный наус впущен в восточный склон и представляет собой однокомнатное сводчатое сооружение, высеченное в лёссовом массиве у подножия памятника. Он вытянут по линии В-З. Его длина составляет 6,2 м, а ширина 1,72–2,10 м, т. е. внутреннее пространство расширяется на 38 см к западу. Высота свода от уровня суф и пола составляет 2,10–2,15 м. Были выявлены все стены науса, девять ниш, проход и открыты часть пола и суф вдоль южной, восточной и северной стен в восточной части науса (**рис. 2, 1–4; 3, 1–2**).

¹ Шароф Файзуллаевич Курбанов — Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Душанбе, Республика Таджикистан; e-mail: kurbanov-muzey@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6451-5933.

² Абдурахмон Гиёсиддинович Пулотов — Национальный музей древностей Таджикистана, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Душанбе, Республика Таджикистан; e-mail: abdurahm.pulotov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4654-5773.

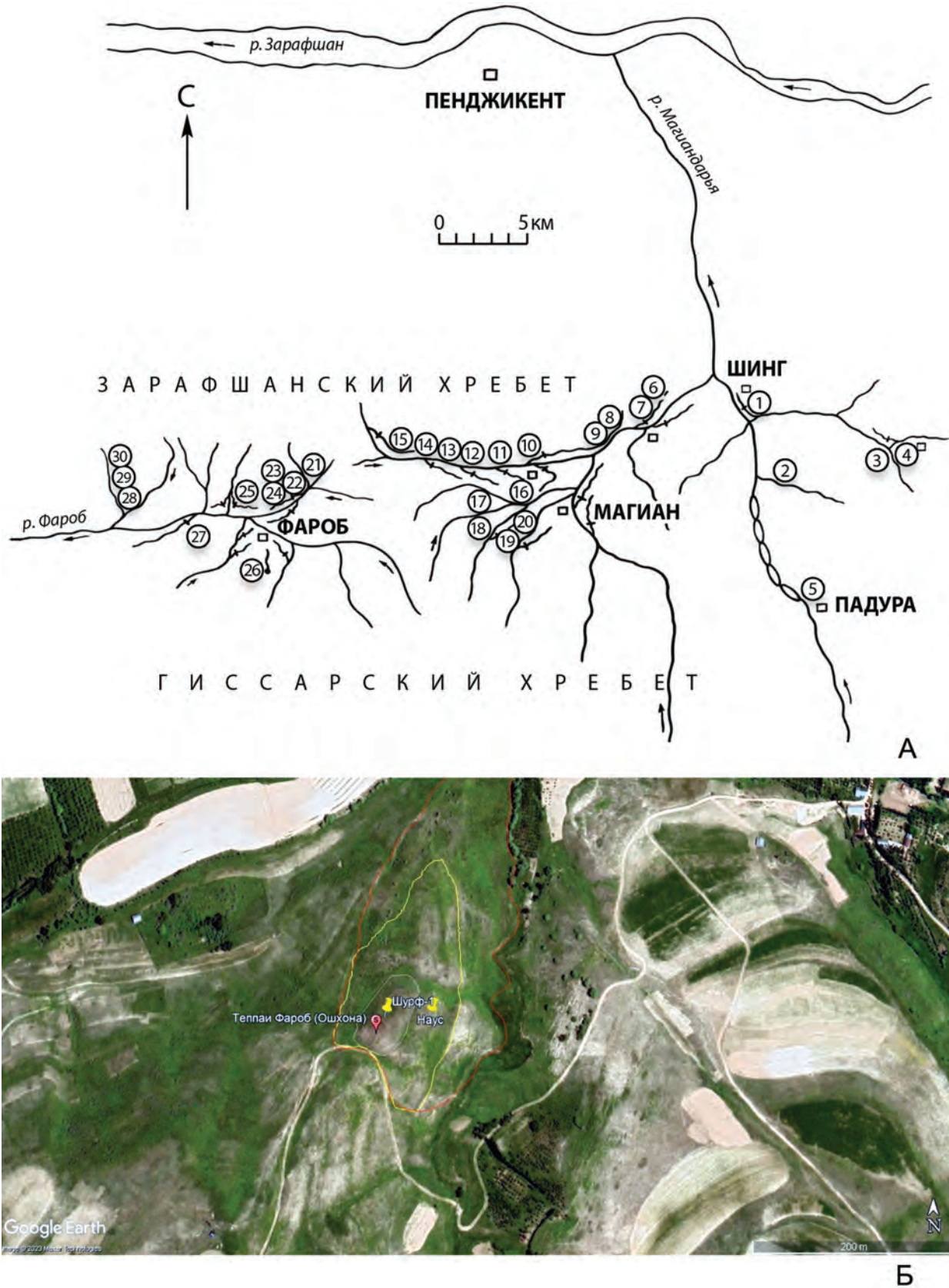

Рис. 1. А — карта памятников бассейна реки Магиандарьи (1–20) и Фаробского оазиса (21–30) (по: Эшонкулов, 2007. Рис. 80); Б — местоположение науса у подножия Теппай Фароб (снимок со спутника)

Fig. 1. А — map of sites of the Magiandarya river basin (1–20) and the Farob oasis (21–30) (after Эшонкулов, 2007. Рис. 80); Б — location of the naus at the foot of Teppai Farob (a satellite image)

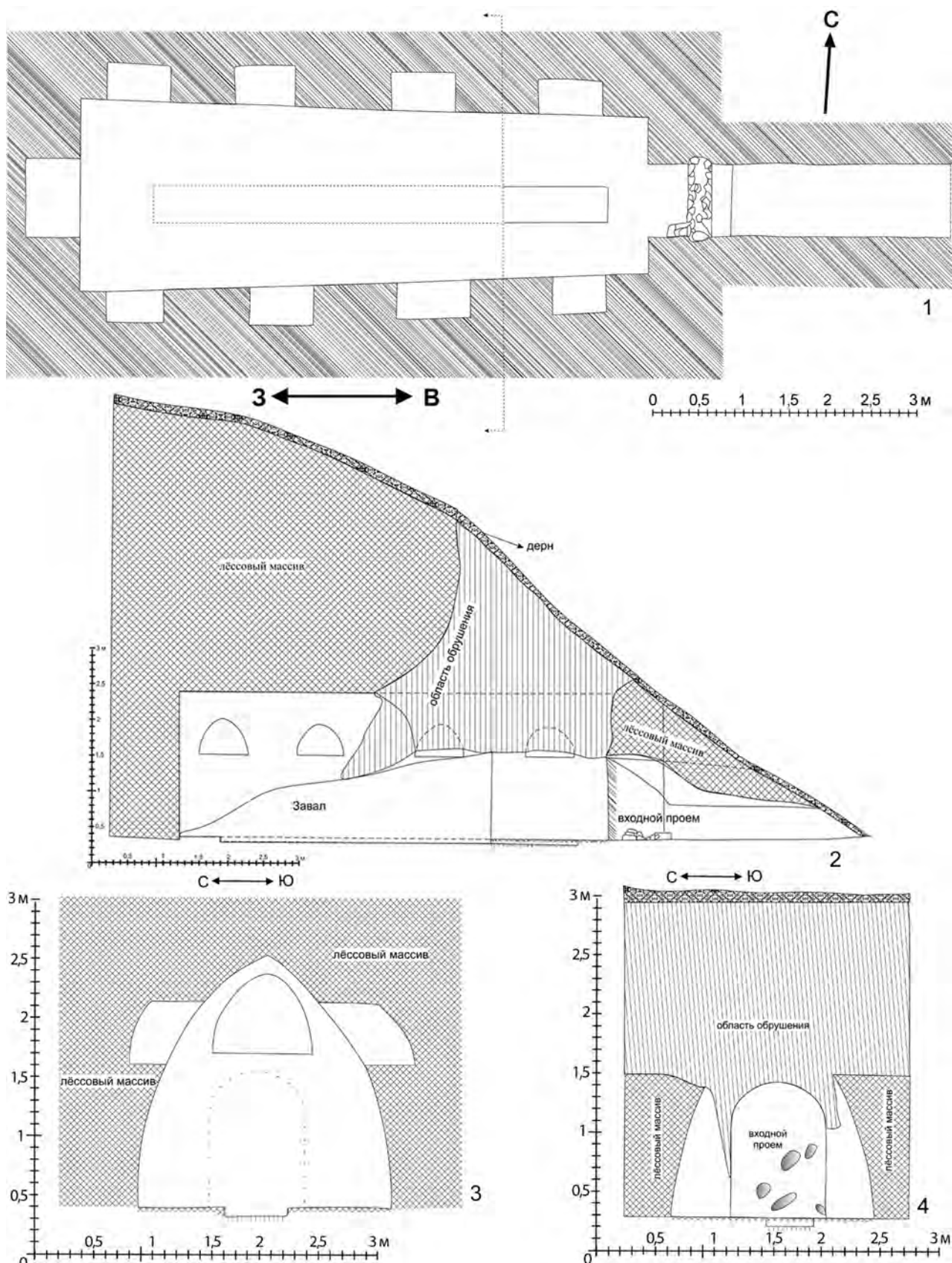

Рис. 2. 1 — план науса; 2 — разрез северной стены и входного проема (по линии 3-В);
3, 4 — разрезы западной и восточной стен соответственно

Fig. 2. 1 — plan of the naus; 2 — section of the north wall and entrance opening (along the line W-O);
3, 4 — sections of the western and eastern walls respectively

Южная стена сохранилась частично, по большей части в западной половине. Дуга свода помещения начинается у самого низа стены. В восточной половине стена сохранилась лишь на высоту 1,2 м от уровня суфы. Поверхность стены в ее сохранившейся части очень гладкая, напоминает штукатурку, что свидетельствует о мастерстве строителей этого подземного науса. В южной стене также зафиксированы 4 арочные ниши, высеченные в стене. Все ниши были сделаны на одном уровне 1,2 м от верха суфы.

Западная стена сохранилась намного лучше остальных стен науса, практически полностью (рис. 3, 1). Поверхность западной стены гладкая, видимо, отшлифована мокрыми тряпками ради избавления от следов от инструментов. На расстоянии 40 см от северной стены, 34 см от южной стены, на высоте 1,3 м от уровня пола в стене высечена единственная ниша шириной 85 см, глубиной 60 см и высотой 60 см. Она на 10–15 см выше от уровня полки ниш серверной и южной стен. В ней был зафиксирован *in situ* оссуарий с остатками человеческих костей (рис. 3, 3).

Северная стена сохранилась частично. В западной половине она сохранилась полностью, а в восточной разрушена выше 1,2 м от уровня пола. В северной стене также зафиксированы четыре вырубленные ниши. Они расположены аналогично нишам южной стены на одном уровне от пола, почти друг напротив друга. Отличия от ниш южной стены ограничиваются размерами, формы ниш идентичны. В первой с западной стороны ниши был зафиксирован *in situ* второй оссуарий с человеческими костями (рис. 3, 4).

Сохранность восточной стены намного хуже. Она сохранилась не выше 1,2 м от уровня суфы. Выше она сильно обрушена из-за обвала в восточной части науса. Тем не менее, именно в восточной стене был расчищен вход в наус, имеющий арочное перекрытие. Ширина прохода составляет 80 см, высота сохранившейся части составляет 1,2 м. Северная щека прохода выявлена в 50 см от северной стены науса, а южная щека прохода находится в 40 см от его южной стены.

Входной проем расчищен на длину 3,2 м от внутреннего фаса восточной стены науса. Внутри входного проема, в 43–45 см от внутреннего фаса восточной стены, расчищен порог из камней горной породы и глины. У южной щеки прохода, в 20 см от фаса восточной стены, хорошо читается каменная кладка из трех камней горной породы крупного и среднего размера. Видимо, эта часть кладки была частью заложеного входного проема во время эксплуатации науса (рис. 3, 2).

Входной проем был заполнен землей и камнями, среди которых найдены несколько фрагментов керамики, в том числе фрагмент керамической крышки от сосуда (рис. 4, 1). Пол науса относительно ровный, он вскрыт на длину 1,4 м. На расстоянии 80 см от северной стены, 60–63 см от южной стены и 43 см от западной стены в полу имеется углубление шириной 40 см. В этом в углублении лежали кости ног человека, а на северной и южной суфах — напротив ниш — лежало по одному черепу.

Из находок, прежде всего, интересны два оссуария. Тот, что из ниши западной стены (рис. 3, 3), имеет высоту 42–43 см. Его венчик прямоугольной формы с размерами 21,5/25,5 см × 28,5/33 см. Размер среднего сечения — 46×51 см. Донце эллипсоидной формы (25–28 см). На поверхности сосуда с четырех углов вылеплены четыре гребня, оформляющие стыки стенок, выступающие у донца примерно на 1,6 см и заровненные в области венчика.

Второй оссуарий (рис. 3, 4) находился в нише северной стены. Он аналогичен первому, однако отличается размерами и более выраженной деформацией стенок туловища. Его высота 45–46 см. Венчик также прямоугольной формы имеет размеры 24,5/28,5 см × 26,5/30,5 см. Размер среднего сечения — 41×43 см. Донце сосуда эллипсоидной формы (29–30 см). Как и в случае с первым оссуарием, на поверхности этого сосуда с четырех сторон вылеплены четыре гребня, оформляющие стыки стенок, которые выступают у донца примерно на 1,6 см, а в области венчика заровнены.

Примечательно, что оба оссуария наполнены доверху человеческими костями, завернутыми (?) в неясного происхождения черный материал. До проведения соответствующих анализов невозможно сказать, что это за материал. Подобная практика не встречена нигде в материалах из Средней Азии (Рапопорт, 1971; Байпаков и др., 2017). Наличие двух необычных факторов — размещение науса в толще земли и наличие черного материала на костях — позволяет предположить существование нового типа погребений, впервые открытого в горной части Согда. Экспертиза костных останков и их предварительное антропологическое описание сделаны Н. А. Дубовой (см. ниже, приложение).

Рис. 3. 1 — внутренний вид науса; 2 — входной проем науса; 3, 4 — оссуарии из ниши западной стены и ниши северной стены соответственно (показаны в разных ракурсах)

Fig. 3. 1 — interior view of the naus; 2 — entrance opening of the naus; 3, 4 — ossuaries from the western and northern wall niches respectively (shown from different angles)

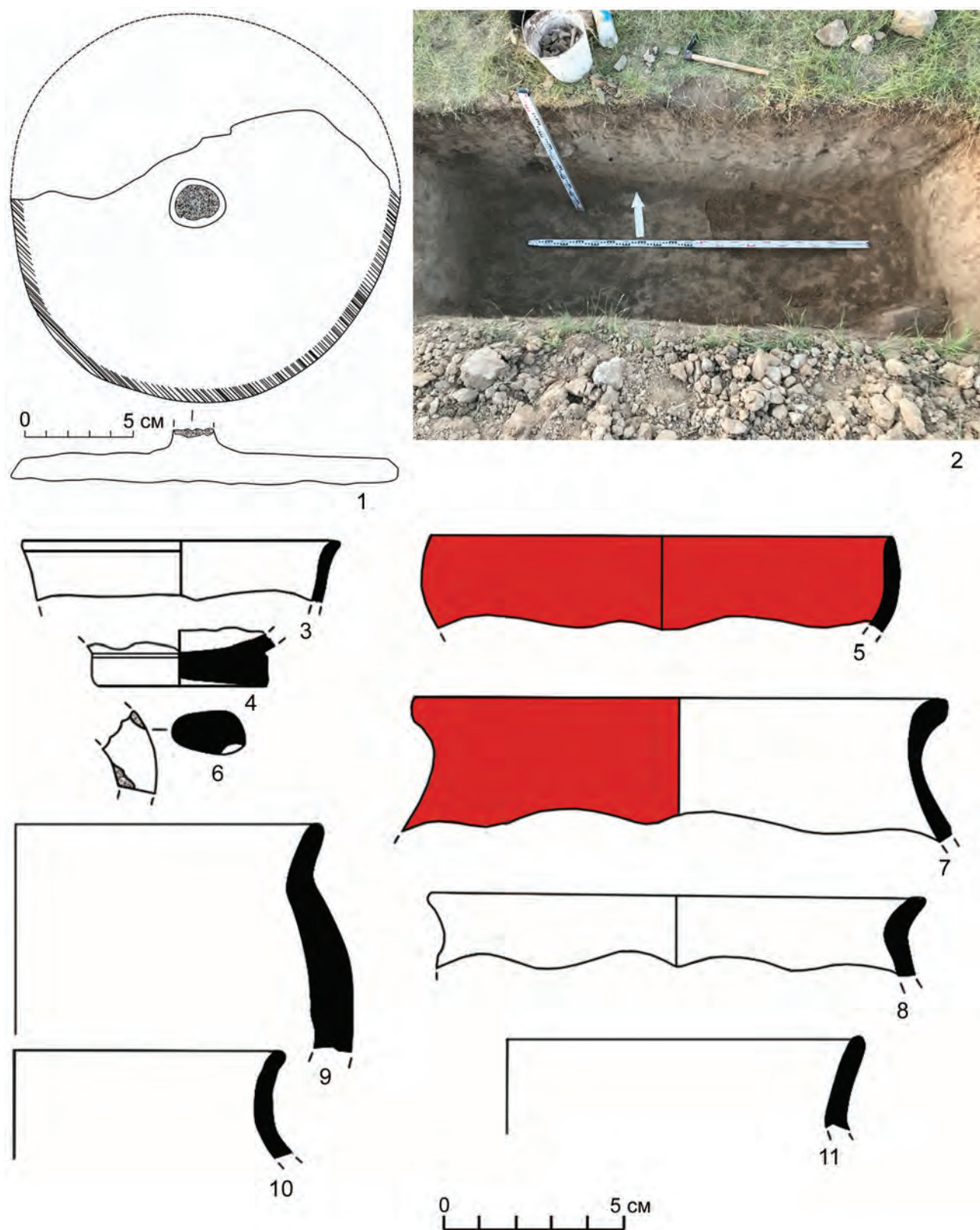

Рис. 4. 1 — крышка сосуда с пола входного проема; 2 — шурф на верхней площадке памятника;
3–11 — керамика из шурфа

Fig. 4. 1 — vessel lid from the floor of the entrance opening; 2 — dug pit on the upper platform of the monument;
3–11 — pottery from the dug pit

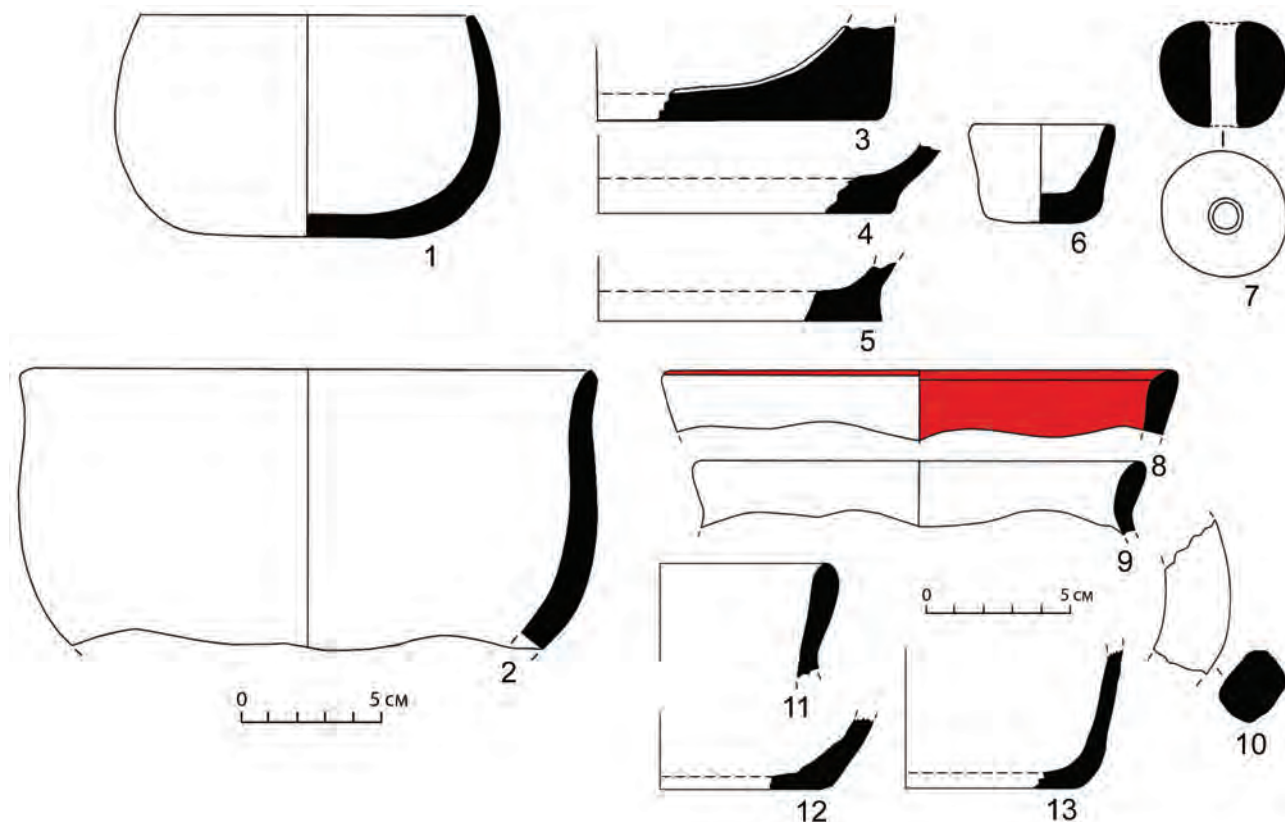

Рис. 5. 1–7 — керамика из шурфа; 8–13 — подъемная керамика

Fig. 5. 1–7 — pottery from the dug pit; 8–13 — surface pottery

На расстоянии 9–10 м на северо-северо-восток от конусовидной вершины холма Теппаи Фароб был заложен шурф размером 1×3 м (рис. 4, 2). Глубина шурфа составляет 85–90 см от дневной поверхности с толщиной дерна 10–15 см. Там был собран керамический материал позднеантичного периода, в том числе венчик кубка (рис. 4, 3), ножка от кубковидной чаши (рис. 4, 4), венчик чаши с красным ангобом (рис. 4, 5), ручка сосуда (рис. 4, 6), венчики широкогорлых сосудов (рис. 4, 7, 8) и венчики лепных котлов (рис. 4, 9–11), фрагменты черноглиняной лепной миски (рис. 5, 1–2), донца лепных котлов (рис. 5, 3–5), также миниатюрный сосудик (рис. 5, 6) и пряслице с примесью кварца (рис. 5, 7).

Собранный керамический подъемный материал состоит из чаши с вертикальным бортом и темно-красным ангобом (рис. 5, 8), венчика сосуда с широким горлом (рис. 5, 9), ручки сосуда (рис. 5, 10), венчиков и донцев лепных сосудов (рис. 5, 11–13).

Судя по находкам из шурфа и подъемному материалу, можно предположить, что исследуемый наус относится к позднеантичному периоду истории Горного Согда. Более того, данный тип науса, вырубленного в лессовом массиве, был открыт здесь впервые. Дальнейшие исследования этого памятника должны дать дополнительные материалы к пониманию особенностей зороастрийской погребальной обрядности позднеантичного времени в согдийском регионе.

Байпаков и др., 2017 — Байпаков К. М., Бердимуродов А. Э., Богомоллов Г. И. и др. Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. II: Зороастризм и верования маздеистского круга. Самарканд: МИЦАИ, 2017. 308 с.

Рапопорт, 1971 — Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма (оссуарии). М.: Наука, 1971 (ТХАЭЭ. Т. VI). 128 с.

Эшонкулов, 2007 — Эшонкулов У. История земледельческой культуры Горного Согда (с древнейших времен до начала XX века). Душанбе: Деваштич, 2007. 848 с.

The study of a naus of Late Antique Times on the territory of the Farob oasis of the Panjikent district (Tajikistan)

Sharof F. Kurbanov³, Abdurakhmon G. Pulotov⁴

Annotation. *The paper deals with a new monument of Zoroastrian burial rites — the naus accidentally discovered in 2023 at Teppai Farob in Northern Tajikistan. The presence of two unusual factors — the placement of the naus into the soil and the presence of black fabric on the bones — allows us to suggest the existence of a new type of burials, for the first time discovered in the mountainous part of Sogdiana. Judging by both the finds from the dug pit and surface material, one can assume that the naus under consideration belongs to the Late Antique Period. Further studies of this monument will have to provide us with additional data to understand the peculiarities of Zoroastrian funerary rites of Late Antique Times in the Sogdian region.*

Keywords: *Mountainous Sogdiana, Farob oasis, Teppai Farob, Zoroastrianism, funeral rites, naus, ossuaries, Late Antiquity*

³ Sharof F. Kurbanov — A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of NAST, Dushanbe, Republic of Tajikistan; e-mail: kurbanov-muzey@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6451-5933.

⁴ Abdurakhmon G. Pulotov — National Museum of Antiquities of Tajikistan, A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of NAST, Dushanbe, Republic of Tajikistan; e-mail: abdurahm.pulotov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4654-5773.

Приложение

Предварительная экспертиза человеческих костных останков с памятника Теппаи Фароб

Н. А. Дубова¹

Аннотация. В результате предварительного осмотра (без проведения специальных анализов) человеческих костных останков, найденных в Наусе 1 памятника Теппаи Фароб, возникло несколько вопросов. Первый касается причин, по которым основная часть костей была доведена до состояния мелкого крошева и порошка. Можно рассматривать два варианта: 1) останки умерших долгое время находились на открытом воздухе под воздействием факторов природы, из-за чего они потеряли большую часть коллагена; потом кости были сложены в оссуарий и под действием собственной тяжести большая их часть разрушилась до состояния крошева; 2) после выставления останков умершего на открытом месте кости специально измельчались или в самом оссуарии, или в другой емкости, а потом перекадывались в оссуарий. Второй вопрос заключается в происхождении и составе войлокообразной субстанции, покрывающей часть обнаруженных костей. Пока, без проведения специальных анализов, можно утверждать лишь, что она образовалась без какого-либо воздействия огня. Наиболее сложный вопрос — это трансформация зубчатого вещества крупных длинных костей в сетчатые структуры черного цвета.

Ключевые слова: Теппаи Фароб, наус, оссуарии, человеческие костные останки, экспертиза

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-240-242

21 июля 2023 г.

Пенджикент, Таджикистан

Два керамических оссуария с человеческими костными останками были обнаружены в ходе раскопок памятника позднеантичного времени Теппаи Фароб в Пенджикентском районе Таджикистана (см. доклад Ш. Ф. Курбанова и А. Г. Пулотова выше).

Оссуарий 1 из центральной ниши западной стены науса 1. Костные останки были упакованы в несколько полиэтиленовых пакетов, которые были уложены на толстый слой костного крошева. По размерам и массивности костей можно говорить, что останки принадлежат четырем индивидам. Первый индивид представлен мозговой частью черепа, фрагментами обеих больших берцовых костей, левой бедренной кости, фрагментами правой плечевой кости и костей предплечий, а также ребер, позвонков и зубов. Череп — мезо-брахикранный, грацильный, развитие надбровья 1 балл, сильно (за счет формы затылочного шва) выступает затылок. Надпереносье слабо выражено, верхние края орбит не острые. Лицевой скелет отсутствует. Состояние костей, швов черепной коробки, стертость зубов, развитие надбровного рельефа позволяют говорить о том, что эти останки принадлежали молодой (20–25 лет) женщине.

Второй индивид представлен только фрагментами ребер и обеих больших берцовых костей. Кости имеют значительно сильнее развитый рельеф, чем у первого индивида, они также более массивны и тяжелы. С определенной степенью вероятности можно предполагать, что они принадлежали грацильному мужчине 25–40 лет. Без наличия костей черепа более точно определить возраст невозможно.

Есть еще несколько фаланг пальцев стопы, которые могут принадлежать как первому, так и второму индивидам.

¹ Надежда Анатольевна Дубова — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

Третьему индивиду принадлежали несколько пальцевых фаланг от кисти и не приросшие эпифизы больших берцовых костей и бедра. Поскольку эпифизы длинных костей ноги не приросли, эти останки могут принадлежать подростку до 16 лет.

Четвертый индивид — ребенок 1–3 лет. Ему принадлежат фрагменты позвонков (дуги не приросли к телам), костей предплечий, два не сросшихся между собой крестцовых позвонка, ключица, а также небольшие фрагменты свода черепа.

Фрагменты всех находящихся в оссуарии больших берцовых костей и несколько костей верхних конечностей покрыты черным, похожим на войлок веществом. Такой же, но очень тонкий слой этого же вещества покрывает почти весь, кроме макушки, свод черепа.

Удивительно то, что это «войлокообразное» вещество находится внутри бедренной кости. Это вещество не является пеплом и не пачкает руки. Никаких следов воздействия огня ни на одной кости не имеется. Слой этого черного вещества на поверхности кости может быть объяснен тем, что ноги захороненных были обернуты черной кошмой или чем-то подобным. Субстанция же внутри кости (измененное губчатое вещество) имеет сетчатую структуру и черный цвет. Для определения возможности ее образования необходима консультация со специалистами — например, с судебными медиками. Было крайне желательно провести и специальный анализ этого вещества с целью определения красителя (если это именно краситель) и состава самой субстанции.

Кроме этих костей, в оссуарии находились небольшие фрагменты предположительно глиняной обмазки, часть которых включает кристаллы соли (?). Много подобных кристаллов находилось среди костного «крошева», а также внутри некоторых длинных костей. Эти кристаллы так же, как и фрагменты «обмазки», могут свидетельствовать о том, что в оссуарий попадала вода, содержащая значительное количество солей. По мере ее высыхания образовывался насыщенный раствор солей, из которых впоследствии образовались кристаллы.

Костное «крошево» представляет собой крайне измельченный, в значительной степени до порошка костный материал.

Оссуарий 2 из ниши 4 северной стены науса 1. Его содержимое упаковано в несколько полиэтиленовых пакетов с этикетками. Далее описание проводится в соответствии с этими этикетками:

Наус 1. Ниша 4 северной стены. В пакете находятся костные останки человека. Они включают альвеолярную часть верхней челюсти, подбородочную часть и левую ветвь нижней челюсти, три зуба, фрагменты верхней скуловой кости с нижним краем орбит, нижнюю половину правой плечевой кости, правое бедро без эпифизов, фрагмент головки правого бедра, средние части больших берцовых костей от двух индивидов, мелкие фрагменты нижнего эпифиза малой берцовой кости и фрагменты локтевой и лучевой костей. На бедренной кости и одной из больших берцовых (той, что имеет меньшие размеры) имеется та же войлокообразная субстанция, что и в оссуарии 1. На других костях таких следов нет.

По сильной стертости зубов, прижизненной потере первого и второго левых нижних маляров и всех верхних резцов можно полагать, что останки принадлежат человеку старше 50 лет. Кости лицевого черепа плотные, не пористые. По сумме признаков (развитию рельефа, массивности, размерам) можно заключить, что они принадлежат мужчине 40–50 лет.

Наус 1. Ниша (2) 1 северной стены. В пакете находится человеческий череп хорошей сохранности, небольших размеров, брахикранный. Надбровье развито средне (балл 2), надпереносье — балл 3, сосцевидные отростки — балл 2 (не мелкие). Кости птериона начали зарастать. Верхние края орбит острые. Нос хорошо выступает, подносовая ость — 3–4 балла. Нижний край грушевидного отверстия: *anthropina* справа и почти *sulcus preanasalis* слева. Затылочный бугор развит слабо (балл 2). Выйные линии очень хорошо выражены. Зубы стерты сильно (балл 2–3). Шов в основании черепа зарос. Имеется небольшой альвеолярный прогнатизм. По сумме характеристик можно говорить, что останки принадлежат молодому мужчине 25–35 лет европеоидного облика, без следов монголоидности.

Наус 1. Ниша 1 южной стены. В пакете находятся разные костные останки: 1) фрагмент верхнего эпифиза правого бедра с хорошо выраженными вертелами (скорее всего, принадлежал мужчине). Губчатое вещество кости представляет собой сетчатую структуру черного цвета, аналогичную той, которая была описана ранее; 2) два фрагмента шейных позвонков — небольшие, грацильные; 3) пяточная кость правой стопы; 4) фрагмент длинной кости (бедренной?), сильно поврежденный каким-то процессом (по всей видимости, постмортем): компакта утончена, порозистая.

По массивности бедра можно судить, что кости принадлежат мужчине, но с грацильной стопой, старше 30 лет. На одном из позвонков и на фрагменте еще неопределимой длинной кости имеются следы той же войлокообразной субстанции, что и в оссуарии 1.

Человеческие костные останки из оссуария 2 могут принадлежать двум индивидам: мужчине 40–50 лет и мужчине старше 30 лет.

Как и в оссуарии 1, в этом костехранилище находилось большое количество «костного крошева», т. е. костей, разрушенных до порошкообразного или чуть крупнее состояния.

Общее заключение по оссуариям 1 и 2. После изучения (без проведения специальных анализов) костных останков людей из обоих оссуариев возникают несколько вопросов. Первый касается причин, по которым основная часть костей была доведена до состояния мелкого крошева и порошка. Можно рассматривать два варианта:

1) Останки умерших долгое время находились на открытом воздухе под воздействием факторов природы, в результате чего они потеряли большую часть коллагена. Затем кости были сложены в оссуарий и под действием собственной тяжести большая их часть разрушилась до состояния крошева.

2) После выставления останков умершего на открытом месте кости специально измельчались или в самом оссуарии, или в другой емкости, а потом перекладывались в оссуарий.

Отдать предпочтении какому-либо варианту без проведения специальных экспериментов очень сложно.

Второй вопрос заключается в происхождении и составе войлокообразной субстанции, покрывающей часть костей в обоих костехранилищах. Пока, без проведения специальных анализов, можно утверждать лишь, что она образовалась без какого-либо воздействия огня. Наиболее сложный вопрос — это трансформация губчатого вещества крупных длинных костей в сетчатые структуры черного цвета.

Supplement

Preliminary expertise of the human bone remains from the Teppai Farob site

Nadezhda A. Dubova²

Annotation. *As a result of a preliminary examination (without special analyses) of human bone remains discovered in Naus 1 of the Teppai Farob site, several questions have arisen to be answered. The first one concerns the reasons why the bulk of the bones were reduced to the state of fine crumbs and powder. Two possibilities may be considered: 1) the remains of the deceased had been exposed to factors of nature in the open air for a long time, causing them to lose much of their collagen; later on, the bones were put in the ossuary and under an impact of their own weight most of them crumbled to crumbs; 2) after having displayed the remains of the deceased in the open place, their bones were specially crushed either in the ossuary itself or in another container and then transferred to the ossuary. The second question is the origin and composition of the felt-like substance covering a part of the found bones. So far, without any special analyses, one can only say that it was formed without any effect of fire. The most difficult question is the transformation of the spongy substance of large long bones into black-coloured mesh structures.*

Keywords: *Teppai Farob, naus, ossuaries, human bone remains, expertise*

² Nadezhda A. Dubova — N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russian Federation; e-mail: dubova_n@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4340-1037.

Древний и средневековый Амударья-Чарджуй: прошлое, настоящее и будущее

А. А. Бурханов¹

Аннотация. Автор, опираясь на комплекс археологических и письменных источников, прослеживает возникновение, становление и развитие города Амударья-Чарджуй-Туркменабат — одного из крупнейших исторических и культурных центров Средней Амударьи. Подробно раскрыты системные мероприятия по сохранению и восстановлению памятников города и их всестороннему изучению. На повестке дня вопрос о проведении юбилея Амударья-Чарджуй-Чарджоу-Туркменабата и включения ряда объектов его прошлого и настоящего в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Ключевые слова: Амударья, Чарджуй, Великий шелковый путь, переправа, артефакты

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-243-248

25–26 апреля 2024 г. в г. Туркменабате Лебапского ваята Туркменистана состоялась Международная научно-практическая конференция «Древняя крепость Амударья: хранительница тайн прошлого», участники и организаторы которой рассмотрели вопросы изучения, сохранения, благоустройства, возрождения и использования памятников региона Средней Амударьи и остатков крепости Амударья в туристических и просветительских целях в связи с включением городища Амударья в Список Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в рамках проекта «Великий шелковый путь: Зеравшан — Каракумский коридор».

Амударья-Чарджуй — один из центров Хорасана на трассе Великого шелкового пути — важной торгово-коммуникативной артерии древности и средневековья. Остатки городища располагаются на окраине Туркменабата — областного центра Лебапского ваята Туркменистана.

Возникновение Амударья-Чарджуй, как и других четырех древних и средневековых городов Средней Амударьи — Калифа (Келифа), Земма-Керкуха (Керки-Атамурат), Навидаха (кешк Зухра-Тахир у Бурдалыка) и Фирабра-Битыка (Фарапа), — определялось наличием удобных переправ через Окс-Джейхун-Амударью. Несмотря на сложные перипетии истории Центральной Азии, четыре из пяти названных городов (кроме Навидаха) существуют до сих пор (Бурханов, 2005. С. 35–37; 2013. С. 13–23; 2024. С. 24–28; Бурханов, Бектасов, 1994).

Правобережным форпостом переправы в районе Амударья на трассе Великого шелкового пути являлся Фирабр-Битык, остатки которого сохранились у железнодорожной станции Фарап.

Письменные источники сообщают, что из Амударья в Фирабр существовала паромно-лодочная переправа, через которую переправлялись войска и торговые караваны в сторону Бухары. В исторических источниках встречены следующие варианты названия города: Амударья, Амуйя, Амуйе, Аму, Амударья-Джайхун, Амударья-Земма, Амударья береговой, Амударья пустыни. С конца XV в. город назывался Чарджуй (Чахарджуб). Сообщения о средневековом Амударья-Чарджуйе встречаются у ал-Белазури (IX в.), ал-Истахри (X в.), ал-Макдиси (X в.), ибн-Хаукаля (X в.), Якута (XIII в.), Мухаммеда Казима (XVIII в.) и других (Материалы..., 1939).

В историко-археологическом отношении развалины Амударья изучены слабо. Упоминания о городище европейских авторов XIX — начала XX в. носят описательный характер. Археологические

¹ Альберт Ахметжанович Бурханов — Институт культуры мира (ЮНЕСКО), Комитет по работе с краеведами Исполкома Всемирного конгресса татар, Казань, Российская Федерация; e-mail: albert_burhan@list.ru; ORCID: 0000-0002-9405-5621.

исследования на городище Амуль связаны с деятельностью экспедиций Института Туркменкульта (1931 г. — А. А. Марущенко) и Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (1949 г. — А. А. Росляков; 1950 г. — Г. А. Пугаченкова; 1954 г. — Г. Е. Трапезников) (Массон, 1955. С. 202, 204, 205, 207, 250; Трапезников, 1959).

В 1990–1994 гг. раскопки проводила Среднеамударьинская экспедиция Института истории АН Туркменистана (А. А. Бурханов). Был составлен инструментальный план городища, определена зона будущего заповедника, заложены 2 раскопа и обнаружены образцы материальной культуры кушанского и средневекового периодов. По итогам исследований в Туркменабате был проведен Международный симпозиум по истории Амуля и Средней Амударьи, выявленные находки переданы в Краеведческий музей Лебапского ваялата, была издана серия статей и книг в Туркменистане и Российской Федерации (Бурханов, 2005; 2013. С. 13–23; 2024. С. 14–15, 19; Бурханов, Бектасов, 1994).

В настоящее время развалины Амуля представляет собой крепость (шахристан), стены которой образуют четырехугольник площадью 9 га (рис. 2, 3, 4). Они покоятся на многометровом пахсовом массиве, возвышаясь над местностью до 24 м (рис. 1, 1, 2; 2, 1, 2). Кроющий материал и верхние стены городища относятся к XIX в. В северо-западном углу шахристана располагается массивный арк (цитадель) высотой 33 м. Арк в форме неправильной трапеции имел по всему периметру стены и 5 башен.

До 1924 г. Старый Чарджуй был окружен глинобитной стеной с несколькими башнями по периметру и тремя воротами. Судя по остаткам древних кладбищ и отдельных участков в хлопковом поле и производственных площадок, где выявлены находки, территория города превышала 175 га. К сожалению, к настоящему времени пригородная часть города утеряна.

Результаты историко-топографических и стратиграфических исследований позволили наметить основные этапы развития древнего и средневекового Амуля.

Древнейший период относится I–IV вв. н. э. Город имел площадь 50 га с ядром в шахристане с цитаделью, а также расположенные рядом усадьбы и строения. Нижние слои городища данного периода сложены из пахсы толщиной до 1,2 см и квадратных кирпичей (38×38×9 см; 40×40×10 см; 45×45×8 см). Выделяются керамические комплексы I–II и III–IV вв. н. э. Такое хронологическое членение подтверждается находками терракотовых фигур (калып вельможи воина, женская фигура с кольцом), монет Васудевы (III в.), а также аналогиями из керамических комплексов Мерва, Термеза, Айртама, Ходжа-Идат-калы и др.

Материалы V–VIII вв. прослеживаются пока слабо. Для последующих периодов в Амуле выявлены комплексы IX–X, и XI–XIII и XIII–XIX вв.

Археологические исследования показали, что в IX–X вв. Амуль состоял из шахристана с арком внутри и внешнего города. В стенах последнего имелось трое ворот: северные, восточные и южные. Во внешней части находился рабад. Найденная богато орнаментированная керамика аналогична находкам с поселений Мавераннахра и Хорезма.

Подтверждается связь Амуля с поселениями Бухарского оазиса. Нумизматические находки клада 1992 г. на городище Гебеклы у Амуля относятся к X–XI вв. Общая площадь города в X–XI вв. составила более 175 га. Стрoения были из пахсы и жженого кирпича.

В XII–XIII вв. Амуль входит в состав Хорезмского государства, но в культурном плане тяготеет к Бухарскому оазису. Это подтверждается керамической поливной посудой, каменными казанами, терракотовыми фигурками, игрушками-свистульками в виде сосудов и лошадок, изделиями из стекла, металла, ядер для пращи. Интерес представляет бронзовый медальон с надписью и медные монеты.

После монгольского погрома город был заброшен. Судя по находкам, в XIV в. были восстановлены шахристан, внешний город и рабад. В XIV–XV вв. Амуль и приамударьинские поселения входят в состав государства Тимуридов и играют заметную военно-стратегическую и торгово-экономическую роль. Раскопки 1990–1992 гг. свидетельствуют о высокоразвитой материальной культуре: выявлены образцы керамики с сине-голубой поливкой, глазурированные изразцы, постройки из кирпича, камня и известняка, изделия из металла, стекла и камня.

В XV–XVI вв. Амуль известен под названием Чарджуй. В 1504 г. в результате похода Шейбани-хана город входит в состав государства узбеков, а позже — в Бухарский эмират. В XVIII в. город сыграл важную роль в ходе войны Бухары и Хивы против шаха Ирана Надира.

1

2

Рис. 1. Городище Амуль-Чарджуй на снимках, сделанных с вертолета в 1993 г.:
1 — вид с западной стороны; 2 — вид с северной стороны

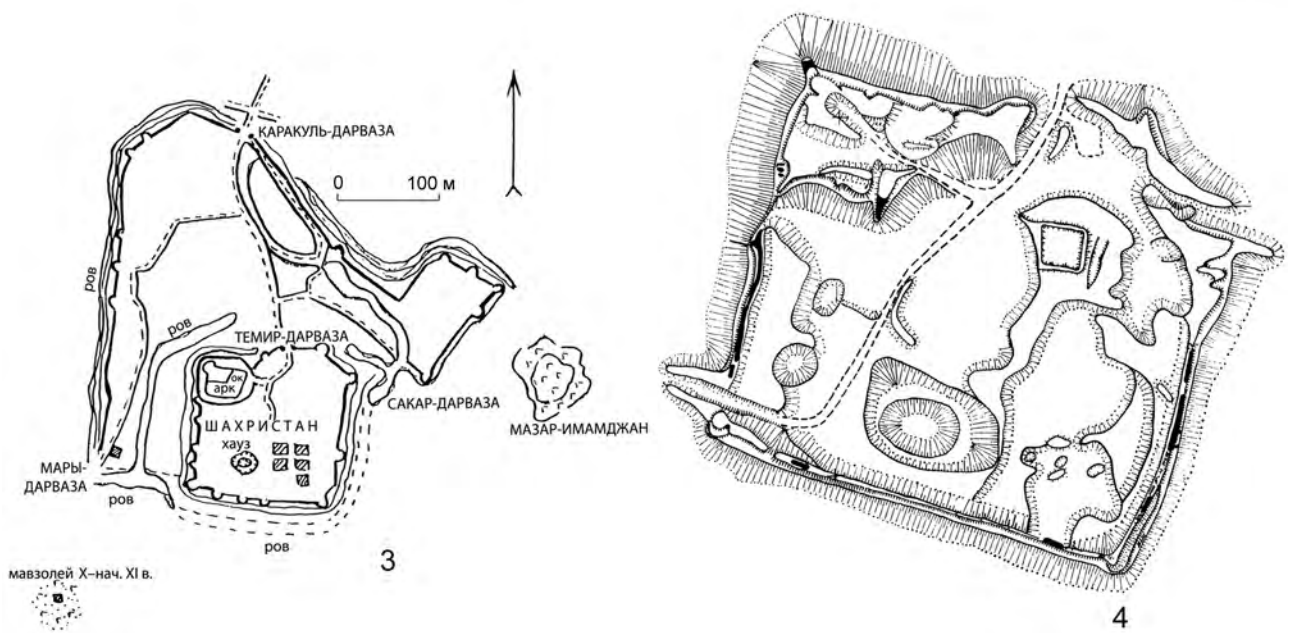
Fig. 1. Ancient city site of Amul'-Chardjui on pictures taken from a helicopter in 1993:
1 — view from the western side; 2 — view from the northern side

1

2

мавзолей X-нач. XI в.

3

4

В XIX в., в связи с укреплением Российской империи в Центральной (Средней) Азии, город теряет свое значение. Формируясь на протяжении веков по своим внутренним законам, старое поселение отживало свое, а новое зарождалось в связи со строительством Закаспийской железной дороги: недалеко возник новый Чарджоу — ныне центр Лебапского вейлата г. Туркменабат.

В последние годы Амуль переживает новое возрождение. Благодаря руководству независимого и нейтрального Туркменистана, профессиональной деятельности представительства ЮНЕСКО в Туркменистане, Министерства культуры и ученых и специалистов Академии наук Туркменистана, активности научно-педагогической и региональной общественности страны успешно сделаны первые шаги по восстановлению Амуля и памятников Лебапского региона (в частности, Земма и Даяхатына), как это произошло в свое время в Мерве, Нисе, Куны-Ургенче, Дехистане, Серахсе...

В 2010 г. на Лебапской земле прошла Международная конференция «Наследие Восточного Туркменистана в системе средневековых культур». В мае 2012 г. при поддержке ЮНЕСКО и Правительства Туркменистана была проведена Международная экспедиция по объектам Юго-Восточного Туркменистана и научная конференция по изучению природных и историко-культурных объектов Койтендага.

По решению Кабинета Министров Туркменистана с 2018 г. на городище Амуля начаты раскопки под руководством Н. С. Бяшимовой, проводятся научно-практические мероприятия по изучению, сохранению и возрождению Амуля, Земма, Даяхатына и других памятников Средней Амударьи. Пополнился новыми экспонатами Краеведческий музей Лебапского вейлата.

По решению Правительства Туркменистана 25–26 апреля 2024 г. Академия наук Туркменистана, Национальная комиссия Туркменистана по делам ЮНЕСКО и Хякимлик Лебапского вейлата провели Международную научную конференцию «Древняя крепость Амуль, хранящая тайны прошлого». Ведется работа по включению крепости Амуля в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО в рамках проекта «Великий шелковый путь: Зеравшан-Каракумский коридор».

Уже сегодня городище Амуль и его окрестности, а также памятники Лебапского региона требуют к себе особого внимания со стороны государственных структур, ученых и специалистов, широкой общественности и международных организаций. Наступило время признания их объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Уникальная экологическая среда, своеобразная флора и фауна побережья Амударьи, его красивые природные ландшафты и остатки памятников древности и средневековья Лебапского вейлата являются важнейшей базой и главной предпосылкой для превращения в ближайшие годы этого региона в один из международных центров туризма не только в Туркменистане и Центральной Азии, но и во всей Евразии.

В связи с этим, с учетом международных и внутренних реалий важно принятие Государственной комплексной программы по изучению, сохранению и использованию объектов природы и истории Лебапской историко-культурной зоны (от Бирата до Койтендага), крепости Амуля и в целом бассейна Амударьи.

Эта программа должна решать основные социально-экономические и культурные задачи развития Лебапского региона и повышения благосостояния его населения. Вся программа должна состоять из трех частей: изучение, сохранение и использование природного и историко-культурного наследия. Уже в ближайшее время начнутся крупномасштабные археологические исследования на территории Амуля с привлечением зарубежных ученых и специалистов Туркменистана.

Рис. 2. Городище Амуль-Чарджуй: 1, 2 — виды на цитадель с запада (с ее внешней стороны) и с северо-востока (изнутри городища) соответственно на фотографиях, сделанных в 2004 г.; 3, 4 — планы всего городища: по Г. Е. Трапезникову (1954 г.) и инструментальный, снятый А. А. Бурхановым и А. Курбановым в 1990 г., соответственно (последний не в масштабе)

Fig. 2. Ancient city site of Amul'-Chardjui: 1, 2 — views of the citadel from the west (from its outside) and from the north-east (from the site inside) respectively on photos taken in 2004; 3, 4 — plans of the whole site: that according to G. E. Trapeznikov (1954) and that carried out instrumentally by Al'bert A. Burkhanov and A. Kurbanov in 1990 respectively (the latter is not to scale)

Выполнение комплекса работ позволит решить вопросы о проведении юбилея Амуля-Чарджуя-Чарджоу-Туркменабата и включения ряда объектов его прошлого и настоящего в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

- Бурханов*, 2005 — *Бурханов А. А.* Древний Лебап. Ч. I. Археологические памятники области Амуля. Казань: Gumanitarya, 2005. 196 с.
- Бурханов*, 2013 — *Бурханов А. А.* Древний и средневековый Амуль на маршруте Великого шелкового пути // *Miras*. 2013. № 4. С. 13–23.
- Бурханов*, 2024 — *Бурханов А. А.* Область Амуля на торгово-караванных путях «Великого шелкового пути». Очерки древней и средневековой истории Восточного Туркменистана. Казань; Туркменабат: Отечество, 2024 (Серия «Восток-Запад»: Диалог культур и цивилизаций Евразии. Вып. 24). 340 с.
- Бурханов, Бектасов*, 1994 — *Бурханов А. А., Бектасов М. Ж.* Амуль-Чарджуй: 2000 лет истории. Чарджев: б. и., 1994. 46 с.
- Материалы...*, 1939 — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939 (ТИБ. XXIX). 612 с.
- Массон*, 1955 — *Массон М. Е.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948–1952 гг // ТЮТАКЭ. 1955. Т. V. С. 197–253.
- Трапезников*, 1959 — *Трапезников Г. Е.* Материалы с древнего городища Чарджоу (Амуля). (Из работ Южно-Туркменской археологической экспедиции) // *СА*. 1959. № 1. С. 268–273.

Ancient and medieval Amul'-Chardjui: past, present and future

Al'bert A. Burkhanov²

Annotation. *The author, basing on a complex of archaeological and written sources traces the emergence, formation and development of the city of Amul'-Chardjui-Turkmenabat — one of the most important historical and cultural centers of the Middle Amu Darya. Systematic measures for the preservation and restoration of the city's monuments and their comprehensive study are revealed in detail. On the agenda is the jubilee of Amul'-Chardjui-Turkmenabat and the inclusion of a number of its past and present sites in the UNESCO World Heritage List.*

Keywords: *Amul', Chardjui, Silk Road, ferry, artifacts*

² Al'bert A. Burkhanov — Institute for the Culture of Peace (UNESCO), Committee for Work with Local Historians of the Executive Committee of the World Congress of the Tatars, Kazan, Russian Federation; e-mail: albert_burhan@list.ru; ORCID: 0000-0002-9405-5621.

«Все отправляются в Персию»: сасанидская политика и религиозный ландшафт в позднеантичной Центральной Азии

М. Ю. Суханов¹

Аннотация. Раннесасанидская экспансия способствовала распространению маздейской ортодоксии в Тохаристане, где ранее доминировали буддизм и местные иранские религии. Обнаруживаются свидетельства сохранения маздейских общин в не- и постсасанидской Центральной Азии, несмотря на то, что Согд никогда не входил в орбиту империи, а Тохаристан выпал из нее к концу IV в. Распространение маздейской ортодоксии могло осуществляться как под покровительством имперской власти, так и требовать более сложных «прозелитических» практик. Взаимодействие с местными элитами, однако, могло не иметь постоянной религиозной подоплеки.

Ключевые слова: Сасаниды, Тохаристан, Согд, иранские религии, буддизм

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-249-250

В последние полтора десятилетия ряд исследователей сконцентрировали взгляд на религиозной неоднородности «иранского мира» и различиях между теми или иными иранскими религиями до- и раннеисламского периода, которые, как справедливо отмечается, не следует сводить к «зороастризму», а соотношения между ними «правильнее описывать не как “отцовские“, а как “братские“, как вариации (разнообразные даже в Западном Иране) в рамках обширной общеиранской религиозной традиции» (*Shenkar*, 2014. Р. 8). Как хорошо известно из изучения памятников археологии и иконографии, а также — в меньшей степени — данных письменных источников, ритуальная практика и, вероятно, религиозная доктрина ираноязычного населения Центральной Азии и некоторых регионов Ирана существенно отличалась от тех, что принято понимать под ортодоксальным, прежде всего сасанидским, «зороастризмом».

Вместе с этим известно об унифицирующих устремлениях зарождавшейся в начале — середине III в. маздейской церкви, выраженных в словах магупата Кирдера о «приведении в порядок тех магов и огней, которые были в землях и за пределами Ирана». Несмотря на то, что практически отсутствуют источники, которые раскрыли бы детали этой политики, по-видимому, на западных рубежах империи унификация культа и религиозной организации, которую пыталось проводить маздейское духовенство по мере расширения раннесасанидской политики, не имела ощутимых и долгосрочных последствий, и к концу IV в. в восточных провинциях Рима, прежде всего Каппадокии, были известны лишь «магусейские» общины, доктринально далекие от ортодоксии сасанидской Церкви и, как следует из повествования «Вселенского учителя», не имевшие религиозного общения с последней. На северо-востоке державы, однако, такой религиозный эффект — явное следствие сасанидской экспансии, — был куда более заметен и нашел свое выражение в появлении групп местного или смешанного населения, в той или иной степени придерживающегося маздейской ортодоксии и (даже после выпадения из орбиты империи) признававшего авторитет иранских «наставников» в религиозных вопросах. Об этом могут свидетельствовать некоторые археологические данные (*Grenet*, 2012. Р. 163), но совершенно точно сообщают китайские и постсасанидские источники — и первые, и вторые, несмотря на их преимущественно позднюю датировку (VII–IX вв.), фиксируют реалии, корни которых, по мнению автора доклада, уходят в раннесасанидское время (III–IV вв.).

¹ Максим Юрьевич Суханов — Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация; e-mail: maximsukhanov2021@gmail.com; ORCID: 0009-0003-3495-3133.

При этом, однако, следует обратить внимание на практически уникальный случай распространения маздейской ортодоксии за рубежи сасанидской державы — в Согд, а затем и в торговые города Таримского бассейна, куда «люди и кони царя царей» никогда не добирались (вопреки заявлениям династии) и где насильственные, вертикальные способы взаимодействия с адептами других иранских религий были маловероятны.

Поскольку в раннесасанидское время фиксируется разрушение буддийских святынь (как минимум в северном Тохаристане) и установление на их месте «зороастрийских» алтарей, видится возможным выделение разных по характеру периодов сасанидской оккупации. Наконец, несмотря на то, что не было высказано убедительных аргументов против четкой дифференциации институтов раннесасанидской власти и маздейской Церкви, кажется, между унифицирующими устремлениями высшего духовенства и политической стратегией династии со временем образовывалась все большая пропасть, которую иллюстрируют и поздние примеры из других регионов империи. Важное место в контролируемой Сасанидами части посткушанского региона вплоть до эпохи ислама занимали многочисленные буддийские сообщества и лояльные им аристократии, с которыми, очевидно, династия и ее младшая (т. н. кушано-сасанидская) ветвь поддерживали более сложные отношения, мотивированные, как и в случае с парфянскими кланами, конкретно-политическими обстоятельствами.

Таким образом, ни все еще расхожее сведение восточноиранских культов к общему знаменателю, коим обычно служит «зороастризм», ни строгая этно-территориальная дифференциация религиозных доктрин и практик не являются адекватными подходами к описанию религиозного ландшафта региона до- и раннеисламской эпохи, который представлял собой весьма «пеструю мозаику культов» (Riboud, 2005. P. 73). Несомненное влияние на трансформацию этой среды, как считает автор доклада, оказала сасанидская экспансия III–IV вв. — процесс, в ходе которого традиционное сосуществование и (все еще ускользающее в своем характере) взаимодействие между буддийским сообществом и аутентичными иранскими культурами были обогащены вторжением формировавшейся маздейской ортодоксии, чьи формы взаимодействия разнились от прямого насилия до пока неясного по своей природе «прозелитизма».

Grenet, 2012 — Grenet F., with S. Azarnouche (Appendix 2). Where are the Sogdian Magi? // BAI. NS. 2012. Vol. 21 (2007). P. 159–177.

Riboud, 2005 — Riboud Ph. Réflexions sur les pratiques religieuses désignées sous le nom de xian 祆 // Les Sogdiens en Chine / Sous la dir. de É. de la Vaissière et É. Trombert. Paris: École Française d'Extrême-Orient, 2005. P. 73–91.

Shenkar, 2014 — Shenkar M. Intangible Spirits and Graven Images: The Iconography of Deities in the Pre-Islamic Iranian World. Leiden; Boston: Brill, 2014 (Magical and Religious Literature of Late Antiquity. Vol. 4). XXII, 392 p.

«Everyone leaves for Persia»: Sasanian politics and the religious landscape in late antique Central Asia

Maksim Yu. Sukhanov²

Annotation. *The early Sasanian expansion contributed to the spread of Mazdean orthodoxy in Tokharistan, which had previously been dominated by Buddhism and local Iranian religions. There is evidence of the preservation of Mazdean communities in non- and post-Sasanian Central Asia, despite the fact that Sogdiana never entered the orbit of the Empire, and Tokharistan fell out of it by the end of the 4th century. The spread of Mazdean orthodoxy could be carried out both under the auspices of the imperial power and require more complex «proselytizing» practices. Interaction with local elites, however, might not have a permanent religious background.*

Keywords: *Sasanians, Tokharistan, Sogdiana, Buddhism, Iranian religions*

² Maksim Yu. Sukhanov — Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; e-mail: maximsukhanov2021@gmail.com; ORCID: 0009-0003-3495-3133.

Археологическое путешествие Н. П. Кондакова 1874 г.¹

Ю. А. Виноградов²

Аннотация. В 1874 г. Н. П. Кондаков совершил поездку по югу России. Свои впечатления от осмотра археологических памятников Боспора он изложил в двух газетных публикациях. Во второй исследователь рассказал о мраморных статуях, найденных в Анапе в 1871 г. Одна из них изображала задрапированную женскую фигуру, другая представляла мужчину-воина. Еще одна мраморная статуя воина (вероятно, римского гражданина) была найдена в Керчи в 1879 г. Можно считать, что такие статуи были установлены в связи с участием римских войск в Боспорской войне 45–49 гг.

Ключевые слова: Н. П. Кондаков, история науки, Боспорское царство, мраморные статуи

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-251-255

В 2024 г. наша научная общественность отмечает 180-летие со дня рождения Никодима Павловича Кондакова. Хорошо известно, что в его становлении как выдающегося исследователя византийских и русских древностей огромную роль сыграли заграничные путешествия, знакомство с археологическими памятниками Европы, изучение многочисленных музейных собраний. При этом почти не вспоминается, что в 1874 г. он совершил поездку с археологическими целями в Ольвию, Херсонес, Керчь и Тамань, а затем через Сухуми и Поты — в Кутаиси и Тифлис. Поездка имела место до приглашения Н. П. Кондакова в Императорскую археологическую комиссию, что произошло через два года (Виноградов, 2024). Тем не менее, об этой поездке исследователь не преминул упомянуть в краткой автобиографии (Кондаков, 1915. С. 339), т. е. она для него имела немалое значение.

Впечатления от знакомства с археологическими памятниками Н. П. Кондаков изложил в виде двух писем к профессору К. К. Гёрцу, опубликованных в газете «Московские ведомости». В первом из них автор рассказал о посещении Керчи (Кондаков, 1874а). Кратко описав основные типы тамошних древних гробниц, он выразил восторг по поводу двух расписных «катакомб», открытых в 1872 г. (Стасовская) и 1873 г. (двойной склеп). Н. П. Кондаков посчитал, что сцены битв, изображенные на стенах гробниц, имеют историческое значение. Исследователь даже сопоставил их с рельефами колонны Траяна.

Ученый был потрясен размахом спекуляции боспорскими древностями, отметив при этом, что хорошие вещи, добытые незаконным путем, увозятся за границу. Состояние Керченского музея древностей, ютившегося в съемном помещении, произвело на него тяжелое впечатление. Старое здание музея, построенное в виде храма на горе Митридат и пострадавшее во время Крымской войны, было оставлено без ремонта. Н. П. Кондаков с полным основанием отметил по этому поводу: «Музей не должен странствовать и отыскивать себе квартиры» (Там же. С. 4), но средств на строительство нового здания попросту не было. Экспозиция, размещенная в одном большом зале, состояла, по его словам, из «жалких образчиков» тех богатств, которые были добыты археологами. Чтобы увидеть настоящие богатства Боспора, необходимо было ехать в Петербург. Для исправления

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Юрий Алексеевич Виноградов — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail vincat2008@yandex.ru; ORCID 0000-0002-4447-5679.

такого положения Н. П. Кондаков считал необходимым оставлять в Керчи дубликаты всех ценных находок, что, по его словам, уже стало делаться в последнее время³.

Второе письмо ученого посвящено описанию Тамани и Кавказского побережья, куда он прибыл вместе с профессором Ф. К. Бруном (*Кондаков*, 1874б). В самом начале своего повествования Н. П. Кондаков отметил, что «местечко Тамань — один из наиболее неудавшихся городов на Русской земле», т. е. здесь он по существу вольно или невольно следовал известной сентенции М. Ю. Лермонтова. Занесенная песками, Тамань имела вид жалкого поселка, в котором стояла единственная церковь, окруженная высокой оградой. В этой церкви хранились архитектурные детали, надгробные стелы и древние надписи.

Путешественники с большим вниманием осмотрели городище у станции Сенной, правильно отождествив его с Фанагорией. По заключению Н. П. Кондакова, подобных руин на Тамани больше не было. Особенно сильное впечатление на него произвели курганы, «которые в одной местности идут целую аллеей или улицей». К сожалению, почти все они были разграблены в былые времена. По этой причине исследователь признал, что надо раскапывать не только большие курганы, но и маленькие, и даже «народные кладбища», т. е. грунтовые некрополи, поскольку «они ценны и своею близостью к богатому и изящному миру курганов, и классическим содержанием, и формой».

Затем путешественники перебрались в Анапу. Имеющийся там археологический материал, по их заключению, был «не столь определен». Они признали, что в древности на этом месте существовал Синдик, порт народа синдов. По заключению Ф. К. Бруна, позднее это поселение стало называться Горгиппией.

В окрестностях Анапы Н. П. Кондаков обратил внимание на большое количество курганов, в том числе на группу «Три сестры». Однако особое его внимание привлекло место, где в 1871 г. анапский мещанин Дмитриенко, добывая камень, обнаружил две мраморные статуи. Затем эти скульптуры были перевезены в Новороссийск и находились в саду начальника Черноморского округа генерала Д. В. Пиленко. Современные исследователи по каким-то причинам на эти находки не обращают внимания, а Н. П. Кондаков посетил Новороссийск, осмотрел статуи и сделал довольно подробное их описание. Статуи, как представляется, имеют немалый научный интерес.

Эти мраморные статуи составляли пару, изображающую мужчину и женщину. По мнению исследователя, они были изготовлены одним мастером в одно и то же время. «Статуи эти произведение классического искусства на почве древней Скифии или Сарматии», но искусства вырождающегося, характерного для II в. до н. э. — II–III вв. н. э. Н. П. Кондаков полагал, что статуи, скорее всего, были изготовлены во II–I вв. до н. э.

Женская скульптура сохранилась вместе с пьедесталом, ее высота составляла 1,20 м. Она относится к характерному для античного искусства типу спокойно стоящих задрапированных фигур. Правой рукой женщина отводит покрывало от лица. По поводу отделки статуи Н. П. Кондаков отметил: «Все вообще носит характер подражательности, копировки; складки гиматиона слишком мелки».

Мужская скульптура сохранилась до колен, ее высота — чуть больше 0,75 м. По мнению ученого, по сравнению с женской она исполнена «как будто еще слабее и хуже». Несмотря на такое определение, именно она, на мой взгляд, представляет наибольший интерес. Н. П. Кондаков описал ее следующим образом: «Сверх рукавного, по-видимому, хитона, означенного впрочем слишком слабо, накинут римский военный плащ *paenula*, застегнутый фибулою на правом плече. Правая рука опущена вдоль правого бока и у локтя отломана; под нею обозначен меч, маленький до нельзя и более походящий на игрушечный. В левой руке, также сильно пострадавшей и согнутой, фигура держит большой уже меч; на эту руку наброшена пола плаща, отороченная как бы бахромой, или представленная в виде шкуры с мехом, видимым внизу. Задняя сторона статуи спилена ровно, притом имеет широкую выдолбленную полосу, очевидно, для прикрепления к столбу». Автор добавил к этому: «Подражательность в манере изображения неприятно кидается в глаза: складки плаща слишком плоско повторяют схему, они так неуклюже правильны в своей форме треугольника...»

³ Стоит отметить, что необходимость этого правила неоднократно декларировалась ранее, но на практике им обычно пренебрегали (*Виноградов*, 2022. С. 226–230).

Н. П. Кондаков предположил, что статуя является портретной. Но кого она могла изображать? По мысли исследователя, это мог быть римский правитель на берегах Понта или туземец в римском военном плаще. В отношении первого предположения ему показалось странным наличие двух мечей, и, по всей видимости, вторая точка зрения для него была предпочтительней. Однако римские воины носили короткий кинжал (*puġio*) на поясе слева, а меч (*gladius*) справа (Д'Амато, 2012. С. 103), так что варварская принадлежность изображенного мужчины не является бесспорной. Наличие плаща тоже можно связывать с римской традицией, хотя его определение как *пенула* вызывает

Рис. 1. Обломок мраморной статуи, найденный в Керчи в 1879 г. (НА ИИМК РАН. Р. 1, д. 568, л. 20)

Fig. 1. Fragment of a marble statue found in Kerch in 1879 (Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of RAS. M. 1, f. 568, sh. 20)

сомнение — такие плащи сейчас сравнивают с пончо (кусок ткани с отверстием для головы). Наличие на нем меховой оторочки вызывает очень много вопросов, но на изображениях воинов Рима столь любопытная деталь, на мой взгляд, отсутствует. Возможно, она является проявлением местных традиций воинского костюма.

В высшей степени любопытно, что эта деталь (меховая оторочка плаща) присутствует на обломке мраморной статуи, обнаруженной на Керченском кладбище 16 апреля 1879 г. (Виноградов, 2017. С. 159, 264, табл. 122). Ее рисунок был исполнен Ф. И. Гроссом (рис. 1), но почему-то не привлек внимания исследователей. Сохранился торс мужчины (высота — около 0,50 м), голова и нижняя часть тулова утрачены. Имеются основания считать, что статуя была портретной и изображала мужчину, не отличавшегося стройностью фигуры. Его руки сложены на груди, на обеих имеются браслеты, что выглядит довольно странно. Через левую руку перекинут плащ, что можно видеть на римских рельефах (Д'Амато, 2012. С. 104–105, илл. 72, рис. IV), но в данном случае он имеет меховую оторочку.левой рукой мужчина прижимает к груди какой-то узкий и, по всей видимости, довольно длинный предмет. Вряд ли его можно считать мечом, для этого он слишком узок. Тогда приходится полагать, что здесь изображен некий жезл — символ власти. Можно даже высказать догадку, что этот предмет является чем-то вроде посоха из виноградной лозы (*vitis*), который полагалось носить центурионам (Там же. С. 46–47, рис. II, а; С. 104–105, илл. 72, рис. IV).

При таком понимании и браслеты на руках мужчины выглядят не странной причудой, а вполне уместными предметами. Дело в том, что в римской армии, как известно, была разработана целая система боевых наград: фалеры, венки, ожерелья и т. д. (Колобов, 1998; Д'Амато, 2012. С. 215–222). Одним из типов наград были браслеты (*armillae*), которые, как правило, были плоскими, широкими и лишены украшений. Не исключено, что на каждой руке скульптуры из Керчи имеется по два браслета, т. е. изображенный на ней мужчина был неоднократно отмечен за храбрость в бою. Еще более любопытно, что браслетами полагалось награждать только римских граждан (Д'Амато, 2012. С. 216), т. е. надо полагать, что скульптура изображает римского гражданина, оказавшегося на Боспоре.

Конечно, сопоставление анапской статуи, о которой мы имеем только краткое описание, с керченской находкой, ставшей известной только по рисунку, весьма рискованно. Тем не менее, можно высказать догадку, что появление этих скульптур на Боспоре было связано с событиями войны 45–49 гг. (Гайдукевич, 1949. С. 326–328; Виноградов, Горончаровский, 2009. С. 269–271), точнее с участием в ней римских войск.

Виноградов, 2017 — Виноградов Ю. А. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). Симферополь; Керчь: Соло-Рич, 2017 (БИ. Supplement. 17). 310 с.

Виноградов, 2022 — Виноградов Ю. А. Керченский музей и Императорский Эрмитаж // БИ. 2022. Вып. 45. С. 221–243.

Виноградов, 2024 — Виноградов Ю. А. Н. П. Кондаков и Императорская археологическая комиссия // Сохраняя российское и мировое культурное наследие: 165 лет Императорской археологической комиссии / Отв. ред. С. А. Васильев. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 15–25.

Виноградов, Горончаровский, 2009 — Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — III в. н. э.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 350 с.

Гайдукевич, 1949 — Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 (Итоги и проблемы современной науки). 622 с.

Д'Амато, 2012 — Д'Амато Р. Воин Рима: эволюция вооружения и доспехов, 112 год до н. э. — 192 год н. э. М.: Эксмо, 2012. 343 с.

Колобов, 1998 — Колобов А. В. Боевые награды римских легионеров эпохи принципата // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 1998. Вып. 2. С. 27–33.

Кондаков, 1874а — Кондаков Н. П. Из Керчи (письмо к профессору К. К. Гёрцу) // МВ. 1874. № 202. С. 3–4.

- Кондаков*, 1874б — *Кондаков Н. П.* С Кавказского побережья. Письмо к профессору К. К. Гёрцу // МВ. 1874. № 208. С. 5.
- Кондаков*, 1915 — *Кондаков Никодим Павлович* // Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Ч. I. Пг.: Типография Императорской Академии Наук, 1915. С. 338–340.

Nikodim P. Kondakov's archaeological journey in 1874

Yurii A. Vinogradov⁴

Annotation. *In 1874, Nikodim P. Kondakov made a trip to the south of Russia. He outlined his impressions from examining the archaeological monuments of the Bosphorus in two newspaper publications. In the second, the researcher talked about marble statues found in Anapa in 1871. One of them was a draped female figure, the other — a male warrior. Another marble statue of a warrior (probably a Roman citizen) was discovered in Kerch in 1879. It may be assumed such statues to have been erected in connection with the participation of Roman troops in the Bosporan War of 45–49 AD.*

Keywords: *Nikodim P. Kondakov, history of science, Bosporan kingdom, marble statues*

⁴ Yurii A. Vinogradov — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail vincat2008@yandex.ru; ORCID 0000-0002-4447-5679.

Раздел 5

КОЧЕВОЙ МИР ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Археологические исследования международной экспедиции Алтайского университета и Торайгыров университета в Восточном Казахстане 2013–2023 гг.¹

С. П. Грушин², И. В. Мерц³, В. К. Мерц⁴, А. В. Фрибус⁵

Аннотация. В докладе рассматриваются краткие итоги работы Международной археологической экспедиции Алтайского государственного университета и Торайгыров университета в Восточном Казахстане в 2013–2023 гг. Исследования проходили в Семейско-Кривинском и Шидертинском микрорайонах, в горном массиве Калмаккырган и на медном месторождении Коктас. В результате был получен археологический материал по различным периодам истории от неолита до средневековья. Исследовались курганные могильники бронзового века, стоянки и поселения неолитических охотников и средневековых скотоводов, культовые объекты.

Ключевые слова: археологические исследования, Восточный Казахстан, курганы, поселения

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-256-259

Сохранение единого научного и образовательного ландшафта в странах Центральной Азии является неперенным условием эффективного регионального развития. Особенно это актуально для приграничных территорий, которые в древности являлись одним историко-культурным пространством. Изучение этих территорий в современных условиях невозможно без сотрудничества ученых разных стран. Примером эффективного взаимодействия подобного рода можно считать совместные археологические исследования, проводимые учеными Алтайского государственного университета и Торайгыров (Павлодарский) университета на территории Северо-Восточного Казахстана на протяжении последних десяти лет (**рис. 1**).

¹ Работа подготовлена в рамках госзадания «Тюркский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности» (реестровый номер 748715Ф.99.1.ББ97АА00002) — исполнители: С. П. Грушин, И. В. Мерц и В. К. Мерц, а также в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014) — исполнитель: А. В. Фрибус.

² Сергей Петрович Грушин — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: gsp142@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5404-6632.

³ Илья Викторович Мерц — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; Торайгыров университет, Павлодар, Республика Казахстан; e-mail: barnaulkz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9066-9629.

⁴ Виктор Карлович Мерц — Торайгыров университет, Павлодар, Республика Казахстан; e-mail: v_merz@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3163-1609.

⁵ Алексей Викторович Фрибус — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: fribus@list.ru; ORCID: 0000-0003-3208-0319.

Работы осуществлялись при финансовой поддержке различных научных фондов. За это время был накоплен значительный археологический материал в широких хронологических рамках от неолита до средневековья, часть которого обработана и введена в научный оборот, в связи с чем назрела необходимость проведения краткого обобщения выполненных работ, чему и посвящена данная публикация.

Полевые исследования 2013–2018 гг. осуществлялись при финансовой поддержке Музея-Института семьи Рерихов, г. Санкт-Петербург (*Грушин и др.*, 2018). В 2013 г. были произведены раскопки на могильнике Шидерты 10 и многослойном поселении Шидертинское 2. Данные памятники расположены в Экибастузском районе Павлодарской области Республики Казахстан, в 5 км к югу от поселка Шидерты. Раскопки поселения Шидертинское 2 выявили три хронологических горизонта функционирования памятника. Первый — этнографического времени: найдены обломки железа, фарфора и стекла XIX в. Второй — раннего железа: выявлены два очажных сооружения, обломки костей, керамики и каменных мотыг тасмолинской культуры VII–V вв. до н. э. Третий — раннего бронзового века: исследованы четыре очажных сооружения, обнаружены обломки керамики, каменных предметов елунинской культуры (2 пол. III тыс. до н. э.).

В 2014 г. экспедиция начала проводить работы в Бескарагайском районе Восточно-Казахстанской области на Семиярско-Кривинском археологическом микрорайоне. В ходе работ были произведены археологические раскопки средневекового кургана № 1 на могильнике Семиярка-1, а также произведена

Рис. 1. Карта основных районов работ международной археологической экспедиции Алтайского и Павлодарского университетов: 1 — Шидерты; 2 — Семиярка; 3 — Калмакырган

Fig. 1. Map of the main areas of work of the international archaeological expedition of the Altai and Pavlodar Universities: 1 — Shiderty; 2 — Semiaryarka; 3 — Kalmakyrghan

съемка более 40 объектов. В ходе разведки в окрестностях с. Семиярка выявлено поселение раннего железного века Семиярка 2 и развешанное на нем раннесредневековое погребение. Отсняты курганы на разновременном могильнике Семиярка-IV.

В 2016 г. на могильнике Семиярка-IV была изучена полностью каменная ограда (№ 4). Основная надмогильная конструкция и захоронение под ней относятся к эпохе средней бронзы и связаны с андроновской культурой. Поздний комплекс представлен сосудом и каменным жертвенником тасмолинской культуры VII–VI вв. до н. э. (*Грушин и др.*, 2019; 2021). В этот же год проводились работы на могильнике Кара-Оба под руководством В. К. Мерца, в ходе которых исследовались погребальные конструкции из обожженного кирпича и сырца, характерные для бегазы-дандыбаевской культуры.

В 2017 г. была полностью исследована вторая каменная ограда (№ 14), в результате чего был выявлен поселенческий слой. Погребение в каменной ограде с цистообразным ящиком относится к андроновской культуре XVII–XVI вв. до н. э. Поселенческий слой представлен валиковой посудой и бронзовыми предметами, а также остатками теплотехнических сооружений, использовавшихся для металлургического производства саргаринско-алексеевской культуры позднего бронзового века XV–XIII вв. до н. э.

С 2021 г. в Алтайском государственном университете реализуется проект Министерства образования и науки РФ «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности», в рамках которого была создана система международного сотрудничества в области науки и образования в Центральной Азии. Одним из направлений работы стали организация и проведение международных археологических исследований.

В рамках данного направления сотрудниками Алтайского и Павлодарского университетов начиная с 2023 г. и по настоящее время проводятся комплексные археологические исследования тюркских объектов VII–X вв., расположенных на северо-востоке Казахского мелкосопочника в горном массиве Калмаккырган и на медном месторождении Коктас (*Мерц и др.*, 2020). В результате работ на поминальных оградах в урочище Таскора, а также на стоянках в урочище Аккаин были получены первые поселенческие материалы, отражающие материальную культуру и бытовые сооружения населения тюркского времени, представленные железными орудиями, керамикой и кухонными остатками, а также фундаментами построек. Исследования подобных памятников позволят приступить к изучению особенностей системы жизнеобеспечения раннесредневекового населения региона, что открывает принципиально новый аспект в тюркской археологии (*Грушин и др.*, 2024).

В заключение отметим, что проведенные совместные исследования дали возможность получить не только новый археологический материал, но и позволили осуществлять на регулярной основе подготовку квалифицированных специалистов в области археологии. Дальнейшие совместные работы будут способствовать укреплению межрегиональных культурных и научных связей, что в свою очередь будет благотворно влиять на развитие науки в соседних странах.

Грушин и др., 2018 — *Грушин С. П., Мерц И. В., Фрибус А. В., Мерц В. К.* Исследования в Восточном Казахстане и на юге Западной Сибири под эгидой института-музея семьи Рерихов (г. Санкт-Петербург) // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Вторая всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача (10–14 декабря 2018): Тезисы. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 65–68.

Грушин и др., 2019 — *Грушин С. П., Мерц И. В., Мерц В. К., Фрибус А. В.* Ритуальный приклад раннего железного века из могильника Семиярка-IV (Восточный Казахстан) // ТПАИ. 2019. № 1. С. 86–98.

Грушин и др., 2021 — *Грушин С. П., Мерц И. В., Мерц В. К., Илюшина В. В., Фрибус А. В.* Погребальный комплекс периода средней бронзы могильника Семиярка IV (Восточный Казахстан) // ВААЭ. 2021. № 2. С. 52–65.

Грушин и др., 2024 — *Грушин С. П., Мерц И. В., Мерц В. К.* Исследование памятников тюркского времени в горном массиве Калмаккырган (Северо-Восточная Сарыарка): предварительное сообщение // СИКНАК. 2024. Вып. XXX. С. 152–160.

Мерц и др., 2020 — Мерц В. К., Мерц И. В., Демидкова Е. Д. Археологические исследования в горах Калмаккырган (Майский район Павлодарской области) // Маргулановские чтения — 2020: Материалы международной научно-практической конференции «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Т. 2 / Гл. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. С. 483–497.

Archaeological research of the international expedition of the Altai University and the Toraigyrov University in Eastern Kazakhstan in 2013–2023

Sergei P. Grushin⁶, Ilya V. Merts⁷, Viktor K. Merts⁸, Aleksei V. Fribus⁹

Annotation. *The paper discusses the brief results of the work of the International Archaeological Expedition of Altai State University and Toraigyrov University in Eastern Kazakhstan in 2013–2023. The research covered the Semiyarsko-Krivinsky and Shiderty microdistricts, the Kalmakkyrgan and Koktas mountain ranges. In the course of the work, archaeological material was obtained on various periods of history from the Neolithic to the Middle Ages. The burial mounds of the Bronze Age, sites and settlements of Neolithic hunters and medieval pastoralists, and religious sites were studied.*

Keywords: *archaeological research, East Kazakhstan, kurgans, settlements*

⁶ Sergei P. Grushin — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: gsp142@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5404-6632.

⁷ Ilya V. Merts — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Toraigyrov University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan; e-mail: barnaulkz@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9066-9629.

⁸ Viktor K. Merts — Toraigyrov University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan; e-mail: v_mertz@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3163-1609.

⁹ Aleksei V. Fribus — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: fribus@list.ru; ORCID: 0000-0003-3208-0319.

Результаты исследований на памятнике Хушуун дэнж-04 (Центральная Монголия): плановые работы и сенсационные находки¹

А. А. Тишкин², Т.-О. Идэрхангай³, С. Ю. Бондаренко⁴, В. В. Горбунов⁵,
П. Эрдэнэпурэв⁶, Д. Цэнд⁷, Ж. Энхзул⁸

Аннотация. Исследования, проведенные осенью 2023 г. на археологическом памятнике Хушуун дэнж-04 в Центральной Монголии, позволили получить крупную коллекцию из 34 каменных орудий и приспособлений, которые, по всей видимости, использовались при изготовлении древних изваяний («оленных» камней). Такое количество указанных находок в одном месте зафиксировано впервые. Их детальное изучение позволит в определенной мере реконструировать производственную и ритуальную деятельность мастеров, которые создавали мемориальные и погребальные комплексы на территории Внутренней Азии. Западная граница распространения «оленных» камней фиксируется на территории Притяньшанья.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, древние кочевники, мемориальный комплекс, «оленный» камень, производственный клад

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-260-263

В конце эпохи бронзы на огромной территории Внутренней Азии сформировалось крупное объединение древних кочевников, которое вполне можно рассматривать в качестве архаичной империи. Свидетельством данной ситуации являются многочисленные археологические памятники в виде херексуров и «оленных» камней. Западная граница их распространения достигает Притяньшанья. Выделяются два региона с наибольшей концентрацией указанных комплексов: Монгольский Алтай и Хангайские горы. Их изучение позволяет определить влияние архаичной кочевой империи на народы сопредельных и отдаленных территорий, а также реконструировать многие стороны сформированной системы жизнеобеспечения. Одним из направлений исследований является современное документирование древних изваяний. В ходе такой работы формируется важная информация.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

² Алексей Алексеевич Тишкин — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

³ Тумур-Очир Идэрхангай — Монгольский национальный университет, Улан-Батор, Монголия; e-mail: iderkhangai2022@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5077-1100.

⁴ Сергей Юрьевич Бондаренко — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: bonsu@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4295-4120.

⁵ Вадим Владимирович Горбунов — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: vadingorbunov67@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4772-6373.

⁶ Пурэвдорж Эрдэнэпурэв — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: eegiir48@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9245-9692.

⁷ Дул Цэнд — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: dultsendee@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0056-9865.

⁸ Жаргалсайхан Энхзул — Монгольский национальный университет, Улан-Батор, Монголия; e-mail: dukaz0221@gmail.com; ORCID: 0009-0009-3364-8165.

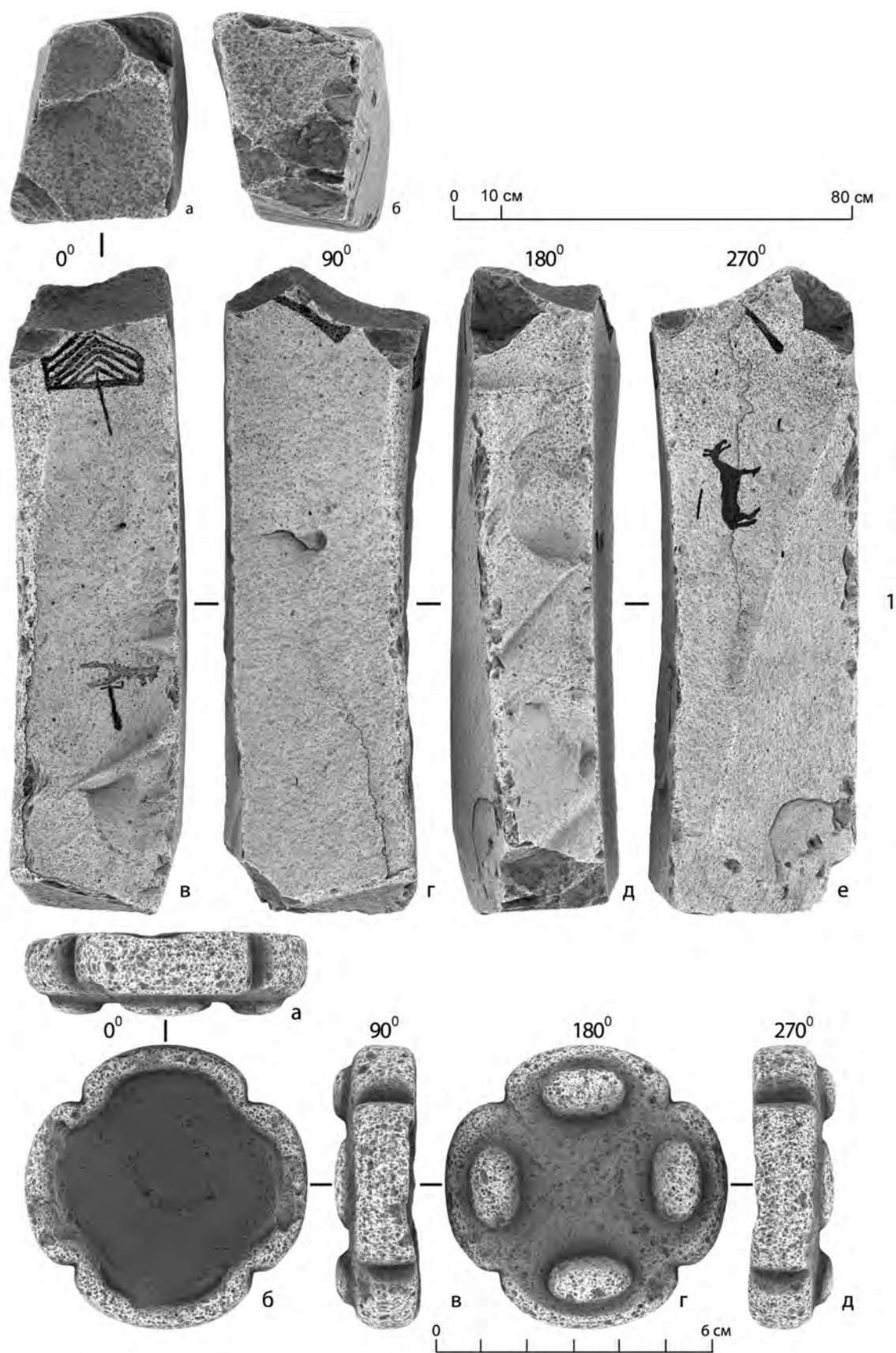

Рис. 1. Хушуун дэнж-04, прорисовки цифровых копий: 1 — нижняя часть оленного камня, 2 — маленькая каменная чашечка

Fig. 1. Hushuun Denzh-04, drawings of digital copies: 1 — lower part of the deer stone, 2 — small stone bowl

В сентябре 2023 г. состоялась плановая экспедиция сотрудников Алтайского государственного университета и Монгольского национального университета. Основной ее целью являлось изучение оленных камней и памятников, с которыми они связаны. Для этого использовалась фотограмметрия и геоинформационные технологии, а также проведение раскопок. Современными методами удалось зафиксировать более 100 археологических объектов. Основные результаты получены в Центральной Монголии.

На разновременном археологическом комплексе Хушуун дэнж-04 необходимо было выявить первоначальные места расположения «оленных» камней, которые значительно позднее, в раннем средневековье, использовались для сооружения тюркских оградок (Тишкин и др., 2015). Указанный памятник находится в Архангайском аймаке. Он располагается на террасе левого берега р. Улаан-Чулутын-Гол (приток Орхона), к северу от центра Батцэнгэл сомона. В ходе очередных экспедиционных работ осуществлялась фотограмметрия ранее выявленных «оленных» камней. Полученные результаты планируется представить в отдельной публикации. При дополнительных обследованиях обнаружено основание еще одного древнего изваяния с частью сохранившегося изображения щита. Поблизости располагались отдельные куски разбитой стелы и верхняя часть этого же «оленного» камня с разнообразными петроглифами. Данное обстоятельство обозначило необходимость закладки раскопа. Извлеченные части документировались с помощью фотограмметрии. К настоящему времени получены их цифровые копии и сделаны компьютерные прорисовки.

Нижняя часть изваяния (рис. 1, 1) имеет трапецевидное сечение (рис. 1, 1, а, б) и немного изогнутую форму (рис. 1, 1, в–е). Зафиксированы следующие размеры найденного основания: длина 127 см, ширина 41,5 см, толщина 35 см. На задней стороне сохранилась часть изображения щита, от которого вниз отходит линия длиной 14 см (рис. 1, 1, в). Ниже выявлена еще одна не совсем ясная выбивка. Лицевая сторона (рис. 1, 1, д) оказалась без рисунков. На двух других гранях (рис. 1, 1, з, е) хорошо прослеживаются остатки традиционных изображений предметов вооружения (лука в горите и чекана), которые крепились к поясу. На правой стороне, ниже рукояти чекана, выбита небольшая лошадь, расположенная вертикально. Размеры петроглифа: длина от носа до хвоста — 18 см, высота от кончиков ушей до окончания копыт — 11 см. По всей видимости, данное изображение было выполнено, когда стела лежала на земле.

Сенсационные находки получены при исследовании ямы, в которой располагалась нижняя часть древнего изваяния. Там на разной глубине были обнаружены 34 каменных артефакта. Они представляли собой орудия труда и приспособления, использовавшиеся древними мастерами в производственной деятельности (песты разных размеров, оселки, чашечки и др.). Часть предметов оказалась сломана. Все зафиксированные на памятнике Хушуун дэнж-04 каменные изделия требуют детального изучения с привлечением геологов и специалистов-трасологов. Этот производственный клад является в Монголии первым крупным набором предметов, непосредственно связанным с мемориальным комплексом культуры херексуров и «оленных» камней. Подобные находки были обнаружены в Юго-Восточном Алтае на Юстыдском «оленном» комплексе (Кубарев, 1979. С. 19–21, рис. 11).

Особое внимание привлекает маленькая каменная чашечка (рис. 1, 2), сделанная из коричневого песчаника. Изделие в плане имеет размеры 6,1×6,1 см, высота его вместе с ножками составляет 1,9 см. Чашечка хорошо сохранилась, но имеет небольшие сколы. Ее форма представляет собой четырехлепестковую розетку (рис. 1, 2б), сделанную удивительно ровно, так как она идеально вписывается в окружность. Учитывая непростую конфигурацию с одинаковыми элементами, можно предположить использование шаблона или владение мастером определенными знаниями. Отклонения наблюдаются только в верхней поверхности. Каждый из лепестков (рис. 1, 2, а–д) сформирован основной дугой радиусом 2,3 см с загибом по краям, формирующим впадины. Бортик слабо выражен. Он имеет толщину 0,6 см в середине лепестка. На днище просматриваются линии (рис. 1, 2, з), идущие к центру. Несмотря на малую заметность, они усиливают впечатление формы с обратной стороны. Четыре ножки, отстоящие от внешней грани на 0,4 см, имеют одинаковые размеры (1,8×1,2×0,4 см) и форму, довольно сложную для точной повторяемости. Полость чашечки внутри имеет форму параболы. Ее максимальная глубина 0,6 см. Шероховатость данной зоны иная, чем у внешних поверхностей. Почти в центре она эродирована сильнее (рис. 1, 2, б), что, возможно,

явилось причиной длительного использования. Максимальный объем жидкости, который можно налить в эту чашечку, составляет 4,5 см³.

В заключение следует указать, что на памятнике Хушуун дэнж-04 еще производились раскопки трех жертвенников, находившихся у херексура с восточной стороны (*Тишкин и др.*, 2024). Планировалось обнаружение там костей от древних лошадей для осуществления радиоуглеродного и палеогенетического анализа. Однако указанные объекты оказались нарушены. Найдены только фрагменты керамики. Все осуществленные исследования были направлены на реконструкцию существовавшего мемориального комплекса, который так же, как и другие аналогичные памятники на территории Внутренней Азии, является важным маркером существования архаичной кочевой империи.

Кубарев, 1979 — *Кубарев В. Д.* Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск: Наука. СО, 1979. 120 с.

Тишкин и др., 2024 — *Тишкин А. А., Идэрхангай Т.-О., Горбунов В. В., Эрдэнэпүрэв П., Цэнд Д., Энхзул Ж.* Продолжение исследований на археологическом комплексе Хушуун дэнж-04 (Центральная Монголия) // СИКНАК. 2024. Вып. XXX. С. 267–274.

Тишкин и др., 2015 — *Тишкин А. А., Горбунов В. В., Идэрхангай Т.-О., Серегин Н. Н.* Исследование тюркской оградки на комплексе Хушуун дэнж-04 в Центральной Монголии // ИАЛТГУ. 2015. № 3.2. С. 229–238.

Results of research at the site of Hushuun Denzh-04 (Central Mongolia): planned works and sensational finds

Aleksei A. Tishkin⁹, Tumur-Ochir Iderkhangai¹⁰, Sergei Yu. Bondarenko¹¹,
Vadim V. Gorbunov¹², Purevdorj Erdenepurev¹³, Dul Tsend¹⁴, Jargalsaikhan Enkhzul¹⁵

Annotation. *Research conducted in the autumn 2023 at the archaeological site of Hushuun Denzh-04 in Central Mongolia yielded a large collection of 34 stone tools and implements that were apparently used in the manufacture of ancient sculptures («deer» stones). Such a number of these finds in one place was recorded for the first time. Their detailed study will make it possible to reconstruct to a certain extent the production and ritual activities of masters who created memorial and funerary complexes in Inner Asia. The western boundary of the distribution of «deer» stones is fixed in the Tien Shan area.*

Keywords: *Inner Asia, ancient nomads, memorial complex, «deer» stone, production treasure*

⁹ Aleksei A. Tishkin — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

¹⁰ Tumur-Ochir Iderkhangai — Mongolian National University, Ulaanbaatar, Mongolia; e-mail: iderkhangai2022@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5077-1100.

¹¹ Sergei Yu. Bondarenko — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: bonsu@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4295-4120.

¹² Vadim V. Gorbunov — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: vadingorbunov67@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4772-6373.

¹³ Purevdorj Erdenepurev — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: eegiip48@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9245-9692.

¹⁴ Dul Tsend — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: dultsendee@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0056-9865.

¹⁵ Jargalsaikhan Enkhzul — Mongolian National University, Ulaanbaatar, Mongolia; e-mail: dukaz0221@gmail.com; ORCID: 0009-0009-3364-8165.

Техники литья скифо-сибирских бронзовых изделий в районах Внутренней Монголии и Великой Китайской стены¹

К. Мацумото²

Аннотация. Скифо-сибирская культурная традиция получила широкое распространение в степях Евразии в I тыс. до н. э., на середину этого периода пришелся также этап формирования новых традиций. С целью фиксации происходивших изменений автор провел анализ отдельных бронзовых изделий (бляшек и украшений). Были выделены два основных типа изделий, установлены закономерности в их распространении. В докладе также затрагиваются вопросы происхождения этих типов, в частности, выдвигается предположение об их зависимости от развития технологии производства. Выдвигается тезис, что распространение бронзовых предметов на широкие территории связано с групповыми миграциями скифов и саков.

Ключевые слова: ордосские бронзы, район Великой Китайской стены, евразийская степь, I тысячелетие до н. э., ранняя скифо-сибирская культура

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-264-267

Скифо-сибирская культурная традиция получила широкое распространение в евразийских степях в I тыс. до н. э. На середину этого периода в различных регионах пришелся этап формирования новых традиций. С целью фиксации изменений автор провел анализ отдельных бронзовых изделий (бляшек и украшений) (Мацумото, 2021).

1. Поясные бляшки (украшения)

Одна из форм поясных бронзовых бляшек (украшений) — бляшки с центральным выступом, от которого вверх и вниз расходуется узор. Их можно разделить на два основных типа по форме (Там же, 2021).

Тип А. Передняя и задняя поверхности плоские, с линейными углублениями на поверхности, образующими узоры. Узоры: облака или запятые (**рис. 1, А**).

Тип Б. Неправильная форма. Задняя поверхность может быть вдавлена. Узоры: фигуры, напоминающие грифонов (**рис. 1, Б**).

Стилистическую эволюцию обоих типов А и Б можно проследить по изменениям в узорах и формах. Распространение этих типов предполагает, что более древний тип А был изначально распространен в Южной Сибири и в дальнейшем появился в Северном Китае примерно в VI–V вв. до н. э. Тип Б встречается в восточной степной зоне с несколько более раннего периода (примерно с VII в. до н. э.), чем тип А, при этом место его происхождения неясно. В районе Великой Китайской стены не было обнаружено оригиналов типа Б.

2. Поясные пряжки

Всего известно не так много типов поясных пряжек, получивших распространение в районе Великой Китайской стены. Ш. Такахама (Такахама, 2005) выделил два типа:

Тип А. Передняя и задняя поверхности плоские, пряжка тонкая и широкая. Рельефный рисунок на поверхности вдавлен, узор в большинстве случаев абстрактный. Крючки тонкие, «П»-образные (**рис. 1, 2**).

¹ Исследование сделано при поддержке Японского общества по развитию науки КАКЕНХИ 24К04352.

² Кэйта Мацумото — Университет Тохоку, Сэндай, Япония; e-mail: keita.matsumoto.e3@tohoku.ac.jp; ORCID: 0000-0002-4157-5412.

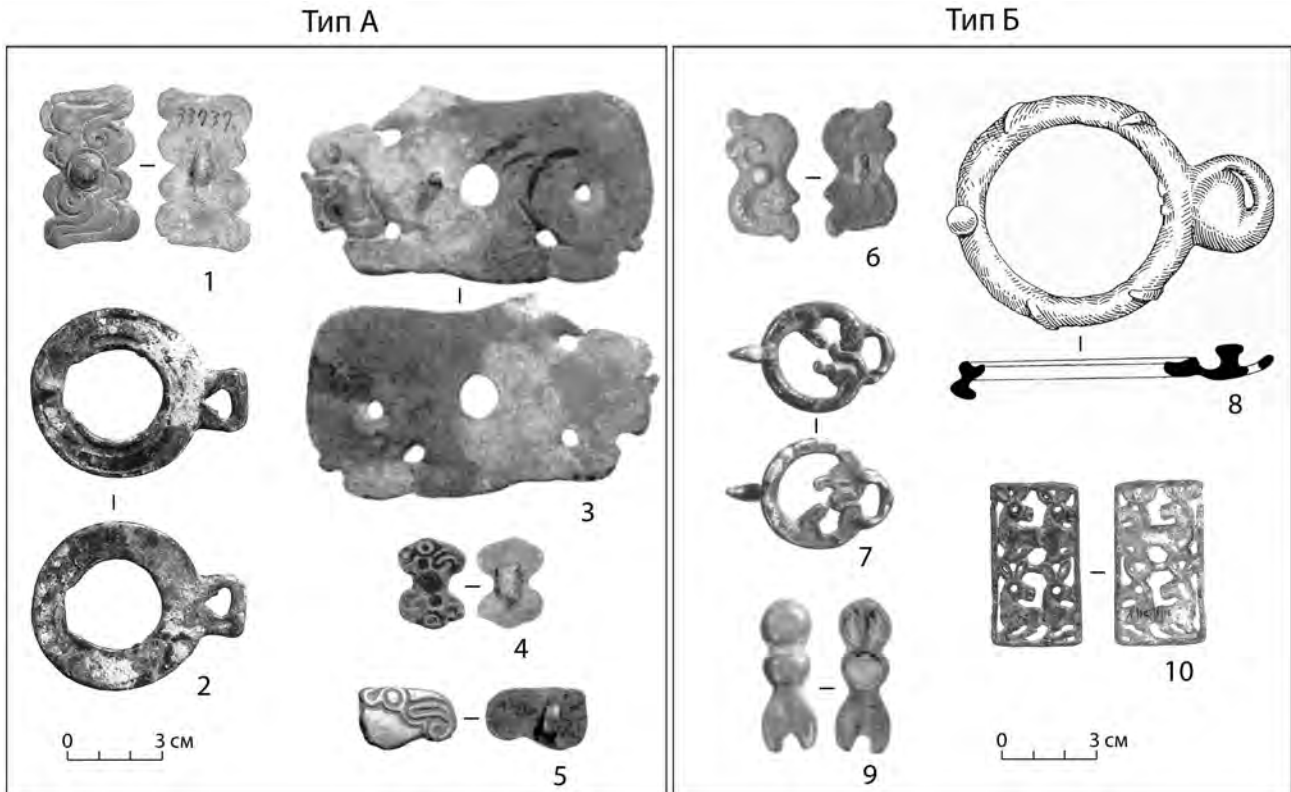

Рис 1. Скифо-сибирские бронзовые украшения из зоны Великой стены и восточной евразийской степи. Тип А: 1 — поясные бляшки; 2 — поясные пряжки; 3 — поясные бляхи; 4, 5 — бронзовые украшения. Тип Б: 6 — поясные бляшки; 7 — поясные пряжки; 8 — элемент конской упряжи; 9, 10 — бронзовые украшения (1–5, 7, 9, 10 — по: Токийский..., 2005; 6 — по: Музей..., 2012; 8 — по: Вишневская, 1973)

Fig. 1. Scytho-Siberian bronze ornaments from the Great Wall of China area and the eastern Eurasian steppe. Type A: 1 — belt plaques; 2 — belt buckles; 3 — belt plaques; 4, 5 — bronze ornaments. Type B: 6 — belt plaques; 7 — belt buckles; 8 — horse harness element; 9, 10 — bronze ornaments (1–5, 7, 9, 10 — after Токийский..., 2005; 6 — after Музей..., 2012; 8 — after Вишневская, 1973)

Тип Б. Поверхность волнистая, часто — с вдавленной задней поверхностью, пряжка толстая и узкая. Крючки толстые и изогнутые. Узоры фигурные и объемные (рис. 1, 7).

Ш. Такахама полагает, что тип Б не может происходить из Алтая (*Там же*). При этом тип А не встречается к северу от Монголии, но тем не менее неожиданно появляется в зоне Великой Китайской стены около V в. до н. э., как и S-образные бляшки, о которых шла речь выше. Тип Б также был обнаружен на могильнике Юйхуанмяо (玉皇廟; Пекин, VII–VI вв. до н. э.), самая ранняя находка — памятник Чжанпин (張坪; Шэньси, VIII в. до н. э.). Несколько пряжек (элементы конской упряжи), похожих на тип Б, также найдены в могильнике Уйгарак в Казахстане (ок. VII в. до н. э.) (рис. 1, 8), и хотя происхождение типа Б неизвестно, похоже, что в это время он уже распространился по восточной степной зоне.

3. Поясные бляхи

Поясные бляхи были наиболее распространены в зоне Великой стены с конца Периода Сражающихся царств и до династии Хань. Далее рассмотрим находки, относящиеся к периоду их возникновения).

Тип А. Передняя и задняя поверхности поясной бляхи плоские. Узоры рельефные, вдавлены в поверхность. Изображения животных фигуративные, более абстрактные и стилизованные, чем в типе Б (рис. 1, 3).

Согласно датировке К. Миямото (*Миямото*, 2014), первые поясные бляхи, появившиеся в зоне Великой стены, относятся к типу А и датируются второй половиной VI в. до н. э. Тип Б, который хронологически датировался бы раньше, чем тип А, неизвестен. В этом отношении датировки поясных блях отличаются от двух вышеупомянутых бронзовых украшений (мелкие поясные украшения и поясные пряжки), в которых тип Б появляется раньше.

4. Другие бронзовые украшения

К *типу А* также относятся украшения с головой грифона (рис. 1, 4, 5). Передняя и задняя поверхности украшений плоские, как и у других украшений типа А. Однако орнамент фигурный. Дата появления в зоне Великой Китайской стены — конец VI в. до н. э. и далее.

Также рассмотрим ряд изделий с признаками, относящими их к *типу Б*. У изделия (рис. 1, 9) выпуклость совпадает с вогнутой частью с обратной стороны. На другом предмете (рис. 1, 10) рельефно изображены четыре оленя. А на обратной стороне этого украшения видна толстая линия, соответствующая внешней форме оленя на поверхности, с выемкой внутри. Известен пример из памятника культуры Шацзин (沙井文化) в провинции Ганьсу, который также может быть датирован VII–VI вв. до н. э.

5. Предполагаемые технологии производства

В предметах типа А передняя и задняя поверхности плоские, рельеф вогнутый. В предметах типа Б передняя поверхность выпуклая, задняя — вогнута. В обоих типах А и Б на поверхности обнаружены вдавленные участки, позволяющие предположить, что формы были изготовлены не путем непосредственного вырезания рисунка в исходной модели, а с помощью прессования модели с тем же рисунком, что и на изделии.

Для изделий типа А можно предположить следующую технологию: форма получена при вырезании узора в пластичном материале и последующим прижатии к нему передней и задней частей модели. Некоторые неточные линии могут указывать на то, что вырезанный материал модели достаточно твердый (кость, дерево и т. д.). Крючковая часть поясной пряжки могла быть изготовлена уже после получения основы изделия (вряд ли она была вырезана непосредственно на модели). Это могло быть причиной того, что крючок в большинстве случаев тонкий и расположен под углом к поверхности изделия.

Украшения типа Б с вогнутой задней поверхностью могли быть изготовлены несколькими способами. Один из них заключался в использовании модели только для внешней поверхности изделия. Сначала формируется модель изделия и далее она прижимается к пластичному материалу. Затем на эту полученную форму накладывается ткань или кожа, пластичный материал вдавливаясь в нее, и после застывания вся ткань или кожа отслаивается. Таким образом, образуется задняя часть формы, которая имеет толщину, соответствующую толщине ткани или кожи, и она теперь вдавлена в форму поверхности (Минасян, 2014). Поскольку узоры в типе Б очень неровные и рельефные, возможно, сама модель была сделана из глины, которая более пластична, чем кость или дерево. Другой метод, аналогичный типу А, заключается в получении формы путем прижатия передней и задней части к исходной модели. Материалом модели могла выступать глина (также могли использовать жир и пчелиный воск, и в таком случае на изделии не сохраняются швы). При этом углубление на задней поверхности модели образовалось при формировании рисунка поверхности путем выдавливания его из задней части. Если модель была сделана из пластичного материала типа глины или воска, то в таком случае проще сформировать крючки поясной пряжки (тип Б) на этапе моделирования, в результате чего получился бы большой крючок, цельный с изделием.

6. Заключение

Бронзовые поясные изделия и украшения типа Б широко распространились в степной зоне Восточной Евразии в VII в. до н. э. В районе Великой Китайской стены они появляются с VIII в. до н. э. С другой стороны, вещи типа А появились в степях зоны Великой Китайской стены с конца VI в. до н. э., т. е. позже типа Б. Несмотря на то, что оба типа попали в зону Великой Китайской стены из Центральной Азии и Сибири, они различались по технологии литья. Аналогичная ситуация зафиксирована и при анализе акинаков (Мацумото, 2023). Волнообразное распространение традиций и технологий может быть связано с групповыми миграциями скифов и саков, этот тезис требует дальнейшего обсуждения.

Вишневецкая, 1973 — Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э.

По материалам Уйгарака. М.: Наука, 1973 (ТХАЭЭ. Т. VIII). 160 с.

Мацумото, 2021 — Мацумото К. Мелкие поясные украшения с «загадочными картинками» в скифо-сибирских культурах // Материалы международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной

научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий», посвященной 300-летию открытия памятников енисейской письменности и Году хакасского эпоса в Республике Хакасия / Отв. ред. Н. С. Майнагашева. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 2021. С. 16–19.

Matsumoto, 2023 — Matsumoto K. Происхождение акинаков на востоке Евразийской степи // УАВ. 2023. Т. 23/1. С. 6–18.

Минасян, 2014 — Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб.: ИГЭ, 2014. 472 с.

Миямото, 2014 — Миямото К. Возникновение и развитие северной поясной декоративной пластины // Археология Евразии. [宮本一夫. 北方系帯飾板の出現と展開(ユーラシアの考古学)]. 2014. С. 49–63 (на яп. яз.).

Музей..., 2012 — Музей культуры Евразии в Йокогаме (ред.). Монголия. Прогулка по Сибири. Континентальная экспедиция Тории и Эгами (каталог выставки). [横浜ユーラシア文化館編. モンゴル～シベリアを歩く－鳥居・江上の大陸探検－]. Йокогама: Йокогамский городской фонд истории Фурусато, Йокогамский музей культуры Евразии, 2012. 48 с. (на яп. яз.).

Такахама, 2005 — Такахама Ш. Комментарии. Северокитайские бронзы из коллекции Токийского национального музея [高濱秀. 図版解説. 東京国立博物館所蔵 中国北方系青銅器]. Токио: Изд-во Чикурунша, 2005. С. 229–306 (на яп. яз.).

Токийский..., 2005 — Токийский национальный музей (ред.). Северокитайские бронзы из коллекции Токийского национального музея. [東京国立博物館所蔵 中国北方系青銅器]. Токио: Изд-во Чикурунша, 2005. 352 с. (на яп. яз.).

Текст печатается в авторской редакции.

Casting techniques for Scytho-Siberian bronze artifacts in the areas of Inner Mongolia and the Great Wall of China

Keita Matsumoto³

Annotation. *The Scytho-Siberian culture became widespread in the Eurasian steppes in the 1st millennium BC. The middle of this period saw the formation of new traditions in various regions. In order to record changes in the cultural tradition, the author analyzed individual bronze items (plaques and ornaments). Two main types were identified, and patterns in their distribution were established. The paper also touches upon the origin of these types, in particular, it is suggested that they depend on the development of casting technology. The distribution of such bronze belt plaques is associated with group migrations of the Scythians and Sakas.*

Keywords: *Ordos bronzes, Great Wall of China area, Eurasian steppe, 1st millennium BC, early Scytho-Siberian culture*

³ Keita Matsumoto — Tohoku University, Sendai, Japan; e-mail: keita.matsumoto.e3@tohoku.ac.jp; ORCID: 0000-0002-4157-5412.

Предварительные результаты исследования воинского погребения пазырыкской культуры на могильнике Ханхаринский Дол (Северо-Западный Алтай)

П. К. Дашковский¹

Аннотация. В докладе представлены предварительные результаты изучения кургана № 46 могильника Ханхаринский Дол (Северо-Западный Алтай). Там было открыто мужское погребение пазырыкской культуры: покойный лежал в скорченном положении на правом боку головой на восток. Вдоль северной стенки могилы было обнаружено захоронение лошади. Среди предметов погребального инвентаря особое внимание привлекают предметы вооружения (кинжал и топор-чекан) и роговые орнаментированные поясные пластины. Сравнительный анализ артефактов позволяет предварительно датировать курган № 46 концом V–IV вв. до н. э., а также предположить, что в нем был захоронен профессиональный воин, который занимал определенное положение в военной иерархии кочевников.

Ключевые слова: Северо-Западный Алтай, пазырыкская культура, могильник Ханхаринский Дол, погребальный обряд, предметы вооружения, пояс

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-268-271

В процессе археологического исследования могильника Ханхаринский Дол, расположенного в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,5 км к ЮВ от с. Чинета (Краснощековский район Алтайского края (Северо-Западный Алтай), был раскопан курган № 46. Уникальность данного погребального объекта пазырыкской культуры заключается в том, что в нем было обнаружено захоронение воина с подлинными, а не миниатюрными, железными предметами вооружения, а также роговыми поясными пластинами.

Курган № 46 находился в центральной части могильника во второй курганной цепочке, расположенной к западу от первой. Диаметр каменной насыпи, сложенной преимущественно в 1–2 слоя из мелких и средних по размеру камней, достигал 8,75 м, высота — до 0,5 м. По периметру кургана выявлена каменная кольцевая выкладка-крепида. Под насыпью кургана обнаружена могила подпрямоугольной формы, размерами от уровня древнего горизонта 2,3×1,9×2,28 м. В могиле находилось погребение мужчины, лежавшего на правом боку с подогнутыми в коленях ногами и ориентированного головой на восток. Вдоль северной стенки могилы зафиксировано захоронение лошади. В сопроводительный инвентарь входили железное оружие — топор-чекан и кинжал, который вероятно, был в деревянных ножнах, а также две поясные роговые подпрямоугольные пластины, украшенные чешуйчатым орнаментом. Кроме того, были обнаружены роговые подпружная пряжка, подпружный блок, железные двухзвенные кольчатые удила, нож, керамический сосуд и остатки ритуальной пищи (кости барана).

Среди находок особого внимания заслуживают кинжал и чекан, а также две роговые пластины. Длина кинжала с подсердцевидным перекрестием (рис. 1, 1) составляла 27,5 см. Длина лезвия — почти 17 см, ширина — 3,6 см. В сечении лезвие имело трапецевидную форму. На рукоятке, которая сверху имела заострение, располагалось пять подквадратных отверстий для крепления деревянных накладок. Крепление осуществлялось с помощью деревянных подквадратных штырьков. Возможно,

¹ Петр Константинович Дашковский — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: dashkovskiy@fpm.asu.ru; ORCID: 0000-0002-4933-8809.

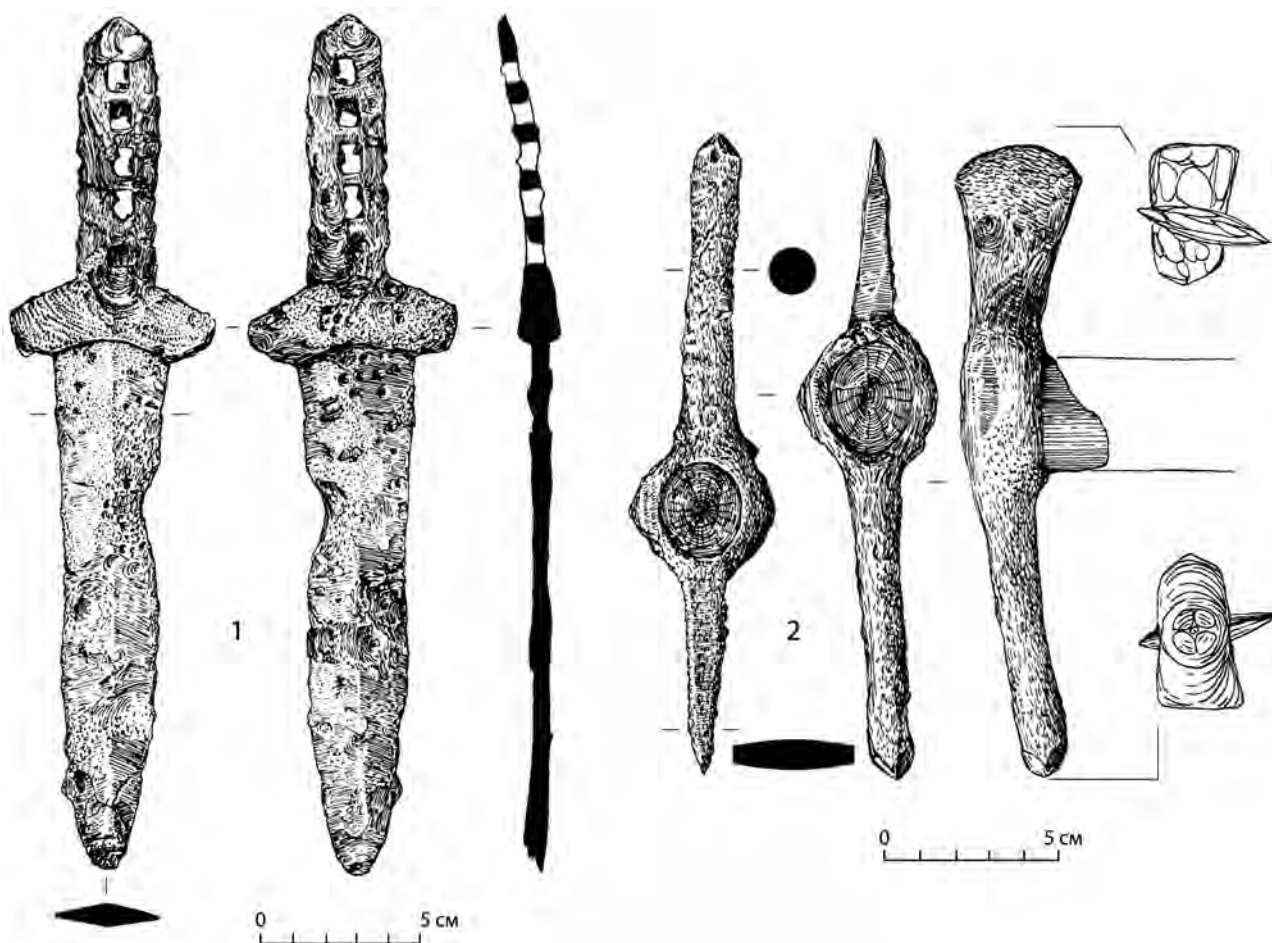

Рис. 1. Инвентарь из кургана № 46 могильника Ханхаринский Дол:
1 — железный кинжал; 2 — железный топор-чекан

Fig. 1. Inventory from Barrow no. 46 of the Khankhara Dol burial ground:
1 — iron dagger, 2 — iron axe-*chekan*

две накладки на рукоять кинжала, сверху заканчивались брусковидным навершием. Изделие находилось, вероятно, в деревянных ножнах.

Следует подчеркнуть, что в памятниках пазырыкской культуры железные боевые кинжалы встречаются относительно редко. Такая категория вещей, как правило, имела длину 27–40 см (Кубарев, 1987. С. 54–59; Кубарев, Шульга, 2007. С. 74–78; Суразаков, 1989. С. 40). В памятниках пазырыкской, каменской и староалейской, быстрянской культур Алтая известны экземпляры кинжалов, по отдельным морфологическим признакам сходные с рассматриваемым экземпляром. Важно подчеркнуть наличие прорезной рукоятки у кинжала. Такой элемент встречается как на бронзовых копиях изделий, так и на реальных боевых биметаллических и железных кинжалах (Суразаков, 1989; Кубарев, 1987; 1991; Лихачева, 2020; и др.). При этом особо нужно обратить внимание на пять прорезных подчетырехугольных отверстий на рукояти. Близкий по форме морфологический признак зафиксирован на кинжале из кургана № 8 могильника Малталу IV (Кубарев, 1992. С. 56, рис. 18, 3).

Второй предмет вооружения представлен железным топором-чеканом с остатками фрагмента деревянного древка (рис. 1, 2). Длина чекана — 18,3 см. Внутренний диаметр проуха — 3,1 см. Данный экземпляр изделия имел округлый в сечении боек с уплощенным расширяющимся обушком в виде секиры. Диаметр бойка 1,3 см, ширина закругленного окончания обушка — 3,6 см. Количество чеканов, изготовленных из железа и бронзы, выявленных в курганах пазырыкской культуры, крайне ограничено. Относительно близкой аналогией чекану из кургана № 46 могильника Ханхаринский

Дол являются железные изделия из кургана № 22 могильника Барбургазы–I, из кургана № 9 могильника Кош-Тал (*Там же*, 1992. С. 64–65, рис. 21, 1; *Суразаков*, 1993. С. 42, рис. 31, 1). Секирообразной формы железные чеканы, но плохой сохранности, обнаружены также в курганах № 8 и № 23 могильника Малталу (*Кубарев*, 1992. С. 65, табл. XLVIII, 4; LXVII, 5). Следует обратить внимание на то, что секирообразные железные чеканы иногда встречаются и в памятниках скифской эпохи в Туве, например, в кургане № 28 могильника Суглуг-Хем I (*Грач*, 1980. С. 198, рис. 60, 1; *Кызласов*, 1979. С. 73, рис. 59, 3; *Семенов*, 2003. Таб. 32, 25, 26 и др.). Железные клевцы с секирообразным навершием, но с граненым бойком, известны и в погребениях саков Памира, в частности в кургане 1 могильника Алисур-II, датированного концом V–IV в. до н. э. Б. А. Литвинский обозначал секирообразные чеканы термином «клевцы-топорики» и подчеркивал широкий ареал их распространения в скифскую эпоху в Причерноморье, Северном Кавказе, Прикамье, Средней Азии, Северном Китае и Южной Сибири (*Литвинский*, 1972. С. 120–125, табл. 43, 5). В погребальных комплексах кочевников Горного Алтая указанного типа железные чеканы с секирообразным обушком датируются, как правило, не ранее IV в. до н. э. (*Кубарев*, 1992. С. 66), либо, с учетом бронзовых моделей такого типа изделий, в пределах V–III вв. до н. э. (*Суразаков*, 1989. С. 53–54).

Большой научный интерес представляют 2 роговые поясные орнаментированные пластины. Первая пластина длиной 8,2 см, шириной с одного края — 4,4 см, с другого — 5,3 см. У одного края находится подквадратное отверстие 1×1 см, одна сторона которого закруглена. Кроме того, сохранилось еще четыре из пяти отверстий по краям и одно отверстие в центре пластины, которые использовались для крепления изделия. Вторая подпрямоугольная пластина длиной 8,5 см, шириной с одного края — 4,6 см, с другого — до 6 см. С более узкого края пластины зафиксировано три, с другого края — два отверстия, которые как в первом случае использовались также для ее крепления. Лицевые стороны обеих пластин украшены орнаментом в виде шести рядов чешуек.

Пластинчатые пряжки из рога (кости) встречаются достаточно редко в курганах Горного Алтая скифского времени. Так, они выявлены в кургане 1 могильника Ала-Гаил-3 (*Кубарев, Шульга*, 2007. С. 110, рис. 25, 6, 7), кургане № 1 могильника Юстыд XII (*Кубарев*, 1991. С. 86, рис. 21, 1, 2). Кроме того, такого типа изделия найдены в кургане 30 могильника Чинета-II, который расположен в той же долине, что и некрополь Ханхаринский Дол (*Дашковский, Шершнева*, 2020. С. 51, рис. 8, 9). Роговые пластинчатые пряжки, по мнению исследователей, в большей степени характерны для поясных наборов древних кочевников Тувы и Монголии. Кроме того, такие пластины были покрыты высокохудожественной резьбой (*Семенов*, 2003. Таб. 110; *Кубарев*, 1991. С. 86; *Грач*, 1980. С. 35, рис. 35, 10, 11; *Волков*, 1978. Рис. 3, 8; *Цзвэндорж*, 1978. С. 111, рис. 3, 24; и др.).

Артефакты, относящиеся к снаряжению лошади из рассматриваемого кургана, включают в себя железные удила, подпружную пряжку и подпружный блок, изготовленные из рога. Они имеют многочисленные аналогии на памятниках пазырыкской культуры из разных районов Алтая (*Суразаков*, 1989; *Кубарев*, 1987; 1991; *Кубарев, Шульга*, 2007; *Шульга*, 2015; *Дашковский*, 2023; и др.).

Таким образом, анализ погребального обряда и инвентаря из кургана № 46 могильника Ханхаринский Дол позволяет отнести его к пазырыкской культуре и предварительно датировать концом V–IV в. до н. э. Проведенное ранее исследование комплекса предметов вооружения из курганов пазырыкской культуры дало основание сделать вывод о высокой степени милитаризации пазырыкского общества (*Кочев*, 1990; *Дашковский*, 2005; и др.). С учетом того, что кинжалы, чеканы, щиты встречаются крайне редко в погребениях пазырыкской культуры, обнаружение в кургане № 46 могильника Ханхаринский Дол сразу двух настоящих, а не уменьшенных копий предметов вооружения — железного кинжала и чекана, — явно указывает на особый социальный статус погребенного мужчины. Вероятнее всего, при жизни он был профессиональным воином-дружинником. Кроме того, сопроводительное захоронение лошади, а также наличие в инвентаре двух редких роговых орнаментированных поясных пластин, также в определенной степени подчеркивает статус умершего, поскольку пояс обладал особой семантической нагрузкой и отражал социальное положение и мировоззренческие представления кочевников Центральной Азии.

- Волков, 1978 — Волков В. В. Улангомский могильник (по материалам раскопок 1972 г.) // Археология и этнография Монголии / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука. СО, 1978. С. 101–107.
- Грач, 1980 — Грач А. Д. Древние кочевники в Центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.
- Дашковский, 2005 — Дашковский П. К. Оружие в погребальном обряде пазырыкской культуры Алтая // Снаряжение кочевников Евразии / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 36–41.
- Дашковский, 2023 — Дашковский П. К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2023. 72 с.
- Дашковский, Шершинева, 2020 — Дашковский П. К., Шершинева Е. А. Результаты изучения кургана № 30 скифского времени на памятнике Чинета-II (Алтай) // НРЕ. 2020. № 1. С. 42–55.
- Кочеев, 1990 — Кочеев В. А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая / Отв. ред. А. С. Суразаков. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1990. С. 105–118.
- Кубарев, 1987 — Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука. СО, 1987. 304 с.
- Кубарев, 1991 — Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука. СО, 1991. 190 с.
- Кубарев, 1992 — Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука. СО, 1992. 220 с.
- Кубарев, Шульга, 2007 — Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 282 с.
- Кызласов, 1979 — Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 207 с.
- Литвинский, 1972 — Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». М.: ГРВЛ, 1972. 270 с.
- Лихачева, 2020 — Лихачева О. С. Вооружение и военное дело населения лесостепного Алтая в раннем железном веке (VIII–I вв. до н. э.). Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2020. 304 с.
- Семенов, 2003 — Семенов Вл. А. Суглуг-Хем и Хайырыкан — могильники скифского времени в Центрально-Тувинской котловине. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.
- Суразаков, 1989 — Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1989. 165 с.; 49 ил.
- Суразаков, 1993 — Суразаков А. С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая / Отв. ред. Ф. А. Сатлаев. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1993. С. 25–55.
- Цэвэндорж, 1978 — Цэвэндорж Д. Чандаманьская культура // Археология и этнография Монголии / Отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск: Наука. СО, 1978. С. 108–117.
- Шульга, 2015 — Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Ч. II (VI–III вв. до н. э.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 322 с.

Preliminary results of the study of a warrior's burial of the Pazyryk culture at the Khankhara Dol burial ground (in the Northwestern Altai)

Pyotr K. Dashkovskii²

Annotation. *The paper deals with preliminary results of studying Barrow no. 46 at the Khankhara Dol burial ground (in the Northwestern Altai). A male burial of the Pazyryk culture was discovered there: the dead had been laid in a crouched position on the right side with his head oriented to the east. Along the northern wall of the grave a burial of a horse was found. Among the items of the accompanying inventory those of weaponry (a dagger and an axe-chekan) and horn ornamented belt plaques attract special attention. A comparative analysis of the artifacts allows us to tentatively date Barrow no. 46 to the late 5th — 4th centuries BC as well as to assume that a professional warrior, who was occupying a certain position in the nomadic military hierarchy, had been buried there.*

Keywords: *Northwestern Altai, Pazyryk culture, Khankhara Dol burial ground, funeral rites, weapons, belt*

² Pyotr K. Dashkovskii — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: dashkovskiy@fpm.asu.ru; ORCID: 0000-0002-4933-8809.

Сравнительный анализ митохондриальных геномов лошадей из курганов каменной и пазырыкской культуры Алтая: предварительные результаты¹

М. А. Куслий², П. И. Шульга³, П. К. Дашковский⁴,
А. С. Графодатский⁵, А. А. Тишкин⁶

Аннотация. Впервые рассматриваются митохондриальные геномы шести лошадей, остеологический материал от которых получен при раскопках памятника каменной культуры Локоть-4а. Для сравнительного анализа привлекались имеющиеся результаты из нуклеотидной базы данных GenBank. Также исследовались образцы от трех лошадей из курганной группы пазырыкской культуры Ханкаринский Дол. Проведенные филогенетические реконструкции показали присутствие среди лошадей каменной культуры предковых гаплотипов лошадей бийкенской и пазырыкской культур Южного Алтая. При этом не была выявлена близость гаплотипов пазырыкских лошадей Северо-Западного и Южного Алтая.

Ключевые слова: Алтай, каменная культура, пазырыкская культура, лошади, митохондриальная ДНК, филогенетика

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-272-277

В культурно-исторические процессы на территории Центральной Азии в скифо-сакское время были вовлечены кочевники Западной и Южной Сибири, оставившие свое наследие в памятниках разных археологических культур. Самой известной из них является пазырыкская. К северу от нее изучены древние комплексы, атрибутированные каменной культурой. Они распространены на территории южной части Обь-Иртышского междуречья, а также на правобережье Верхней Оби (Фролов, Тишкин, 2019) и датируются в пределах VI–I вв. до н. э. В курганах встречаются детали конского снаряжения, однако остеологические останки коней находят редко. При раскопках в Алейской степи памятника Локоть-4а были обнаружены кости лошадей (Шульга, 2003), которые позволили нам впервые осуществить палеогенетические исследования и сравнить полученные результаты с другими имеющимися данными, что будет представлено ниже. В материалах каменной культуры отмечено влияние сакского компонента (Иванов, 2016; Фролов, Тишкин, 2019; и др.). Это подтверждается антропологическими определениями (Рыкун, 2013; Лейбова, Тур, 2022; и др.).

Носители пазырыкской культуры мигрировали на территорию горной части Алтая во второй половине VI в. до н. э. и проживали там до II в. до н. э. (Тишкин, 2007; 2019). Морфометрические

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00470: «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

² Мария Александровна Куслий — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; Институт молекулярной и клеточной биологии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: kusliy.maria@mcb.nsc.ru; ORCID: 0000-0001-9069-4744.

³ Петр Иванович Шульга — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: shulgapi55@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5820-1743.

⁴ Петр Константинович Дашковский — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: dashkovskiy@fjn.asu.ru; ORCID: 0000-0002-4933-8809.

⁵ Александр Сергеевич Графодатский — Институт молекулярной и клеточной биологии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: graf@mcb.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-8282-1085.

⁶ Алексей Алексеевич Тишкин — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

данные о лошадях из курганов пазырыкской культуры свидетельствуют о том, что такие домашние животные относились к одной породе с возможным центром происхождения к юго-западу от Алтая (Витт, 1952; Васильев, 2000), что соотносится с предлагаемым регионом происхождения ираноязычных «пазырыкцев» (Тишкин, 2007. С. 128–129, 138 и др.). Полногеномные исследования определили близкое генетическое родство лошадей пазырыкской и сюннуской (хуннуской) культур раннего железного века и коней карасукской культуры периода поздней бронзы (Fages et al., 2019).

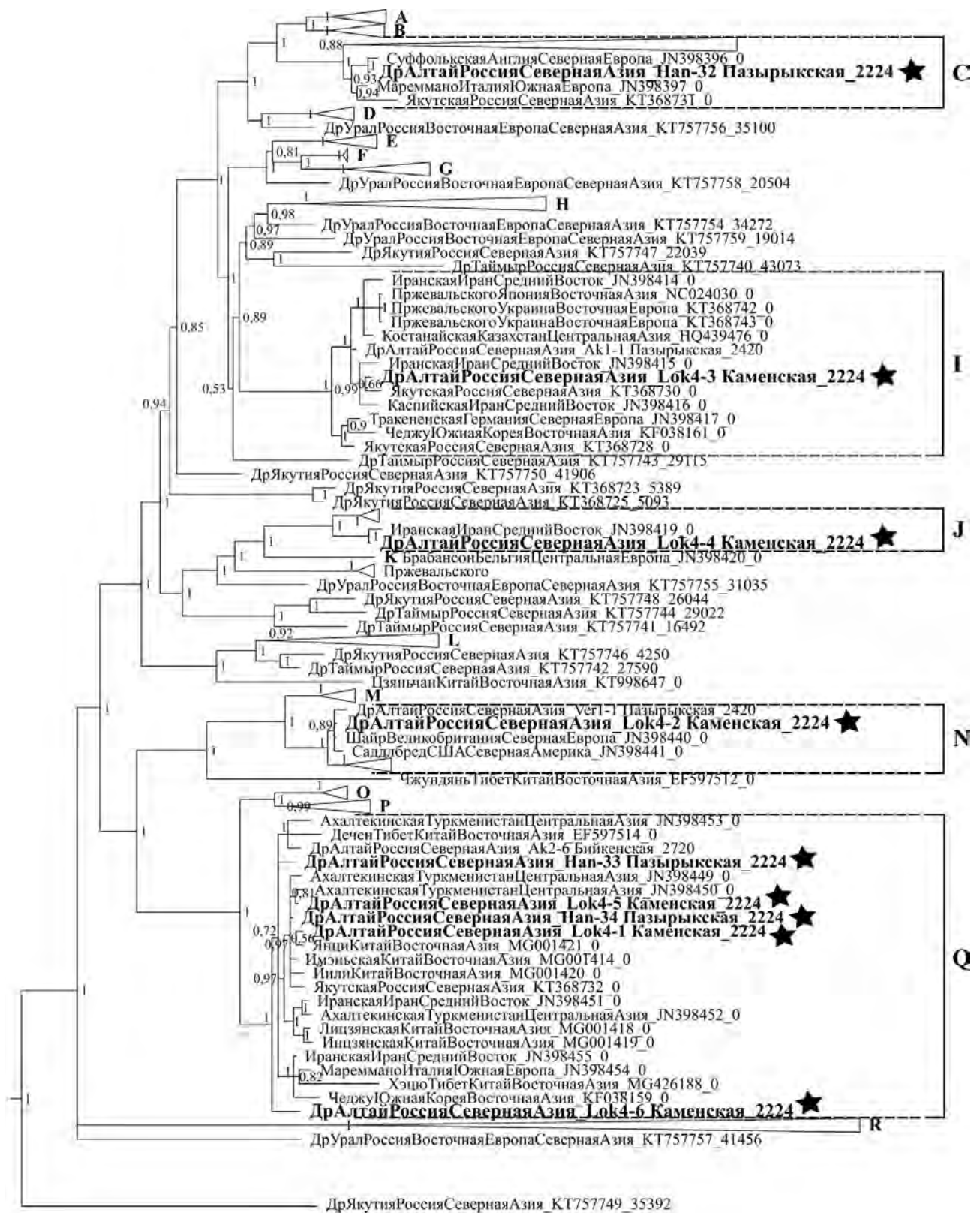
Пазырыкские памятники также распространены на территории Северо-Западного Алтая, который на севере граничит с предгорными и степными регионами. Отмечено их культурное (Dashkovskiy, Usova, 2011) и антропологическое (Лейбова, Тур, 2022) своеобразие. Кони, обнаруженные в курганах, по своим морфометрическим показателям близки к лошадям из других археологических объектов пазырыкской общности (Пластева и др., 2020). Для наших исследований генетические данные были получены для трех лошадей из памятника Ханкаринский Дол (Дашковский, 2016), которые сравнивались с уже имеющимися результатами по другим пазырыкским особям (Vorobieva et al., 2020; Куслий, 2022).

Подробная информация о привлеченных костных образцах приведена в табл. 1.

№	Название образца	Название археологического памятника	Расположение памятника	Тип костного образца	Расположение образца внутри памятника	Время, датировка	Археологическая культура	Руководитель раскопок	Таксономическое определение
1	Lok4-1	Курганная группа Локоть-4а	Россия, Алтайский край, Локтевский район	Каменистая часть (pars petrosa) височной кости	Курган № 2, могила 1	Ранний железный век, IV–III вв. до н. э.	Каменная	Шульга П. И.	Косинцев П. А.
2	Lok4-2	Курганная группа Локоть-4а		Зуб/клык	Курган № 7, могила 1	Ранний железный век, IV–III вв. до н. э.	Каменная	Шульга П. И.	Косинцев П. А.
3	Lok4-3	Курганная группа Локоть-4а		Каменистая часть (pars petrosa) височной кости	Курган № 7, могила 2	Ранний железный век, IV–III вв. до н. э.	Каменная	Шульга П. И.	Косинцев П. А.
4	Lok4-4	Курганная группа Локоть-4а		Каменистая часть (pars petrosa) височной кости	Курган № 7, могила 3	Ранний железный век, IV–III вв. до н. э.	Каменная	Шульга П. И.	Косинцев П. А.
5	Lok4-5	Курганная группа Локоть-4а		Зуб/клык	Курган № 8, могила 2	Ранний железный век, IV–III вв. до н. э.	Каменная	Шульга П. И.	Косинцев П. А.
6	Lok4-6	Курганная группа Локоть-4а		Зуб/М2	Курган № 14, могила 1	Ранний железный век, IV–III вв. до н. э.	Каменная	Шульга П. И.	Косинцев П. А.
7	Han-32	Курганная группа Ханхаринский Дол	Россия, Алтайский край, Краснощевковский район	Каменистая часть (pars petrosa) височной кости	Курган № 36, западная лошадь (жеребец)	Ранний железный век, IV–III вв. до н. э.	Пазырыкская	Дашковский П. К.	Пластева Н. А.
8	Han-33	Курганная группа Ханхаринский Дол		Зуб/P2	Курган № 36, жеребец	Ранний железный век, IV–III вв. до н. э.	Пазырыкская	Дашковский П. К.	Пластева Н. А.
9	Han-34	Курганная группа Ханхаринский Дол		Каменистая часть (pars petrosa) височной кости	Курган № 37, лошадь (жеребец?), меньше 4 лет	Ранний железный век, IV–III вв. до н. э.	Пазырыкская	Дашковский П. К.	Пластева Н. А.

Табл. 1. Костные образцы лошадей пазырыкской и каменной культур

Table 1. Bone samples of horses of the Pazyryk and Kamen' cultures

0.003

Рис. 1. Филогенетическое древо лошадей. Названия образцов состоят из следующих частей, разделенных нижним подчеркиванием: 1) название места географического происхождения соответствующего древнего образца или породы лошадей, приставка «Др» обозначает древних лошадей; 2) регистрационный номер базы данных GenBank или названия образца и археологической культуры; 3) возраст образца на основе радиоуглеродного анализа или археологических и палеонтологических данных. Буквы А–R — это названия митогрупп по классификации Ахилли и соавторов (*Achilli et al.*, 2012). Символом «звезда» обозначены исследованные нами образцы древних лошадей. Байесовская апостериорная вероятность топологии древа представлена в виде чисел рядом с узлами древа. Внизу рисунка под горизонтальной линией указано количество нуклеотидных замен, относящихся к отрезку ветви древа, обозначенному этой линией. Для улучшения визуализации рисунка некоторые клады древа были свернуты

Fig. 1. Phylogenetic tree of horses: Specimen names consist of the following parts, separated by an «underscore»: 1) the geographical origin place name of the corresponding ancient specimen or breed of horses, the prefix «Др» denotes ancient horses, 2) the GenBank database registration number or sample and archaeological culture name, 3) age of the sample based on radiocarbon dating or archaeological and paleontological data. The letters A–R are the names of mitogroups according to the classification of Achilli and co-authors (*Achilli et al.*, 2012). The «star» symbol denotes the samples of ancient horses we have studied, the genetic information about which is published here. The Bayesian posterior probability of the tree topology is represented as numbers next to the tree nodes. At bottom of the figure, under the horizontal line, the number of nucleotide substitutions related to the segment of the tree branch indicated by this line is shown. To improve the visualization of the figure, some clades of the tree are curtailed

Все эксперименты с древней ДНК до этапа ПЦР (полимеразная цепная реакция) проводились в лабораторных помещениях, предназначенных только для исследований древней ДНК, в Институте молекулярной и клеточной биологии СО РАН (г. Новосибирск, Россия) в соответствии с основными «критериями аутентичности» для древней ДНК (*Willerslev, Cooper*, 2005). Молекулярно-генетические и биоинформатические методы получения последовательностей митохондриальных геномов лошадей и построения филогенетических реконструкций подробно описаны в диссертации М. А. Куслий (*Куслий*, 2022).

В результате проведенного анализа получены 9 консенсусных последовательностей митохондриальных геномов исследованных древних лошадей с шириной покрытия больше 90 %. Объединив их с 212 полными и почти полными последовательностями митохондриальных геномов древних, средневековых, исторических и современных лошадей из нуклеотидной базы данных GenBank, мы выполнили множественное нуклеотидное выравнивание. Поскольку последовательность гена, кодирующего НАДН-дегидрогеназный комплекс, получилась неполной у указанных лошадей с Алтая, то мы убрали последовательность этого гена из множественного выравнивания. На сформированной основе проводились филогенетические реконструкции, визуализированные на древе, которое отражено на **рис. 1**.

Как видно на древе, гаплогруппа Q объединила гаплотипы лошадей пазырыкской культуры Северо-Западного Алтая и каменной культуры. К ней также относится лошадь бийкенской культуры Алтая (конец IX — 2–3-я четверть VI в. до н. э.). Большинство гаплотипов этой гаплогруппы принадлежат лошадям ахалтекинской верховой породы Центральной Азии и лошадям разных пород Китая (*Там же*). Один из гаплотипов лошадей каменной культуры является базальным по отношению ко всем другим гаплотипам гаплогруппы Q. Это свидетельствует о том, что лошадь с этим гаплотипом относилась к предковой для этой гаплогруппы группе лошадей. Другие полученные нами гаплотипы лошадей каменной культуры оказались в гаплогруппах I, J, N, в которых они близки гаплотипам лошадей Среднего Востока и пазырыкским лошадям Южного Алтая (Ak1-1, Ver1-1). Исследованные лошади из Ханкаринского Дола оказались не близки по митохондриальной ДНК лошадям из курганов пазырыкской культуры Южного Алтая. Это указывает на различия в митохондриальном генофонде пазырыкских лошадей разных регионов Алтая. Однако

для того чтобы сделать окончательные выводы, необходимо исследовать репрезентативное число качественных костных образцов от лошадей пазырыкской культуры, а также изучить ядерные генетические маркеры.

- Васильев*, 2000 — *Васильев С. К.* Лошади из погребений скифского времени Горного Алтая // Феномен алтайских мумий / Под ред. В. И. Молодина, А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. С. 237–242.
- Витт*, 1952 — *Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. XVI. С. 163–205.
- Дашковский*, 2016 — *Дашковский П. К.* Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский Дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. IX. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2016. С. 42–66.
- Иванов*, 2016 — *Иванов С. С.* Этнокультурные взаимосвязи ранних кочевников Притяньшанья и Алтая в скифо-сакскую эпоху // МБА. 2016. № 2. С. 869–885.
- Куслий*, 2022 — *Куслий М. А.* Генетическое разнообразие древних и современных лошадей Алтая и сопредельных территорий: Дисс. ... канд. биол. наук. Новосибирск, 2022. 313 с.
- Лейбова, Тур*, 2022 — *Лейбова Н. А., Тур С. С.* Новые данные к одонтологии носителей пазырыкской культуры Горного Алтая // Вестник антропологии. 2022. № 2. С. 174–192.
- Пластеева и др.*, 2020 — *Пластеева Н. А., Дашковский П. К., Тишкин А. А.* Морфологическая характеристика лошадей из памятников пазырыкской культуры Северо-Западного Алтая // ТПАИ. 2020. № 4. С. 123–130.
- Рыкун*, 2013 — *Рыкун М. П.* Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменной культуры). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2013. 284 с.
- Тишкин*, 2007 — *Тишкин А. А.* Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. 356 с.
- Тишкин*, 2019 — *Тишкин А. А.* Пазырыкская культура // История Алтая: в 3 т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / Под общ. ред. А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во АлтГУ; Белгород: Константа, 2019. С. 243–255.
- Фролов, Тишкин*, 2019 — *Фролов Я. В., Тишкин А. А.* Каменная культура // История Алтая: в 3 т. Т. 1: Древнейшая эпоха, древность и средневековье / Под общ. ред. А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во АлтГУ; Белгород: Константа, 2019. С. 255–272.
- Шульга*, 2003 — *Шульга П. И.* Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2003. 204 с.
- Achilli et al.*, 2012 — *Achilli A., Olivieri A., Soares P., ... Felicetti M.* Mitochondrial genomes from modern horses reveal the major haplogroups that underwent domestication // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2012. No. 7. P. 2449–2454.
- Dashkovskiy, Usova*, 2011 — *Dashkovskiy P. K., Usova I. A.* Pazyryk Burial at Khankarinsky Dol in the Northwestern Altai // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2011. No. 47. P. 78–84.
- Fages et al.*, 2019 — *Fages A., Hanghøj K., Khan N., Orlando L.* Tracking Five Millennia of Horse Management with Extensive Ancient Genome Time Series // Cell. 2019. Vol. 177/6. P. 1419–1435.e31.
- Vorobieva et al.*, 2020 — *Vorobieva N. V., Makunin A. I., Druzhkova A. S., Graphodatsky A. S.* High genetic diversity of ancient horses from the Ukok Plateau // PLoS ONE. 2020. Vol. 15/11. P. e0241997.
- Willerslev, Cooper*, 2005 — *Willerslev E., Cooper A.* Ancient DNA // PRSB. 2005. Vol. 272/1558. P. 3–16.

A comparative analysis of mitochondrial genomes of horses from barrows of the Kamen' and Pazyryk cultures of the Altai: preliminary results

Mariya A. Kuslii⁷, Pyotr I. Shul'ga⁸, Pyotr K. Dashkovskii⁹,
Aleksandr S. Grafodatskii¹⁰, Aleksei A. Tishkin¹¹

Annotation. *For the first time, the mitochondrial genomes of six horses have been examined, osteological material from which was obtained during excavations of the Kamen' culture site of Lokot'-4a. For comparative analysis, the available results from the GenBank nucleotide database have been used. Samples from three horses from the Pazyryk culture barrow group of Khankara Dol have also been studied. Phylogenetic reconstructions has showed the presence of ancestral haplotypes of horses from the Biiken and the Pazyryk cultures of the Southern Altai among the Kamen' culture horses. At the same time, the similarity of haplotypes of the Pazyryk horses of Northwestern and Southern Altai have not been revealed.*

Keywords: *Altai, Kamen' culture, Pazyryk culture, horses, mitochondrial DNA, phylogenetics*

⁷ Mariya A. Kuslii — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; Institute of molecular and cellular biology of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: kusliy.maria@mcb.nsc.ru; ORCID: 0000-0001-9069-4744.

⁸ Pyotr I. Shul'ga — Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: shulgapi55@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-5820-1743.

⁹ Pyotr K. Dashkovskii — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru; ORCID: 0000-0002-4933-8809.

¹⁰ Aleksandr S. Grafodatskii — Institute of molecular and cellular biology of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: graf@mcb.nsc.ru; ORCID: 0000-0002-8282-1085.

¹¹ Aleksei A. Tishkin — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

О некоторых боспорских параллелях находкам из некрополя Тилля-тепе¹

И. Ю. Шауб²

Аннотация. Автор рассматривает черты сходства между некоторыми первостепенными по своей сакральной значимости предметами погребального инвентаря из могил кочевников в Тилля-тепе и из курганов, оставленных жившими на Боспоре Киммерийском скифами, и приходит к выводу, что несмотря на пространственную и временную дистанцию, этот феномен обусловлен лежащим в его основе общим скифо-сакским наследием.

Ключевые слова: Тилля-тепе, Боспор Киммерийский, кочевники, погребения, ювелирные изделия, религиозные верования

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-278-281

Буквально сразу после того, как В. И. Сарияниди опубликовал свои сенсационные открытия в Тилля-тепе, началось активное осмысление предметов погребального инвентаря, найденных в относящихся к первой половине I в. н. э. захоронениях тамошнего «царя» (погребение 4) и его жен (погребения 1–3, 5 и 6). С тех пор продолжают оживленные дискуссии по поводу интерпретации персонажей, представленных на роскошных золотых ювелирных изделиях, украшавших покойных. Поскольку большинство этих украшений имеет кочевнический облик, то «предпочтительнее искать» им «соответствия у восточных (а не западных) скифов, некогда обитавших на пустынных среднеазиатских просторах вплоть до Южной Сибири и Алтая» (Сарияниди, 1989. С. 163). В принципе, это замечание В. И. Сарияниди верно, и исследователи обычно им руководствуются. Однако западные аналогии ювелирных изделий из Тилля-тепе также прослеживаются, на что обратили внимание как сам первооткрыватель этого замечательного памятника, так и некоторые другие ученые. Правда, в основном это были замечания, сделанные вскользь. Так, Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель не просто увидели черты сходства между представленным на золотых височных подвесках из погребения 2 «Владыкой зверей» (В. И. Сарияниди назвал его «государем-драконоборцем»: Там же. С. 59, рис. 18) (рис. 1, 1) и змееногой богиней, запечатленной на золотых бляшках из Куль-Обы (рис. 1, 4), но сочли, что именно она изображена на этих подвесках (хотя и в несколько ином облике), назвав ее «Владычицей зверей» (Pugachenkova, Rempel, 1992. Р. 14). Они же обнаружили, что золотые композиции в виде женщины, сидящей с двуручным сосудом в руке на пантере, украшавшие пояс «царя» из Тилля-тепе (погр. 4), напоминают некоторые изображения на золотых бляшках из скифского кургана Большая Близница IV в. до н. э. на Таманском полуострове (Ibid. Р. 31). На одной из этих бляшек изображена менада с канфаром в руке, сидящая боком на идущей пантере (рис. 1, 6); другая едет на бегущем грифоне (рис. 1, 7). Таким образом, по мнению Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля, хотя поясные бляхи Тилля-тепе могли быть связаны с культом Диониса, более допустимо, что представленная на них фигура является изображением Владычицы зверей. Это, полагают исследователи, тем более вероятно, поскольку богиня на реальном или воображаемом хищнике — популярный мотив в позднеантичном искусстве Центральной Азии и Восточного Ирана (Ibid. Р. 18).

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Игорь Юрьевич Шауб — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: schaubigor@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9205-381X.

Дж. Бордман сравнил иконографию «Ариадны» на золотой пряжке со сценой «дионисийского брака» из погребения 6 (*Сарианиди*, 1989. Рис. 44) (рис. 1, 3) с изображением менады на одной из вышеупомянутых золотых бляшек из Большой Близницы (*Boardman*, 2012. P. 108, fig. 7) (рис. 1, 6).

Что касается сходства «государя-драконоборца» со змееногой богиней, о котором пишут Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель, то оно представляется весьма отдаленным. В то же время отмеченные ими и некоторыми другими исследователями аналогии между женскими персонажами тиллятепинских украшений и менадами бляшек из Большой Близницы (рис. 1, 6, 7) сомнений не вызывают. При этом следует особо выделить тот факт, что боспорские бляшки с менадами украшали калаф жрицы культа, в котором почитание Великой Богини всего сущего сочеталось с дионисийством

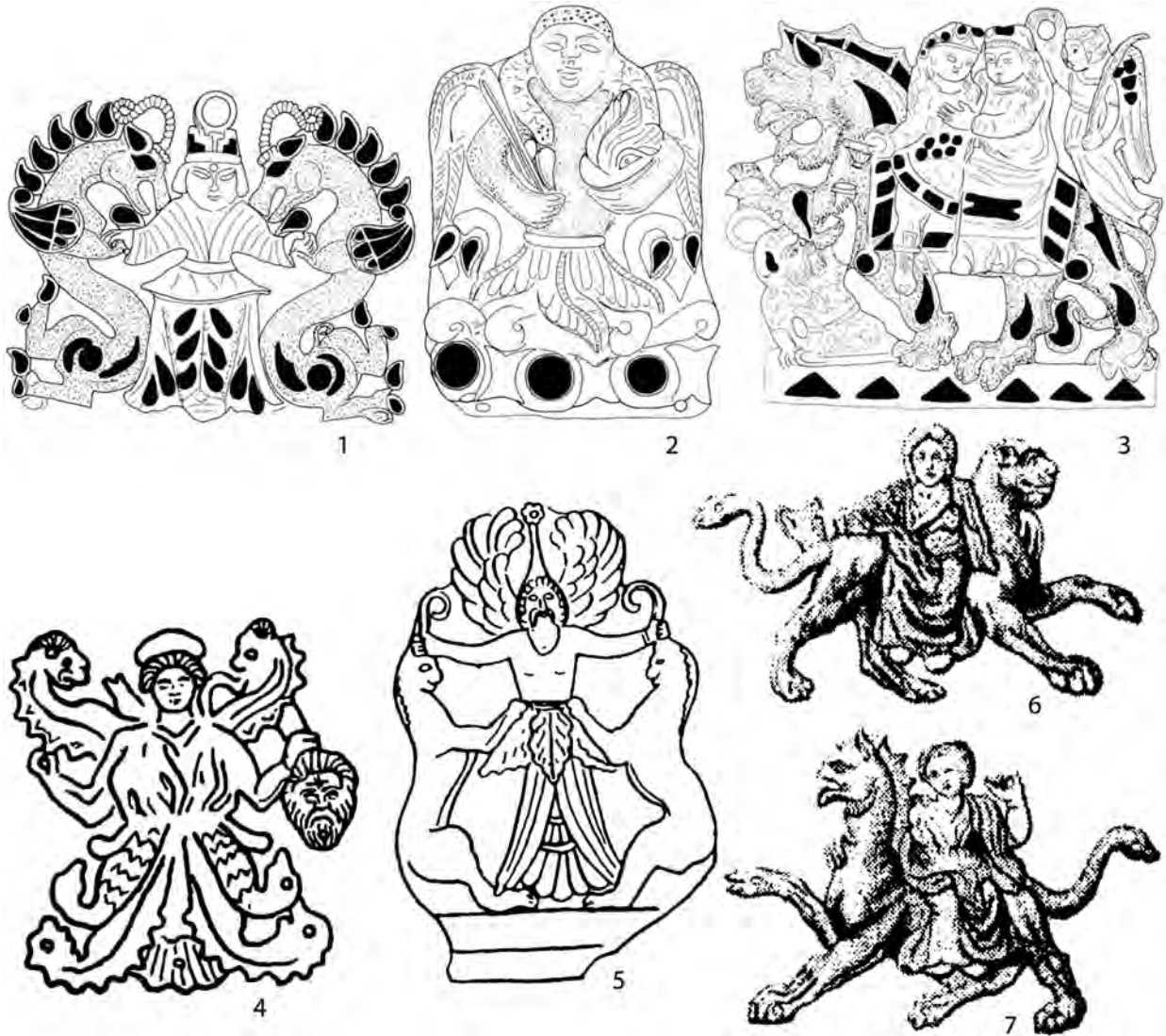

Рис. 1. 1 — «Владыка зверей»: височная подвеска, золото, бирюза, сердолик (Тилля-тепе, погребение 2, I в. н. э.) (по: *Pfrommer*, 1996. Abb. 4); 2 — «Rankengott»: пластина, золото, бирюза, сердолик (Тилля-тепе, погребение 1, I в. н. э.) (по: *Ibid.* Abb. 5); 3 — дионисийская сцена: золото, бирюза, сердолик (Тилля-тепе, погребение 6, I в. н. э.) (по: *Ibid.* Abb. 6); 4 — змееногая богиня: бляшка, золото (Куль-Оба, IV в. до н. э.) (по: *Шайб*, 2007а. Рис. 16а); 5 — «Владыка зверей»: акротерий, мрамор (Боспор, III в. до н. э.) (по: *Бессонова*, 1983. Рис. 10, 3); 6, 7 — менады: бляшки, золото (Большая Близница, IV в. до н. э.) (по: *Шайб*, 2007а. Рис. 85)

Fig. 1. 1 — «Lord of Animals»: temple pendant, gold, turquoise, carnelian (Tillya-Tepe, burial 2, 1st century AD) (after *Pfrommer*, 1996. Abb. 4); 2 — «Rankengott»: plate, gold, turquoise, carnelian (Tillya-Tepe, burial 1, 1st century AD (after *Ibid.* Abb. 5); 3 — Dionysiac scene: gold, turquoise, carnelian (Tillya-Tepe, burial 6, 1st century AD (after *Ibid.* Abb. 6); 4 — snake-legged goddess: plaque, gold (Kul'-Oba, 4th century BC) (after *Шайб*, 2007а. Рис. 16а); 5 — «Lord of Animals»: acrotherium, marble (Bosporus, 3rd century BC) (after *Бессонова*, 1983. Рис. 10, 3); 6, 7 — menades: plaques, gold (Bol'shaya Bliznitsa, 4th century BC) (after *Шайб*, 2007а. Рис. 85)

(Шауб, 1987; 2007а; 2011б; 2017). Эта аналогия (наряду с рядом других) позволяет с уверенностью предполагать, что как сам «царь», так и его жены исполняли ритуальные функции в схожем культе.

Пожалуй, глубже других исследователей проследил причерноморские аналогии ювелирным изделиям из Тилля-тепе М. Пфроммер (*Pfrommer*, 1996), по мнению которого на вышеупомянутых золотых височных подвесках из погребения 2 представлен не «государь-драконоборец» и не змееногий персонаж, как предполагал Сариниди (*Sarianidi*, 1985. P. 20), а полуантропоморфный и полуфитоморфный «Владыка зверей» (*Pfrommer*, 1996. S. 96 ff.). Этот мужской аналог *Rankengöttin* (богини с растительными побегами или змеями вместо ног), полагает Пфроммер, уже в первой половине IV в. до н. э. входит в круг Зевса Сабазия. Замечу в этой связи, что фрако-фригийский бог Сабазий изначально очень близок отнюдь не Зевсу, а Дионису, являясь по сути культово-мифологическим дублетом последнего (см.: Шауб, 2023). Появление этого Rankengott (бога с растительными побегами или змеями вместо ног) в Пантикапее вместе с грифонами (Шауб, 2007б) (рис. 1, 5) Пфроммер объясняет скифским влиянием; подобным же образом, по мысли этого исследователя, в том же облики в Тилля-тепе выступает местное кочевническое божество (*Pfrommer*, 1996. S. 98–99). Как бы то ни было, отнюдь не случаен тот факт, что и в некрополе Тилля-тепе, и на Боспоре самым популярным является образ грифона, причем в обоих случаях он может выступать в очень редкой разновидности копытного монстра (*Сариниди*, 1989. С. 59, рис. 18; *Терещенко, Шауб*, 2017).

То же божество с растительными побегами или змеями вместо ног, что и на височных подвесках из погребения 2, видит Пфроммер на золотых пластинах из погребения 1 (*Pfrommer*, 1996. S. 117, Abb. 5) (рис. 1, 2). Здесь это божество выступает в водном аспекте — вокруг его шеи изображен рыбообразный дельфин. Отмечу, что у аналогичного персонажа, представленного на золотых диадемах из Куль-Обы (Шауб, 2007а. Рис. 34) и скифского кургана № 8 у поселка Песочин близ Харькова (*Бабенко*, 2005. С. 122–123, фото 12, рис. 16) ноги в виде растительных побегов оканчиваются протомами морских коньков (об изображениях морских существ и их значении в загробных представлениях боспорян см.: Шауб, 2011а). Композиция из спиралевидных побегов тиллятепинскому ювелиру явно не удалась, но, полагает Пфроммер, нет сомнений в том, что голова божества, представленного на пластинах, не имеет черт кочевника, а скорее походит на изображение Геракла (*Pfrommer*, 1996. S. 117). К этому предположению немецкого исследователя можно добавить и мифологический аргумент: проглоченный морским чудовищем Геракл, в полном соответствии с сюжетом, хорошо известным в разных концах света, теряет свои волосы вследствие жара внутри его чрева (*Абрамян*, 2006). Поскольку персонаж на тиллятепинских пластинах не лыс, а коротко острижен, нужно добавить, что в подобных инициационных мифах облысение тождественно пострижению (*Пропп*, 1946. С. 216).

Сам М. Пфроммер, допуская, что рыба имела особое символическое значение для кочевых народов, вспоминает этногоническую легенду скифов, которые, согласно якобы греческой версии в пересказе Геродота, произошли от Геракла и змееногой богини, тогда как по скифской версии их прародителем был Таргитай — плод брака Зевса и дочери Борисфена (Hdt. IV, 5). Таким образом, скифы являются потомками речного божества, которому очень подходит рыба в качестве атрибута (*Pfrommer*, 1996. S. 117).

Возможно, отнюдь не случаен и тот факт, что в трех женских могилах в Тилля-тепе в составе их инвентаря были специальные жезлы, подобно тому, как в качестве магического атрибута в погребении «царицы-жрицы» в Куль-Обе выступало серебряное веретено (Шауб, 2017; 2018).

Отмеченные черты сходства между некоторыми первостепенными по своей сакральной значимости предметами погребального инвентаря как из могил кочевников в Тилля-тепе, так и из скифских курганов на Боспоре Киммерийском, позволяют заключить, что несмотря на очень значительную пространственную и временную дистанцию между ними, данный феномен был обусловлен лежащими в его основе общими для скифо-сакского мира идеологическими представлениями.

Абрамян, 2006 — *Абрамян Л.* Лысина Геракла, пятка Ахилла и ноги Эдипа в ритуально-мифологическом контексте // *Армянский гуманитарный вестник*. 2006. № 1. С. 43–66.

Бабенко, 2005 — *Бабенко Л. И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: ИД Райдер, 2005. 284 с.

- Бессонова*, 1983 — *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 138 с.
- Пропт*, 1946 — *Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1946. 340 с.
- Сарианиди*, 1989 — *Сарианиди В. И.* Храм и некрополь Тиллятепе. М.: Наука, 1989. 240 с.
- Терещенко, Шауб*, 2017 — *Терещенко А. Е., Шауб И. Ю.* Грифон на боспорских монетах: хронология, особенности, семантика образа // *Новый Гермес*. 2017. Вып. IX. С. 153–168.
- Шауб*, 1987 — *Шауб И. Ю.* Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // *КСИА*. 1987. Вып. 191. С. 27–33.
- Шауб*, 2007а — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.) СПб.: Изд-во СПбГУ; Филологический факультет СПбГУ. 2007. 484 с.
- Шауб*, 2007б — *Шауб И. Ю.* Образ «Владыки зверей» на Боспоре и в Скифии // *Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок. Ч. I* / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: ИГЭ, 2007. С. 27–30.
- Шауб*, 2011а — *Шауб И. Ю.* Морские монстры в загробных представлениях боспорян // *Боспорский феномен: Население, языки, контакты: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.)* / Редколлегия: М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина и др. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 131–137.
- Шауб*, 2011б — *Шауб И. Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 484 с.
- Шауб*, 2017 — *Шауб И. Ю.* Боспорское жречество // *БИ*. 2017. Т. XXXIV. С. 288–324.
- Шауб*, 2018 — *Шауб И. Ю.* О ритуальной функции веретена из погребения «царицы» в кургане Куль-Оба // *ЗИИМК*. 2018. № 19. С. 103–111.
- Шауб*, 2023 — *Шауб И. Ю.* Некоторые особенности культа Диониса у эллинов и варваров Северного Причерноморья // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. 2023. № 15. С. 701–735.
- Boardman*, 2012 — *Boardman J.* Tillya Tepe: Echoes of Greece and China // *Afghanistan: Forging Civilizations along the Silk Road* / Ed. by J. Aruz and V. Firooz. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2012. P. 102–111.
- Pfrommer*, 1996 — *Pfrommer M.* Die Gräber von Tillya-tepe — eine späthellenistisch-frühkaiserzeitliche Nekropole zwischen achämenidischem Erbe, griechischer Tradition und nomadisch-zentralasiatischer Gegenwart // *Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters: Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums 9.–14. März 1994 in Berlin* / Hrsg. von B. Funck. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1996. S. 91–119.
- Pugachenkova, Rempel*, 1992 — *Pugachenkova G. A., Rempel L. I.* Gold from Tillya-tepe // *BAI*. NS. 1992. Vol. 5 (1991). P. 11–25.
- Sarianidi*, 1985 — *Sarianidi V. I.* Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1985. 258 p.

Concerning some Bosporan parallels to the finds from the necropolis of Tillya-Tepe

Igor' Yu. Schaub³

Annotation. *The author examines the similarities between some of the sacredly significant grave artifacts from the graves of nomads discovered at Tillya-Tepe and from the burial mounds left by the Scythians who lived in the Cimmerian Bosporus. He concludes that, despite the spatial and temporal distances, this phenomenon is conditioned by the common Scytho-Saka heritage.*

Keywords: *Tillya-Tepe, Cimmerian Bosporus, nomads, burials, jewelry, religious beliefs*

³ Igor' Yu. Schaub — Institute for the History of Material Culture, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: schaubigor@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9205-381X.

Новейшие данные по иконографии конных дуэлей в искусстве античной эпохи¹

В. П. Никоноров²

Аннотация. Доклад посвящен анализу военных реалий, показанных на двух конских фаларах из сарматского (сиракского) погребения второй половины II в. до н. э., раскопанного в Правобережном Прикубанье в 2017 г. Сражающиеся там всадники представляют собой самые ранние из известных на сегодняшний день изображений тяжелооруженных всадников-катафрактов, оснащенных двуручными пиками и так называемыми рогатыми седлами жесткой конструкции, т. е. важнейшими элементами боевой экипировки, без которых само появление катафрактной конницы в эпоху раннего эллинизма было бы невозможно.

Ключевые слова: сарматы-сираки, Правобережное Прикубанье, конские фалары, катафракты, двуручная пика, «рогатое» седло жесткой конструкции

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-282-292

В совсем недавно вышедшей книге Г. Е. Беспалова, экземпляр которой мне любезно и оперативно презентовал А. В. Дедюлькин, в очень хорошем качестве воспроизведены чрезвычайно интересные находки из погребения 19 кургана 1 в составе курганной группы «Дядьковский 34», расположенной на южной окраине станицы Дядьковской в Кореновском районе Краснодарского края. Это захоронение, оставленное, скорее всего, сарматским племенем сираков и впущенное в насыпь кургана эпохи ранней бронзы, было полностью и тщательно раскопано летом 2017 г. (Беспалый, 2024). Среди обнаруженных предметов сопроводительного инвентаря особое внимание привлекают два серебряных с позолотой конских фалара, декорированных рельефными сценами поединков двух облаченных в чешуйчатые доспехи всадников, держащих пики-контосы в обеих руках (рис. 1). Изображения на этих фаларах практически идентичны и отличаются лишь в некоторых не столь значительных деталях. Головы воинов повязаны диадемами, что указывает на их очень высокий социальный статус (цари или вожди). Еще одной важной особенностью их образов является отсутствие шлемов, а это, в свою очередь, наглядно иллюстрирует сообщения греческих и латинских авторов о том, что знатные иранцы иногда предпочитали вступать в бой с непокрытыми головами, демонстрируя тем самым свою чрезмерную отвагу (Хен. *Anab.* I, 8, 6; Diod. XVII, 83, 5; Curt. VII, 4, 33). На боку правого от зрителя всадника показан комбинированный колчан-горит с луком и стрелами.

На обоих фаларах над сценой конной дуэли нависает фигура крылатого фантастического существа, сочетающего признаки мужского (борода) и женского (большие груди) пола. Впрочем, интерпретация этого сюжета с религиозно-мифологической точки зрения — дело будущего и не является целью настоящего доклада. Скажу только, что перед нами поединок витязей с очень высоким общественным положением (царей, вождей или могучих героев), который навеян эпическими преданиями, необычайно популярными в среде древнеиранских народов и частично сохранившихся благодаря бессмертной поэме Фирдоуси «Шахнаме», где подобные единоборства встречаются довольно часто (см.: Никоноров, 2020).

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

² Валерий Павлович Никоноров — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: vrnikonov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3487-944X.

Моя цель другая, а именно: обратить внимание на несколько весьма серьезных аспектов, касающихся сферы военного дела эллинистического и более позднего времени. Начну с того, что воины на рассматриваемых произведениях искусства являются *катафрактами* (греч. *κατάφρακτοι*, лат. *cataphracti/catafracti*) — так в античных письменных источниках называли закованных в доспехи конных бойцов, действовавших на полях сражений с определенными тактическими задачами (см.: Пугаченкова, 1966; Хазанов, 1968; 1971. С. 71–81; *Mielczarek*, 1993; *Никоноров*, 1995; *Nikonorov*, 1998; *Potts*, 2012). Их появление в эпоху раннего эллинизма, где-то на рубеже IV–III вв. до н. э., было детерминировано стремлением народов Средней Азии найти способ противостоять оснащенной длинными пиками пешей фаланге и кавалерии македонской армии, которые показали очень высокую эффективность в боях с бактрийцами, согдийцами, дахами, массагетами и саками во время вторжения Александра Македонского в их земли в 330–327 гг. до н. э. В результате этих поисков в среде кочевых среднеазиатских племен из представителей племенной военной аристократии были сформированы контингенты тяжеловооруженной конницы, которые сражались на поле боя в строгом тактическом единстве с более многочисленной легкой кавалерией, набиравшейся из членов незначительных родов. Данному новшеству сопутствовал несомненный успех. Утверждать это позволяет хотя бы тот факт, что апартны — кочевники, вышедшие из массива дахо-массагетских племен, обитавших между Каспийским и Аральскими морями, — во главе со своим вождем Аршаком (будущим первым парфянским царем Аршаком I) во второй половине III в. до н. э. напали на Парфиену и Гирканию — области на северо-востоке Ирана — и отторгли их от Селевкидов. Затем преемники Аршака I постепенно распространили свою власть на огромную территорию — от Арахозии на востоке до Месопотамии на западе (см.: *Olbrycht*, 1998). Безусловно, столь обширная империя парфянских Аршакидов могла возникнуть только при условии наличия значительной военной мощи у пришедших в Северо-Восточный Иран кочевников-апарнов, которые принесли со своей степной родины все важнейшие на то время достижения в сфере военного искусства. Эти новшества, и прежде всего боевая тактика с использованием *катафрактов*, позволили парфянам во второй половине III — II в. до н. э. сокрушить селевкидское господство в Юго-Западной Средней Азии, Иране и Месопотамии, а начиная с середины I в. до н. э. в целом успешно противостоять экспансии Рима в восточном направлении (*Никоноров*, 1995; 2010; *Nikonorov*, 1997. Vol. 1, p. 20–23; см. также: *Olbrycht*, 2003). Селевкиды первыми заимствовали *катафрактов* у парфян (*Mielczarek*, 1998), а позднее, во многом под влиянием последних, этот грозный род кавалерии распространился по остальному античному миру.

Само собой разумеется, происхождение двух фаларов из погребения 19 кургана 1 в станице Дядьковской не следует связывать исключительно с сиракским этносом. Их попадание в могилу знатного представителя этого народа можно объяснять по-разному, но в лучшем случае это будут лишь предположения. Конечно же, нет никаких твердых оснований видеть в изображенных персонажах парфян. Вполне очевидна только связь этих артефактов с иранским миром в широком смысле этого слова, где и зародился рассматриваемый вид конных войск.

Обычно в исследованиях, посвященных *катафрактам*, основное внимание уделяется их оружию, доспехам и тактическому применению. Однако теперь, благодаря изображениям на дядьковских фаларах, следует внести некоторые важные дополнения. Несомненно, главным оружием бойцов *катафрактной* кавалерии была длинная и тяжелая пика — *контос* (греч. *κοῦτός*, лат. *contus*), которой они на полном скаку могли с одного удара пронзить сразу двух неприятельских воинов (Plut. *Crass.* 27, 2; Heliod. IX, 15, 6; ср.: Dio Cass. XL, 22, 3). Изображения таких пик хорошо представлены в иконографии первых веков н. э. с территории Ирана, Средней Азии, Месопотамии, Сирии и Северного Причерноморья (*Gall*, 1990. Abb. 1, 3–5, 10, Taf. 1–18, 23, 1; *Никоноров*, 2020. Рис. 1; 4, 1–6) (рис. 2, 4–8). Ими сражались, держа в обеих руках, что значительно повышало акцентированность и пробивную силу удара. По всей вероятности, прототипом *контоса* явилась *сарисса* (греч. *σάρισσα/σάρισα*, лат. *sarissa/sarisa*) — пика македонского конного воинства длиной ок. 5 м (*Connolly*, 2000. P. 107–109), которую всадники держали в одной руке, тогда как во второй сжимали поводья, обеспечивая себе тем самым необходимую точку опоры в момент нанесения удара (рис. 2, 1–3). Правда, *контосы* не были столь длинными — например, в среднем сарматские пики достигали в длину 3 м (*Симоненко*, 2015. С. 90–93). В принципе пики *катафрактов* могли быть и несколько длиннее — до 3,5 м (*Nikonorov*, 1997. Vol. 2, p. 24), но археологически это пока никак не подтверждено.

1a

0 10 см

2a

0 10 см

1б

2б

1в

1г

2в

Рис. 1. 1а, 1б, 2а, 2б — два серебряных с позолотой фалара из погребения второй половины II в. до н. э. в кургане 1 близ станицы Дядьковской в Краснодарском крае; 1в, 1г, 2в — детали изображений на этих фаларах (по: Беспалый, 2024. Ил. 135, 137, 139, 141, 144, 146, 153). 1в, 1г, 2в — не в масштабе

Fig. 1. 1a, 1b, 2a, 2b — two silver gilded phalerae from a burial of the latter half of the 2nd century BC in Barrow 1 near the Cossack village of Dyadkovskaya in the Krasnodar Krai; 1v, 1g, 2v — details of depictions on these phalerae (after Беспалый, 2024. Ил. 135, 137, 139, 141, 144, 146, 153). 1v, 1g, 2v — not to scale

Захоронение 19 кургана 1 в Дядьковской вполне надежно датируется второй половиной II в. до н. э., поэтому изображения *катафрактов* на фаларах из него на сегодняшний день являются самыми ранними из всех известных до сих пор. Важно подчеркнуть, что здесь бойцы держат свои пики обеими руками (**рис. 1**), т. е. способом, обычным именно для *катафрактов*. Тут самое время заметить, что обеспечить такой хват в бою вовсе не могла так называемая сарматская посадка, описанная следующим образом: «... всадники держат пики обеими руками: левая, вытянутая, поддерживает древко, согнутая в локте правая направляет удар. Но этого было недостаточно. Лошади катафрактариев стремян не имели, поэтому при сильном ударе всадник мог оказаться выброшенным из седла. Чтобы этого не случилось, торс всадников был повернут левым плечом вперед, а ноги согнуты коленях» (Хазанов, 1971. С. 49 — со ссылкой на: Блаватский, 1949. С. 97). Следует признать, что данный тезис очень уязвим для критики (Горончаровский, Никоноров, 1987. С. 209–210; Симоненко, 2002. С. 110–121; 2015. С. 93–100). Очень странно, что сторонники теории о «сарматской посадке» практически ничего не говорят о роли такого важнейшего элемента всаднического снаряжения, как седло, и в лучшем случае лишь изредка и очень бегло упоминают его (Блаватский, 1949; 1968; Хазанов, 1971; Перевалов, 1999; 2007; Гаубов, Кошеленко, 2013). В то же время представляется более чем очевидным, что только седло, причем обязательно жесткой конструкции, могло обеспечить конному пикейщику возможность усидеть верхом в момент нанесения удара по противнику оружием, сжимаемым в обеих руках, причем на полном скаку. Без такого седла никакие телодвижения не помогли бы воину преодолеть элементарные законы физики и удержаться на коне. В этой связи напомним, что вооруженные *сариссами* македонские всадники, использовавшие вместо настоящих седел лишь седельные покрывки, изготовленные из мягких материалов, в подобных ситуациях держали пику в одной руке, а второй опирались на поводья (**рис. 2, 1–3**).

На дядьковских фаларах воины как раз сидят на седлах жесткой конструкции, передние упоры которых прилегают к верхней части бедер седоков (**рис. 1**). Вне всякого сомнения, это седла так называемого рогатого типа. Согласно заключению П. Коннолли, который посвятил изучению «рогатых» седел два десятка лет (1984–2004), их конструкция была жесткой и состояла из обтянутого кожей деревянного каркаса с мягкой набивкой, к углам которого были прикреплены четыре упора «рога», причем два передних монтировались под углом к каркасу, а два задних — вертикально. Все упоры были деревянными и усиливались бронзовыми или медными накладками³, снабженными небольшими отверстиями для прикрепления гвоздиками вдоль краев. Эти «рога» прочно охватывали сидящего в седле всадника и обеспечивали ему тем самым максимально надежную и удобную посадку на коне, что в конечном счете давало возможность эффективно использовать оружие в боевой обстановке. «Рогатые» седла вполне компенсировали конным воинам отсутствие стремян, появившихся в экипировке конных воинов лишь в конце первой половины I тыс. н. э., да и то на дальнем востоке Евразийского материка. Помимо устойчивой посадки наездника верхом в боевых

³ В англоязычной литературе в качестве материала, из которого были изготовлены такие накладки, часто фигурирует «сплав меди» (соррег alloy), и хотя при этом не указывается легирующий компонент этого сплава, надо полагать, что речь идет о бронзе. Впрочем, существует мнение, что такие накладки-усилители «обычно делались из нелегированной меди, которая кажется лучшим выбором металла для седельных “рогов”. Медь как мягкий, ковкий и пластичный металл легко формуется и хорошо реагирует на различные нагрузки. По той же самой причине она регулярно использовалась для изготовления заклепок в предметах римского военного снаряжения» (Isteneč et al., 2018. P. 172, 174).

1

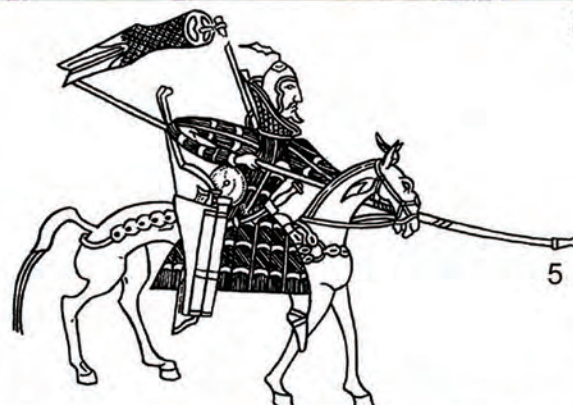
2

3

4

5

8

6

7

условиях, кавалерийские седла рассматриваемого вида также обеспечивали перераспределение веса всадника с позвоночника лошади на бока, т. е. значительно уменьшали травматические последствия давления на ее хребет. Само седло крепилось к телу скакуна при помощи подпружного, подхвостного и нагрудного ремней, не позволявших ему скользить по спине (*Connolly, 1987; Connolly, Driel-Murray, 1991; Driel-Murray et al., 2004*).

К этим выводам П. Коннолли пришел, основательно изучив все доступные ему источники — иконографические и вещественные. К первым относятся изображения на памятниках римского искусства раннеимперской эпохи (**рис. 3, 1–5**), ко вторым — артефакты, найденные на месте римских укреплений I–II вв. н. э. в Западной Европе, в число которых входят: два комплекта, каждый состоящий из четырех металлических накладок-усилителей, на два передних и два задних седельных упора-«рога» из Ньюстеда (Шотландия) (**рис. 3, 8–11**) и еще один такой комплект из Ротвайля (Германия), а также фрагменты кожаных чехлов седел, на которых выявлены четкие следы напряжения, загибов и износа, указывающие на то, что они были натянуты на жесткий (деревянный) каркас, из Виндоланды, Карлайла, Каслфорда (Англия), Валкенбурга, Вехтена (Нидерланды) и Ньюстеда (**рис. 3, 6**). Особенно важно подчеркнуть, что П. Коннолли провел серьезную экспериментально-реконструкторскую работу и изготовил порядка 25 реплик римских «рогатых» седел I–II вв. н. э. (**рис. 3, 14**).

Основываясь на исследованиях П. Коннолли, Дж. Херрманн выявила целый ряд изображений седел «рогатого» типа на произведениях искусства позднепарфянского и раннесасанидского времени (I–IV вв. н. э.) с территории Ирана и Ближнего Востока (*Herrmann, 1989. P. 765–769, fig. 7b–e, pl. IIIa, V–VIII, XII–XV*). Она же высказала предположение (и, очевидно, совершенно справедливое), что главным импульсом к развитию этих седел послужило, несомненно, появление тяжеловооруженной конницы уже к началу парфянского периода (*Ibid. P. 764*).

Необходимо отметить, что некоторые исследователи все же полагают, что седла «рогатого» типа были по своей конструкции мягкими (*Junkelmann, 1992; Степанова, 2015*). Тем не менее, точка зрения П. Коннолли выглядит гораздо более убедительной по той причине, что, помимо упомянутых выше находок фрагментов кожаных облицовок и металлических накладок на упоры-«рога», не так давно были обнаружены исключительно важные дополнительные материальные свидетельства

Рис. 2. 1 — деталь мозаики Александра из Помпей, последняя треть IV в. до н. э. (по: *Moreno, 2001. Pl. I*); 2 — деталь скульптурного декора «Саркофага Александра» из Сидона, последняя треть IV в. до н. э. (по: *Palagia, 2017*); 3 — фрагмент настенной живописи в Македонской гробнице («Гробнице Кинха») в Лefкадии, начало III в. до н. э. (по: *Ibid., 2017. Fig. 11.5*); 4 — терракота из парфянской Месопотамии, I — начало III в. н. э. (по: *Curtis, Tallis, 2012. P. 154, cat. 115*); 5 — деталь изображения на большой костяной пластине из кургана № 2 Орлатского могильника в Самаркандской области, I–II вв. н. э. (по: *Никоноров, Худяков, 1999. Рис. 4, 2*); 6 — фрагмент копии утраченной настенной росписи в керченском склепе (Крым), II–III вв. н. э. (*Виноградов, Медведева, 2017. Ил. 60*); 7 — наскальный боевой рельеф Ардашира I в Фирузабаде (Парс/Фарс), около 225 г. н. э. (по: *Overlaet, 2013. Fig. 6*); 8 — деталь наскального боевого рельефа Хормизда II (302–309) в Накш-и Рустаме (Парс/Фарс) (по: *Ghirshman, 1962. Fig. 219*). Не в масштабе

Fig. 2. 1 — detail of the Alexander Mosaic from Pompeii, last third of the 4th century BC (after *Moreno, 2001. Pl. I*); 2 — detail of sculptural decoration of the «Alexander Sarcophagus» from Sidon, last third of the 4th century BC (after *Palagia, 2017. Fig. 11.4*); 3 — wall painting fragment in the Macedonian Tomb (the «Kinch Tomb») at Lefkadia, early 3rd century BC (after *Ibid., 2017. Fig. 11.5*); 4 — terracotta from Parthian Mesopotamia, 1st — early 3rd century AD (after *Curtis, Tallis, 2012. P. 154, cat. 115*); 5 — detail of a depiction on the large bone plate from Barrow no. 2 of the Orlat burial ground in the Samarkand region, 1st — 2nd centuries AD (after *Никоноров, Худяков, 1999. Рис. 4, 2*); 6 — copy fragment of lost wall painting in a Kerch crypt (Crimea), 2nd — 3rd centuries AD (after *Виноградов, Медведева и др., 2017. Ил. 60*); 7 — rock combat relief of Ardashir I at Firuzabad (Pars/Fars), around 225 (after *Overlaet, 2013. Fig. 6*); 8 — detail of the rock combat relief of Hormuzd II (302–309) at Naqsh-i Rostam (Pars/Fars) (по: *Ghirshman, 1962. Fig. 219*). Not to scale

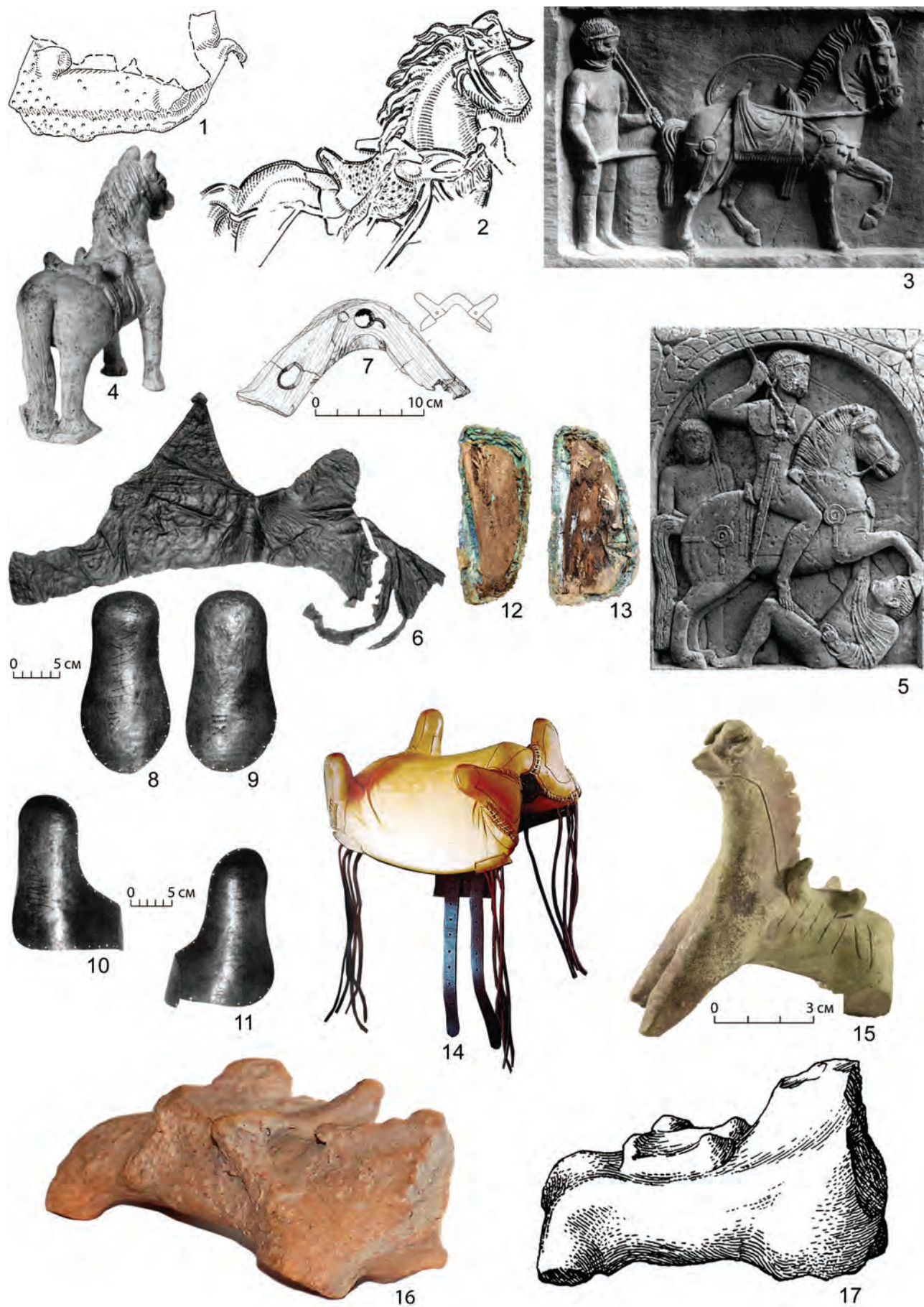

Рис. 3. 1 — рельеф Триумфальной арки в Глануме, ок. 10–20 гг. н. э. (по: *Rolland*, 1977. Pl. 27); 2 — рельеф Мавзолея Юлиев в Глануме, ок. 30–20 гг. до н. э. (по: *Rolland*, 1969, pl. 33, *face sud*, 1); 3 — надгробный рельеф из Кельна, последняя треть I в. н. э. (по: *Junkelmann*, 1992. Abb. 35); 4 — терракота из Центрального Римско-Германского музея в Майнце, конец I — первая половина II в. н. э. (по: *Ibid.* Abb. 36); 5 — надгробный рельеф из Земельного музея Майнца, I н. э. (по: *Dixon, Southern*, 1997. Pl. 3); 6 — фрагмент кожаной облицовки седла из Виндоланды, конец I — начало II в. н. э. (по: *Connolly, Driel-Murray*, 1991. Pl. V); 7 — дубовая передняя часть («лука») каркаса седла из Карлайла и ее реконструкция, между 72/3 и 83/4 гг. н. э. (по: *Howard-Davis*, 2009. Fig. 491); 8–11 — комплект из четырех бронзовых накладок-усилителей для седельных рогов (8, 9 — передние, 10, 11 — задние) из Ньюстеда, конец I–II в. н. э. (по: *Connolly, Driel-Murray*, 1991. Pl. VII); 12, 13 — два рога от седла, найденные в 2018 г. в конюшне виллы близ Помпей, 79 г. н. э. [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://pompeiiisites.org/en/comunicati/a-third-thoroughbred-with-an-elaborate-military-harness-has-been-discovered-in-the-stable-of-civita-giuliana/#&gid=1&pid=19> (дата обращения: 20.08.2021)]; 14 — современная реконструкция римского седла, автор — П. Коннолли (по: *Driel-Murray et al.*, 2004. Col. pl. 1); 15, 16 — терракоты из Кой-Крылган-калы (Южное Приаралье), IV–III вв. до н. э. (по: *Никоиоров, Аржанцева*, 2021. Рис. 3, 1б, 2а); 17 — терракота из Калалы-гыра 2 (Южное Приаралье), IV–I вв. до н. э. (по: *Вайнберг и др.*, 2004, рис. 5/19). 1–6, 12–14, 16, 17 — не в масштабе

Fig. 3. 1 — relief of the Triumphal arch at Glanum, c. 10–20 AD (after *Rolland*, 1977. Pl. 27); 2 — relief of the Julii Mausoleum at Glanum, c. 30–20 BC (after *Rolland*, 1969, pl. 33, *face sud*, 1); 3 — tomb relief from Cologne, last third of the 1st century AD (after *Junkelmann*, 1992. Abb. 35); 4 — terracotta from the Römisch-Germanisches Zentralmuseum in Mainz, late 1st — first half of the 2nd century AD (after *Junkelmann*, 1992. Abb. 36); 5 — tomb relief from the Landesmuseum Mainz, 1st century AD (after *Dixon, Southern*, 1997. Pl. 3); 6 — fragment of a leather saddle casing from Vindolanda, late 1st to early 2nd century AD (after *Connolly, Driel-Murray*, 1991. Pl. V); 7 — oak front part (arch/pommel) of a saddle framework from Carlisle and its reconstruction, between AD 72/3 and 83/4 (after *Howard-Davis*, 2009. Fig. 491); 8–11 — set of four bronze covers-stiffeners for saddle horns (8, 9 — front, 10, 11 — rear) from Newstead, late 1st to 2nd century AD (after *Connolly, Driel-Murray*, 1991. Pl. VII); 12, 13 — two saddle horns discovered in 2018 within the stable of a villa near Pompeii, AD 79 [Electronic resource. Access mode: <http://pompeiiisites.org/en/comunicati/a-third-thoroughbred-with-an-elaborate-military-harness-has-been-discovered-in-the-stable-of-civita-giuliana/#&gid=1&pid=19> (access date: 20.08.2021)]; 14 — modern reconstruction of the Roman saddle, author — Peter Connolly (after *Driel-Murray et al.*, 2004. Col. pl. 1); 15, 16 — terracottas from Koi-Krylgan-Kala (Southern Aral Sea area), 4th — 3rd centuries BC (after *Никоиоров, Аржанцева*, 2021. Рис. 3, 1б, 2а); 17 — terracotta from Kalaly-Gyr 2 (Southern Aral Sea area), 4th — 1st century BC (after *Вайнберг и др.*, 2004, рис. 5/19). 1–6, 12–14, 16, 17 — not to scale

в пользу жесткости основы рассматриваемых седел: это, во-первых, передняя часть (в форме «луки») деревянного каркаса седла из Карлайла (*Howard-Davis*, 2009. P. 814, fig. 491) (**рис. 3, 7**) и, во-вторых, четыре бронзовых «рога» седла с сохранившейся деревянной основой, расчищенные *in situ* на спине лошади, которая трагически погибла в конюшне богатой загородной виллы недалеко от Помпей во время извержения Везувия в 79 г. н. э. (**рис. 3, 12, 13**).

Хотя в научной литературе «рогатые» седла часто именуются кельто-римскими, поскольку они первоначально были выделены по иконографическим и вещественным источникам с римского Запада, их происхождение на самом деле было связано со Средней Азией — вероятнее всего, с Хорезмом (областью в низовьях Амударьи) и прилегающими к нему степями, где в ходе археологических работ были найдены древнейшие изображения «рогатых» седел в виде терракотовых фигурок оседланных коней, самая ранняя из которых надежно датируется IV–III вв. до н. э. (*Никоиоров, Аржанцева*, 2021) (**рис. 3, 15–17**).

Возвращаясь же к двум конским фаларам из станицы Дядьковской, скажу в заключение, что они замечательны не только тем, что на них мы видим самые древние из дошедших до нас изображений *катафракт*ов. Исключительно важно и то, что там также зафиксированы такие наиболее характерные особенности снаряжения броненосных кавалеристов античной эпохи нового типа, самым серьезным образом отличающие их от воинов тяжеловооруженной конницы предыдущего

времени, как длинная и тяжелая («таранная») двуручная пика вкупе с жестким седлом, позволяющим всаднику эффективно использовать ее в боевых условиях⁴. Без этих двух новшеств само появление конницы *катафрактов* на полях сражений было бы невозможно.

- Беспалый*, 2024 — *Беспалый Г. Е.* Погребение второй половины II в. до н. э. близ станицы Дядьковской. Ростов-на-Дону: б. и., 2024. 135 с.
- Блаватский*, 1949 — *Блаватский В. Д.* О боспорской коннице // КСИИМК. 1949. Вып. XXIX. С. 96–99.
- Блаватский*, 1968 — *Блаватский В. Д.* О боспорских всадниках в росписи Стасовского склепа // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья: К столетию со дня рождения академика Сергея Александровича Жебелева. 1867–1967 / Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич. Л.: Наука. ЛО, 1968. С. 44–45.
- Вайнберг и др.*, 2004 — *Вайнберг Б. И., Болелов С. Б., Лившиц В. А. и др.* Калалы-гыр 2: Культурный центр в Древнем Хорезме IV–II вв. до н. э. / Отв. ред. Б. И. Вайнберг. М.: ИФВЛ, 2004. 288 с.
- Виноградов, Медведева*, 2017 — Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии / Отв. ред. Ю. А. Виноградов, М. В. Медведева. СПб.: ИИМК РАН; Лемма, 2017 (ТИИМК. Т. LI). 246 с.
- Виноградов, Никоноров*, 2009 — *Виноградов Ю. А., Никоноров В. П.* Деревянная основа седла из керченского кургана второй половины IV в. до н. э. // БИ. 2009. Вып. XXII. С. 127–134.
- Гаибов, Кошеленко*, 2013 — *Гаибов В. А., Кошеленко Г. А.* От Хорезма до Боспора: о «сарматской» посадке всадников // ПИФК. 2013. № 2. С. 286–296.
- Горелик*, 1971 — *Горелик М. В.* Опыт реконструкции скифских доспехов по памятнику скифского изобразительного искусства — золотой пластинке из Геремесова кургана // СА. 1971. № 3. С. 236–245.
- Горончаровский, Никоноров*, 1987 — *Горончаровский В. А., Никоноров В. П.* Илуратский катафрактарий (К истории античной тяжелой кавалерии) // ВДИ. 1987. № 1. С. 201–213.
- Никоноров*, 1995 — *Никоноров В. П.* К вопросу о парфянской тактике (на примере битвы при Каррах) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии / Отв. ред. А. М. Илюшин. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 53–61.
- Никоноров*, 2010 — *Никоноров В. П.* К вопросу о вкладе кочевников Центральной Азии в военное дело античной цивилизации (на примере Ирана) // Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н. Э. Масанова: Сборник материалов МНК / Ред. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев, Л. Е. Масанова. Алматы: LEM, 2010. С. 43–65.
- Никоноров*, 2020 — *Никоноров В. П.* Сасанидские боевые рельефы и происхождение темы конной дуэли на пиках в прокламативном искусстве доисламского Ирана // АВ. 2020. Вып. 29. С. 215–238.
- Никоноров, Аржанцева*, 2021 — *Никоноров В. П., Аржанцева И. А.* История древнейших седел жесткой конструкции в свете археологических данных из Южного Приаралья // АВ. 2021. Вып. 32. С. 228–254.
- Никоноров, Худяков*, 1999 — *Никоноров В. П., Худяков Ю. С.* Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2: Горизонты Евразии / Ред. и сост. О. А. Митько. Новосибирск: НГУ; НГОО «Сибирь — Наука: XXI век», 1999. С. 141–154.

⁴ Хотя, по моему убеждению, конница *катафрактов* сформировалась именно в среде кочевых среднеазиатских племен в самом начале эллинистического периода, следует отметить, что первые археологические свидетельства о начале процесса создания этого нового вида кавалерии происходят из Северного Причерноморья, и датируются они IV в. до н. э. Уже тогда у тамошних скифов появились копья длиной до 3,2 м (*Черненко*, 1984), а прототип будущего *катафракта* изображен на золотой пластине из Геремесова кургана (*Горелик*, 1971). Кроме того, на Боспоре была найдена древнейшая деревянная основа всаднического седла (*Виноградов, Никоноров*, 2009). По всей видимости, поиски противодействия мощному натиску первоклассных македонских фалангитов и кавалеристов затронули и западную часть Центральной Евразии, что вполне объяснимо в свете известных серьезных конфликтов северопонтийских народов с Македонией — войны скифского царя Атея с Филиппом II в 339 г. до н. э. и похода Зопириона, полководца Александра Македонского, вдоль северного побережья Черного моря в 331 г. до н. э. Другими словами, побудительный мотив к проведению столь радикальной реформы конных войск как у ираноязычных кочевников Средней Азии, так и у родственных им скифов Северного Причерноморья мог быть одинаковым — это стремление успешно противостоять агрессивной внешней политике очень мощного Македонского государства, причем с учетом последних достижений их врага в сфере военного дела.

- Перевалов*, 1999 — *Перевалов С. М.* Сарматский конто́с и сарматская посадка // РА. 1999. № 4. С. 65–77.
- Перевалов*, 2007 — *Перевалов С. М.* Сарматоведение между историей и археологией // ВДИ. 2007. № 3. С. 139–162.
- Пугаченкова*, 1966 — *Пугаченкова Г. А.* О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинства // ВДИ. 1966. № 2. С. 27–43.
- Симоненко*, 2002 — *Симоненко А. В.* Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1. С. 107–122.
- Симоненко*, 2015 — *Симоненко А. В.* Сарматские всадники Северного Причерноморья. Изд. 2-е, испр. и доп. Киев: Издатель Олег Филюк, 2015. 466 с.
- Степанова*, 2015 — *Степанова Е. В.* Седла гунно-сарматского времени // ТГЭ. 2015. Т. LXXVII. С. 389–425.
- Хазанов*, 1968 — *Хазанов А. М.* Катафрактарии и их роль в истории военного искусства // ВДИ. 1968. № 1. С. 180–191.
- Хазанов*, 1971 — *Хазанов А. М.* Очерки военного дела сарматов. М.: ГРВЛ, 1971. 172 с.
- Черненко*, 1984 — *Черненко Е. В.* Длинные копья скифов // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Под ред. А. И. Мелюковой, М. Г. Мошковой, В. Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 231–235.
- Connolly*, 1987 — *Connolly P.* The Roman saddle // Roman Military Equipment: The Accoutrements of War. Proceedings of the Third Roman Military Equipment Research Seminar / Ed. M. Dawson. Oxford: B.A.R., 1987 (BARIS. 336). P. 7–27.
- Connolly*, 2000 — *Connolly P.* Experiments with the *sarissa* — the Macedonian pike and cavalry lance — a functional view // JRMES. 2000. Vol. 11. P. 103–112.
- Connolly, Driel-Murray*, 1991 — *Connolly P., Driel-Murray C. van.* The Roman Cavalry Saddle // Britannia: A Journal of Romano-British and Kindred Studies. 1991. Vol. 22. P. 33–50.
- Curtis, Tallis*, 2012 — *Curtis J. Tallis N.* The Horse: From Arabia to Royal Ascot / With the assistance of A. Johansen. London: British Museum Press, 2012. 268 p.
- Dixon, Southern*, 1997 — *Dixon K. R., Southern P.* The Roman cavalry: From the first to the third century A.D. London; New York: Routledge, 1997. 256 p.
- Driel-Murray et al.*, 2004 — *Driel-Murray C. van, Connolly P., Duckham J.* Roman Saddles: Archaeology and Experiment 20 Years on // In the Saddle: An Exploration of the Saddle through History. A Meeting of the Archaeological Leather Group at Saddlers' Hall, London, 23 October 2002 / Ed. by L. Gilmor. London: Archetype Publications, 2004. P. 1–19.
- Gall*, 1990 — *Gall H. von.* Das Reiterkampfbild in der iranischen und iranisch beeinflussten Kunst parthischer und sasanidischer Zeit. Berlin: Gebr. Mann, 1990 (Teheraner Forschungen. Bd. 6). 108 S.
- Ghirshman*, 1962 — *Ghirshman R.* Persian Art: The Parthian and Sassanian Dynasties, 249 B.C. — A.D. 651 / Transl. by S. Gilbert and J. Emmons. New York: Golden Press, 1962 (The Arts of Mankind. Vol. 3). [10], 401 p.
- Herrmann*, 1989 — *Herrmann G.* Parthian and Sasanian Saddlery. New Light from the Roman West // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. Vol. II / Ed. cur. L. de Meyer et E. Haerinck. Gent: Peeters Press, 1989. P. 757–809.
- Howard-Davis*, 2009 — *Howard-Davis Chr.* The Wooden Artefacts // Howard-Davis Chr. The Carlisle millennium project: Excavations in Carlisle, 1998–2001. Vol. 2: The Finds / With contributions by A. Bates, M. Bishop, P. Booth et al. Lancaster: Oxford Archaeology North, 2009 (Lancaster Imprints. 15). P. 805–816.
- Istenič et al.*, 2018 — *Istenič J., Janežič M., Lazar E., Šmit Ž.* Roman cavalry equipment and other *militaria* from the 2010 and 2011 excavations at Ptuj (Slovenia) // JRMES. 2018. Vol. 19. P. 165–175.
- Junkelmann*, 1992 — *Junkelmann M.* Die reiter Roms. T. 3: Zubehör, Reitweise, Bewaffnung. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 1992 (Kulturgeschichte der antiken Welt. Bd. 53). 277 S.
- Mielczarek*, 1993 — *Mielczarek M.* Cataphracti and Clibanarii. Studies on the Heavy Armoured Cavalry of the Ancient World. Łódź: Officyna Naukowa MS, 1993 (Studies on the History of Ancient and Medieval Art of Warfare. Vol. 1). 145 p.
- Mielczarek*, 1998 — *Mielczarek M.* Cataphracts — a Parthian element in the Seleucid art of war // Ancient Iran and the Mediterranean World: Proceedings of an international conference in honour of Professor Józef Wolski held at the Jagiellonian University, Cracow, in September 1996 / Ed. by E. Dąbrowa. Kraków: Jagiellonian University Press, 1998 (Electrum: Studies in Ancient History. Vol. 2). P. 101–105.

- Moreno, 2001 — *Moreno P. Apelles: The Alexander Mosaic*. Milan: Scira, 2001. 136 p.
- Nikonorov, 1997 — *Nikonorov V. P. The Armies of Bactria, 700 B.C. — 450 A.D.* Vol. 1–2. Stockport: Montvert Publications, 1997. 143 p.
- Nikonorov, 1998 — *Nikonorov V. P. Cataphracti, Catafractarii and Clibanarii: Another Look at the Old Problem of Their Identifications // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции (2–5 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Г. В. Вилинбахов, В. М. Массон. СПб.: ИГЭ, 1998. P. 131–138.*
- Olbrycht, 1998 — *Olbrycht M. J. Parthia et ulteriores gentes. Die politischen Beziehungen zwischen dem arsakidischen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen*. München: tuduv-Verl.-Ges., 1998 (Quellen und Forschungen zur Antiken Welt. Bd. 30). VII, 337 S.
- Olbrycht, 2003 — *Olbrycht M. J. Parthia and Nomads of Central Asia. Elements of Steppe Origin in the Social and Military Developments of Arsacid Iran // Orientwissenschaftliche Hefte*. 2003. Ht. 12. P. 69–109.
- Overlaet, 2013 — *Overlaet B. And Man created God? Kings, Priests and Gods on Sasanian Investiture Reliefs // IA*. 2013. Vol. XLVIII. P. 313–354.
- Palagia, 2017 — *Palagia O. Alexander's battles against Persians in the art of the Successors // Ancient Historiography on War and Empire / Ed. by T. Howe, S. Müller and R. Stoneman*. Oxford; Philadelphia: Oxbow books, 2017. P. 177–187.
- Potts, 2012 — *Potts D. T. Cataphractus and kamāndār: Some Thoughts on the Dynamic Evolution of Heavy Cavalry and Mounted Archers in Iran and Central Asia // BAI. NS*. 2012. Vol. 21 (2007). P. 149–158.
- Rolland, 1969 — *Rolland H. Le mausolée de Glanum (Saint-Rémy-de-Provence) / Relevés d'architecture et dessins de J. Bruchet*. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1969 (XXIe supplément à «Gallia»). 99 p.; 76 pl.
- Rolland, 1977 — *Rolland H. L'arc de Glanum (Saint-Rémy-de-Provence) / Relevés d'architecture et dessins de J. Bruchet*. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1977 (XXXIe supplément à «Gallia»). 72 p.; 77 pl.

The most recent data on the iconography of equestrian duels in the Antique-Era art

Valerii P. Nikonorov⁵

Annotation. *The paper has to do with an analysis of military realities shown on two horse phalerae from a Sarmatian (Siracian) burial from the second half of the 2nd century BC, excavated in the Right-bank Kuban river area in 2017. The horsemen fighting there are the earliest hitherto known depictions of heavily-armed riders-cataphracts equipped with two-handed lance and the so-called horned saddles of rigid construction, i. e. the most important elements of combat outfit, without which the very emergence of the cataphract cavalry in the Early Hellenistic epoch would have been impossible.*

Keywords: *Sarmatians-Siraces, Right-bank Kuban river area, horse phalerae, cataphracts, two-handed lance-contus, «horned» rigid-construction saddle*

⁵ Valerii P. Nikonorov — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: vptonikonorov@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3487-944X.

К вопросу о роли аспургиан в военно-политической истории Боспорского царства на рубеже н. э.¹

В. А. Горончаровский²

Аннотация. В докладе рассматриваются вопросы о том, какое влияние на военное дело Боспора и политические события рубежа н. э. (в частности, на боспоро-римские отношения) оказало появление на восточных границах государства аспургиан — выходцев из сарматской кочевой среды. По мнению автора, некоторые из них вошли в состав боспорской элиты, что в дальнейшем облегчило приход к власти Аспурга (10/11–38/39 гг. н. э.) как представителя новой, сарматской, правящей династии.

Ключевые слова: Боспорское царство, аспургиане, военное дело, царица Динамия

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-293-297

С конца I в. до н. э. на развитие военно-политической ситуации на Боспоре в немалой степени повлияли аспургиане — выходцы из сарматской кочевой среды, обосновавшиеся в азиатской части государства, между Фанагорией и Горгиипией (Strabo XI, 2, 11). В данном случае можно согласиться с М. И. Ростовцевым, который считал, что это не племя, а дружина некоего Аспурга, которую он вывел с собой с берегов Азовского моря или из глубин Сарматии (Ростовцев, 1916. С. 16)³. Отсутствие аспургиан в списке племен, подвластных Боспору в I в. н. э., говорит о скорее политическом характере данного термина.

Вероятно, аспургиане появились на Боспоре около середины I в. до н. э. и скоро стали для боспорских царей надежной опорой и той военной силой, на которую всегда можно было рассчитывать в борьбе с внешними и внутренними врагами (Горончаровский, 2006. С. 43 сл.). Возможно, эти связи, по примеру Митридата VI Евпатора (App. *Mithr.* 102), были дополнительно укреплены родственными отношениями.

После 22 г. до н. э., когда император Август занялся реорганизацией вассальных царств, сохранявшиеся на Боспоре митридатовские традиции, связанные с опорой на варварскую периферию, явно вызвали опасения и пристальное внимание римских властей. Видимо, не случайно серьезный политический кризис разразился там при царе Асандре в 17 г. до н. э., когда широкие полномочия на Востоке были предоставлены Марку Агриппе. Вряд ли без его ведома некий Скрибоний, объявивший себя претендентом на боспорский трон, сумел бы одержать победу в сражении с Асандром, после которой последний сам свел счеты с жизнью (Luc. *Macr.* 17). Вдова боспорского царя, Динамия, вышла за Скрибония замуж, но реальной властью новый правитель не пользовался и, таким образом, не выполнил поставленной перед ним задачи. Тогда Агриппа в 15 г. до н. э. поручил установить контроль над Боспором понтийскому царю Полемону. В итоге, не желая войны, боспорцы сами убили Скрибония и попытались помешать римскому ставленнику утвердиться в его новых владениях.

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

² Владимир Анатольевич Горончаровский — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: goronvladimir@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4405-716X.

³ Об археологических памятниках, которые можно связать с аспургианами, см.: Сокольский, 1975; Довгало и др., 2008; Медведев, 2015.

1

2

3

4

5

6

Скорее всего, одним из аспургианских вождей, сыгравших важную роль в этих событиях, был Матиан, сын Заидара, чья надгробная стела, найденная на территории Темрюкского района (*Иванчик*, 2010. С. 369, рис. 12) (**рис. 1, 1**), была поставлена от имени царицы Динамии (*Яйленко*, 1995. С. 220–221), что для Боспора является уникальным случаем. Если иранское имя Матиан — производное от этнонима, это может служить указанием на область, откуда на Боспор пришла дружина Аспурга. Ведь, согласно античным авторам, матианы (матиены) обитали в северо-западных районах Ирана недалеко от Каспийского моря (Strabo. XI, 10, 8; 13, 12; Mela. I, 13; Plin. *NH*. VI, 48).

В верхней части стелы находится рельеф, где в изображении конного воина можно видеть ряд деталей этнографического характера, связанных с восточной кочевой средой от Прикаспия до Китая: это высокие сапоги на ногах всадника, нахвостник и подстриженная «городками» грива у лошади (см., например: *Maenchen-Helfen*, 1957; *Яценко*, 1999. С. 163–164, рис. 1; *Пысов*, 2003; *Раев*, 2009. С. 263–264) (**рис. 1, 5**). Значительный интерес представляют также снаряжение и вооружение всадника. Облаченный в короткий панцирь с разрезом, правой рукой он придерживает длинное копье. Оно показано в походном положении с опорой на горизонтальный выступ седла, вероятно, имевшего деревянную основу. Справа приторочен лук «гуннского» типа со спущенной тетивой и колчан для стрел. Изображения подобных луков на боспорских фресках и рельефах показывают, что они носились так же, как и в центральноазиатском регионе, т. е. на правом бедре, со спущенной тетивой, в колчане или длинном узком чехле. Таким образом, те инновации, которые к рубежу н. э. появляются в военном деле Боспора, вполне можно связать с аспургианами, составившими ударную силу местной кавалерии.

Дату установки надгробия Матиана, очевидно, следует связывать с периодом борьбы против Полемона в 15/14 г. до н. э. О том, что это было сделано в условиях военных действий, говорит довольно скромный характер известняковой стелы (61×52×15,5 см), которой царица почтила память одного из своих верных сторонников. Вопреки мнению о том, что весной 14 г. до н. э. прямого римского вмешательства в ситуацию на Боспоре не потребовалось, не исключено, что в ходе последовавших там военных действий в них принял участие и сам Агриппа (*Панов*, 2002. С. 107–108). Орозий прямо пишет об одержанной им военной победе: «Боспорские же народы одолел Агриппа и, вернув в бою римские знаки, которые те некогда захватили при Митридате, принудил побежденных сдаться» (Oros. VI, 21, 28). Подтверждением этому служит тот факт, что по возвращении Агриппы в Рим сенат назначил ему триумф, который так и не был отпразднован. Отчеканенный тогда денарий с изображением пустой квадриги с пальмовой ветвью внутри должен был продемонстрировать скромность человека, отказавшегося от чести, которую приняли бы все остальные (*Stern*, 2015. P. 67, fig. 18). Это вовсе не говорит о незначительном масштабе действий, предпринятых римским полководцем, поскольку ранее он уже дважды не принимал предоставленных ему триумфальных почестей: после победы над аквитанами в 38 г. до н. э. и кантабрами в 18 г. до н. э. (*Таривердиева*, 2015. С. 149, 151).

Судя по всему, брак Динамии с Полемоном так и не состоялся или был весьма непродолжительным. Если верно предположение о том, что царица изображена на южном фризе Алтаря Мира рядом

Рис. 1. Памятники изобразительного искусства, имеющие отношение к истории Боспорского царства на рубеже н. э.: 1 — надгробие Матиана, сына Заидара (Темрюкский музей) (по: *Иванчик*, 2010. С. 369, рис. 12); 2 — фрагмент рельефа на южной стороне Алтаря Мира (по: *Wikimedia Commons*); 3 — голова царицы на рельефе Алтаря Мира (по: *Wikimedia Commons*); 4 — бронзовый бюст Динамии (по: *Ростовцев*, 1916); 5 — фрагмент войлочного ковра из Пятого Пазырыкского кургана, IV в. до н. э. (по: *Wikimedia Commons*); 6 — фрагмент фрески из склепа Анфестерия (по: ОАК за 1878–1879 гг. 1881. Атлас. Табл. I)

Fig. 1. Monuments of art related to the history of the Bosporan Kingdom at the turn of our era: 1 — tombstone of Matian, the son of Zaidar (Temryuk Museum) (after *Иванчик*, 2010. С. 369, рис. 12); 2 — fragment of the relief on the south side of the Ara Pacis Augustae (after *Wikimedia Commons*); 3 — head of a queen on the relief of the Ara Pacis Augustae (after *Wikimedia Commons*); 4 — bronze bust of Dynamis (after *Ростовцев*, 1916); 5 — fragment of a felt carpet from the 5th Pazyryk burial mound, 4th century BC (after *Wikimedia Commons*); 6 — fragment of a fresco from the crypt of Anthesterios (after ОАК за 1878–1879 гг. 1881. Атлас. Табл. I)

с Агриппой (*Rose*, 1990. P. 456–459, fig. 2, 4) (**рис. 1, 2**), то она как заложница отправилась с ним в Рим, где и пребывала вплоть до смерти Полемона от руки аспургиан в 9/8 г. до н. э. (*Парфенов*, 1997. С. 132). Это достаточно логично, так как рельефный фриз отображал реальное событие — торжественную процессию на Марсовом поле в честь закладки Алтаря в 13 г. до н. э. вскоре после возвращения Агриппы с Востока. Таким образом, давался прозрачный намек на его роль в установлении *Rex Romana* на северо-восточной окраине Понта Эвксинского.

Гипотеза о предполагаемом втором правлении Динамии (9/8 г. до н. э. — 7/8 г. н. э.), когда на золотых статерах с портретами Августа и Агриппы появляется ее монограмма, вполне соответствует тем изменениям, которые произошли в политике Августа по отношению к вассальным царствам в конце I в. до н. э. Как показала практика, эффективно контролировать ситуацию в них, не привлекая военные силы Рима, могли только представители местных династий, пользовавшиеся поддержкой населения. В этом отношении становится понятным наличие девяти надписей, сделанных от имени Динамии или упоминающих ее, тогда как с тридцатилетним правлением Асандра связаны всего две.

Возвращаясь к персонажам, помещенным непосредственно за Агриппой на фризе Алтаря Мира, отметим косвенный аргумент в пользу того, что представленная здесь царица — это именно Динамия. Дело в том, что она является единственной женщиной из числа изображенных на алтаре, у которой в ушах серьги (**рис. 1, 3**), причем той же формы, что на известном бронзовом бюсте, хранящемся в Эрмитаже (*Ростовцев*, 1916) (**рис. 1, 4**). Ее правая рука лежит на голове ребенка не менее четырех лет от роду с явно варварскими чертами лица, который увенчан диадемой и имеет гривну на шее. Напрашивается предположение, что в период борьбы со Скрибонием для обеспечения поддержки сильных в военном отношении аспургиан Асандр и Динамия могли усыновить отпрыска одного из их знатных семейств (внука Аспурга, носившего то же имя?). Недавно опубликованная надпись с посвящением царя Аспурга, сына великого царя Асандроха, датированная 6/7 г. н. э. (*Завойкина и др.*, 2018), может рассматриваться как свидетельство того, что в это время он как законный наследник трона выступал в роли соправителя Динамии.

После стабилизации боспоро-римских отношений часть аспургиан могли разместить в столице на правах царской гвардии. В этой связи интересно отметить, что те же этнографические детали, что и на стеле Матиана, мы находим в росписи пантикапейского склепа Анфестерия (ОАК за 1878–1879 гг. 1881. Атлас. Табл. I) (**рис. 1, 6**), который принято датировать временем около рубежа н. э. (*Ростовцев*, 1914. С. 182). Гривы коней там подстрижены «городками», показаны и нахвостники. Все, что касается вооружения, изображено со знанием дела: огромная пика, которая в финале оказывается прислоненной к свадебному шатру, и длинный меч с перекрестьем⁴. Еще одну деталь в свое время отметил А. К. Амброз: в изображениях всадников из склепа Анфестерия, скорее всего, представлен не выступ седла, а контур лука (*Амброз*, 1992. С. 35). Судя по окраске, он находится по правую сторону от крупа коня, то есть это зачехленный лук «гуннского» типа.

Вполне допустимо, что Анфестерий был не единственным представителем аспургианской знати, удостоившимся погребения в пантикапейском некрополе (см. склепы Алкима и 1891 г.). Если сделанные наблюдения верны, то аспургиане достаточно быстро приспособились к местному варианту античной цивилизации. Некоторые из них вошли в состав правящей элиты, что облегчило приход к власти на Боспоре Аспурга (10/11–38/39 гг. н. э.) как представителя новой, сарматской династии.

Амброз, 1992 — *Амброз А. К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. М.: б. и., 1992. № 1. С. 6–108.

Довгалюк и др., 2008 — *Довгалюк Н. Н., Малышев А. А., Трейстер М. Ю. и др.* Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. М.: Гриф и К°, 2008. 302 с.

Горончаровский, 2006 — *Горончаровский В. А.* Аспургиане и военно-политическая история Боспорского царства на рубеже н. э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. / Науч. ред. С. Л. Соловьев. СПб.: ИГЭ, 2006. С. 43–53.

⁴ На территории Боспора для I–II в. н. э. известен только один длинный меч с брусковидным перекрестьем, найденный в Цемдолинском могильнике на территории аспургиан (*Довгалюк и др.*, 2008. С. 8, рис. 4, 3).

- Завойкина и др., 2018 — Завойкина Н. В., Новичихин А. М., Константинов В. А. Новая посвятельная надпись Аспурга из Горгии // ВДИ. 2018. № 3. С. 680–692.
- Иванчик, 2010 — Иванчик А. И. Эпиграфические памятники // Античное наследие Кубани. Т. I / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Д. Кузнецова. М.: Наука, 2010. С. 360–371.
- Медведев, 2015 — Медведев А. П. Об аспургианах в Фанагории // Ирсина: Античный мир и его наследие. 2015. Вып. IV. С. 61–70.
- Панов, 2002 — Панов А. Р. Поход Полемона I на Боспор: проблемы интерпретации источников // АМА. 2002. Вып. 11. С. 106–108.
- Парфенов, 1997 — Парфенов В. Н. Динамия, царица Боспора // Боспор и античный мир / Ред. С. К. Сизов. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 1997. С. 126–136.
- Раев, 2009 — Раев Б. А. «Стриженные гривы» и миграции кочевников. Об одном малозаметном элементе экстерьера коня // НАВ. 2009. Вып. 10. С. 260–271.
- Ростовцев, 1914 — Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. Т. I (Текст). СПб.: Изд-во ИАК, 1914. 537 с.
- Ростовцев, 1916 — Ростовцев М. И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности: Труды Московского археологического общества. 1916. Т. XXV. С. 1–31.
- Сокольский, 1975 — Сокольский Н. И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 21–30.
- Таривердиева, 2015 — Таривердиева С. Э. Совет Агриппы соратникам (Dio Cass. XLIX, 4): попытка интерпретации // ВДИ. 2015. № 1. С. 145–159.
- Яйленко, 1995 — Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире / Отв. ред. Л. П. Маринович. М.: Наука, 1995. С. 204–272.
- Яценко, 1999 — Яценко С. А. Костюм племен пазырыкской культуры Горного Алтая как исторический источник // ВДИ. 1999. № 3. С. 145–170.
- Ilyasov, 2003 — Ilyasov J. Covered Tail and «Flying» Tassels // IA. 2003. Vol. XXXVIII. P. 259–325.
- Maenchen-Helfen, 1957 — Maenchen-Helfen O. Crenelated Mane and Scabbard Slide // CAJ. 1957. Vol. III/2. P. 85–138.
- Rose, 1990 — Rose Ch. B. «Princes» and Barbarians on the Ara Pacis // AJA. 1990. Vol. 94/3. P. 453–467.
- Stern, 2015 — Stern G. Augustus, Agrippa, the Ara Pacis, and the Coinage of 13 BC // AAASH. 2015. Vol. 55. P. 61–78.

On the role of the Aspurgians in the military and political history of the Bosporan kingdom at the turn of our era

Vladimir A. Goroncharovskii⁵

Annotation. *The paper discusses how the appearance of the Aspurgians, who were nomadic Sarmatians by their origin, on the eastern borders of the Bosporan state had an impact on Bosporan warfare and political events at the turn of our era (in particular, on the Bosporan-Roman relations). The author believes that some of the Aspurgians became part of the Bosporan elite, which further facilitated the accession to power of Aspurgus (10/11–38/39 AD) as a representative of a new, Sarmatian, ruling dynasty.*

Keywords: *Bosporan kingdom, Aspurgians, warfare, queen Dynamis*

⁵ Vladimir A. Goroncharovskii — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: goronvladimir@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4405-716X.

О связях Тувы и Средней Азии в эпоху хунну¹

М. Е. Килуновская², П. М. Леус³

Аннотация. В хуннскую эпоху в Туве появляются импортные украшения (полихромные подвески и бусы, веточки средиземноморских кораллов) — вероятно, благодаря торговым маршрутам, проходившим через Среднюю Азию. Тем же путями к хунну могли попадать и уникальные предметы роскоши, обнаруженные в их элитных гробницах в Монголии. В это же время на территории Средней Азии появляются предметы, являющиеся культурными и хронологическими индикаторами хунну, в т. ч. и редкие пластины-пряжки из сибирского гагата.

Ключевые слова: хунну, Тува, Средняя Азия, импорты, коралловые серьги, гагатовые пряжки, ажурные бронзы, полихромные подвески

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-298-302

На территории Тувы в эпоху хунну/сюнну (II–I вв. до н. э.) появляются новые группы населения, оказавшиеся здесь в результате хуннской экспансии. Это могли быть как сами хунну, так и представители других племен и народов, находившихся под их властью. Вместе с ними в Туве распространяются новые образцы предметов материальной культуры, ранее здесь неизвестные. При этом меняются и некоторые направления культурных, торговых и прочих связей, что было обосновано общей ситуацией вокруг государства хунну. Появляется больше предметов, имеющих условно южное и восточное происхождение: это вещи, связанные с ханьским Китаем (зеркала, монеты), Забайкальем (поясные украшения из богхэда / сибирского гагата), бронзовые ажурные пряжки и бляшки «ордосского» типа. Вероятно, именно через Туву подобные предметы попадают далее на север, за Саяны, в Минусинскую котловину. При этом Тува, как и Саяно-Алтай вообще, была лишь дальней провинцией государства хунну (ср. меткое определение Д. Г. Савинова: *Савинов*, 2009).

Раскопки Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища дали большое количество новых материалов хуннского времени, найденных на непо потревоженных грабителями могильниках Ала-Тей 1 и Терезин (*Килуновская, Леус*, 2018). Среди них встречены находки, отражающие связи с другими регионами, в т. ч. лежащими к западу. Определенные предметы, вероятно, попали на территорию Тувы из областей Средней Азии. Но в то же время и в среднеазиатских памятниках есть вещи, характерные для культуры хунну в Туве, — то есть мы видим встречное движение вещей, как с запада на восток, так и с востока на запад.

Рассмотрим эти примеры подробнее. Среди найденных в могильниках Ала-Тей 1 и Терезин в Туве «западных» импортов, скорее всего, попавших туда через территорию Средней Азии, можно указать следующие:

1. Полихромные треугольные подвески, тип 193 по Е. М. Алексеевой, указывавшей, что они наиболее характерны для рубежа эр, но вообще встречаются в погребениях I в. до н. э. — II в. н. э. (*Алексеева*, 1978. С. 43, табл. 27, 60–65). Они найдены в женских захоронениях Ала-Тей и Терезина,

¹ Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии и энеолите — позднем железном веке (источники взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-014).

² Марина Евгеньевна Килуновская — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: kilunmar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6458-9166.

³ Павел Михайлович Леус — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: leuss@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7699-4345.

как по одной, так и по несколько штук. Примерно в это же время они появляются в Минусинской котловине (*Вадецкая*, 1999. С. 68, 173, рис. 87, 88) и Монголии (*Treasures...*, 2011. P. 118, fig. 135).

2. Серьги с веточками средиземноморских кораллов. В погребении молодой женщины АТ1/112 найдены *in situ* золотые серьги, типичной для Ала-Тея и Терезина формы из скрученной проволоки с маленькой петелькой, вероятно, для крепления подвесок. Встречаются как золотые, так и бронзовые серьги подобного типа, но — за исключением этого случая — какие-либо подвески на них не сохранились: возможно, последние были из недолговечных материалов. В данном захоронении веточки коралла лишь потеряли свой изначально красный цвет (*Килуновская, Леус*, 2022).

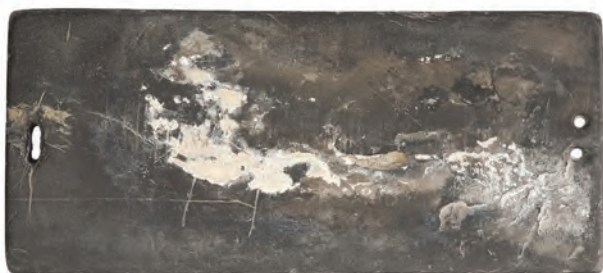
«Западные» импорты более высокого класса хорошо известны среди находок в элитных гробницах хунну — например, серебряный фалар с античным сюжетом и шерстяные вышивки из Ноин-Улы (*Полосьмак и др.*, 2011. С. 110–117; *Полосьмак, Богданов*, 2016. С. 9), римская чаша из сине-белого стекла из кургана Гол Мод 2 в Монголии (*Erdenebaatar et al.*, 2011. P. 311, fig. 11, 1). В могильниках рядового населения, к которым относятся Ала-Тей и Терезин, столь ценные предметы не встречаются. Тем не менее, уникальные находки из гробниц хуннской знати, как и полихромные подвески и веточки кораллов из рядовых могил, относятся, по сути, к одной категории инвентаря — это украшения и предметы роскоши.

Комплекс однозначных признаков культуры хунну, уже рассмотренный нами в отдельной работе (*Килуновская, Леус*, 2023), можно использовать в качестве определенных культурно-хронологических маркеров и для других территорий

Одним из них являются украшения пояса из такого экзотического материала, как сибирский гагат (*богхэд*) (рис. 1, 1, 2, 5). Это довольно большие пряжки-пластины, нередко украшенные инкрустациями из полудрагоценных камней или гравировками. Кроме них встречаются небольшие поясные кольца и бляшки. Их находки в целом довольно редки, при этом в Туве, на Ала-Тее и Терезине уже обнаружено 15 предметов из сибирского гагата — пряжки, бляшки, кольца. Из них восемь — это именно пряжки, что составляет около 1/5 от общего числа учтенных сейчас находок этого типа от Манчжурии на востоке до Поволжья на западе (*Килуновская, Леус*, 2020б).

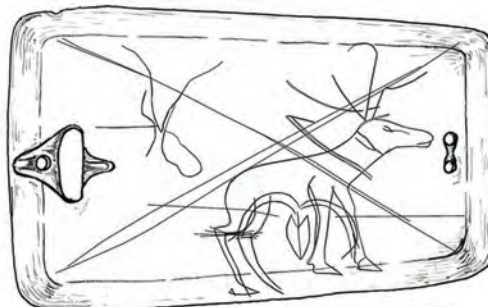
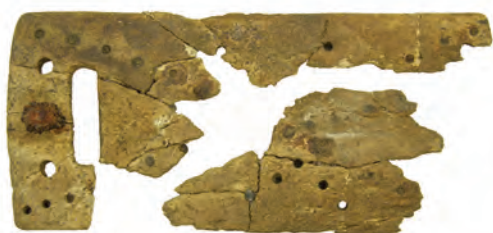
На территории Средней Азии также известно как минимум 8 подобных пряжек: одиночная из Кую-Мазарского могильника (*Обельченко*, 1956. С. 215–216) и две парные из Кызылтепинского могильника в Бухарском оазисе (*Обельченко*, 1992. С. 42–43, 55–56); еще одна пара происходит из могильника Жаман-Тогай в Южном Казахстане (*Максимова и др.*, 1968. С. 185, рис. 5); одна трапециевидная пряжка с закругленной расширяющейся стороной найдена в могильнике Культобе в Южном Казахстане. Здесь следует отметить, что материал пряжки определен автором раскопок как многослойный рог носорога. Вместе с пряжкой к поясу здесь относились раковины каури и ажурное бронзовое кольцо — также типичный предмет для поясов хунну в Туве, Забайкалье, Монголии и пр. (*Подушкин*, 2000. С. 79–82, 154–155; 2012. С. 36–37, рис. 1, 32, 33). Специальное исследование материала этой пряжки не проводилось, но по фотографиям ее поверхность выглядит, на наш взгляд, как потрескавшийся и слоющийся сибирский гагат, поэтому она включена в данную подборку.

Иногда в погребениях эпохи хунну в Туве и других регионах встречаются большие пряжки-пластины из кости, имеющие гравированный рисунок или Х-образный орнамент, что сближает их с гагатовыми (*Килуновская, Леус*, 2021) (рис. 1, 3, 4). В Средней Азии также хорошо известны гравированные костяные пряжки подобной формы, причем гравированные как высокохудожественными изображениями (образцы из Орлата, Тахт-и Сангина, Тилла-Булука), так и очень простыми, довольно схематическими. К последним относятся костяные пряжка и три бляшки поясного набора из кургана 4 Орлатского могильника. В отличие от мастерских гравировок на пряжках из кургана 2 того же могильника, на них очень простые изображения животных — олень и ослы/куланы (*Пугаченкова*, 1989. С. 148–149, рис. 69). Подобная манера изображений типична для эпохи хунну, она встречается на гагатовых пряжках из Ала-Тея в Туве, из могильника Жаман-Тогай в Южном Казахстане, в Забайкалье, Синьцзяне, в памятниках саргатской культуры. Характерна она и для петроглифов этого времени в Туве, например на памятнике Малый Баянкол, которые сопровождаются тамгообразными знаками, вероятно, связанными

1

2

3

5

4

6

с хунну (*Дэвлет*, 2004. Рис. 5, 6) (**рис. 1, б**). Подобные знаки мы видим и на поясных пряжках. Особенно интересен знак в виде буквы «Н», встреченный на некоторых предметах из Ала-Тей и Терезина — на керамическом сосуде, гагатовых пряжках, костяном наконечнике стрелы, а также среди петроглифов (*Килуновская, Леус*, 2019).

Кроме того, на территории Средней Азии встречаются и прямоугольные бронзовые пряжки-пластины, датирующиеся II–I вв. до н. э., связанные с влиянием хунну (*Пугаченкова*, 1989. С. 146). Такие предметы, как костяные накладки на лук хуннского типа и некоторые типы наконечников стрел, сложно однозначно отнести к непосредственному влиянию хунну, которое, однако, не исключено.

Доставка в Туву, и вообще в хуннские земли, всевозможных предметов роскоши, как массовых, так и редких, демонстрирует нам включение этих территорий в торговые маршруты, идущие через Среднюю Азию. В свою очередь, найденные в Средней Азии типично хуннские вещи, являются большей частью поясными украшениями, что свидетельствует скорее об их появлении там непосредственно с носителями — или самими хунну, или теми, кто был с ними в контакте и испытал их культурное влияние. Это могло быть связано с историческими событиями I в. до н. э., когда часть хунну оказалась на территории Средней Азии.

- Алексеева*, 1978 — *Алексеева Е. М.* Античные бусы Северного Причерноморья. М.: Наука, 1978 (САИ. Вып. Г1-12/2). 100 с.
- Вадецкая*, 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999 (*Archaeologica Petropolitana*. VII). 440 с.
- Дэвлет*, 2004 — *Дэвлет М. А.* Александр Васильевич Адрианов (к 100-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004 (ТСАИПИ. Вып. I). 66 с.
- Килуновская, Леус*, 2018 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Новые материалы улуг-хемской культуры в Туве // АВ. 2018. Вып. 24. С. 125–152.
- Килуновская, Леус*, 2020а — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве // НОСА. 2020. № 1. С. 97–125.
- Килуновская, Леус*, 2020б — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Пряжки из сибирского гагата в погребениях эпохи хунну II–I вв. до н. э. в Туве // АВ. 2020. Вып. 30. С. 223–253.
- Килуновская, Леус*, 2021 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Датировка памятников эпохи хунну Ала-Тей I и Терезин в Туве // НОСА. 2021. № 1. С. 79–92
- Килуновская, Леус*, 2022 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Женское погребение с коралловыми сережками из могильника хунну Ала-Тей I в Туве // НОСА. 2022. № 1. С. 110–120.
- Килуновская, Леус*, 2023 — *Килуновская М. Е., Леус П. М.* Основные признаки культуры хунну в Туве // «Поющие стрелы Маодуня»: хунну от неизвестности до империи: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Сергея Степановича Миняева (1948–2020) / Отв. ред. Н. Н. Николаев, В. Б. Трубникова. СПб.: ИИМК РАН, 2023. С. 171–172.
- Максимова и др.*, 1968 — *Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Древности Чардары (Археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1968. 263 с.
- Обельченко*, 1956 — *Обельченко О. В.* Кую-Мазарский могильник // ТИИА АН УзССР. 1956. Вып. VIII. С. 205–227.
- Обельченко*, 1992 — *Обельченко О. В.* Культура античного Согда. М.: ГРВЛ, 1992. 256 с.

Рис. 1. Пряжки-пластины: 1 — Ала-Тей 1, погр. 29; 2 — Ала-Тей 1, погребение 86; 3 — Ала-Тей 1, погребение 104; 4 — Терезин, погребение 28; 5 — Ала-Тей 1, погребение 112 (1, 2, 5 — гагат; 3, 4 — кость); 6 — петроглифы Малый Баян-Кол

Fig. 1. Buckles-plaques: 1 — Ala-Tei 1, burial 29; 2 — Ala-Tei 1, burial 86; 3 — Ala-Tei 1, burial 104; 4 — Terezin, burial 28; 5 — Ala-Tei 1, burial 112 (1, 2, 5 — jet; 3, 4 — bone); 6 — petroglyphs from Malyi Bayan-Kol

- Подушкин, 2000 — Подушкин А. Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. — VI в. н. э. Туркестан: Издательский центр Международного казахско-турецкого университета им. Х. А. Ясави, 2000. 202 с.
- Подушкин, 2012 — Подушкин А. Н. К этнической истории государства Кангюй II в. до н. э. — I в. н. э. (по материалам могильников Орлат и Культобе) // SP. 2012. № 4. С. 31–54.
- Полосьмак и др., 2011 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвэндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.
- Полосьмак, Богданов, 2016 — Полосьмак Н. В., Богданов Е. С. Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006–2012 гг. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2016. 176 с.
- Пугаченкова, 1989 — Пугаченкова Г. А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан, 1989. 204 с.
- Савинов, 2009 — Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб.: ИИМК РАН; СПбГУ, 2009. 226 с.
- Erdenebaatar et al., 2011 — Erdenebaatar D., Iderkhantai T., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaatar S. Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis // Xiongnu Archaeology. Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia / Ed. by U. Brosseder and B. K. Miller. Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 2011 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5) P. 303–314.
- Treasures..., 2011 — Treasures of the Xiongnu. Culture of Xiongnu, the First Nomadic Empire in Mongolia / Ed. by G. Eregzen. Ulaanbaatar: Institute of archaeology, 2011. 296 p.

On the links of Tuva and Central Asia in the Xiongnu Era

Marina E. Kilunovskaya⁴, Pavel M. Leus⁵

Annotation. *Imported jewelry (polychrome pendants and beads, sprigs of Mediterranean coral) appeared in Tuva during the Xiongnu era, probably due to trade routes through Central Asia. The same routes could have been used by the Xiongnu to acquire unique luxury items found in their elite tombs in Mongolia. At the same time, items that are cultural and chronological indicators of the Huns, including rare buckle plates made of Siberian gagat, appeared in Central Asia.*

Keywords: *Xiongnu, Tuva, Middle Asia, coral earrings, jet buckle, openwork bronze, polychrome pendants*

⁴ Marina E. Kilunovskaya — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: kilunmar@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6458-9166.

⁵ Pavel M. Leus — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: leuss@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7699-4345.

Археологический комплекс катакомбы 3 могильника Тулебайтобе V как индикатор связей «восток — запад» на северной ветви Великого шелкового пути

А. Н. Подушкин¹, Г. А. Стамкулова²

Аннотация. Публикация посвящена комплексному анализу археологического материала, полученного из раскопок катакомбы 3 могильника Тулебайтобе V (Южный Казахстан). Последняя представляет собой трехчастное подземное сооружение Т-образной планировки, включающее дромос траншейного типа, лаз, заложённый кирпичом-сырцом, и овально-прямоугольную полую сводчатую погребальную камеру, где зафиксировано коллективное погребение. Инвентарь представлен артефактами восточного (ханьское зеркало) и западного (золотые серьги в полихромном стиле, римская лучковая фибула) происхождения, свидетельствующими о пересечении историко-культурных и экономических традиций в государстве Кангюй (I в. до н. э. — IV в. н. э.) на северной ветви Великого шелкового пути.

Ключевые слова: Южный Казахстан, Кангюй, катакомба, Великий шелковый путь, артефакты

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-303-306

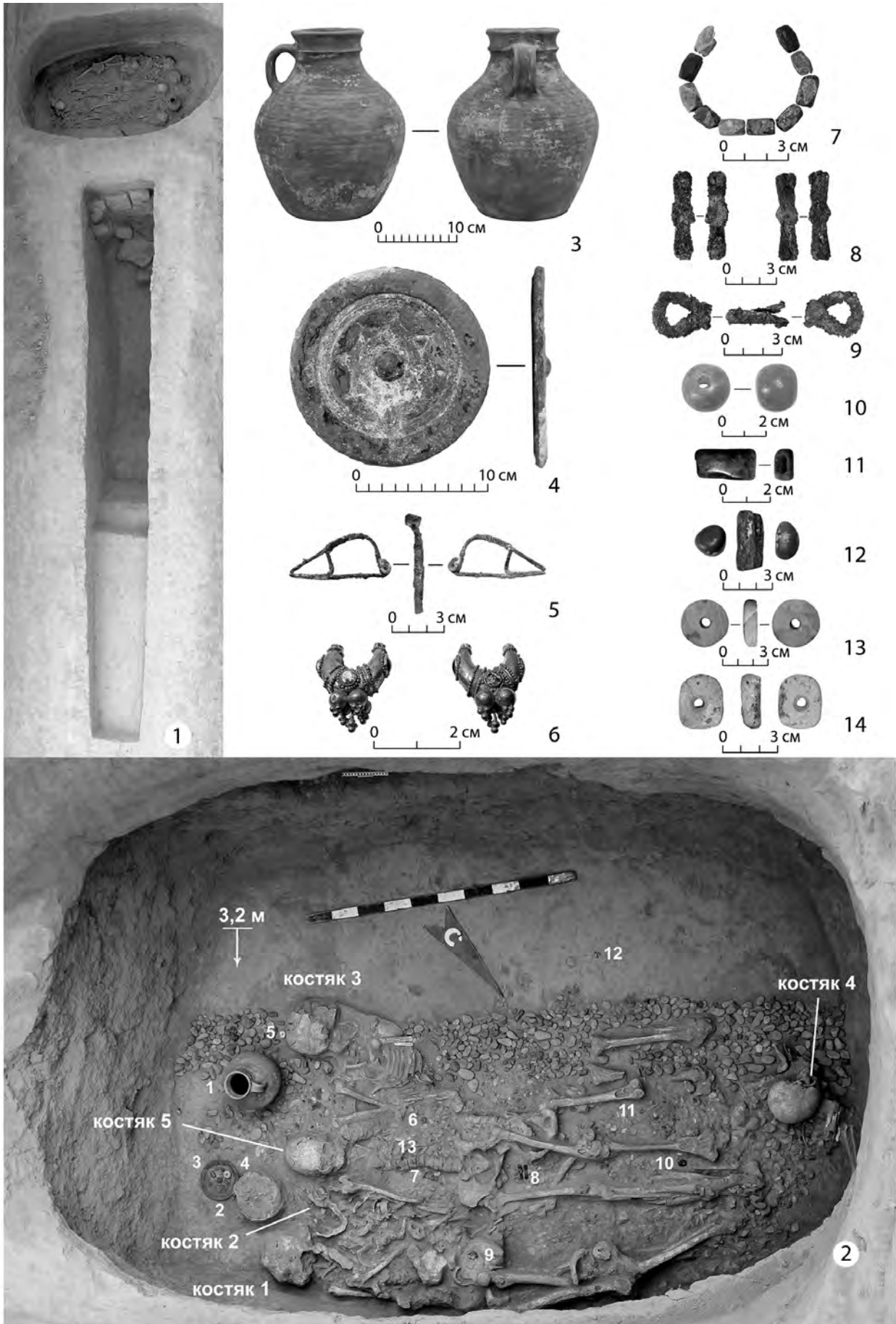
Могильник Тулебайтобе V находится на территории Южного Казахстана, в равнинной зоне среднего течения реки Арысь, на левой лессовой надпойменной террасе реки Бадам, недалеко от ее впадения в Арысь, в месте, где надпойменные террасы нивелируются и постепенно исчезают. Терраса, на которой расположен могильник (ее высота над рекой около 35–45 м), изрезана вытянутыми гребневидными лессовыми возвышенностями-останцами, протянувшимися в направлении северо-восток — юго-запад, обрамленными неглубокими саями и оврагами; на этих останцах и сооружены курганы. Могильник Тулебайтобе V относится к типу могильников с насыпями, оформленными в цепочку; насыпи каплевидные по форме, со смещенной в северную сторону высотной точкой и крутым северным склоном (всего 9 курганов).

Курган 3 неправильной вытянутой «каплевидной» формы имеет основание 25×16 м и высоту 2–2,2 м. В юго-западном секторе насыпи, со смещением порядка 4–4,5 м от центра кургана, вблизи кромки насыпи на глубине 2,95–3,2 м от уровня древней поверхности обнаружена погребальная конструкция в виде Т-образной трехчастной катакомбы, которая состоит из узкотраншейного двухступенчатого дромоса; лаза, заложённого с внутренней стороны вертикальной кладкой из кирпича-сырца (с внешней стороны лаз забутован обломками кирпича-сырца и пахсовых блоков, посаженных на глиняный раствор); овально-прямоугольной в плане полую погребальной камеры. Вся конструкция вытянута почти в правильном направлении юго-запад — северо-восток, при этом две трети пола камеры были выложены мелкой речной галькой, на которой располагались костяки (**рис. 1, 1**).

В катакомбе 3 на уровне пола камеры открыто коллективное погребение, включающее пять костяков, один из которых лежал в анатомическом порядке (**рис. 1, 2**): костяки 1 и 2 располагались в основательно нарушенном состоянии вдоль северной стенки погребальной камеры — судя по всему, это были первые погребенные в данной катакомбе, останки которых при осуществлении

¹ Александр Николаевич Подушкин — Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Шымкент, Республика Казахстан; e-mail: p_a_n_alex@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1603-1373.

² Гульмира Абдукаримкызы Стамкулова — Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Шымкент, Республика Казахстан; e-mail: gulmira.stamkulova.97@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0031-2971.

последующего впускного погребения были перемещены из центра камеры к ее северной стенке; останки костяка 3 находились почти в центре камеры, а черепная коробка и небольшое скопление останков костяка 4 были зафиксированы у западной стенки погребальной камеры; костяк 5 почти в анатомическом порядке располагался в вытянутом положении в направлении северо-восток — юго-запад на останках костяков 2 и 3, перекрывая последние сверху, — это было последнее впускное погребение в катакомбе 3. Обряд погребения представлял собой труположение на спине изголовьем преимущественно на восток.

В катакомбе 3 могильника Тулебайте V на уровне пола погребальной камеры были обнаружены (рис. 1, 2): столовый кувшин грушевидной формы (рис. 1, 3); бронзовое ханьское зеркало «восьмиарочного» типа с круглым диском, декоративная сторона которого оформлена в китайских традициях того времени и имеет характерный выступ-крепление со сквозным горизонтальным отверстием для подвешивания (рис. 1, 4); бронзовая римская лучковая двучленная подвязная фибула с вертикально пластинчатой спинкой и соответствующими для этого атрибута одежды составляющими — пружиной, иглой и приемником (рис. 1, 5); две золотые серьги в форме лунниц с инкрустацией красными камнями и стекловидной пастой голубого цвета, снизу украшенные гроздьями шариков (рис. 1, 6); наборный ручной браслет из 10 граненых бусин из египетского фаянса (рис. 1, 7); железные накладки «пропеллеровидной» формы на пояс со штырьковыми фиксаторами (рис. 1, 8); железная пряжка (рис. 1, 9); круглая полированная подвеска со сквозным отверстием из полупрозрачного халцедона (рис. 1, 10); каменная пронизка прямоугольной формы с отверстием (рис. 1, 11); каменные амулеты (рис. 1, 12); круглое пряслице из камня (рис. 1, 13); каменное навершие на клинковое оружие (нож) прямоугольной формы (рис. 1, 14).

В качестве уверенных хроно-индикаторов, обнаруженных в катакомбе 3 могильника Тулебайте V, выступают следующие артефакты:

1. Ханьское бронзовое «восьмиарочное» (по китайской классификации и типологии) зеркало с арочным узором и иероглифами со значением «видеть солнце», «солнечный свет», «мир очень светел»; относится к типу *жи гуан* (Филиппова, 2000. С. 101–102, рис. 1, 1, 3). Такие зеркала изготавливались на территории Китая в первые века до н. э. — первые века н. э. (Там же. С. 101–102). Датируются зеркала типа *жи гуан* I в. до н. э. (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 121). Появление подобных зеркал в указанное время подтверждается и другими исследователями (Молодин, Канн Ин Ук, 2000. С. 91). Потом эти изделия различными путями попадали в среду кочевников (сарматов и хунну/сюнну), а затем через их посредство или другим способом (международная торговля по Великому шелковому пути) распространялись на пространствах Евразии — в том числе в Южном Казахстане в пределах государства Кангюй.

2. Римская лучковая подвязная фибула. Аналогии ей имеются в сарматских памятниках Северного Причерноморья, где они датируются I–III вв. (Амброз, 1984. С. 241, табл. CLIV, 37; Кропотов, 2010. С. 80, рис. 37, 4; 38, 4).

Рис. 1. Археологический комплекс катакомбы 3 могильника Тулебайте V: 1 — Т-образная катакомба со ступенчатым дромосом траншейного типа (внешний вид конструкции); 2 — погребение и экспликация инвентаря; 3 — керамический столовый кувшин; 4 — бронзовое дисковидное ханьское зеркало; 5 — бронзовая римская лучковая двучленная подвязная фибула с вертикально пластинчатой спинкой; 6 — золотые серьги; 7 — наборный ручной браслет; 8 — железные накладки «пропеллеровидной» формы; 9 — железная пряжка; 10 — халцедоновая подвеска; 11 — каменная пронизка; 12 — каменные амулеты; 13 — каменное пряслице; 14 — каменное навершие на рукоять клинкового оружия

Fig. 1. Archaeological complex of Catacomb 3 of the Tulebaitobe V burial ground: 1 — T-shaped catacomb with a stepped trench-type dromos (external view of the structure); 2 — burial and inventory explication; 3 — ceramic table jug; 4 — bronze disc-shaped Chinese Han mirror; 5 — bronze Roman two-beam garter fibula with a vertically slatted back; 6 — gold earrings; 7 — hand bracelet decorated with plates; 8 — propeller-shaped iron plates; 9 — iron buckle; 10 — chalcedony pendant; 11 — stone bead; 12 — stone amulets; 13 — stone spindle whorl; 14 — stone pommel on a blade weapon hilt

3. Золотые серьги, выполненные в полихромном стиле. Близкие по форме и технике изготовления золотые серьги (инкрустация красным камнем, зернь, пирамидальные гроздя шариков) отмечены в погребальных памятниках джетыясарской культуры низовьев Сырдарьи первых веков н. э. (Левина, 1996. С. 223, рис. 143, 5–7).

Обобщая вышеприведенные хронологические выкладки, археологический комплекс катакомбы 3 могильника Тулебайтобе V можно датировать в пределах I в. до н. э. — III в. н. э., а в этнокультурном плане связать с государством Кангюй, которое в то время распространяло свое политическое господство на территорию Южного Казахстана (Подушкин, 2000. С. 179–181). В числе особенностей историко-культурного характера отметим уникальный факт сочетания в одном погребальном комплексе артефактов явно восточного (ханьское зеркало) и западного (золотые серьги в полихромном стиле, римская лучковая фибула) происхождения, свидетельствующие о пересечении историко-культурных, экономических и иных традиций в государстве Кангюй в I в. до н. э. — IV в. н. э. на северной ветви Великого шелкового пути.

Амброз, 1984 — Амброз А. К. Фибулы // Античные государства Северного Причерноморья / Отв. ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. М.: Наука, 1984 (АрхСССР). С. 240–241.

Кропотов, 2010 — Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДФ-Украина, 2010. 384 с.

Левина, 1996 — Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н. э. — I тысячелетие н. э. М.: ИФВЛ, 1996. 398 с.

Лубо-Лесниченко, 1975 — Лубо-Лесниченко Е. И. Привозные зеркала Минусинской котловины: к вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М.: ГРВЛ, 1975. 170 с.

Молодин, Канн Ин Ук, 2000 — Молодин В. И, Канн Ин Ук. Памятник Ярхото в контексте гуннской проблемы // АЭАЕ. 2000. № 3. С. 89–99.

Подушкин, 2000 — Подушкин А. Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н. э. — VI в. н. э. Туркестан: Издательский центр Международного казахско-турецкого университета им. Х. А. Ясави, 2000. 202 с.

Филиппова, 2000 — Филиппова И. В. Китайские зеркала из памятников хунну // АЭАЕ. 2000. № 3. С. 100–108.

The archaeological complex of Catacomb 3 of the Tulebaitobe V burial ground as an indicator of «East — West» links on the northern branch of the Silk Road

Aleksandr N. Podushkin³, Gul'mira A. Stamkulova⁴

Annotation. *The publication is devoted to a comprehensive analysis of archaeological material obtained from excavations of Catacomb 3 of the Tulebaitobe V burial ground (Southern Kazakhstan). The latter is a three-part underground structure of a T-shaped layout, including a trench-type dromos, a hole filled with mud bricks, and an oval-rectangular hollow vaulted burial chamber, where a collective burial was found. The inventory is represented by artifacts of eastern (Han mirror) and western (gold earrings in a polychrome style, Roman fibula) origin, indicating the interaction of historical, cultural, economic traditions in the Kangju state (1st century BC — 4th century AD) on the northern branch of the Silk Road.*

Keywords: *Southern Kazakhstan, Kangju, catacomb, Silk Road, artifacts*

³ Aleksandr N. Podushkin — Southern Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Republic of Kazakhstan; e-mail: p_a_n_alex@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1603-1373.

⁴ Gul'mira A. Stamkulova — Southern Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Republic of Kazakhstan; e-mail: gulmira.stamkulova.97@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0031-2971.

Серьги жужанского времени из некрополя Яломан-II (Центральный Алтай): рентгенофлюоресцентный анализ и круг ближайших аналогий¹

А. А. Тишкин²

Аннотация. Археологические памятники периода господства Жужанского каганата в Центральной Азии и времени его последующего распада до сих пор слабо изучены. Основные имеющиеся сведения получены при раскопках погребальных комплексов на Алтае. Среди них выделяется курганный могильник Яломан-II, в погребениях которого сохранились многочисленные изделия, в том числе из органических материалов. В данном сообщении представлен анализ двух металлических сережек, обнаруженных в парном захоронении двух мальчиков. Осуществлен рентгенофлюоресцентный анализ этих украшений и приведен круг ближайших аналогий.

Ключевые слова: Алтай, жужанское время, Яломан-II, курган, металлические серьги, рентгенофлюоресцентный анализ

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-307-310

Уровень развития древних кочевых обществ Центральной Азии может быть реконструирован на основе сведений, полученных при археологических исследованиях. Однако такое положение пока применимо не для всех периодов истории. Так, например, известный по письменным источникам Жужанский каганат до сих пор не наполнен достаточным содержанием материального и информационного плана. На территории его существования обнаружено незначительное число памятников, датируемых второй половиной IV — первой половиной VI в. н. э. (Серегин, Матренин, 2020). Существенное количество материалов жужанского времени к настоящему времени получено на Алтае (Тишкин, Горбунов, 2005. С. 161; Серегин и др., 2023. С. 11–60), где они рассматриваются в рамках верх-уймонского этапа булан-кобинской культуры. Среди раскопанных погребальных комплексов особое значение имеет курганный могильник Яломан-II, где сохранились изделия из органических материалов (Тишкин, 2022). Указанный памятник находится в Центральном Алтае, около устья р. Большой Яломан, на четвертой надпойменной террасе левого берега Катуня. Основная часть археологических объектов состоит из своеобразных курганов. Они представляют собой каменные сооружения округлой и овальной формы высотой около 1 м, которые пристроены друг к другу и образуют скопления, напоминающие пчелиные соты. Надмогильные конструкции состоят из колец-стенок. Внутреннее пространство их заполнено грунтом, оставшимся после оформления могил, и заложено сверху камнями. Крепиды у курганов сделаны из плит, уложенных плашмя до десяти слоев. На площади могильника выделяется несколько скоплений. Из семи раскопанных курганов получен обширный материал, изучение которого еще продолжается.

В данном сообщении речь пойдет о находках двух цельнометаллических сережек, обнаруженных в могиле 1 кургана № 33 и хранящихся в Музее археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета (кол. № 181). Прежде чем представить результаты рентгенофлюоресцентного анализа и ближайшие аналогии (рис. 1, 1–12), стоит кратко дать описание раскопан-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ (проект № 22-18-00470 «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства»).

² Алексей Алексеевич Тишкин — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

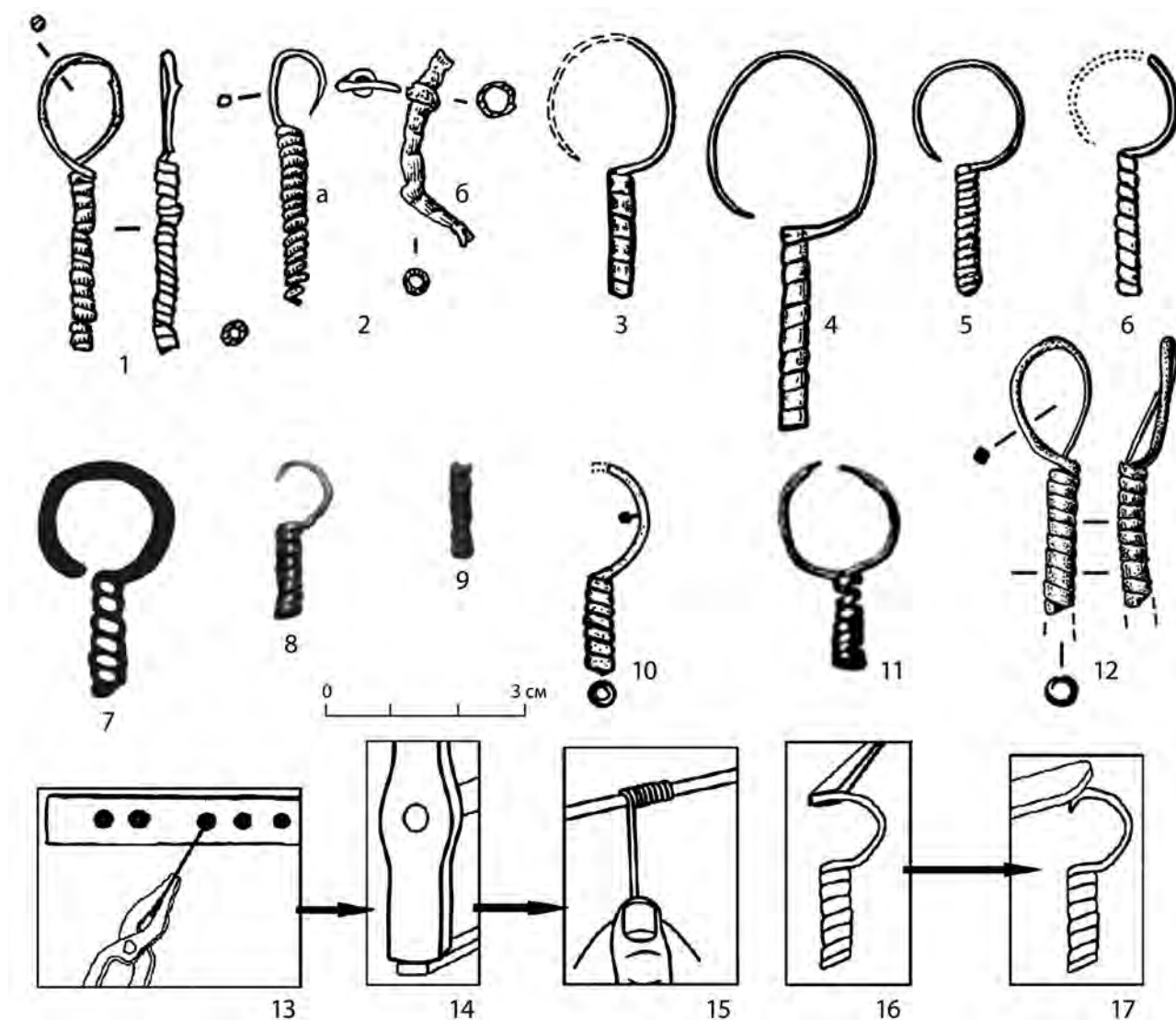

Рис. 1. Металлические серьги из археологических объектов и реконструкция технологии их изготовления: 1, 2 — Яломан-II (рисунки А. Л. Кунгурова), 3–6 — Ближние Елбаны-III (по: Грязнов, 1956. Табл. XLV, 11, 25–27), 7 — Зевакинский могильник (по: Арсланова, 1975. Табл. I, 11), 8, 9 — Дялян (по: Давыдов, Половников, 2018. Рис. 2, 1, 2), 10 — Верх-Уймон (по: Соенов, 2000. Рис. 7, 9), 11 — Усть-Тара-VII (по: Матвеева, 2016. Рис. 92, 21), 12 — Чобурак-I (по: Серегин и др., 2023. Табл. 92, 5), 13–17 — этапы производства украшений (по: Давыдов, Половников, 2018. Рис. 6)

Fig. 1. Metal earrings from archaeological sites and reconstruction of their production technology: 1, 2 — Yaloman-II (drawings by A. L. Kungurov), 3–6 — Blizhnie Elbany-III (after Грязнов, 1956. Табл. XLV, 11, 25–27), 7 — Zevakinskii burial ground (after Арсланова, 1975. Табл. I, 11), 8, 9 — Dyalyan (after Давыдов, Половников, 2018. Рис. 2, 1, 2), 10 — Verkh-Uimon (after Соенов, 2000. Рис. 7, 9), 11 — Ust' Tara-VII (after Матвеева, 2016. Рис. 92, 21), 12 — Choburak-I (after Серегин и др., 2023. Табл. 92, 5), 13–17 — stages of decoration production (after Давыдов, Половников, 2018. Рис. 6)

ного археологического объекта. Курган № 33 примыкал с северо-западной стороны к скоплению аналогичных сооружений, образовавших «соты». Внутри зачищенной кольцевой выкладки-стенки на уровне древнего горизонта четко проявились контуры двух могильных ям. Могила 1 была ориентирована продольной осью по линии ЮЗ–СВ. Она имела длину 2,2 м и ширину 0,9 м. В центре могильной ямы на перекрытии каменного ящика, в котором были похоронены два мальчика-подростка, лежали шкуры от двух лошадей (каждая с головой и конечностями). Умершие располагались «валетом». При них обнаружен комплекс различных изделий, в том числе сохранившиеся детали деревянной основы седел без стремян. У одного ребенка в возрасте 6–7 лет (северный скелет),

уложенном вытянуто на спину, головой на северо-восток, найдены фрагменты серьги из цветного металла (**рис. 1, 1**), которая, вероятнее всего, висела на левом ухе. Подросток 9–10 лет располагался также в вытянутом положении и на спине, но был ориентирован головой на юг–юго-восток. С левой стороны его черепа обнаружена аналогичная серьга (**рис. 1, 2а**). В районе пояса выявлена маленькая пронизь из цветного металла на кожаном ремешке (**рис. 1, 2б**).

С помощью рентгенфлюоресцентного спектрометра «INNOV-X SYSTEMS» ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) осуществлено тестирование указанных находок. Сначала исследовалась поверхность дужки первой серьги, покрытой окислами. Получены следующие результаты: Ag (серебро) — 64,84 %; Cu (медь) — 23,88 %; Sn (олово) — 6,78 %; Pb (свинец) — 4,28 %; Fe (железо) — 0,22 %. Затем изучался участок, освобожденный от коррозии: Ag — 64,97 %; Cu — 23,72 %; Sn — 7,12 %; Pb — 4,19 %. Данный поэлементный ряд указывает на сложный сплав, основу которого составляет серебро с включением меди, олова и свинца (Ag+Cu+Sn+Pb). Такой же сплав указанным прибором зафиксирован при исследовании аналогичной серьги из кургана № 32а локального могильника на археологическом комплексе Чобурак-I (**рис. 1, 12**), расположенном в Северном Алтае (*Тишкин, Серегин, 2023. С. 198–199, рис. 1, 2*). Осуществленный рентгенфлюоресцентный анализ находок из цветного металла из погребений жужанского времени этого некрополя (*Серегин и др., 2023. С. 184–188*) может стать основой для дальнейшего изучения изделий, обнаруженных на других памятниках. Также серебряными оказались сохранившиеся части рассматриваемых сережек из памятника Дялян (**рис. 1, 8, 9**), расположенного на территории Северного Алтая (*Давыдов, Половников, 2018. С. 28–29*). Их детальное изучение позволило реконструировать процесс изготовления таких изделий (**рис. 1, 13–17**).

Исследования второй серьги из могилы-1 кургана № 33 памятника Яломан-II дали отличающиеся результаты. Сначала тестировалась окисленная поверхность изделия и зафиксированы такие показатели: Cu — 64,98 %; Sn — 22,71 %; Pb — 9,47 %; As (мышьяк) — 1,97 %; Fe — 0,51 %; Zn (цинк) — 0,36 %. Затем изучался участок, частично освобожденный от коррозии на цилиндрической спирали, где загрязнения остались между завитками. Данное обстоятельство повлияло на заметное присутствие железа: Cu — 77,34 %; Sn — 16,09 %; Pb — 5,07 %; As — 1,14 %; Fe — 0,36 %. Тем не менее выявленный поэлементный ряд демонстрирует медно-оловянно-свинцовый (бронзовый) сплав с существенной рудной примесью в виде мышьяка, который выполнял роль естественного легирующего элемента.

Тестирование прибором остатков металлической пронизи на кожаном ремешке (**рис. 1, 2б**) позволило получить результаты, которые можно рассматривать только на качественном уровне, так как от изделия сохранились лишь окислы. Эти данные (Cu — 91,69 %; Sn — 6,55 %; Pb — 1,03 %; Fe — 0,73 %) также демонстрируют медно-оловянно-свинцовый (бронзовый) сплав, но без присутствия мышьяка. Разная рецептура бронзовых сплавов отмечена при исследовании находок жужанского времени из памятника Чобурак-I (*Тишкин, Серегин, 2023*).

Аналогии публикуемым серьгам с дужкой в виде сомкнутого овального кольца и выделенным основанием в форме цилиндрической спирали из Яломана-II уже обозначались при рассмотрении таких же находок (*Трифанова, Соенов, 2019; Серегин и др., 2023. С. 175–176*). На Алтае они обнаружены на следующих памятниках (**рис. 1, 8–10, 12**): Дялян (*Тетерин, 2005*), Верх-Уймон (*Соенов, 2000*) и Чобурак-I (*Серегин и др., 2023*). Наибольшее число таких изделий (**рис. 1, 3–6**) отмечено в Верхнем Приобье на комплексе Ближние Елбаны-III (*Грязнов, 1956. Табл. XLV, 11, 25–27*). Единичные похожие экземпляры (**рис. 1, 7, 11**) известны по материалам Зевакинского могильника в Восточном Казахстане (*Арсланова, 1975. Табл. II, 11*), а также найдены на памятнике Усть-Тара-VII в Западной Сибири (*Матвеева, 2016. Рис. 92, 21*) и в других местах.

Датировка раскопанных курганов на памятнике Яломан-II определена результатами AMS-датирования в рамках второй половиной IV — началом V в. н. э. (*Тишкин, 2017. С. 56*).

Арсланова, 1975 — Арсланова Ф. Х. Курганы с «усами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1975. С. 116–129.

Грязнов, 1956 — Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956 (МИА. № 48). 162 с.

- Давыдов, Половников, 2018 — Давыдов Р. В., Половников И. С. Серебряные серьги из могильника Дялян (Горный Алтай): технологический и сравнительно-морфологический анализ // ПАрх. 2018. № 4. С. 24–40.
- Матвеева, 2016 — Матвеева Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2016. 264 с.
- Серегин, Матренин, 2020 — Серегин Н. Н., Матренин С. С. Монголия в жужанское время: основные аспекты интерпретации археологических материалов // ПАрх. 2020. № 4. С. 36–49.
- Серегин и др., 2023 — Серегин Н. Н., Матренин С. С., Тишкин А. А., Паршикова Т. С. Алтай в предтюркское время (по материалам археологического комплекса Чобурак-I). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2023 (Археологические памятники Алтая. Вып. 7). 432 с.
- Соенов, 2000 — Соенов В. И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // ДА. 2000. № 5. С. 48–62.
- Тетерин, 2005 — Тетерин Ю. В. Серьги гунно-сарматской эпохи Южной Сибири (проблемы типологии и хронологии) // ВНГУ. 2005. Т. 4. Сер.: История, филология. № 5: Археология и этнография. С. 52–64.
- Тишкин, 2017 — Тишкин А. А. Результаты радиоуглеродного датирования курганов жужанского времени памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Вестник Томского университета. История. 2017. № 49. С. 54–59.
- Тишкин, 2022 — Тишкин А. А. Алтай в предтюркское время (по материалам памятника Яломан-II) // Nadak útján. A népvándorlások fiatal kutatóinak XXIX. konferenciája. Budapest, 2019. November 15–16 / Főszerkesztő T. Attila. Budapest: Martin Opitz Kiadó, 2022. P. 15–37.
- Тишкин, Горбунов, 2005 — Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. 200 с.
- Тишкин, Серегин, 2023 — Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Рентгенофлюоресцентный анализ изделий из цветного металла предтюркского времени, обнаруженных на некрополе Чобурак-I (Северный Алтай) // ТПАИ. 2023. № 3. С. 196–207.
- Трифанова, Соенов, 2019 — Трифанова С. В., Соенов В. И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Научное электронное изд. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2019. 160 с. [Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.academia.edu/41056982/Трифанова_С_В_Соенов_В_И_УКРАШЕНИЯ_НАСЕЛЕНИЯ_АЛТАЯ_ГУННО_САРМАТСКОГО_ВРЕМЕНИ_THE_ALTAI_POPULATION_S_ADORNMENTS_IN_THE_HUNNO_SARMATIAN_PERIOD_Горно_Алтайск_2019_160_с_ISBN_978_5_91425_170_0 (дата обращения: 10.03.2023)].

Earrings of Rouran times from the Yaloman-II necropolis (in the Central Altai): a X-ray fluorescence analysis and a circle of the closest analogies

Aleksei A. Tishkin³

Annotation. *Archaeological sites of the period of domination of the Rouran Kaganate in Central Asia and the time of its subsequent disintegration are still poorly studied. The main available information was obtained during excavations of funerary complexes in the Altai. Among them, the Yaloman-II burial mound stands out, with numerous items, including those made of organic materials, preserved in its burials. This paper analyses two metal earrings found in a pair burial of two boys. The X-ray fluorescence analysis of these ornaments is carried out and the range of closest analogues is given.*

Keywords: *Altai, Rouran time, Yaloman-II, kurgan, metal earrings, X-ray fluorescence analysis*

³ Aleksei A. Tishkin — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: tishkin210@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7769-136X.

Каменные изваяния тюрков-тугю Семиречья и сопредельных регионов (к проблеме их выделения)¹

Г. В. Кубарев²

Аннотация. Из многочисленных раннесредневековых скульптур Семиречья, отличающихся значительным разнообразием в иконографии, элементах костюма и аксессуарах, автор выделяет серию изваяний, относящихся к деятельности тюрков-тугю. Критериями для выделения этой группы скульптур являются изображения кафтана с треугольными отворотами-лацканами, прическа в виде длинных кос и др. Часть этих изваяний датируется эпохой Первого Тюркского каганата, а возможно, и предтюркским временем, и связана с Восточным Туркестаном как с одним из центров тюркского этногенеза на территории Северо-Западного Китая.

Ключевые слова: каменные изваяния, тюрки-тугю, Семиречье, Алтай, костюм, косы

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-311-314

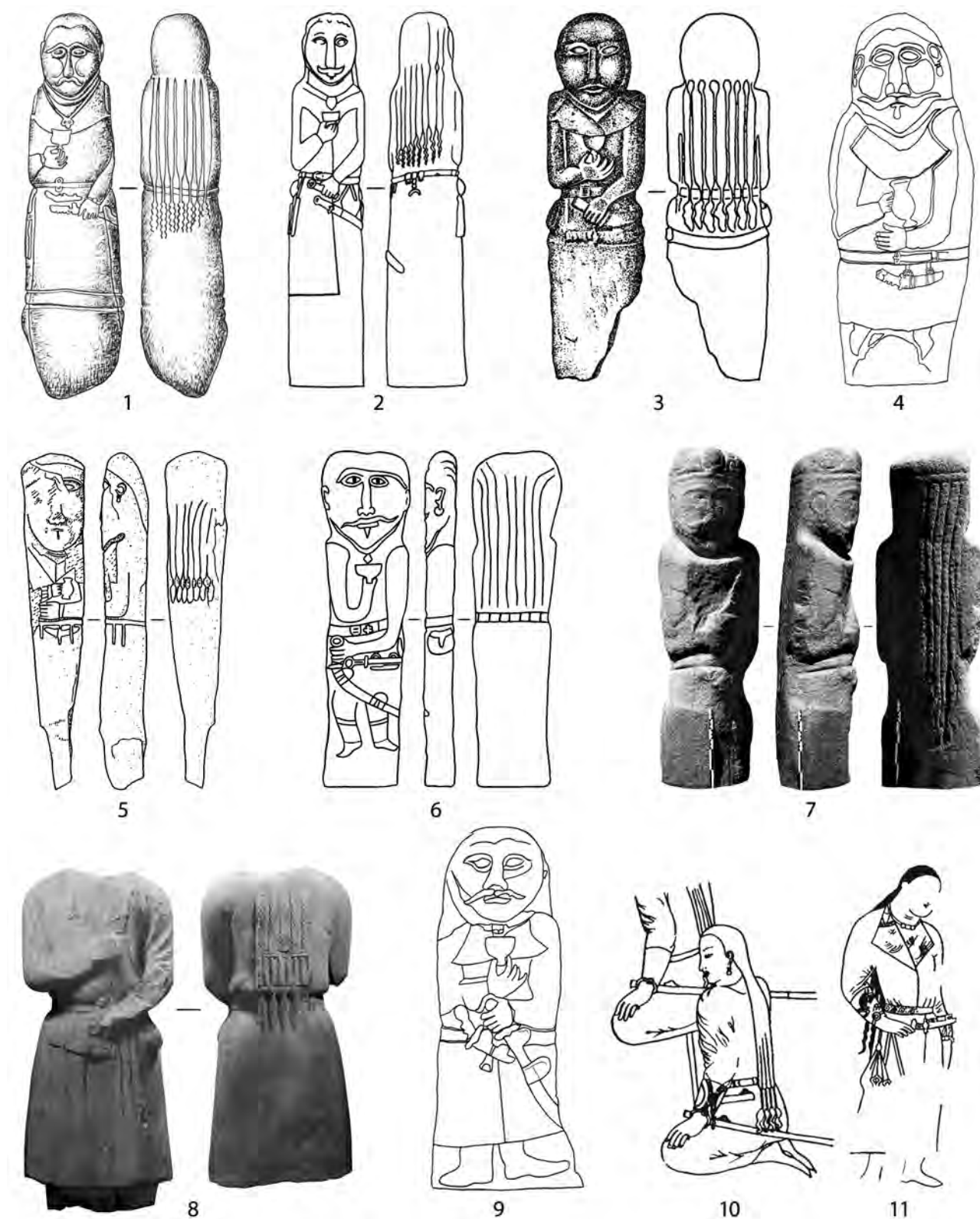
Я. А. Шер — автор обобщающей работы по раннесредневековым каменным изваяниям Семиречья и соседних областей (*Шер*, 1966) — в названии вполне сознательно не использовал определение «древнетюркский». Хотя бы потому, что каменные скульптуры этого района Средней Азии отличаются значительным разнообразием в иконографии и представленных на них элементах костюма и аксессуарах. Вероятно, это отражает пеструю картину этнического или племенного состава населения Семиречья в эпоху раннего средневековья. Вместе с тем необходимо отметить, что традиция изготовления каменных изваяний в составе поминального сооружения, несомненно, связана с приходом в этот регион в VI в. (а может быть, и раньше) тюрков-тугю. Закономерно возникает вопрос: какие изваяния можно соотносить с тюрками-тугю?

Необходимо отметить, что поминальные оградки с изваяниями, погребения в сопровождении коня, руноподобная письменность огромного центрально- и среднеазиатского регионов большинство исследователей ассоциируют исключительно с древними тюрками. Но так ли это на самом деле и что представляют собой древности других многочисленных тюркоязычных племен Центральной и Средней Азии, известных по раннесредневековым письменным источникам? Согласно китайским династийным хроникам, 15 телеских племен проживали в Монголии, а также к северу от нее — в Саяно-Алтайском нагорье. Их точная локализация относительно друг друга затруднена. Сам же факт их расположения севернее тюрков-тугю подтверждают и тюркские рунические надписи в каганских поминальных памятниках Монголии: слева от тюрков (т. е. на севере) народ токуз-огузов. Таким образом, телеские древности (изваяния и поминальные сооружения, курганы, наскальные рисунки и др.), несомненно, должны быть представлены на территории географического Алтая и прилегающих к нему регионов и, в частности, Тарбагатай и Джунгарии.

Каноническая «пиршественная» поза поминаемого человека (в правой руке — сосуд, левая — на рукояти оружия или поясе) и, прежде всего, воина в каменной скульптуре, вероятно, впервые появилась у тюрков-тугю и была заимствована другими, родственными тюркоязычными племенами. Однако, отличия в костюме, прическе и некоторых характерных аксессуарах позволяют выделить

¹ Исследование выполнено по проекту Российского научного фонда № 24-28-01323, <https://rscf.ru/project/24-28-01323/>.

² Глеб Владимирович Кубарев — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: gvkubarev@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6376-4153.

группы каменных изваяний, имеющих различную племенную принадлежность или принадлежность к крупным племенным объединениям.

Из китайских письменных источников нам известно, что для тюркок-тугю было характерно распускание волос и запахивание кафтана на левую сторону. Действительно, по настенным росписям Афрасиаба, гравировкам и статуарным изображениям на территории Китая, Монголии и Семиречья нам хорошо знаком облик тюркок-тугю (рис. 1). Наиболее характерными чертами их

Рис. 1. Каменные изваяния и изображения тюркок-тугю в кафтанах с треугольными отворотами-лацканами и длинными волосами, заплетенными в косы, из Семиречья, Центрального Казахстана (1–3, 5, 6), Китая (4, 7–9) и Согдана (10, 11): 1 — Корумды, Иссык-Куль (по: Шер, 1966. С. 90, табл. VIII); 2 — Зайсан (по: Арсланова, Чариков, 1974. С. 224, 225, рис. 2, 8); 3 — Тенгеньбулак, Каратау (по: Шер, 1966. С. 80, 82, табл. III, 16); 4 — Жайсан (по: Досымбаева, 2006. Рис. 9а); 5 — Акжарык, Дзезказганская обл. (по: Ермоленко, 2004. С. 85, 110, рис. 38); 6 — Балтаколь, Шымкентская обл. (по: Чариков, 1984. Рис. 1); 7 — Малый Хонахай (Монголкюре), СУАР (по: Stark, 2009. Fig. 5); 8 — скульптура посла в погребальном комплексе императора Тай-цзуна, Сиань, пров. Шэньси, Китай (по: Xi'an..., 2006. Abb. 187, 188); 9 — Алкател, СУАР (по: Кубарев, 2008. Рис. 1, 3); 10, 11 — настенные росписи Афрасиаба (по: Альбаум, 1975. Рис. 5, 7). Не в масштабе

Fig. 1. Stone sculptures and images of Tugu Turks in caftans with triangular lapels and long braided hairs from Semirechye, Central Kazakhstan (1–3, 5, 6), China (4, 7–9) and Sogdiana (10, 11): 1 — Korumdy, Issyk-Kul (after Шер, 1966. С. 90, табл. VIII); 2 — Zaisan (after Арсланова, Чариков, 1974. С. 224, 225, рис. 2, 8); 3 — Tengenbulak, Karatau (after Шер, 1966. С. 80, 82, табл. III, 16); 4 — Zhaisan (after Досымбаева, 2006. Рис. 9а); 5 — Akzharyk, Dzhezkazgan region (after Ермоленко, 2004. С. 85, 110, рис. 38); 6 — Baltakol, Shymkent region (after Чариков, 1984. Рис. 1); 7 — Maliy Khonakhai (Mongolküre), XUAR (after Stark, 2009. Fig. 5); 8 — sculpture of the ambassador in the funeral complex of Emperor Taizong, Xi'an, Shaanxi province, China (after Xi'an..., 2006. Abb. 187, 188); 9 — Alcatel, XUAR (after Кубарев, 2008. Рис. 1, 3); 10, 11 — wall paintings of Afrasiyab (after Альбаум, 1975. Рис. 5, 7). Not to scale

внешнего вида был длиннополый кафтан с орнаментированными треугольными отворотами-лацканами с правой полой наверху и длинными, заплетенными в 5–8 кос, волосами (рис. 1). Как правило, это персонажи с ярко выраженными монголоидными чертами лица. Часто в правой руке они держат сосуд в виде небольшой чаши — пиалы (?) (рис. 1, 1–3, 6, 9), либо сосуд в виде кувшинчика (рис. 1, 4, 5). Другими частыми атрибутами костюма тюрка, воспроизведенными на изваяниях, являются т. н. коленчатые кинжалы, серьги с каплевидной подвеской, нашейное украшение — гривна (?).

В рамках данной темы крайне важным представляется каганский поминальный памятник, исследованный в Центральном Тянь-Шане, в местности Малый Хонахай, в долине р. Текес (уезд Чжаосу или Монгол-кюре СУАР). Каменная скульптура мужчины в канонической позе с длинными волосами, заплетенными в косы, и диадемой (?), как считается, изображает кагана (рис. 1, 7). В большой надписи согдийским письмом, нанесенной на двух гранях скульптуры, содержатся имена первых тюркских каганов (Мукан-кагана и Нири-кагана). Предположительно этот памятник сооружен в честь Нири-кагана в период 600–604 гг. Следует также отметить группу изваяний, изображающих знатных тюркских воинов, реалии на которых выполнены наиболее тщательно. Однако несмотря на это, на поясах этих фигур не воспроизведены металлические накладные бляхи, что нельзя рассматривать как случайность или небрежность исполнения (рис. 1, 1, 3–5, 9). Можно констатировать, что в случае использования наборных поясов, они, несомненно, были бы воспроизведены. По-видимому, наборные пояса, украшенные металлическими бляшками (в том числе, бляхами прямоугольной формы) начали распространяться в тюркской среде во второй половине VI в. Таким образом, датировка подобных изваяний может быть определена VI в., а возможно даже предтюркским периодом — V или второй половиной V в. На основании указанных фактов можно утверждать, что каноническая поза, при которой мужчина в правой руке держит сосуд, а левая опущена на рукоять оружия или пояс, получила распространение как, собственно, у тюркок-тугю, так и среди других тюркоязычных племен уже в эпоху Первого Тюркского каганата (551–630 гг.), а у тюркок-тугю возможно и раньше.

Можно предположить, что не на всех изваяниях тюркок-тугю Семиречья и Монголии, изображенных в кафтанах с треугольными отворотами-лацканами, воспроизведены косы (в силу технической сложности?). Однако это никак не объясняет единичность экземпляров подобных изваяний (как с треугольными отворотами-лацканами, так и с косами) на территории как Российского, так и Монгольского Алтая, в отличие от Кыргызстана, Южного Казахстана, Синьцзяна и Центральной Монголии. Так, например, на территории Российского Алтая такие изваяния составляют всего около 2 % от общего числа из 320 скульптур.

Необходимо отметить, что рассматриваемые изваяния тюркок-тугю, вероятно, предтюркского времени, а также эпохи Первого Тюркского каганата, концентрируются на территории Восточного Туркестана — Центрального Тянь-Шаня, в том числе районы современного Кыргызстана и Южного Казахстана. Объяснение этого кроется в признании центрами тюркского этногенеза территории Северо-Западного Китая — провинции Ганьсу и Восточного Туркестана — и преимущественном проживании на территории географического Алтая телеских племен и, в первую очередь, карлуков.

Альбаум, 1975 — Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: Фан, 1975. 112 с.

Арсланова, Чариков, 1974 — Арсланова Ф. Х., Чариков А. А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // СА. 1974. № 3. С. 220–235.

Досымбаева, 2006 — Досымбаева А. Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахской степи. Алматы: Тюркское наследие, 2006. 168 с.

Ермоленко, 2004 — Ермоленко Л. Н. Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2004. 129 с.

Кубарев, 2008 — Кубарев Г. В. Коленчатые кинжалы древнетюркской эпохи // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н. э.: ТД IV Международной археологической конференции / Ред. Д. А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 2008. С. 68–72.

Чариков, 1984 — Чариков А. А. Балтакольская скульптура // Западная Сибирь в эпоху средневековья / Ред. Л. А. Чиндина. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1984. С. 58–63.

Шер, 1966 — Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л.: Наука, 1966. 140 с.

Stark, 2009 — Stark S. Some Remarks on the Headgear of the Royal Türks // Journal of Inner Asian Art and Archaeology. 2009. Vol. 4. P. 119–133.

Xi'an..., 2006 — Xi'an — Kaiserliche Macht im Jenseits. Grabfunde und Tempelschätze aus Chinas alter Hauptstadt. Katalog der Ausstellung. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2006. 370 S.

Stone sculptures of the Tugu Turks of the Semirechye and neighbouring regions (on the problem of their identification)

Gleb V. Kubarev³

Annotation. *Among the numerous early medieval sculptures of Semirechye, characterized by a significant variety of iconography, costume elements and accessories, the author distinguishes a series of those that should be attributed to the Tugu Turks. The criterion for differentiation this group of sculptures are images of a caftan with triangular lapels, a hairstyle in the form of long braids and others. Some of these sculptures date back to the era of the First Turkic Khaganate, and possibly to pre-Turkic times and are associated with Eastern Turkestan as one of the centers of Turkic ethnogenesis in North-Western China.*

Keywords: *stone sculptures, Tugu Turks, Semirechye, Altai, costume, braids*

³ Gleb V. Kubarev — Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: gvkubarev@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6376-4153.

К вопросу о западном направлении контактов населения Алтая в раннем средневековье: некоторые результаты изучения нумизматических материалов⁴

Н. Н. Серегин⁵

Аннотация. В докладе представлены результаты изучения немногочисленных находок из археологических памятников, демонстрирующих «западное» направление контактов населения Алтая во второй половине I тыс. н. э. Рассмотрены возможности интерпретации редких нумизматических материалов, обнаруженных в комплексах одинцовской, тюркской и сроткинской культур (эфталитская и тюркешская монеты, монетовидная индикация).

Ключевые слова: Алтай, раннее средневековье, западное направление контактов, археологические памятники, импорт

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-315-317

Важной частью истории кочевников Центральной Азии в раннем средневековье являлись их разноплановые контакты с оседло-земледельческими народами. Ключевым примером подобных связей являлись отношения номадов с Китаем. Различные аспекты изучения такого взаимодействия представлены в многочисленных публикациях, основанных на анализе как археологических, так и письменных источников. Гораздо менее исследованным остается западное направление контактов кочевников. В настоящей статье кратко представлены возможности развития обозначенной проблематики на примере немногочисленных нумизматических материалов из археологических памятников Алтая. В последние годы в указанном направлении появились новые данные, позволяющие затронуть ряд слабоизученных аспектов истории раннесредневекового населения рассматриваемого региона.

Следует признать, что археологические свидетельства западного направления контактов кочевников Алтая во второй половине I тыс. н. э. остаются весьма фрагментарными. Среди известных сюжетов отметим находку меча с согдийской надписью в погребении кургана № 9 памятника Джолин-I (Кубарев, 1992; Лившиц, 1998). По мнению некоторых исследователей, значительная часть предметов торевтики из памятников тюрков Центральной Азии могла быть произведена согдийцами или самими номадами, но под влиянием согдийских изобразительных и технологических традиций (Худяков, 2003. С. 135–137). Отдельным сюжетом, требующим специального рассмотрения, являются привозные металлические зеркала предположительно среднеазиатского происхождения, обнаруженные в комплексах Горного и Лесостепного Алтая (Тишкин, Серегин, 2018. С. 130–131; Серегин и др., 2022; и др.).

Нумизматические материалы крайне редко используются для иллюстрации западного направления связей кочевников, главным образом, в связи с немногочисленностью подобных находок. Вероятно, хронологически одним из наиболее ранних свидетельств контактов населения северных предгорий Алтая в обозначенном направлении является серебряная монета из некрополя Горный-10 (Серегин и др., 2021). Изучение находки показало, что она представляет собой имитацию драхм санидского шаха Пероза I и может быть идентифицирована как тип (или эмиссия) 287 по классификации Р. Гёбля (Göbl, 1967. Bd. I. S. 197–199; Bd. II. S. 90–91, 149; Bd. III. Taf. 78, 79). Рассматриваемый

⁴ Исследование выполнено в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 20-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-50005/>.

⁵ Серегин Николай Николаевич — Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: nikolay-seregin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8051-7127.

экземпляр относится к одному из наиболее распространенных типов монет, выпускавшихся во владениях эфталитов. Изделие характеризует большое содержание серебра (97 %) и отсутствие золота в составе сплава, что отличает этот экземпляр от других изученных имитаций сасанидских монет т. н. иранских гуннов. Учитывая уникальность монеты, не имеющей аналогов в археологических комплексах Северной и Центральной Азии, пока сложно предположить, как она попала на территорию Лесостепного Алтая. Не исключено, что это было связано с тюркским завоеванием эфталитских владений в 558–568 гг. и последующими контактами населения, оставившего некрополь Горный-10 и другие синхронные комплексы, с тюрками.

Небольшую группу нумизматических находок из раннесредневековых археологических памятников Алтая составляют тюркешские монеты. Такие изделия обнаружены в ходе раскопок двух погребений, относящихся к сротскинской (*Горбунов*, 2019. С. 338, рис. 3.25, 3–4) и тюркской (*Гаврилова*, 1965. С. 67, рис. 9, 1) культурам. Рассматриваемые экземпляры относятся к одному из распространенных типов тюркешских монет (*Смирнова*, 1981. С. 400–405), известных на обширных территориях (*Thierry*, 1999. Р. 334). Хронология их выпуска определяется временем правления Су-лу кагана (715–738) (*Ibid.*, 1999. Р. 342–343; *Лурье*, 2020. С. 279). На Алтае рассматриваемые монеты зафиксированы в захоронениях второй половины VIII — первой половины IX в. н. э. Вероятно, в этот период, охарактеризованный крушением Второго Восточно-Тюркского каганата и возвышением державы уйгуров, произошла активизация контактов населения обозначенного региона со Средней Азией.

Редкой находкой, интерпретация которой до сих пор остается проблематичной, является золотая монетовидная индикация из комплекса Туэкта в Центральном Алтае. Черно-белая фотография этого изделия приведена уже в обобщающей монографии С. В. Киселева (*Киселев*, 1949. Табл. ЛП, 3), однако на протяжении последующих лет предмет не привлекал внимания исследователей. Некоторые аспекты анализа находки представлены в специальной статье, основанной на ее непосредственном изучении (*Seregin et al.*, 2021). Судя по имеющимся немногочисленным материалам, золотые монетовидные индикации являлись важными показателями социального статуса в обществе кочевников Центральной Азии второй половины I тыс. н. э. Все немногочисленные предметы обнаружены в «элитных» захоронениях разного уровня, отличающихся целым рядом специфических характеристик обряда. Изделия из комплексов Увгунт (*Кляшторный и др.*, 1990) и Шороон Бумбагар (*Очир и др.*, 2013. С. 183–196) на территории Монголии, судя по имеющимся сведениям, демонстрируют контакты тюрков с согдийцами, отражая особенности взаимоотношений верхушки социума кочевников с представителями оседло-земледельческого мира в разные периоды. Содержание предполагаемых рунических надписей на брактеатах в туэктинском и увгунтском погребениях позволяет говорить о выполнении обнаруженными индикациями функций, не связанных с торговой сферой, и рассматривать их как предметы, отражающие какие-то взаимоотношения в среде тюркской элиты.

Ограниченный объем материалов не позволяет подробно и однозначно рассматривать значение рассмотренных редких нумизматических находок в представлениях раннесредневекового населения Алтая. Судя по имеющимся данным, они, как и некоторые предметы китайского импорта, являлись своего рода социальными маркерами, демонстрировавшими определенный статус человека в обществе. Дальнейшие перспективы изучения западного направления контактов кочевников рассматриваемого региона во второй половине I тыс. н. э. связаны как с получением новых материалов, так и с более детальным анализом уже известных находок.

Гаврилова, 1965 — *Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Горбунов, 2019 — *Горбунов В. В.* Сротскинская культура // История Алтая. Т. 1. Древнейшая эпоха, древность и средневековье / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ; Белгород: Константа, 2019. С. 333–345.

Киселев, 1949 — *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949 (МИА. № 9). 364 с.

Кляшторный др., 1990 — *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г., Шкода В. Г.* Золотой брактеат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской тюркешике // ИБМАИКЦА. 1990. Вып. 16. С. 5–16.

- Кубарев, 1992 — Кубарев В. Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука. СО, 1992. С. 25–36.
- Лившиц, 1998 — Лившиц В. А. Согдийский «акинак» на Восточном Алтае // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции (2–5 сентября 1998 г.) / Отв. ред. Г. В. Вилинбахов, В. М. Массон. СПб.: ИГЭ, 1998. С. 282–283.
- Лурье, 2020 — Лурье П. Б. Тюрко-согдийские монеты и их находки в Пенджикенте // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ) / Отв. ред. В. П. Никоноров, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 278–281.
- Очир и др., 2013 — Очир А., Данилов С. В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц. Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагар дурсгалын малтлага судалгаа. Улаанбаатар, 2013. 165 т. (на монг. яз.).
- Серегин и др., 2021 — Серегин Н. Н., Тишин В. В., Степанова Н. Ф. Эфталитская монета из раннесредневекового комплекса Горный-10 (Северный Алтай) // АЭАЕ. 2021. № 4. С. 100–108.
- Серегин и др., 2022 — Серегин Н. Н., Радовский С. С., Чегодаева Л. И. Раннесредневековое зеркало с «надписью» из комплекса Ближние Елбаны (лесостепной Алтай) // ВНГУ. 2022. Т. 21. Сер.: История, филология. № 5: Археология и этнография. С. 89–98.
- Смирнова, 1981 — Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: ГРВЛ, 1981. 548 с.
- Тишкин, Серегин, 2018 — Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Результаты комплексного изучения металлических зеркал из средневековых памятников Алтая и южной части Верхнего Приобья // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 129–136.
- Худяков, 2003 — Худяков Ю. С. Иранско-тюркский культурный симбиоз в Центральной Азии // Проблемы политогенеза кыргызской государственности: документы, исследования, материалы / Ред.-сост. Дж. Дж. Джунушалиев, А. Ч. Какеев, В. М. Плоских. Бишкек: Инновационный центр «АРХИ», 2003. С. 134–139.
- Göbl, 1967 — Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. I–IV. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1967. Bd. I: Katalog. XXII, 276 S.; Bd. II: Kommentare. VII, 352 S.; Bd. III: 98 Fototafeln. XV S., 98 Taf.; Bd. IV: 48 Zeichentafeln. XI S., 48 Taf.
- Seregin et al., 2021 — Seregin N. N., Tishin V. V., Serov V. V. A «Forgotten» Coin-Shaped Indication from the Early Medieval Burial Complex in Tuekta (Central Altai) // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. 14 (1). P. 85–97.
- Thierry, 1999 — Thierry F. Sur les monnaies des Türgesh // Coins, Art, and Chronology: Essays on the pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands / Ed. by M. Alram and D. Klimburg-Salter. Wien: Verlag der ÖAW, 1999 (ÖAW. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften. Bd. 280; Beiträge zur Kultur- und Geistesgeschichte Asiens. Nr. 31; Veröffentlichungen der Numismatischen Kommission. Bd. 33). P. 321–349.

On the western direction of contacts of the Altai population in the Early Middle Ages: some results of the study of numismatic materials

Nikolai N. Seregin⁶

Annotation. *The paper presents some results of a study of a few finds from archaeological sites demonstrating the «western» direction of contacts of the Altai population in the latter half of the 1st millennium AD. The author concerns the interpretation of rare numismatic materials discovered in the complexes of Odintsovo, Turkic and Srostki cultures (Hepthalite and Turgesh coins, coin-like indication).*

Keywords: *Altai, Early Middle Ages, western direction of contacts, archaeological sites, import*

⁶ Nikolai N. Seregin — Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: nikolay-seregin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8051-7127.

О времени появления и трансформации тюркского компонента в погребальном обряде средневековых культур Дальнего Востока (по материалам могильника Монастырка-3)¹

О. В. Дьякова²

Аннотация. Археологические материалы из мохэского некрополя Монастырка-3 демонстрируют дуальность погребального обряда: сочетание хуннских и тюркских традиций. По сделанным анализам ¹⁴C памятник датируется V в. н. э.

Ключевые слова: сяньбэй, мохэ, некрополь, Монастырка-3, хунну, тюрки

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-318-319

Первоначальное формирование ядра алтайской семьи происходило на обширных горностепных территориях востока Евразии, откуда началось ее планетарное распространение. Что спровоцировало деление алтайского ядра на тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую ветви и как оно происходило — выясняет не одно поколение исследователей, пытающихся на междисциплинарном уровне разрешить дискуссионные проблемы. Это вполне закономерно, поскольку накопление и публикация материалов по территориям происходит неравномерно, что осложняет их корреляцию. Формирование тунгусо-маньчжурской ветви (уцзи-мохэ-чжурчжэни-тунгусо-маньчжуры) прямо замыкается на сяньбэйскую проблему, поскольку по археологическим артефактам сопоставляется с культурой ранних сяньбэй, носители которой в том или ином виде неизбежно связаны с многочисленными сяньбэйскими государствами, активно возникавшими в IV–V вв. н. э., границы которых доходили до Приморья.

Выявить время появления уцзи-мохэ в Приморье и начало времени формирования тунгусо-маньчжурской ветви помогают материалы мохэского некрополя Монастырка-3, расположенного в горно-таежной зоне северо-восточного Приморья. Памятник интересен тем, что в погребальном обряде нашли отражение традиции хунну и тюрков. К хуннскому компоненту относятся поминальный отсек, который присутствует в конструкциях гробов нескольких могил некрополя Монастырка-3 (№ 11 и 22), а также сосуды с орнаментом в виде левонаклонной волны. Тюркский компонент проявляется в смене погребального обряда — замещение ямных грунтовых захоронений (трупоположений) на кремации, а также устройство погребального пространства: ящик из горбыля и полубревен, забутовка могилы камнем и возведением над ней каменной насыпи. Среди погребального инвентаря преобладают пояса тюркского типа, часто с позолотой, имевшие широкое хождение в Евразии с IV по X в., а также лепные сосуды близкие по форме тюркским. Датировка по ¹⁴C показывает, что начало формирования некрополя Монастырка-3 приходится на V в. н. э.

С. Г. Кляшторный считал сяньбэй конгломератом тюркоязычных и монголоязычных племен, что проявилось в дуальности традиций погребального обряда мохэского некрополя Монастырка-3 в виде гробов с поминальными отсеками и кремациями погребенных в могилах с каменными насыпями. У тунгусо-маньчжуров в культуре амурских чжурчжэней в X–XI вв. прослеживается трансформация погребального обряда, кремации совершали не в могиле, а на горизонте дневной поверхности. В XII–XIII вв. происходит переход к кремациям на стороне с последующем захоронением

¹ Работа выполнена на средства гранта РНФ № 23-28-00232.

² Ольга Васильевна Дьякова — Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, Владивосток, Российская Федерация; e-mail: emelianova49@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5306-2390.

под курганом. При этом размеры могил уменьшаются, а формы становятся более произвольными. Приведенные факты, вероятнее всего, свидетельствуют о постепенном развитии обряда кремации. Заметим, что из всех дальневосточных народов обряд кремаций до настоящего времени сохранили только нивхи (палеоазиаты), хотя первоначально у них был другой способ захоронения умерших. Это вытекает из толкования самого нивхского слова «хоронить», означающего «выбрасывать». Видимо, обряд кремации они заимствовали от пришедших на их земли тунгусо-маньчжуров (племен уцзи-мохэ), что произошло не ранее V в. н. э.

On the time of the appearance and transformation of a Turkic component in the burial rites of the medieval cultures of the Far East (based on the materials from the Monastyrka-3 burial ground)

Ol'ga V. D'yakova³

Annotation. *Archaeological materials from the Mohe necropolis of Monastyrka-3 demonstrate the duality of burial rites, viz. a combination of Hunnic and Turkic traditions. According to ¹⁴C analyses, the site dates from the 5th century AD.*

Keywords: *Xianbei, Mohe, necropolis, Monastyrka-3, Xiongnu, Turks*

³ Ol'ga V. D'yakova — Institute of History, Archaeology and Ethnography, Far Eastern Branch of RAS, Vladivostok, Russian Federation; e-mail: emelianova49@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5306-2390.

Роль карлуков в политической истории Центральной Азии в раннем средневековье

Р. Х. Аннакурбанов¹

Аннотация. После распада Тюркского каганата народы большей части Центральной Азии оказались участниками соперничества между Танской империей и Арабским халифатом, завершившегося Таласской битвой в 751 г. Армия карлуков выступила на стороне арабов, китайская армия потерпела полное поражение. Танское правительство прекратило нажим на Центральную Азию, однако и арабы не смогли воспользоваться военным успехом. На политическую арену вышли карлуки, выступившие гарантом сохранения степной культуры, древнетюркской государственности и единства народов Центральной Азии. В 766 г. они создали государства карлукских ябгу, которые в 840 г. объединились в Карлуко-Караханидский каганат.

Ключевые слова: Центральная Азия, каганат, карлуки, уйгуры, тюргеши

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-320-322

После распада Тюркского каганата начиная с середины VIII в. в Центральной Азии в пространстве Алтайских гор и монгольских степей сложилась непростая политическая ситуация. На территории восточной части бывшего Тюркского каганата образовался Уйгурский каганат. В его западной части в ходе политической борьбы на арену вышли тюргеши. Центральной Азии с востока угрожало Танское государство, а с запада — арабы. В этот сложный период за сохранение государственной традиции и единство тюрков активно начали действовать карлуки. По большинству сведений из легенд и средневековых письменных источников, карлуки происходят из рода Алп Эр Тонгой (Афрасиабом). Как писал ал-Масуди, «из среды карлуков происходит “каган каганов”, ему принадлежит власть над всеми тюркскими племенами, а его предками были Афрасиаб и Шана (Ашина)» (*Кляшторный*, 1970. С. 84). Абу-Бекр Ахмед ибн Мухаммед ибн Исхак ал-Хамадани, больше известный как Ибн ал-Факих, писал: «а у них (карлуков — *Р. А.*) царство и у них среди них самих (тюрков — *Р. А.*) высокое положение» (*Материалы...*, 1939. С. 153). Карлуко-Караханидский каганат в средневековых письменных источниках называется «дом афрасиба», «дом хакана» а правители этого государства именуются «мулк ал-хаканийя», «ал-и афрасийаб», «алп тонга» (*История КазССР*, 1977. С. 16).

В период тюркского каганата карлуки проживали в обеих частях каганата. Для их различия Л. Н. Гумилев употребляет понятие «восточные карлуки» и «западные карлуки» (*Гумилев*, 1967. С. 411). При Уйгурском каганате эльтебер — правитель восточных карлуков — стал западным ябгу. Отношения между карлуками и уйгурами были сложными. Карлуки и басмалы «в сражениях всегда шли впереди» (*Бичурин*, 1950. С. 308), потому что их меньше жалели и берегли. Враждебность карлуков и уйгуров была непреодолима (*Там же*. С. 371). В 745–755 гг. между карлуками и уйгурами произошло несколько сражений. Уйгурский каган Моюнчур был вынужден сам выступить против карлуков. На надписи, посвященной Моюнчуру, карлуки упоминаются в девяти местах (*Малов*, 1959. С. 41–42). При поддержке Танской империи побеждали уйгуры, кочевья восточных карлуков (до Тарбагатая) оказались в составе Уйгурского каганата. Борьба восточных карлуков против уйгуров продолжалась до начала IX в. В этой борьбе восточные карлуки состояли в союзе

¹ Реджепгулы Хакназарович Аннакурбанов — Туркменский государственный педагогический институт им. Сейитназара Сейди, Туркменабат, Туркменистан; e-mail: tawassulwuzara@gmail.com; ORCID: 0009-0009-7627-6971.

с енисейскими кыргызами и тибетцами. Проиграв борьбу против уйгуров, восточные карлуки начали усиленно переселяться в Семиречье.

В конце VII в. в Западно-Тюркском каганате набирали силу племена тюргешей. В 699 г. предводитель тюргешей Учлук хан (Учжиле), опираясь на помощь Китая, добился господства в Семиречье. В 704 г. в городе Кулане тюргешами был убит последний представитель рода западнотюркских каганов рода Ашина (*Бернштам, Заднепровский, 1958. С. 385*). На территории бывшего Западно-Тюркского каганата образовался Тюргешский каганат. Согд, Шаш, Фергана оставались под влиянием Танской империи. В начале VIII в. тюргешам пришлось противостоять Восточно-Тюркскому каганату, а после его распада сражаться против уйгуров. В это же время усилился натиск Танской империи на восточные части Центральной Азии. С запада продолжалось проникновение арабов. В период правления Сулу кагана (717–738) тюргешаи активно продолжали борьбу против войск халифа и остановили их дальнейшее продвижение. Однако тюргешские каганы не смогли обеспечить мир в Семиречье. Вспыхнула борьба между правящими группировками: кара-тюргешаи и сары-тюргешаи. С 740 г. тюргешами стал править ставленник Танского императора Бага Тархан. В 748 г. танская армия под командованием Ван Чжен-сяна взяла Суяб, город был разрушен до основания.

В этот сложный период активизировались западные карлуки. С переселением восточных соплеменников в Семиречье карлуки смогли усилиться. 747–750 гг. были периодом усиленного соперничества между Танской империей и Арабским халифатом за установление контроля над восточной частью Центральной Азии. Это соперничество завершилось Таласским сражением. По данным китайских источников, танский полководец Гао Сян-чжи арестовал правителя Шаша — Шарика — и отправил его в Китай, где тот был казнен. Сын Шарика обратился за помощью к арабскому наместнику в Хорасане Абу Муслиму. В это же время часть арабских войск была окружена в городе Таразе. На помощь им Абу Муслим отправил войско под руководством Зияда ибн Салиха (*Бартольд, 1963. С. 253*). В одном из арабских источников (Мутахар ал-Макдиси) сообщается, что Шарик был убит Абу Муслимом и танская армия была отправлена для помощи сыну Шарика, а предводителем арабских войск стал Исмаил ибн Субайх (*Большаков, 1980. С. 133*). В этот период западные карлуки формально были в подчинении Танской империи. Войскам карлуков было приказано поддерживать армию Гао Сян-чжи. Вожди карлуков, осознавая, что в случае победы танской армии их земли окажутся в подчинении китайцев, решили оказать помощь арабам. 29 июля 751 г. вблизи города Атлах на берегу р. Талас произошло судьбоносное для народов Центральной Азии сражение, где танская армия потерпела сокрушительное поражение. В результате этой победы народы Центральной Азии и Мавераннахра окончательно освободились от китайской агрессии.

Историческое значение Таласского сражения для народов Центральной Азии впервые отмечено академиком В. Бартольдом (*Бартольд, 1963. С. 254*). Оценивая значимость этой победы, Р. Сафаров пишет: «в настоящее время, как показывает исследование ведущих ученых мира, карлуки, указывая непрошеным гостям выход из Центральной Азии, выступили как домашние хозяева» (*Сафаров, 2013*). В результате победы над китайской армией карлуки стали лидерами среди народов Семиречья. Их единственными соперниками выступали тюргешаи. В 756 г. вспыхнуло кровавое столкновение между карлуками и тюргешами. Об этом говорится в письме тюргешского сановника Бекан-Кюлюг-чора: «Мы родились в степях, в стране волнения, нападают друг на друга и режутся...» (*История КазССР, 1979. С. 334*). Пользуясь случаем, в 759 г. карлуки начали наступление на тюргешей. В 766 г. в подчинение карлукского ябгу перешло все Семиречье с двумя ставками западнотюркских и тюргешских каганов — Таразом и Суябом. Таким образом, на землях Западно-Тюркского каганата возникло государство карлуков, основателем которого стал Ыналсыр Ябгу. В 766–775 гг. карлуки захватили Кашгарию.

Как писал Л. Н. Гумилев, «отныне карлуки остались единственными хранителями степной культуры в Средней Азии» (*Гумилев, 1967. С. 371*). Помимо этого они стали единственными носителями древнетюркской государственности и гарантом единства народов Центральной Азии. Сохранив тюркские традиции, они подняли государственность древних тюрков на новый более высокий уровень. В 840 г. ябгу карлуков Бильге Кюль Кадыр хан, подчинив два главных племени карлукского племенного союза — чигилей и ягма, — объявил себя каганом и основал Карлуко-Караханидский каганат.

- Бартольд*, 1963 — *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия / Подг. к изд. И. П. Петрушевский. М.: Изд-во восточной литературы, 1963 (*Бартольд В. В.* Сочинения. Т. 1). 760 с.
- Бернштам, Заднепровский*, 1958 — *Бернштам А. Н., Заднепровский Ю. А.* Западно-Тюркский каганат // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. / Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 378–396.
- Бичурин*, 1950 — *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I / Отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1950. 382 с.
- Большаков*, 1980 — *Большаков О. Г.* К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. СНВ. 1980. Вып. 22. С. 132–135.
- Гумилев*, 1967 — *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: ГРВЛ, 1967. 504 с.
- История КазССР*, 1977 — История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. I: Первобытно-общинный строй. Племенные союзы и раннефеодальные государства на территории Казахстана / Редколлегия тома: К. А. Акишев и др. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1977. 479 с.
- История КазССР*, 1979 — История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Т. II: Развитие феодальных отношений. Образование казахской народности и Казахского ханства / Редколлегия тома: С. Г. Агаджанов и др. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. 424 с.
- Кляшторный*, 1970 — *Кляшторный С. Г.* Эпоха «Кутадгу билиг» // Советская тюркология. 1970. № 4. С. 82–86.
- Малов*, 1959 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 111 с.
- Материалы...*, 1939 — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939 (ТИВ. XXIX). 612 с.
- Сафаров*, 2013 — *Сафаров И.* Карлуки: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.narodnaya.tj/content/article/479-2013> (дата обращения: 07.08.2024)].

The Karluks' role in the political history of Central Asia in the Early Middle Ages

Rejepguly H. Annakurbanov²

Annotation. *After the collapse of the Turkic Khaganate, the peoples of most Central Asia found themselves between the Tang Empire and the Arab Caliphate. The rivalry of the two states ended in the Talas battle in 751. The Karluk army fought on the Arabs' side, and the Chinese Army suffered a complete defeat. The Tang government stopped pressing Central Asia. However, the Arabs also could not enjoy the victory. At that time, the Karluks came out for maintaining the steppe culture, ancient Turkic statehood and unity of the peoples of Central Asia. In 766, they founded Karluk Yabghu states, which turned into the Karluk-Karakhanid Khaganate in 840.*

Keywords: *Central Asia, Khaganate, Karluks, Uyghurs, Türgeshes*

² Rejepguly H. Annakurbanov — Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute, Turkmenabat, Turkmenistan; e-mail: tawassulwuzara@gmail.com; ORCID: 0009-0009-7627-6971.

Раздел 6

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В РАННЕМ И РАЗВИТОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

К топонимике Хутталя

П. Б. Лурье¹

Аннотация. Автор рассматривает отдельные вопросы исторической географии и топонимики Хутталя: 1) предлагает новую этимологию топонима; 2) сравнивает название переправы через Пяндж (*Ārhan* в записи арабских географов) с гидронимом *Aršān* в пехлевийском жизнеописании Заратуштры, чтобы показать, что это, вероятно, один и тот же топоним (древнеиранское *arša- «медведь» или *āraθnī- «локоть»); 3) связывает средневековый топоним *Andīčārāy* с современным Анчиркон в востоку от Пархара, предполагая, что средневековый город (и монетный двор) *Andīčārāy(-ān)* располагался на памятниках Сайод или Золи Зард в непосредственной близости от Анджиркона.

Ключевые слова: Хутталь, Бактрия, Тохаристан, топонимика, жизнеописание Заратуштры, переправа, Андичараг

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-323-329

Летом 2023 г. я по заданию Международного института центральноазиатских исследований (Самарканд) составлял вводные разделы к номинации ряда памятников Хатлона (Южный Таджикистан) (рис. 1) в список культурного наследия ЮНЕСКО. Разумеется, «Историко-географический очерк Хутталя» (со следующими за ним отчетами о работах Вахшского отряда в 1946 и 1947 гг) Александра Марковича Беленицкого (*Беленицкий*, 1950а; переизд.: 2004 и 2019) был для меня настольной работой, и я не переставал удивляться, как мастерски он мог анализировать и совмещать данные письменных источников и археологических разведок, насколько актуальными остаются его выводы по прошествии более 70 лет. Вместе с тем ряд новых материалов позволяет сегодня уточнить некоторые детали истории региона. Ниже приведены три заметки, идеи для которых появились при составлении досье по памятникам Хутталя и которые в чем-то, надеюсь, развивают тему, основу для изучения которой заложил Александр Маркович Беленицкий.

1. Топоним «Хутталь» и топонимия Хутталя. Наиболее ранние бесспорные упоминания Хутталя относятся к VII в. и встречаются в китайских источниках: *Гуду(шэ?)* (骨咄施, ранне-среднекитайское *Kot-tot-(še)²*) в Таншу (пер. *Chavannes*, 1903. P. 70, 129, 168); у Сюань-цзана, прошедшего через Тохаристан в 620-е гг. — *Кэдоло* (珂咄羅, ср.кит. *k^ha-tot-lâ*) (пер.: *Александрова*, 2012. С. 45), в начале VIII в. — согд. *xwttwrstn*.

Вероятно, есть и более ранняя аттестация: на драхме кидаритской группы (тип 304, датируется, видимо, V в.) на реверсе имеется надпись письмом брахми *khatala* (*Vondrovec*, 2014. Vol. I. P. 71).

¹ Павел Борисович Лурье — Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: pavlvslvria@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9931-1498.

² Здесь и далее среднекитайские реконструкции С. А. Старостина приводятся по базе данных: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\china\bigchina> (дата обращения: 15. 06. 2024).

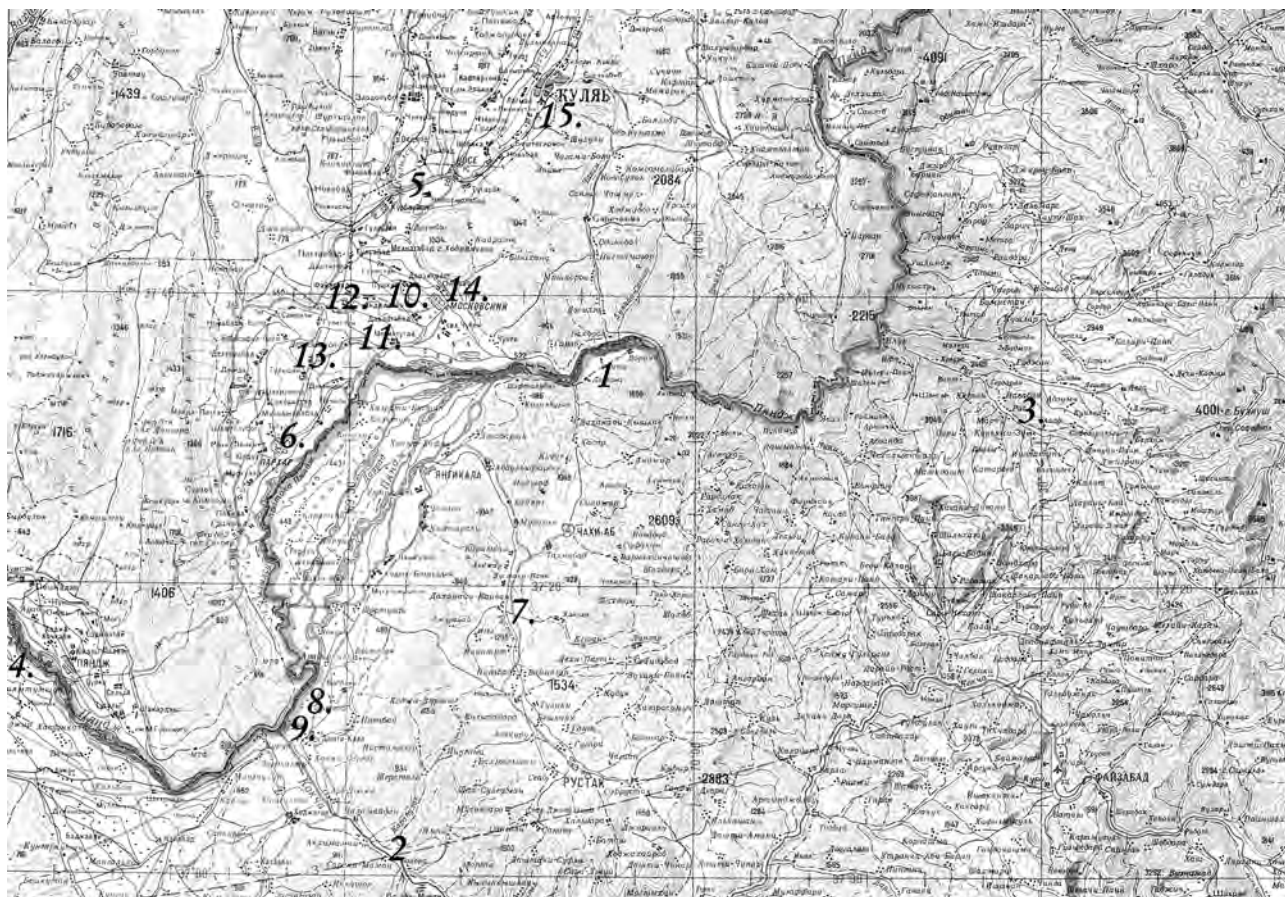

Рис. 1. Юг Хуттала (на основе топографической карты): 1 — переправа Самти-Бахарак, 2 — река Кокча, 3 — Долина Раг, 4 — переправа Архан, 5 — Хулбук, 6 — Пархар, 7 — Рустак, 8 — Зулм, 9 — Ай-Ханум, 10 — Анджиркон, 11 — Сайод, 12 — Золи Зард, 13 — плато Урта-боз, 14 — Московский (Хамадони), 15 — Куляб

Fig. 1. The south of Khuttal (based on the topographical map): 1 — Samti-Bakharak crossing, 2 — Kokcha River, 3 — Rag valley, 4 — Arhan crossing, 5 — Hulbuk, 6 — Parkhār, 7 — Rustak, 8 — Zulm, 9 — Ai-Khanoum, 10 — Anjirkon, 11 — Sayod, 12 — Zoli Zard, 13 — Urta-boz plateau, 14 — Moskovskii (Hamadoni), 15 — Kulyab

Этот необъясненный термин созвучен топониму *Xuttal*, хотя и является тут скорее именем правителя, чем топонимом (и относится к региону к югу от Тохаристана).

Хуэй Чао, паломник корейского происхождения, посетивший Тохаристан в 723–729 гг., сообщает, что в Хуттале были в ходу языки тюркский (на котором говорила правящая династия), тохаристанский (т. е. бактрийский) и некий местный диалект (пер. *Yang et al.*, 1985. P. 54–55; ср. также: *Ставиский*, 1957). Надо заметить, что в небольшой коллекции топонимов из Хуттала, донесенных до нас в первую очередь мусульманскими авторами X в. (последняя сводка: *Камалиддинов*, 1996. С. 169–90), практически отсутствуют транспарентные бактрийские географические названия (в отличие от топонимии лежащих к западу и югу регионов), слабо представлены и тюркские. Видимо, значительная часть населения Хуттала говорила на каком-то восточноиранском диалекте, имевшем сходство с нынешними памирскими.

Топоним «Хутталь» давно пытаются связать с эфталитами, особенно арабо-персидской передачей этнонима, *Haytāl* (*Le Strange*, 1905. P. 438; с сомнениями: *Лившиц*, 2008. С. 106). У топонима и этнонима отличаются начальная согласная, тембр и долгота гласных, не говоря уже о том, что *Haytāl* является искажением **Habtāl*, отличающегося одной точкой (هبطال — هيطال). Рискну предложить иное объяснение: это некая диалектная форма этнонима «тохар» с метатезой и меной сонорных, распространенной в восточноиранских: **t(u)x^wār* > **xutar* > *xut(t)al*.

2. Река Аршан в пехлевийском жизнеописании Заратуштры и переправа Архан. Не так давно Франц Грене предложил локализовать родину Заратуштры — согласно в первую очередь пехлевийским версиям его жизнеописания — в Дарвазе, западной части горной области Бадахшан (Grenet, 2002). Одним из основных его аргументов³ является локализация переправы на реке Вехрод, где 30-летний Заратуштра получил откровение от Вахмана, с переправой Самти (Бахорак), на выходе Пянджа из гор. Грене апеллирует к географическим соображениям: лишь в этом месте Пяндж можно преодолеть вброд, и тут он делится на четыре протока разной глубины, в точном соответствии с описанием в антологии Задспрама (21. 2) и, наконец, Самти находится недалеко от Кокчи и Рага (Grenet, 2002. P. 202–207).

В другой среднеперсидской версии легенды, седьмой книге Денкарта, приводится, как уточнение *Weh Dāitī*, своего рода глосса, второе название реки — *Aršan-rōd* (Dk. VII. 3. 54; так у Грене: ... *ān ī Weh Dāitī (Aršan (?) rōd ī ān nām būd)*). Это название созвучно *Ārhan* — переправе в Хуттале согласно ряду раннеисламских источников и расположенному рядом с ним городу *Ārhang* по левому берегу Пянджа. Перебой *š* и *h* можно объяснять особенностями бактрийского языка и родственных ему диалектов. Древнеиранское *š* может давать *š* или *h* в бактрийском, как *viḥalmo* «сидение» от **ni-šadman* при *vavafro* «располагаться» от **ni-šāšta-* от того же корня (Gholami, 2014. P. 39). То же и в топонимии: ср. средневековое название *Bunjhīr (Panjhēr)* при современном *Panjšēr* (Камалиддинов, 1996. С. 295–296). Этимологически, топоним **Āršan-* может быть связан с др.иран. **ršan-* «самец», **rša-* «медведь» или с др.иран. **āraθna-* «локоть», которое дает ср.перс. *ārašn* (отсюда рус. *аршинъ*), бактр. или парф. **ārahn*, и, с переходом $\theta > h^4$, отсюда согд. **r'urhch*, тадж. *оринч* (Расторгуева, Эдельман, 2000. С. 213–215).

Вместе с тем *Aršan-rōd* — не единственное чтение гидронима из Денкарта. Оно записано как *it |r vjfv* (Madan, 1911. Vol. II P. 624; Dresden, 1966. P. 336), что в весьма амбивалентном пехлевийском письме допускает самые разнообразные чтения; кроме того, между сочинением Денкарта в IX в. и записью самой надежной рукописи В (1659 г.) прошло восемь столетий (Gignoux, 1994).

Исследователи по-разному транскрибировали и переводили гидроним. Эдуард Уэст писал *Aūshān-rūd* (West, 1897. P. 48), Рашед-Мохассель вслед за ним — *Ōšān-rōd (Rashed-Mohassel, 1381)⁵*; Мариян Моле предпочел *Arēxšan-rōd* (Molé, 1967. P. 38–39), видимо, имея в виду Аракс. *Aršan-rōd* — вероятная (но не более) эмендация Грене, который признавал «...Ēw-tāg et Arshan-rod (?), sont d'interprétation difficile» (Grenet, 2002. P. 207). Мне представляется, что все же во втором слоге скорее долгий гласный: *Aršān-rōd*.

Мы видим несоответствие долготы гласных в двух топонимах: *Aršān* с одной стороны и *Ārhan(g)* с другой — что также требуется как-то объяснять. В бактрийском письме долгая и краткая *a* одинаково передавались через альфу. Ср. авестийский теоним *Āramaitī* при согдийском *'rm'ī /Armāt/* (Lurje, 2010. P. 98), среднеперсидское *aryāmān* «друг, помощник» при авест. *ariiaman-* (Kellens, 1974. P. 165–168; Durkin-Meisterernst, 2004. P. 53).

Надо заметить, что между переправами Самти и Имам Сахобом, с которым исследователи единодушно идентифицируют переправу Архан, более 80 км по прямой. Можно было бы, конечно, предложить передвинуть локализацию встречи Зороастра с Вахманом на это расстояние. Аргументы Грене строятся на современной топографии региона. Между тем после выхода из ущелья Пяндж несет воды по аллювиальному руслу, и течение его там очень часто меняется, берега подмываются, островки появляются или исчезают (ср. напр.: Мусеев, 1936. С. 5). Трудно представить себе, что на протяжении более тысячи лет протоки Пянджа у Самти оставались неизменными. Однако мы воздержимся от такого предложения, разрушающего компактность гипотезы Грене.

³ Наряду с объяснением Раг (Раг-) Зороастра как долины Раг (Rāg) в афганской части Дарваза и реки Дрэджа, на берегу которой стоял дом Пурушаспы, с Кокчей, *Δαρῳιδος* Птолемея (Ptol. Geogr. VI. 11 .2 < **darywēd* < **Dargavatī*). Соответствие реки *Vahuvī Daiī*, пехл. *Wehrōd* Пянджу (верхнее течение которого, *Waxān*, продолжает тот же корень) сомнений не вызывает (Стеблин-Каменский, 1978; также Ходжаева, 2017).

⁴ Как парф. **mēhan* «селение» в топонимах *Mēhanak*, *Kuštēhan*, перс. *mīhan* «родина» из **maiθ(a)na-*.

⁵ Ср. также: <https://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/iran/miran/mpers/dk7/dk7.htm> (дата обращения: 15. 06. 2024).

Одноименность реки и переправы или города на ней для Центральной Азии вполне нормальна. Достаточно вспомнить название *Āmū-daryā* от города и переправы *Āmūya*, *Āmul*, хорошую параллель в пехлевийской литературе мы видим в разделе о реках Бундахишна (ХІА, 15, изд. *Cereti*, 2004. Р. 32) «Река Худжанд течет между Самаркандом и Ферганой, ее также называют рекой Яксарт».

Наконец, необходимо вслед за Грене (*Grenet*, 2002. Р. 207–208) указать на осторожность, с которой данные отождествления могут быть проецированы на реальную топографию жизни Заратуштры: текст Денкарта составлен в IX в. н. э. и пересказывает содержание не дошедшего до нас Спанд-наска Авесты. Спанд-наск относился к так называемой «Младшей Авесте», которая на несколько столетий моложе Гат — непосредственных речений Заратуштры. Разбираемый текст никоим образом не является документом о жизни и откровении Заратуштры, это легенда, составленная много позже и пережившая несколько переложений. Отражает ли восточно-бактрийская география легенды реальную топографию деятельности Пророка или была скомпилирована позднее — вопрос, который мы оставляем открытым.

3. Андиджараг и Анджиркан. Основной массив данных по средневековой топонимии Хутталя мы получаем из арабских и персидских географических сочинений IX–X вв. Большинство городов надежно отождествлено: *Hulbuk* или *Hulbik*, столица области, располагался на городище Курбаншаид около современного Восеъ, *Mink* или *Munk*⁶ — как показал А. М. Беленицкий (1950б. С. 128–29), соответствует *Шахри Мунг* или *Мунг* у Ховалинга, *Farxār* сохранил свое название (согд. *βrx'r* «вихара») как Пархар; *Rūstāq Bīk* — это *Rostāq* в долине одноименной реки (иначе *Jilga*) в Афганистане, впадающей в Пяндж выше Кокчи; город *Ta/imliyāt* располагался, по-видимому, на месте Туткаула. Не поддаются отождествлению города *Iskandara*, *Kārbang*, *Bāsār(ān)* (*Камалиддинов*, 1996. С. 169–190).

Спорной остается и локализация города и реки, записанных как *Andījārāy* или *Andīsārāy*, т. е. *Andīčārāy*⁷. Если В. В. Бартольд и В. Ф. Минорский (*Barthold*, 1928. Р. 68–69; *Minorsky*, 1937. Р. 359–361) относили его к правому берегу Пянджа, то А.-П. Франкфор предложил отождествлять его с крупным (ок. 100 га) раннеисламским городищем Зульм, расположенным несколько выше Ай-Ханум на афганской стороне (*Francfort*, 1978; ср. *Ball*, 2019. Р. 413–414). Франкфор полагал, что мусульманские географы принимали реку Кокча за основной исток Пянджа.

Действительно, сведения источников о локализации Андичарага противоречивы, и она связана с еще более запутанной гидрографией Хутталя. По Истахри и Ибн Хаукалю, река Андиджарага расположена между рекой Фархара, т. е. Кызылсу, и Вахшабом — Вахшем (заметим, что между ними нет ни одной существенной протоки). Переправа Андиджараг, согласно Истахри, располагалась в одном переходе от Фархара и в одном — от Рустак Бика (*Ibn Hauqal*, 1873. §. 348, 401; *al-Istakhrī*, 1927. §. 296, 339). Бируни располагает Андиджараг к юго-востоку от Фархара и прямо к востоку от Хульбука (*Беруни*, 1973. С. 573). Вместе с тем в персидской географии Худуд ал-‘Алам *Nučārā*, т. е. Андичараг⁸, приятный город и торговый центр Хутталяна, назван центром области *Rūstā Bīk* (§ 26, 3;

⁶ Мунк предлагалось отождествлять с городом *Маро́дка* в Бактрии согласно карте Клавдия Птолемея (*Ptol. Geogr.* VI. 12; см.: *Rapen*, 2020. С. 276). В арамейском документе из Бактрии, датированном 15 числом месяца Сивана 7 года Александра (8 июня 324 г. до н. э.), упомянут центр *'mynkn* (С4 6. 38). Издатели считают возможным сравнивать этот топоним, вокализуемый как *Amainakāna-*, со средневековым селением *Mīnk* в Уструшане (*Naveh, Shaked*, 2012. Р. 208). Надо заметить, что упомянутое селение географически соответствует современному Ходжа Метку в Северном Таджикистане (*Stark*, 2008. Р. 222), и потому *مینک* /*Mīnk*/ арабских источников надо исправлять на *میتک* /*Meīk*/ или *میتک* /*Meīk*/. Таким образом, данное отождествление не подтверждается. Вместе с тем представляется вполне вероятным трактовать *'mynkn* как праформу раннеисламского топонима *مینک* /*Mink, Munk*/ в Хутталяне. Заметим, кстати, что топоним *kwmy* в другом документе (А3. 6, от 12 февраля 349 г. до н. э.) мне кажется более справедливым сравнивать не с Кумом в верхней части Зеравшанской долины (*Naveh, Shaked*, 2012. Р. 22, 91), а восстанавливать *kwmy[d]*, т. е. «Горную страну Комедов (τὸν Κομηδῶν)» у Птолемея (*Ptol. Geogr.* VI. 15), *Цзюми* китайских источников и *Kūmīd* арабских, то есть Каратегин в верхнем течении Вахша.

⁷ Можно этимологизировать из древнеиранского триплекса **anta(ya)-hačā-rāya* «немного от склона».

⁸ Ю. Я. Якубов, впрочем, отделяет его от Андичарага и связывает *Nučārā* с современной местностью *Nušār* на равнине Ай-Ханум (*Якубов и др.*, 2006. С. 190–191)

пер.: *Minorsky*, 1937. P. 119). Важность города Андичарага в X в. подтверждается нумизматическими источниками: известны дирхемы, битые там в 292, 293 и 372–384 гг. хиджры (*Francfort*, 1978. P. 31; *Колосов, Калинин*, 2022. С. 64).

Таким образом, если географически установить расположение Андиджарага не представляется возможным, попробуем подойти к вопросу топонимически: обратим внимание на поселок Анджиркан (*Анчиркон*) в западной части района Хамадони (быв. Московский) Хатлонской области Таджикистана, к востоку от Пархара и югу от Курбан Шаида, в 8 км к северу от Пянджа. Название как будто отсылает к таджикскому *анчир* («инжир»). На рубеже XIX–XX вв. топоним был записан как *Anjīra-kān* (*Мухамеджанов*, 2001. С. 170 (358)) По сведениями Хафиза Танишы Бухари, в 1584 г. в крепости Куляба было трое ворот: Чарсу, Имам и Анджиракан (*Якубов и др.*, 2006. С. 202), что говорит о более важном статусе селения в XVI в.

В иранских языках широко распространен топонимический суффикс *-ān* (*Лурье*, 2004. С. 64–76), при этом в рассматриваемом регионе он вполне мобилен: ср. *Šayānīyān* при *Šayān-rōd*, *Xuttal* и *Xut(ta)lān*⁹, горы *Buttam* и *Buttamān*. Он мог факультативно присоединяться и к номенклатуре более скромного масштаба: ср. упомянутый *Bāsār* или *Bāsārān*. Вероятно, у Андичарага имелся незафиксированный дуплет *Andīčārāyān*. При переходе населения области с восточноиранского языка на персо-таджикский, непонятное название стянулось в *Andjīrāyān* > *Anjīrakān*, и оно сохранилось до наших дней.

Что же до археологической идентификации Андиджарага, то тут налицо две возможности¹⁰: городище Сайод с замечательными виллами XI–XII вв. (*Гулямова*, 1976) или раннесредневековое укрепленное городище Золи Зард, где также имеются кроющие слои IX–XI вв. (*Якубов и др.*, 2010). Оба памятника расположены на восточных склонах плато Уртабоз, которое отделяет оазис Пархара к западу от Московского к востоку; последний изобилует речками, частью отводящими воду из Кызыл-су, а частью — из проток Пянджа. Одна из древних речек, вероятно, и считалась рекой Андиджарага. Сайод расположен в 5 км к югу от современного Анджиркана, а Золи Зард — в 5 км к западу от последнего.

Александрова, 2012 — *Сюань-цзан*. Записки о Западных странах эпохи Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / Введ. пер. и комм. Н. В. Александровой. М.: Восточная литература, 2012. 463 с.

Беленицкий, 1950а — *Беленицкий А. М.* Историко-географический обзор Хутталя с древнейших времен до X в. н. э. // ТСТАЭ-1. 1950. С. 109–127.

Беленицкий, 1950б — *Беленицкий А. М.* Отчет о работе Вахшского отряда в 1946 г. // ТСТАЭ-1. 1950. С. 128–139.

Беленицкий, 2004 — *Беленицкий А. М.* Историко-географический обзор Хутталя. Душанбе: Дониш, 2004. 104 с.

Беленицкий, 2019 — *Беленицкий А. М.* История и культура Центральной Азии в древности и средневековье. Эссеистика разных лет (общество, история, культура) / Под общ. ред. В. П. Никонорова; сост. В. П. Никоноров и Г. А. Беленицкая. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019 (ТИИМК. Т. ЛII; Труды Восточного археологического общества. Т. I). 740 с.

Беруни, 1973 — *Абу ар-Рейхан Беруни*. Избранные произведения. Т. V. Ч. 1. Канон Мас‘уда (Книги I–V) / Пер. П. Г. Булгакова и Б. А. Розенфельд. Ташкент: Фан, 1973. 648 с.

Гулямова, 1976 — *Гулямова Э.* Отчет о работах Пархарского отряда в 1972 г. // АРТ. 1976. Вып. XII. С. 155–163.

Камалиддинов, 1996 — *Камалиддинов Ш. С.* Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX — начала XIII вв. Ташкент: Узбекистон, 1996. 422 с.

Колосов, Калинин, 2022 — *Колосов И. А., Калинин В. А.* Каталог саманидских дирхамов 279–384 гг. х. СПб.; М.: б. и., 2022. 446 с.

Лившиц, 2008 — *Лившиц В. А.* Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 414 с.

⁹ В *Шахнамэ* Фирдоуси *rhythmi causa* возможно лишь чтение *Xutlān* или *Xatlān*.

¹⁰ Обе рассмотрены Ю. Я. Якубовым (*Якубов и др.*, 2006. С. 191).

- Лурье*, 2004 — *Лурье П. Б.* Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 305 с.
- Моисеев*, 1936 — *Моисеев Б. Я.* Очерки по гидрографии Таджикистана // Ирригация и гидротехника. 1936. № 2. С. 3–33.
- Мухамеджанов*, 2001 — Населенные пункты Бухарского эмирата (конец XIX — начало XX вв.) Материалы к исторической географии Средней Азии / Под ред. А. Р. Мухамеджанова. Ташкент: Университет, 2001. 226 с.
- Рапен*, 2020 — *Рапен К.* Поход Александра Македонского от Бактр до Мараканд/Зариасп: границы Согдианы в исторической географии // ИАТ. 2020. № 5. С. 256–287.
- Рассторгуева, Эдельман*, 2000 — *Рассторгуева В. С., Эдельман Д. И.* Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М.: Восточная литература, 2000. 327 с.
- Ставиский*, 1957 — *Ставиский Б. Я.* Хутгаль в сообщениях китайских путешественников Сюань-Цзяна и Хой Чао // ИООН АН ТаджССР. 1957. Вып. 4. С. 87–90.
- Стеблин-Каменский*, 1978 — *Стеблин-Каменский И. М.* Река иранской прародины // Ономастика Средней Азии / Отв. ред. В. А. Никонов и А. М. Решетов. М.: ГРВЛ, 1978. С. 72–74.
- Ходжаева*, 2017 — *Ходжаева Н. Д.* Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе: Дониш, 2017. 380 с.
- Якубов и др.*, 2006 — *Якубов Ю., Довуди Д., Филимонова Т. Г.* История Куляба с древнейших времен до наших дней. Душанбе: Дониш, 2006. 262 с.
- Якубов и др.*, 2010 — *Якубов Ю., Худжагелдиев Т., Курбанов Ш.* О работах Кулябского археологического отряда на городище Золи Зард в 2008 г. // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 241–278.
- al-Istakhri*, 1927 — *Abū Ishāk al-Fārisī al-Istakhri.* Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae / Ed. M. J. De Goeje. Ed. 2. Lugduni Batavorum: Apud E. J. Brill, 1927 (BGA. Ps. I). XI, [1], 348 p.
- Ball*, 2019 — *Ball W.* Archaeological Gazetteer of Afghanistan. Rev. ed. Oxford: Oxford University Press, 2019. XXVII, 682 p.
- Barthold*, 1928 — *Barthold W.* Turkestan down to the Mongol Invasion. London: Luzac and Company, 1928. (GMS. NS. V). XXIX, 537 p.
- Cereti*, 2004 — *Cereti C. G.* Middle Persian Geographic Literature: the case of Bundahišn // ROr. 2004. Vol. XVI. P. 11–36.
- Chavannes*, 1903 — *Chavannes E.* Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux. St. Pétersbourg: Académie Impériale, 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции. VI). 378 p.
- Dresden*, 1966 — *Dresden M. J.* Dēnkart: a Pahlavi text. Facsimile edition of the manuscript B of the K. R. Cama Oriental Institute, Bombay. Wiesbaden: Harrassowitz, 1966. 833 p.
- Durkin-Meisterenst*, 2004 — *Durkin-Meisterenst D.* Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian. Turnhout: Brepols, 2004 (Corpus Fontium Manicaeorum. Dictionary of Manichean Texts. Vol. III. Pt. 1). XXIX, 427 p.
- Francfort*, 1978 — *Francfort H.-P.* Zulm — Andijarag: metropole de la plaine à l'époque islamique pré-mongole // Études de géographie historique sur la plaine d'Aï-Khanoum (Afghanistan) / Ed. par P. Bernard et H.-P. Francfort. Paris: Centre national de la recherche scientifique, 1978. P. 27–31.
- Gholami*, 2014 — *Gholami S.* 2014. Selected Features of Bactrian Grammar. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2014 (Göttinger Orientforschungen. Bd. III. Rh.: Iranica. Bd. 12). 238 p.
- Gignoux*, 1994 — *Gignoux Ph.* Dēnkard // EIr. 1994. Vol. VII. P. 284–289.
- Grenet*, 2002 — *Grenet F.* Zoroastre au Badakhshān // StIr. 2002. Vol. 31. P. 193–214.
- Hasan-dust*, 1393 — *Ḥasan-dust Moḥammad.* Farhang-i rishe-shenākhti-ye zabān-e fārsi. Vol. 1–5. Tehrān: Āsār, 1393 (на перс. яз.).
- Ibn Haukal*, 1873 — *Abū'l-Kāsim Ibn Haukal.* Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum: Brill, 1873 (BGA. Ps. 2). XXI, 396 p.
- Kellens*, 1974 — *Kellens J.* Les noms-racines d'Avesta. Wiesbaden: Reichert, 1974 (Beiträge zur Iranistik / Hrsg. von G. Redard. Bd. 7). XIX, 424 p.
- Le Strange*, 1905 — *Le Strange G. de.* The Lands of the Eastern Caliphate. Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem Conquest to the Time of Timur. Cambridge: Cambridge University Press, 1905. XVIII, 536 p.

- Lurje*, 2010 — *Lurje P. B.* Personal Names in Sogdian Texts. Vienna: ÖAW, 2010. (ÖAW. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. Bd. 808; Iranische Onomastik. Nr. 8; Iranisches Personennamenbuch. Bd. II. Mitteliranische Personennamen. Fasz. 8). 527 p.
- Madan*, 1911 — *Madan D. M.* The Complete Text of the Pahlavi Dinkard. Pt. II: Books VI–IX. Bombay: Fort Printing Press, 1911. 480 p.
- Minorsky*, 1937 — *Ḥudūd al-‘Ālam*. «The Regions of the World»: A Persian Geography, 372 A.H. — 982 A.D. / Transl. and explain. by V. Minorsky; with the preface by V. V. Barthold. London: Luzac and Company, 1937 (GMS. NS. XI). XXI, 524 p.
- Molé*, 1967 — *Molé M.* La légende de Zoroastre selon les textes pehlevies. Paris: Klincksieck, 1967 (Travaux de l’Institut d’études iraniennes de l’Université de Paris. 3). 323 p.
- Naveh, Shaked*, 2012 — The Khalili Collection. Ancient Aramaic Documents from Bactria (Fourth Century B.C.E.) / Ed. By J. Naveh and Sh. Shaked. London: Khalili Family Trust, 2012. (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt. 1: Inscriptions of Ancient Iran. Vol. V: The Aramaic Versions of the Achaemenid Inscriptions, etc. Texts. II). 288 p.
- Rashed-Mohassel*, 1381 — *Rashed-Mohassel M. T.* Dēnkard Book VII. Tehrān: Insitute of Humanities and Cultural Studies, 1381. 572 p. (на перс. яз.).
- Stark*, 2008 — *Stark S.* Approaching the periphery: highland Ustrūshana in the pre-Mongol period // Islamisation d’Asie Centrale / Ed. par É. de la Vaissière. Paris: Association pour l’avancement des études iraniennes, 2008. P. 215–238.
- Vondrovec*, 2014 — *Vondrovec K.* Coinage of the Iranian Huns and their successors from Bactria to Gandhara (4th to 8th century CE). Vol. I–II. Vienna: Verlag der ÖAW, 2014 (ÖAW. Philosophisch-historische Klasse. Denkschriften. Bd. 471; Veröffentlichungen zur Numismatik. Bd. 59; Studies in Aman Ur Rahman Collection. Vol. 4). 960 p.
- West*, 1897 — Pahlavi Texts / Transl. by E. W. West. Pt. V: Marvels of Zoroastrianism. Oxford: Clarendon Press, 1897 (The Sacred Books of the East. Vol. XLVII). XLVIII, 186 p.
- Yang et al.*, 1985 — *Yang H.-S., Jan Y., Iida S., Preston L. B.* The Hye-Ch’o Diary: Memoir of the Pilgrimage to the Five Regions of India. Seoul: Asian Humanities Press, 1985 (Religions of Asia series. Vol. 2). 118 p.

On the toponymy of Khuttal

Pavel B. Lurje¹¹

Annotation. *The author considers some issues of historical geography and toponymy of Khuttal: 1) proposes a new etymology of this toponym; 2) compares the name of the crossing over the Panj (Ārhan in the records of Arab geographers) with the river name Aršān in the Pahlavi life of Zarathushtra to show that they are probably the same hydronym (Old Iranian *arša- «bear» or *āraθnī- «elbow»); 3) connects the medieval place-name Andīčārāγ with the modern Anjirkon east of Parkhār, suggesting that the medieval town (and mint) of Andīčārāγ(-ān) was located on the sites of Sayod or Zoli Zard in the in close proximity to Andīčārkon.*

Keywords: *Khuttal, Bactria, Tokharistan, toponymy, biography of Zarathushtra, crossing, Andīčārāγ*

¹¹ Pavel B. Lurje — The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: pavlvslvria@gmail.com; ORCID: 0000-0001-9931-1498.

Кресты и крестовключенные подвески VIII–XIV вв. в Средней Азии: общий обзор и первичная типология

А. А. Михеева¹

Аннотация. Археологические источники свидетельствуют о существовании христианских общин в Средней Азии с рубежа IV–V вв. до конца XIV в. Материальная культура христиан Средней Азии отразилась в строительстве церковных и монастырских сооружений, в погребальном обряде, нумизматике, эпиграфике, предметах храмового культа и личного благочестия (в частности, нательных крестах и крестовключенных подвесках). Общий обзор крестов и подвесок и их первичная типология показывают взаимовлияние и тесное взаимодействие христианских общин Мерва, Согда, Хорезма, Чача, Уструшаны и Юго-Западного Семиречья на протяжении всей истории существования христианства на этих территориях.

Ключевые слова: христианство, нательные и процессионные кресты, крестовключенные подвески, Средняя Азия, Мерв, Согд, Юго-Западное Семиречье

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-330-339

К настоящему времени на территории Средней Азии обнаружено значительное количество нательных крестов и крестовключенных подвесок, изготовленных из камня и металла². В единичных вариантах найдены процессионные кресты (Ак-Бешим), применявшиеся в литургической практике. Все эти находки датируются VIII–XIV вв. Кресты и подвески из камня найдены в пределах двух территорий — Согда и Семиречья (Чуйская и Таласская долины). Обнаружено пять крестов и шесть подвесок. Равноконечный крест из галечного камня обнаружен в одном из помещений дома в Пайкенде (Западный Согд; VIII–IX вв.) (рис. 1, 1) (Сапаров, Омельченко, 2017. С. 287, рис. 7, 1). Прямых аналогий данному кресту на территории Средней Азии нет. Также в Самаркандской области была найдена подвеска, сделанная из гладкого черного мелкозернистого сланца (рис. 1, 13) (Savchenko, Dickens, 2009. P. 297, fig. 6). На ее поверхности был нанесен рисунок из кружков с точкой внутри, образующих крест с удлиненной нижней ветвью. Кружки с точкой символизировали ягоды винограда — как знак обряда Евхаристии или Причастия. Еще одно украшение было найдено на городище Балалык-тепа в Южном Узбекистане. Это медальон грушевидной формы (2×2,5 см), сделанный из стекла в серебряной оправе. На кулоне — рельефное изображение женщины, держащей в руках младенца (рис. 1, 14). Л. И. Альбаум, опубликовавший этот медальон в 1960 г., считал, что это богиня плодородия (Соловьев, 2007. С. 98. Рис. 41, 51), другие специалисты склонны видеть здесь Богоматерь с младенцем (Savchenko, Dickens, 2009. P. 297, fig. 7).

Бусы с подвеской из темного камня с изображением равностороннего креста были найдены на городище Канка в Ташкентской области (рис. 1, 9) (Богомолов, 1994. С. 73, табл. 6, 4), подвеска из белого камня с изображением креста из двух перекрещенных линий — на городище Красная речка в Чуйской долине (рис. 1, 10) (Кольченко, 2018. С. 87, рис. 39, 2), нефритовая подвеска с изображением креста — на городище Актобе Степнинское (Казахстан) среди фрагментов керамики VIII–X вв. (рис. 1, 15) (Железняков, 2005. С. 54).

¹ Анна Андреевна Михеева — Межрегиональный Центр Археологических Исследований (ООО «МЦАИ»), Тамбов, Российская Федерация; e-mail: hmunter666@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4056-5810.

² Выражаю огромную благодарность Б. Э. Аманбаевой (Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызской Республики) за возможность опубликовать кресты и подвески из каталога неопубликованного проекта (Аманбаева, Проект).

В помещениях комплекса церквей (Ак-Бешим, объект VIII) и на городище Красная речка обнаружены нефритовые кресты (**рис. 1, 2–5**) (*Аманбаева и др.*, 2022. С. 204, рис. 2, 3; *Памятники...*, 1983. С. 67–68, рис. 261, а; *Горячева*, 2010. С. 77; *Семенов*, 2002. С. 93, рис. 54, б). По форме они одинаковы: квадратная пластина из нефрита, на которой вырезаны равносторонние ветви креста. В центре располагался круг (крест из Красной речки) или сквозное отверстие (кресты из Ак-Бешима). На кресте из Красной речки концы ветвей были выпилены в виде хвоста рыбы (**рис. 1, 3**). Нефрит в качестве сырья завозился в Семиречье из Восточного Туркестана, в основном из Хотана (*Ртвеладзе*, 1999. С. 119; *Аманбаева и др.*, 2022. С. 209–210).

Уникальный медальон из черного камня был обнаружен в районе городища Ново-Покровское-V (**рис. 1, II**) (*Klein, Rott*, 2006. S. 412–414, Abb. 10). Медальон прямоугольной формы, с ушком в форме сердца для подвешивания. На поверхности медальона предположительно изображен бородатый монах в головном уборе и рясе из ткани. На обратной стороне медальона — косой крест (*Кольченко*, 2018. С. 92–93). По периметру медальона прорисованы мелкие крестики (13 шт.). Датировка находки неопределенная — с VIII по XIV в. Возможно, она принесена в Семиречье одним из паломников.

Из вышеописанных нефритовых крестов надежно датируются только кресты с городища Ак-Бешим — это X–XI вв. (**рис. 1, 2, 5**), найденные в стратиграфических слоях помещений. Нефритовые кресты и подвески в настоящее время встречены только на памятниках, расположенных в пределах Чуйской долины; они датируются VIII — концом XI в. Формы и стилистические особенности нефритовых крестов прослеживаются на несторианских памятниках Восточного Туркестана и Китая, хотя и более позднего периода (*Аманбаева и др.*, 2022. С. 210–211).

Кресты и крестовключенные подвески металлические представлены следующими вариантами: кресты нашивные (3 экз.) (**рис. 1, 6–8**); кресты нательные (63 экз.) (**рис. 1, 2**); кресты процессионные (2 экз.); кресты, выпиленные из монет (6 экз.); кресты-энколпионы (2 экз.) (**рис. 1, 58, 59**); крестовключенные подвески (**рис. 2, 22–40**) и подвески в виде рыбок (3 экз.) (**рис. 2, 41–43**). Размеры нательных крестов, как круглых, так и плоских — 2–5 см.

1. Кресты нашивные обнаружены в Чаче на городище Канка (**рис. 1, 6**) (*Богомолов*, 1994. С. 73) и в могильнике Дурмон-тепе около Самарканда (**рис. 1, 8**) (раскоп 12, погр. 1; XI — начало XII в.; *Шишкина*, 1994. С. 56, рис. 11; *Savchenko, Dickens*, 2009. P. 297, fig. 5; *Мухеева*, 2021. С. 356, ил. 18, 14). На концах ветвей этих крестов проделаны сквозные отверстия. Крест с звездевидными шпеньками на обратной стороне был найден в Чуйской долине (**рис. 1, 7**) (*Ротт*, 2005. С. 45–46, рис. 1, 5).

2. Кресты нательные (63 экз.): объемные и плоские. Кресты изготавливались на месте, о чем говорят литники и их бракованные экземпляры (*Там же*. С. 48, рис. 1, 1).

Объемные кресты представлены пятью типами. Эти артефакты равносторонние или с удлиненной нижней ветвью. Форма ветвей — валикообразная или бочкообразная, иногда в средокрестии помещается косой крест.

Тип I представлен находками из Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины. Кресты литые из бронзы. Боковые и нижние ветви крестов представлены шаровидными фигурами. Нижняя вертикальная ветвь заканчивается опорой, концы ветвей оформлены фигурами в виде цилиндра или усеченного конуса. В средокрестии уплощенная площадка, на некоторых экземплярах — с изображением косоного креста (**рис. 2, 1–3, 9–11**). Среди крестов данного типа в стратиграфическом слое найден крест из погребения при церкви на городище Ак-Бешим (VIII в.) (**рис. 2, 1**) (*Кызласов*, 1959. С. 233).

Тип II — находки из Юго-Западного Семиречья и в Чуйской долины. Кресты литые бронзовые. Ветви крестов этого типа сложнопрофилированные (**рис. 2, 9–11**). Крест 9 был найден при раскопках некрополя Костобе (VIII в.) (*Байпаков, Терновая*, 2018. С. 129, фото 1).

Тип III — находки из Иссык-Кульской котловины (**рис. 2, 12**), с городища Кара-Джигач (**рис. 2, 14**) и из Ташкентской области с городища Каршаул-тепа (**рис. 2, 13**) (*Поторочина, Шейко*, 2015. С. 488, рис. 1, 1). Кресты литые из бронзы. Вертикальная ветвь чуть длиннее горизонтальных. Концы ветвей оформлены в виде бочкообразных кружков с рельефными линиями, в центре — косой крест. Крест из Каршаул-тепа датируется VI–IX вв. — периодом обживания памятника. Кресты такой формы также встречены на территории Семиречья. Нижняя дата — VI в. — слишком ранняя для данного креста, так как предметов христианского культа на территории Ташкентского оазиса ранее VII–VIII вв. не отмечено.

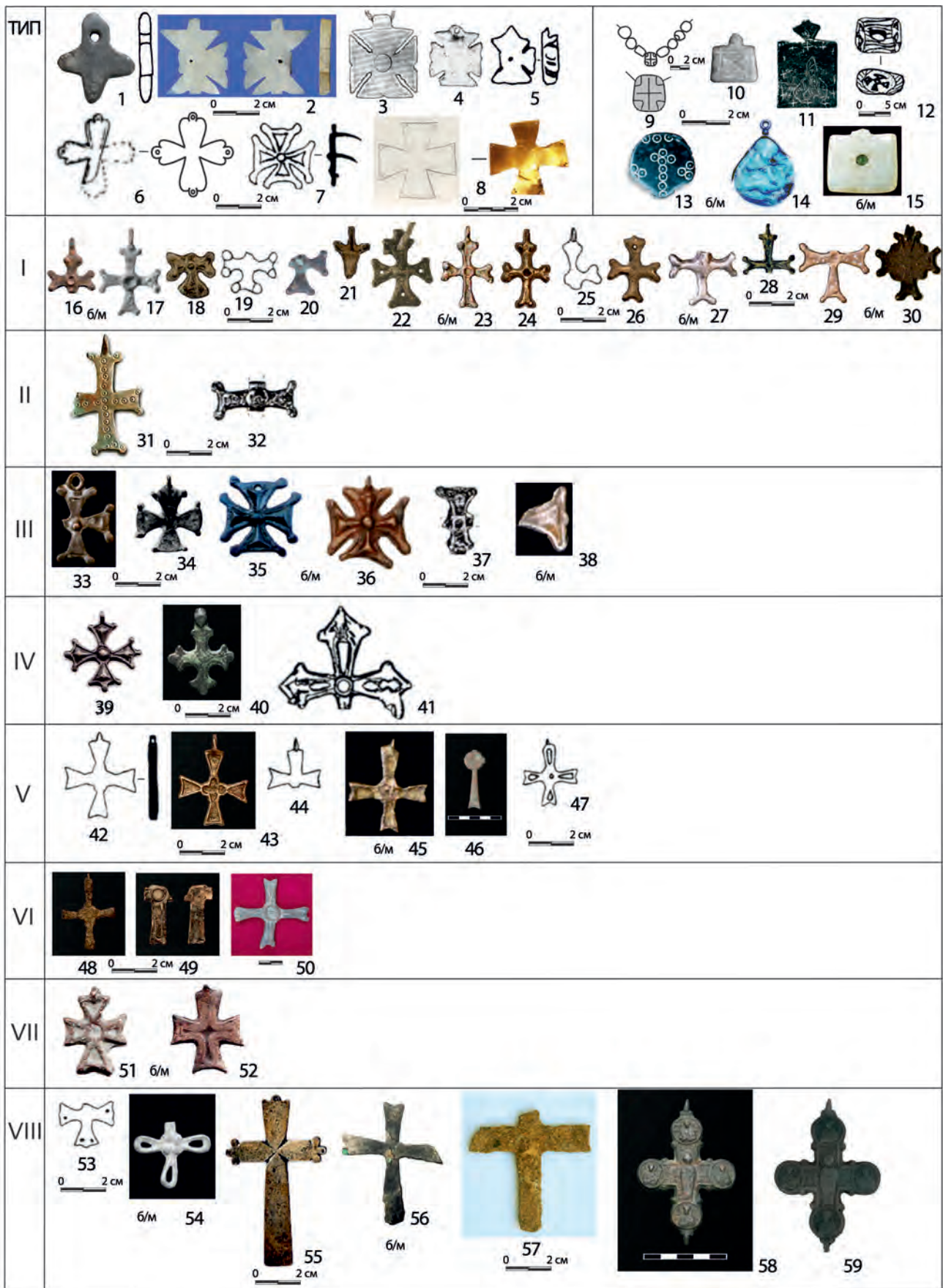

Рис. 1. Кресты и подвески из камня и металла, VIII–XIV вв.: 1 — Пайкенд, Бухарский оазис (по: *Сапаров, Омельченко*, 2017. С. 287, рис. 7, 1); 2 — Ак-Бешим, объект VIII (по: *Аманбаева и др.*, 2022. С. 204, рис. 2, 3); 3 — Красная речка (по: *Памятники*, 1983. С. 67–68, рис. 261, а); 4 — Красная речка (по: *Горячева*, 2010. С. 77); 5 — Ак-Бешим (по: *Семенов*, 2002. С. 93, рис. 54, б); 6 — Канка (по: *Богомолов*, 1994. С. 73, табл. 6, 3); 7 — Чуйская долина (по: *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 5); 8 — Дурмон-тепе, Согд (по: *Savchenko, Dickens*, 2009. P. 297, fig. 5; *Михеева*, 2021. С. 356, ил. 18, 14); 9 — Канка (по: *Богомолов*, 1994. С. 73, табл. 6, 4); 10 — Красная речка (по: *Кольченко*, 2018. С. 87, рис. 39, 2); 11 — Ново-Покровское V (по: *Klein, Rott*, 2006. S. 422, Abb. 10); 12 — Куюк-кала (по: *Грицина*, 2018. С. 117, рис. 4); 13 — Самаркандская обл. (по: *Savchenko, Dickens*, 2009. P. 297, fig. 6); 14 — Балалык-тепа (по: *Ibid.* P. 297, fig. 7); 15 — Актобе (Степнинское) (по: *Железняков*, 2005. С. 54); 16 — Чуйская долина (частная коллекция); 17 — Дашти Урдакон (по: *Распопова*, 2014. С. 156, рис. 2, 4); 18 — Чуйская долина (по: *Аманбаева*, Проект. № 18. С. 53); 19 — Чуйская долина (по: *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 13); 20 — Бурана (по: *Аманбаева*, Проект. № 1. С. 14); 21 — Чуйская долина (по: *Там же*. № 19. С. 53); 22 — Красная речка (по: *Владимир [Иким]*, 2011. С. 119, рис. 84); 23 — Чуйская долина (по: *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 10, 2); 24 — Ак-Бешим (по: *Аманбаева*, Проект. № 14. С. 51); 25 — Чуйская долина (по: *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 11); 26 — Чуйская долина (по: *Аманбаева*, Проект. № 10. С. 49); 27 — Чуйская долина (по: *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 10, 4); 28 — Кашкадарья (по: *Savchenko, Dickens*, 2009. P. 297, fig. 4); 29 — Чуйская долина (по: *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 10, 5); 30 — Чуйская долина (по: *Владимир [Иким]*, 2011. С. 118, рис. 82); 31 — Хароба-Кошук (по: *Rossi Osmida*, 2011. P. 168, fig. 19); 32 — Чуйская долина (по: *Терновая*, 2004. С. 178, рис. 1, 9); 33 — Красная речка (по: *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 10, б); 34 — Афрасиаб (по: *Тереножкин*, 1950. С. 166, рис. 72, 2); 35 — Чуйская долина (частная коллекция); 36 — Чуйская долина (по: *Arts*, 2012. P. 105, 203); 37 — Чуйская долина (по: *Терновая*, 2004. С. 178, рис. 1, 8); 38 — Чуйская долина (по: *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 10, 7); 39 — Чуйская долина (по: *Камышев*, 2012. С. 113, ил. VI); 40 — Курменты (по: *Аманбаева*, Проект. № 13. С. 39); 41 — Красная речка (по: *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 1); 42 — Красная речка (по: *Там же*. С. 46, рис. I, 9); 43 — Чуйская долина (по: *Аманбаева*, Проект. № 13. С. 50); 44 — Чуйская долина (по: *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 10); 45 — Чуйская долина (по: *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 10, 3); 46 — Иссык-Кульская котловина (по: *Аманбаева*, Проект. № 4. С. 40); 47 — Чуйская долина (по: *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 12); 48 — Чуйская долина (по: *Аманбаева*, Проект. № 12. С. 50); 49 — Чуйская долина (по: *Там же*. № 20. С. 53); 50 — Бурана (по: *Там же*. № 2. С. 14); 51 — Красная речка (частная коллекция); 52 — Чуйская долина (по: *Камышев*, 2012. С. 113, ил. VI); 53 — Чуйская долина (по: *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 14); 54 — Кара-Джигач (по: *Камышев*, 2012. С. 113, ил. VI); 55 — Кува (по: *Savchenko, Dickens*, 2009. P. 297, fig. 3); 56 — Кара-Джигач (по: *Пантусов*, 1884. Л. 172); 57 — окрестности Ургута (по: www.exploration-eurasia.com); 58 — Иссык-Кульская котловина (по: *Аманбаева*, Проект. № 5. С. 40); 59 — Иссык-Кульская котловина (Музей цивилизации кочевников в Чон-Сары-Ой, Кыргызская Республика)

Fig. 1. Crosses and pendants from stone and metal, 8th — 14th centuries: 1 — Paikend, Bukhara oasis (after *Сапаров, Омельченко*, 2017. С. 287, рис. 7, 1); 2 — Ak-Beshim, object VIII (after *Аманбаева и др.*, 2022. С. 204, рис. 2, 3); 3 — Krasnaya Rechka (after *Памятники*, 1983. С. 67–68, рис. 261, a); 4 — Krasnaya Rechka (after *Горячева*, 2010. С. 77); 5 — Ak-Beshim (after *Семенов*, 2002. С. 93, рис. 54, б); 6 — Kanka (after *Богомолов*, 1994. С. 73, табл. 6, 3); 7 — Chui valley (after *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 5); 8 — Durmon-Tepe, Sogdiana (after *Savchenko, Dickens*, 2009. P. 297, fig. 5; *Михеева*, 2021. С. 356, ил. 18, 14); 9 — Kanka (after *Богомолов*, 1994. С. 73, табл. 6, 4); 10 — Krasnaya Rechka (after *Кольченко*, 2018. С. 87, рис. 39, 2); 11 — Novo-Pokrovskoye V (after *Klein, Rott*, 2006. S. 422, Abb. 10); 12 — Kuyuk-kala (after *Грицина*, 2018. С. 117, рис. 4); 13 — Samarqand region (after *Savchenko, Dickens*, 2009. P. 297, fig. 6); 14 — Balalyk-tera (after *Ibid.* P. 297, fig. 7); 15 — Aktobe (Stepninskoye) (after *Железняков*, 2005. С. 54); 16 — Chui valley (private collection); 17 — Dasht-i Urdakon (after *Распопова*, 2014. С. 156, рис. 2, 4); 18 — Chui valley (after *Аманбаева*, Проект. № 18. С. 53); 19 — Chui valley (after *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 13); 20 — Burana (after *Аманбаева*, Проект. № 1. С. 14); 21 — Chui valley (after *Там же*. № 19. С. 53); 22 — Krasnaya Rechka (after *Владимир [Иким]*, 2011. С. 119, рис. 84); 23 — Chui valley (after *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 10, 2); 24 — Ak-Beshim (after *Аманбаева*, Проект. № 14. С. 51); 25 — Chui valley (after *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 11); 26 — Chui valley (*Аманбаева*, Проект. № 10. С. 49); 27 — Chui valley (*Кольченко*, 2018. С. 131, фото 10, 4); 28 — Qashqadarya (after *Savchenko, Dickens*, 2009. P. 297, fig. 4); 29 — Chui valley (after *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 10, 5); 30 — Chui valley (after *Владимир [Иким]*, 2011. С. 118, рис. 82); 31 — Kharoba-Koshuk (after *Rossi Osmida*, 2011. P. 168, fig. 19); 32 — Chui valley (after *Терновая*, 2004. С. 178, рис. 1, 9); 33 — Krasnaya Rechka (after *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 10, б); 34 — Afrasiab (after *Тереножкин*, 1950. С. 166, рис. 72, 2); 35 — Chui valley (private collection); 36 — Chui valley (after *Arts*, 2012. P. 105, 203); 37 — Chui valley (after *Терновая*, 2004. С. 178, рис. 1, 8); 38 — Chui valley (after *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 10, 7); 39 — Chui valley (after *Камышев*, 2012. С. 113, ил. VI); 40 — Курменты (after *Аманбаева*, Проект. № 13. С. 39); 41 — Krasnaya Rechka (after *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 1); 42 — Krasnaya Rechka (after *Там же*. С. 46, рис. I, 9); 43 — Chui valley (after *Аманбаева*, Проект. № 13. С. 50); 44 — Chui valley (after *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 10); 45 — Chui valley (after *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 10, 3); 46 — Issyk-Kul depression (after *Аманбаева*, Проект. № 4. С. 40); 47 — Chui valley (after *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 12); 48 — Chui valley (after *Аманбаева*, Проект. № 12. С. 50); 49 — Chui valley (after *Там же*. № 20. С. 53); 50 — Burana (after *Там же*. № 2. С. 14); 51 — Krasnaya Rechka (private collection); 52 — Chui valley (after *Камышев*, 2012. С. 113, ил. VI); 53 — Chui valley (after *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 14); 54 — Kara-Jigach (after *Камышев*, 2012. С. 113, ил. VI); 55 — Quva (after *Savchenko, Dickens*, 2009. P. 297, fig. 3); 56 — Kara-Jigach (after *Пантусов*, 1884. Л. 172); 57 — Urgut vicinity (after www.exploration-eurasia.com); 58 — Issyk-Kul depression (after *Аманбаева*, Проект. № 5. С. 40); 59 — Issyk-Kul depression (Museum of Nomadic Civilisation in Chon-Sary-Oy, Kyrgyz Republic)

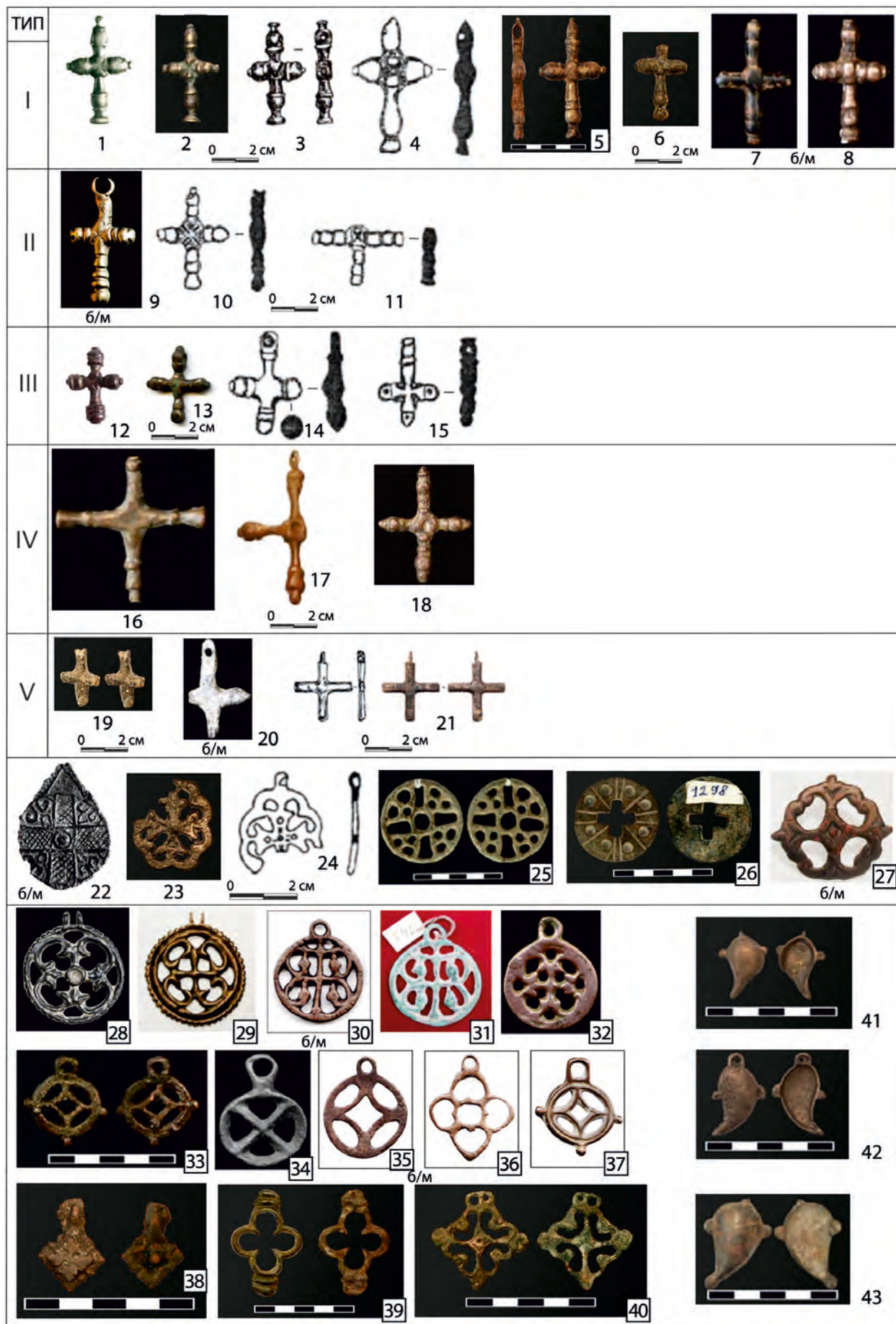

Рис. 2. Кресты и подвески из металла VIII–XIV вв.: 1 — Ак-Бешим (по: *Михеева*, 2019. С. 259, рис. 4, 2 (фото); 5, 3 (рисунок)); 2 — Иссык-Кульская котловина (по: *Аманбаева*, Проект. № 1. С. 38); 3 — Чуйская долина (по: *Терновая*, 2004. С. 178, рис. 1, 11); 4 — Чуйская долина (по: *Ротт*, 2005. С. 48, рис. II, 10); 5 — Красная речка (по: *Аманбаева*, Проект. № 9. С. 49); 6 — Чуйская долина (по: *Там же*. № 11. С. 50); 7 — Чуйская долина (по: *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 9, 7); 8 — Чуйская долина (по: *Там же*. С. 131, фото 9, 5); 9 — Костобе (по: *Байпаков*, *Терновая*, 2018. С. 129, фото 1); 10 — Чуйская долина (по: *Ротт*, 2005. С. 48, рис. II, 6); 11 — Чуйская долина (по: *Там же*. С. 48, рис. II, 5); 12 — Иссык-Кульская котловина (по: *Аманбаева*, Проект. № 2. С. 39); 13 — Каршаул-тепа (по: *Поторочина*, *Шейко*, 2015. С. 488, рис. 1, 1); 14 — Кара-Джигач (по: *Ротт*, 2005. С. 48, рис. II, 2); 15 — Чуйская долина (по: *Ротт*, 2005. С. 48, рис. II, 1); 16 — Чуйская долина (по: *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 9, 4); 17 — Ак-Бешим (по: *Arts*, 2012. Р. 105, 202); 18 — Ак-Бешим (по: *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 9, 6); 19 — Красная Речка (по: *Аманбаева*, Проект. № 17. С. 52); 20 — Чуйская долина (по: *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 9, 2); 21 — Актобе (Степнинское) (по: *Акымбек*, *Железняков*, 2023. С. 91, рис. 4); 22 — Ташкентская область (по: *Грицина*, 2018. С. 144, рис. 25); 23 — Садыр-Курган (по: *Аманбаева*, Проект. № 15. С. 51); 24 — Чуйская долина (по: *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 4); 25 — Бурана (по: *Аманбаева*, Проект. № 4. С. 16); 26 — Бурана (по: *Там же*. № 3. С. 15); 27 — Чуйская долина (по: *Arts*, 2012. Р. 106, 206); 28 — Согд (по: *Грицина*, 2018. С. 143, рис. 22); 29 — Чуйская долина (по: *Arts*, 2012. Р. 106, 207); 30 — Чуйская долина (по: *Камышев*, 2012. С. 113, ил. VII); 31 — Бурана (по: *Михеева*, 2023. С. 240, табл. 9, № 7); 32 — Садыр-Курган (по: *Камышев*, 2012. С. 113, ил. IX); 33 — Садыр-Курган (*Аманбаева*, Проект. № 8. С. 48); 34 — Шиш-Тюбе (по: *Камышев*, 2012. С. 113, ил. VII); 35 — Чуйская долина (частная коллекция); 36 — Шиш-Тюбе (по: *Камышев*, 2012. С. 113, ил. VII); 37 — Чуйская долина (частная коллекция); 38 — Чуйская долина (по: *Аманбаева*, Проект. № 16. С. 52); 39 — Чуйская долина (по: *Там же*. № 7. С. 47); 40 — Чуйская долина (по: *Там же*. № 8. С. 47); 41 — Чуйская долина (по: *Там же*. № 21. С. 54); 42 — Чуйская долина (по: *Там же*. № 22. С. 54); 43 — Чуйская долина (по: *Там же*. № 23. С. 55)

Fig. 2. Crosses and pendants from metal 8th — 14th centuries: 1 — Ak-Beshim (after *Михеева*, 2019. С. 259, рис. 4, 2 (фото); 5, 3 (рисунок)); 2 — Issyk-Kul depression (after *Аманбаева*, Проект. № 1. С. 38); 3 — Chui valley (after *Терновая*, 2004. С. 178, рис. 1, 11); 4 — Chui valley (after *Ротт*, 2005. С. 48, рис. II, 10); 5 — Krasnaya Rechka (after *Аманбаева*, Проект. № 9. С. 49); 6 — Chui valley (after *Там же*. № 11. С. 50); 7 — Chui valley (after *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 9, 7); 8 — Chui valley (after *Там же*. С. 131, фото 9, 5); 9 — Kostobe (after *Байпаков*, *Терновая*, 2018. С. 129, фото 1); 10 — Chui valley (after *Ротт*, 2005. С. 48, рис. II, 6); 11 — Chui valley (after *Там же*. С. 48, рис. II, 5); 12 — Issyk-Kul depression (по: *Аманбаева*, Проект. № 2. С. 39); 13 — Karshaul-tepa (after *Поторочина*, *Шейко*, 2015. С. 488, рис. 1, 1); 14 — Kara-Jigach (after *Ротт*, 2005. С. 48, рис. II, 2); 15 — Chui valley (after *Ротт*, 2005. С. 48, рис. II, 1); 16 — Chui valley (after *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 9, 4); 17 — Ak-Beshim (after *Arts*, 2012. Р. 105, 202); 18 — Ak-Beshim (after *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 9, 6); 19 — Krasnaya Rechka (after *Аманбаева*, Проект. № 17. С. 52); 20 — Chui valley (after *Кольченко*, 2018. С. 131, фото 9, 2); 21 — Aktobe (Степнинское) (after *Акымбек*, *Железняков*, 2023. С. 91, рис. 4); 22 — Tashkent region (after *Грицина*, 2018. С. 144, рис. 25); 23 — Sadyr-Kurgan (after *Аманбаева*, Проект. № 15. С. 51); 24 — Chui valley (after *Ротт*, 2005. С. 46, рис. I, 4); 25 — Burana (after *Аманбаева*, Проект. № 4. С. 16); 26 — Burana (after *Там же*. № 3. С. 15); 27 — Chui valley (after *Arts*, 2012. Р. 106, 206); 28 — Sogdiana (after *Грицина*, 2018. С. 143, рис. 22); 29 — Chui valley (after *Arts*, 2012. Р. 106, 207); 30 — Chui valley (after *Камышев*, 2012. С. 113, ил. VII); 31 — Burana (after *Михеева*, 2023. С. 240, табл. 9, № 7); 32 — Sadyr-Kurgan (after *Камышев*, 2012. С. 113, ил. IX); 33 — Sadyr-Kurgan (after *Аманбаева*, Проект. № 8. С. 48); 34 — Shish-Tyube (after *Камышев*, 2012. С. 113, ил. VII); 35 — Чуйская долина (private collection); 36 — Shish-Tyube (after *Камышев*, 2012. С. 113, ил. VII); 37 — Chui valley (private collection); 38 — Chui valley (after *Аманбаева*, Проект. № 16. С. 52); 39 — Chui valley (after *Там же*. № 7. С. 47); 40 — Chui valley (after *Там же*. № 8. С. 47); 41 — Chui valley (after *Там же*. № 21. С. 54); 42 — Chui valley (after *Там же*. № 22. С. 54); 43 — Chui valley (after *Там же*. № 23. С. 55)

Тип IV — находки из Чуйской долины (рис. 2, 16), в том числе с городища Ак-Бешим (рис. 2, 17, 18). Кресты бронзовые литые, равноконечные. Срединная часть и концы ветвей сложнопрофилированные. В центре — углубление круглой формы. Датировка — VIII–XII вв.

Тип V — находки из Чуйской долины (рис. 2, 20, 21), в том числе с городища Красная Речка (рис. 2, 19). Кресты литые бронзовые. Концы крестов прямые, с чуть удлиненной вертикальной ветвью. Датировка — VIII–XIV вв.

Плоские кресты стилистически более разнообразны и представлены восьмью типами. Кресты этой группы равносторонние или с незначительно удлиненной вертикальной ветвью. Концы ветвей расширены от центра к краям, форма концов подтреугольная, чаще с кружками на углах. В центре располагается круг, иногда рельефный; реже крест. Тип VIII представлен экземплярами крестов, довольно редких для территории Средней Азии (рис. 1, 53–59).

Тип I представлен находками из Пенджикента (рис. 1, 17) и Кашкадарьи (рис. 1, 28), но в большинстве случаев — из памятников Чуйской долины. Кресты литые бронзовые. Вертикальная ветвь чуть длиннее горизонтальной. Концы ветвей подтреугольной формы, расширенные от центра к краям; украшены кружками, по два на каждом конце; в средокрестии встречается рельефный круг. Стратиграфически датированные кресты: из Пенджикента — VIII в. (Распопова, 2014. С. 156, рис. 2, 4) и Красной Речки — середина VIII в. (Горячева, 1988. С. 66, рис. 20, 2). Верхняя дата крестов этого типа — XII и XIV вв.

Тип II представлен двумя экземплярами: один (рис. 1, 31) найден при раскопках восточной части церкви Хароба-Кошук (до XI в.), другой (рис. 1, 32) — в Чуйской долине. Датировка находок широкая — VIII–XIV вв. Кресты литые бронзовые. Ветви крестов широкие, расширяющиеся от центра к краям. Концы украшены завитками. На поверхности креста из Хароба-Кошук — украшение из кружков с точкой посередине. Крест из Чуйской долины в центре имеет рельефную окружность.

Тип III — находки с городища Афрасиаб (рис. 2, 34) и памятников Чуйской долины (Красная Речка) (рис. 2, 33). Кресты литые бронзовые, равноконечные, с ветвями, расширяющимися от центра к краям. На концах ветвей — кружки, в центре и вдоль ветвей — рельефные украшения в виде круга и треугольников. Крест из Афрасиаба был найден в слоях VI–VIII вв. (Тереножкин, 1950. С. 166, рис. 72, 2). Остальные кресты этого типа датируются VIII–XII вв. и VIII–XIV вв.

Тип IV — находки из Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины (городище Курменты) (рис. 2, 40). Кресты литые бронзовые. По описанию они схожи с типом III, но концы ветвей украшены тремя перлами и имеют коронообразную форму (Аманбаева, Проект. С. 39, № 13). Датировка крестов — VIII–XII вв.

Тип V — находки из Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины (рис. 2, 42–46). Кресты бронзовые литые, равносторонние; ветви подтреугольной формы, концы заострены. В центре креста на рис. 2, 43 — рельефное украшение в виде четырехлепестковой розетки (Аманбаева, Проект. С. 50, № 13). Датировка — VIII–XII вв.

Тип VI — находки из Чуйской долины. Кресты литые бронзовые, равносторонние; ветви практически прямые, края концов прямые (рис. 2, 48, 49) или в виде треугольника (рис. 2, 50). В центре — рельефный круг. Датировка — VIII–XIV вв.

Тип VII — две находки из Чуйской долины (рис. 2, 51, 52). Кресты литые бронзовые, с ветвями, расширяющимися от центра к краю, и удлиненной вертикальной ветвью; концы ветвей подтреугольной формы. В центре первого креста — рельефный круг, второй же, вероятно, бракованный. Датировка — VIII–XII вв.

Тип VIII представлен группой крестов, не имеющих аналогий на всей территории Средней Азии. Найдены они на памятниках Чуйской долины (рис. 2, 53, 54, 56), в Иссык-Кульской котловине (рис. 2, 58, 59), в Ферганской долине (рис. 2, 55) и в Согде (рис. 2, 57). Кроме крестов на рис. 2, 54, 56, все литые; кресты на рис. 2, 53, 56–59 — бронзовые, на рис. 2, 54, 55 — серебряные. Кресты-энколпионы, найденные в Иссык-Кульской котловине, для территории Средней Азии довольно редки (рис. 1, 58, 59). Крест на рис. 2, 59 — точнее, его створка — в настоящее время хранится в Музее цивилизации кочевников в Чон-Сары-Ой (Кыргызская Республика) с указанием даты — VIII–XII вв. Такие кресты широко известны в сиро-палестинском регионе. В. Н. Залеская атрибутирует их мелькитам и предлагает датировку X в. (Залеская, 1998. С. 40, 44).

Крестовключенные подвески. Помимо крестов привычной нам формы, в Семиречье были обнаружены крестовключенные подвески в виде амулетов, в которых крест располагался внутри круга (рис. 2, 22–40). Аналогичные подвески встречаются и в Самаркандском Согде (рис. 2, 28) (Грицина, 2018. С. 143, рис. 22). Подвески из Семиречья и Согда удивительно схожи по стилистике и оформлению креста. В Чуйской долине также найдены подвески в виде рыб, где рыба выступает символом Иисуса Христа (рис. 2, 41–43).

Все нательные кресты, найденные в Согде и Чаче, имеют практически прямые аналогии в Юго-Западном Семиречье (Чуйская и Таласская долины, Иссык-Кульская котловина), где отмечено широкое разнообразие форм крестов. Общее количество нательных крестов, найденных на этой территории, — более сотни. В основном они бронзовые, но встречаются и сделанные из серебра (Кольченко, 2018. С. 93). Следует признать, что форма равностороннего креста с ветвями, расширяющимися от центра к краям, и с кружками на оконечностях, а также форма с удлиненной вертикальной ветвью и ветвями, расширяющимися от центра к краям, также чаще с кружками на концах — для Средней Азии является преобладающей. Объемные кресты со сложнопрофилированными ветвями встречаются в Юго-Западном Семиречье. Традиция ношения нательных крестов и крестовключенных подвесок ярко прослеживается именно для этой территории (Чуйская долина). Вероятно, это связано с определенной культурной традицией, популярность которой возрастает с VIII в. и продолжается до XII в., в меньшей степени — с XII по XVI в. Находки нательных крестов в Мерве, Согде, Пенджикенте, Чаче, Ферганской долине все же единичны, хотя письменные и археологические источники убедительно показывают наличие христианских общин в этих областях.

- Аманбаева, Проект — Аманбаева Б. Э. Проект «Каталогизация памятников восточного христианства (Кыргызстан)». Христианские памятники на территории Кыргызстана. Бишкек: МИЦАИ. С. 1–57 (пагинация и нумерация А. А. Михеевой) [не опубликован].
- Аманбаева и др., 2022 — Аманбаева Б. Э., Михеева А. А., Ямаучи К. Нательные кресты из монастырского комплекса церквей на городище Ак-Бешим // АВ. 2022. Вып. 37. С. 201–213.
- Акымбек, Железняков, 2023 — Акымбек Е. Ш., Железняков Б. А. Предметы несторианского культа из Таласской и Шуской долин // Археология Казахстана. 2023. № 1. С. 84–98.
- Байпаков, Терновоя, 2018 — Байпаков К. М., Терновоя Г. А. Христианство в Южном Казахстане и Семиречье (VI–XIV вв.) // РЦАА-4. 2018. С. 8–47.
- Богомолов, 1994 — Богомолов Г. И. О христианстве в Чаче // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство / Сост. Л. И. Жукова. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1994. С. 72–74.
- Владимир (Иким), 2011 — Владимир (Иким), митрополит. По стопам апостола Фомы: Христианство в Центральной Азии. М.: М-Сканрус, 2011. 752 с.
- Горячева, 1988 — Горячева В. Д. Город золотого верблюда (Краснореченское городище). Фрунзе: Илим, 1988. 115 с.
- Горячева, 2010 — Горячева В. Д. Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI — начало XIII в.). Бишкек: б. и., 2010. 303 с.
- Грицина, 2018 — Грицина А. А. Трансоксиана-Мавераннахр: христианство и манихейство // РЦАА-4. 2018. С. 104–156.
- Железняков, 2005 — Железняков Б. А. Под знаком креста // Nomad-Kazakhstan. 2005. № 4. С. 48–55.
- Залесская, 1998 — Залесская В. Н. Христиане на Востоке: искусство мелькитов и инославных. СПб.: Славия, 1998. 229 с.
- Камышев, 2012 — Камышев А. М. Кыргызстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. III. Торевтика / Науч. ред.: К. Байпаков, Ш. Пидаев, А. Хакимов. Самарканд; Ташкент: МИЦАИ, 2012. С. 97–122.
- Кольченко, 2018 — Кольченко В. А. Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // РЦАА-4. 2018. С. 48–103.
- Кызласов, 1959 — Кызласов Л. П. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. 1959. Т. II. С. 155–242.

- Михеева*, 2019 — *Михеева А. А.* Христианская церковь на городище Ак-Бешим (объект IV): новые архивные данные и их интерпретация // ПИФК. 2019. № 3. С. 246–266.
- Михеева*, 2021 — *Михеева А. А.* Погребальный обряд христиан Средней Азии и Южного Казахстана по археологическим источникам (IV — начало XIII вв.) // ХВ. НС. 2021. Т. 9 (XV). С. 317–366.
- Михеева*, 2023 — *Михеева А. А.* Христианство на территории Средней Азии по археологическим источникам (IV в. — нач. XIII в.): Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2023. 846 с.
- Памятники*, 1983 — Памятники культуры и искусства Киргизии. Древность и средневековье. Каталог выставки / Редколлегия: А. Каниметов и др. Л.: Искусство. ЛО, 1983. 79 с.
- Пантусов*, 1884 — *Пантусов Н. Н.* Папка с вырезками из газет об открытии кладбища. Описание при-Пишпекского христианско-несторианского кладбища (отчет Н. Н. Пантусова от 18 января 1887 г.). Письма и прошения Н. Н. Пантусова с ИАК по поводу раскопок и камней. «Дневник раскопок, произведенных Н. Пантусовым в августе месяце 1886 года на при-Пишпекском несторианском кладбище» (л. 2–30), с рисунками; «План работ по раскопке в 1886 году древнего несторианского кладбища близ города Токмака на урочище Бурана» (л. 98–101), с рисунками; «Дневник раскопок несторианского кладбища близ города Токмака на урочище Бурана в Токмакском уезде, Семиреченской области», с 25 по 28 августа (л. 102–120), с рисунками // НА ИИМК РАН. РО. ИАК. Ф. 1, 1884 г., № 406. 172 л.
- Поторочина, Шейко*, 2015 — *Поторочина Е. В., Шейко К. А.* К находке христианского креста на городище Каршаултепа в Ташкентской области // ЗВОРАО. НС. 2015. Т. III (XXVIII). С. 487–491.
- Распопова*, 2014 — *Распопова В. И.* Христиане в Пенджикенте в VIII в. // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03. 05. 1929–19. 02. 2010) / Отв. ред. В. А. Алёкшин. СПб.: ИИМК РАН, 2014 (ТИИМК. Т. XLII). С. 154–160.
- Ротт*, 2005 — *Ротт Ф. Г.* Кресты и их фрагменты из юго-восточного Семиречья // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2005. Вып. 1. С. 44–51.
- Ртвеладзе*, 1999 — *Ртвеладзе Э. В.* Великий шелковый путь: Энциклопедический справочник: Древность и раннее средневековье. Ташкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 1999. 280 с.
- Сапаров, Омельченко*, 2017 — *Сапаров Н. Ж., Омельченко А. В.* Гостиницы Пайкенда // ИАТ. 2017. № 3. С. 281–293.
- Семенов*, 2002 — *Семенов Г. Л.* Раскопки 1996–1998 гг. // Суяб. Ак-Бешим / Науч. редколлегия: М. Б. Пиотровский и др. СПб.: ИГЭ, 2002. С. 11–114.
- Соловьев*, 2007 — *Соловьев В. С.* Искусство раннесредневекового Тохаристана. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. 129 с.
- Тереножкин*, 1950 — *Тереножкин А. И.* Согд и Чач (Автореферат кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого совета ИИМК 28 апреля 1948 г.) // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII. С. 152–169.
- Терновая*, 2004 — *Терновая Г. А.* Предметы христианского культа из коллекции средневекового города Невакет // Известия НАН Республики Казахстан. СОН. 2004. № 1. С. 176–193.
- Шишкина*, 1994 — *Шишкина Г. В.* Несторианское погребение в Согде Самаркандском // Из истории древних культов Средней Азии: Христианство / Сост. Л. И. Жукова. Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1994. С. 56–70.
- Arts*, 2012 — *Arts from the Land of Timur: An Exhibition from a Scottish Private Collection.* Paisley: Sogdiana Books, 2012. 342 p.
- Klein, Rott*, 2006 — *Klein W., Rott Ph. G.* Einige problematische Funde von der Seidenstraße: Novopokrovka IV und V, Issyk-Kul'-Gebiet, Chotan // Jingjiao: The Church of the East in China and Central Asia / Ed. by R. Malek. Sankt Augustin: Institut Monumenta Serica, 2006. P. 403–424.
- Rossi Osmida*, 2011 — *Rossi Osmida G.* Interventions of recovery and restoration conducted at the site of Haroba Kosht (Turkmenistan) // Parthica. 2011. Vol. 13. P. 145–178.
- Savchenko, Dickens*, 2009 — *Savchenko A., Dickens M.* Prester John's Realm: New Light on Christianity between Merv and Turfan // The Christian Heritage of Iraq. Collected papers from the Christianity of Iraq. I–V Seminar Days / Ed. by E. C. D. Hunter. Piscataway: Gorgias Press, 2009. P. 121–135, 295–302.

Crosses and cross-covered pendants of the 8th — 14th centuries in Central Asia: general overview and primary typology

Anna A. Mikheeva³

Annotation. *Archaeological sources indicate the existence of Christian communities in Central Asia from the verge of the 4th and 5th centuries until the late 14th century. The material culture of Central Asian Christians was reflected in the construction of church and monastery buildings, in funeral rites, numismatics, epigraphy, objects of temple cult and personal piety — in particular, body crosses and cross pendants. A general overview of crosses and pendants and their primary typology shows the mutual influence and close interaction of the Christian communities of Merv, Sogdiana, Khorezm, Chach, Ustrushana and South-Western Semirechye throughout the history of the existence of Christianity in these territories.*

Keywords: *Christianity, pectoral and processional crosses, cross pendants, Central Asia, Merv, Sogdiana, South-Western Semirechye*

³ Anna A. Mikheeva — Interregional Center for Archaeological Research, Tambov, Russian Federation; e-mail: hmunter666@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4056-5810.

Погребения представителей согдийских семей Ши в Гуюане (Нинся, Китай)¹

М. А. Кудинова², С. А. Комиссаров³

Аннотация. В докладе рассмотрены материалы из погребений представителей двух согдийских семей, носивших фамилию Ши, раскопанных в окрестностях г. Гуюань (Нинся-Хуэйский автономный район, КНР). Благодаря обнаруженным внутри гробниц плитам с эпитафиями погребения датированы VII в. (периодом правления династии Суй и началом эпохи Тан). Погребения представляют собой ценный источник по изучению жизни согдийской диаспоры в Китае периода Северных династий — начала Тан, а также о роли Гуюаня как одного из важнейших торговых и культурных центров на Шелковом пути.

Ключевые слова: Гуюань, согдийцы, погребальный обряд, Шелковый путь

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-340-343

Район Гуюаня в южной части Нинся представляет собой археологический микрорайон, где на сравнительно небольшой площади сконцентрированы и изучены захоронения разных эпох (Чжун Кань, 1978; Ло Фэн, Хань Кунлэ, 1983; Ма Цзяньцзюнь, Ма Гуйлянь, 2000; Ма Цайхун, Чжан Цян, 2018), среди которых преобладали памятники, относившиеся к жунам (цянам), сюнну (хунну), а также, вероятно, к ухуаням, что позволяет значительно скорректировать представление о территории распространения культуры последних. Однако наибольшую известность приобрели раскопки шести хорошо датированных погребений, принадлежавших представителям двух согдийских семей, носивших фамилию Ши, по китайскому наименованию государства Ши, как называли Кеш в районе Шахрисабза, откуда были родом их предки, хотя сами они уже родились в Китае, а поколение их отцов вышло из оазисных центров Западного края (Wertmann et al., 2018). Всего были выявлены следующие погребения:

могила Ши Шэу (610) — раскопана в 1987 г. близ дер. Сяомачжуанцунь;

могила Ши Соэня и его супруги госпожи Ань (658) — раскопана в 1985 г. у дер. Янфанцунь;

могила Ши Даоло (658) — раскопана в 1995 г. у дер. Сяомачжуанцунь;

могила Ши Хэдяня и супруги (670) — раскопана в 1986 г. у дер. Сяомачжуанцунь;

могила Ши Тебана (670) — раскопана в 1986 г. у дер. Янфанцунь;

могила Ши Даодэ (678) — раскопана в 1982 г. у дер. Ванлаобацунь.

Кроме того, рядом с ними были раскопаны еще два погребения (82M2 и 87M1), в которых плиты с эпитафиями не найдены, однако можно предположить, что они также принадлежали потомкам согдийских переселенцев (Ло Фэн, 1999. С. 22). Все погребения расположены практически на одной линии (с запада на восток), расстояние между ними составляет ок. 100 м. На поверхности над погребениями возведены земляные насыпи округлой или овальной в плане формы. Ориентация погребений — строго по линии север-юг. В расположенную с северной стороны погребальную камеру с юга вел длинный наклонный дромос с несколькими вентиляционными шахтами («небесными колодцами»). Семь погребений представляет собой гробницы,

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФ № 22-78-10121, <https://rscf.ru/project/22-78-10121/>.

² Мария Андреевна Кудинова — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: maria-kudinova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8369-2089.

³ Сергей Александрович Комиссаров — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: sergai@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7657-054x.

вырезанные в толще грунта. В могиле Ши Хэданя погребальная камера сложена из кирпича, кроме того, в его погребении обнаружены дверь и погребальное ложе из камня, что указывает на высокий статус покойного. Каменная дверь была установлена также в погребении Ши Сояня. В могилах Ши Шэу, Ши Сояня и Ши Даоло сохранились настенные росписи, наследующие северочжоуской изобразительной традиции, представленной в районе Гуюаня в погребениях Юйвэнь Мэна, Ли Сяня и Тянь Хуна.

Все погребения были разграблены, но внутри сохранилась часть сопроводительного инвентаря: керамические, фарфоровые и стеклянные сосуды, керамические фигурки (в погребениях Ши Даоло и Ши Даодэ), бронзовые зеркала, поясные наборы, украшения и проч. (*Ло Фэн*, 1996; *Тан Ши Даоло му*, 2014). В шести могилах обнаружены золотые и серебряные монеты (как подлинники, так и имитации сасанидских и византийских монет). Часть из них, судя по имеющимся отверстиям, служила украшениями или амулетами. Имитация византийской монеты из погребения Ши Даодэ, по-видимому, во время похорон была помещена в рот покойного, что находит аналогии в погребальном обряде различных регионов Центральной Азии (*Литвинский*, 1972. С. 113–120; *Шмоневицкий*, 2016), однако истоки и содержание этой практики у населения района Гуюаня (потомков согдийцев и представителей иных этнических групп) остается неясным. Из других ярких находок можно выделить перстень-печатку со вставкой синего кварца, на которой вырезано изображение лежащего льва и пехлевийская надпись, из погребения Ши Хэданя; золотые детали погребальной маски с полярным и лунарным символами из погребения Ши Даодэ (**рис. 1**). Использование погребальных масок и монет было распространено в погребальном обряде населения царства Гаочан (район Турфана, Синьцзян), где существовала крупная согдийская диаспора (*Лубо-Лесниченко*, 1984. С. 113).

Как известно из текстов эпитафий, несколько поколений семей Ши проживали в районе Гуюаня как минимум с начала V в. (периода правления государства Северная Вэй). Тем не менее, несмотря на использование типично китайских погребальных конструкций, их захоронения, насколько можно судить по дошедшим до нас материалам, сохраняют ряд специфических «согдийских» черт похоронного обряда.

За последнее время исследовано несколько гробниц, принадлежавших элите согдийской диаспоры, представители которой занимали высокие посты в бюрократической иерархии китайских государств (*Кудинова и др.*, 2022). Ценность находок в Гуюане заключается в том, что они принадлежат, условно говоря, «среднему слою» согдийцев, активно участвовавших в посреднической торговле с Западным краем на долгосрочной и массовой основе. Обеспеченность кадрами опытных караванщиков позволяла увеличить число организуемых караванов по Шелковому пути и, тем самым, повысить их рентабельность. Кроме того, они играли важную роль в выращивании и тренинге лошадей, в т. ч. и для нужд армии. В культурном отношении «средний слой» согдийских иммигрантов подвергался заметной китаизации, хотя и, возможно, в меньшей степени, чем их верхушка.

Кудинова и др., 2022 — *Кудинова М. А., Комиссаров С. А., Соловьев А. И.* Эпиграфические и изобразительные материалы из могилы Ань Цзя (предварительное сообщение) // *SP*. 2022. №. 6. С. 439–456.

Литвинский, 1972 — *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). М.: ГРВЛ, 1972 (Могильники Западной Ферганы. I). 258 с.; 132 табл.

Ло Фэн, 1996 — *Ло Фэн.* Гуюань наньцзяо суй тан муди [罗丰. 固原南郊隋唐墓地]. Могильник эпох Суй и Тан в южном пригороде Гуюаня. Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 1996. 264 с. (на кит. яз.).

Ло Фэн, 1999 — *Ло Фэн.* Бэйчао, суй тан шицидэ Юаньчжоу муцзан [罗丰. 北朝隋唐时期的原州墓葬]. Погребения эпох Северных династий, Суй и Тан в Юаньчжоу // Юаньчжоу гуму цзичэн [原州古墓集成]. Собрание древних гробниц Юаньчжоу Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 1999. С. 9–25 (на кит. яз.).

Рис. 1. Детали погребальной маски из могилы Ши Даодэ (Музей Гуюаня, фото М. А. Кудиновой, июль 2019 г.)

Fig. 1. Details of a funeral mask from the tomb of Shi Daode (Guyuan Museum, photo by Mariya A. Kudinova, July 2019)

- Ло Фэн, Хань Кунлэ, 1983 — Ло Фэн, Хань Кунлэ. Нинся гуоань цзиньнянь фасяньдэ бэйфанси цинтунци [罗丰、韩孔乐。宁夏固原近年发现的北方系青铜器]. Бронзовые изделия северной традиции, найденные за последние годы в районе Гуоань, Нинся // Каогу. 1983. № 5. С. 403–418 (на кит. яз.).
- Лубо-Лесниченко, 1984 — Лубо-Лесниченко Е. И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: ГРВЛ, 1984. С. 108–120.
- Ма Цайхун, Чжан Цян, 2018 — Ма Цайхун, Чжан Цян. Цяньтань Гуоань бэйфанси цинтунцидэ лэйсин тэдянь [马彩虹、张强。浅谈固原北方系青铜器的类型特点]. Предварительное обсуждение особенностей типологии бронзовых изделий северной традиции из Гуоаня // Вэньу тяньди. 2018. № 7. С. 10–19 (на кит. яз.).
- Ма Цзяньцзюнь, Ма Гуйлянь, 2000 — Ма Цзяньцзюнь, Ма Гуйлянь. Гуоань цинтун вэньхуа фасянь юй яньцзю цзуншу [马建军、马桂莲。固原青铜文化发现与研究综述]. Обзор открытий и исследований культур бронзы в Гуоане // Гуоань шичжуань сюэбао. 2000. № 1. С. 58–61 (на кит. яз.).
- Тан Ши Даоло му, 2014 — Тан Ши Даоло му [唐史道洛墓]. Погребение Ши Даоло эпохи Тан Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2014. 221 с.
- Чжун Кань, 1978 — Чжун Кань. Нинся Гуоаньсянь чутудэ вэньу [钟侃。宁夏固原县出土的文物]. Памятники материальной культуры, раскопанные в уезде Гуоань, Нинся // Вэньу. 1978. № 12. С. 86–88 (на кит. яз.).
- Шмонеvский, 2016 — Шмонеvский Б. Ш. Византийская монета и ее подражания (монета мертвых) на примере находок из погребений Аварского каганата, на Шелковом пути и прилегающих территорий (VI–VIII вв.) // КСИА. 2016. Вып. 244. С. 254–274.
- Wertmann et al., 2018 — Wertmann P., Wagner M., Tarasov P. Sogdian careers and families in sixth- to seventh-century northern China: a case study of the Shi family based on archaeological finds and epitaph inscriptions // The History of the Family. 2018. Vol. 22/1. P. 1–33.

Burials of the Sogdian Shi families in Guyuan (Ningxia, China)

Mariya A. Kudinova⁴, Sergei A. Komissarov⁵

Annotation. *In the paper the materials from tombs of representatives of two Sogdian families bearing the surname Shi, which were excavated in Guyuan (Ningxia Hui Autonomous Region in the People's Republic of China), are examined. Due to stone tablets with epitaphs discovered inside the tombs, the burials are dated to the 7th century (Sui dynasty and the beginning of the Tang dynasty). The burials represent a valuable source for studying the life of the Sogdian diaspora in China during the Northern Dynasties — the beginning of the Tang epoch, as well as the role of Guyuan as one of the most important trade and cultural centers on the Great Silk roads.*

Keywords: *Guyuan, Sogdians, funerary rite, Great Silk roads*

⁴ Mariya A. Kudinova — Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: maria-kudinova@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8369-2089.

⁵ Sergei A. Komissarov — Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: sergai@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7657-054x.

Пригородные усадьбы древнего Пенджикента

Д. Абдуллоев¹

Аннотация. *Автором детально рассмотрены четыре пригородные усадьбы древнего Пенджикента, раскопанные в 2000–2006 гг. Все они датируются VII — концом VIII в. Отмечено, что в отличие от городища древнего Пенджикента, жизнь в усадьбах продолжалась непрерывно: следов запустения или пожаров, связанных с арабскими завоеваниями, там не обнаружено. Усадьбы принадлежали небогатым семьям, о чем свидетельствует отсутствие богато убранных парадных залов с настенной росписью и специальных изолированных помещений с пристенными культовыми очагами.*

Ключевые слова: *Пенджикент, раннее средневековье, пригородные усадьбы*

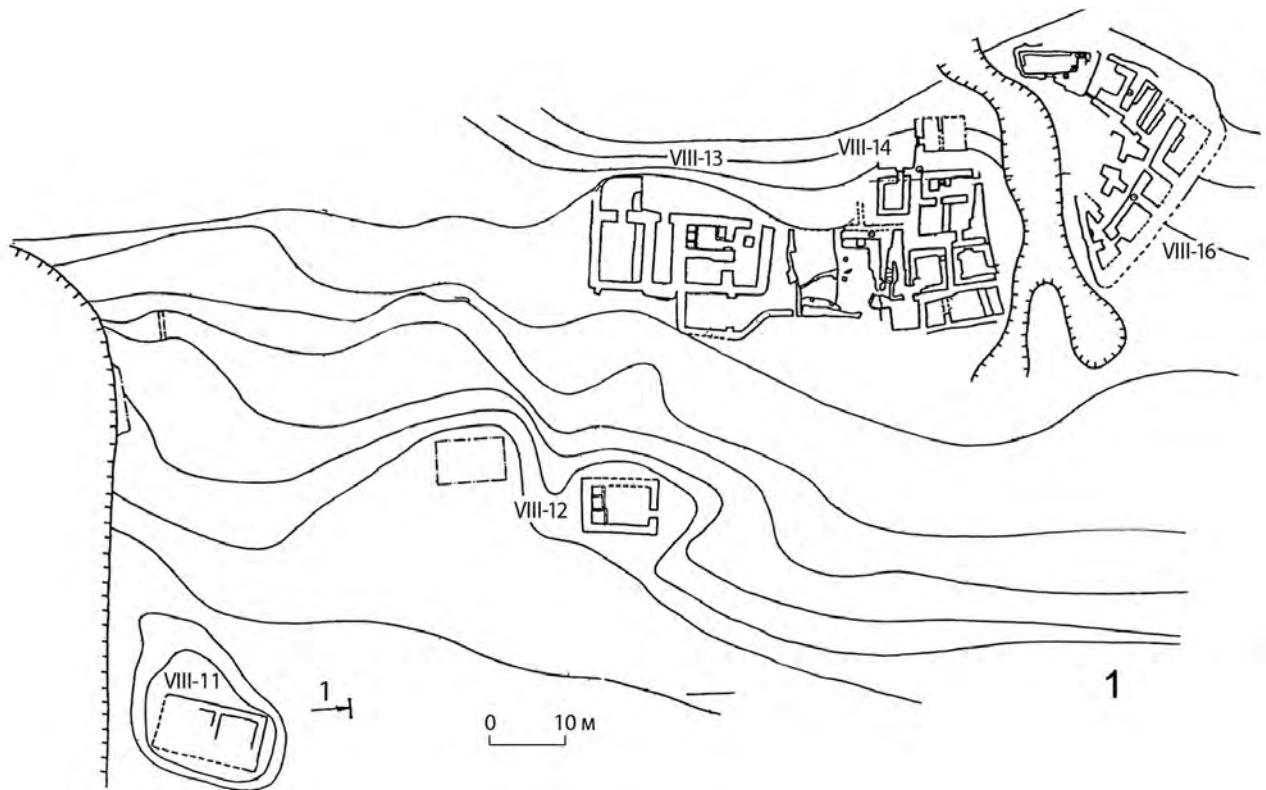
DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-344-348

Изучение загородных усадеб древнего Пенджикента началось еще в 1950-х гг. (Большаков, Негматов, 1958; Воронина, 1958. С. 203–209). Возобновились эти исследования в 2000 г. к югу от городища и продолжались до 2006 г. Здесь были раскопаны пять усадеб, четыре из них — усадьбы 12, 13, 14 и 16 (**рис. 1, I**) — под руководством автора этих строк. Они представляли собой отдельно стоящие друг от друга постройки.

Усадьба 12 была одноэтажным домом и имела единственный вход в юго-восточном углу. Сохранился участок единственного помещения с широкой суфой, на которой находились зернохранилища и танур для выпечки хлеба. Судя по керамическому материалу, усадьба просуществовала с начала до конца VIII в.

Усадьба 13 находится к северо-востоку от усадьбы 12. Здесь раскопаны остатки 10 помещений и двора. Усадьба была двухэтажной, о чем свидетельствует наличие ступенчатого пандуса. Второй этаж не сохранился. Помещение 1 — сводчатый коридор, который, возможно, служил кладовой. Помещение 2 находилось в южной части дома. Оно квадратное и имело плоское перекрытие. Помещение напоминает квадратные залы в городских жилищах древнего Пенджикента (Распопова, 1990. С. 135–162). Однако наличие в нем бытовых очагов и отсутствие суф свидетельствуют о хозяйственно-бытовом назначении помещения, чего не наблюдается в городских жилищах. Помещение 3 — юго-восточный дворик. Он огражден пахсовыми стенами, в него попадали из помещения 2. Помещение 4 находилось в западной части дома, имело сводчатое перекрытие. На западной стене ниже карниза свода имелась небольшая арочная ниша. К западной стене пристроена стенка. На нее опирались гнезда от балки антресолей, обнаруженные в восточной стене. На антресоли, возможно, поднимались по деревянной лестнице, след от бокового бруса которой был обнаружен на восточной стене помещения. Южная половина помещения с суфами служила жильем, антресоли под сводом южной части помещения были кладовыми. Северо-восточную часть помещения использовали как кухню и вестибюль. Здесь же находился выход из помещения наружу. Помещение 5 находится в центральной части дома, оно имело сводчатое перекрытие. Вдоль южной стены имеется суфа. На полу помещения в нескольких местах обнаружены черно-красные следы от костра — возможно, очага. Следы очага в виде красных пятен также имеются в северо-восточном углу помещения. Там же был проход в помещение 6. Судя по остаткам очагов, помещение 5 было бытовым. Помещение 6 находится к востоку от помещения 5. Оно было сводчатым. В юго-западном углу сохранился остаток очага, вдоль восточной стены имеется суфа. Помещение 6, возможно, имело бытовое назначение. Помещение 7 — юго-западный дворик, который находится к западу

¹ Даврон Абдуллоев — независимый исследователь; e-mail: okc.65@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9465-4723.

2

Рис. 1. 1 — план расположения усадеб 12–16;
2 — помещение 1, вид на ступенчатую лестницу с севера

Fig. 1. 1 — location plan of the estates 12–16;
2 — room 1, view of the stepped staircase from the north

от помещения 2 и к югу от помещения 4. Помещение 8 с плоским перекрытием находится к северу от юго-западного двора; отсутствие суф и очагов позволяют предположить, что оно служило амбаром. Помещение 9 (пандус) состояло из коридора, собственного марша, винтового пандуса и кладовки. Через него попадали в дом и помещения второго этажа. Кладовка под маршем пандуса служила своего рода холодильником. Помещение 10 — сводчатое, оно находится к западу от пандуса. В восточной стене обнаружены гнезда от балок антресолей. Вдоль западной стены находились три ящика из сырцовых кирпичей. Ящики обмазаны слоем гипса. В северо-восточном углу помещения располагался четвертый ящик. Помещение с арочной нишей, с красной краской на стене вокруг нее и суфой вдоль западной стены, видимо, было жилым.

Таким образом, усадьба 13 состояла из двух жилищ. К первому относилось помещение 4 с отдельным выходом наружу, ко второму — помещения 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10. Усадьба, видимо, принадлежала двум родственным семьям. Судя по керамическому материалу и нумизматическим данным, она была построена в конце VII в. и состояла из помещений 4–6, 9, 10 с двумя параллельными сводчатыми помещениями, перпендикулярным к ним сводчатым вестибюлем и пандусом в углу, что было идентично рядовым городским жилищам Пенджикента (*Воронина*, 1958. С. 203–204, *Распопова*, 1990. С. 135–163). Жизнь в ней продолжалась до конца VIII в. Расцвет усадьбы приходится на начало VIII в., а просуществовала она до конца того же века.

Усадьба 14 находится к востоку от усадьбы 13. Помещение 1 (пандус) связывало помещения нижнего этажа с помещениями верхнего при помощи ступенчатого пологого лестничного подъема вокруг центрального столба из сырцовых кирпичей. Помещение 2 находится к северу от помещения 1; оно было сводчатым. У южной стены обнаружен кухонный очаг. Помещение 3 расположено к северу от помещения 2 и, возможно, имело плоское перекрытие. В юго-восточном углу помещения находилась суфа. В южной стене был проход в помещение 4. Помещение 4 (зал) находится к югу от помещения 3 и имеет плоское перекрытие, которое опиралось на единственный деревянный столб в центре помещения. Вдоль всех четырех стен имелись суфы. В юго-восточном углу помещения на суфе сохранился миниатюрный глиняный ларь квадратной формы.

В результате раскопок выяснилось, что помещения 2 с очагом, помещения 3 и 4 (зал) с миниатюрным ларем связывались между собой проходами и составляли одноэтажный дом, принадлежавший небольшой семье. К другому жилищу относились помещения 1, 5 и 6. Помещение 5 находилось к востоку от помещения 1 и имело плоское перекрытие. Вдоль северной стены располагалась суфа. В южной части помещения находился подковообразный двухъярусный очаг, углубленный в стену. Дно и стенки очага обожжены до красноты. Помещение имело четыре прохода, выполняло функцию кухни и вестибюля. Такая картина была уже выявлена в жилищах рядовых горожан древнего Пенджикента (*Распопова*, 1990. С. 10–20).

Помещение 6 находится к западу от помещения 5 и связано с ним арочным проходом, через него попадали в помещение 1. Помещение 6, возможно, имело плоское перекрытие. Другой проход располагался в юго-восточном углу помещения — через него попадали в помещение 7. Судя по пандусу, дом был двухэтажным. Второй этаж не сохранился. Помещение 7 находится к югу от помещения 6 и имело плоское перекрытие. До ремонта в начале VIII в., судя по очагу, суфам и двум хозяйственным ямам, оно одновременно было жилым и хозяйственно-бытовым, но после ремонта превратилось в подсобное. Помещение 8 находится к югу от помещения 6 и к западу от помещения 7, оно имело плоское перекрытие, которое опиралось на две деревянные колонны: на полу сохранились гнезда от этих колонн. Вдоль всех стен имеются суфы; в суфе вдоль западной стены вкопан хум — по-видимому, в нем хранили зерно. В юго-западном углу помещения находился проход в помещение 10. Таким образом, зал с суфами, в отличие от парадных залов городища, являлся жилым.

Помещение 9 находится к югу от помещения 7, оно имело плоское перекрытие. В западной и восточной половинах помещения вдоль стен располагались суфы. У западной суфы были обнаружены остатки очага. Помещение было жилым. Помещение 10, возможно, имело сводчатое перекрытие. У западной стены помещения на полу обнаружен тонур для выпечки хлеба. У восточной стены находились четыре очага. Как видим, помещение служило кухней. В северо-западном углу помещения имелся проход в помещение 11. Размеры помещения 11 не удалось определить, так как его северная и западная стены утрачены целиком. Вдоль южной и восточной стен находились суфы. Недалеко

от юго-восточного угла суфы на полу был обнаружен подковообразный очаг, который, возможно, выполнял какую-то производственную функцию. Помещение 12 находится к югу от помещения 10 и к западу от помещения 8. Здесь также не удалось определить размеры и назначение помещения. Помещение 13 почти полностью было разрушено бульдозером во время земляных работ. Помещение 14 (портик) находится к югу от помещения 11 и к западу от помещения 10. Вдоль северной и восточной стен имеются суфы. На суфе, что в северо-восточном углу помещения, были обнаружены остатки ларя. Стенки и пол ларя обмазаны слоем гипса. Помещение имело плоское перекрытие. К югу от северной стены были обнаружены два очага. Помещение выполняло хозяйственно-бытовую функцию. В помещении 15 сохранились небольшие участки северной и восточной стен, остальные утрачены. К западу от помещения 14 находился двор, который располагался между усадьбами 13 и 14. Он с юга и запада огражден пахсовой стеной. Во дворе между усадьбами обнаружены три бытовых очага. Дворы усадеб 13 и 14 имели общий выход в южной стене. Судя по нумизматическим и керамическим материалам, дом был построен в VII в., а жизнь в нем продолжалась до конца VIII в.

Раскопки усадьбы 14 показали, что она состояла из трех домовладений, небольшого двора, ограды и единственного выхода из нее. Возможно, эти домовладения принадлежали трем родственным семьям. Они пользовались общей кухней с двумя очагами и тануром, а также общим двором с тремя бытовыми очагами.

Усадьба 16 находится к востоку от усадьбы 14. Она состояла из 14 помещений. Помещение 1 расположено на северном мысе холма и отделено от всего остального здания толстой стеной. Оно имело плоское перекрытие. Вдоль северной и восточной стен идет суфа. В западной стене имеется проход с выходом на улицу. В юго-восточном углу сохранилась лестница (рис. 1, 2). В первом марше шесть ступенек, все разноуровневые; второй марш имеет две ступеньки. Все ступени лестницы из сырцового кирпича. По этим ступенькам поднимались на второй этаж, который не сохранился. В помещении найдено шесть монет пенджикентского чекана конца VII — первой четверти VIII в. (Смирнова, 1963). В юго-западном углу помещения находился бытовой очаг прямоугольной формы. Помещение сохранилось целиком и было изолировано от всей остальной усадьбы. Оно принадлежало небольшой семье. Помещение 2 находится к югу от помещения 1 и относится к другому строению. Оно имело плоское перекрытие. Вдоль стен располагались суфы, у южной стены находился очаг, на средней части стены темно-красной краской изображен крупный цветок. В помещении имеются три прохода, один в северо-западном углу — через него входили в дом. Второй находился в восточной стене — через него попадали на пандус. Третий в южной стене — через него проходили в помещение 4. Помещение 3 находится к югу от помещения 2. Таким образом, помещение 1 с остатками суф было жилым, помещение 2 служило вестибюлем, а помещение 3, возможно, было жилым. Помещение 4 находится к югу от помещения 3, с которым оно связано проходом. У юго-западного угла — проход в помещение 5. Помещение 5 находится к югу от помещения 4 и связано с ним проходом в северной стене. Вдоль северной стены тянется суфа. В северо-западной части помещения обнаружен очаг треугольной формы. В юго-западном углу помещения — проход в помещение 6. Помещение 6 находится к западу от помещения 5. Оно было проходным. Помещение 7 находится к югу от помещения 5, оно было изолированное. В северо-западном участке помещения сохранилась суфа. Проход в северо-восточном углу помещения связывал его с помещением 5. Помещение 8 находится к западу от помещения 6 и связано с ним проходом в восточной стене. Помещение 9 находится к западу от помещения 4 и к северу от помещения 6. Проход в южной стене ведет в помещение 6. Помещение 10 — изолированное, находится к югу от помещения 6 и к западу от помещения 7. Помещение 11 находится к востоку от помещения 9 и к северу от помещения 8. В юго-западном углу был проход в помещение 8. Помещение 12 находится к западу от помещения 10 и к югу от помещения 8, оно тоже изолировано. Проход в помещение 12 находился в середине западной стены, он вел в помещение 14. Помещение 13 находится к северу от помещения 14 и к западу от помещения 8. Оно имеет форму неправильного треугольника. В помещении сохранились все стены. Около западной стены на полу сохранилось красное обгорелое пятно — возможно, от очага. В восточной стене — проход в помещение 8. Помещение 14 находится к западу от помещения 12 и связано с ним проходом.

Усадьба 16 состояла из двух домовладений, их фасадные пахсовые стены сохранились плохо. К первому относится помещение 1, над которым находился второй этаж. Второе домовладение

состояло из 14 помещений и было одноэтажным. Помещения 6–14 — небольшие комнаты, они являлись проходными, помещения 7–12 были изолированными и, возможно, выполняли функцию хранилищ. Суфы находились только в помещениях 2, 3, 4, 5, 7. Они, видимо, были жилыми. Судя по керамическим материалам и нумизматическим данным, начало постройки усадьбы относится к концу VII в., а прекращение жизни в ней — к 70-м гг. VIII в.

Возведение пригородных усадеб, судя по найденным монетам Бидияна конца VII в., а также монетам периода правления пенджикентской царицы Наны начала VIII в. (*Там же*), восходит к этому времени. Последние монеты — аббасидские фельсы — относятся к 70-м гг. VIII в. и свидетельствуют о прекращении жизни в этих домовладениях в тот период (*Там же*).

В отличие от городища древнего Пенджикента, жизнь в усадьбах продолжалась непрерывно в течение ста лет. Ни следов запустения, ни следов пожаров, связанных с арабскими завоеваниями (см.: *Абдуллоев, 2009*), там не обнаружено. Усадьбы принадлежали небогатым семьям, о чем свидетельствует отсутствие богато убранных парадных залов с настенной росписью и специальных изолированных помещений с пристенными культовыми очагами.

Раскопки пригородных усадеб показали, что все жилища имели вестибюли, которые выводили на улицу, и пандусы, при помощи которых поднимались на второй этаж. Такая же планировка была характерна для жилищ рядовых горожан городища древнего Пенджикента (*Распопова, 1990. С. 143*). Одноэтажные домовладения (например, усадьба 12) с очагом, небольшими зернохранилищами, тануром имеют аналоги в сельских поселениях горного Согда VIII в. (*Якубов, 1988*) и в современных сельских жилищах горных таджиков (*Давыдов, 1973*).

Абдуллоев, 2009 — *Абдуллоев Д.* Средняя Азия в VII–XIII веках и вопрос о согдийском культурном наследии. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2009. 124 с.

Большаков, Негматов, 1958 — *Большаков О. Г., Негматов Н. Н.* Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // ТТАЭ-3. 1958. С. 155–192.

Воронина, 1958 — *Воронина В. Л.* Архитектура древнего Пенджикента (Итоги работ 1952–1953 гг.) // ТТАЭ-3. 1958. С. 193–215.

Давыдов, 1973 — *Давыдов А. С.* Жилище // Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана / Ред. А. К. Писарчик, Н. Н. Ершов. Душанбе: Дониш, 1973. С. 7–137.

Распопова, 1990 — *Распопова В. И.* Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л.: Наука. ЛО, 1990. 208 с.

Смирнова, 1963 — *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пенджикента (Материалы 1949–1956 гг.). М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 199 с.

Якубов, 1988 — *Якубов Ю.* Раннесредневековые сельские поселения горного Согда (к проблеме становления феодализма). Душанбе: Дониш, 1988. 290 с.

Suburban estates of ancient Panjikent

Davron Abdulloev²

Annotation. *The author considers in detail four suburban estates of ancient Panjikent excavated in 2000–2006. All of them date from the 7th to the end of the 8th century. It is noted that, unlike the ancient Panjikent fortified settlement, life in the estates continued uninterruptedly: no traces of desertion or burning associated with the Arab conquests were found there. The estates belonged to non-wealthy families, as evidenced by the absence of richly decorated ceremonial halls with wall paintings and special isolated rooms with cult hearths by the walls.*

Keywords: *Panjikent, Early Middle Ages, suburban estates*

² Davron Abdulloev — independent researcher; e-mail: okc.65@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9465-4723.

Расписная керамика X — начала XI в. из Пенджикента

Ф. Ш. Аминов¹, Н. М. Худоёрова²

Аннотация. В докладе исследуется расписная керамика X — начала XI в., найденная в домонгольском Пенджикенте. Ее формы представлены кувшинами и крышками. Она имеет существенные технологические и художественные отличия от подобной керамики более позднего времени. Аналогичные синхронные материалы неизвестны, поэтому данная расписная керамика, обнаруженная в закрытом комплексе, может стать надежным источником для датировки последующих находок.

Ключевые слова: Средняя Азия, Пенджикент, расписная керамика, орнамент, X — начало XI в.

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-349-352

Археологическое изучение Пенджикента IX — начала XIII в. было начато в 2015 г. Пенджикентской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа и Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН Таджикистана (начальники экспедиции — П. Б. Лурье и Ш. Ф. Курбанов). Город (или крупное поселение) данного периода располагается в восточной части современного Пенджикента (Аминов, 2018).

В 2020 г. нами была опубликована статья о расписной керамике второй четверти XI — начала XIII в. (Аминов, 2020. С. 153–174). Сведениями о расписной керамике более раннего времени, т. е. X — начала XI в., мы тогда еще не располагали. В 2021 г. в шурфе 6 объекта Куктош 2 на глубине 2,8 м от дневной поверхности нами была обнаружена древняя мусорная яма — *бадраб*. Выявленная глубина ямы составила 4,5 м, ее диаметр — 0,8–0,9 м. В этом закрытом комплексе были обнаружены разнообразные материалы: металлические и стеклянные изделия, неглазурованная и хорошо датируемая глазурованная керамика, а также шесть монет, две из которых были определены как монеты саманидских правителей³. Первая — монета Нуха б. Насра (943–954), чеканенная в Фергане (год чеканки определить не удалось); вторая — монета Нуха б. Мансура (976–997), чеканенная в Балхе в 368 г. х. (978 г. н. э.). В целом по материальным находкам время использования ямы было определено как X — нач. XI в. Среди этих находок в яме было обнаружено небольшое количество расписной керамики (Аминов, 2022. С. 44–45).

Расписная керамика Пенджикента X — нач. XI в. существенно отличается от аналогичной посуды более позднего времени. Эти сосуды могут быть как лепными, так и гончарными, т. е. технологически более качественными. Для их орнаментации характерны простые и толстые линии.

Помимо расписной керамики, найденной в мусорной яме на объекте Куктош 2 (рис. 1, 1–5, 9), нами рассматриваются два экземпляра (рис. 1, 7–8), обнаруженные во время разведок Восточно-Согдийской археологической экспедиции (начальник Ш. Ф. Курбанов) на поселении Кири Носир (X — начало XI в.) в селении Роч (Пенджикентский район, правый берег р. Зеравшан) (Аминов,

¹ Фируз Шарифович Аминов — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; Археологическая база Пенджикент-Саразм Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Пенджикент, Республика Таджикистан; Республиканский историко-краеведческий музей им. А. Рудаки, Пенджикент, Республика Таджикистан; e-mail: firuzaminov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4485-6332.

² Нори Минокуловна Худоёрова — Археологическая база Пенджикент-Саразм Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ, Пенджикент, Республика Таджикистан; e-mail: khudoyorova.nori.62@mail.ru; ORCID: 0009-0000-9647-9850.

³ Благодарим научного сотрудника Отдела Востока Государственного Эрмитажа А. В. Кулиша за определение монет.

Рис. 1. Расписная керамика X — начала XI в. из Пенджикента: 1–7 — кувшины, 8–9 — крышки
Fig. 1. Painted pottery of the 10th — early 11th century from Panjikent: 1–7 — jugs, 8–9 — lids

2014. С. 22) и один депаспортизированный фрагмент, хранящийся в фондах Историко-краеведческого музея им. Рудаки г. Пенджикент (**рис. 1, 6**); роспись последнего имеет сходство с материалами из объекта Куктош 2 и Кири Носира.

Рассматриваемые материалы представлены 7 кувшинами (**рис. 1, 1–7**) и 2 крышками (**рис. 1, 8–9**). Три кувшина светлоглиняные (**рис. 1, 1–2, 7**), остальные красноглиняные (**рис. 1, 3–6, 8–9**). Лепные образцы имеют в тесте примесь сланцевого песка, который явно прослеживается в изломе черепка и иногда на поверхности сосуда. Посуда расписана черной, светло-коричневой и коричневой красками.

Далее приведены характеристики имеющихся образцов расписной керамики.

Кувшины:

1) Тонкостенный, светлоглиняный, почти целый кувшин (донце отсутствует) с наклепной ручкой. Изготовлен на гончарном круге. По горлу расположены ряды процарапанных горизонтальных линий. По тулову широкая лента из тонкой зигзагообразной линии черного цвета (**рис. 1, 1**).

2) Фрагмент стенки гончарного кувшина. Снаружи черной краской нанесены горизонтальная, вертикальная линии и черточки (**рис. 1, 2**).

3) Фрагмент нижней части лепного кувшина. Снаружи роспись в виде полукругов толстой линией коричневого цвета (**рис. 1, 3**).

4) Фрагмент нижней части гончарного кувшина. Снаружи нанесены вертикальные и параллельно им волнистые толстые линии светло-коричневой краской (**рис. 1, 4**).

5) Археологически целый лепной кувшин приплюснутой формы. Имеет петлевидную ручку. Снаружи роспись из диагонально расположенных параллельных соединенных полукругов, нанесенных толстыми линиями коричневого цвета. На плечиках имеются парные фестоны, прочерченные по сырой глине до обжига (**рис. 1, 5**).

6) Почти целый (донце отсутствует) гончарный светлоглиняный кувшин без ручки. Форма тулова овальная, венчик отогнут наружу. На тулове имеются горизонтальные выемки от пальцев, оставленные во время работы на гончарном круге. Снаружи по всей поверхности — завитки (иногда соединенные), нанесенные коричневой краской (**рис. 1, 6**).

7) Фрагмент гончарного кувшина. Горло и ручка сломаны. Тулово шарообразной формы. Орнамент в виде завитков светло-коричневого цвета занимает всю поверхность тулова (**рис. 1, 7**).

Крышки:

1) Фрагмент лепной дисковидной крышки. Ручка не сохранилась. Лицевая поверхность расписана полукруглыми толстыми линиями коричневого цвета. Нижняя поверхность закопчена, что говорит о кухонном ее использовании (**рис. 1, 8**).

2) Археологически целая лепная крышка дисковидной формы. Посередине имеется ручка. Поверхность орнаментирована полукруглыми толстыми линиями коричневого цвета. Нижняя поверхность закопчена (**рис. 1, 9**).

Таким образом, если расписные сосуды позднейшего времени представлены более разнообразными типами форм, то для X — начала XI в. нам известны только кувшины и крышки. Если орнаментация поздних сосудов охватывает (в основном) верхнюю половину тулова и горло, то на ранних декор нанесен по всей поверхности сосудов. Различается и состав теста: лепная расписная керамика позднейшего периода имеет примесь шамота, сланца, галечки и песка, а ранняя — только сланцевого песка.

Направления развития расписной и глазурованной керамики Пенджикента противоположны. В X — начале XI в. художественный стиль глазурованной керамики достигает высокого уровня, но затем качество оформления посуды ухудшается. Орнаментация же расписной керамики X — начала XI в. очень проста и минималистична, тогда как декор сосудов второй четверти XI — начала XIII в. более разнообразен. При этом орнамент глазурованной и расписной керамики никогда не совпадает.

Исследованные расписные сосуды не имеют аналогий среди материалов синхронных памятников Средней Азии (возможно, они нам неизвестны из-за отсутствия публикаций). Два экземпляра кувшинов с росписью, датируемые VII–VIII вв., обнаружены в древнем Пенджикенте (*Маршак и др.*, 2003. Рис. 64; *Маршак и др.*, 2006. Табл. XXXV, а), и один подобный кувшин этого же времени — на городище Ак-тепа (близ Пенджикента) (*Исаков и др.*, 2020. Рис. 418).

- Аминов, 2014 — Аминов Ф. Ш. К исследованию памятников предмонгольского времени в округе Пенджикента // Актуальная археология 2. Археология в современном мире: в контакте и конфликте. Тезисы Международной научной конференции молодых ученых (Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2014 г.) / Отв. ред. О. И. Богуславский. СПб.: б. и., 2014. С. 20–25.
- Аминов, 2018 — Аминов Ф. Ш. Локализация Пенджикента IX — начала XIII вв. // Актуальная археология 4: Комплексные исследования в археологии. Материалы Международной научной конференции молодых ученых (Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.) / Отв. ред. А. А. Бессуднов и Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 243–247.
- Аминов, 2020 — Аминов Ф. Ш. Расписная керамика средневекового Пенджикента // АВ. 2020. Вып. 27. С. 153–174.
- Аминов, 2022 — Аминов Ф. Ш. Археологические исследования домонгольского Пенджикента в 2021 г. // МПАЭ. 2022. Вып. XXV. С. 44–50.
- Исаков и др., 2020 — Исаков А. И., Якубов Ю. Я., Каримова Г. Р. Археологическая карта Таджикистана. Верховья долины Заравшана. Ч. IV: Пенджикентский район. Душанбе: Дониш, 2020. 430 с.
- Маршак и др., 2003 — Маршак Б. И., Распопова В. И., Абдуллоев Д. А., Завьялов В. А., Курбанов Ш. Ф., Малкиель И. К., Шкода В. Г. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2002 г. СПб.: ИГЭ, 2003 (МПАЭ. Вып. V). 198 с.
- Маршак и др., 2006 — Маршак Б. И., Распопова В. И., Абдуллоев Д. А., Курбанов Ш. Ф., Хасанов М. Х., Шкода В. Г. Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2005 году. СПб.: ИГЭ, 2006 (МПАЭ. Вып. VIII). 186 с.

Painted pottery of the 10th — early 11th century from Panjikent

Firuz Sh. Aminov⁴, Nori M. Khudoyorova⁵

Annotation. *The paper deals with painted pottery of the 10th — early 11th century found in Panjikent. Its forms are represented by jugs and lids. Its significant technological and artistic features differ from similar ceramics of later times. Reliable synchronous materials are unknown, so this painted pottery, found in a closed complex, can be a reliable source for dating subsequent finds.*

Keywords: *Central Asia, Panjikent, painted pottery, ornament, 10th — early 11th century*

⁴ Firuz Sh. Aminov — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; Panjikent-Sarazm Archeological Base of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of NAST, Panjikent, Republic of Tajikistan; A. Rudaki Republican History and Regional Study Museum of History and Regional Studies, Panjikent, Republic of Tajikistan; e-mail: firuzaminov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-4485-6332.

⁵ Nori M. Khudoyorova — Panjikent-Sarazm Archeological Base of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of NAST, Panjikent, Republic of Tajikistan; e-mail: khudoyorova.nori.62@mail.ru; ORCID: 0009-0000-9647-9850.

Средневековые города Чуйской долины в центральноазиатском контексте

Б. Э. Аманбаева¹

Аннотация. *Автором затронуты некоторые вопросы, связанные с появлением и развитием городищ с «длинными стенами» в Чуйской долине, а также приведена информация о новых археологических исследованиях на особо значимых памятниках — городищах Красная Речка, Ак-Бешим и Бурана, являющихся руинами известных средневековых городов (Невакет, Суяб и Баласагун соответственно).*

Ключевые слова: *Чуйская долина, городища с «длинными стенами», Красная Речка, Невакет, Ак-Бешим, Суяб, Бурана, Баласагун*

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-353-357

Вопросы, связанные с формированием, развитием и функционированием городской культуры в субрегионе Джетысуу/Семиречье (включающем и Чуйскую долину) в рамках политико-административной системы раннетюркских государственных образований, до сих пор остаются дискуссионными. Ранее часть специалистов считала катализатором этого процесса влияние более урбанизированных областей Центральной Азии — прежде всего Согда. Одни исследователи объясняли это на уровне миграционной модели (В. В. Бартольд, А. Н. Бернштам), другие — через влияние согдийского культурного комплекса как эталона, отмечая при этом значимость и распространенность компонентов и тюркского культурного комплекса (Массон, 1977. С. 5; Байпаков, 1986. С. 92–98). Констатировалось также влияние соседнего Чача, а также присутствие отдельных аспектов материальной и духовной культуры, тяготеющих к Бактрии-Тохаристану, Фергане, Восточному Туркестану и Китаю (Аманбаева, 1993. С. 23–24; Горячева, 2010).

Некоторые раннесредневековые (VI–VIII вв.) поселения в Чуйской долине, состоящие из цитадели и шахристана, в IX–XI вв. перерастают в крупные города, округи которых опоясаны одним или двумя кольцами «длинных стен» от 5 до 15 км в периметре, а то и более. Именно они, по мнению открывшего их П. Н. Кожемяко, составляют специфику топографии чуйских городищ, функционально выполняя роль полицейско-административных рубежей городов (Кожемяко, 1959). Однако это мнение разделяют далеко не все исследователи, так как «феномен» длинных стен имел место также в Согде, Уструшане, Фергане и т. д. (Негматов и др., 1996; Брыкина, 1982; Горячева, 1983. С. 111–112). По данным П. Н. Кожемяко, число городищ с «длинными стенами» достигает 18, а по В. Д. Горячевой — 21 (Горячева, 2010. С. 49). Находятся они в пределах 15–20 км друг от друга, маркируя своим местоположением проходящее здесь ответвление транзитной магистрали Шелкового пути.

Городища восточной части долины на сегодня изучены гораздо лучше, чем в западной ее половине. Прежде всего, это Красная Речка, Ак-Бешим и Бурана — руины исторических городов Невакет, Суяб и Баласагун соответственно. Ранние слои Красной Речки и Ак-Бешима принято относить к VI в. Они представлены сложными по конструкции центральными развалинами, состоящими из нескольких частей — цитадели, двух шахристанов (на Красной Речке еще одной части — западной пристройки), которые занимали значительные территории от общей площади памятников (100 га и 95 га соответственно), что может свидетельствовать о влиянии областей с более ранней

¹ Бакыт Элтиндиевна Аманбаева — Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызской Республики, Бишкек, Кыргызская Республика; e-mail: abakyt@mail.ru.

урбанистической культурой. Бурана формировалась относительно позже и в иных историко-культурных условиях, во второй половине X в. — отсюда ее отличия: отсутствие деления на цитадель и шахристан, а также прямоугольная форма основной части (600×580 м). Однако округа его занимает настолько значительную территорию, что помимо двух кольцевых стен имеются еще и полукольца валов.

Средневековый Невакет / Навекат (по согдийским источникам) или Синьчэн (по китайским хроникам), отождествляемый с городищем Красная Речка, расположенным в 35 км к востоку от Бишкека, известен с VII в. по китайским дорожникам (Зуев, 1960. С. 91), а также благодаря согдийскому архиву с горы Муг (*Лившиц*, 1960. С. 80–81). Особо значимой была роль Невакета в XII в. как одного из центров сиро-несторианской церкви, наряду с Кашгаром (*Бартольд*, 1964. С. 285–287, 294). В разные годы здесь проводились раскопки (*Байнаков*, 2012; *Горячева*, 2010). Наиболее резонансное открытие последнего десятилетия было сделано в южной части западной пристройки: конусообразный холм высотой 12 м, доминирующий над округой и окруженный по периметру строениями и внушительной стеной. С востока располагаются еще два холма — по 25–30 м в диаметре и высотой по 3–5 м. Назначение этого объекта интерпретировалось по-разному (*Горячева*, 2010. С. 96–97), но совместные работы археологов Кыргызстана и России в 2010–2014 гг. поставили точку в этом вопросе: раскопанный восточный холм на начальном этапе был входным пилоном, а позже перестроен в буддийский храм, просуществовавший значительное время. Весь же комплекс, вероятно, являлся буддийским монастырем с монументальной ступой в центре (*Торгоев и др.*, 2014. С. 126–130). Традиционно в литературе Красная Речка датируется VI — началом XIII вв., хотя в последнее время наметилась четкая тенденция к «омоложению» нижней даты некоторых частей города: в частности, время возведения стен шахристанов-1 и -2 сдвигается на середину или даже конец VIII в. (*Торгоев, Кольченко*, 2010. С. 301–310).

С Суябом (тюркское название — Орду), столицей государственных образований западных тюрок, тюркешей и карлуков, однозначно отождествляется городище Ак-Бешим в 10 км к юго-западу от современного города Токмок. Известен Суяб и по китайским источникам: Сюань Цзан, посетивший его в 629 г., пишет, что город в окружности имел 6–7 ли и что земледельцев и торговцев там поровну (Зуев, 1960. С. 90). В 648–719 гг. здесь располагался гарнизон танского Китая. Связан был Суяб и с тибетцами во время их краткосрочного господства на Тянь-Шане (680–709 гг.).

Результаты раскопок в разных частях городища также хорошо известны в литературе (А. Н. Бернштам, Л. Р. Кызласов, Л. П. Зяблин, Г. Л. Семенов и др.). В последние годы (2013–2024 гг.) исследования здесь проводят кыргызстанские и японские археологи. Один из раскопок был заложен в центральной части шахристана-1 на пересечении двух удлиненных впадин, первая из которых, имеющая длину 600 м, вытянута с востока на запад; вторая, длиной 500 м, — от северных ворот к южным. Пересекаются они почти под прямым углом в центре этого шахристана. В результате их вскрытия в верхнем горизонте на глубине 1,1–1,2 м открыт участок улицы, соединяющей северные и южные ворота, поверхность которой была покрыта наброской из щебня и шлакообразных отходов. От нее же на восток и запад отходили небольшие проулки. Вдоль этой магистрали располагались дома с сырцовыми стенами толщиной до 0,8–1,0 м. Полученный вещественный материал дает основание для датировки данного горизонта караханидским временем (*Аманбаева и др.*, 2015. С. 31). Продолжены исследования и в юго-восточном углу этой же части городища, где Г. Л. Семеновым и Л. М. Ведутовой в 1996–1998 гг. были открыты руины христианского церковного комплекса. В сезоны 2022–2024 гг. проведены работы по уточнению и фиксации устройства внешней (восточной) фасадной стены сооружений «А», «В» и «С», а также восточной стены шахристана-1. Открыта водопроводная линия длиной 4 м, проведенная в комплекс «А». На одном из кубуров имеется надпись на согдийском языке. К основному шахристану с востока примыкал шахристан-2, называвшийся исследователями по-разному — «киданьским кварталом», «рабадом» и т. д. В сезон 2017 г. здесь произведена закладка Раскопа-15, по верхнему горизонту которого на площади 25×2 м вскрыта концентрация серо-глиняной черепицы. Объект имел сложную планировку. Установлено, что центральное строение, сооруженное на насыпной платформе, было окружено обходным коридором с черепичной крышей. Из вещественного материала интерес вызывают черепки с надписями на согдийском и китайском языках, а также фрагменты каменных стел

с китайскими иероглифами. Скорее всего, объект может быть датирован временем, когда в Суябе располагался китайский гарнизон.

Таким образом, исследования, проведенные в последнее двадцатилетие, — раскопки комплекса христианских церквей на шахристане-1 и престижного комплекса на цитадели Ак-Бешима (*Семенов*, 2002), жилого и производственного комплекса на том же шахристане (*Ведутова, Куримото*, 2014. С. 120–150), а также наши работы на Раскопе-13 — дают основания усомниться в тезисе Л. Р. Кызласова о прекращении жизни на Ак-Бешиме в X в. (*Кызласов*, 1959), когда столица Караханидов перемещается в Баласагун. Суяб, перестав быть столицей, продолжает функционировать в качестве рядового города весь караханидский период. Поэтому общая датировка городища может быть предложена в пределах VI–XII вв.

Средневековый Баласагун (Куз-Орду, Куз-Улуш), отождествляемый с городищем Бурана, расположен в 14 км южнее г. Токмока (6 км к юго-востоку от Ак-Бешима). С середины X в. до 30-х годов XII в. он был столицей Караханидов, первой династии тюркского происхождения, официально принявшей ислам; с 30-х годов XII в. до начала XIII в. — империи кара-киданей Западная Ляо, а в 1211–1218 гг. — найманов. При монголах, в начале XIII в., город получил название Гобалык и просуществовал до XIV в. Городище с конца XIX в. привлекало российских исследователей, прежде всего, сохранившимся до наших дней средневековым минаретом из жженого кирпича — одним из самых ранних в среднеазиатском регионе. С учетом характера декора и некоторых рудиментарных конструктивных особенностей, датой его сооружения принято считать конец X в. (*Горячева*, 1983. С. 32; 2010. С. 137). Наличие минарета и мусульманского некрополя около него, включившего руины трех мавзолеев из жженого кирпича, мусульманских надгробных камней-кайраков, а также остатков мечети-хазира (?) к северо-западу от указанного комплекса явилось одним из веских аргументов в пользу отождествления памятника со средневековым Баласагуном.

К сожалению, в этом столетии городище было обойдено вниманием археологов. Единственным исключением стала находка начала 2000-х годов: около тепе, расположенного в 1,5 км к востоку от минарета, в пределах второй кольцевой стены, была обнаружена каменная скульптура, выполненная из местного камня красного цвета, представляющая образ фронтально стоящего буддийского персонажа, одетого в широкое, с драпированными складками, одеяние. Ее обнаружение поблизости от тепе указывает, что последнее может скрывать руины буддийского храма. Тем более, что в 1980-х гг. Л. М. Ведутовой при раскопках сооружения на западном холме близ минарета была обнаружена в одном из сырцовых кирпичей маленькая бронзовая статуэтка бодхисатвы (около 5 см) (*Аманбаева и др.*, 2015. С. 37). Эти факты, равно как и обнаружение на основной территории городища в середине 1970-х значительных фрагментов керамических сосудов, считающихся согдийскими, могут косвенно подтверждать предположение об обживании данного места задолго до основания Баласагуна (*Байпаков*, 2012. С. 227–228).

Еще одним чуйским городищем, на котором в последние десятилетия велись археологические изыскания, проводимые представителями Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызской Республики и Боннского университета при финансовой поддержке швейцарского «Общества изучения Евразии», является Новопокровское-2, расположенное в 11 км к востоку от Бишкека. Большинство кыргызстанских специалистов, вслед за В. Д. Горячевой и С. Я. Перегудовой, считают его руинами города Пакапа, известного из письменных источников (*Горячева, Перегудова*, 1996. С. 183). На городище открыты участок, включающий в себя часть крепостной стены с угловой башней, а также примыкающие снаружи и изнутри к ней жилые помещения, часть мощенной камнем улицы и тротуара, тандыры и т. д. В XI — начале XII в. фортификационные сооружения городища уже не функционировали (*Кольченко, Ротм*, 2017).

Резюмируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что: а) средневековые города Чуйской долины в целом развивались в общем русле градостроительной традиции Центральной Азии; б) они выступали не только реципиентами культурных веяний из разных историко-культурных областей региона, но и их ретрансляторами в обратном направлении; в) в настоящее время необходимо перейти от «точечных» раскопок на различных участках чуйских городищ к планомерным раскопочным работам на территории собственно городов (в первую очередь — шахристанов и цитаделей) для получения полной картины их генезиса, развития, характера планировки и застройки и т. д.

- Аманбаева*, 1993 — *Аманбаева Б. Э.* Материальная культура городов Чуйской долины домонгольской эпохи (VI — начало XIII вв.) и проблемы культурогенеза: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1993. 27 с.
- Аманбаева и др.*, 2015 — *Аманбаева Б. Э., Кольченко В. А., Сулайманова А. Т.* Археологические памятники на кыргызстанском участке Великого Шелкового пути. Бишкек: Гулчынар, 2015. 116 с.
- Байпаков*, 1986 — *Байпаков К. М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII вв.). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1986. 256 с.
- Байпаков*, 2012 — *Байпаков К. М.* Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Кн. I. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы — раннем средневековье. Алматы: б. и., 2012. 390 с.
- Бартольд*, 1964 — *Бартольд В. В.* О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II/2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии / Подг. к изд. Ю. Э. Брегель. М.: Наука, 1964. С. 265–302.
- Брыкина*, 1982 — *Брыкина Г. А.* Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1982. 196 с.
- Ведутова, Куримото*, 2014 — *Ведутова Л. М., Куримото Ш.* Парадигма раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим. Бишкек: Алтын Тамга, 2014. 164 с.
- Горячева*, 1983 — *Горячева В. Д.* Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии: Научно-популярный очерк. Фрунзе: Илим, 1983. 144 с.
- Горячева*, 2010 — *Горячева В. Д.* Городская культура Тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI — начало XIII в.). Бишкек: б. и., 2010. 313 с.
- Горячева, Перегудова*, 1996 — *Горячева В. Д., Перегудова С. Я.* Буддийские памятники Киргизии // ВДИ. 1996. № 2. С. 167–189.
- Зуев*, 1960 — *Зуев Ю. А.* Китайские известия о Суябе // Известия АН Казахской ССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1960. Вып. 3. С. 87–96.
- Кожемяко*, 1959 — *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе: б. и., 1959. 186 с.
- Кольченко, Ротт*, 2017 — *Кольченко В. А., Ротт Ф. Г.* Городище Новопокровское-2: о стратиграфии участка жилой застройки с внешней стороны крепостных стен // Эпоха Юсуфа Баласагуни: история, литература, материальная культура: Материалы международной научной конференции, посвященной 1000-летию Юсуфа Баласагуни. 17–18 ноября 2016 года / Гл. ред. Т. И. Асанов. Бишкек: б. и., 2017. С. 202–215.
- Кызласов*, 1959 — *Кызласов Л. Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // ТКАЭЭ. 1959. Т. II. С. 155–242.
- Лившиц*, 1960 — *Лившиц В. А.* Согдийский брачный контракт начала VIII века н. э. (документы Nov. 3 и Nov. 4 с горы Муг) // СЭ. 1960. № 5. С. 76–91.
- Массон*, 1977 — *Массон В. М.* Согдийская эпоха и культурная интеграция // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР, 26–31 августа 1977 г.) / Отв. ред. Б. И. Искандаров, В. М. Массон, Н. Н. Негматов. Душанбе: Дониш, 1977. С. 5–7.
- Негматов и др.*, 1996 — *Негматов Н. Н., Мамаджанова С. М., Мукимов Р. С.* Согдийско-уструшанские традиции в градостроительстве и культуре Семиречья // Древний и средневековый Кыргызстан / Отв. ред. К. И. Ташбаева. Бишкек: Илим, 1996. С. 136–144.
- Семенов*, 2002 — *Семенов Г. Л.* Раскопки 1996–1998 гг. // Суяб. Ак-Бешим / Науч. редколлегия: М. Б. Питровский и др. СПб.: ИГЭ, 2002. С. 11–114.
- Торгоев, Кольченко*, 2010 — *Торгоев А. И., Кольченко В. А.* К стратиграфии и датировке нижних слоев Краснореченского городища // Древние культуры Евразии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама / Ред. коллегия: В. А. Алёшин и др. СПб.: ИИМК РАН, 2010. С. 301–310.
- Торгоев и др.*, 2014 — *Торгоев А. И., Кольченко В. А., Кий Е. А., Кулиш А. В.* Буддийский монастырь городища Красная Речка (некоторые итоги работ 2010–2013 гг.) // Древние цивилизации Средней Азии: Материалы международной конференции, посвященной тридцатилетию Среднеазиатской археологической экспедиции Государственного музея Востока / Отв. ред. С. Б. Болелов. М.: б. и., 2014. С. 126–130.

Medieval cities of the Chui valley in the Central Asian context

Bakyt E. Amanbaeva²

Annotation. *The author touches upon some issues related to the emergence and development of «long-walled» settlements in the Chui Valley, as well as provides information concerning new archaeological research at particularly significant sites — Krasnaya Rechka, Ak-Beshim and Burana, which are the ruins of the famous medieval cities (Nevaket, Suyab and Balasagun respectively).*

Keywords: *Chui Valley, «long-walled» settlements, Krasnaya Rechka, Nevaket, Ak-Beshim, Suyab, Burana, Balasagun*

² Bakyt E. Amanbaeva — B. Jamgyrchinov Institute of History, Archaeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic; e-mail: abakyt@mail.ru.

О средневековых городах Чуйской долины: в поисках исходных форм

В. А. Кольченко¹

Аннотация. Автор знакомит с методикой и результатами изучения планов средневековых городищ Чуйской долины Кыргызстана для выявления их исходных форм. Выявлено, что городища первоначально имели небольшой прямоугольный абрис стен длиной от 100 до 200 м. с цитаделью. Цитадель располагалась в центре, углу, середине одной из сторон или примыкала к ней снаружи. В последующем многие поселения разрастаются и получают дополнительные структурные части с ломаным контуром фортификации. У наиболее крупных («столичных») городищ цитадель построена отдельно от прямоугольника стен или — у более поздних — отсутствует вовсе.

Ключевые слова: Чуйская долина, средневековые, планы городищ, исходные формы, аналитика

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-358-362

Средневековые города Чуйской долины представляют собой своеобразный исторический феномен: они достаточно внезапно возникают, существуют около семи веков и затем исчезают.

Археологическая фиксация их остатков — городищ и селищ — была начата разведками А. И. Тереножкина в 1929 г. Он картографировал 17 объектов, дав им описания и составив планы трех из них; он предложил различать городища домусульманского и мусульманского времени возникновения (Тереножкин, 2012). Работы по фиксации продолжены работами экспедиций под руководством А. Н. Бернштама в 1938–1941 гг. Ими было нанесено на карту 25 городищ (13 «древних городов» и 12 «караван-сараев и рибатов»), опубликованы планы 8 памятников Чуйской долины и выполнены раскопки и шурфы на трех из них (не считая работ археологического надзора при строительстве Большого Чуйского канала); культурные слои делились на три-четыре страты, которым были присвоены имена политически доминирующих в данную эпоху кочевых племен (Труды, 1950). В 1952–1954 гг. П. Н. Кожемяко проводил целенаправленное изучение именно средневековых поселений Чуйской долины. Он зафиксировал 65 памятников, для которых были составлены описания, построены планы (для 53), выполнена шурфовка до материка (для 27) и проведено картографирование. П. Н. Кожемяко разделил городища на три группы, исходя из (1) максимальных размеров и (2) ландшафтного/географического расположения: городища с длинными стенами, округи и в ущельях (Кожемяко, 1959). Публикации последующих лет о подобных работах, хоть и менее качественные (Винник, 1985; Мокрынин, 2014. С. 125), также добавили полезной информации. Общее количество выявленных средневековых городищ и селищ сегодня приближается к 100, причем процесс их выявления и фиксации еще далеко не завершен.

Планы и описания городищ фиксируют объекты в последний момент их существования с учетом археологизации. А могут ли планы и описания дать информацию о начальных этапах истории памятника? Полагаем, что с рядом оговорок и в ограниченном объеме — да, поскольку изначальное ядро городища, т. е. его первые крепостные стены, проявляются на поверхности, несмотря на наличие перекрывающих культурных слоев.

¹ Валерий Анатольевич Кольченко — Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН Кыргызской республики, Бишкек, Кыргызская Республика; e-mail: archak@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1788-8419.

В поиске изначальных форм городищ при анализе мы выполнили несколько шагов, начиная от археологической данности, последовательно аналитически/графически удаляя одинаковые/синхронные элементы.

Шаг 1. Анализируя приведенные преимущественно П. Н. Кожемяко планы городищ, мы прежде всего привели их все к одному масштабу. В таком варианте городища с длинными стенами, конечно же, выделяются по площади среди остальных.

Очевидно, что городища изначально длинных стен не имели. Поэтому для дальнейшего рассмотрения (*шаг 2*) мы перешли к анализу их центральных развалин в границах фортификационных конструкций. Оказалось, что городища за двумя исключениями — Буранинское и Чумышское-1 — имеют сложную структуру из нескольких компонентов. Их общий контур почти всегда имеет ломаный периметр, в ряде случаев обусловленный рельефом местности. Ломаный периметр стен — признак относительно стихийного разрастания с учетом рельефа. Но в каждом городище присутствует как один из составных элементов четырехугольный участок, близкий к квадрату. Именно он наиболее возвышается над рельефом и, соответственно, имеет наибольшие культурные отложения. Представляется, что это и есть то первоначальное ядро, которое мы можем предполагать, ибо правильная планировка — четырехугольник с прямыми стенами — признак одномоментного строительства.

При дальнейшем анализе (*шаг 3*) рассматривались только эти четырехугольные участки центральных развалин городищ с длинными стенами, а также имеющиеся планы двух других категорий городищ Чуйской долины. Заметим, что среди 34 планов «усложненные» фиксируются у пяти городищ: у трех — в долинной части и у двух — в ущельях, что в нашей логике подразумевает их постепенное разрастание за первоначальные границы. Также нужно отметить, что отдельные планы имеют форму, отличную от прямоугольника, что, кажется, можно связать с особенностями рельефа.

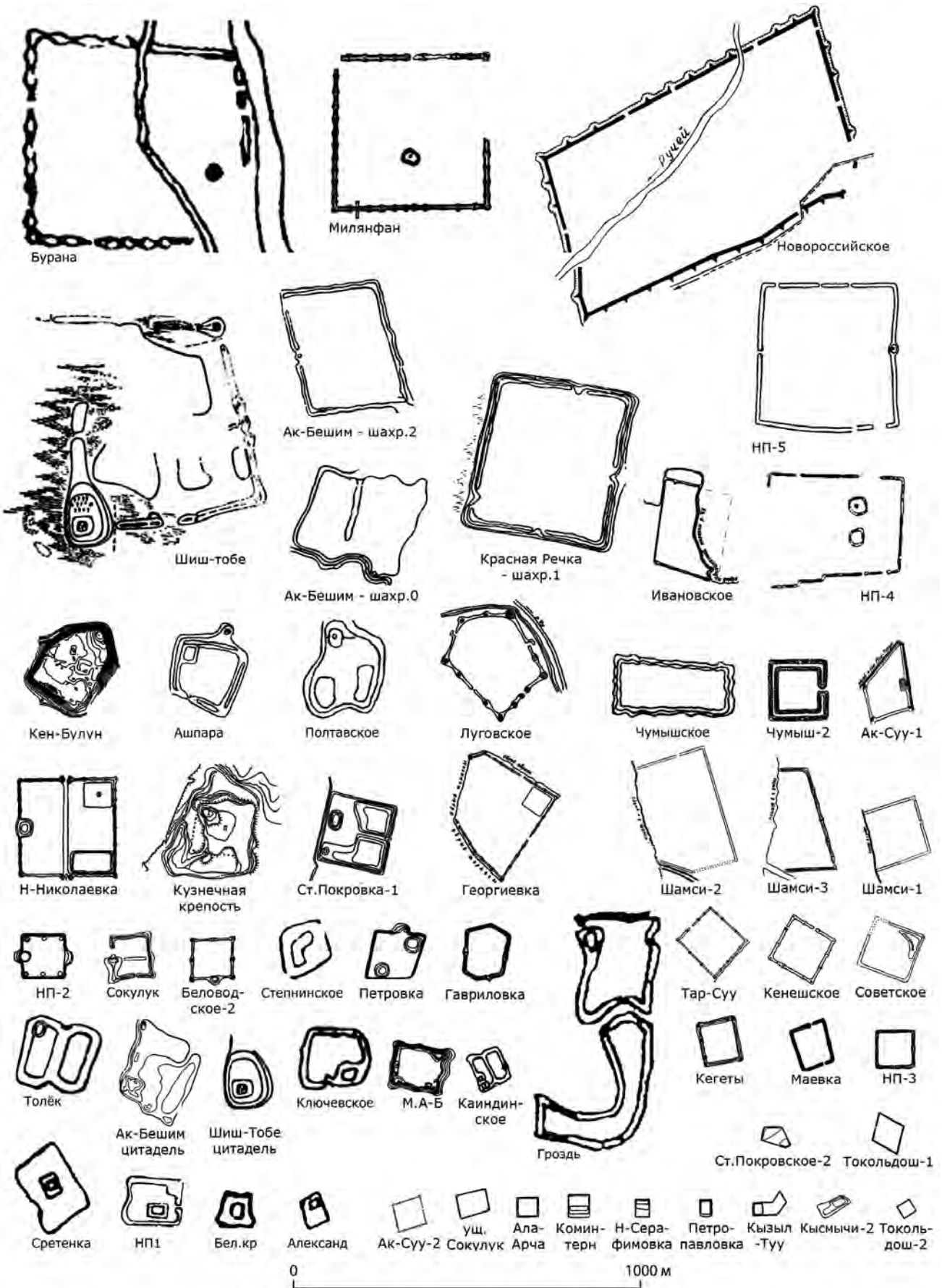
На *шаге 3* проанализированы 58 планов (рис. 1). Они различаются по площади, причем значительно. Сгруппировав их, получаем четыре группы.

В первую входят 11 городищ с наибольшей площадью. Среди них самые крупные: Новороссийское (490×860 м), Бурана (570–600×500–570 м) и Шиш-Тобе (550–650×700 м). Несколько меньшие по площади — Милянфанское (480×480 м), Красная Речка (шахристан-1) (430×350 м), Новопокровские-4 и -5 (300×440 и 370×380 м), Ивановское (с допущением обвала его части по вертикали надпойменной террасы) (240×132–200 м) и Ак-Бешим (ядра шахристанов 1 и 2) (220×220 и 200×300 м). В эту же группу включаем Гроздьненское городище (750×50–300 м), приведенный план которого остался нами не понятым.

Вторая группа со стенами по 200–300 м небольшая — в ней пять городищ: Луговское (255×235 м), Георгиевское (180–200×300 м), Шамси-2 и -3 (200–230×330 и 80–150×300 м), Чумышское-1 (170×340 м). Два из них — с ломаным периметром стен, связанным, вероятно, с топографией и сохранностью. По площади в эту же группу должно входить Ново-Николаевское городище (270×270 м), но особенности объекта склонили нас включить его в следующую группу.

Третья группа с длиной стен 100–200 м — самая многочисленная — состоит из 32 объектов. Это городища Ново-Николаевское (270×270 м), Сретенское (240×220 м), Толек (200×200 м), Каиндинское (200×200 м), Старопокровское-1 (200×200 м), Полтавское (200×190 м), Ключевское (160×200 м), Ашпара (160–186×150–170 м), Кузнечная крепость (140×140), Кен-Булун (235×145 м), Петровское (135×140 м), Новопокровские-3, -1 и -2 (235×230, 150×120 и 120×120 м), Гавриловское (120×150 м), Степнинское (150×100–110 м), Шамси-1 (180×170 м), Советское (130×140 м), Тар-Суу (140×150), Чумышское-2 (125×125 м), Кегеты (120×130 м), Кенешское (140×140 м), Малый Ак-Бешим (125×125), Александровское (100×140 м), Беловодское-2 (120×120 м), Ак-Суу-1 (100–170×100 м), Маевское (120×100 м), Беловодская крепость (100×100 м), Сокулук (70×100 м). В эту же группу мы включаем цитадели с примыкающими к ним дворами на городищах Шиш-Тобе (120×100 м), Ак-Бешим (200×120 м) и Красная Речка (70×80 м).

Последняя, четвертая, группа — наименьшие по площади городища со стенами длиной менее 100 м — включает 11 памятников: в ущельях (Ак-Суу-2 (85×85 м), Сокулук (80–86×66–70 м), Ала-Арча (60×65 м), Нижнесерафимовское (40×50 м)) и округе городищ с длинными стенами (Кысымчи-2 (50×90 м), Кызыл-Туу (40×100 м), Коминтерн (60×60 м), Петропавловское-1 (96×42 м),

Токольдошские-1 и -2 (80×80 и 42×42 м), Старо-Покровское-2 (40×70 м)). Они имеют минимальный культурный слой — менее 1 м — и датированы одним временем — X–XII вв.

В другие группы входят как ядра городищ с длинными стенами, так и городища округи и в ущельях, которые почти не перерастают своих первоначальных границ. Так как длительность существования городищ различна, то можно утверждать, что в основу их возведения положен одинаковый принцип одномоментности строительства, несмотря на смену политико-культурных эпох.

Имеются и существенные отличия. У городищ, возникших в X–XII вв. (**рис 1, справа и в нижнем ряду**), нет цитаделей, стены более тонкие, почти всегда без башен; имеющиеся данные не позволяют однозначно утверждать о застроенности всего внутреннего пространства. Кажется, городища X–XII вв. имеют иное функциональное назначение: они, возможно, не связаны со стационарной оседлой жизнью.

Большинство городищ, возникших до X в., имеют размеры от 100×100 м до 200×200 м. Это как ядра городищ с длинными стенами, так и городища округи (но не в ущельях!). У них мощные, ныне завалованные крепостные стены, заполненные внутри практически до гребней культурными отложениями. И все они имеют возвышающийся над стенами холм, интерпретируемый как цитадель. Холм цитадели почти с одинаковой частотой располагается в центре, углу, середине одной из сторон или примыкает к ней снаружи. Объяснить выбор того или иного варианта размещения условиями рельефа или хронологией не получается. Возможно, это показатель разных культурных традиций при закладке городов или направлений основных угроз.

Среди городищ с самыми крупными вычленяемыми исходными частями (группа 1) лишь у двух имеются цитадели; если же считать, что первоначальным ядром городища Шиш-Тобе была цитадель с двором, к которой было пристроено подквадратное пространство с прямыми стенами, то и вовсе одно городище — Новопокровское-5. Причем это единственное городище с цитаделью, датированное П. Н. Кожемяко X–XII вв. (*Кожемяко*, 1959. С. 144). В эту же группу входят три ядра городищ с мощными культурными отложениями, но без цитаделей: шахристан-1 Красной Речки, центральные части (ядра) шахристанов 1 и 2 Ак-Бешима. Мы полагаем, что это связано с тем, что их цитадели строились отдельно (и рассмотрены как части группы 3); примечательно, что они отождествляются со столичными городами письменных источников (*Байнаков*, 1976; *Байнаков, Горячева*, 1983). Аналогичная ситуация с городищем Шиш-Тобе, выделяемым как политический центр по нумизматическим данным. Вероятно, уже на стадии закладки этих частей городов одной из основных их функций была предусмотрена административно-представительская — в отличие от остальных городищ с защитной функцией как базовой.

Анализ приводит нас к выводу, что первоначально в Чуйской долине закладываются и одномоментно строятся укрепленные селения с цитаделью и стенами длиной от 100 до 200 м. Вероятно, размер обусловлен соотношением длительности, трудозатрат и способностью обеспечить их трудовыми ресурсами. Позже часть из них перерастает первоначальные границы и обносится новыми стенами, имеющими уже ломанный контур. Наверняка новый контур стен прирастал частями. Среди разросшихся поселений на следующем этапе некоторые поучают длинные стены, огораживающие освоенную территорию. Также возникают новые поселения с несколько отличными фортификационными характеристиками, отражающими иные их функции.

Объем публикации не позволяет развернуть аргументацию выдвинутых положений, но позволяет в целом передать саму идею, как отправную точку для дальнейших исследований, публикаций и критики.

Рис. 1. Начальные формы городищ Чуйской долины (по: Труды, 1950; *Кожемяко*, 1959; *Горячева и др.*, 1996; *Кольченко и др.*, 2022)

Fig. 1. The initial forms of the Chui valley settlements (after Труды, 1950; *Кожемяко*, 1959; *Горячева и др.*, 1996; *Кольченко и др.*, 2022)

- Байпаков, 1976 — Байпаков К. М. О древних городах Суяб и Баласагун // ВАН КазССР. 1976. № 1. С. 70–73.
- Байпаков, Горячева, 1983 — Байпаков К. М., Горячева В. Д. К вопросу о локализации Невакета // Культура и искусство Киргизии. ТД Всесоюзной научной конференции. 3–6 июня 1983 г. Вып. 1 / Отв. ред. А. К. Абетеков. Л.: б. и., 1983. С. 74–75.
- Винник, 1985 — Винник Д. Ф. Поселения восточной части Чуйской долины // Из истории дореволюционного Киргизстана / Редколлегия: С. И. Ильясов и др. Фрунзе: Илим, 1985. С. 247–251.
- Горячева и др., 1996 — Горячева В. Д., Деев В. И., Перегудова С. Я. Памятники истории и культуры города Бишкека. Бишкек: Илим, 1996. 94 с.
- Кожмяко, 1959 — Кожмяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе: б. и., 1959. 186 с.
- Кольченко и др., 2022 — Кольченко В. А., Бездудный В. Г., Тулуш Д. К., Ситдииков А. Г. Геофизические исследования средневековых городов Чуйской долины в 2021 г. // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 37–58.
- Мокрынин, 2015 — Мокрынин В. П. Материалы к археологической карте Чуйской долины (отчет о полевых исследованиях 1975 г.) // Археология Центральной Азии: архивные материалы / Науч. ред. С. Б. Болелов, В. А. Кольченко. Т. 2. Самарканд: МИЦАИ, 2015. С. 200–227.
- Тереножкин, 2012 — Тереножкин А. И. Картотека археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу // Архивные материалы по археологии Кыргызстана / Ред. В. А. Кольченко и Б. Э. Аманбаева. Бишкек: Илим, 2012. С. 38–63.
- Труды, 1950 — Труды Семиреченской археологической экспедиции. «Чуйская долина» / Сост. под рук. А. Н. Бернштама. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 160 с., табл. (МИА. № 14).

On the medieval urban sites of the Chui valley: in search of the initial forms

Valerii A. Kol'chenko²

Annotation. *The author presents a methodology and results of studying the plans of medieval settlements in the Chui Valley of Kyrgyzstan to identify their original forms. It was revealed that the settlements originally had a small rectangular outline of walls, from 100 to 200 m long, with a citadel. The citadel is located in the center, corner or middle of one of the sides or adjacent to it from the outside. Subsequently, many settlements grow and receive additional structural parts with a broken fortification contour. In the largest («capital») fortifications, the citadel is built separately from the rectangle of walls or, for later ones, is absent at all.*

Keywords: *Chui valley, Middle Ages, settlement plans, initial forms, analytics*

² Valerii A. Kol'chenko — B. Dzhamgerchinov Institute of History, Archeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic; e-mail: archak@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1788-8419.

Мерв при Сельджуках: новый этап урбанизации

Р. Г. Мурадов¹

Аннотация. Если большинство древних городов развивались в пределах одних и тех же стен, представляя собой своего рода палимпсест, то Мерв вполне можно назвать движущимся городом: пятно его застройки периодически смещалось с востока на запад вслед за изменением русла реки Мургаб, чей водный баланс непрерывно сокращался. Помимо географических условий в этом движении сыграли роль и политические причины. В докладе речь идет об эволюции градостроительной структуры Мерва при Сельджуках и рассмотрены частично сохранившиеся постройки периода их власти в Северном Хорасане на протяжении нескольких десятилетий между правлением Давуда Чагрыбека (1038–1060) и эпохой его правнука султана Санджара (1118–1153).

Ключевые слова: Мерв, Сельджуки, Султан-кала, Шахрияр-арк, урбанизация, архитектура

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-363-367

В 1990–1994 гг. по инициативе В. М. Массона в Ашхабаде и Мары проводились ежегодные научные конференции под общим названием «Мерв в древней и средневековой истории Востока», в которых участвовало около ста специалистов из разных стран. Даже 30 лет спустя многие из представленных тогда докладов по-прежнему актуальны. Так, В. М. Массон называл Мерв урбанистическим суперцентром Древнего Востока, своего рода макрополисом, который он рассматривал в оптике культурогенеза, выделяя в том числе и пласт сельджукского времени. Он особо подчеркивал значение сельджукского культурного наследия, которое «не только проявило себя как пора расцвета материальной культуры городского образа жизни в Хорасане, но и оказывало стимулирующее воздействие вплоть до Малой Азии» (Массон, 2006. С. 301–302).

Ядро Мерва возникло в эллинистический период (городище Эрк-кала) (рис. 1, 1), в парфянское время там был административный центр Маргианы (Гяур-кала) (рис. 1, 2) и важный узел караванных трасс. Начиная с VII в. одновременно с освоением территории, примыкавшей с запада к Гяур-кале, старый шахристан приходил в запустение. К началу X в. относятся сведения ал-Истахри о том, что *кухендиз* (Эрк-кала) заброшен (Материалы, 1939. С. 172). При Абу Муслиме западный рабад превратился в новый городской центр, однако старая мечеть в Гяур-кале продолжала действовать. Вдоль каналов Маджан и Хурмузфарра появились кварталы ремесленников и купцов, базары, пятничная мечеть и так называемый Дом правления. По описанию ал-Истахри, это было грандиозное куполообразное здание, возведенное целиком из жженого кирпича. Судя по всему, оно находилось на том месте, где в середине XII в. будет построен мавзолей султана Санджара.

После падения Саманидов Мерв перешел в руки Газневидов и оставался в составе их государства до 1037 г., когда был сдан без боя сельджукским войскам и в мечетях начали читать хутбу на имя Давуда Чагрыбека, правившего до 1060 г. Западный рабад, где с обеих сторон канала Маджан фактически сосредоточилась вся городская жизнь, еще не был обнесен стенами, но постепенно оформился в новый шахристан (Султан-кала) (рис. 1, 3), в то время как старый (Гяур-кала) превратился в ремесленный пригород. После исторической битвы при Данданакане, когда Сельджуки победили Газневидов и объявили Хорасан своим владением, начался новый этап регенерации города. Однако никаких следов строительной деятельности Чагрыбека и его сына Алп-Арслана

¹ Руслан Гельдыевич Мурадов — Международный институт центральноазиатских исследований (МИЦАИ), Самарканд, Республика Узбекистан; e-mail: turkmenica@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7133-4599.

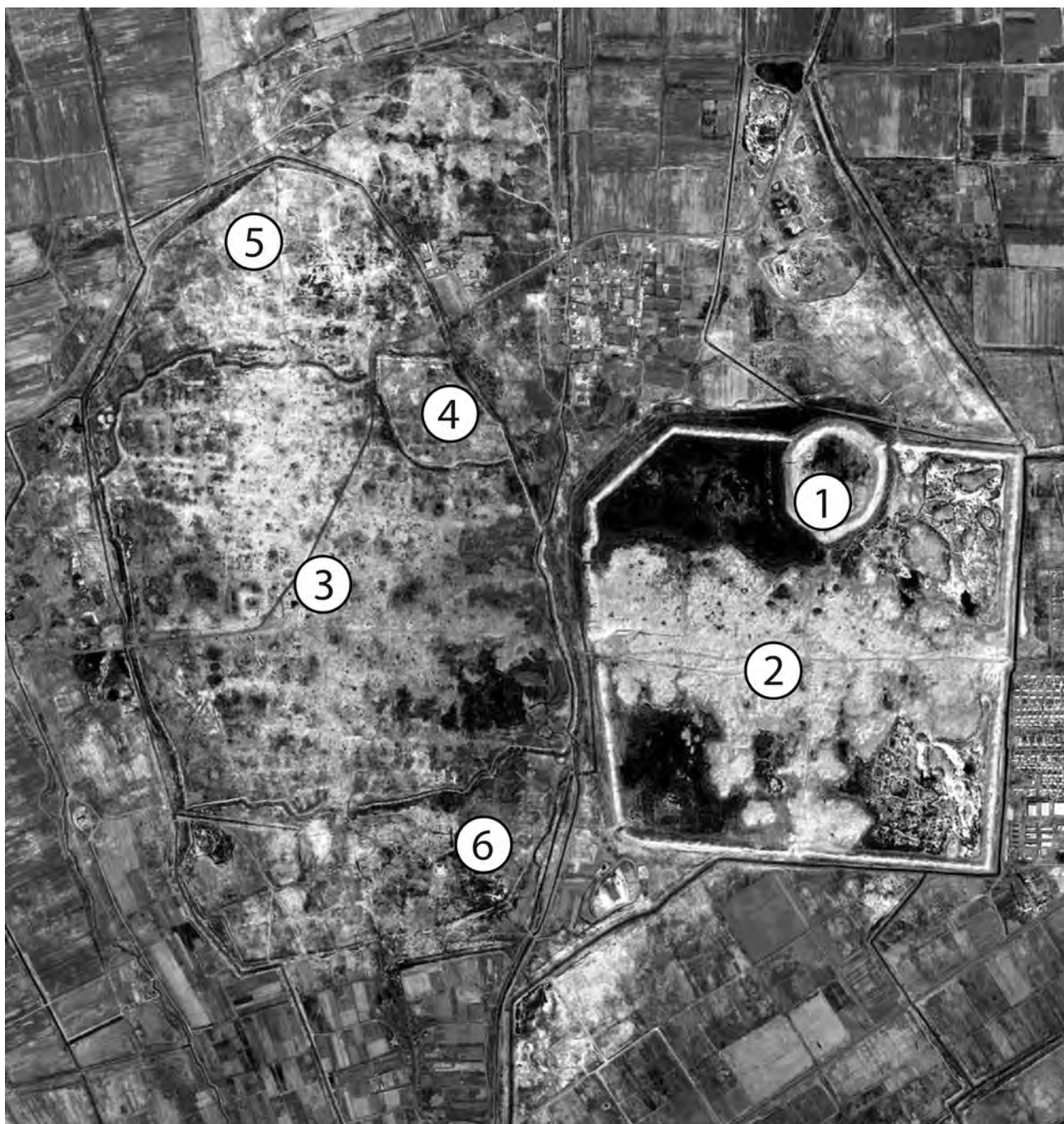

Рис. 1. Схема расположения городищ Мерва на основе аэрофото: 1 — Эрк-кала; 2 — Гяур-кала; 3 — Султан-кала; 4 — Шахрияр-арк; 5 — северный обвод; 6 — южный обвод

Fig. 1. Location scheme of the Merv urban sites based on aerial photos: 1 — Erk-Kala; 2 — Ghyaur-Kala; 3 — Sultan-Kala; 4 — Shahriyar-Ark; 5 — northern encircling; 6 — southern encircling

(1063–1072) в Мерве не сохранилось. Письменные источники сообщают, что они оба похоронены в этом городе (Жуковский, 1894. С. 156–157), но их погребения давно утрачены.

Представление об архитектуре сельджукского Мерва дает очень ограниченный круг памятников, уцелевших лишь частично. Старейший объект, который относится к ранней сельджукской архитектуре, находится далеко от Мерва, в городке Меана (Михна/Мейхене) и был сооружен над могилой шейха Абу Саида Абул Хайра (ум. 1049) — важной фигуры в истории Сельджукского государства и суфизма в Хорасане. Его мавзолей за свою почти тысячулетнюю историю претерпел череду разрушений и реконструкций, но некоторые элементы структуры и декора этого памятника позволяют

видеть в его основе постройку второй половины XI в. (Мамедов, 2008). Судя по указаниям средневековых источников, при Алп-Арслане или его сыне Мелик-шахе (1072–1092) в Мерве под патронажем их визиря Низам ал-Мулька было построено медресе, входившее в сеть Низамийа. К концу XI в. возникла потребность обнести стенами уже оформившуюся территорию густо застроенного города.

Фортификация Мерва зависела от ирригационной системы, и планировка оборонительных стен осуществлялась с учетом сложившейся топографии города. Стену окружал ров — неизбежный элемент обороны для ландшафта, лишенного естественных преград. Городская стена имела около 8 км в длину и достигала высоты 10–12 м при ширине 6 м; внутри имелись казематы и потайные лестницы. Впоследствии эти стены неоднократно подвергались ремонту и в целом сохранились. По всему периметру стены через интервал 20–25 м размещались 244 полукруглые башни диаметром 4 м с двухъярусными сводчатыми камерами для стрелков. На двух взаимно пересекающихся осях Султан-калы располагались городские ворота — мощные сооружения из жженого кирпича, выдвинутые на 15–20 м от линии стены. Одно из них — ворота Фируза на западной стороне — подвергалось археологическому вскрытию. Это достаточно сложное фортификационное устройство с лабиринтом. Его привратную часть снаружи украшала облицовка из фигурного жженого кирпича восемнадцати видов.

Султан-кала с цитаделью в северо-восточном углу, известной под названием Шахрияр-арк (рис. 1, 4), занимает около 400 га. В XII в. появились два пригорода с дополнительными стенами на северной и южной сторонах (рис. 1, 5, 6). Внутренняя структура Султан-калы соответствовала канонам средневековой планировки: в центре, на перекрестке главных улиц, — крытый базар-чорсу и пятничная мечеть, медресе, жилые дома и кварталы ремесленников. Численность населения только внутри крепостных стен достигала 150 тыс. человек (Ходжаниязов, 1990. С. 15). Султан-кала была плотно застроена, причем наряду с обычными домами строились двухэтажные усадьбы-кешки. Стены многих зданий отделялись цветной штукатуркой, резьбой по ганчу, цветными глазурованными плитками.

Если о планировке Султан-калы известно в основном благодаря визуальному анализу почти опустошенного ныне ландшафта, то в раскопанном между ее западной стеной и каналом Хурмузфарра «квартале керамистов» можно проследить и его планировочную структуру (Лунина, 1962. С. 217–221).

Внутри Шахрияр-арка находятся остатки сырцовых стен и арок неизвестных построек, а почти в центре — дворцовое сооружение. По аморфным руинам можно, тем не менее, судить о его планировке и конструкциях. По соседству — еще один сырцовый дом, представляющий собой вытянутый и высокий зал, перекрытый сводом. На его глухих фасадах доминирует ритм плотно прижатых полуколонн — это старая традиция гофрированных замков-кешков, немало которых сохранилось вокруг Мерва. Внутренние стены имеют глубокие квадратные ячейки, расположенные в шахматном порядке. Согласно самому распространенному мнению, здания с такими ячейками служили голубятнями (*кентерхана*), что вполне объяснимо, если принять во внимание популярность голубиной почты в XI–XII вв. Руины еще одного подобного сооружения, не столь монументального, имеются в северном обводе Султан-калы.

Самое значительное произведение сельджукской архитектуры конца XI в. хорошо сохранилось и находится в 30 км южнее Султан-калы. Это Талхатан-баба — поминальная мечеть позади почитаемой гробницы в небольшом селении Талхатан (Пугаченкова, 1958. С. 248–256). В 12 км западнее расположен мавзолей Имам Бакр, который утратил свой первоначальный вид. Оригинальным остался лишь купольный зал и ярус подкупольного октагона, оформленный изнутри в той же стилистике, что и мечеть Талхатан-баба (Джесбаров, Мурадов, 1999). В западном рабаде Султан-калы на правом берегу канала Хурмузфарра в 1112–1113 гг. возвели мемориальный кубовидный объем, увенчанный куполом, в честь одного из героев ранней истории ислама — Мухаммада ибн Зейда. Этот памятник, отличающийся выдающимися архитектурными достоинствами, в специальных публикациях именуется то мечетью, то мавзолеем, приписываемым разным шиитским имамам. Видимо, наиболее точно описывает его типологическую принадлежность фигурирующий в его фризовой надписи термин *машад* — место проведения регулярных ритуальных церемоний,

посвященных поминовению ибн Зейда, (Мурадов, 2014. С. 49–51). Еще один небольшой, но роскошно оформленный сельджукский мавзолей, носящий название Худайназар-овлия, частично уцелел на окраине средневекового селения Шавваль в 15 км севернее Султан-калы. Такой же тип мемориального сооружения представляет собой мавзолей Ходжа Юсуфа, расположенный в 500 м к северу от стен Шахрияр-арка. О личности этого шейха известно довольно много. Настоящее его имя абу Йа'куб Йусуф ибн Айюб ал-Хамадани (1049–1140). При его долгой жизни сменилось восемь правителей — от Тогрулбека и Алп-Арслана до султана Санджара. Он вошел в историю суфизма как духовный основатель ордена Накшбандийа. О том, что над местом его погребения стоял популярный среди населения мавзолей, писал в начале XIII в. Ибн ал-Асир. От первоначального *чартака* не осталось и следа, но нынешний, судя по всему, воспроизводит его габариты и форму.

В 1118 г. султан Санджар сделал Мерв столицей всей империи. Туда стекались огромные средства, позволявшие вести активную строительную деятельность. К концу его правления появилось самое крупное средневековое сооружение не только Мерва, но и всего Хорасана, — мавзолей Санджара. Здание входило в ансамбль крупных правительственных объектов в центре Султан-калы, включавший мечеть, к которой оно непосредственно примыкало своим восточным фасадом. Этому памятнику посвящена обширная научная литература, в том числе отдельная монография (Mamedov, 2004). Напротив мавзолея с западной стороны находился так называемый Большой базар, одно из помещений которого раскопано туркмено-британской экспедицией в 2010-х гг. В те же годы в поисках могил Алп-Арслана и Мелик-шаха археологи из Турции предприняли безуспешный поиск с юго-восточной стороны мавзолея Санджара, давший, однако, среди прочего, находки прямоугольных изразцов с эпиграфикой в высоком рельефе, покрытых бирюзовой глазурью. Эти плитки являются фрагментами фриза одного из зданий султанского ансамбля и теперь находятся в коллекции музея города Мары.

Вероятно, в первой половине XII в. была осуществлена реконструкция мечети VII в. в центре Гяур-калы. Восстановленная в IX в. халифом ал-Мамуном, она была известна под названием Бену Махан и отстроена заново в уже опустевшей части города при Санджаре — скорее, как памятник эпохи исламизации. На сельджукский стиль указывает декорирование стен фигурными кирпичами и резным штукатуром. Большой подземный резервуар для воды с провалившимся куполом — единственный ориентир, по которому можно отыскать былой комплекс этой мечети, частично раскопанной в 1960-х гг. (Ходжаниязов, 2000). Конструктивные методы и приемы декоративной обработки стен больших домов богатых горожан повторяются и в рядовой городской застройке.

Строительная культура сельджукского Мерва была во многом элитарной. Она вобрала в себя достижения других городов и стран, отражая обмен идеями и культурными ценностями, в отношении которых Мерв выступал в роли как создателя, так и ретранслятора (Ходжаниязов, Лунина, 2001. С. 74). В домонгольский период урбанизированный оазис Мерва все еще оставался поликонфессиональным, этнически пестрым конгломератом, где продолжались контакты, столкновения и симбиоз различных сообществ. Эти качества были утрачены на следующих этапах истории, когда регион стал более изолирован от внешнего мира, а отмирание трансконтинентальной караванной торговли на этом отрезке привело к деградации и гибели средовой системы Мерва.

Джепбаров, Мурадов, 1999 — Джепбаров Р., Мурадов Р. Г. Северо-хорасанские мавзолеи Имам Бакр и Имам Шафи // КЦ — 1997–1998. 1999. С. 137–152.

Жуковский, 1894 — Жуковский В. А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1894 (МАР. № 16). 216 с.

Лунина, 1962 — Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв. // ТЮТАКЭ. 1962. Т. XI. С. 217–418.

Мамедов, 2008 — Мамедов М. А. Архитектурный комплекс Меана-баба. Суфийский мавзолей в Центральной Азии как объект искусства. СПб.: Евразия, 2008. 116 с.

Массон, 2006 — Массон В. М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006. 384 с.

- Материалы*, 1939 — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939 (ТИБ. XXIX). 612 с.
- Мурадов, 2014 — Мурадов Р. Г. Культурные места в долине Мургаба // ТМАЭ. 2014. Т. 5. С. 39–55.
- Пугаченкова, 1958 — Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (ТЮТАКЭ. Т. VI). 492 с.
- Ходжаниязов, 1990 — Ходжаниязов Т. Раскопки объектов сельджукской эпохи в Старом Мерве // Мерв в древней и средневековой истории Востока. ТД научного симпозиума / Отв. ред. М. А. Аннанеспесов. Ашхабад: Ылым, 1990. С. 15–18.
- Ходжаниязов, 2000 — Ходжаниязов Т. Первая соборная мечеть Мерва // Miras. 2000. № 1. С. 107–111.
- Ходжаниязов, Лунина, 2001 — Ходжаниязов Т., Лунина С. Б. Динамика развития Мерва в VIII–XII вв. // КЦ — 1999. 2001. С. 59–74.
- Mamedov, 2004 — Mamedov M. A. Soltan Sanjaryň kümmeti. İstanbul: Altan matbaa, 2004. 220 s.

Merv under the Seljuks: a new stage of urbanization

Ruslan G. Muradov²

Annotation. *While almost all ancient cities evolved within the same walls, representing a kind of urban palimpsest, Merv can well be called a moving city, as its built-up area periodically shifted from east to west following the changing course of the Murghab River, whose water balance was gradually decreasing over time. This urban shift was caused not only by geographical conditions, but also by political reasons. This paper deals with the evolution of the urban structure of Merv under the Seljuks and examines the partially preserved buildings from the period of their power in Northern Khorasan for several decades between the reign of Dawud Chaghri Beg (1038–1060) and the era of his great-grandson Sultan Sanjar (1118–1153).*

Keywords: *Merv, Seljuks, Sultan-Kala, Shahriyar-Ark, urbanization, architecture*

² Ruslan G. Muradov — International Institute for Central Asian Studies (IICAS), Samarkand, Republic of Uzbekistan; e-mail: turkmenica@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7133-4599.

Вопросы градостроительства в средневековых городах и поселениях Правобережного Хорезма (к изучению городов Южного Приаралья)

О. Т. Доспанов¹

Аннотация. Автор рассматривает эволюцию градостроительства в Правобережном Хорезме в эпоху средневековья — прежде всего, на материале раскопок городища Джанпък-кала (XII–XIV вв.). Стратиграфия городища позволяет проследить изменение приемов строительства, особенности планировки и декора помещений в связи с историей региона — от расцвета времен государства Хорезмшахов к упадку после монгольского завоевания и к новому подъему.

Ключевые слова: Амударья, Хорезм, город, Большой Гульдурсун, Джанпък-кала, Кят, Миздахкан

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-368-372

Несмотря на большое количество собранного исследователями материала, вопросы развития градостроительства, а также экономического подъема средневекового Хорезма все еще остаются предметом полемики. Для характеристики городской жизни в эпоху средневековья на правобережье Амударьи необходимо указать на высокое развитие хозяйства — как на селе, так и у горожан.

В IX–XI вв. остается действующим только канал Гавхорэ, где в XI — начале XIII в. расцветает обширный богатый оазис с центром в Кават-кале: там находились дворец и, вероятно, мечеть, а также ряд общественных построек (Доспанов, 2013. С. 12–13). Более ранний, также достаточно обширный этап истории этого оазиса совершенно стерт; судя по большому количеству фрагментов посуды IX–XI вв. на поверхности пахотных угодий, он датируется эпохой Хорезмшахов. В итоге обследования замков и усадеб V–VIII вв. установлено, что часть из них в IX–XI вв. была приспособлена для обитания. Видимо, это была пограничная линия форпостов, растянувшаяся с юга на север, к отрогам Султануиздага и защищавшая от кочевых племен подступы к столичному рустаку Кята со стороны заброшенных и превратившихся в пустыню земель. Видимо, эти форпосты базировались на колодцах. Некоторые из них продолжали существовать или же вновь устраивались и позднее, в XII — начале XIII в. Однако наиболее крупный археологический памятник в этой зоне — древнее городище Большой Гульдурсун, покинутое в первые века н. э. и вновь возродившееся в IX–XI вв. (Доспанов, 1993).

Видимо, продолжалась жизнь в Наринджане и Шурахане, стоявшем у истоков крупных каналов Правобережья (Гулямов, 1957. С. 137–139).

В предмонгольское время, в XII — начале XIII в., государство Хорезмшахов ненадолго стало крупнейшим политическим и экономическим центром не только долины Амударьи, но и всего Среднего Востока.

Уже к середине XIV в. наблюдается новый расцвет Джанпък-калы, ставшей, видимо, значительным речным портом, связанным с международной торговлей. Расширяется городок Наринджан, по-прежнему существуют Кят и Миздахкан. Далеко не в таком цветущем виде, как в XII — начале XIII в., но существует Каваткалинский оазис на Гавхорэ. О том, как мало страна успела оправиться от монгольского нашествия, свидетельствует, по мнению В. В. Бартольда,

¹ Октябрь Турганбаевич Доспанов — Каракалпакский Государственный музей искусств им. И. В. Савицкого, Нукус, Республика Узбекистан; e-mail: oktyabrd@gmail.com; ORCID: 0009-0001-4719-1137.

рассказ Ибн Баттуты, который, проезжая из Ургенча в Бухару в 1333 г., не встретил на своем пути ни одного поселения, кроме Кята (*Ибрагимов*, 1988. С. 78–80).

К концу XIV в. на «землях древнего орошения» не осталось ни одного функционировавшего поселения. Были покинуты Джанпык-кала с Миздахканом и лишь в каком-то виде продолжал существовать Кят — вероятно, по причине его близкого расположения к Амударье.

В эпоху Хорезмшахов стали появляться в большом количестве укрепленные усадьбы и феодальные замки, сельские поселения вдоль древнего канала зоны Гавхорэ. Характерный пример фортификационных сооружений — замки Каваткалинского оазиса (*Неразик и др.*, 1975. С. 54–55; *Неразик*, 1976. С. 68).

Исследования в зоне средневекового канала Гавхорэ, проводившиеся в 1930–1940-е гг. С. П. Толстовым (*Толстов*, 1948) и продолженные в 1970–1980-х гг. (*Неразик*, 1976), позволили подробно классифицировать архитектуру и укрепления замков вокруг Каваткалинского оазиса, выявили особенности расселения в оазисе, систематизировали стили и способы бытования материальной культуры, что явилось в некоторой степени основой для выделения и периодизации культуры государства Хорезмшахов XII — начала XIII в. И, конечно же, в этом большую роль сыграло и выделение самой Кават-калы в качестве т. н. раннего замка феодалов (I–IV вв.) с его многочисленными крестьянскими усадьбами (XII–XIII вв.). Это, по всей вероятности, и сыграло роль в становлении огромного хозяйства в уже утвердившейся феодальной формации в Хорезме (*Неразик и др.*, 1975. С. 54–61).

Говоря о строительных приемах Кават-калы, в первую очередь следует отметить разбросанность отдельно стоящих домов, сосредоточенных вокруг усадьбы или замка и состоящих из нескольких жилищ с примыкающими хозяйственными и подсобными помещениями.

В XII — нач. XIII вв. начала окончательно складываться жилая схема, послужившая образцом для строительства на территории Хорезма, ставшего центром могущественного государства Хорезмшахов. Каваткалинский оазис отличался усовершенствованными жилыми постройками с четко продуманной во всех деталях планировкой, богатым декором, порою с каптар-ханой с ее ячеистыми стенами, кладовыми-телеками на втором этаже и своеобразными подъемами наверх — все это дает сведения и представления о планировке хорезмских средневековых феодальных замков. Отличительными особенностями архитектуры средневековых усадеб являлся расположенный в центре каждого из замков обширный двор с окружающими помещениями по периметру.

Многолетние археологические раскопки на Джанпык-кале также дали важную информацию о средневековом градостроительстве Правобережного Хорезма (*Доспанов*, 1996).

Несмотря на то, что С. П. Толстов обнаружил следы античной кладки в основании стен Джанпык-калы, он датировал памятник XII–XIV вв. (*Толстов*, 1948. С. 168). Продолжавшиеся многолетние стационарные раскопки подтвердили эту датировку. Помимо торговых интересов страны (Кят продолжал в это время оставаться столицей и крупным транзитным пунктом международной торговли), важна была организация ее обороны — и Джанпык-кала возникла в выгодном в стратегическом отношении месте и была достаточно плотно застроена.

Помимо этого, раскопки выявили четыре культурных слоя Джанпык-калы, соответствующих трем хронологическим периодам жизни на городище, каждый из которых, за исключением самого раннего, характеризуется археологическим материалом.

К самому важному периоду обживания городища относятся верхние слои до начала 2 слоя, датируемые XIII–XIV вв., отличающиеся хорошей сохранностью архитектурных строений без игнорирования правил строительной техники. Но порой направление стен становится произвольным, а в кладке используется весь подручный материал: фрагменты жженого кирпича, необработанные камни, гальки-гуваляки, куски пахсы, фрагменты керамики или же античный крупноформатный кирпич-сырец — причем вся эта масса встроена в беспорядке. В разрезе хорошо просматривается внешняя сторона одной из таких стен, которая пересекает разрез почти по всей его ширине волнообразной линией и образует закругленный угол.

Начало нижнего 3 слоя соответствует другой хронологической эпохе — XII — началу XIII в. Архитектурные строительные остатки, видимые в данном разрезе, немногочисленны: это фрагмент стен, сложенный из крупных плоских необработанных камней сланцевой породы, высотой до 50 см, в котором отчетливо выражены два уровня полов.

Обсуждая вопрос градостроительства на примере Джанпык-калы, считаем обоснованным указать на приемы и методы строительства, в результате исследования которых было прослежено три периода интенсивного обживания городища. Помещения частично перестраивались и ремонтировались. В строительстве применялись жженные кирпичи размером $28 \times 28 \times 4$ см и $25 \times 25 \times 4$ см, положенные на песчаную подсыпку. Культурный слой во всех раскопках составлял от 0,15 до 0,95 м. Кроме того, порой при возведении стен в помещениях для подкладки и укрепления их основания применяли фрагменты сероглиняной керамики, среди которых преобладают ручки кувшинов, невысоко поднимающиеся над горловиной. Для стен также широко использовался подручный материал — крупные необработанные камни.

Работы на раскопе 1–4 открыли жилой квартал (**рис. 1, Р. 1–4**). Застройка осуществлялась «полого понижающимся» типом с учетом рельефа местности. Основания стен заложены из необработанных камней сланцевых пород, часто в один ряд. Стены выложены из сырцовых кирпичей, в основном с размерами $25 \times 25 \times 4–5$ см.

Западная часть городища (**рис. 1, Р. 5–7**) имеет значительное отличие в системе вскрытых помещений; четко прослеживается планировка жилого комплекса, внутри которого можно выделить многочисленные компактно расположенные дома с вымощенными улицами и дворами, а также с центральной канализационной системой. Подобные планировки домов датированы золотоордынскими периодами XIII–XIV вв. (*Неразик*, 1976. С. 95–191). Среди них обращает на себя внимание домашняя баня горожанина (пом. 10). Такое сооружение в Хорезме зафиксировано не впервые: так, в сельских поселениях Кават-калы, Шехрлика (*Вактурская*, 1963. С. 83), в Куны-Ургенче (*Вактурская*, 1952. С. 479) были открыты ванные комнаты. Несомненно, это остатки квартальной бани, сооруженной для зажиточных слоев городского населения.

Раскопки жилых кварталов западной части выявили изменение форм и назначения очагов. Их количество и размеры становятся гораздо большими по сравнению с помещениями у южной крепостной стены — вероятно, они стали служить не только для приготовления пищи, но и для отопления. Практически во всех помещениях домов существуют т. н. сандалы, заменившие земляной очаг. Сандалы с перегородками служили для хранения золы. К сожалению, нам не удалось зафиксировать наличие светодымовых отверстий и их характерность, однако их присутствие не исключено.

Остаются сложности в прослеживании интенсивности обживания западной территории Джанпык-калы в XII–XIV вв., создающие большие трудности в четком разделении прослоек между двумя этими горизонтами, так как последние строительные горизонты были практически слиты с ранними слоями и в большей степени оставались разрушенными в эпоху Золотой Орды.

Более скрупулезное сравнение застройки восточной и западной частей Джанпык-калы по культурным слоям XI — начала XIII в. и XIII–XIV вв. показывает связь динамики градостроительства с экономическим благосостоянием населения. В золотоордынских слоях отчетливо вырисовывается картина наибольшего спада: помещений теряют четкое назначение, отсутствует изящно выложенная кирпичная кладка, больше используется местный необработанный камень — амфиболит. Ремесленные помещения порой оказываются внутри жилого квартала и не имеют определенных разграничений.

Однако, несмотря на это, постепенно стала складываться традиционная форма жилища, характерная для XII–XIV вв. и присущая именно народам, проживающим на побережье Амударьи. О. Г. Большаков пишет: «Археологически зафиксировано интенсивное строительство в XI–XII вв. крепостей на границах оазиса и возникновение новых городов. Впрочем, размеры последних очень невелики. Из всех этих городов (Гульдурсун, Кават-кала, Дауда-кала, Джанпык-кала) только Гульдурсун может быть назван городом, остальные — крепости. Городище Шахрлик, отождествляемое с Яны-шехром, занимает 15 га и не имеет укреплений, Ярбекир-кала — крохотный городок (4,8 га) на территории античного поселения» (*Беленицкий и др.*, 1973. С. 176).

Характер расселения крупными компактными поселками, планировка жилищ дают основания полагать, что ирригационная система Хорезма во второй половине XIII в. уже в большей своей части была восстановлена: такие города, как Джанпык-кала, Кят, Гульдурсун и Миздахкан, продолжают процветать, а в середине XIV в. наблюдается новый расцвет экономической жизни (*Вактурская*, 1963. С. 115).

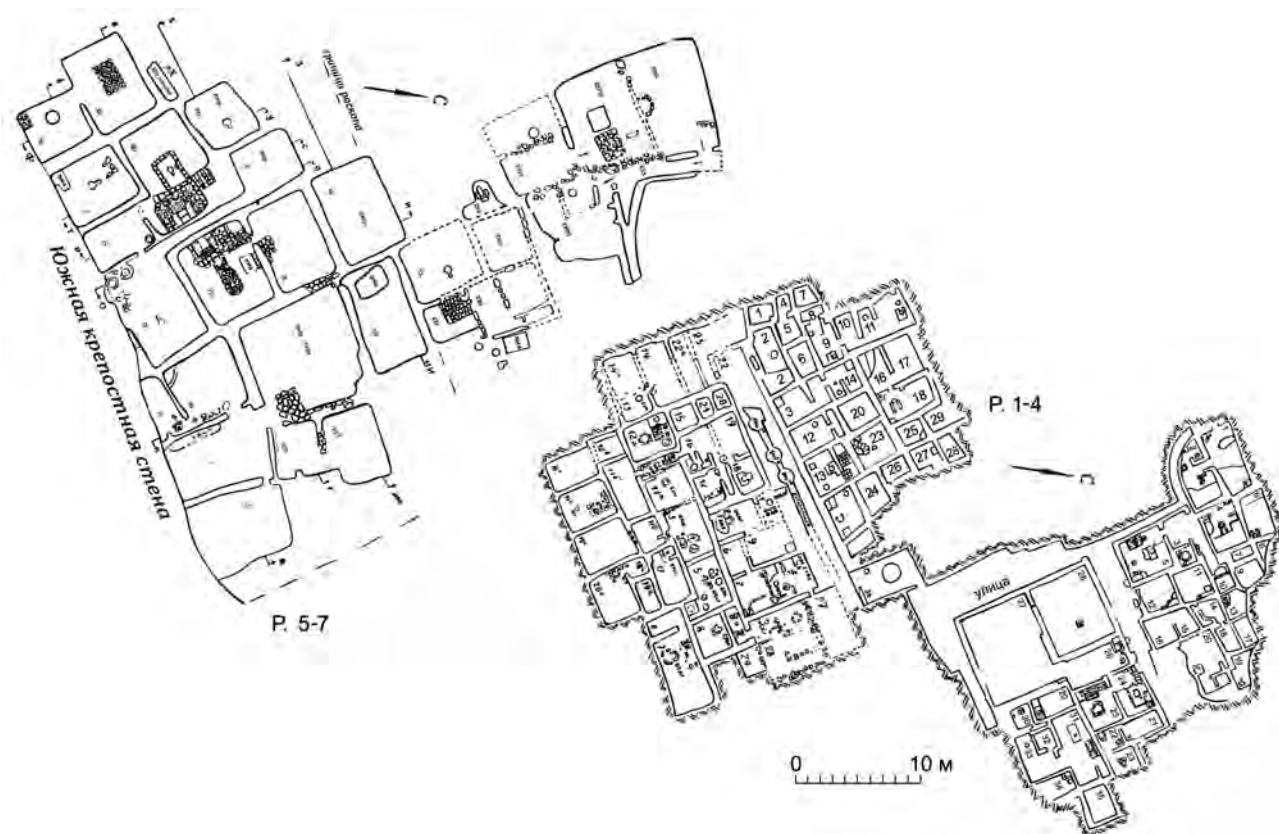

Рис. 1. Джанпык-кала, средневековые жилые кварталы: *P. 1–4* — квартал у южной крепостной стены (XI–XIII вв.); *P. 5–7* — квартал у западной крепостной стены (XIII–XIV вв.), общественные сооружения с городской канализацией и мощеными улицами: 1 — дневная поверхность; 2 — 8-образный очаг; 3 — кирпичная кладка; 4 — нескрытая поверхность; 5 — гравий, выходы пород; 6 — кладка из рваного камня; 7 — выступы пола из шлифованного камня; 8 — сырцовые кирпичи; 9 — жженный кирпич; 10 — углубления от круглых очагов; 11 — круглые очаги (*тандыры*)

Fig. 1. Janpyk-kala, medieval residential quarters: *P. 1–4* — quarter near the southern wall (11th — 13th centuries); *P. 5–7* — quarter near the western wall (13th — 14th centuries), public structures with urban drainage and paved streets: 1 — buried surface; 2 — 8-shaped hearth; 3 — brickwork; 4 — uncovered surface; 5 — gravel, rock outcrops; 6 — masonry of rubble stone; 7 — jumps of polished stone floor; 8 — mud bricks; 9 — burnt bricks; 10 — depressions from round hearths; 11 — round hearths (*tandoors*)

Итак, имеющиеся материалы раскрывают сложный путь развития градостроительства в Правобережном Хорезме в эпоху Хорезмшахов. Структура и размеры застройки не были стабильны: наблюдалась как реставрация крупных большесемейных общин, так и их распад на меньшие ячейки. Эти колебания во многом объяснялись переменами в политической и социально экономической обстановке (Доспанов, 2022. С. 150–161).

На месте бурной, насыщенной внутренними междоусобицами и вторжениями извне эпохи раннего средневековья (VII–VIII вв.) в XII — начале XIII в. наступил период подъема благосостояния населения в стране, сделавшейся центром обширной империи Хорезмшахов.

Беленицкий и др., 1973 — Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука. ЛО, 1973. 176 с.

Вактурская, 1952 — Вактурская Н. Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городе Шемаха-кала Туркменской ССР // ТХАЭЭ. 1952. Т. I. С. 173–192.

Вактурская, 1963 — Вактурская Н. Н. О средневековых городах Хорезма // МХЭ. 1963. Вып. 7. С. 41–53.

Гулямов, 1957 — Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма. Ташкент: Изд-во АН Узбекской ССР, 1957. 314 с.

- Доспанов, 1993 — Доспанов О. Т. Эйиемги Гүлдирсин қаласы. Нөкис: Қарақалпақстан, 1993 (на каракалпак. яз.).
- Доспанов, 1996 — Доспанов О. Т. Материальная культура городов Правобережного Хорезма в эпоху средневековья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Нукус, 1996. 30 с.
- Доспанов, 2013 — Доспанов О. Т. Кават-кала — уникальный памятник Средневековья // ИАТ. 2013. № 1. С. 125–133.
- Доспанов, 2022 — Доспанов О. Т. Сведения о политическом обустройстве средневекового Хорезма из монетных данных городища Джанпык-кала // История и археология Приаралья. 2022. № 3. С. 150–161.
- Ибрагимов, 1988 — Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: ГРВЛ, 1988. 128 с.
- Неразик, 1976 — Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). Из истории жилища и семьи. Археолого-этнографические очерки. М.: ГРВЛ, 1976 (ТХАЭЭ. Т. IX). 256 с.
- Неразик и др., 1975 — Неразик Е. Е., Савицкий И. В., Маньлов Ю. П. Раскопки в зоне средневекового канала Гавхорэ в 1971 г. // Вестник Каракалпакского филиала Академии Наук Узбекской ССР. 1975. № 4. С. 55–61.
- Толстов, 1948 — Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с.

Problems of the urban development in the medieval towns and settlements of Right-Bank Khorezm (on the study of the towns of the Southern Aral Sea area)

Oktyabr T. Dospanov²

Annotation. *The author examines the evolution of the urban development in Right-Bank Khorezm in the Middle Ages, primarily on the materials excavated at the site of Janpyk-Kala (12th — 14th centuries). The stratigraphy of the settlement allows tracing the change of construction techniques, features of layout and decoration in connection with the history of the region — from the heyday of the Khorezmshahs' state to the decline after the Mongol conquest and a new rise.*

Keywords: *Amu Darya, Khorezm, city, Big Guldursun, Janpyk-Kala, Kath, Mizdahkan*

² Oktyabr T. Dospanov — I. V. Savitsky Karakalpak State Art Museum, Nukus, Republic of Uzbekistan; e-mail: oktyabrd@gmail.com; ORCID: 0009-0001-4719-1137.

Сообщение о миграции кочевых тюркских племен в сочинении Мухаммада ибн Наджиба Бакрана «Джахан-наме»¹

Д. М. Тимохин²

Аннотация. Проблема миграции кочевых тюркских племен восточного Дешт-и Кыпчака в домонгольский период привлекала значительное внимание исследователей, однако далеко не все письменные источники по этой проблеме были в равной мере востребованы специалистами. Автор обращает внимание на сравнительно поздний памятник — «Джахан-наме» Мухаммада ибн Наджиба Бакрана. Это историко-географическое сочинение интересно не только самими сведениями о миграции кочевых тюркских племен, но и своей связью с более ранними мусульманскими историческими и географическими текстами.

Ключевые слова: кочевые тюркские племена, Дешт-и Кыпчак, «Джахан-наме», Мухаммад ибн Наджиб Бакран

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-373-375

Сочинение Мухаммада ибн Наджиба Бакрана «Джахан-наме» относительно давно известно специалистам, о чем уже подробно рассказал во введении к изданию текста этого памятника Ю. Е. Борщевский (*Джахан-наме*, 1960. С. 3–5). Однако оно в большей степени интересовало специалистов по истории Хазарии (*Новосельцев*, 1990. С. 21), тогда как обширный раздел по истории кочевых тюркских племен, хоть и был переведен А. А. Ромаскевичем (*Материалы*, 1939. С. 349–350), а также частично З. Н. Ворожейкиной (*Материалы*, 1973. С. 50), так и не стал объектом специального изучения, не говоря уже о том, чтобы соотносить содержащиеся в нем сведения с более ранними памятниками арабо-персидской историографии. Ниже мы постараемся обозначить основные направления миграции кочевых тюркских племен, о которых сообщает Мухаммад ибн Наджиб Бакран, и связать эти данные со сведениями других мусульманских авторов.

Прежде всего отметим, что данный фрагмент был отмечен уже Ю. Е. Борщевским в издании рукописи источника: «В четырнадцатой главе (л. 16б) говорится о переселении берберов и тюркских племен гуз, мангышлак, языр и халлух с мест своих прежних кочевий на новые места. В этой же главе приведено интересное описание Китая (л. 17а)» (*Джахан-наме*, 1960. С. 20–21). Стоит уточнить, что этот рассказ расположен все-таки на листе 17а и 17б, однако в нем действительно упомянуты четыре тюркских племенных союза: гуззы (غن), мангышлак (منقشلاق), йазыры (يزر) и халаджи (خلج) (*Там же*. Л. 17а–17б). О первых автор сообщает следующее: «Изначальным местом обитания гуззов был Тараб (تاراب) и море Дженда по обе стороны реки Чач. После того одно из их племен по неизвестной причине удалилось от них в пределы Хамллана³ (حملان/حملن), а это один из регионов Балха, и поселились там в эпоху султана благодетеля Санджара ибн Мелик-шаха, да осветит Аллах его мавзолей⁴. После этого в году 547 хиджры (1153–1154 гг. Р. Х. — Д. Т.) они покинули эти места и вторглись в Хорасан, а оттуда ушли в пределы Кермана, да уничтожит Аллах их остатки!» (*Там же*.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00736 «Дешт-и Кыпчак и сопредельные оседло-земледельческие территории X–XIII вв.: опыт изучения взаимодействия культур (на материале письменных источников)» (<https://rscf.ru/project/23-28-00736>).

² Дмитрий Михайлович Тимохин — Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: horezm83@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9093-5269.

³ В переводе А. А. Ромаскевича данный топоним дан как «Хутгалан» (*Материалы*, 1939. С. 349).

⁴ «И там поселился вплоть до времени султана Шахида Санджара ибн Мелик-шаха Нур ад-Дина Зериха» (*Материалы*, 1973. С. 50).

Л. 17а). Миграция гуззов в Керман, очевидно, связана с событиями, произошедшими в Хорасане после «огузской смуты» 1153–1156 гг., и фиксируется в памятниках «локальной историографии» Кермана. Как отмечает Мухаммад ибн Наджиб Багран, в эти земли ушла некоторая часть гуззов, которых, в свою очередь, Афзал ад-Дин Кермани маркирует как «кара гуззы» (подробнее см.: Тимохин, Тишин, 2024. С. 8–19).

Весьма любопытны сведения «Джахан-наме» о племени «мангышлак», чье существование подтверждается сведениями из более ранних текстов (Толстов, 1948. С. 14). Их приход в земли Мангышлака Мухаммад ибн Наджиб Багран объясняет враждой между ними и упомянутыми выше гуззами (*Джахан-наме*, 1960. Л. 17а). Кроме того, стоит обратить внимание, что в пределах Мангышлака, согласно данным этого автора, обитала и какая-то часть племени «йазыры», которые ушли отсюда и присоединились к другим частям того же племенного союза, после чего вторглись в Хорасан. Подобное деление единого племенного союза у А. А. Ромаскевича переведено как «собственно языры, языры мангышлакские и языры фаррские» (*Материалы*, 1939. С. 349), однако этот фрагмент можно перевести и таким образом: «Теперь они включают в себя три племени: настоящие языры (يزير خاس), мангышлаки (منقشلاغي) и барси (بارسى)» (*Джахан-наме*, 1960. Л. 17а). Гораздо важнее, впрочем, что Мухаммад ибн Наджиб Багран приводит ценнейшие сведения о структуре тюркских племенных объединений, зачастую отсутствующие в большинстве других исторических и географических сочинений мумульманской письменной традиции.

Четвертым тюркским племенным объединением, о переселении которого существуют сведения в «Джахан-наме», являются «халаджи» — и здесь нам хотелось бы процитировать фрагмент целиком: «Халадж (خلج). Тюркское племя. Из пределов Халаха (خلخ) в пределы Забулистана (زابليستان), а отсюда — в окрестности Газны (غزنى) прибыло, где нашли пустынное место и поселились в нем. Однако вследствие жаркого климата в этом месте их цвет лица почернел, также изменился их язык и стал другим. Одно из их племен ушло в пределы Баверда (باورد) и остались жить в Дерегезе (درگز). И халлухов люди ошибочно называют халаджами» (*Там же*. Л. 176). Следует признать оригинальными сведения об изменении внешнего облика и языка халаджей, равно как и обратить внимание на то, что Мухаммад ибн Наджиб Багран четко обозначает тот факт, что «халлухи» и «халаджи» представляют собой разные племенные объединения, которые ошибочно считаются его современниками одним и тем же племенным союзом.

Подводя итоги, стоит отметить, прежде всего, весьма ценные сведения «Джахан-наме» о маршрутах миграции упомянутых выше тюркских племенных объединений. В большинстве случаев автором отмечены как причины, приведшие к подобным миграционным процессам, так и окончательное место расселения кочевников. Особо следует выделить рассказ о гуззах, который находит свое подтверждение в более ранних памятниках мусульманской историографии XII в., а их миграция в Керман требует, с нашей точки зрения, дополнительного специального изучения, которое, мы надеемся, удастся осуществить в будущем.

Джахан-наме, 1960 — Мухаммад ибн Наджиб Багран. *Джахан-наме* (Книга о мире) / Издание текста, введение и указатели Ю. Е. Борщевского. М.: Изд-во восточной литературы, 1960 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. X). 166 с.

Новосельцев, 1990 — Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.

Материалы, 1939 — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники / Под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939 (ТИВ. XXIX). 612 с.

Материалы, 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I / Отв. ред. В. А. Ромодин. ГРВЛ, 1973. 280 с.

Тимохин, Тишин, 2024 — Тимохин Д. М., Тишин В. В. Маркер кара в тюркской этнонимике XII в. // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12/1. С. 8–19.

Толстов, 1948 — Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с.

A report on the migration of nomadic Turkic tribes in the «Jahan-name» by Muhammad ibn Najib Bakran

Dmitrii M. Timokhin⁵

Annotation. *The problem of the migration of nomadic Turkic tribes of eastern Desht-i Qipchak in the pre-Mongol period attracted considerable attention of researchers, but not all written sources on this problem were equally demanded by specialists. The present author draws attention to a relatively late monument — «Jahan-name» by Muhammad ibn Najib Bakran. This historical and geographical work is interesting not only for its information about the migration of nomadic Turkic tribes, but also for its connection with earlier Muslim historical and geographical texts.*

Keywords: *nomadic Turkic tribes, Desht-i Qipchak, «Jahan-name», Muhammad ibn Najib Bakran*

⁵ Dmitrii M. Timokhin — Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russian Federation; e-mail: horezm83@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9093-5269.

Символы власти в государстве Хорезмшахов-Ануштегинидов

Д. Текаев¹

Аннотация. *Держава Хорезмшахов-Ануштегинидов, входившая в число наиболее развитых и передовых государств своей эпохи в культурном, экономическом и военном отношении, имела собственные символы власти — как и другие государства мусульманского мира. Автор, основываясь на источниках и критически рассмотренной научной литературе по истории Хорезмшахов-Ануштегинидов, систематизирует сведения об этих символах.*

Ключевые слова: *Хорезмшахи-Ануштегиниды, символы власти, духовные и материальные основы*

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-376-378

Турецкий историк А. Танери в своем труде «Хорезмшахи» разделил символы власти на имеющие духовную и материальную основу. Первые включали титулы правителя и хутбу, вторые — чеканку монет (зикке), трон и корону, дворец и шатер, товки и печать, одеяние правителя, флаг, седло, пояс и меч (*Taneri, 1993. S. 98*).

Титулы и прозвища. Каждый правитель государства Хорезмшахов имел особые звания и прозвища. В трудах Рашид ад-Дина Ватвата (1081–1178) упоминались титулы и прозвища Атсыза (1128–1156): «Великий правитель, справедливый, ученый, гордость религии и великий человек мира, нерушимый столп ислама и всех мусульман, победитель правителей, венец мира и религии Абулмузаффар Атсыз ибн Мухаммед» (*Reşideddin Watwat, 2018. S. 61–62, 64*).

По сведениям Рашид ад-Дина Ватвата, прозвищами Иль-Арслана (1156–1172) были «великий правитель, справедливый, ученый, гордость мира и религии», а также «Абулфатх Иль-Арслан ибн Хорезмша, нерушимый столп ислама и мусульман, победитель султанов, венец мира и религии» (*Ibid. S. 53*).

Хорезмшах Текеш (1172–1200) первым из правителей династии упоминается как «султан», доказательство этому — надпись на одной из найденных монет (*Artuk, Artuk, 1974. S. 429–431*). У Рашид ад-Дина Ватвата хорезмшах Текеш султаном не назван, но представлен как «великий правитель, справедливый, ученый, гордость мира и религии, нерушимый столп исламской религии и мусульман, победитель» и «правитель Хорезма, царь вселенной, гордость религии и мира, покровитель народа и мусульман, близкий сторонник правителей и султанов, нерушимый столп нации, яркая звезда уммы, венец главы народа, правитель Машрыка и Магриба, Ирана и Турана Абу Музаффар Текеш ибн Малик Азам Иль-Арслан» (*Reşideddin Watwat, 2018. S. 51*).

Сын хорезмшаха Текеша Ала ад-Дин Мухаммед (1200–1220) в свое время заменил прозвище «Кутб ад-Дин» на отцовское «Ала ад-Дин». В 1210 г. после победы над каракитаями в битве при Уламыше он получил прозвище «Искендери Саны» (Второй Александр). А. Танери также отмечал, что у него имелись титулы «Алп» и «Великий» (*Taneri, 1993. S. 99*).

Если говорить о титулах последнего правителя Хорезмшахов, султана Джалал ад-Дина (1220–1231), то он не пользовался титулами и прозвищами своего отца Мухаммеда. Багдадские халифы Насир (1186–1225) и Мустансир (1226–1242) обращались к Джалал ад-Дину с титулами «хакан» и «шахиншах» (*Ibn Esir, 2005. S. 352*). На монетах Джалал ад-Дина значилось прозвище «ас-султан ул-азам Джалал ад-дунья ва ад-дин» (*Taneri, 1993. S. 99–100*).

¹ Динмухаммет Текаев — Туркменский государственный педагогический институт им. Сейитназара Сейди, Туркменабат, Туркменистан; e-mail: dinmuhammettekeyew@gmail.com; ORCID: 0009-0006-5571-3472.

Хутба. Как и в других мусульманских государствах средневековья, хутба в государстве Хорезмшахов-Ануштегинидов имела большое политическое значение: в ней были полностью перечислены все титулы и прозвища правителя. В хутбе, читаемой после праздничной молитвы и перед пятничной молитвой, зачитывались имена Багдадского халифа и затем правителя страны. Во многих странах и областях, правители которых по тем или иным причинам стали вассалами Хорезмшахов, читали хутбу и чеканили монеты с именем последних (Буниятов, 1986. С. 108).

Зикке — чеканка монет. После того, как правитель овладевал каким-либо регионом, его имя произносилось в проповеди перед пятничной молитвой и от его имени чеканились монеты. З. М. Буниятов считал чеканку монет доказательством и признанием высокого авторитета правителя. Атсыз считался первым из Хорезмшахов, отчеканившим монеты от своего имени. При Иль-Арслане монеты впервые были отчеканены в Нишапуре в 1167 г., монеты с именем султана Текеша — в Бухаре и в 1195 г. в Кермане (Там же. С. 109).

В своих трудах средневековые историки не оставили подробных сведений о монетах, выпущенных в честь правителей государства Хорезмшахов, но этот пробел компенсируется археологическими и нумизматическими данными.

Трон и корона. Можно предположить, что трон и корона Хорезмшахов, считавшихся наследниками Великой Сельджукской империи на Ближнем и Среднем Востоке, были аналогичны трону и короне сельджукских правителей. Труд историка Рашид ад-Дина (1247–1318) под названием «Джами ат-таварих» содержал миниатюры, изображающие трон и корону сельджукских султанов. В 1194 г., после убийства Тогрула III, султана сельджукского Ирака, на трон в Хамадане взошел султан Текеш (Indirkas, 2002. S. 137–141).

Дворец и шатер. В государстве Хорезмшахов-Ануштегинидов дворцы и шатры являлись символами власти, предназначенными для проведения собраний, церемоний и официальных приемов. Сведений о дворце мало, но сохранились некоторые данные о шатре. Для правителей, отправлявшихся в поход или же с государственным визитом, воздвигался специальный шатер, в котором проводились официальные встречи. Историк Мухаммед ан-Насави (ум. в 1249/50) упоминает, что шатер султана Джалал ад-Дина был зонтикообразным (Nesewi, 2001. S. 347).

Товки и печать. Товки — это запечатанная запись указов, решений и приказов правителя. Султан Мухаммед спасся от преследовавших его монголов и раздал товки всем, кто помогал ему, принося ему еду или что-то еще, на острове Абескун в Каспийском море (Ibid. S. 92).

Халат правителя. Одежду с написанными на ней именем и прозвищами правителя, вытканную в цвете символа рода, называли халатом. В исторических источниках употребляются термины «халат» и «серпай». А. Танери отмечал, что халат давали также государственным чиновникам и послам (Taneri, 1993. S. 108).

Флаг. В государстве существовало несколько типов флагов: государственный флаг, флаг правителя и боевые флаги. Флаг правителя знаменосец носил в путешествиях, походах и в бою. Во время битвы при Исфахане в 1228 г. султан Джалал ад-Дин убил копьём одного из своих знаменосцев при попытке бегства (Nesewi, 2001. S. 259) — этот эпизод наглядно демонстрирует важность флага.

Седло, пояс и меч. В государстве Хорезмшахов седло, пояс, меч и кольцо также были символами власти. Седло хорезмшахских лошадей украшались драгоценными камнями и назывались «гашие». Когда султан Мухаммед находился на острове Абескун, он назначил преемником своего старшего сына Джалал ад-Дина, символически повесив ему на пояс свой султанский меч (Ibn Esir, 2005. S. 106). Пояс султана Джалал ад-Дина был украшен драгоценными камнями (Taneri, 1993. S. 111).

Как видно из вышеизложенного, в государстве Хорезмшахов-Ануштегинидов, как и в других государствах разных эпох, имелись символы власти, различавшиеся по своим характеристикам.

Буниятов, 1986 — Буниятов З. М. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов (1097–1231). М.: ГРВЛ, 1986. 247 с.

Artuk, Artuk, 1974 — Artuk I., Artuk C. İstanbul Arkeoloji Müzeleri teşhirdeki İslâmî sikkeler katalogü. Cilt I. Ankara: Millî Eğitim Bakanlığı, Eski Eserler ve Müzeler Genel Müdürlüğü, 1974. 769 s.

Ibn Esir, 2005 — *Ibn Esir*. Kämil taryh. III jilt. Aşgabat: Miras, 2005. 296 s.

Indirkaş, 2002 — *Indirkaş Z.* Türkler’de Hükümdar Tacı Geleneği. Ankara: Kültür Bakanlığı, 2002. 141 s.

Nesewi, 2001 — *Nesewi M.* Soltan Jelaleddin Meñburnuň ömür beýany. Aşgabat: Ruh, 2001. 652 s.

Reşideddin Watwat, 2018 — *Reşideddin Watwat*. Danalaryň daýanjy. Aşgabat: Ylym, 2018. 321 s.

Taneri, 1993 — *Taneri A.* Harezmsahlar. Ankara: Türkiye Diyanet Vakfı, 1993. 196 s.

Symbols of power in the Khorezmshah-Anushteginid state

Dinmuhammet Tekayew²

Annotation. *The power of the Khorezmshahs-Anushteginids, one of the most culturally, economically and militarily advanced states of their era, had their own symbols of power, just like other realms of the Muslim world. The present author, based on the sources and critically reviewed scientific literature on the history of the Khorezmshahs-Anushteginids, systematises the information about these symbols.*

Keywords: *Khorezmshahs-Anushteginids, symbols of power, spiritual and material foundations*

² Dinmuhammet Tekayew — Seyitnazar Seydi Turkmen State Pedagogical Institute, Turkmenabat, Turkmenistan; e-mail: dinmuhammettekayew@gmail.com; ORCID: 0009-0006-5571-3472.

К проблеме отражения этнокультурных процессов в музыкальной культуре Центральной Азии (раннее и развитое средневековье)

А. Б. Джумаев¹

Аннотация. В докладе рассматриваются две взаимосвязанные тенденции в развитии музыкальной культуры в городах Центральной Азии в раннем и развитом средневековье — сосуществование музыкальных традиций разных этносов и их объединение в рамках общемусульманской культуры. Многообразию этнических традиций способствовала квартальная структура города. Наблюдались унификация интонационно-мелодического материала в культовой практике ислама (азан, рецитация Корана) и противоположные ей идеи суфийских мыслителей. В XIV и последующих веках усиливается взаимодействие персидской и тюркской традиций.

Ключевые слова: Центральная Азия, город, музыка, этнические традиции

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-379-382

В раннем и развитом средневековье в музыкальной культуре городов Центральной Азии наблюдаются две внешне противоположные тенденции: (1) одновременное существование в одном культурном пространстве музыкальных традиций различных этносов и народов; (2) стремление выработать общие художественно-эстетические принципы и каноны для объединения этих традиций в рамках единого общемусульманского искусства высокого стиля — *макамат*.

Первая тенденция ярко проявилась уже в начальный период сложения городской исламской цивилизации. В бурном росте городов в VIII–XII вв. заметную роль играл приток разнородного по этническому составу населения. В кварталах компактно проживали разные этносы, не смешиваясь друг с другом. В Багдаде IX в. в отдельных кварталах расселились тюрки, хорасанцы, арабские племена, хорезмийцы, бухарцы, выходцы из Мерва, Балха, Ферганы и других городов Центральной Азии (см.: *ал-Йа ‘куби*, 2011. С. 16–32). Среди горожан были и «отличнейшие певцы» (*Там же*. С. 17). Сходную картину, но со следами значительной трансформации, мы видим тысячелетие спустя в квартальной структуре позднесредневековой Бухары (*Сухарева*, 1976).

Обильный археологический материал, подкрепленный письменными источниками, позволяет говорить о существовании в доисламский период в раннем средневековье в Средней Азии различных этнических музыкальных практик с богатым инструментарием. Идентифицированы греческие и индийские инструменты, китайская пипа, «согдийский барбат» (*барбат-и Сугди*), «мавераннахрский барбат» (*барбат-и мавараннахри*), арабский уд, тюркский кобыз и ударные инструменты и многое другое. Географы и историки IX–XI вв. подмечали особенности музыки разных народов уже в первые века распространения ислама в Хорасане и Средней Азии. В процессе покорения Средней Азии арабы знакомятся с боевыми ударными инструментами («барабанами») тюрков (*Джумаев*, 2015. С. 661).

Условия квартального проживания в городах способствовали сохранению каждым народом своих аутентичных музыкальных традиций. Этническое многообразие музыки считалось естественным признаком городского общества. Впервые оно, по всей видимости, было отмечено «Братями

¹ Александр Бабаниязович Джумаев — Научно-исследовательский институт культурологии и нематериального культурного наследия Министерства культуры Республики Узбекистан, Ташкент, Республика Узбекистан; e-mail: adjumaev@yahoo.com; ORCID: 0000-0003-0528-2564.

чистоты» (Ихван ас-Сафа, середина X в.). Одна из глав их «послания» (*рисала*) о музыке начинается с обобщающего «тезиса»: «Знай, о брат мой, — да поможет Аллах тебе и нам духом, от него исходящим! — [...] что у каждого народа человечества имеются свои песни (*алхан*) и мелодии (*нагамат*), которые доставляют ему наслаждение и радость, не вызывая наслаждения и радости у других» (Ихван ас-Сафа, 1887. С. 93; Ихван ас-Сафа, 1957. С. 196). К ним относятся песни (*гина*) жителей Дайлама, тюрков (*атрак*), арабов, курдов (*акрад*), армян, эфиопов, персов, румов и других (Ихван ас-Сафа, 1887. С. 93; Ихван ас-Сафа, 1957. С. 196)². Основы и правила арабского пения и его мелодий не касаются других народов — фарсидских, румийских (*румиййа*), греческих (*йунаниййа*), — у которых имеются свои установления (Ихван ас-Сафа, 1957. С. 228)³.

Иначе дело обстояло с «музыкальным материалом», применяемым в культовой практике. Уже в IX в. мусульманские теологи вводят в свои труды указания о необходимости следовать при исполнении исламских культовых форм (азана и рецитации Корана) нормам, основанным на интонациях арабского языка и «арабской мелодии». Призыв к молитве в форме азана получает юридическое обоснование с учетом отличий от звуковых практик других вероисповеданий (колокол у христиан, труба у иудеев и т.д.) (см.: *Сахих аль-Бухари*, 2003. С. 155; *Шайх Самарканди*, 1896, II. С. 77; *Джумаев*, 1992. С. 25). В комментарии «на полях» (*хашийа*) к хадису известного хадисоведа Имама ат-Тирмизи (824/25–892) о категории *хасана ас-савт* («красивый голос») содержится ссылка на хадис о чтении Корана «на мелодии арабов» (*ат-Тирмизи*, 1981. Л. 766)⁴. Действует установка на преодоление интонационно-мелодического и «этноинтонационного» разнообразия в важнейшей для государства идеологической сфере — исполнении исламских культовых ритуалов⁵. На музыкальное искусство вне религиозной практики эти предписания не распространялись.

Противоположную ортодоксам точку зрения на интонационно-мелодическое оформление культовой исламской практики занимали суфийские мыслители. Некоторые из них развивали идею о равнозначности способов «обращения» к единому Богу в разных религиях. Таково известное рубаи шейха хорасанской школы суфизма Абу Са'ида Абу-л-Хайра Майхани (967–1049) (*Абу Са'ид Абу-л-Хайр*, 1994. С. 37):

Зашел я как-то в храм (*калсийа*) христиан и иудеев,
Увидел: все говорят и слушают, вспоминая о Тебе.
С мыслью о любви к Тебе оказался я в кумирне (*бутхана*),
Но и там четки (поклонников) идолов (звучали) тихим напевом (*замзама*) любви к Тебе.

Уже в ранний период в осмыслении музыкальных практик других народов доминировал региональный подход, обобщавший внутреннее этническое многообразие. Авторы отмечали регионы Хорасана, Мавераннахра, Индии, либо выделяли общие стили — *арабийя*, *харасанийя*, *фарсийя* (*'аджам*), *мавараннахрийя*. Научное описание региональных особенностей музыки (прежде всего высокого стиля) впервые проводит Абу Наср ал-Фараби. Он включает в свою «Большую книгу о музыке» большое количество примеров этнических традиций, иногда ассоциируемых с конкретными городами. Среднеазиатская музыкальная специфика осознавалась как региональный тип, связанный с собственными жанрами и инструментами. Кай-Кавус (XI в.) со-

² Курды (*акрад*) упомянуты в литографическом издании «Ихван ас-Сафа» (Ихван ас-Сафа, 1887. С. 93).

³ Приведенные фрагменты известны также в переводе А. В. Сагадеева (см.: *Музыкальная эстетика*, 1967. С. 262–276).

⁴ Осознавалось различие между видами «арабских мелодий». Ваджид Али-хан (XIX в.), составитель энциклопедии «Матла'ал-улум ва маджма' ал-фунун», замечает: «Чтение достославного Корана с естественными мелодиями арабов и с учеными мелодиями не одобряется и запрещено (*Тилават-и Калам-и маджид ба алхан-и таби'йи-и ахл-и 'араб ва ба алхан-и та'лими макрух ва харам аст*)» (Ваджид Али-хан, 1908. С. 330).

⁵ Примечательный случай приведен А. Мецом: «В 273/886 г. в некоторых мечетях египетской столицы, но еще не в соборной мечети, Коран распевали на разные мелодии, что было запрещено направленным туда ортодоксальной реакцией кади» (Мец, 1973. С. 277).

общает о «мавераннахрских дубайтах» (*дубайтихаи Мавараннахри*), в которых воспеваются ведение войны, пролитие крови и поиск приключений (*Кай-Кавус*, 1983. С. 143). Поэт Манучихри Дамгани (ум. в 1041 г.) пишет о «мавераннахрском напеве» (*рах-и Мавараннахри*), «мавераннахрской песне» (*суруд-и Мавараннахри*) и «персидской песне» (*суруд-и парси*) (*Манучихри Дамгани*, 1991. С. 69, 117).

Подобные сведения, количество которых достаточно велико, позволяют сделать вывод о том, что в ранний исламский период складывается некая музыкальная «оппозиция», которую можно обозначить как столкновение «персидских» и «мавераннахрских» традиций. Рядом с ней «взаимодействуют» и другие «пары» традиций: арабская и персидская, арабская и харасанская. А несколько позже — с XIII в., в XIV и XV вв. — значительно усиливается музыкальная традиция тюркских народов, временами вступая в глубокий синтез с уже существующими «предшественницами», и в первую очередь — с персидской. Опыт сосуществования и взаимодействия тюркской и персидской традиций пения известен по суфийской практике в Фатхабаде близ Бухары, в обители (*завийа*) потомков шейха Сайф ад-Дина Бахарзи, зафиксированный Ибн Баттутой в начале 30-х годов XIV в. (*Джумаев*, 2018. С. 271).

Обе рассмотренные тенденции — сосуществование традиций и их объединение — сохраняют свое значение в период развитого Средневековья. Их присутствие в жизни мусульманского общества расширяется в периоды расцвета централизованных государственных объединений и империй с их стремлением к унификации и универсализации «музыкального материала». Отдельные примечательные примеры этого мы находим еще до сложения империи Амира Тимура, но, в особенности, при его правлении, а затем — при Тимуридах с расцветом во второй половине XV в. (в Герате), и в XVI в. — в Бухаре, Самарканде и других городах Средней Азии⁶.

При обращении к выбранной теме серьезной проблемой остается отсутствие реальных звуковых либо нотных материалов, что не позволяет судить о звучании самой музыки. Известные науке единичные образцы музыки средневекового времени, зафиксированные в табулатурных системах записи, не дают полноценного представления о музыкальном искусстве восточного Средневековья. В определенной степени этот пробел компенсируется наличием большого количества описаний и суждений о музыке, осевших в письменных источниках, а также значительного иконографического материала. В совокупности они позволяют выявить некие характерные художественно-эстетические признаки музыкальных традиций у различных этносов и народов Центральной Азии в различные периоды исторического развития.

Абу Са'ид Абу-л-Хайр, 1994 — *Суханан-и манзум-и Абу Са'ид Абу-л-Хайр*. Ба тасхих ва мукаддима ва хавашии ва та'ликат-и Устад Са'ид Нафиси. Чап-и панджум. Тегеран: Интишарат-и Санайи, 1373/1994. 200 с. (на перс. яз.).

Ваджид Али-хан, 1908 — *Ваджид Али-хан*. Матла' ал-улум ва маджма' ал-фунун. Лакхнау: Навал Кишор, 1908. 440 с. (на перс. яз.).

Джумаев, 1992 — *Джумаев А.* Ислам и музыка // Музыкальная академия (Советская музыка). М., 1992. № 3. С. 24–36.

Джумаев, 2015 — Фахр ад-Дин Рази. Главы об инструменте *табл* из раздела «Наука об орудиях войны» энциклопедии наук «Джами ал-улум» («Собрание наук») / Вводн. статья, пер. с перс. и примеч. А. Б. Джумаева // ЗВОРАО. НС. 2015. Т. III (XXVIII). С. 654–673.

Джумаев, 2018 — *Джумаев А.* Музыкальная жизнь в Мавераннахре в эпоху Амира Темура // Мавераннахр в эпоху Амира Темура. Археология, история, культура. Ташкент: Адабиёт учкунлари, 2018. С. 270–290.

Ихван ас-Сафа, 1887 — *Ихван ас-Сафа ва Хуллан ал-Вафа*. Ар-Раса'ил. Бомбей, 1887. С. 84–125. (на араб. яз.).

⁶ О взаимодействии различных этнических и региональных традиций, их сплаве в музыкальной культуре Самарканда времени Амира Темура и о предписаниях по исполнению макамов для разных этносов и народов см.: *Джумаев*, 2018. С. 277–278, 285–287.

- ал-Йа 'куби*, 2011 — *ал-Йа 'куби*. Книга стран (Китаб ал-булдан) / Вступ. ст., пер., комм. и указ. Л. А. Семеновой. М.: ИФВЛ, 2011. 365 с.
- Кай-Кавус*, 1983 — *Амир Унсур ал-Ма 'ли Кай-Кавус бин Искандар бин Кабус бин Ваимгир бин Зиййар*. Китаб-и Насихат-нама ма'руф ба: Кабус-нама. Мусаххих: Са'ид Нафиси. Бо мукаддима ва тасхих-и муджаддид: Хусайн Ахи. Тегеран, 1983. С. 141–143. (на перс. яз.).
- Манучихри Дамгани*, 1991 — *Диван-и Манучихри Дамгани*. Бо хаваши ва та'ликат ва тараджим-и ахвал ва мукаддима ва фахарис ва лугатнама ва мукабила бо бисту чахар нусха-йи хатти ва чапи ва истифада аз хифда ма'ахз-и мутазимн аш'ар-и Манучахри. Ба кушиш-и дуктур Сайид Мухаммад Дабирсайаки. Чап-и аввал. Тегеран: Интишарат-и Заввар, 1991. 414 с. (на перс. яз.).
- Мец*, 1973 — *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. Изд. 2-е. М.: ГРВЛ, 1973. 474 с.
- Музыкальная эстетика*, 1967 — Музыкальная эстетика стран Востока / Общ. ред. и вступ. статья В. П. Шестакова. М.: Музыка, 1967. (Памятники музыкально-эстетической мысли). 414 с.
- Сахих аль-Бухари*, 2003 — *Сахих аль-Бухари*. Мухтасар. Полный вариант. Ат-таджрид ас-сарих ли-ахадис аль-джами ас-сахих (Ясное изложение хадисов «Достоверного сборника») / Сост. имам Абу-ль-Аббас Ахмад бин Абд ал-Латиф аз-Зубайди (1410–1488/812–93 гг. х.) / Пер. с араб., прим. и указ.: Владимир Абдулла Нирша. М.: Издательский дом «УММА», 2003. 960 с.
- Сухарева*, 1976 — *Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М.: ГРВЛ, 1976. 366 с.
- Шайх Самарканди*, 1896 — *Шайх Мас 'уд ибн Йусуф Самарканди*. Салат-и Мас'уди. Т. II. Бомбей: Дар матби' Карими, 1896. 200 с. (на перс. яз.).
- Ат-Тирмизи*, 1981 — *Абу Иса Мухаммад ал-Буги ат-Тирмизи (ал-Имам ат-Тирмизи)*. Китаб аш-Шимаил ан-набавийа. Ташкент: Духовное Управление мусульман Средней Азии и Казахстана, 1981. 16–104а л.

On the problem of reflection of ethno-cultural processes in the musical culture of Central Asia (in the Early and High Middle Ages)

Aleksandr B. Djumaev⁷

Annotation. *Two correlated tendencies in the development of music culture in the cities of Central Asia in the early and the High Middle Ages are considered in the article. There were coexistence of musical traditions of various ethnoses and their unification in the frame of all-Muslim culture. A quarterly structure of the city favoured variety of ethnic traditions. Unification of intonation melodic material in the cult practice of Islam (azan, recitation of Qur'an) and opposed to it ideas of Sufi intellectuals were observed. During the 14th century and later an interaction between the Persian and Turkic traditions became stronger.*

Keywords: *Central Asia, city, music, ethnic traditions*

⁷ Aleksandr B. Djumaev — Research Institute for Cultural Research and Intangible Cultural Heritage of the Ministry of Culture of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan; e-mail: adjumaev@yahoo.com; ORCID: 0000-0003-0528-2564.

Самосознание как путь к себе (Кант, Гегель и 30 смелых птиц)

А. Н. Крюков¹

Аннотация. *Исходным пунктом доклада является анализ картины современного узбекского художника Джамола Усманова «Симург — Самосознание». Картина написана по мотивам поэмы Алишера Навои «Язык птиц», которая в свою очередь была написана в стиле назира по мотивам поэмы суфия Фарид-ад-дин Аттара «Логика птиц». Автором предпринимается попытка объединить изобразительное искусство, литературу и философию для анализа философского понятия «самосознание». Делается вывод, что данный философский концепт может быть эксплицирован при помощи литературного и художественного творчества: самосознание может пониматься как отражение (Кант и картина Джамола Усманова), а также как история саморазвития духа (Гегель и странствия птиц в суфийской поэме, переработанной Навои).*

Ключевые слова: *Алишер Навои, Фарид-ад-дин Аттар, Кант, Гегель, назира, самосознание*

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-383-386

Картина современного узбекского художника Джамола Усманова «Симург — самосознание» заставляет задуматься о вопросе экспликации философских терминов в художественном образе. На первый взгляд композиция картины незамысловата и просто поясняет суть философского термина самосознание. На картине изображены 30 птиц, глядящих в зеркальную гладь воды и видящих свое отражение (**рис. 1**).

Если картину перевернуть на 180 градусов, то будет зеркальное отражение птиц. Поэтому при первом приближении кажется, что сама картина просто отражает суть философской категории «самосознание», как вглядывание в самого себя, восприятие своего собственного изображения. В принципе это очень хорошо описывается кантовским определением самосознания: «Представление, которое может быть дано до всякого мышления, называется *созерцанием*. Все многообразное в созерцании имеет, следовательно, необходимое отношение к [представлению] *я мыслю* в том самом субъекте, в котором это многообразное находится. Но это представление есть акт *спонтанности*, т. е. оно не может рассматриваться как принадлежащее чувственности. Я называю его *чистой апперцепцией*, чтобы отличить его от *эмпирической* апперцепции; оно есть самосознание, порождающее представление *я мыслю*, которое должно иметь возможность сопровождать все остальные представления и быть одним и тем же во всяком сознании... (Кант, 2008. С. 101, 102, В131–132).

Самосознание у Канта понимается как сосуществование акта *я мыслю* и созерцаемого. Трансцендентальный субъект как бы вглядывается в самого себя. Совершенно как на картине Джамола Усманова. Однако, как это часто бывает у художников, сама картина — это не просто видение художника, попытка изобразительными средствами помыслить философские категории. Эта картина относится к целому циклу картин, посвященному визуализации поэмы Алишера Навои (1441–1501) «Язык птиц», которая в свою очередь была написана в стиле *назира* по мотивам поэмы суфия Фаридиддина Аттара (род. около 1119 г. — год смерти неизвестен) «Логика птиц» (**рис. 2**). И если мы познакомимся с этими поэмами, то перед нами предстанет совершенно иная картина, иное понимание слова «самосознание», как в философском, так и в литературно-художественном смысле.

¹ Алексей Николаевич Крюков — Самаркандский государственный университет им Ш. Рашидова. Самарканд, Республика Узбекистан; e-mail: akrum@ya.ru; ORCID: 0000-0002-6708-3598.

Рис. 1. Джамол Усманов. «Симург — Самосознание», 2018 [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://mehran-contemporary.de/works/simurgh/> (дата обращения: 10.10.2023)]

Fig. 1. Jamol Usmanov. «Simurgh — Self Consciousness», 2018 [Electronic resource. Access mode: <https://mehran-contemporary.de/works/simurgh/> (access date: 10.10.2023)]

Коротко представлю сюжет поэмы. Удод рассказывает птицам о таинственном Симурге, боге птиц, который находится далеко и достигнув страны которого птицы обретут блаженство. Птиц этот рассказ воодушевил, и тысячи птиц отправились его искать, пролетев над долинами исканий, любви, познаний, безразличия, единения, смятения, отрешения. В результате только 30 птиц смогли добраться после тяжелого путешествия в долину. Оказавшись там, они увидели свое отражение (картина Джамола Усманова — **рис. 1**). Удод же им сказал, что они, преодолевшие столько трудностей, и есть боги, т. е. Симург. Прочитую перевод соответствующих пассажей из поэмы Алишера Навои:

(3085) И из ста тысяч сонмов собратьев пернатых,
 Поревших в ста тысячах бед и утратах,
 Только тридцать осталось. Устали их крылья,
 И, безжизненны, сели они от бессилья.
 И ни перышка целого — ворс их разят,
 И остатки их перьев что щепки торчат.
 Их тела обессилили мука и горе,
 Души их истерзали недуги и хвори. ... (Навои, 1993. С. 226).
 (3175) ... И открылась их взорам вся суть постиженья, —
 Им явилось в зеркале воды отраженье.
 Тридцать птиц так лелеяли эту мечту,

Рис 2. Джамол Усманов. «Аттар и Навои», 2020 [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://mehran-contemporary.de/works/attar-und-navai/> (дата обращения: 10.10.2023)]

Fig. 2. Jamol Usmanov. «Attar and Navoi», 2020 [Electronic resource. Access mode: <https://mehran-contemporary.de/works/attar-und-navai/> (access date: 10.10.2023)]

Столько мук испытав и познав маету, —
 (3180) Что Симург явит лик им во благо и в милость,
 Чтобы им в отрешении вечность открылась!
 А узрели себя, не увидев иного!
 О Аллах, это слово — чудесное слово!
 Тридцать птиц на Симурга мечтали взглянуть,
 А узрели себя лишь: «си мург» — вот их суть ... (Там же. С. 233).

Если иметь в виду сюжет этой поэмы, перед нами разворачивается уже не кантианская модель самосознания, а скорее модель из «Феноменологии духа» Гегеля, для которого самосознание — это один из этапов становления духа. Это уже не процесс отражения, но процесс становления. Можно провести совершенно конкретные формальные параллели. В «Феноменологии духа» мы имеем дело с шестью формообразованиями духа (сознание, самосознание, абсолютный субъект, дух, религия, абсолютное знание), прежде чем он вернется к себе. В поэме Навои было шесть остановок, когда птицы все принимали решение отправляться дальше.

Тогда модель самосознания есть не что иное, как путь к самому себе. И такая динамическая модель очень хорошо описывается моделью саморазвития Гегеля: «Если мы назовем *знание* *понятием*, а *сущность* или *истинное* — сущим или *предметом*, то проверка состоит в выяснении того, соответствует ли понятие предмету. Если же мы назовем *сущность* или в-себе [бытие] *предмета* *понятием* и будем, напротив, понимать под *предметом* понятие как *предмет*, то есть так, как он есть для *некоторого иного*, то проверка состоит в выяснении того, соответствует ли предмет своему понятию. Очевидно, что то и другое — одно и то же» (Гегель, 2000. С. 51)

Совпадение предмета и понятия о предмете — критерий истинного познания, в котором самосознание один из важных этапов.

Гегель, 2000 — Гегель В. Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Г. Шпета. М.: Наука, 2000. 495 с.

Кант, 2008 — Кант И. Критика чистого разума. Научное изд. СПб.: Наука, 2008 (Слово о сущем. Т. 79). 662 с.

Навои, 1993 — Алишер Навои. Язык птиц / Изд. подг. С. Н. Иванов и А. Н. Малехова; пер. С. Н. Иванова. СПб.: Наука, 1993. 384 с.

Self-consciousness as a path to the self (Kant, Hegel and 30 brave birds)

Aleksei N. Krioukov²

Annotation. *The starting point of the paper is the analysis of the painting «Simurgh — Self Consciousness» by the contemporary Uzbek artist Jamol Usmanov. The painting is based on Alisher Navoi's poem «The Language of the Birds», which in turn was painted in the nazira style based on the Sufi Farid-ud-din Attar's poem «The Logic of the Birds». The author attempts to combine fine art, literature and philosophy to analyze the philosophical concept of «self-consciousness». It is concluded that this philosophical concept can be explicated through literary and artistic creation: self-consciousness can be understood as reflection (Kant and Jamol Usmanov's painting) and as a story of self-development of the spirit (Hegel and the wanderings of birds in the Sufi poem revised by Navoi).*

Keywords: *Alisher Navoi, Farid-ud-din Attar, Kant, Hegel, nazira, self-consciousness*

² Aleksei N. Krioukov — Sh. Rashidov Samarkand State University, Samarkand, Uzbekistan; e-mail: akrum@ya.ru; ORCID: 0000-0002-6708-3598.

Раздел 7

КОНТАКТЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ С ДРУГИМИ РЕГИОНАМИ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Керамика, изготовленная на гончарном круге, как символ статуса (заметки к статье: *Doumani Dupuy P. N., Luneau E., Rouse L. M.* **Pluralising power: ceramics and social differentiation in Bronze Age Central Eurasia**)¹

Д. В. Папин²

Аннотация. В докладе рассматриваются подходы, выдвинутые П. Н. Думани Дюпюи, Э. Люно и Л. М. Рауз касательно вопросов взаимодействия населения эпохи поздней бронзы степной полосы Казахстана и юга Западной Сибири на основе изучения керамики, изготовленной на гончарном круге. Делается вывод о том, что, исходя из археологического контекста памятников Шагалалы 2 и Бурла 3, предпочтительнее рассматривать данную группу керамики не как маркер социального статуса, а как признак миграций.

Ключевые слова: период поздней бронзы, круговая керамика, Средняя Азия, Центральный Казахстан, Алтай

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-387-389

В декабре 2021 г в журнале «Word Archaeology» была опубликована статья П. Н. Думани Дюпюи, Э. Люно и Л. М. Рауз «Pluralising power: ceramics and social differentiation in Bronze Age central Eurasia» (*Doumani Dupuy et al.*, 2021). Несмотря на то, что в последнее время в научной литературе по проблемам взаимодействия древнего населения эпохи бронзы Средней Азии и северных степных регионов демонстрируется высокий уровень обсуждения, данная публикация стала заметным явлением. И это, прежде всего, удалось авторам благодаря тому, что фокус их внимания был смещен на такой важнейший индикатор, как керамика, изготовленная на гончарном круге. Они верно отмечают, что исторически сложились две большие общности гончарных традиций, «южная», ассоциируемая с земледельческими центрами Средней Азии, и «северная», представленная свитой культур «степной бронзы». Справедливости ради необходимо отметить,

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ проект № 20-18-00179 «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования полиэтничных социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов».

² Дмитрий Валентинович Папин — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск; Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация; e-mail: rapindv@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2010-9092.

что первооткрыватель поселения Бурла 3 В. С. Удодов в 1988 г. указал, что появление в культурах степного пояса керамики, изготовленной на гончарном круге, напрямую связано с миграциями населения с юга и в качестве доказательства своей идеи обращался к материалам Намазги VI (Удодов, 1994).

В своей работе авторы высказали предположение, что керамика, изготовленная на гончарном круге, является достаточно высокой ценностью (если ее приходилось транспортировать на столь отдаленные расстояния от гончарных мастерских) и соответственно эти находки в погребальных комплексах и поселениях свидетельствуют об особом социальном статусе владельцев. Такой подход сам по себе небезынтересен, но входит в противоречие с археологическим контекстом нахождения станковой керамики в комплексах эпохи поздней бронзы степной полосы Казахстана и юга Западной Сибири. Сами находки данной группы керамики географически широко распространены, но редко где они образуют значимые серии, только два памятника показывают массовое количество — Шагалалы 2 (Павловка) и Бурла 3 (*Doumani Dupuy et al.*, 2021. Fig. 1). Два этих объекта сближает не столько количество находок керамики, изготовленной на гончарном круге, а факты организации производства на месте данной керамики в массовых объемах. В этом плане наиболее полно документировано поселение Бурла 3, наличие здесь теплотехнического сооружения (гончарного горна), присутствие в коллекции оплавленных до стекловидного состояния либо деформированных под воздействием высоких температур фрагментов сосудов, производственная площадка, засыпанная гончарным шлаком: все это указывает на местное производство круговой керамики. Вместе с этим, отмеченные по всем направлениям анализа (форма, орнаментация, исходное сырье, рецепты формовочных масс) особенности круговой посуды, ее многочисленность на памятнике, в сочетании с незначительным количеством на прочих единовременных поселениях региона, указывает на пришлый характер населения поселка (*Федорук*, 2024).

Таким образом, логичнее рассматривать появление керамики, изготовленной на гончарном круге, в среде населения эпохи поздней бронзы степной полосы Казахстана и юга Западной Сибири (прежде всего саргаринско-алексеевской культуры) как инвазию отдельных групп со стороны земледельческих центров Средней Азии. На отдельных территориях (Сары-арка — Шагалалы 2 и степной Алтай — Бурла 3) они образовывали новые сосредоточения, которые уже являлись вторичными по отношению к источникам миграции, но первичными относительно своего окружения. Эти комплексы демонстрируют и обратный процесс, влияние аборигенов на мигрантов, что, в частности, проявилось в орнаментации круговой керамики, нехарактерных добавках в формовочных массах, подправке лепных сосудов на круге: очевидно, что следствием изменений стал конкретный человек, носитель гончарных технологических традиций, который адаптировался к новым условиям проживания.

Удодов, 1944 — Удодов В. С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1994. 21 с.

Федорук и др., 2024 — Федорук А. С., Савко И. А., Папин Д. В. Круговая керамика эпохи поздней бронзы поселения Бурла // Краткие материалы XIX Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции: «Исторический опыт этнокультурного освоения пространств Северной Евразии и сопредельных территорий» (2024 г., Томск, Россия). [Электронный ресурс. URL: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/Fedoruk%2C%20Savko%2C%20Papin_2024.pdf (дата обращения: 20.08.2024)].

Doumani Dupuy et al., 2021 — *Doumani Dupuy P. N., Luneau E., Rouse L. M.* Pluralising power: ceramics and social differentiation in Bronze Age Central Eurasia // *World Archaeology*. 2021. Vol. 53/5. P. 779–808.

**Pottery made on the potter's wheel as a status symbol
(notes to the article: Doumani Dupuy P. N., Luneau E., Rouse L. M.
Pluralising power: ceramics and social differentiation
in Bronze Age Central Eurasia)**

Dmitrii V. Papin³

Annotation. *The paper examines the approaches put forward by Paula N. Doumani Dupuy, Elise Luneau, Lynne M. Rouse to the interaction of the Late Bronze Age population of the steppe zone of Kazakhstan and the south of Western Siberia based on the study of ceramics made on a potter's wheel. It is concluded that, based on the archaeological context of the Shagalaly 2 and Burla 3 sites, it is preferable to consider this group of ceramics not as a marker of social status, but as a sign of migration.*

Keywords: *Late Bronze Age, potter's wheel, Central Asia, Central Kazakhstan, Altai*

³ Dmitrii V. Papin — Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk; Altai State University, Barnaul, Russian Federation; e-mail: papindv@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2010-9092.

Центральноазиатский комплекс находок типа Сейма-Турбино и его интерпретация в контексте погребальной традиции эпохи палеометалла

Е. Г. Шалахов¹

Аннотация. В статье анализируются фрагмент кинжала с навершием в виде фигурки эквида на рукояти и богато орнаментированный топор-кельт со следами специфических повреждений, происходящие из Бескарагайского района Восточно-Казахстанской области, впервые введенные в научный оборот В. К. Мерцем. Основные находки «умерщвленных» предметов вооружения были ранее обнаружены в западной зоне распространения погребальных памятников типа Сейма-Турбино. Новые свидетельства о довольно широком распространении этого ритуала в погребальной практике древнего воинства связаны с эпохой палеометалла Казахского Прииртышья.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, кинжал, топор-кельт, ритуал

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-390-392

Насколько был распространен древний ритуал «умерщвления» вещей у носителей сейминско-турбинских бронз в разных регионах Евразии? Есть ли свидетельства существования этого ритуала к юго-востоку от Урала и Приуралья — в Центральной Азии?

Важность поставленных вопросов требует поиска новых источников, в особенности тех, что уже были введены в научный оборот нашими коллегами из ближнего зарубежья. В этой связи обращает на себя внимание недавняя публикация археолога В. К. Мерца², посвященная случайным находкам, сделанным в текущем столетии в Восточном Казахстане (*Мерц*, 2016).

Находки обломков рукояти и навершия сейминско-турбинского ножа из оловянистой бронзы, а также топора-кельта сделаны любителями незаконного приборного поиска, что, на мой взгляд, не позволит сделать корректные выводы о характере двух местонахождений указанных предметов, открытых в Бескарагайском районе Восточно-Казахстанской области (*Там же*. С. 673, 676). Думаю, что необходимо исходить из того, что вещи происходят из разрушенных одиночных (?) захоронений сейминско-турбинского времени.

Фрагменты рукояти сломанного ножа, один из которых с прекрасно сохранившимся навершием со скульптурным изображением эквида (*Там же*. С. 674, фото 1) (**рис. 1**), найдены порознь на старичном участке первой надпойменной террасы правого берега р. Иртыш — в непосредственной близости от Грачевского форпоста (*Там же*. С. 673–674).

Причиной поломки вещи, относящейся к статусному вооружению сейминско-турбинских воинов, по мнению В. К. Мерца, могли стать действия грабителей древних могил: «Скорее всего, эти вещи просто были выброшены бугровщиками из числа казаков Грачевского форпоста по пути их следования от курганов, расположенных неподалеку на поверхности коренной террасы, к месту постоянной дислокации» (*Там же*. С. 674).

¹ Евгений Геннадьевич Шалахов — «Замок Шереметева», Юрино (Республика Марий Эл), Российская Федерация; e-mail: shalahof@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8145-9889.

² Автор выражает глубокую благодарность директору Объединенного археологического научно-исследовательского центра им. А. Х. Маргулана, к. и. н., доценту кафедры истории Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова В. К. Мерцу за содействие в проведенных исследованиях и помощь в подготовке иллюстративного материала.

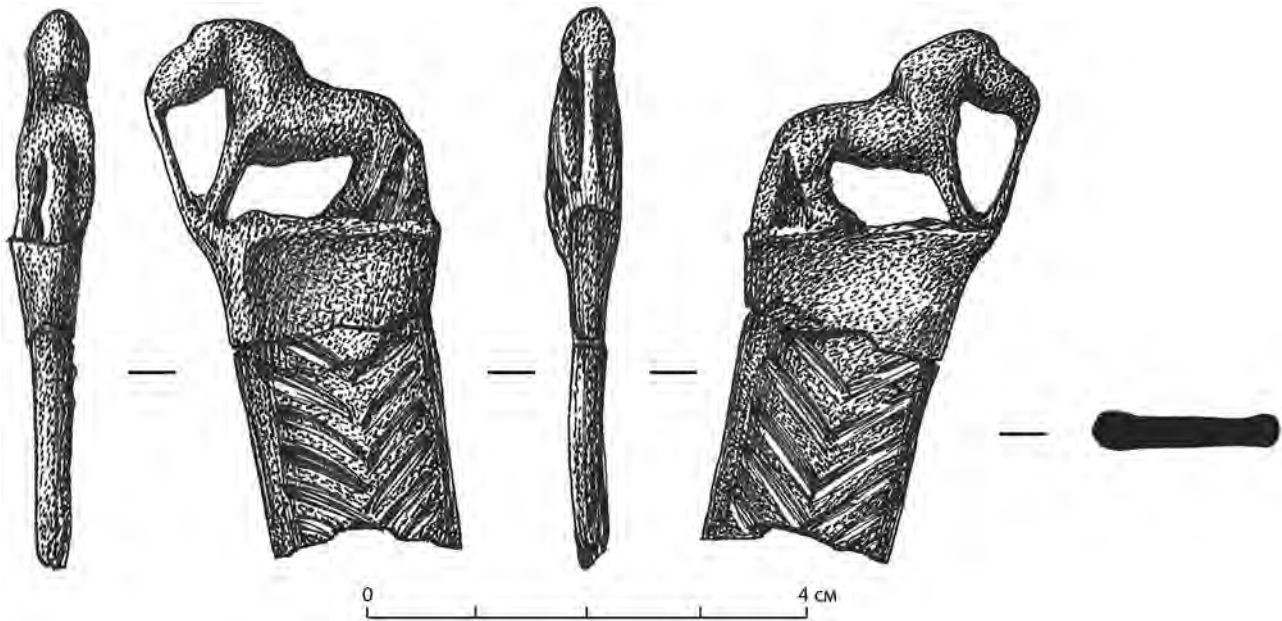

Рис. 1. Фрагменты рукояти ножа сейминско-турбинского типа со скульптурным навершием из Восточного Казахстана (по: Мерц, 2016. С. 674, фото 1, 1)

Fig. 1. Fragments of a knife handle of the Seyma-Turbino type with a sculptural finial from East Kazakhstan (after Мерц, 2016. С. 674, фото 1, 1)

На мой взгляд, бронзовое изделие, введенное в научный оборот нашим казахстанским коллегой, было сломано еще в эпоху бронзы при совершении ритуала «умерщвления» вещи, характерного для эпохи сейминско-турбинских миграций (Шалахов, 2017. С. 165–166).

Само разрушенное погребение, вероятно, являлось социальнопрестижным. Аргументировать предположение автора настоящей статьи можно лишь после детального изучения местности, где были найдены обломки изделия сейминско-турбинских литейщиков.

Другая случайная находка, опубликованная В. К. Мерцем (Мерц, 2016. С. 676), также является статусным предметом вооружения сейминско-турбинских группировок. Кроме богатой орнаментации на фасках изделия бронзовый топор-кельт выделяется довольно специфическим повреждением лезвия, вызывая некоторые ассоциации с ритуальным повреждением на угловой части лезвия топора-кельта из погребения 10 Юринского (Усть-Ветлужского) могильника (Соловьев, 2005. С. 110).

Характер этого повреждения, которое при дальнейшем использовании в качестве рубящего орудия могло сказаться на функциональности кельта, некоторое время оставался невыясненным. Вероятно, в данном случае деформация лезвия топора-кельта имела только лишь ритуальный смысл (Шалахов, 2017. С. 166). Намеренная порча предмета вооружения, в целом, соотносится с сибирскими и поволжскими погребальными традициями эпохи палеометалла (Косарев, 2003. С. 149; Шалахов, 2021. С. 27–29).

Таким образом, находки бронзового оружия из Восточного Казахстана, на которых видны следы ритуала «умерщвления» вещей, свидетельствуют о достаточно широком распространении разнообразных погребальных традиций древнейших металлургов, воинов и коневодов (Шалахов, 2022. С. 154), чья экспансия на запад Евразийского континента, очевидно, была не такой уж скоротечной по времени, как принято считать.

Косарев, 2003 — Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.

Мерц, 2016 — Мерц В. К. Новая находка навершия сейминско-турбинского ножа из Восточного Казахстана // МБА. 2016. № 4.1. С. 673–678.

- Соловьев, 2005 — Соловьев Б. С. Юринский (Усть-Ветлужский) могильник (итоги раскопок 2001–2004 гг.) // РА. 2005. № 4. С. 103–111.
- Шалахов, 2017 — Шалахов Е. Г. Ритуал «умерщвления» вещей в сейминско-турбинских захоронениях: к постановке вопроса // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2017. Вып. XXIII. С. 165–169.
- Шалахов, 2021 — Шалахов Е. Г. О некоторых специфических ритуалах, сопутствующих сейминско-турбинским кремациям // Методические аспекты изучения древних и средневековых кремаций: Сборник тезисов / Отв. ред. М. В. Добровольская. М.: ИА, 2021. С. 27–32.
- Шалахов, 2022 — Шалахов Е. Г. О некоторых воинских погребальных ритуалах у носителей сейминско-турбинских бронз // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: Тезисы Международной научной конференции, посвященной 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта / Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2022. С. 153–155.

The Central Asian complex of finds of the Seyma-Turbino type and its interpretation in the context of the Palaeometallic-Era funerary tradition

Evgenii G. Shalakhov³

Annotation. *The paper analyzes finds of Seyma-Turbino bronzes found in Central Asia during the current century. A fragment of a dagger with a pommel in the form of an equid figurine on the handle and a richly ornamented Celt axe with traces of specific damage originating from the Beskaragai district of Eastern Kazakhstan were first introduced into scientific circulation by Viktor K. Merts. The main finds of «slaughtered» weapons were previously discovered in the western zone of the distribution of funerary monuments like Seyma-Turbino. New evidence of the quite widespread use of this ritual in the burial practice of the ancient military is associated with the paleometallic epoch of the Kazakh Irtysh area.*

Keywords: *Eastern Kazakhstan, dagger, axe-celt, ritual*

³ Evgenii G. Shalakhov — «Sheremetev's Castle», Yurino (Republic of Mari El), Russian Federation; e-mail: shalahof@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-8145-9889.

Центральноазиатские компоненты в культуре эпохи палеометалла на юге Западной Сибири

А. П. Бородовский¹

Аннотация. *Культурное взаимодействие Центральной Азии и юга Западной Сибири в эпоху палеометалла представлено на самых различных уровнях: активные миграционные процессы, поступление импортных предметов, распространение передовых для своего времени технологий обработки различных материалов (металла, глины, дерева, кожи и косторезного сырья), а также опосредованная трансляция культовых практик. Характер интенсивности и глубины таких процессов отражает адаптация в местной среде инокультурных заимствований и инноваций.*

Ключевые слова: *эпоха палеометалла, Западная Сибирь, культурные влияния, Центральная Азия, предметный комплекс*

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-393-395

В эпоху палеометалла (бронзы и раннего железа) на территории юга Западной Сибири в ряде культур представлен целый комплекс центральноазиатских компонентов. К ним следует отнести образцы декора на керамике (формы и способы изготовления), предметы бронзолитейного комплекса (орудия и формы), предметы вооружения, образы и символы торевики, изделий и технологии получения заготовок деревообрабатывающего и косторезного производств, прядения и ткачества. Этот предметный комплекс с качественной точки зрения можно разделить на сакральный и профанный, что, в свою очередь, характеризует как социально значимую, престижную сторону любой культуры, так и ее историю повседневности. Одним из таких примеров является проникновение в западносибирскую лесостепь орнаментов керамики, связанных с традициями ковроткачества (Зотова, 1965; Глушкова, 2004. С. 233) в андроновское время. В эпоху раннего железа на севере Верхнего Приобья в достаточно больших количествах появляются не только высокогорные кувшины с типичным центральноазиатским ангобом, но и грибообразные «наковаленки» для их изготовления. Это явно свидетельствует о переносе производства на местную почву. В деревообработке погребальных конструкций эпохи раннего железа юга Западной Сибири (к примеру, памятники Быстровка-1, 2, Милованово-8) (Троицкая, Бородовский, 1994. С. 69, рис. 13) представлена традиция изготовления досок, имеющая аналогии в Центральной Азии. В косторезном производстве Барабинской лесостепи (Каргат-4) эпохи раннего железа используется технология расщепления и изготовления изделий из челюстей крупных копытных животных (Бородовский, 1997. С. 197, табл. 36, 3, 5), имеющая также центральноазиатские корни. В рамках этой технологической интеграции достижений следует указать на распространение и репликацию различного металлического инструментария (вислобушных топоров, серпов, специализированных молотков). Этот процесс начался еще в эпоху развитой и поздней бронзы, когда, например медные вислобушные топоры стали проникать не только в северную западносибирскую лесостепь, но и встречались вплоть до южных окраин Васюганских болот. В свою очередь присутствие на этих территориях керамических форм для литья этих изделий явно отражает попытки местной локализации производства таких инструментов как представителями инокультурной среды, так и, возможно, аборигенами. Особое внимание следует обратить на присутствие на севере Кулундинской степи

¹ Андрей Павлович Бородовский — Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация; e-mail: altaicenter2011@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6312-1024.

(Мелковский канал-1) специализированных ювелирных медных молоточков, которые в Центральной Азии иногда исполнялись в виде ритуальных миниатюр (поселение Кент). Такая же тенденция миниатюризации (вотивности) характерна и для вислообушных топоров на территории Барабинской лесостепи (Старый Тартас-4). На Среднем Иртыше (Соляное) встречаются миниатюрные глиняные конические сосудики на трех ножках, аналогичные керамическим светильникам из культовых комплексов (городище Чирик-рабат) в Восточном Приаралье (IV–II вв. до н. э.) (*Казахстан...*, 2017. С. 197, рис. 41, 13; С. 205).

Не менее показательны артефакты на территории юга Западной Сибири, связанные с буддийской культурно-религиозной традицией. Одним из регионов проникновения этих предметов на западносибирские земли была Центральная Азия, где буддизм распространился еще в эллинистическое время. К таким артефактам относится бронзовая фигурка танцующего «дервиша» (*Бородовский*, 2021). Она, скорее всего, происходит из древнего культового места у переправы через Обь (с. Старокривошеково) на территории современного г. Новосибирска. Особенности изображения одежды — пояс «лунги» (*Sarianidi*, 1985. P. 137, fig. 80; P. 321), точки на лбу («бинди») (*Ibid.* P. 98–105, fig. 44–47; P. 231; P. 156, fig. 99; P. 254); фигурка имеет аналогии в скульптуре парфянского времени Халчаяна (*Древние государства...*, 1985. С. 408, табл. СХХ) и торевтике из Тиля-Тепе (Бактрия).

Не менее показательно распространение на территории западносибирской лесостепи изображений кошачьих хищников (Гринское-1, Шмаково, Инберени IV, Рафайловском городище, Почта-3) с объемной повернутой в фас мордой. Близкие образы хищников соотносятся с древними иранскими представлениями — рудиментами культа Анахиты в Центральной Азии (*Снесарев*, 1969. С. 256). Целый ряд образцов торевтики эпохи раннего железа западносибирской лесостепи (Абрамово-4) имеет полные аналогии на территории Центральной Азии. Среди таких изображений образы горных козлов, кошачьих хищников, медведей (Ботниковское поселение). По поводу изображений медведей следует уточнить, интерпретация их как северных влияний на юге Западной Сибири (Новый Шар-рап-1) явно ошибочна (*Троицкая, Бородовский*, 1994. С. 87, рис. 17), поскольку торевтика с медведями эпохи раннего железа в Центральной Азии представлена от Киргизии (Тамды), Казахстана (Байгетобе, Шелекты-2, Уйгарак, Елеке-Сазы) до Афганистана (Тиля-Тепе), где связи с северными «таежными» влияниями отсутствуют.

Обобщая все случаи центральноазиатских влияний на культуры эпохи палеометалла юга Западной Сибири, можно выявить несколько различных вариантов их проявления. Во-первых, интерпретации о непосредственном проникновении мигрантов из этого региона и активного участия в культурогенезе местного населения на западносибирской территории. Во-вторых, активный импорт предметного комплекса различного предназначения — орудия, оружие, утварь и украшения (торевтики). В-третьих, адаптация технологий (бронзолитейное, кожевенное, деревообрабатывающее и косторезное) производств в местной среде. В-четвертых, возможное распространение на территории юга Западной Сибири центральноазиатских ритуальных практик. В целом, все эти процессы отражают длительное и целенаправленное взаимодействие центральноазиатских и западносибирских традиций на протяжении всей эпохи палеометалла. В свою очередь, это свидетельствует о высоком уровне адаптации инокультурных заимствований культурами эпохи палеометалла юга Западной Сибири.

Бородовский, 2021 — *Бородовский А. П.* Предмет восточной торевтики из окрестностей г. Новосибирска // ВНГУ. 2021. Т. 20. Сер.: История, филология. № 5: Археология и этнография. С. 96–103.

Бородовский, 1997 — *Бородовский А. П.* Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 224 с.

Зотова, 1965 — *Зотова С. В.* Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии / Отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1965 (МИА. № 130). С. 177–181.

Древнейшие государства..., 1985 — *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии* / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1985 (АрхСССР). 496 с.

- Глушкова, 2004 — Глушкова Т. Н. Археологический текстиль как источник по реконструкции древнего ткачества Западной Сибири: Дисс. ... д-ра ист. наук. Барнаул: б. и., 2004. 416 с.
- Казахстан..., 2017 — Казахстан в сакскую эпоху / Отв. ред. А. З. Бейсенов. Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. 228 с.
- Снесарев, 1969 — Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.
- Троицкая, Бороодовский, 1994 — Троицкая Т. Н., Бороодовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука. СО, 1994. 183 с.
- Sarianidi, 1985 — Sarianidi V. I. Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad: Aurora Art Publishers, 1985. 258 p.

Central Asian components in the culture of the Paleometallic era in the south of Western Siberia

Andrei P. Borodovskii²

Annotation. *The cultural interaction of Central Asia and the south of Western Siberia in the Paleometallic epoch is represented at various levels. These were active migration processes, the arrival of imported items, the spread of advanced technologies for processing various materials (metal, clay, wood, leather and bone-cutting raw materials), as well as the indirect transmission of cult practices. The nature of the intensity and depth of such processes reflects the adaptation of foreign cultural borrowings and innovations in the local environment.*

Keywords: *Paleometallic epoch, Western Siberia, cultural influences, Central Asia, subject complex*

² Andrei P. Borodovskii — Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation; e-mail: altaicenter2011@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6312-1024.

Культурные связи финно-угров марийского Поволжья с Центральной Азией и Южной Сибирью в начале эпохи железа

В. С. Патрушев¹, М. Т. Лавенто²

Аннотация. При раскопках Старшего Ахмыловского могильника начала эпохи железа в Марийском Поволжье были найдены предметы, аналогичные предметам из памятников Центральной Азии и Южной Сибири. Бронзовые и железные наконечники стрел, стремечковидные удила, двухдырчатые и трехдырчатые псалии, пронизки для ремней конской сбруи, зеркала двух типов, бляха в виде свернувшейся в кольцо пантеры, бляхи с выпуклой средней частью, бляха с ромбовидным узором в центре и косыми насечками по краю, улитковидная подвеска аналогичны находкам из Уйгарака, Тагискена и Карамурун I в Средней Азии, Каннатаса в Казахстане, Аржана, Оглахты и Батени в Южной Сибири. Находки могут быть объяснены обширными культурными связями финно-угров марийского Поволжья с Центральной Азией и Южной Сибирью в начале эпохи железа.

Ключевые слова: финно-угры, Поволжье, эпоха железа, Центральная Азия, Южная Сибирь

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-396-398

На могильниках Марийского Поволжья начала эпохи железа обнаружены многочисленные находки оружия, предметов конской сбруи и украшения, схожие с предметами из памятников Центральной Азии и Южной Сибири. Среди наконечников стрел помимо скифо-савроматских типов встречаются сугубо восточные образцы. Комплекс наконечников стрел из погр. 578 Старшего Ахмыловского могильника, включающий 11 трехгранных и трехлопастных бронзовых и один черешковый железный, по образцам дерева во втулках бронзовых наконечников в лаборатории датирования Университета Хельсинки первоначально был датирован методом акселерационной масс-спектрометрии 2658 ± 25 , а позднее была установлена калиброванная АМС-дата — 897–791 гг. до н. э. Как бронзовые, так и железный черешковый наконечники (Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 87, 5, а–к) близкие аналогии находят на сакском могильнике Уйгарак (Вишневская, 1973. Табл. V, 5; Табл. XIII, 24. С. 123–125). Формы бронзовых наконечников стрел из погр. 359 этого же могильника аналогичны находкам из камеры 1 царского кургана Аржан (Грязнов, 1980. С. 54, рис. 11, 12), Оглахты и Батени (Членова, 1967. Табл. 1, 1, 3; 13, 11); Каннатас в Центральном Казахстане (Агапов, Кадырбаев, 1979. С. 101, рис. 7). Еще больше аналогий в Центральной Азии формам наконечников стрел из погр. 949 и 926 Старшего Ахмылова (Патрушев, 1984. Рис. 53, Б, IV, 11–22).

Расположенные друг против друга головки лошадей на бронзовой рукояти кинжала из погр. 98 Акозинского могильника близки фигуркам из тагарских памятников Сибири (Членова, 1967).

Из ахмыловских предметов конской сбруи бронзовые стремечковидные удила из погр. 383 и 524 (Патрушев, 1984. Рис. 53, В, V, 3–5) аналогичны находкам из кургана Аржан камер 5, 20, 31, 37 (Грязнов, 1980. Рис. 6, 1; 20, 2; 27, 28, 4), а формы железных двухдырчатых и трехдырчатых псалий из погр. 110, 563, 900 и 1002 (Патрушев, 1984. Рис. 52, 62–64) встречаются в памятниках Алдыбель 1 (Грязнов, 1980. Табл. 1, 40), Карамурун 1 (Грач, 1980. Рис. 110, 4). Есть также близкие формы других изделий конской сбруи, в частности, пронизок для ремней из погр. 104 и 441 (Патрушев, 1984. Рис. 53, В, V, 11, 12, 14).

¹ Валерий Степанович Патрушев — Институт археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация; e-mail: valpatr92@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7414-1293.

² Мика Тапио Лавенто — Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндская Республика; e-mail: mika.lavento@helsinki.fi; ORCID: 0000-0001-6886-5455.

Рис. 1. Бронзовая бляха с изображением свернувшейся в кольцо пантеры из погр. 926 Старшего Ахмыловского могильника (без масштаба)

Fig. 1. Bronze plate with the coiled panther's image from Grave 926 of the Old Akhmyl burial ground (not to scale)

Плоские небольшие бронзовые зеркала с массивной дугой для крепления из погр. 760 и 997 Старшего Ахмылова (*Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 111, 1а; 134, 2г*) близки находкам из кургана 37 Уйгарака и кургана 59 Тагискена (*Вишневская, 1973. С. 122; Грач, 1980. Табл. VII, 14, 41*), из Серебряково, Некрасово (*Мартынов, 1979. С. 76*), Барсучихи V (*Завитухина, 1979. С. 83, рис. 5, 8*). Подобные крупному зеркалу с закраинами-выступами из погр. 332 Старшего Ахмылова (*Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 54, 3б*) обнаружены в кургане 59 Тагискена и курганах 11, 15, 51 Уйгарака (*Вишневская, 1973. С. 120, табл. II, 9; IV, 6; Грач, 1980. Табл. VII, 40*), кургане 5 Откнин улус (*Членова, 1967. С. 82, табл. 21, 2*), Хемчик-Бом II (*Грач, 1980. Табл. I, 64, 65*). Аналогичен также бронзовый гребешок из погр. 861 Старшего Ахмылова находке на Верхней Оби погр. 13 могильного пункта БЕ XII (*Грач, 1980. Табл. III, 18*).

Из украшений Старшего Ахмыловского могильника изображение свернувшейся пантеры на ажурной бляхе из погр. 926 диаметром 8,2 см (**рис. 1**) аналогично находкам на памятниках

кочевых племен Средней Азии и Сибири (Артамонов, 1973. Рис. 37, 135, 174; Вишневецкая, 1973. С. 122; Членова, 1967. Табл. 27, 32–34). В погр. 182, 871 найдены бляхи с выпуклой средней частью (Патрушев, 1984. Рис. 53, Г, VII, 7), аналогичные находкам в кургане Аржан. Также близки ахмыловским находки из Уйгарака плоской бляшки с концентрическими выпуклыми валиками на внешней поверхности и штырьком у края с внутренней стороны из погр. 67 (Вишневецкая, 1973. Табл. X, 17), выпуклой бляшки с кольцевидной петлей из погр. 76 (Там же. Табл. VII, 33), бляхи с ромбовидным узором в центре и косыми насечками по краю из раскопа 1968 г. (Там же. С. 122); улитковидной подвески из погр. 68 (Там же. Табл. VIII, 1), пронизки в виде полумесяца из погр. 57 (Там же. Табл. II, 2; Патрушев, 1984. Рис. 53, Г, VII, 3, 6, 8; IX, 13, 19).

Обширные связи волжан с восточными областями можно объяснить развитием производительных сил, накоплением ценностей, частыми военными столкновениями и в связи с этим необходимостью поднять уровень военного искусства и техники, а также потребностями выделившейся военной верхушки.

Агапов, Кадырбаев, 1979 — Агапов П. В., Кадырбаев М. К. Сокровища древнего Казахстана. Памятники материальной культуры. Алма-Ата: Жапын, 1979. 250 с.

Артамонов, 1973 — Артамонов М. И. Сокровища саков. Амударьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. 280 с.

Вишневецкая, 1973 — Вишневецкая О. А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н. э. М.: Наука, 1973 (ТХАЭЭ. Т. VIII). 160 с.

Грач, 1980 — Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Грязнов, 1980 — Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.: Наука. ЛО, 1980. 64 с.

Завитухина, 1979 — Завитухина М. П. Раннетагарский могильник Барсучиха V // ТГЭ. 1979. Т. XX/2. С. 68–86.

Мартынов, 1979 — Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука. СО, 1979. 208 с.

Патрушев, 1984 — Патрушев В. С. Марийский край в VII–VI вв. до н. э. Йошкар-Ола: Марийское книжное изд-во, 1984. 232 с.

Патрушев, Халиков, 1982 — Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы. М.: Наука, 1982. 280 с.

Членова, 1967 — Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Cultural links of the Finno-Ugrians of the Mari Volga region with Central Asia and Southern Siberia in the Early Iron Age

Valerii S. Patrushev³, Mika T. Lavento⁴

Annotation. Excavations at the Starshii (Older) Akhmyl burial ground of the Early Iron Age in the Mari Volga region brought to light the finds analogous to those from Central Asian and Southern Siberian archaeological sites. Bronze and iron arrowheads, stirrup-shape bell-bits, cheek-pieces with two and three holes, threadings for horse harness's belts, mirrors of two types, plate with the coiled panther's image, plates with raised up middle part, a plate with a romb pattern in the central part and oblique incisions on the edge, snail-shaped pendant are similar to the findings from Uygarak, Tagisken and Karamurun 1 in Central Asia, Kannatasa in Kazakhstan, Arzhan, Oglakhty and Bateni in Southern Siberia.

Keywords: Finno-Ugrians, Volga area, Iron Age, Central Asia, Southern Siberia

³ Valerii S. Patrushev — A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation; e-mail: valpatr92@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7414-1293.

⁴ Mika T. Lavento — Helsingin Yliopisto, Helsinki, Republic of Finland; e-mail: mika.lavento@helsinki.fi; ORCID: 0000-0001-6886-5455.

Среднеазиатские сфероконические сосуды на территории Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды

А. Р. Нуретдинова¹

Аннотация. В результате интенсивного развития городской культуры Волжской Булгарии на территории Среднего Поволжья в X в. появились сфероконические сосуды — особый вид контейнеров полифункционального назначения. Несмотря на высокий уровень собственного гончарного производства доля импортных сфероконусов на домонгольских памятниках составляет 80–90 %. При этом серые сфероконические сосуды обнаруживают широкие аналогии среди археологических материалов центральноазиатского региона, что указывает на тесные культурные контакты регионов.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Средняя Азия, сфероконические сосуды, керамика, импорт

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-399-402

Небольшие по размерам в основном керамические сосуды с округлым туловом и коническим дном, широко известные в средневековье на мусульманском Востоке, в археологической литературе получили название сфероконические сосуды или сфероконусы. Данное название закрепилось за сосудами благодаря первым находкам изделий сфероконической формы. Однако на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о несоответствии определения термина «сфероконические» сосуды по отношению к самим сосудам. Так как они могли иметь различную форму: округлую, цилиндрическую, зооморфную, быть остродонными, округлодонными и плоскодонными. Их объединяет малый диаметр горла и толстые прочные стенки. Благодаря своей форме и малым размерам отверстия сфероконус лежит на боку и является своеобразной «непроливайкой» — соотношение полости и тяжелого дна всегда обеспечивает приподнятое положение головки.

Кроме основной территории (Ближний Восток, Центральная Азия и Закавказье) ареал распространения сфероконусов включает и регионы, связанные с восточными странами тесными культурными и торговыми контактами, что отражает широкую географию международных связей средневековья: это обширная территория от восточной части Балканского полуострова на западе до Китая на востоке и от Руси на севере до Северной Африки на юге. При этом массовые находки сфероконусов происходят с городских памятников, торгово-ремесленных факторий.

На сегодняшний день с территории Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды известно более 7 тыс. находок сфероконических сосудов, датируемых X–XV вв. При этом всесторонние археологические исследования памятников Среднего Поволжья показали высокий уровень керамического производства Волжской Булгарии в домонгольское время, однако анализ материалов демонстрирует доминирование импортных серых сфероконусов вплоть до золотоордынского периода.

Одним из источников поступления сфероконических сосудов в Среднее Поволжье является Центральная Азия. Среднеазиатские экземпляры имеют серый, серо-зеленоватый, реже серо-розоватый цвет черепка.

Самым распространенным подтипом на домонгольских булгарских памятниках являются сосуды серого цвета эллипсоидной формы с расширенным в верхней трети туловом со шляпковидной головкой и коническим дном — это подтип А.2.І.1 (Нуретдинова, 2022. Т. 1, с. 71–72) (рис. 1, І, 2).

¹ Алсу Ренатовна Нуретдинова — Археологический музей Казанского (Приволжского) федерального университета; Казань, Российская Федерация; e-mail: alsu.nuretdinova@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-0109-6465.

Размеры: высота 9,5–13 см, диаметр 7,3–10 см, диаметр отверстия 0,8–1 см. Учтено на сегодняшний день 236 экз. Сосуды представлены на Билярском (181 экз.), Болгарском (10 экз.) и Суварском (37 экз.) городищах, Билярском II (2 экз.), Билярском III (1 экз.), Семеновском I (1 экз.) селищах, Сенгилеевском поселении (1 экз.). Этот подтип самый распространенный в Биляре и Суваре. Ближайшие аналогии данный подтип находит в сфероконусах Средней Азии (Галиева, 2001. С. 57). Похожие по форме сосуды также представлены в закавказском городе Ани (Джанполадян, 1982. С. 16) и на Ближнем Востоке (Pentz, 1988. P. 91, fig. 2).

Еще одним распространенным подтипом с эллипсоидной формой тулова являются сосуды со шляпковидной головкой, широкой и уплощенной платформой или своеобразным «колоколом» в основании шейки, с коническим дном — подтип А.2.1.7 (Нуретдинова, 2022. Т. 1, с. 76) (рис. 1, 3). Встречаются на большинстве раскопов Билярского городища (37 экз.). Размеры: высота 13,9 см, диаметр 9,5 см. Все сосуды имеют серый или серо-зеленый цвет. На одном сосуде имеется знак. Близкие аналогии данным сосудам встречаются в музее Куня-Ургенча (Хорезм) и на Ближнем Востоке (Pentz, 1988. P. 91, fig. 2; Vezzoli, 2016. P. 225, fig. 8, 3; Ettinghausen, 1965. Fig. 1, 2).

К подтипу А.2.1.6 отнесены сосуды подцилиндрических вытянутых форм со шляпковидной головкой — 3 экз. (рис. 1, 4). Аналогии данному подтипу можно встретить среди материалов средневековой Армении (Джанполадян, 1982. Рис. 18, 42) и Средней Азии (Виноградов, 1922. Табл. 4, 39, 42; Галиева, 2001. С. 54, рис. 1, 8–10). По материалам бадраба XII — начала XIII в. с городища Афрасиаб сосуды данного типа 2 группы 1 по 3. С. Галиевой составили 80 % от общего числа находок сфероконических сосудов. Также они получили широкое распространение в Согде, Чаче и Хорезме (Галиева, 2001. С. 54).

Наиболее выразительными среднеазиатскими экземплярами являются сосуды с каплевидной формой тулова — тип А.2.IV (рис. 1, 5–9). Всего известны 32 экз., найденные в домонгольском Биляре и золотоордынских слоях Болгарского городища. Вытянутые сосуды с каплевидным туловом и сильно оттянутым основанием 3. С. Галиева отнесла к типу 3 группы 1 среднеазиатских сфероконусов и установила, что они появляются в XI — начале XII в. в Мианкальском Согде, Афрасиабе, памятниках Чуйской долины, Хорезма (Там же. С. 54). В XII–XIII вв. каплевидные по форме сосуды развиваются за счет многоступенчатого оформления верхней части и появления вертикальных ребер. В XIII–XIV вв. такие сосуды были популярны в Согде, Мерве и Хорезме, при этом нередко они были дополнительно орнаментированы (Там же. С. 54). Р. М. Джанполадян отмечала, что для сфероконусов Ходжента типичны удлиненные узкие формы сосудов (Джанполадян, 1982. С. 14). Сосуды данного типа с вертикальными валиками-ребрами и без них представлены также в поливной керамике. Например, сфероконусы каплевидной формы с бирюзовой глазурью известны в Средней Азии: в Куня-Ургенче (Нуретдинова, 2022. Т. 2, с. 57) и Миздахкане (Кдырниязов, 2017. С. 809, рис. 24).

На территории Среднего Поволжья найдены орнаментированные и неорнаментированные сфероконические сосуды каплевидной формы со ступенчатым оформлением верхней части, налепными вертикальными ребрами. Редкой находкой являются поливные сосуды каплевидной формы с вертикальными налепками-ребрами вдоль тулова, ближайšie аналогии которым найдены среди материалов Средней Азии XIII–XIV вв. (Там же. С. 809, рис. 24). К сожалению, поливные сфероконусы встречаются редко и, как правило, плохо представлены в публикациях, что затрудняет поиск аналогий для средневожских экземпляров. На сегодняшний день известно, что поливные сфероконусы представлены в материалах Средней Азии с XII в. (Лунина, 1962. С. 360; Галиева, 2001. С. 56).

Результаты естественнонаучных анализов также указывают на среднеазиатское происхождение некоторых импортных сфероконусов. Однако отсутствие эталонной базы по сфероконическим сосудам центральноазиатского региона не позволяет сделать более точную атрибуцию.

С определенной долей уверенности можно сказать, что поставки сфероконических сосудов в земли Волжской Булгарии из Средней Азии не были разовыми акциями, а прослеживаются на протяжении долгого времени, что еще раз подтверждают тесные культурные контакты регионов. Однако до сих пор стоит вопрос о том, что привозили в данных емкостях. Это могли быть как ртуть и другие легко улетучивающиеся вещества, так и благовония, лекарства и т. д. (Волков, 2004; Нуретдинова, 2022).

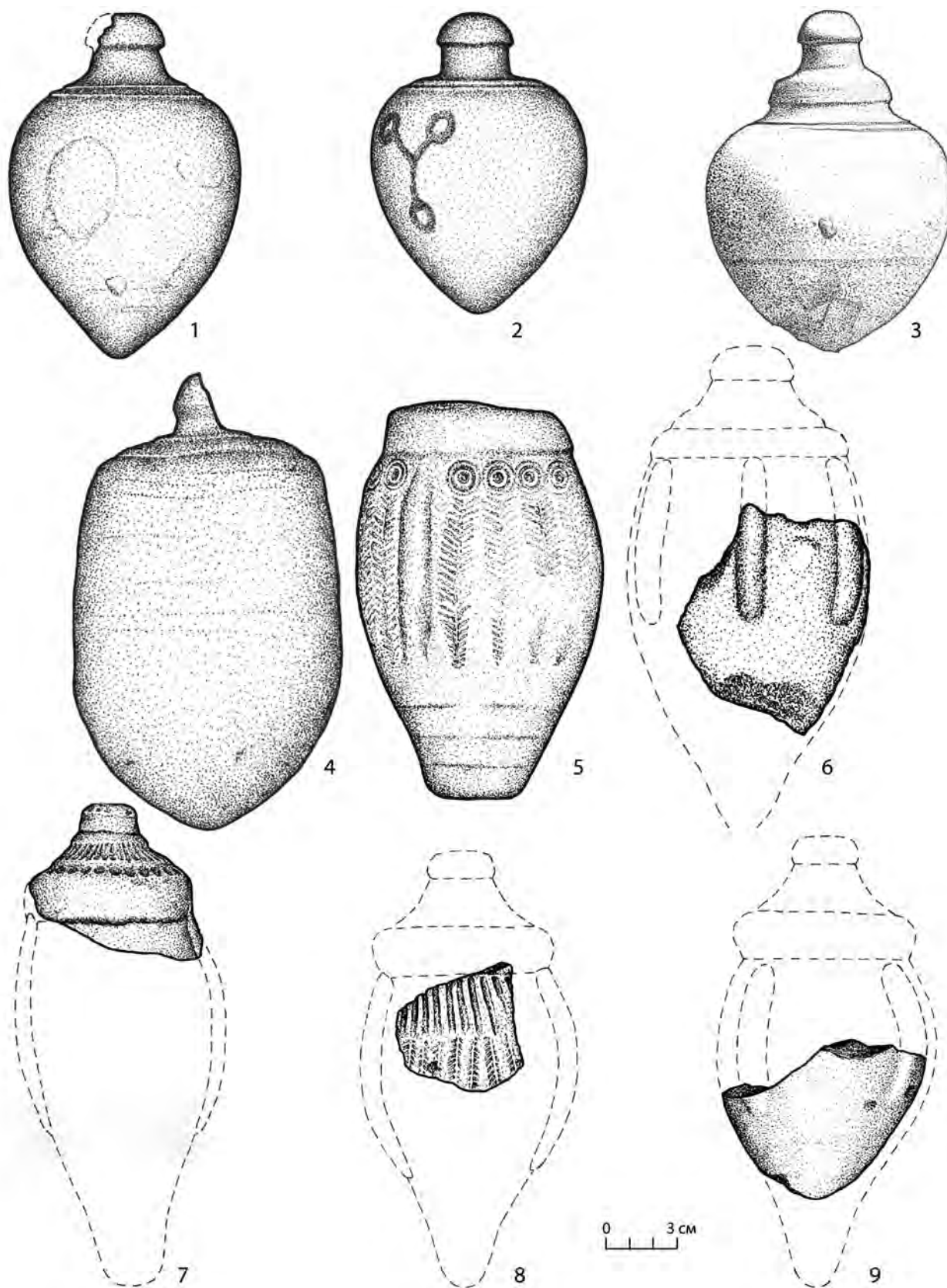

Рис. 1. Сфероконические сосуды: 1–4, 6–7 — Биляр; 5, 8–9 — Болгар
(художники А. Р. Хисамова и М. М. Медведев)

Fig. 1. Spherico-conical vessels: 1–4, 6–7 — Bilyar; 5, 8–9 — Bolghar
(drawings by A. R. Khisamova and M. M. Medvedev)

- Виноградов*, 1922 — *Виноградов З. З.* Сферо-конические сосуды с узким горловым отверстием // Казанский музейный вестник. Казань, 1922. № 2. С. 75–119.
- Волков*, 2004 — *Волков И. В.* Химическая посуда в золотоордынских городах // 125 лет ОАИЭ при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона. Ч. 1. Археологические исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2004. С. 145–149.
- Галиева*, 2001 — *Галиева З. С.* Сфероконические сосуды Средней Азии: к вопросу о типологии и хронологии // Средняя Азия. История. Археология. Культура: Материалы конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г. В. Шишкиной / Науч. ред. Т. К. Мкртычев. М.: Пересвет, 2001. С. 53–61.
- Джанполадян*, 1982 — *Джанполадян Р. М.* Сфероконические сосуды из Двина и Ани. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1982. 50 с.
- Кдырниязов*, 2017 — *Кдырниязов О.-Ш.* Поливная керамика Миздахкана // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Казань: б. и.; Кишинев: SP. Университет «Высшая антропологическая школа», 2017. С. 795–811.
- Лунина*, 1962 — *Лунина С. Б.* Гончарное производство в Мерве X — начала XIII вв. // ТЮТАКЭ. 1962. Т. 11. С. 217–218.
- Нуретдинова*, 2022 — *Нуретдинова А. Р.* Сфероконические сосуды Среднего Поволжья X — начала XV вв.: Дисс. ... канд. истор. наук. Т. 1–2. Казань: АН Республики Татарстан, 2022. 361 с.
- Ettinghausen*, 1965 — *Ettinghausen R.* The uses of sphero-conical vessels in the Muslim East // JNES. 1965. Vol. XXIV/3. P. 218–229.
- Pentz*, 1988 — *Pentz P.* A medieval workshop for producing «Greek fire» grenades // Antiquity. Gloucester, 1988. Vol. 62 (No. 234). P. 89–93.
- Vezzoli*, 2016 — *Vezzoli V.* Sphero-conical Vessels from Baalbek: A Diverse and Challenging Collection // Journal of Islamic Archaeology. Sheffield; Bristol, 2016. Vol. 3/2. P. 209–231.

Central Asian sphero-conical vessels on the territory of Volga Bulgaria and the Bulgarian ulus of the Golden Horde

Alsu R. Nuretdinova²

Annotation. *As a result of the intensive development of the urban culture of Volga Bulgaria in the territory of the Middle Volga region in the 10th century appeared sphero-conical vessels — a special type of multifunctional containers. Despite the high level of domestic pottery production, the share of imported sphero-conical vessels at pre-Mongol settlements is 80–90 %. At the same time, gray sphero-conical vessels reveal broad analogies among the archeological materials of the Central Asian region, which indicates not close cultural contacts of the regions.*

Keywords: *Volga Bulgaria, Central Asia, sphero-conical vessels, pottery, import*

² Alsu R. Nuretdinova — Archaeological Museum of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation; e-mail: alsu.nuretdinova@rambler.ru; ORCID: 0000-0003-0109-6465.

Влияние ремесла Средней Азии на стеклоделие Золотой Орды

С. И. Валиулина¹

Аннотация. Для выяснения механизмов влияния ремесла Средней Азии на стеклоделие Золотой Орды выполнено 88 анализов изделий из восточноевропейских золотоордынских и казахстанских памятников методом сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионным спектральным анализом (СЕМ-ЕДС). В рамках одного химического типа натриевого золистого стекла установлены разные источники поступления стеклянных полуфабрикатов из производственных центров Средней Азии в мастерские неполного производственного цикла Селитренного городища и Болгара.

Ключевые слова: Золотая Орда, Средняя Азия, стеклоделие, сканирующая электронная микроскопия с энергодисперсионным спектральным анализом (СЕМ-ЕДС), химический состав

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-403-406

Благодаря исследованиям 1960-х–1980-х гг. А. А. Абдуразакова, М. А. Безбородова, Ю. А. Заднепровского, Р. М. Джанполадян, М. Д. Полубояриновой, Н. Н. Бусятской и многих других авторов восточное исламское стекло Средней Азии, Золотой Орды, Закавказья и Волжской Булгарии приобрело статус чрезвычайно информативного источника, прежде всего в освещении международных связей и характеристик городской культуры. За последние десятилетия значительно расширилась география находок стеклянных изделий, возросло их количество, обогатилась методика исследования, что открывает новые перспективы в изучении стекла.

Понятие «исламское стекло», принятое в современной науке исходя из историко-географического подхода, подразумевает стеклянные изделия, изготовленные на территории мусульманских государств в VII–XV вв. Исламское стекло — посуда (столовая и химическая), лампы, оконное стекло, гирьки, шашки и др. — отмечено не только географией и хронологией производства, но и характерными признаками, сформировавшимися, в основном, к IX–XI вв.: устойчивой номенклатурой, формой изделий, приемами изготовления основы и выполнения декора, химическим составом.

Стеклоделие Средней Азии, являясь по всем названным признакам составной частью исламского стеклоделия, в то же время имеет свои особенности в химии стекла.

Представляя значительное число типов и вариантов состава исламского натриевого золистого стекла, исследователями выделены и его общие черты, одна из основных — отношение MgO/K_2O — больше или равно 1,3 %. Исключение составляют исламские растительно-золистые стекла из Средней Азии и Афганистана, в которых содержание K_2O превышает 4,5 % (Brill, Staplton, 2012. P. 439, 514–516), а концентрация оксида магния 2,1–4,5 % (Kato et al., 2010. Tabl. 3). Эта и другие особенности химического состава стекла обширного региона, обусловленные природной спецификой его сырьевой базы, являются опорными в сравнительном анализе стекла Средней Азии и Золотой Орды.

Технологическая связь ремесла городов Золотой Орды с производством Средней Азии и других покоренных территорий давно и справедливо признана в исторической науке (Бусятская, 1976; Полубояринова, 1988). Однако выяснение механизма возникновения новых мастерских и характер влияния на этот процесс ремесленных центров с глубокими технологическими традициями и высокой культурой производства остается актуальной задачей, которая без обращения

¹ Светлана Игоревна Валиулина — Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация; e-mail: svaliulina@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-2651-8110.

к химическому составу стекла с проекцией на биогеохимические сырьевые провинции изучаемых регионов решена быть не может.

С целью приблизиться к решению этой задачи была выполнена серия анализов стеклянных изделий из восточноевропейских золотоордынских и казахстанских памятников. Выборку составили следующие образцы: отходы, осколки и бусы из стеклоделательной мастерской Селитренного городища (11 экз.), украшения из стеклоделательных мастерских в районе центрального базара Болгара (27 экз.) (Валиулина, 2022), украшения и посуда из Царевского городища (11 экз.) и Маджара (7 экз.), а также образцы посуды и оконного стекла средневековых городищ в нижнем течении Сырдарьи (Кзыл-Ордынская область Казахстана) — Кышкала (Баршынкент), Кумкала, Жент, Морттык, Асанас (20 экз.) (Валиулина, Курманиязов, 2024), бусы из Тындыкского (Лаэти) городища (12 экз.). Все материалы получены в результате полевых исследований².

Исследование 88 образцов изделий выполнено методом сканирующей электронной микроскопии с энергодисперсионным спектральным анализом (СЭМ-ЭДС). Анализ выполнялся на электронном микроскопе Tescan Mira LMU с анализатором Oxford Instruments X-Max 50 в научном центре «Износостойкость» Московского энергетического института (Технического университета) на образцах, залитых эпоксидной смолой, отшлифованных и отполированных при помощи алмазной суспензии. Значения управляющих параметров микроскопа: ток пучка — 1,7 нА, ускоряющее напряжение 20 кВ, «живое» время накопления сигнала — 140 секунд. Использовалось программное обеспечение INCA Oxford Instruments. Воспроизводимость и погрешность результатов оценивалась при помощи эталонов Corning Museum of Glass (США) А, В, С, D.

Для каждого образца было получено по 5 спектров, которые набирались с нескольких областей. В таблице представлены средние величины оксидов основных стеклообразующих, а также марганца и железа. Исследованием установлено, что все проанализированные образцы выполнены из натриевого золистого стекла типа $\text{Na}_2\text{O}(\text{K}_2\text{O})\text{-CaO-SiO}_2$ (табл. 1).

№ п/п	Памятник	Na ₂ O	MgO	Al ₂ O ₃	SiO ₂	K ₂ O	CaO	MnO	Fe ₂ O ₃
1	Селитренное городище	15,79	2,23	4,45	54,95	3,81	5,81	0,09	1,21
2	Царевское городище	15,84	2,71	4,07	56,40	4,04	7,49	0,06	1,27
3	Маджар	15,78	3,55	3,33	60,62	4,47	7,49	0,07	1,03
4	Болгар	16,97	4,01	5,12	56,14	5,60	6,77	0,06	1,08
5	Города Казахстана	16,02	4,28	4,96	58,49	5,37	6,92	0,04	1,16
6	Тындыкское городище (Лаэти)	16,77	4,22	5,73	56,03	5,87	6,65	0,04	1,08

Табл. 1. Химический состав стеклянных изделий городов Золотой Орды и Средней Азии в масс %

Table 1. Chemical composition glass products of towns of the Golden Horde and Central Asia in mass %

Относительно высокие уровни содержания оксидов калия и магния указывают на то, что стекла были сварены на золе растений-галофитов аридной зоны. Эти показатели характерны для стекла Центральной Азии и Афганистана (Brill, 2001. P. 28; Brill, Stapleton, 2012. P. 432, 439). Обширный регион отличается самым высоким количеством оксида калия в исламском стеклоделии.

Все проанализированные изделия объединяют еще две общие особенности рецептуры. Первая — присутствие оксида марганца на уровне микропримеси, в концентрации менее 0,1 % (показания прибора — 0,04–0,09 %). В данном случае марганец является непреднамеренной примесью, попав в стекло в составе сырья — с золой или песком (например, в виде пиролюзита). Отсутствие марганца или присутствие на уровне микропримеси можно считать, за некоторыми

² За предоставленные для анализа материалы выражаю глубокую благодарность авторам раскопок: Д. Ю. Бадееву, Л. Л. Галкину, В. Ю. Ковалю, И. С. Курманиязову, Ю. Д. Обухову, Е. М. Пигареву.

исключениями (Хульбук, Узген), характерной чертой стекла Центральной Азии (Абдуразаков и др., 1963. Табл. 4–8).

Вторая особенность — высокий процент оксида железа: 1,03–1,27 %, также непреднамеренная примесь, попавшая в стекло с песком.

При этом единый химический тип по концентрации и соотношению оксидов щелочных элементов (натрия, калия и магния) по результатам анализа нужно разделить на две группы, отражающие разные провинции золистого сырья.

Единство химического состава стекла памятников Казахстана и Болгара (табл. 1, 4, 5, 6) и предметов из Селитренного и Царевского городищ (табл. 1, 1, 2) отражает разные источники поступления стеклянных полуфабрикатов из производственных центров Средней Азии в мастерские неполного производственного цикла (тип Б) на Царевское городище и в Болгар. Анализ показал, что Селитренная мастерская не была поставщиком стекла в Болгар, обе мастерские работали в одно время, имели разных поставщиков полуфабрикатов и свои приоритеты в номенклатуре продукции: в Болгаре — это бусы и перстни, на Селитренном городище — в основном бусы. Состав стекла Маджара (табл. 1, 3) представляет смешанный, или промежуточный вариант привозных изделий из разных мест — центров Средней Азии и золотоордынских городов Поволжья.

Таким образом, анализ подтвердил технологическое влияние среднеазиатского ремесла на стеклоделие Болгара и Селитренного городища. Это влияние, учитывая особенности высокотехнологичного производства, вероятно, должно было выражаться в прямом участии восточных мастеров в организации работы и в использовании привозного стекла — полуфабриката. Этот процесс можно было бы назвать импортом ремесла, если бы переселение не было насильственным. Но кроме прямого участия в новом производстве со стороны Средней Азии было и опосредованное влияние в виде импорта продукции широкой номенклатуры: посуды, оконного стекла, санитарно-гигиенических изделий и украшений — бус и подвесок.

Абдуразаков и др., 1963 — Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент: АН Узбекской ССР, 1963. 242 с.

Бусятская, 1976 — Бусятская Н. Н. Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья / Отв. ред. А. П. Смирнов, Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1976. С. 38–72.

Валиулина, 2022 — Валиулина С. И. Стекло ремесленного района // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.) / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История, 2022 (Материалы и исследования по археологии Болгарского историко-архитектурного комплекса. Т. IV). С. 87–127.

Валиулина, Курманиязов, 2024 — Валиулина С. И., Курманиязов И. С. Химический состав стеклянных изделий средневековых памятников низовьев Сырдарьи. 2024 (в печати).

Полубояринова, 1988 — Полубояринова М. Д. Стеклянные изделия Болгарского городища // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 151–219.

Brill, 2001 — Brill R. H. Some thoughts on the chemistry and technology of Islamic glass // Carboni S., Whitehouse D. Glass of the Sultans / With contributions by R. H. Brill and W. Gudenrath. New York: Metropolitan Museum of Art; Corning: Corning Museum of Glass; Athens: Benaki Museum; New Haven: Yale University Press, 2001. P. 25–45.

Brill, Stapleton, 2012 — Brill R. H., Stapleton R. H. Chemical analyses of early Glasses. Vol. 3: The Years 2000–2011, Reports, and Essays / With contributions by E. Bakowska et al. Corning: The Corning Museum of Glass, 2012. 727 p.

Kato et al., 2010 — Kato N., Nakai I., Shindo Y. On-site chemical analysis of raw and waste glass unearthed in al-Fustat using a portable X-ray Fluorescence Spektrometer // Artifacts of the Medieval Islamic Period excavated in al-Fustāt, Egypt / Ed. by M. Kawatoko and Y. Shindo. Tokyo: Research Center for Islamic Area Studies; Organization for Islamic Area Studies, Waseda University, 2010. P. 17–28.

The influence of Central Asian crafts on the glassmaking of the Golden Horde

Svetlana I. Valiulina³

Annotation. *To clarify the mechanisms of influence of Central Asian craft on the glassmaking of the Golden Horde, 88 analyzes of products from towns Eastern European Golden Horde and Kazakh monuments were performed using scanning electron microscopy with energy-dispersive spectral analysis (SEM-EDS). Within the framework of one chemical type of sodium ash glass, different sources of supply of glass semi-finished products from the production centers of Central Asia to the workshops of the incomplete production cycle of the Selitrennoe (Nitre) town site and Bolgar have been established.*

Keywords: *Golden Horde, Central Asia, glassmaking, scanning electron microscopy with energy-dispersive spectral analysis (SEM-EDS), chemical composition*

³ Svetlana I. Valiulina — Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation; e-mail: svaliulina@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-2651-8110.

Новые сведения о центральноазиатских нумизматических находках из пределов Татарстана

И. Е. Алексеев¹

Аннотация. В докладе приводятся сведения о выпущенных в Центральной Азии монетах XIII–XIV вв., которые были найдены в 2000–2020-е гг. в Татарстане хранятся в частных коллекциях. Незначительное количество находок таких монет на северной периферии Государства Джучидов может быть косвенным свидетельством развития торгово-экономических связей между центральноазиатским и болгарским регионами.

Ключевые слова: нумизматика, Джучиды, Чагатаиды, монетные дворы, Центральная Азия, XIII–XIV вв., Татарстан

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-407-410

Среди монет, найденных в Татарстане — бывших болгарских землях в составе Государства Джучидов (Золотой Орды), — встречаются н. п. XIII–XIV вв., отчеканенные на м. д. Центральной Азии: Алмалыка, Барчина, Отрара, Сарайчука, Сыгнака, Хорезма (Хваризма), Янгикента (Янги-кента) и др.

Обобщающие работы о находках здесь чагатаидских и джучидских эмиссий, выпущенных на центральноазиатских м. д., отсутствуют. Данные о некоторых из них содержатся в статьях современных исследователей, свидетельствующих о том, что среди таковых преобладают выпуски м. д. Хорезма, тогда как продукция других м. д. встречается крайне редко (*Лебедев, Тростьянский, 2000. С. 48*).

При этом многие н. п., оседающая в частных коллекциях, не вводятся в научный оборот. В целях сбора новых сведений о них был изучен ряд коллекций, что позволило выявить 30 монет, найденных в 2000–2020-е гг., из которых: 22 — м. д. Хорезма, по 2 — м. д. Сарайчука и Сыгнака, по 1 — м. д. Алмалыка, Барчина, Отрара и Янгикента (28 относятся к джучидским, 1 — к чагатаидским эмиссиям, 1 — спорная). Ниже приводятся описания н. п. и снимки наиболее интересных из них.

I. Алмалык

1. Анонимная. «Великие монголы» или ранние Чагатаиды. 653 г. х. (1255/56) или 656 г. х. (1258) (**рис. 1, 1**). Посеребренная медь. Л. с.: в лин. ободках в 3 строки «Пятьдесят/величайший/шесть (?)». О. с.: в лин. ободке в 3 строки «Алмалык (?) /справедливый/в году [3](?)». 1,50 г, 18×19 мм. Найдена около д. Дятлово Лаишевского р-на в 2023 г.

II. Барчин

1. Анонимная. Джучиды. 738 г. х. (ʿʿʿ) (1337/38) (**рис. 1, 2**). Медь. Л. с.: в 2 строки со смещением вниз «Чекан Барчин», под легендой — виньетка. О. с.: в 3 строки «Чеканено/в году/738». 1,01 г (кор.), 14×15 мм. Найдена около сел Б. и М. Атряси Тетюшского р-на в 2021 г. (*Алексеев, 2023. С. 205–206, 214, табл. II, 11*).

III. Отрар

1. Анонимная. Чагатаиды («посткепековский период») (*Петров, 2007. С. 137–140*). 730 г. х. (ʿʿ•) (1329/30) (**рис. 1, 3**). Серебро. Л. с.: в двойном лин. ободке в центре — тамга хана Дувы и его потомков, вокруг «Монета/города/Отрар/год 730». О. с.: в двойном (?) лин. ободке в 4 строки «Султан/величайший/да продлит Аллах/его правление». (*Петров, 2007. С. 139, 158, ОТ 30.1 А*). 0,81 г (обломана), [16]×17 мм. Район находки не установлен.

¹ Игорь Евгеньевич Алексеев — Администрация Главы (Раиса) Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация; e-mail: alekse-igor@yandex.ru; ORCID: 0009-0000-6399-3706.

Рис. 1. Монеты, выпущенные на монетных дворах Центральной Азии в XIII–XIV вв. (найлены на территории Татарстана): 1 — Алмалык; 2 — Барчин; 3 — Отрар; 4 — Сарайчук; 5 — Сыгнак; 6–14 — Хорезм; 15 — Янгикент (без масштаба)

Fig. 1. Coins issued at the mints of Central Asia in the 13th — 14th centuries (found in Tatarstan): 1 — Almalıyк; 2 — Barchin; 3 — Otrar; 4 — Saraichuk; 5 — Sygnak; 6–14 — Khorezm; 15 — Yangikent (not to scale)

IV. Сарайчук

1 (а, б). Джучиды. 763 г. х. (٧٦٣) (1361/62). Медь. Л. с.: в лин. ободке в 3 строки «Султан/Мюрид/хан». О. с.: «Чекан Сарайчук 763». 2 экз.: а) 3,18 г, 20×20 мм (рис. 1, 4); б) 2,00 г, 18×20 мм (перечекан). Район находки обоих экземпляров не установлен.

V. Сыгнак

1 (а, б). Анонимная. Джучиды. Дата не вошла (720-е–730-е гг. х.). Медь. Л. с.: в точ. ободок вписан лин. квадрат, внутри в 3 строки «Чекан/-к/Сыгна-», в сегментах: неясно. О. с.: в точ. ободок вписана лин. 5-конечная звезда, между ободком и контуром звезды — по 3 точки, в центре звезды — 6 или 7 точек. 2 экз.: а) 0,97 г, 15×16 мм (**рис. 1, 5**); б) 1,1 г (кор.), 14×16 мм. Найденны: а) около сел Б. и М. Атряси Тетюшского р-на в 2023 г.; б) около д. Дятлово Лаишевского р-на в 2018 г. (*Алексеев, 2023. С. 185, 186, 2*).

VI. Хорезм

1. Джучиды. 706 г. х. (1306/07) (**рис. 1, 6**). Л. с.: в точ. (?) ободок вписан точ. квадрат, внутри в 3 строки: «Токту/бек/справедливый», в сегментах: сверху — фрагмент легенды, слева — неясно, внизу и справа — не вошло. О. с.: в точ. (?) ободок вписана рамка из фигурных скобок, внутри в 4 строки: «Чеканено в/Хорезме/год -06/7-». 1,92 г, 17×17 мм. Район находки не установлен.

2. Анонимная. Джучиды. Дата не вошла (714–720 гг. х.) (**рис. 1, 7**). Медь. Л. с.: в тройном ободке (лин., лин. и точ.) по центру — 7 точек, между лин. ободками — круговая легенда «Султан верховный справедливый». О. с.: внутри двойного ободка (лин. и точ.) (?) дугообразная рамка с легендой внутри в 3 строки «Чеканено в/Хорезме/год [...]» (?). 1,40 г, 17×17 мм. Район находки не установлен.

3 (а, б, в, г). Джучиды. 746 г. х. (٧٤٦) (1345/46). Медь. Л. с.: в двойном ободке (лин. и точ.) в 3 строки «Султан/справедливый/Джанибек», слева и справа — виньетки. О. с.: в двойном ободке (лин. и точ.) разделенная виньеткой легенда «Чекан Хорезма/[виньетка]/в году 746». 4 экз. (с разновидностями): а) 1,58 г (истончена), 17×18 мм; б) 1,69 г (кор.), 17×18 мм; в) 2,17 г, 18×18 мм (пробита); г) 2,62 г, 18×18 мм (**рис. 1, 8**). Найденны: а), б), в) район не установлен; г) около д. Дятлово Лаишевского р-на в 2018 г. (*Там же. С. 187, 191, 3*).

4 (а, б, в, г, д, е). Джучиды. 749 г. х. (٧٤٩) (1348/49). Медь. Л. с.: в двойном ободке (лин. и точ.) 3 строки «Джани/бек/хан». О. с.: в двойной ободке (лин. и точ.) вписан лин. треугольник, внутри дата «749», в сегментах «Чеканено в Хорезме». 6 экз.: а) 1,09 г, 14×15 мм; б) 1,18 г (кор.), 13×14 мм; в) 1,45 г, 14×15 мм; г) 1,66 г, 15×16 мм; д) 1,77 г, 14×14 мм (**рис. 1, 9**); е) 1,92 г, 14×14 мм. Найденны: а), д), е) район не установлен; б) около д. Дятлово Лаишевского р-на в 2018 г. (*Там же. С. 187, 11*); в) около с. Татарские Ямалы Актанышского р-на в 2022 г.; г) около сел Б. и М. Атряси Тетюшского р-на в 2021 г.

5 (а, б). Джучиды. 744 г. х. (٧٤٤) (1343/44). Серебро. Л. с.: в точ. ободок вписан точ. квадрат, внутри в 3 строки «Султан/справедливый/Джанибек», в сегментах — виньетки. О. с.: в точ. ободок вписана рамка из фигурных скобок, внутри в 3 строки «Чеканено в/Хорезме/году 744». 2 экз.: а) 1,97 г, 16×17 мм (**рис. 1, 10**); б) 1,95 г (пробита), 17×18 мм. Район находки не установлен.

6. Джучиды. 751 г. х. (٧٥١) (1350/51) (**рис. 1, 11**). Серебро. «Хорезмийский тип». Л. с.: в двойной ободок (лин. и точ.) вписан лин. квадрат, внутри в 2 строки «Султан/Джанибек», в сегментах виньетки. О. с.: в лин. ободке в 3 строки «Монета(?)/Хорезма/751 года(?)», фрагменты легенд 1 и 2 строк заканчиваются виньетками. 1,55 г, 15×17 мм. Найдена около Чистополя в 2021 г.

7 (а, б, в, г). Джучиды. 759 г. х. (1357/58). Медь. Л. с.: в лин. ободок вписана рамка из фигурных скобок, внутри в 2 строки «Султан/Бердибек», вверху и внизу виньетки. О. с.: в лин. (?) ободок вписана 6-угольная рамка, внутри в 3 строки «Чекан/Хорезма/год 759». 4 экз.: а) 1,82 г, 15×16 мм; б) 2,34 г, 16×18 мм; в) 2,53 г, 17×17 мм (**рис. 1, 12**); г) 2,73 г, 17×17 мм. Найденны: а) в Алексеевском р-не в 2023 г.; б), в), г) район не установлен.

8. Джучиды. 760 г. х. (1358/59) (**рис. 1, 13**). Серебро. Л. с.: в точ. (?) ободок вписан точ. квадрат, внутри в 3 строки «Султан/Бердибек хан/верховный», в сегментах виньетки. О. с.: в ободок (?) вписан точ. квадрат, внутри в 3 строки «Чеканено в/Хорезме/год 760». 1,92 г, 18×18 мм. Район находки не установлен.

9 (а, б). Джучиды. Нет даты. (?) Медь. Л. с.: в точ. ободок вписана рамка из фигурных скобок с виньетками вверху, внизу, справа и слева, внутри легенда в 3 строки «Султан/Хызр/хан». О. с.: в точ. (?) ободок вписан лин. квадрат, внутри легенда в 3 строки «Чеканено в/Хорезме», в сегментах — фрагменты легенды и виньетки. 2 экз.: а) 2,16 г, 16×18 мм; б) 2,30 г, 17×17 мм (**рис. 1, 14**). Район находки не установлен.

VII. Янгикент

1. Анонимная. Джучиды. Дата спорная: предположительно 738 г. х. (1337/38) (рис. 1, 15). Медь. Л. с.: в лин. ободке в 3 строки «Чекан/Янги/кент». О. с.: легенда в 4 строки «Шестнадцать/[виньетка]/данг/380», разделенная виньеткой. 1,45 г, 16×16 мм. Район находки не установлен.

Малое количество монет, выявленных в частных коллекциях, соответствует общей картине находок в Татарстане н. п. центральноазиатского происхождения. Их проникновение сюда носило по большей части случайный характер, что косвенно свидетельствует о незначительном развитии прямых торгово-экономических связей между Центральной Азией и Средним Поволжьем в XIII–XIV вв. При этом данные нумизматики фиксируют интенсификацию связей с Хорезмом в периоды правления ханов Джанибека (1341–1357) и Бердибека (1357–1359).

Дальнейшее изучение выпущенных на м. д. Центральной Азии монет представляет значительный интерес как в историческом, так и в нумизматическом отношении.

Алексеев, 2023 — Алексеев И. Е. Джучидские (золотоордынские), русские и европейские нумизматические памятники: знаки, символы, аллегории, легенды. Вып. I. Казань: ООО «45», 2022. 297 с.

Лебедев, Тростьянский, 2000 — Лебедев В. П., Тростьянский О. В. Клад дирхемов Золотой Орды первой половины XIV в. из Татарстана // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. II. Сборник научных статей по нумизматике. Посвящается памяти Брия Ефремовича Пырсова / Гл. ред. П. Н. Петров. М.: ИПР «Информэлектро», 2000. С. 46–49.

Петров, 2007 — Петров П. Н. Каталог чагатаидских монет 668–770/1269–1369 // Приложение к канд. дисс. «Нумизматическая история Чагатаидского государства 668/1270–770/1369 гг.». Казань, 2007. 419 с.

New information about Central Asian numismatic finds from the territory of Tatarstan

Igor' E. Alekseev²

Annotation. *The paper provides information about coins of the 13th — 14th centuries issued in Central Asia, which were found in the 2000–2020s in Tatarstan (from private collections). Noting that they are rarely found on the northern periphery of the Jochid State, the author considers this to be indirect evidence of the insignificant development of direct trade and economic ties between the Central Asian and Bulgarian regions.*

Keywords: *numismatics, Jochids, Chagataids, mints, Central Asia, 13th — 14th centuries, Tatarstan*

Сокращения, использованные в докладе:

- г. х. (гг. х) — год (годы) хиджры
- кор. — корродирована
- лин. — линейный
- л. с. — лицевая сторона
- м. д. — монетный двор (монетные дворы)
- н. д. — не датирована
- н. п. — нумизматический памятник (нумизматические памятники)
- о. с. — оборотная сторона
- точ. — точечный
- экз. — экземпляр (экземпляры)

² Igor' E. Alekseev — Office of the Head (Rais) of the Republic of Tatarstan, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation; e-mail: alekse-igor@yandex.ru; ORCID: 0009-0000-6399-3706.

Волжский торговый путь как часть Великого шелкового пути

Р. М. Валеев¹, Е. Е. Воробьева², Г. М. Сайфутдинова³, А. Г. Ситдииков⁴

Аннотация. В статье делается попытка реконструкции маршрута Волжского торгового пути как части Великого шелкового пути на основе ранее изученных объектов культурного (археологического) наследия на территории Поволжья с помощью геоинформационных систем. С этой целью в работе применяются методы оцифровки и пространственного анализа для выявления зависимостей расположения торговых узлов по части пути прохождения Великого шелкового пути в домонгольский и золотоордынский периоды.

Ключевые слова: Великий шелковый путь, Волжский торговый путь, объекты археологического наследия, геоинформационные системы, пространственный анализ

DOI: 10.31600/978-5-6050962-8-3-411-414

Великий шелковый путь — это первый в истории мировой цивилизации путь, представляющий собой взаимосвязанную сеть сухопутных и водных маршрутов, связывавших древние общества Восточной, Южной, Центральной и Западной Азии, а также Средиземноморья. В 1877 г. немецкий географ Фердинанд фон Рихтгофен ввел термин «шелковый путь» для обозначения транспортных связей от Средиземноморья до Тихого океана (Ахметшин, 2002. С. 31). А определение «Великий» было добавлено в связи с самой большой протяженностью пути за всю историю человечества — более 7 тысяч километров.

Великий шелковый путь проходил через Китай, Центральную Азию; на западе — через Россию, Восточную, Северную и Западную Европу; на востоке — через Корею и Японию; на юге и юго-западе — через Индию, Средний и Ближний Восток (Валеев, 2023. С. 4). Он стал дорогой не только по доставке грузов и товаров, но и способствовал развитию многих цивилизаций, позволил обмениваться технологиями, идеями научных достижений, культурными ценностями, сильно повлиявшими на мировое развитие.

На сегодняшний день проведено и опубликовано значительное количество научных исследований и работ, изучающих историю Великого шелкового пути, как единой системы, так и отдельных составляющих этой масштабной торговой цепи.

Так, например, в 2014 г. Тим Уильямс опубликовал тематические исследования «International Council on Monuments and Sites» (ICOMOS) о Шелковом пути, направленные на разработку стратегии последовательного и транснационального включения Шелкового пути в список Всемирного наследия. Исследование охватывало территорию от побережья Восточного Средиземноморья через Западную и Центральную Азию до Чананя (Сиань) и Лояна в западно-центральной части Китая. Наряду с традиционным изучением связей между Востоком и Западом, в исследовании

¹ Рафаэль Миргасимович Валеев — Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация; e-mail: valeev_rm@inbox.ru; ORCID: 0000-0003-4239-766X.

² Елена Евгеньевна Воробьева — Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация; e-mail: veer47@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5601-1804.

³ Гузель Маратовна Сайфутдинова — Институт археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация; e-mail: saif_gm@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1111-4946.

⁴ Айрат Габитович Ситдииков — Институт археологии им. А. Х. Халикова АН Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация; e-mail: sitdikov_a@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4563-2824.

также была отмечена важность маршрутов север-юг, включая такие маршруты, как маршруты к северу от Каспийского моря и на юг через Гималаи в Пакистан, Непал и Индию (*Williams*, 2014. Р. 8).

Исследования вышли за рамки предполагаемой территории и составили общую площадь 18 000 000 км². На карту были нанесены маршруты (около 60 000 км) и тысячи объектов, включая путевые станции, форты, сторожевые башни, мосты, небольшие рыночные поселки, крупные города и религиозные комплексы, позволяющие оценить масштабность распространения Великого шелкового пути. К этому списку можно было бы добавить еще много объектов, но существуют огромные сложности с их названиями, хронологией и даже базовым географическим расположением (*Ibid.* Р. 19–21). Тем не менее, тематическому исследованию удалось заложить основу для дальнейшего сотрудничества между государствами-участниками и исследователями вдоль Шелкового пути, а также позволило исследователям, являющимся экспертами в конкретных областях или географических регионах, разработать, усовершенствовать и расширить информационную платформу.

Для получения первоначального обзора существовавшего маршрута Великого шелкового пути были использованы исследования Тима Уильямса и материалы карт, книг, журналов, которые есть в цифровом формате и свободном доступе в интернет-ресурсах. Анализируя материал, можно сказать, что большинство источников предоставляют данные в виде мелкомасштабных карт, например, специализированная карта древнего шелкового пути «Одиссея» (*ASR*, 2011), на которой показаны только отдельные участки Великого шелкового пути, в лучшем случае в масштабе 1:3 000 000. Очевидно, что в таких масштабах маршруты, как правило, недостаточно детализированы, а расположение объектов не очень конкретно. Однако существуют более подробные карты конкретных регионов, такие как исторический атлас Центральной Азии (*Bregel*, 2003), и региональные исследования: масштабный обзор караван-сараяв в Иране, проведенный Сирук (1949). Отдельные регионы подробно рассмотрены в географических справочниках, например, работа Уорика Болла «Афганистан» (*Ball*, 1982) и др. (*Williams*, 2016).

Картографический материал собран в геоинформационной системе (ArcGIS Pro) путем пространственного наложения карт-схем и оцифровки основных маршрутов Великого шелкового пути. В результате база пространственных данных была дополнена элементами, образующими сеть сухопутных и водных маршрутов торгового пути на территории евразийского континента. Полученная модель маршрутов Великого шелкового пути послужила основой для дальнейшего изучения и расширения географии других значимых путей, в том числе — проходивших по территории Поволжья. Основная цель данного исследования заключается в определении Волжского торгового пути как части Великого шелкового пути на основе фиксации и изучения археологических объектов домонгольского и золотоордынского периодов. Для этого были использованы результаты археологических исследований ученых Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, а также база пространственных данных, содержащая информацию об объектах культурного (археологического) наследия, расположенных по предполагаемой траектории Шелкового пути на территории Поволжья. Путем выборки пространственных данных в геоинформационной системе определены центры торгового пути на исследуемой территории. Выбранные центры — объекты археологического наследия домонгольского и золотоордынского этапов в период развития государств Волжской Булгарии и Золотой Орды — стали основными точками для построения маршрута. Реконструкция маршрута Волжского торгового пути была выполнена с учетом особенностей рельефа местности по топографическим картам и космоснимкам (World Hillshade World Imagery, картографический сервис ArcGIS), а также с наложением на нее объектов археологического наследия. Карта ориентирована по оси север-юг и охватывает территорию от Астрахани до Казани, общая протяженность составила 1 230 км.

По результатам моделирования маршрута Волжского торгового пути можно наблюдать концентрацию объектов археологического наследия в районе Нижнего Поволжья и Волго-Камья (**рис. 1**). При реконструкции древнего пути на участках, где археологическая информация отсутствует, построение пути возможно либо по рельефу, либо по существующим современным дорогам. По данному проекту существует необходимость дальнейшего проведения археологических исследований

и детального изучения отдельных участков территории Поволжья с учетом исторических карт, генеральных планов и атласов более крупных масштабов и рассмотрения других методов пространственного анализа.

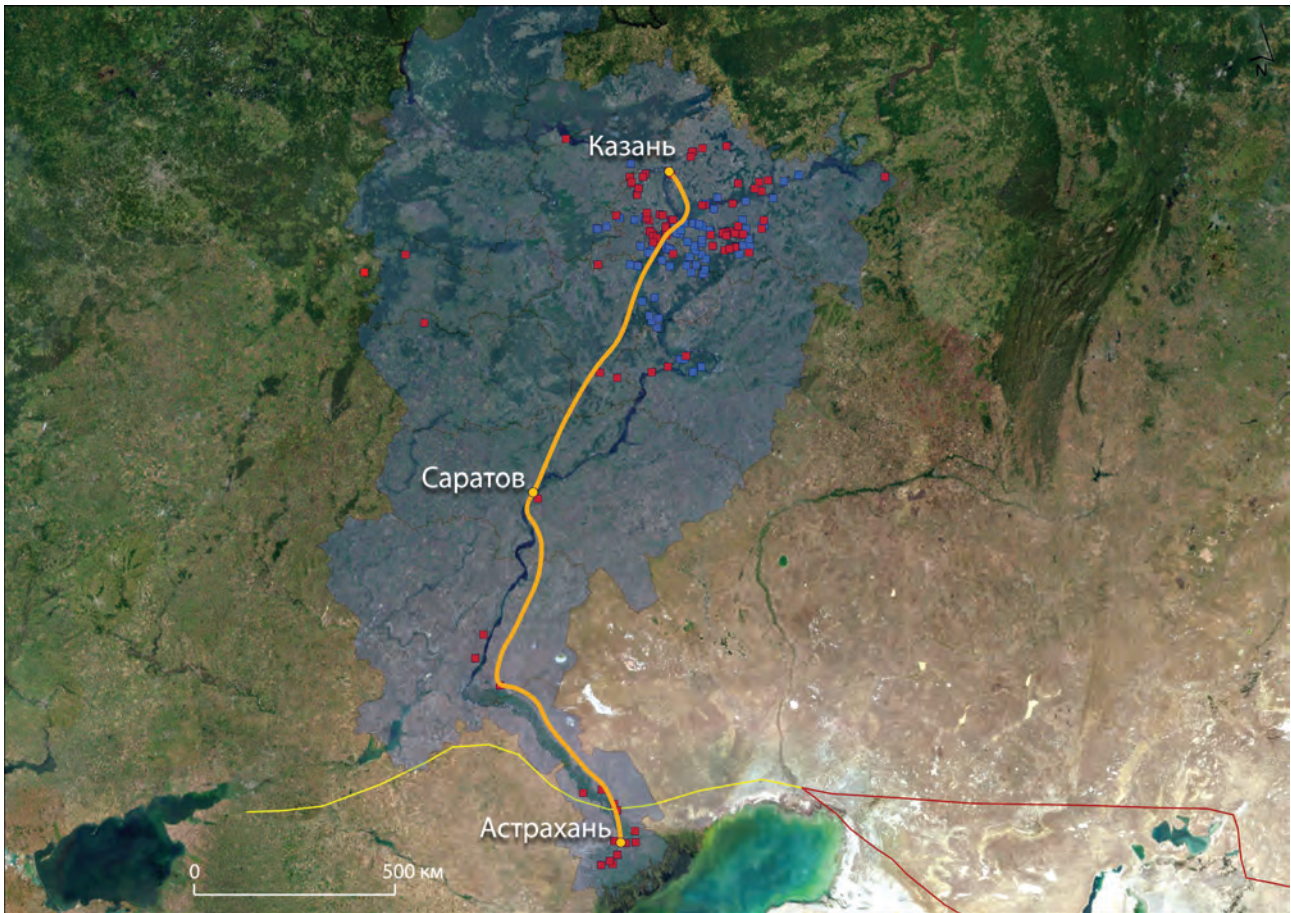

Рис. 1. Реконструкция маршрута Волжского торгового пути с указанием объектов археологического наследия: домонгольский (синим цветом) и золотоордынский периоды (красным цветом)

Fig. 1. Reconstruction of the Volga Trade Route with the indication of archaeological heritage sites: pre-Mongol (in blue) and Golden Horde periods (in red)

Ахметшин, 2002 — *Ахметшин Н. Х.* Тайны Шелкового пути. М.: Вече, 2002. 365 с.

Валеев, 2023 — *Валеев Р. М.* Tartaria на Великом шелковом пути. Самарканд: МИЦАИ, 2023. 258 с.

ASR, 2011 — *The Ancient Silk Road (Map)*. 2nd ed. Hong Kong: Odyssey Books and Guides, 2011.

Ball, 1982 — *Ball W.* Archaeological gazetteer of Afghanistan (Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan). Paris: Éd. Recherche sur les Civilisations, 1982 (Synthèse. N° 8). 559 p.

Bregel, 2003 — *Bregel Y.* An Historical Atlas of Central Asia. Leiden: Brill, 2003. 109 p.

Williams, 2014 — *Williams T.* Silk Roads: An ICOMOS Thematic Study. Charenton-le-Pont: ICOMOS. 152 p. [Электронный ресурс. URL: http://www.icomos.org/images/mediatheque/ICOMOS_WHThematic-Study_SilkRoads_final_iv_201406.pdf (дата обращения: 07.05.2024)].

Williams, 2016 — *Williams T.* ICOMOS Thematic Study and the Eastern Silk Roads // Discovery. [Электронный ресурс. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1503702/1/Williams%202016%20ICOMOS%20thematic%20study%20and%20the%20Eastern%20Silk%20Roads.pdf> (дата обращения: 07.05.2024)].

The Volga Trade Route as part of the Silk Road

Rafael M. Valeev⁵, Elena E. Vorob'yova⁶, Guzel' M. Saifutdinova⁷,
Airat G. Sitdikov⁸

Annotation. *The paper attempts to reconstruct the route of the Volga Trade Route as part of the Silk Road on the basis of previously studied objects of cultural (archaeological) heritage in the Volga region using geoinformation systems. To this end, the work uses methods of digitization and spatial analysis to identify the dependencies of the location of trade hubs along the route of the Silk Road in the pre-Mongol and Golden Horde periods.*

Keywords: *Silk Road, Volga Trade Route, archaeological heritage sites, geoinformation systems, spatial analysis*

⁵ Rafael M. Valeev — Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation; e-mail: valeev_rm@inbox.ru; ORCID: 0000-0003-4239-766X.

⁶ Elena E. Vorob'yova — Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation; e-mail: valeev_rm@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-5601-1804.

⁷ Guzel' M. Saifutdinova — A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation; e-mail: saif_gm@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1111-4946.

⁸ Airat G. Sitdikov — A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation; e-mail: sitdikov_a@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4563-2824.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ — Археологические вести. СПб.
- АИ — Археологические изыскания. СПб.
- АИАЗ — Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
- АИК — Академия исследования культуры. СПб.
- АИУ — Археологические исследования в Узбекистане. Ташкент; Самарканд.
- АлтГУ — Алтайский государственный университет. Барнаул.
- АМА — Античный мир и археология. Саратов.
- АН — Академия наук.
- АН СССР — Академия наук СССР. М.
- АО — Археологические открытия. М.
- АРТ — Археологические работы в Таджикистане. Сталинабад/Душанбе; М.
- АрхСССР — Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. М.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
- АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
- б. и. — без (указания) издательства.
- БИ — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
- БМАК — Бактрийско-Маргианский археологический комплекс/культура.
- ВВАЭ — Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
- ВАН АН КазССР — Вестник АН Казахской ССР. Алма-Ата.
- ВВолГУ — Вестник Волгоградского государственного университета. Волгоград.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ВКЦ — Взаимодействие культур и цивилизаций. В честь юбилея В. М. Массона / Отв. ред. Ю. Е. Березкин. СПб.: ИИМК РАН, 2000 (Российско-туркменские культурные связи и взаимодействия. Вып. 1).
- ВМИЦАИ — Вестник МИЦАИ. Самарканд.
- ВНГУ — Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск.
- ВРГНФ — Вестник РГНФ. М.
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры. Л.
- ГАНИИЯЛ — Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Горно-Алтайск.
- ГРВЛ — Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы. М.
- ДА — Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск.
- ДВО — Дальневосточное отделение.
- ДСК — Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ): Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д. и. н. А. М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д. и. н. И. Н. Хлопина (10–12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. В. П. Никонов, Л. Б. Кирчо, Е. О. Стоянов. СПб.: ИИМК РАН, 2020.
- ЖДП — Живопись древнего Пянджикента / Отв. ред. А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб.

- ЗИИМК — Записки ИИМК РАН. СПб.
- ИА — Институт археологии АН СССР/РАН. М.
- ИАК — Императорская Археологическая комиссия. СПб.
- ИАлтГУ — Известия АлтГУ. Барнаул.
- ИАН КиргССР — Известия АН Киргизской ССР. Фрунзе.
- ИАН ТуркмССР — Известия АН Туркменской ССР. Ашхабад.
- ИАТ — История и археология Турана. Самарканд.
- ИАЭТ — Институт археологии и этнографии СО РАН. Новосибирск.
- ИБМАИКЦА — Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
- ИВ РАН — Институт востоковедения РАН. М.
- ИГЭ — Издательство Государственного Эрмитажа. СПб.
- ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры АН СССР. Л.; М.
- ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН. СПб.
- ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент; Самарканд.
- ИООН АН ТаджССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад / Душанбе.
- ИФВЛ — Издательская фирма «Восточная литература» РАН. М.
- ИЦМКТУ — Издательский центр Международного Казахско-Турецкого университета им. Х. А. Ясави. Туркестан.
- ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.
- КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция. Бишкек.
- КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения ИИМК АН СССР. М.; Л.
- КЦ — Культурные ценности. Международный ежегодник. СПб.
- Л. — Ленинград.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. Л.
- ЛО — Ленинградское отделение.
- ЛОИА — Ленинградское отделение ИА АН СССР. Л.
- ЛОИИМК — Ленинградское отделение ИИМК АН СССР. Л.
- М. — Москва.
- МАР — Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической комиссией. СПб./Пг.
- МБА — Мир Большого Алтая. Усть-Каменогорск.
- МВ — Московские ведомости. М.
- МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИЦАИ — Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд.
- МКТ — Материальная культура Туркменистана. Ашхабад.
- МПАЭ — Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. СПб.
- МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции. М.
- НА ИИМК РАН — Научный архив ИИМК РАН. СПб.
- НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
- НАН — Национальная Академия наук.
- НАНТ — Национальная Академия наук Таджикистана. Душанбе.
- НГУ — Новосибирский государственный университет. Новосибирск.

- НОСА — Научное обозрение Саяно-Алтая. Абакан.
НРЕ — Народы и религии Евразии. Барнаул.
НС — Новая серия.
ОАК — Отчет Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ОН — Общественные науки.
ОНУ — Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
ПАрх — Поволжская археология. Казань.
Пг. — Петроград.
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск.
Природа — Природа: Ежемесячный популярный естественнонаучный журнал АН СССР. М.
ПТ — Памятники Туркменистана. Ашхабад.
РА — Российская археология. М.
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры. Пг./Л.
РАН — Российская Академия наук. М.
РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд. М.
РО — Рукописный отдел.
РЦАА-4 — Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV: Иудаизм и христианство /
Науч. ред.: Б. Аманбаева, Ф. Асадов, К. Байпаков, Р. Назаров, Ш. Пидаев. Самарканд: МИЦАИ,
2018.
СА — Советская археология. М.
САГУ — Среднеазиатский государственный университет. Ташкент.
САИ — Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СЖДП — Скульптура и живопись древнего Пянджикента / Отв. ред. А. М. Беленицкий
и Б. Б. Пиотровский. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
СИКНАК — Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского Края. Барнаул.
СНВ — Страны и народы Востока. М.
СО — Сибирское отделение. Новосибирск.
СОН — Серия общественных наук.
СПб. — Санкт-Петербург.
СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.
ССР — Советская Социалистическая Республика.
СССР — Союз Советских Социалистических Республик.
СУАР — Синьцзян-Уйгурский автономный район Китайской Народной Республики.
СЭ — Советская этнография. М.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТД — Тезисы докладов.
ТИВ — Труды Института востоковедения АН СССР. М.; Л.
ТИИ АН ТаджССР — Труды Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Душанбе.
ТИИА АН УзССР — Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР. Ташкент.
ТИИАЭ АН КазССР — Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова
АН Казахской ССР. Алма-Ата.
ТИИАЭ АН ТуркмССР — Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской
ССР. Ашхабад.
ТИИМК — Труды ИИМК РАН. СПб.
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.

- ТМАЭ — Труды Маргианской археологической экспедиции. М.; СПб.
- ТПАИ — Теория и практика археологических исследований. Барнаул.
- ТСАИПИ — Труды Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово.
- ТСТАЭ-1 — Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Таджикского филиала АН СССР и Государственного Эрмитажа. Т. I: 1946–1947 гг. / Под ред. А. Ю. Якубовского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 (МИА. № 15).
- ТТАЭ-3 — Труды Таджикской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР, Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа. Т. III: 1951–1953 гг. / Отв. ред. А. М. Беленицкий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958 (МИА. № 66).
- ТХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
- ТЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; М.; Л.
- УАВ — Уфимский археологический вестник. Уфа.
- УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
- ХВ — Христианский Восток: Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. СПб.
- ЦААТ — Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года) / Отв. ред. В. П. Никоноров. СПб.: ИИМК РАН, 2005.
- ЭВ — Эпиграфика Востока. М.; Л.
- ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция. Ашхабад.
- ААСАИ — *After Alexander: Central Asia before Islam* / Ed. by J. Cribb and G. Herrmann. Oxford: Oxford University Press, 2007 (Proceedings of the British Academy. Vol. 133).
- ААntASH — *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. Budapest.
- АССS — *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Leiden.
- АИТ — *Archäologie in Iran und Turan*. Berlin.
- АЖА — *American Journal of Archaeology*. Boston; etc.
- АМИТ — *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Berlin.
- АММD — *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95. Text and Figures* / Ed. by A. Gubaev, G. Koshelenko and M. Tosi. Roma: Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, 1998 (Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche in Asia. Reports and Memoirs. Ser. Minor. Vol. III).
- Anabasis — *Anabasis: Studia Classica et Orientalia*. Rzeszów.
- AS USSR — *The Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics*. Moscow.
- ASU — *The Academy of Sciences of Uzbekistan*. Tashkent.
- BAI — *Bulletin of the Asia Institute*. Bloomfield Hills.
- BAR/B.A.R. — *British Archaeological Reports*. Oxford.
- BARIS — *British Archaeological Reports. International Series*. Oxford.
- BGA — *Bibliotheca geographorum arabicorum* / Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum.
- CAJ — *Central Asiatic Journal*. Wiesbaden.
- CHIr-3 (1) — *The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods* / Ed. by E. Yarshater. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1983.
- CII — *Corpus inscriptionum Iranicarum*. London.
- CIW — *Carnegie Institution of Washington*. Washington.
- EIr — *Encyclopædia Iranica* / Ed. by E. Yarshater. Vol. I–. London; etc., 1985– (online edition: New York, 1996–).

- EW — East and West. Rome.
- GMS — «E. J. W. Gibb Memorial» Series. London.
- HAnAE-1 — Handbook of Ancient Afro-Eurasian Economies. Vol. 1 / Ed. by S. von Reden. Berlin: De Gruyter, 2019.
- HAnAE-3 — Handbook of Ancient Afro-Eurasian Economies. Vol. 3 / Ed. by S. von Reden. Berlin: De Gruyter, 2023.
- IA — Iranica Antiqua. Leiden; Gent; Leuven.
- IARPotHP — International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period. Würzburg.
- ILG — In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian archaeology in antiquity / Ed. by A. Invernizzi. Firenze: Casa Editrice le Lettere, 1995 (Monografie di Mesopotamia. V).
- Iran — Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies. London.
- JA — Journal Asiatique. Paris.
- JHS — Journal of Hellenic Studies. London.
- JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
- JRMES — Journal of Roman Military Equipment Studies. Newcastle upon Tyne; St Andrews.
- LSJ — A Greek-English Lexicon / Compiled by H. G. Liddell, R. Scott and H. S. Jones. 5th Ed. Oxford: Oxford University Press, 1861.
- MDAFA — Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris; etc.
- MDAFI — Mémoires de la Délégation Archéologique en Iran. Paris.
- Miras — Miras: Научно-популярный журнал. Ашхабад.
- NAST — The National Academy of Sciences of Tajikistan. Dushanbe.
- NS — New Series.
- ÖAW — Österreichische Akademie der Wissenschaften. Wien.
- OHANE-5 — The Oxford History of the Ancient Near East. Vol. V: The Age of Persia / Ed. by K. Radner, N. Moeller and D. Potts. Oxford: Oxford University Press, 2023.
- Paléorient — Paléorient: Revue pluridisciplinaire de préhistoire et proto-histoire de l'Asie du Sud-Ouest. Paris.
- Parthica — Parthica: Incontri di culture nel mondo antico. Pisa; Roma.
- PRSB — Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. London.
- RAS — The Russian Academy of Sciences. Moscow.
- RdA — Rivista di Archeologia. Venezia.
- ROR — Res Orientales. Bures-sur-Yvette.
- SAOC — Studies in Ancient Oriental Civilization. Chicago.
- SB RAS — The Siberian Branch of RAS. Novosibirsk.
- SLSA — Schweizerisch-Liechtensteinische Stiftung für archäologische Forschungen im Ausland. Zürich; Vaduz.
- SP — Stratum Plus. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест.
- StIr — Studia Iranica. Paris.
- Topoi — Topoi: Orient — Occident. Lyon.
- XUAR — The Xinjiang Uygur Autonomous Region of the People's Republic of China.

Научное издание

Культуры и цивилизации Центральной Азии от неолита до средневековья

*Материалы международной научной конференции,
посвященной 120-летию А. М. Беленицкого, 95-летию В. М. Массона
и 100-летию Ю. А. Заднепровского
(Санкт-Петербург, 5–8 ноября 2024 г.)*

Ответственные редакторы
В. П. Никоноров и Е. О. Стоянов

Верстка *Е. М. Денисова*
Дизайн обложки и обработка иллюстраций *С. В. Лебединский*
Корректор *О. П. Панайотти*

Подписано в печать 21.10.2024. Формат 60×90^{1/8}
Бумага офсетная. Печать офсетная. 52,5 усл.-печ. л.
Тираж 300 экз. Заказ № 1063

Отпечатано в типографии «Поликона» (ИП А. М. Коновалов)
192029, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 134

Замеченные опечатки

Страница	Напечатано	Следует читать
107, прим. 1	<p>Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01720, https://rscf.ru/project/23-28-01720/. Раскопки в Туркменистане проводятся на основании соглашения о сотрудничестве между Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Министерством культуры Туркменистана.</p> <p>Кроме того, часть работы подготовлена О. В. Сычевой и А. В. Фрибусом в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).</p>	<p>Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01720, https://rscf.ru/project/23-28-01720/. Раскопки в Туркменистане проводятся на основании соглашения о сотрудничестве между Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН и Министерством культуры Туркменистана.</p>
107, прим. 4	<p>Владимир Владимирович Куфтерин — Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: vladimirkufterin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7171-8998.</p>	<p>Владимир Владимирович Куфтерин — Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: vladimirkufterin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7171-8998.</p>
110, прим. 8	<p>Vladimir V. Kufterin — N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russian Federation; e-mail: vladimirkufterin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7171-8998.</p>	<p>Vladimir V. Kufterin — Institute for the History of Material Culture of RAS, St. Petersburg, Russian Federation; N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russian Federation; e-mail: vladimirkufterin@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7171-8998.</p>

CULTURES AND CIVILIZATIONS OF CENTRAL ASIA FROM THE NEOLITHIC TO THE MIDDLE AGES

**Proceedings of an international conference dedicated to the 120th
anniversary of Aleksandr M. Belenitskii, 95th anniversary
of Vadim M. Masson and 100th anniversary of Yurii A. Zadneprovskii**

St. Petersburg, November 5–8, 2024

These collected proceedings include the most recent studies by researchers from Russia and near and far abroad countries on the archaeology, history and culture of the ancient and medieval peoples of Central Asia and adjacent territories. A special place (Part 1) is occupied by publications on the scientific heritage of the remarkable personalities whose jubilees are celebrated

ISBN 978-5-6050962-8-3

9 785605 096283